
ДОБРОТОЛЮБИЕ
ТОМ
ПЯТЫЙ

Святитель Макарий Коринфский

Добротолюбие. Том V

Серия «Добротолюбие. В 5 томах», книга 5

Текст предоставлен правообладателемhttp://www.litres.ru
Добротолюбие: дополненное. В 5 тт. / В русском переводе святителя Феофана, Затворника Вышенского. Том V.: Сибирская Благозвонница; Москва; 2010
ISBN 978-5-91362-313-3

Аннотация

Сборник аскетических творений отцов IV–XV вв., составленный святителем Макарием, митрополитом Коринфским (1731–1805) и отредактированный преподобным Никодимом Святогорцем (1749–1809), впервые был издан на греческом языке в 1782 г.

Греческое слово «Добротолюбие» («Филокалия») означает: любовь к прекрасному, возвышенному, доброму, любовь к красоте, красотолюбие. Красота имеется в виду духовная, которой приобщается христианин в результате следования наставлениям отцов-подвижников, собранным в этом сборнике. Полностью название сборника звучало как «Добротолюбие священных трезвомудрцев, собранное из святых и богоносных отцов наших, в котором, через деятельную и созерцательную нравственную философию, ум очищается, просвещается и совершенствуется».

На славянский язык греческое «Добротолюбие» было переведено преподобным Паисием Величковским, а позднее большую работу по переводу сборника на разговорный русский язык осуществил святитель Феофан Затворник (в миру Георгий Васильевич Говоров, 1815–1894).

Настоящее издание осуществлено по изданию 1905 г. «иждивением Русского на Афоне Пантелеимонова монастыря».

В пятый том «Добротолюбия» вошли переводы творений святых отцов: Симеона, Нового Богослова, Симеона Благоговейного, прп. Никиты Стифата, Феолипта, митрополита Филадельфийского, Григория Синаита, Никифора Уединенника, Григория Паламы, архиепископа Солунского, Каллиста Патриарха и Игнатия Ксанфопулы, Симеона, архиепископа Солунского. В приложении помещены Жития святых: Никодима Святогорца и Макария Коринфского.

По благословению митрополита Ташкентского и Среднеазиатского Владимира

Содержание

Святой Симеон, новый богослов 5
Святой Симеон, новый богослов краткое сведение о нем 5
Преподобного Симеона, Нового Богослова деятельные и богословские главы 6
Старец Симеон Благоговейный 32
Подвижническое слово старца Симеона Благоговейного 32
Преподобный Никита Стифат 42
Краткое сведение о преподобном Никите Стифате 42
Никиты преподобного монаха и пресвитера святейшей обители студийской 43
Преподобный Никита Стифат 57
Преподобный Никита Стифат 73
Феолипт, митрополит Филадельфийский 82
Краткое сведение о Феолипте, митрополите Филадельфийском 82
Феолипта, митрополита Филадельфийского 83
Того же Феолипта митрополита 90
Святой Григорий Синаит 92
Краткое сведение о святом Григории Синаите 92
Святого Григория Синаита 93
Святого Григория Синаита 111
Его же 117
Никифор Уединенник 122
Краткое о нем сведение 122
Никифора Уединенника 123
Святой Григорий Палама, архиепископ Солунский 130
Краткое сведение о св. Григории, архиепископе Солунском 130
Святого отца нашего Григория Паламы, архиепископа Солунского, 131
Святого отца нашего Григория Паламы, архиепископа Солунского, 145
Его же 149
Его же 154
Каллист патриарх и сподвижник его Игнатий, Ксанфопулы 156
Краткое сведение о них 156
Иноков Каллиста и Игнатия Ксанфопулов 157
Блаженного Каллиста Патриарха главы о молитве[25] 220
Господина Каллиста Тиликуды[27]о безмолвнической жизни 222
О внимании и молитве 225
Блаженнейший Симеон, архиепископ Солунский 227
Блаженнейшего Симеона, архиепископа Солунского, 227
«Истолкование молитвы – Господи помилуй!» 231
Симеона Нового Богослова 233
О трех образах внимания и молитвы. 2) о первом образе. 3) о втором. 4) о третьем[31] 238
2) О первом образе внимания и молитвы 238
3) О втором образе внимания и молитвы 239

4) О третьем образе внимания и молитвы 239
Из жития преподобного отца нашего Максима Капсокаливита. 243
Об умной благодатной молитве 243
Из жития святого Григория Паламы, архиепископа солунского, чудотворца 245
О том, что всем вообще христианам надлежит непрестанно молиться 245
Приложение 248
Святой Никодим Святогорец 249
Житие св. Никодима 264
Святой Макарий Коринфский 273
Житие святого Макария Коринфского 277

Святитель Макарий Коринфский Добротолюбие. Том V

Святой Симеон, новый богослов

Святой Симеон, новый богослов краткое сведение о нем

Святой Симеон, родом из Пафлагонии, воспитывался в Константинополе у дяди, одного из придворных. По окончании учения был немного при дворе, но скоро все оставил и вступил в обитель Студийскую, где был старец его, Симеон Благоговейный, руководивший его еще со времени образования его. Слишком строгая жизнь его возбудила среди братства против него неудовольствие, и он с совета старца перешел в обитель св. Маманта, где по смерти настоятеля избран в игумены и посвящен в пресвитера Патриархом Николаем Хрисовергом. Благоустроив обитель сию, св. Симеон убезмолвился, поставив вместо себя достойного преемника, испытанного Арсения. – Но не до конца пришлось ему наслаждаться покоем безмолвия. Поднялась против него буря за то, что он установил праздник в честь усопшего старца своего Симеона Благоговейника, и выбросила его из Константинополя. Там недалеко облюбил он место, где стояла ветхая церковь св. Марины. Владелец сего места, чтитель его, один из вельмож, Христофор Фагура, уступил ему всю ту местность и помог устроить там обитель. Устроив все, и здесь св. Симеон опять убезмолвился и после тридцатилетнего покоя в безмолвии почил в начале XI века. Св. мощи его явились в 1050 году. Память его 12 марта – день кончины его. – Никодим Агиорит, поместив его в своем Синаксарнике под сим числом, замечает под чертою, что память его перенесена на 12 октября, – и что им составлена ему служба.

Св. Симеон оставил много писаний. Во время управления обителями он обычно говорил поучения в церкви и на покоях обоих писал послания и наставления, общехристианские и подвижнические. Послания более в виде кратких статеек или глав.

Ученик его Никита Стифат, составитель жития его, собирал его писания и переписывал набело еще при жизни святого.

В печати, в особой книге, имеются на новогреческом 92 слова его, аскетические главы его и старца его и на еллинском 55 молитв, писаных стихами. Слова и главы переведены на русский и изданы и находятся на руках Афонских старцев.

Греческое Добротолюбие взяло из писаний св. Симеона аскетические его главы, включив в среду их и старца его главы, а некоторые из его глав опустив, и в конце своем прибавило два слова – из общего собрания.

Берем и мы себе аскетические главы и св. Симеона Богослова, и старца его, особо каждые, как они находятся не в греческом Добротолюбии перемешанно, а в особой книге. Берем и два слова, помещая их не после глав, а там же, где они стоят в греческом Добротолюбии, к концу всего сборника.

Преподобного Симеона, Нового Богослова деятельные и богословские главы

1) Вера есть (быть готову) умереть Христа ради за заповедь Его, в убеждении, что такая смерть приносит жизнь, – нищету вменять в богатство, худость и ничтожество в истинную славу и знаменитость, и в то время как ничто не имеется, быть уверену, что всем обладаешь, – особенно же (она есть) стяжание неисследимого богатства познания Христа и взирание на все видимое как на прах или дым.

2) Вера во Христа есть не только, чтоб небречь о приятностях жизни, но и то, чтоб терпеливо и благодушно переносить всякое находящее искушение, в печалях, скорбях и неприятных случайностях, пока возблаговолит Бог призреть на нас, – подражая Давиду, который говорит: *терпя потерпехГоспода и внят ми* (Пс. 39, 1). (То есть, терпя скорби, я уповал, что Господь поможет мне; почему и Господь, видя, что я не колеблясь чаю помощи от Него, призрел на меня и явил мне милость Свою).

3) Предпочитающие в чем-либо родителей своих Заповеди Божией не имеют веры во Христа. Конечно, и собственная совесть их обличает их в таком неверии, если только совесть жива в них. Ибо истинно верующих отличительный знак есть ни в чем никогда не преступать заповеди великого Бога и Спаса нашего Иисуса Христа.

4) Вера во Христа, Истинного Бога, рождает желание вечных благ и страх мучений; желание же сих благ и страх мук приводят к строгому исполнению заповедей, а строгое исполнение заповедей научает людей глубокому сознанию своей немощности; это сознание истинной немощности нашей рождает память о смерти; кто же возымел сию память сожительницею себе, тот приболезненно взыщет узнать, каково будет ему по исходе и удалении из сей жизни; а кто тщательно старается узнать о будущем, тому прежде всего надлежит лишить себя настоящего (т. е. благ и вещей мира сего). Ибо обладаемый пристрастием к чему-либо из сего последнего, даже самому ничтожному, не может стяжать совершенного познания о том первом. Даже когда бы, по смотрению Божию, вкусил он сколько-нибудь такого познания, то – если тотчас не оставит того, к чему одержим пристрастием, и не предастся всецело стяжанию сего единого познания, не позволяя себе даже думать о чем-либо другом кроме него, – взято будет от него и это познание, какое мнится он имети.

5) Отречение от мира и совершенное из него удаление, – если восприимем при сем и совершенное отрешение от всех житейских вещей, нравов, воззрений и лиц, с отвержением тела и воли своей, в короткое время великую принесет пользу тому, кто с таким жаром ревности отрекся от мира.

6) Имея в намерении удалиться из мира, смотри не вдавай души своей в плотские утешения, в начале, пока еще живешь и вращаешься в мире, хотя бы все сродники и друзья понуждали тебя к тому. Это им демоны внушают, чтобы погасить теплоту сердца твоего, – через что, если и не воспрепятствуют они исполнению твоего намерения, то всячески охладят и ослабят его.

7) Когда ты мужественно будешь отказываться от всех удовольствий житейских и держать себя чуждым всякого утешения, тогда демоны, возбудив сострадание в родных, заставят их плакать и рыдать о тебе перед лицом твоим. Что это истинно так есть, сие познаешь из того, что, когда ты останешься непоколебим и при этом искушении, то тотчас увидишь, как родные твои возгорятся яростью и ненавистью против тебя. Отвратятся от тебя как от врага и смотреть на тебя хотеть не будут.

8) Видя скорбь о себе родителей, братьев и друзей, посмевайся демону, разнообразно сим против тебя вооружающемуся; но поспеши и удалиться со страхом, прилежною докучая Богу молитвою сподобить тебя поскорее достигнуть в пристанище доброго Отца, в коем Сей

упокоил бы душу твою, утружденную и обремененную, ибо житейское море представляет много бедственного и крайне пагубного.

9) Желающий возненавидеть мир из глубины души должен возлюбить Бога и память о Нем стяжать непрестанную, ибо ничто другое, как сие, не побуждает с радостью оставить все и отвращаться от того, как от уметов.

10) Ни по благословным, ни по бессловесным причинам не оставайся долго в мире; но как только позван будешь, спеши послушаться. Ибо ничему другому не радуется так Бог, как нашей скорости (в исполнении воли Его), так как лучше скорое послушание с бедностью, нежели медлительность со множеством имений.

11) Если мир и что в мире преходит все, а Бог нетленен и бессмертен; то радуйтесь все, которые ради Него оставили тленное. Тленно же не только богатство и деньги, но и всякое удовольствие и наслаждение греховное есть тля. Одни Заповеди Божии свет суть и жизнь, – и так всеми именуются.

12) Если, брате, пламенем ревности о спасении объятый, бегом притек ты в киновию или к духовному отцу, то, когда будет предлагать тебе он или сподвизающиеся тебе братия бани, или брашна, или другие какие утешения в упокоение плоти, не соглашайся на то. Но всегда будь готов (желай, ищи, стремись) к пощению, к злостраданию (произвольным лишениям), к крайнему воздержанию. Если отец твой о Господе повелит тебе дать некое утешение телу, послушай его, отсекая и в этом собственную волю свою; а если нет, то с радостью исполняй терпеливо, что делать произвольно восхотел ты (т. е. всячески воздерживаться от всего). Соблюдая сие, будешь всегда во всем как постящийся и воздерживающийся и своей воли по всему отрекшийся. И не это только, но и сущий в сердце твоем пламень, все презирать тебя принуждающий, сохранишь ты неугасимым.

13) Когда демоны, сделав все с своей стороны, не успеют расстроить наше по Богу намерение или воспрепятствовать исполнению его, тогда привходят они в притворяющихся благочестивыми (братий) и посредством их покушаются воспрепятствовать начавшим уже подвизаться, в добрых подвигах их. И во-первых, будто любовью и состраданием движимые, советуют им не чуждаться телесных утешений, чтоб и тело, говорят, не изнемогло, и самим не впасть в уныние. Потом, вызывая их на бесполезные беседы, целые дни попусту проводить в них заставляют. Затем, если кто из ревностных послушает их советов и станет подобен им, то они начинают смеяться над тем, будто радуясь его погибели; если же не послушает их слов, но сохранит себя чуждым всего, себе внимающим и бездерзновенным (скромным и робким перед всеми), то подвигаются на зависть и вооружаются против него, употребляя все способы, чтоб изгнать его даже из монастыря: ибо для бесчестного тщеславия несносно видеть, как у него перед глазами хвалят истинное смирение.

14) Томится болезненно тщеславный, видя, как смиренный, проливая слезы, и Бога ими умилостивляет, и людей подвигает к новой похвале.

15) После того, как предашь ты всего себя духовному отцу своему, знай, что ты чужд всему, что принес совне, – вещи ли какие, или деньги. Почему ничего не делай с ними без его воли и ничего не проси себе у него из того: ни малого, ни большого; разве только сам он, по собственному произволению, или тебе велит взять что, или собственноручно даст тебе то.

16) Без воли отца твоего по Богу не загадывай давать милостыню из принесенных тобою денег; но и через посредника какого не домогайся взять у него что-либо из них. Ибо лучше быть и именоваться нищим и странным, нежели расточать и раздавать деньги, когда ты еще новоначальный. Все предать в волю духовного отца своего, как в руку Божию, есть дело совершенной веры.

17) Даже глотка воды проглотить не проси, хотя бы случилось тебе быть палиму жаждою, пока духовный отец твой, сам в себе подвигнут будучи, не велит тебе это сделать. Утесняй себя и нудь во всем, уговаривая себя такими словами: если хочет Бог и достоин

будешь напиться, то Он откроет всеконечно отцу твоему сказать тебе: «напейся». И тогда напьешься с чистою совестью, хотя бы это было и не вовремя.

18) Некто, опытом познавший духовную пользу и неотложную стяжавший веру, предлагая Бога свидетелем истины, сказал: я положил в себе такой помысл, чтоб никогда не просить у отца моего ни есть ни пить и вообще ничего другого не принимать, пока Бог не внушит ему приказать мне это. И действуя так, я никогда, говорит, не был тщетен в надежде моей.

19) Действенную стяжавший веру к отцу своему по Богу, видя его, мнит видеть Самого Христа, и бывая с ним или последуя ему, верует несомненно со Христом быть и Ему последовать. Таковой никогда не пожелает беседовать с кем-либо другим и не предпочтет что-либо из мирских вещей памяти и любви Его. Ибо что лучше или что полезнее в настоящей и в будущей жизни того, чтоб быть со Христом? Что прекраснее или сладче созерцания Его? Если же и беседы от Него сподобляется кто, то конечно почерпает из нее Жизнь Вечную.

20) Благорасположенно любящий тех, которые его поносят и обижают и причиняют ему ущерб, и молящийся о них в короткое время достигает великого преуспеяния. Ибо когда так бывает в чувстве сердца, тогда это благонастроенного сим образом вводит в бездну смирения и изводит из него источники слез, в которых погружается вся троечастность души (т. е. разумная, желательная и раздражительная ее силы), – возводит ум на небо бесстрастия и делает его созерцательным, – вкушением же тамошних благ располагает вменять в уметы все блага настоящей жизни и самую пищу и питие принимать не в сладостях и не так часто.

21) Не от дел только злых должно подвижнику удаляться, но надобно стараться быть свободным и от помыслов, и от мыслей противных (Заповедям и воле Божией), – и всегда быть заняту в себе душеспасительными и духовными воспоминаниями, пребывая беспопечительным о вещах житейских.

22) Как тот, кто обнажил все тело свое, если оставит при сем глаза свои закрытыми каким-либо покровом и не захочет взять сей покров и сбросить, не может от одного этого обнажения прочего тела видеть свет: так и тот, кто оставил все свои вещи и деньги, избавился и от самых страстей сих, если не освободит при сем и ока души своей от воспоминаний житейских и помышлений худых, никогда не увидит умного Света, Господа нашего Иисуса Христа и Бога.

23) Что покров, на глаза наложенный, то помыслы мирские и воспоминания житейские для ума, или ока души. До тех пор, пока попустим им быть, ничего не увидим; когда же изгоним их памятью о смерти, тогда узрим свет истинный, просвещающий всякого человека, грядущего в мир.

24) Кто слеп от рождения, тот не может знать силу пишемого, ни верить тому; но если он когда-либо сподобится прозреть, то станет свидетельствовать, что пишемое и читаемое истинно.

25) Видящий чувственными очами знает, когда бывает день и когда ночь, а слепой не знает ни того ни другого. И духовно прозревший и зрящий умными очами, если после того, как повидит истинный и незаходимый свет, по нерадению и беспечности опять возвратится к прежнему ослеплению и лишится света, то, находясь в благочувствии, добре чувствует лишение сего света и того, от чего случилось с ним такое лишение, не неведает, но пребывающий от рождения слепым (духовно) ничего такого не знает ни по опыту, ни по действу, – разве слухом что услышит и узнает о том, чего никогда не видал, и станет рассказывать о том другим, хотя ни он, ни слышащие ничего верно не знают о тех вещах, о коих разговаривают.

26) Невозможно и плоть наполнять досыта брашнами, и духовно наслаждаться умными и божественными благами. Ибо в какой мере кто работает чреву, в такой лишает себя вкушения духовных благ; напротив, в какой мере кто станет утончать тело свое, соразмерно с тем будет насыщаем пищею и утешением духовными.

27) Оставим все земное, – не богатство только и золото и другие вещи житейские, но и самое похотение к ним совершенно изгоним из душ наших. Возненавидим не только удовольствия тела, но и бессловесные движения его, и постараемся умертвить его трудами и подвигами; ибо через него возбуждаются похоти и приводятся в дело. И пока оно живо, по всей необходимости душа наша бывает мертвою, – труднодвижною. Или и совсем неподвижною на всякую Заповедь Божию.

28) Как пламень огня всегда поднимается вверх, особенно когда станешь ворочать вещество, в котором возгорелся и горит огонь; так и сердце тщеславного не может смириться. Но как только скажешь ему что-либо для его пользы, он более и более воздымается; если его обличают и вразумляют, он противоречит сильно; если хвалят и привечают, он напыщается зле.

29) Человек, научившийся противоречить, сам для себя есть обоюдоострый меч: он убивает душу свою, не сознавая того, и делает ее чуждою Жизни Вечной.

30) Противоречивый подобен тому, кто произвольно предается противникам царя своего, врагам. Противоречие есть удочка, имеющая затравою правдословие (защиту правды, себяоправдание), которым будучи прельщаемы, проглатываем мы удочку (крючок удильный) греха. Так обыкновенно похищается такая бедная душа за язык и гортань духами злобы. И то воздымается горе, то погружается в хаотическую бездну греха и осуждается вместе с ниспадшими с неба.

31) Кто, будучи бесчестим или досаждаем, сильно болит от этого сердцем, о том ведомо да будет из сего, что он носит древнего змия в недрах своих, если он станет молча переносить наносимое ему или противоотвечать с великим смирением, то сделает своего змия немощным и расслабленным (и совсем убьет). А если будет противоречить с горечью и говорить с дерзостью, то станет придавать силы змию – изливать яд в сердце свое и немилосердно пожирать внутренности свои: так что змий тот, будучи таким образом каждодневно усиливаем, поглотит наконец самое намерение бедной души его исправить себя и держать исправною в добрых порядках жизни; и силу к тому отымет. И станет таковой после сего жить греху и совсем мертвым быть правде.

32) Если захочешь отречься от мира и научиться евангельскому житию, то отдай себя не неопытному и не нечуждому страстей учителю, чтоб вместо евангельского диавольскому не научиться житию. Ибо у добрых учителей и уроки бывают добрые, а у худых – худые; от худых же семян и произрастения бывают всегда худые.

33) Молитвами и слезами умоли Бога послать тебе руководителя бесстрастного и святого. Исследуй и сам Божественные Писания, и особенно деятельные писания свв. отцов, чтоб, с ними сличая то, чему учат тебя учитель и настоятель, мог ты, как в зеркале, видеть, насколько они согласны между собою, – и затем согласное с писаниями усвоять и удерживать в мысли, а несогласное – рассудив добре – отлагать, чтоб не прельститься. Ибо знай, что во дни сии много явилось прелестников и лжеучителей.

34) Всякий не видящий (слепой духовно), если берется руководить других, есть прелестник, и последующих ему ввергает в ров пагубы, по слову Господа: *слепец слепца аще водит, оба в яму впадут* (Мф. 15, 14).

35) Слепой в отношении к Одному (Богу), слеп и весь, в отношении ко всему; и видящий в Едином (Боге) в видении есть всего; между тем он и отстоит от видения всего, и бывает в видении всего, и есть вне всего видимого. Будучи так в Едином, видит он все, и во всем будучи, не видит ничего из всего, видя во Едином, через Него видит и себя, и всё и всех; будучи сокрыт в Нем, ничего из всего не видит.

36) Кто во внутреннем своем умном или духовном человеке не облекся во образ Господа нашего Иисуса Христа, Небесного Человека и Бога, с чувством и сознанием, тот кровь только есть и плоть. И не может посредством слова только воспринять чувство духовной

славы, подобно тому, как и слепые от рождения не могут познать, что такое есть свет солнца, из слов только о нем.

37) Кто слышит так и видит, и чувствует, тот знает силу того, что говорится, как уже облекшийся во образ небесного и пришедший *в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова* (Еф. 4, 13). Будучи таковым, может он добре руководить на пути Заповедей Божиих и стадо Христово. А кто не знает этого и не таков есть, в том, очевидно, чувства души не просвещены и не здравы. И ему гораздо лучше быть руководиму, нежели руководить с опасностью для других и себя.

38) Напряженно внимающий своему учителю и руководителю, как Богу, противоречить не может. Кто думает и говорит, что имеет то и другое (т. е. что он и внимает отцу своему, как Богу, и противоречит), тот да ведает, что находится в заблуждении: ибо не знает, какое расположение к Богу имеют люди Божии.

39) Кто верует, что в руке пастыря его находится его жизнь и смерть, тот никогда не воспротиворечит. Неведение же сего рождает прекословие, причиняющее духовную и вечную смерть.

40) Пока не состоится решение над подсудимым, ему дается слово самооправдания говорить судье о том, что наделал; по раскрытии же дел его и произнесении над ним решения судии, он уже ни мало, ни много не противоречит тем, кои наказывают его (во исполнение приговора).

41) Прежде чем вступит монах в это судилище (покаяния – монастырь) и откроет лежащее на сердце его, может быть, можно ему говорить что против, одно по неведению, другое по замышлению скрыть иные свои дела. По открытии же и искренней исповеди своих помыслов уже нельзя ему никогда противоречить своему по Богу судье и владыке, даже до смерти. Ибо монах, вступивший в сие судилище и вначале обнаживший сокровенности сердца своего с самых начатков жизни здесь, носит, если имеет здравый смысл, убеждение, что он достоин бесчисленных смертей, но верует, что через свое послушание и смирение избавится от всякого мучения и наказания, если, конечно, истинно знает силу таинства сего.

42) Кто неизгладимо сохраняет сие в уме своем, тот никогда не подвигнется сердцем на недолжное, когда его учат, вразумляют и обличают. Ибо впадающий при сем в пагубный грех прекословия и неверия духовному отцу своему и учителю, еще живой бедственно низводится во глубину ада и становится жилищем сатаны и всего его нечистого воинства, как непокоривый сын погибели.

43) Умоляю тебя, взявшего на себя иго послушания, часто обращать сие в мысли своей и со всяким старанием подвизаться, чтоб не попасть, как сказано, в ад на муки вечные; но всякий день так молиться тепло Богу и говорить: Боже и Господи всяческих, имеющий власть над всяким дыханием и всякою душою, Един могущий уврачевать меня, услыши моление мое. И во мне бедном гнездящегося змия, наитием Всесвятого Духа Твоего, умертвив, истреби. Научи и настрой меня, нищего и обнаженного от всякой добродетели, припадать к стопам отца моего, и его святую душу расположи к состраданию и милостивости ко мне. Даруй, Господи, смирение в сердце мое и помыслы, подобающие грешнику, положившему каяться Тебе. Не остави вконец душу, единожды сочетавшую Тебе, Тебя исповедавшую, Тебя вместо всего мира избравшую и всему предпочетшую. Ты ведаешь, Господи, что я желаю спастися, хотя злой обычай мой полагает тому препятствие. Но Тебе, Владыко, возможно все, невозможное для людей.

44) Те, которые во дворе благочестия со страхом и трепетом положили доброе основание веры и надежды и ноги свои незыблемо утвердили на камне послушания духовным отцам, слушая заповедуемое ими, как из уст Божиих, и на сем основании послушания без колебаний в смирении души устрояя исполнение того, – скоро преуспевают. И исправляется в них великое и первое дело, состоящее в том, чтобы отвергнуть себя самих. Ибо исполне-

ние чужой, а не своей воли не только самоотвержение душевное укореняет, но и умертвие всему миру производит.

45) Тому, кто прекословит отцу своему, сорадуются демоны; тому же кто до смерти смиряется перед ним, удивляются Ангелы. Ибо таковой дело Божие совершает, уподобляясь Сыну Божию, Который исполнил послушание Отцу Своему даже до смерти, смерти же крестной.

46) Безмерное и безвременное сокрушение сердца о чем-либо чувственном омрачает и возмущает ум. Оно изгоняет из души чистую молитву и умиление, а всаждает в нее болезненное томление сердечное. Отсюда жесткость и томление безмерное; а через это демоны обыкновенно отчаяние наводят на взявшихся жить духовно.

47) Когда случится с тобою таковое, монаше, ты же между тем находишь в душе своей ревность и великое желание совершенства, так что сильно стремишься исполнить всякую Заповедь Божию, не погрешить даже в праздном слове и нисколько не отстать от древних святых ни в деянии, ни в ведении, ни в созерцании, но видишь, что тебе препятствует в этом враг, всевая плевелы малодушия и не попуская тебе воспарить на такую высоту святости тем, что наводит расслабление через возметание помыслов страшливых такими внушениями: невозможно тебе спастись среди мира и неопустительно исполнять все Заповеди Божии; тогда ты, седши в угол, сожмись и собери помыслы свои, – и дай благой совет душе своей, сказав ей: *вскую прискорбна еси, душе моя? И вскую смущаеши мя? Уповай на Бога, яко исповемся Ему. Спасение лица моего* не дела мои, а *Бог мой* есть (Пс. 41, 6). Кто оправдится от дел закона? И царепророк говорит: *не оправдится пред Тобою всяк живый* (Пс. 142, 2). Но верою, какую имею в Бога моего, надеюсь спасенным быть по неизреченному благоутробию Его даром. Ступай прочь с глаз моих, сатана! Господу Богу моему поклоняюся и от юности моей служу Ему, могущему спасти меня по единой милости Своей. Отступи же от меня. Бог, создавший меня по образу и подобию Своему, да сокрушит тебя.

48) Бог от нас человеков не требует ничего другого, кроме одного: чтоб мы не грешили. Но это не есть исполнение закона, а только ненарушимое хранение образа и горнего достоинства, в коих стоя по естеству и нося светло-осиянную одежду Духа, мы пребываем в Боге и Он в нас, бываем по благодати богами и сынами Божиими и знаменуемся светом познания Бога (по слову: *знаменася на нас свет лица Твоего, Господи* (Пс. 4, 7)).

49) Расслабление и тягота телесная, прибывающие в душу от лености и нерадения, отбивают от обычного правила и производят омрачение ума и малодушие. Отсюда почасту появляться начинают помыслы страхования и хулы, и искушаемый демоном расслабления и уныния нередко от робости не может войти в обычное место молитвы и предается лености, а нередко испытывает нападки неуместных помышлений о Творце всяческих. Итак, зная причину, откуда это тебе нашло, поспеши войти в обычное место молитвы твоей и падши перед человеколюбивым Богом, молись со стенаниями сердечными, в сокрушении и слезах, испрашивая избавления от тяготы расслабления и уныния и от помыслов злых. И вскоре дано будет тебе освобождение от них, если будешь толкать (в дверь милосердия Божия) притрудно и неотступно.

50) Кто стяжал чистое сердце, тот победил страхование. А кто еще очищает его, тот иногда побеждает его, а иногда бывает побежден им. Кто же совсем не подвизается (о своей высоте), тот *или* всеконечно ниспал в состояние нечувствия и, как друг страстей и бесов, при тщеславии болезнуя еще и самомнением, *мнит себе быти что, ничтоже сый* (Гал. 5, 3), – *или* есть раб, преданный в руки страхования, и как младенчествующий умом, трепещет и боится страха там, где для боящихся Бога нет страха, ни страхования.

51) Боящийся Бога не боится устремления против него бесов, ни их немощных нападений, равно как угроз злых людей; но будучи весь как пламень некий и огонь палящий, когда даже проходит по скрытным и неосвещенным местам, обращает в бегство демонов,

которые больше, чем он от них, бегут от него, чтоб не быть опаленными от исходящего от него пламеневидного луча божественного огня.

52) Кто проникнут страхом Божиим, тот не боится обращаться среди злых людей. Имея внутрь себя страх Божий и нося непобедимое оружие веры, он силен бывает на все и может делать даже то, что многим кажется трудным и невозможным. Он ходит среди них, как гигант среди обезьянок, или лев рыкающий среди псов и лисиц, уповая на Господа, твердостью мудрования своего изумляет их, ужасает смыслы их, поражая их словом премудрости, как жезлом железным.

53) Не только безмолвник или послушник, но и игумен, настоятель над многими, – и он, все устрояя, должен быть беспечален, т. е. свободен от печальной заботы о житейских потребностях. Ибо если печемся, то оказываемся преступниками Заповеди Божией, которая говорит: *не пецытеся душею вашею, что ясте, или что пиете, или во что облечетеся, всех бо сихязыцы ищут* (Мф. 6, 32). – И еще: *зрите, да не когда отягчают сердца ваша объядением и пианством, и печальми житейскими.* (Лк. 21, 34).

54) У кого помысл занят попечением о житейских вещах, тот не свободен: ибо попечение о них держит его в своих руках и делает рабом своим, для себя ли он заботится о них, или для других. Свободный же от сего ни для себя, ни для других не печется о житейском, будь он епископ, или дьякон, или игумен. Но и праздным он никогда не бывает и ни о чем, даже самом последнем и ничтожном, никакого небрежения не оказывает; а богоугодно все делая и устрояя, о всем беспечален пребывает, – и это на всю жизнь.

55) Смотри не разори своего дома, желая построить дом ближнего. Трудное это дело и неудобь исполнимое; почему поопасись, как бы не случилось, что, взявшись за это, ты свой дом разорить разоришь, но и того дом построить отнюдь не сможешь.

56) Если не стяжал ты совершенного беспристрастия к житейским вещам и деньгам; то не желай, чтоб тебе поручена была экономия (смотрение за этими вещами и распоряжение ими по обители); чтобы не быть пленену ими и вместо воздаяния за труд служения обители не подпасть осуждению за воровство и святотатство. Если же будешь принужден настоятелем взять сие дело: то веди его так, как бы ты обращался с палящим огнем. Расстраивай и самый первый прилог помысла (о чуждоприсвоении) исповедью и покаянием, и молитвою настоятеля сохранен будешь невредим.

57) Не сделавшийся бесстрастным не знает даже, что есть бесстрастие, и не верит, чтоб был кто-либо такой на земле. Ибо тому, кто сам не отвергся прежде себя и крови своей усердно не истощил за эту, воистину блаженную, жизнь, – как подумать, что другой кто сделал это, чтоб стяжать бесстрастие? Таким же образом и тот, кто мнится иметь Духа Святого, ничего не имея, когда слышит, что действия Духа Святого явно познаваемы бывают в тех, кои имеют Его, никак тому не верит, равно как и тому, что есть кто-либо и в настоящем роде равный апостолам Христовым и всем от века святым, подобно им движимый и воздействуемый Божественным Духом, или в видении Его бывающий с сознанием того и чувством. Ибо всякий по собственному своему состоянию судит о том, что касается ближних, – по тому, т. е. каков сам, по добродетели ли сказать, или по грехам.

58) Иное есть бесстрастие души и иное бесстрастие тела. То (душевное) и тело освящает своим собственным сиянием и свето-излиянием Духа; а это одно само по себе ни на что не полезно для того, кто стяжал его.

59) Как тот, кто из последней бедности обогащен царем и возведен в светлый сан, облечен им в блестящее одеяние и определен стоять перед лицом его, – и самого царя с вожделением видит и как благодетеля чрезмерно любит, и на одеяние, в кое облечен, весело смотрит, и сан свой сознает, и данное ему богатство знает: так и монах, который, истинно оставив мир и все мирское, приступил ко Христу и, влеком будучи добрыми чувствами, восшел на высоту духовного созерцания через исполнение заповедей, – и Самого Бога непрелестно созерцает,

и совершившееся в нем изменение ясно видит. Ибо всегда видит осиявающую его благодать Св. Духа, именуемую и одеянием, и царскою багряницею, – чем наипаче для верующих есть Сам Христос Господь, так как верующие в Него облекаются в Него.

60) Многие сами читают Божественные Писания, другие слушают читающих оные; но не многие бывают в силах правильно уразуметь значение и смысл читаемого. Иные полагают, что читаемое в Писаниях Божественных невозможно; иные, почитая прямой смысл пишемого неудобоприемлемым, берутся истолковывать то по-своему и истолковывают зле. Что сказано о настоящем времени, о том судят, что оно будет иметь место в будущем; а что сказано о будущем, то понимают как сбывшееся уже или сбывающееся каждый день. Таким образом, у них нет правильного суждения и истинного распознания отличий в вещах божественных и человеческих.

61) На всех верных должны мы смотреть как на одного и думать, что в каждом из них прибывает Христос, и такое любовное иметь к нему расположение, чтоб быть готовыми положить за него души свои. Отнюдь не должно нам говорить или думать, что кто-либо зол, но всех видеть добрыми, как сказано. Хотя увидишь кого-либо боримым страстями, не брата, а страсти ненавидь, борющие его. А когда увидишь такого, над которым тиранствуют похоти и недобрые привычки, имей к нему еще большее сострадание, чтоб иначе и самому не быть искушену подобно ему, – как изменчивому и состоящему под влиянием изменчивого вещества.

62) Если кто фальшив от лицемерия, или по делам виновен, или немного уязвлен какою-либо страстью, или несколько неисправен в каком-либо отношении по нерадению: то такой не приемлется в число исправных во всем. Но как непотребный и неискусный на доброе, отметается, чтобы он не произвел разрыва в союзе, которому должно пребывать неразрывным, и разделения между теми, которые должны пребывать нераздельными, тех и других ввергнув в печаль, – так как те, кои впереди (преуспевают), станут болезненно печалиться о тех, кои позади их, а сии о разлучении с теми, кои упредили их.

> *Примечание.* Перевод делается по тексту греческого Добротолюбия. Место темно. Новогреческий перевод делает ему такой перифраз, со *чтобы:* «чтоб не сделал он того, что связь цепи расторгнется, когда ее натянут, т. е. чтоб не причинил он расторжения единения братий в то время, когда они вдадутся в большие подвиги добродетелей, не произвел разделения между братиями, которые должны пребывать нераздельными, и не стал причиною печали для обеих частей, так как те, которые идут впереди, т. е. преуспевают в добродетели, станут печалиться о тех, кои оказались позади, а оставшиеся назади станут печалиться о разлучении с первыми».

63) Как тот, кто на пламень разжженной печи набрасывает земли, угашает оный, так и житейские попечения и всякий вид пристрастия к чему-либо, даже последнему и ничтожному, истребляет возжегшуюся вначале теплоту сердца.

64) [1] Кто с радостью и совершенным чувством отрекся от всего внешнего, от вещей, разумею, и людей, и забыл все сие, преходя, как стену, всякое пристрастие к тому (оставляя позади себя): тот чужд мира и всего, что в мире, и, в собранности держа ум свой, в одном поучается всегда – в памяти и помышлении о смерти. Почему и печется всегда о том, что касается суда и воздаяния, весь пленен бывает сим и, как узами, окован, внедряя неизреченный страх в сердце свое такими помыслами и углублением в них.

[1] Сего пункта нет в греч. и слав. Добротолюбии.

65) [2] Кто вселит во глубине сердца своего страх суда, тот является на зрелище мира, как некий осужденник, закованный в цепи. Почему пребывает объят страхом, как бы был схвачен палачом немилостивым и влеком на место казни, не думая ни о чем другом, кроме страданий и терзаний, какие имеет претерпеть от мук в вечном огне. Это чувство мук хранится неизгладимо в сердце его страхом, породившим его, и (вместе с ним) не дает ему заботиться о чем-либо человеческом; так как он всегда находится в таком состоянии, как бы был повешен на крест и чувствовал во всей силе болезни и страдания крестной смерти, – что и не попускает ему ни внимать лицу чьему-либо, ни думать о чести или бесчестии человеческих. От всей души почитая себя достойным всякого презрения и бесчестия, и внимания не обращает он на поношения и унижения, какие ему делают.

66) [3] Всяким яством и питием и украшением гнушается чреватый страхом смерти; и в удовольствие ни хлеба не ест, ни воды не пьет, доставляя телу только потребное, сколько нужно для поддержки жизни; всякой воли своей отвергается и бывает рассудительным рабом, исполняя все, что ни приказывают ему.

67) Предавший себя в рабы свои по Богу отцам не станет ради страха мук избирать из повелеваемого то, что облегчало бы болезнь сердца его и разрешало узы страха, и тех не послушает, которые дружески, или льстительно, или повелительно поощряли бы его к тому. Но паче предпочтет то, что возращало бы сию болезнь. Возжелает того, что крепче стягивало бы сии узы, и возлюбит то, что делало бы более сильным палача. В таких расположениях пребудет он навсегда, не питая надежды когда-либо совсем освободиться от заслуженных крайностей; ибо надежда избавления делает болезнь сердца легчайшею, что не полезно теперь кающемуся.

68) Всякому, начавшему жить по Богу, полезен страх мук и порождаемая им болезнь сердца. Кто же без такого болезнования и без таких уз страха желает положить начало доброй жизни, тот не на песке только полагает основание своих деяний, но мечтает построить дом на воздухе без основания, что конечно невозможно. Между тем болезнование то скоро порождает всякую радость, узы сии разрывают узы всех грехов и страстей. И плач сей не смерти, а Вечной жизни бывает виновником.

69) Кто не станет уклоняться и бегать сердечного болезнования, порождаемого страхом вечного мучения, но будет последовать ему произволением сердца (следовать с ним по доброму пути или последовать решениями произволения с сочувствием сердца тому, что внушает оно со страхом) и по мере успеха все более и более стягивать себя узами его, – тот поспешнее будет шествовать. Оно представит его и перед лице Царя царствующих. И когда сие будет, тогда, – лишь только воззрит он, еще не так ясно, на славу Его, тотчас разрешатся узы его, страх – палач – далеко отбежит от него, и сердечное болезнование его преложится в радость, которая сделается в нем живым ключом или бьющим источником, источающим всегда чувственно реки слез, а духовно тишину, кротость и неизреченное услаждение, но при этом – и мужество с готовностью свободно и невозбранно тещи ко всякому исполнению Заповедей Божиих. Что для новоначальных еще невозможно, а свойственно восшедшему к середине преуспеяния; для тех же, кои подходят к совершенству, источник сей бывает светом при внезапном изменении и преложении сердца.ы

70) Имеющий в себе свет Всесвятого Духа, не в силах бывая стерпеть зрение Его, падает на землю ниц, взывает и вопиет в ужасе и страхе великом, как увидевший и испытавший нечто такое, что выше естества, выше слова и разума. И бывает он подобен человеку, у которого от чего-нибудь возгорелись внутренности огнем, от которого жегомый и жжения пламени не могши терпеть, становится он весь измученным и совсем не имеющим силу быть

[2] Сего пункта нет в греч. и слав. Добротолюбии.

[3] В Доброт. гр. и сл. 64; 67-й здешний, там 65… и т. д.

в себе. Но будучи непрестанно орошаем слезами и ими прохлаждаем, еще сильнее воспламеняется он огнем желания божественного, а от этого слезы еще обильнее у него текут, и он, будучи омываем излиянием их, еще блистательнее сияет. Когда же весь разжегшись, станет он, как свет, тогда исполняется на нем сказанное (Богословом): «Бог с богами соединяем и ими познаваем» (так Бог соединяется с обожаемыми от Него и Его познающими), и притом в такой, может быть, степени (исполняется сие на нем), в какой соединился он уже с Сочетавшимся с ним и в какой оказался познавшим Его.

71) Прежде плача и слез, – никто да не прельщает нас пустыми словами, и сами себя да не прельщаем, – нет в нас покаяния, ни истинного намерения перемениться, ни страха Божия в сердцах наших; ни сознали мы себя еще виновными и не осудили, и душа наша не была еще в чувстве будущего суда и вечных мук. Ибо если б мы осудили себя, если б возымели такие движения сердца, если б были в таких чувствах, то тотчас извели бы и слезы. Без этого же ни жестокосердие наше никак не может умягчится, ни душа наша стяжать духовное смирение, ни мы ни в силах сделаться смиренными. А кто не таков, тот не может соединиться с Духом Святым; не соединившийся же с Ним через очищение себя от всего страстного, созерцания Бога и Боговедения сподобиться не может, и недостоин сокровенно научаемым быть добродетелям смирения.

72) [4] Сначала от плача по Богу бывает смирение; от него приходят потом радость и веселье неизреченные; окрест же смирения по Богу вырастает надежда спасения. Ибо чем кто грешнейшим всех людей считает себя от всей души, тем более вместе с смирением разрастается в нем надежда, цветет внутрь сердца его и исполняет его удостоверением, что он несомненно имеет быть спасен посредством смирения.

73) Чем более кто нисходит в глубину смирения и осуждает себя самого как недостойного спасения, тем более плачет и изводит источники слез; по мере слез и плача источается в сердце его духовная радость, а вместе с нею соисточается и совозрастает надежда и дает вернейшее удостоверение во спасении.

74) Всякому надлежит рассматривать себя и внимать себе разумно, чтоб ни на надежду одну не полагаться без плача по Богу и смирения, ни опять на смирение и слезы не полагаться без споследования им надежды и радости духовной.

75) Есть мнимое смирение, происходящее от нерадения и лености и от сильного осуждения совести. Возымевшие его нередко почитают его виною спасения, но оно не есть таково воистине, потому что не имеет радостотворного плача, который бы соединен был с ним.

76) Бывает и плач без духовного смирения, и те, которые плачут таким образом, думают, что такой плач очищает грехи; но они тщетно обманывают себя, потому что лишены бывают сладости Духа, таинственно порождающейся в мысленном сокровище – хранилище души, и не вкушают благости Господа. Почему таковые скоро воспламеняются гневом и не могут совершенно презреть мира и то, что в мире. А кто не презрит сего совершенно и не стяжет ненависти к нему от всей души, тот никогда не возможет стяжать твердую и несомненную надежду спасения, но всегда влается сомнением туда и сюда, так как не основал надежды своей на камне.

77) Плач двоякое имеет действие: и, как вода, погашает слезами весь пламень страстей и омывает душу от скверны, причиняемой ей ими; и опять, как огонь, присутствием Святого Духа животворит, согревает, воспламеняет сердце и возбуждает в нем любовь и вожделение к Богу.

78) Внимай себе и познай действия, происшедшие в тебе от смирения и плача, и замечай, какую пользу приносят они тебе каждый час. В новоначальных же и такая еще бывает от

[4] Сего нет в греч. Добротолюбии и следующих до 78.

них польза, – отвержение всякой земной заботы и пристрастия и отречение от всех людей, – родителей, родных и друзей, – беспопечение и презрение всех вещей, – денег и всего, не только до последней нитки, но даже и до самого тела своего.

79) [5] Притворяющихся добродетельными и иными являющихся по внешнему виду, иными же бывающих по внутреннему человеку, – исполненных иной раз всякой неправды, полных зависти, рвения и зловония сластей чувственных, – многие почитают, как бесстрастных и святых, имея неочищенным око души (чтоб познать их прямо) и не в состоянии будучи познать их по плодам их; а тех, которые живут в благоговеинстве, добродетели и простоте сердца и суть воинству святы, не отличают от прочих людей, мимоходят их с небрежением и вменяют ни во что.

80) Такие почитают говоруна и показливого более учительным и духовным; а молчаливого и блюдущегося от празднословия почитают дикарем, необразованным и безгласным.

81) От того, кто говорит в Духе Святом, высокоумные и недугующие диавольскою гордынею отвращаются как от высокоумного и горделивого, будучи словами его паче поражаемы, чем приводимы в умиление и сокрушение; а того, кто мелет, как жернов, и говорит от чрева своего или по науке, хвалят и принимают, хотя он о деле спасения все лживо толкует. Таким образом между такими нет никого, кто бы мог добре и как есть на самом деле распознать и видеть (людей или дело спасения).

82) *Блажени,* говорит Бог, *чистии сердцем, яко тии Бога узрят* (Мф. 5, 8). Чистым же сердце делают не одна, не две, не десять добродетелей, а все вместе, слившись, так сказать, во едину добродетельность, достигшую последних степеней совершенства. Однако ж и в таком случае добродетели одни не могут сделать сердца чистым без воздействия и присещения Духа Святого. Ибо как ковач, как бы искусно ни умел он действовать орудиями, ничего не может сработать без содействия огня, так и человек пусть все делает со своей стороны (для очищения сердца), пользуясь для сей цели добродетелями, как орудиями, но без присещения огня Духа все делаемое им останется бездейственным и бесполезным для его цели, так как это – одно – не имеет силы очищать нечистоту и скверну души.

83) В Божественном Крещении мы получаем отпущение прегрешений, освобождаемся от прародительской клятвы и освящаемся наитием Святого Духа; но совершенную благодать, как она означается в словах: *вселюся в них и похожду* (2 Кор. 6, 16), – не тогда получаем. Ибо это есть достояние совершенно утвержденных в вере и доказавших ее делами. Если же мы по крещении уклоняемся на скверные и злые дела, то совершенно теряем и всякое освящение. И уже покаянием, исповедью и слезами, соответственно делам, получаем опять сначала отпущение прегрешений, а потом и освящение вышнею благодатью.

84) Через покаяние совершается омытие скверны прежних непотребных дел, а после такого очищения бывает причастие Святого Духа; но не просто, а в силу веры, расположения (крепкой решимости стоять не падая) и смирения кающихся от всей души; и не только после проявления таких расположений, но и после того, как получится разрешение грехов от духовного отца и восприемника. Почему хорошо каждодневно каяться, как повелевает заповедь. Ибо слова: *покайтеся, приблизися бо Царствие Небесное* (Мф. 3, 2) возлагают на нас делание, не ограничиваемое определенным временем, а всегдашнее.

85) Благодать Всесвятого Духа дается уневестившимся Христу душам, как обручение или залог. И как жена без обручения не имеет твердой уверенности, что несомненно сочетается некогда с мужем; так и душа никогда не воспримет верного удостоверения, что будет вечно сопребывать с Владыкою своим и Богом или таинственно и неизреченно сочетаваться с Ним и наслаждаться неприступною красотою Его, если не получит обручения, или залога благодати Его, и не возымеет в себе сознательно Его Самого.

---

[5] В греч. и слав. Добротолюбии 70.

86) Как обручение не бывает надежно, пока согласительные бумаги, в коих пишутся условия брака, не будут подписаны достойными веры свидетелями: так не бывает твердо воссияние благодати прежде делания заповедей и стяжания добродетелей. Ибо что суть при заключении условия свидетели, тем при духовном обручении бывает делание заповедей и добродетелей: через них всякий имеющий спастись получает совершенное обладание обручением (т. е. благодатью Св. Духа).

87) Сначала как бы пишутся брачные условия деланием заповедей, потом добродетелями они запечатлеваются и подписываются: и тогда Жених-Христос невесте-душе дает перстень, т. е. обручение Духа.

88) Как невеста прежде брака получает от жениха только залог обручения, условленное же приданое и прочие обещанные дары ожидает получить после брака: так и невеста Христова – Церковь верных и душа каждого из нас сначала получает от Жениха только обручение Духа, вечные же блага и Небесное Царство чает получить по исходе отсюда, будучи удостоверяема в том залогом обручения, который показывает ей все то, как в зеркале, и подтверждает несомненность получения того, на чем состоялось соглашение ее с Владыкою своим и Богом.

89) Как если невеста, разгневавшись по тому случаю, что жених замедлил в отлучке или, будучи занят другими делами, отложил на время совершение брака, презрит любовь его и брачный договор или изгладит, или раздерет; то вместе с сим тотчас лишается и всех надежд, столь многое обещавших ей от жениха: так обыкновенно бывает и с душою. Ибо когда кто из подвизающихся, сказав себе: доколе же должен я злострадать (терпеть всякие лишения)? – вознебрежет о подвижнических трудах и подвигах, и через нерадение о заповедях и оставление всегдашнего покаяния как бы изгладит и раздерет свои с Господом условия: то вместе с сим тотчас лишается и залога обручения (благодати) и совершенно теряет всякую надежду на Бога.

90) Как невеста, обратив к другому любовь, какою обязана к обрученному с нею жениху, и начав жить с ним явно или тайно, не только не получает ничего обещанного ей женихом, но должна ожидать и достойного наказания и позора по закону: так то же бывает и с нами. Ибо если какая душа явно или тайно преложит любовь к Жениху Христу на возлюбление какого-либо другого предмета и сердце ее будет завладено им, то бывает ненавистна и омерзительна Жениху и недостойна сочетания с Ним. Ибо Он сказал: *Аз любящие Мя люблю* (Притч. 8, 17).

91) По таким признакам каждому надлежит распознавать, получил ли он обручение Духа от Жениха и Владыки Христа. Если получил, да тщится держать сие и хранить; а если еще не сподобился получить, да потщится посредством дел благих, благопотребных деланий и теплого покаяния поскорее получить его и потом сохранить деланием заповедей и приумножением добродетелей.

92) [6] Обручение Святого Духа неизъяснимо и для того, кто стяжал его, так как оно постигается непостижимо, держится недержимо, видится невидимо; живет, глаголет и движет того, кто стяжал его; отлетает из таинницы, в коей пребывает запечатленным, и опять обретается там нежданно, чем образует убеждение, что оно как присещения своего не делает утвержденным однажды навсегда, так отшествия своего – невозвратным, после которого уже не возвратилось бы. Таким образом, стяжавший его, и когда не имеет его (присущим обязательно), есть как бы имел его, и когда имеет его, в таком находится расположении, как бы не имел его.

93) Как если когда кто стоя в доме будто ночью при дверях и окнах, со всех сторон заключенных, отворит одно какое окно, то свет внезапно обдаст его блестящим сиянием, и

[6] Нет в Добротолюбии 92–94.

он, не вынося такого сияния, тотчас закрывает очи свои, закутывается и прячется: так и когда душа, заключенная отовсюду в чувственное, выглянет как-нибудь умом своим, как сквозь окно, во внечувственное и облистается сиянием сущего внутри нее обручения Св. Духа, то не вынося блистания Божественного непокровенного света, тотчас трепетать начинает умом своим, вся прячется в саму себя и убегает как бы в дом какой, под покров чувственного и человеческого.

94) *Ввяжет ли кто огнь в недра,* говорит премудрый Соломон, *риз же своих не сожжет ли?* (Притч. 6, 27). А я говорю: кто, прияв внутрь сердца своего непокровенный небесный огнь Духа Святого, не возгордится и не облистается, не воссияет и не возымеет облистаний Божества, в меру своего очищения и восприятия огня? Ибо восприятие огня идет вслед за очищением сердца, и опять очищение сердца идет вслед за восприятием огня, – т. е. сколько очищается сердце, столько приемлет и божественной благодати, и опять: сколько приемлет оно благодати, столько и очищается. Когда же завершится сие (т. е. и очищение сердца, и приятие благодати достигнут совершенства и полноты), тогда человек весь всецело бывает бог по благодати.

95) [7] Как в доме кровля держится на основании с прочим зданием, а основание (с прочим зданием) кладется для держания кровли, – поскольку то и другое необходимо и благопотребно, – и ни кровля обыкновенно не устрояется без основания (с прочим зданием), ни основание (с прочим зданием) без кровли не составляет жилища пригодного для жизни: так и в душе благодать Святого Духа блюдется исполнением заповедей, а исполнение заповедей полагается, как основание для получения дара благодати Божией, и ни благодать Святого Духа обыкновенно не остается в нас без исполнения заповедей, ни исполнение Заповедей Божиих не бывает благопотребно и полезно без благодати Божией.

96) Как дом бескровный, оставленный таким по нерадению строителя, не только не гож ни к чему, но еще служит в посмешище строителю: так и положивший основание исполнением заповедей и стены высоких добродетелей воздвигший, если не получит и благодати Святого Духа с видением и ощущением того душевным, несовершен есть и составляет предмет сожаления для совершенных. А лишен благодати бывает таковой по следующим двум причинам: или потому, что пренебрег покаянием, или потому, что возмалодушествовав пред полным стяжанием добродетелей, как делом безмерно великим, оставил некоторые из них, которые, однако ж, хотя кажутся нам маловажными, но существенно необходимы для полного устроения и окончания дома добродетелей, так как невозможно, чтобы без них дом сей покровен был благодатью Святого Духа.

97) Если Сын Божий и Бог для того снизшел на землю, чтобы посредничеством Своим примирить с Отцом Своим нас, сущих врагов Ему, и с Собою сочетает нас осязательно, посредством Святого и Единосущного Духа Своего; то лишающийся такой благодати какую другую получит? Всеконечно таковой ни с Тем (Отцом) не примирился, ни с Сим (Сыном) не имеет сочетания благодатью Святого Духа.

98) Соделавшийся причастным Божественного Духа от страстных похотей и сластей избавляется, а от естественных потребностей телесных не освобождается. Почему как освободившийся от уз страстного похотения, вкусивший бессмертной славы и сладости и сочетавшийся с нею, понуждается непрестанно возноситься горе и с Богом пребывать, не позволяя себе даже на мгновение отступить от созерцания Его и ненасытного Им наслаждения; а как связанный телом и тлением, отторгается им от горнего, влечется долу и возвращается к земному. Тогда такая бывает у него печаль о сем (разлучении с горним), какую, полагаю, испытывает душа грешника, разлучающаяся с телом.

[7] В Добротолюбии 83.

99) Как для теплолюбивого и жизнелюбивого, для сластолюбивого и миролюбивого разлучение с сими предметами его любви есть смерть: так для любителя чистоты и Бога невещественного и добродетели воистину смерть есть даже малое отступление от них сердцем. Ибо если видящий чувственный свет, когда смежит очи свои сам, или другой кто закроет ему их, тяготится, скорбит и долго сносить этого не может, особенно – если он смотрел на предметы нужные и дивные, – не тем ли паче просвещаемый Духом Святым и видящий ясно, в видении наяву и мысленно, в бодрственном состоянии и во сне, те блага, которых око не видало, о которых ухо не слыхало, которые на сердце человеку не всходили, и в которые сами Ангелы Божии желают приникнуть, будет печалиться и скорбеть, если чем-нибудь будет отторгнут от созерцания их? Ибо это праведно кажется ему смертью и отчуждением от Жизни Вечной.

100) Одни ублажают пустынную жизнь, другие общежительную, третьи начальственную, чтоб предстоять народу, вразумлять его и учить и устроять церкви, от которых обыкновенно многие питаются и душевно и телесно. Я же не желал бы предпочтение дать никакой из них пред другими, ни сказать, что та достойна похвалы, а эта – порицания. Во всяком образе жизни преблаженна жизнь, во всех делах и деяниях ведомая для Бога и по Богу.

101) Как обыкновенная жизнь человеческая строится и течет под взаимодействием разных житейских предприятий, мастерства и искусств, – т. е. один одно, другой другое делает и приносит другим на потребы, и таким образом, друг другу передавая и друг от друга принимая, живут люди, удовлетворяя естественные свои телесные потребности: так то же самое можно видеть и в духовной жизни, – один одну добродетель проходит, другой – другую, – один такой путь жизни избирает, а другой – другой, но все вместе текут к единой цели, друг другу содействуя.

102) Цель всех по Богу живущих есть – благоугодить Христу Богу нашему и примириться с Богом Отцом чрез приятие Святого Духа, – и таким образом устроить свое спасение: ибо в этом состоит спасение всякой души. Если этого нет у нас (в цели и действии), то тщетен всякий другой труд и суетно всякое другое делание наше. – Бесполезен всякий путь жизни, не ведущий к сему того, кто течет по нему.

103) Оставивший мир весь и в гору удалившийся на безмолвие, и оттуда тщеславно пишущий к сущим в мире, одних ублажая, другим ласки и похвалы расточая, подобен тому, кто, разведясь с женой, блудной, непотребной и всезлобной, и отшедший на страну далеко, чтоб изгладить и саму память о ней, забыл потом о сей цели, для которой удалился на страну – в гору, – и пишет с вожделением к тем, которые обращаются с той женой, или прямее сказать, оскверняются, и ублажает их. Таковой, хотя телом не оскверняется, но сердцем и умом всячески оскверняется, как бы сочувствуя тем произволением в их связи с той женой.

104) Сколько живущие среди мира и очищающие чувства и сердца свои от всякой греховной похоти достойны похвалы и ублажения, – столько же живущие в горах и пещерах и вожделевающие похвал и ублажений от людей достойны порицания и отвержения. Таковые пред Богом, испытующим сердца, равны прелюбы творящим. Ибо страстно желающий, чтобы его жизнь, имя и дела слышны были в мире, любодействует от Бога, по образу древнего народа иудейского, как говорит Давид.

105) С несомненной к Богу верой отрекшийся от мира и всего, что в мире, верует, что милостивый и щедрый Господь приемлет приходящих к Нему в покаянии, – и ведая, что Он рабов Своих чрез бесчестие возводит к чести, чрез крайнюю нищету обогащает их, чрез поношения и уничижения прославляет, чрез смерть соделовает наследниками и причастниками Жизни Вечной, – посредством их (т. е. бесчестия, нищеты и пр.) усиливается тещи, как елень жаждущий, к бессмертному источнику и по ним восходит к горнему, как по лествице, – по коей Ангелы восходят и нисходят на помощь восходящим, а Бог восседит вверху ее, ожи-

дая наших посильных трудов и усилий, не потому, чтоб Ему радостно было видеть нас трудящимися, но потому, что, будучи человеколюбив, желает награду нам даровать, будто долг.

106) Бог не попускает тем, которые всеусердно текут к Нему, совсем ниспасть (с той лествицы), но, видя их изнемогающими, содействует им и помогает, простирая к ним свыше руку силы Своей и к Себе возводя, – содействует и явно и неявно, и ведомо и неведомо, – пока они, прошедши всю лествицу, к Нему Самому приблизятся и, всецело с Ним соединясь, забудут все земное, с Ним сопребывая там и сожительствуя, – аще в теле, аще ли кроме тела, не вем, – и неизреченных наслаждаясь благ.

107) Праведно есть *прежде* игу Заповедей Христовых подклонить нам выи свои, ни в сторону не уклоняясь, ни вспять не возвращаясь и не отставая, но право и усердно шествуя в них даже до смерти, паче и паче обновляя себя и новым воистину делая себя Божиим раем, пока со Отцом Сын чрез Духа Святого внидет и станет обитать в нас. И тогда уже, когда таким образом стяжем Его себе жителем и учителем, – тогда кому из нас повелит Он (взять на себя какое служение) и кому какое служение вверит, тому оно и да вручится; и он да ведет его так, как сие благоугодно Богу. Но прежде времени не следует сего служения искать, не следует и принимать его, когда дают его люди (сами от себя), но надлежит пребывать в заповедях Владыки нашего и Бога и ожидать повеления Его (взять на себя какое служение).

108) Если, – после того, как вверено нам будет служение в божественных вещах и мы потрудимся в нем достохвально, – направлены мы будем Духом перейти на другое служение, или делание, или дело, – да не сопротивляемся. Ибо Бог не хочет ни того, чтобы мы были праздны, ни того, чтоб оставались на одном и том же делании, с которого начали; но хочет, чтоб преуспевая, все более и более подвигались к достижению лучшего, не своей, однако ж, но Божией руководясь в сем волею.

109) Старающийся умертвить свою волю должен творить волю Божию, – вместо своей воли вводить в себя волю Божию, насаждать и внедрять ее в сердце свое. И при этом тщательно смотреть, прорастает ли насаждаемое и внедряемое, пустив вглубь корни; если проросло и дало ствол, то ствол сей, будучи надрезан для принятия прививка, сросся ли с сим прививком и стал ли в одно с ним древо, затем, вырос ли прививок, расцвел ли и дал ли плод прекрасный и сладкий, – чтоб не неведомы были ему и земля, прежде приявшая в себя семя, и корень, на котором глубоко утвердилось сие непостижимое и неизреченное живоносное растение (Перифраз; место очень темно).

110) Кто страха ради Божия отсекает свою волю, тому Бог, неведомо для него, так что он не знает, как то бывает, дарует Свою волю и соделовает ее неизгладимой в сердце его, открывая при сем очи сердца его, чтоб он познал ее (т. е., что это Божия воля), и силу подавая исполнять ее. Творит же сие благодать Святого Духа, а без нее ничего не бывает.

111) Если ты получил прощение всех своих грехов, просто ли только чрез таинство покаяния и исповеди, или с приятием при сем и святой ангельской схимы; то какой любви, какого благодарения и смирения должно быть сие для тебя источником – что, будучи достоин бесчисленных мук, ты не только избавлен от этого, но еще удостаиваешься сыноположения, славы и Царства Небесного?

Обращая сие в уме своем и всегда помня, будь готов и настраивайся к тому, чтобы не обесчестить собою Сотворшего тебя и почтившего, и бесчисленные простившего тебе согрешения, но всеми делами своими прославить Его и почтить, чтобы и Он тебя, почтенного Им паче всякой видимой твари (в творении), еще паче почтил в воздаяние за то (во благодати), – и другом Своим искренним наименовал тебя.

112) Сколько душа честнее тела, столько разумный человек лучше и выше всего мира. Не на великость сущих в мире творений смотри, чтоб ради того думать, будто они честнее тебя, человек; но на данную тебе благодать воззрев и достоинство умной и славной души своей уразумев, прославляй в песнях Бога, почтившего тебя паче всего видимого.

113) Будем смотреть и умудряться, как прославить Бога. Прославляется же Он нами не иначе, как так, как прославлен был Сыном. Но чем Сын прославил Отца Своего, тем и Сам прославлен был от Отца. Будем и мы делать то же (что Сын) со тщанием, чтоб тем прославить Отца нашего, *Иже есть на небесех,* благоволившего так наименоваться и от Него быть прославленными славою Сына, *которую имел Он у Него прежде мир не бысть.* Это суть – крест, или умертвие всему миру, скорби, искушения и другие страсти Христовы, – которые перенося с полным терпением, подражаем мы Христовым страстям и прославляем тем Отца нашего и Бога, как сыны Его по благодати и сонаследники Христовы.

114) Душа, не освободившаяся совершенно от мирских навыков и пристрастия к видимым вещам, в самих чувствах и расположениях сердца своего не может беспечально переносить приключающихся ей печалей и находящих на нее напраслин и искушений от демонов и людей. Но, как узами, связанная пристрастием к человеческим вещам, уязвляется ущербом в деньгах, тяжкою поражается скорбью от потери вещей и сильно болезнует о наносимых телу ее ранах.

115) Кто отторг душу свою от пристрастия и привязанности к чувственному и тесным союзом сочетал ее с Богом, тот не только равнодушен будет к сущим около него деньгам и вещам и, терпя потерю в них, будет беспечален, как бы они были не его, а чужие, но и самому телу его причиняемые боли будет переносить с радостью и подобающим благодарением, видя всегда, по слову божественного Апостола, что когда *внешний человек тлеет, внутренний обновляется по вся дни* (2 Кор. 4, 16). Иначе же с радостью переносить скорби по Богу невозможно. Потребны для сего ведение совершенное и мудрость духовная, – которых лишенный всегда ходит во тьме безнадежия и неведения, не имея никакой возможности видеть свет терпения и утешения (молитвы).

116) Всякий, мнящийся быти мудрым, потому что прошел все науки и сведущ во внешней мудрости, никогда не сподобится проникнуть в тайны Божии и увидеть их, если прежде не смирится и не сделается в чувствах сердца своего буиим, вместе с самомнением отвергая и приобретенную ученость. Ибо кто так поступает и с неколеблющеюся верою последует мужам мудрым в божественных вещах, тот, будучи ими руководим, вместе с ними входит в град Бога Живого, и, Духом Святым наставляемый и просвещаемый, видит и познает то, чего никто из других людей видеть и познать не может. Так делается он богонаученным.

117) Богонаученных ученики мудрых века сего людей почитают буиими, между тем как сами воистину суть буии и наострились только по внешней премудрости объюродевшей, которую, по божественному Апостолу, *обуи Бог* (1 Кор. 1, 20) и богословный глас признал *земною, душевною, бесовскою, исполненною рвения и зависти* (Иак. 3, 15). Таковые, будучи вне Божественного света, не могут видеть чудес, находящихся в нем, и тех, которые, водворяясь в сем свете, видят, что в нем, и поучают тому, почитают прельщенными, между тем как сами прельщены и никогда не вкушали божественных благ.

118) И ныне есть и среди нас вращаются люди бесстрастные, святые и исполненные Божественного света, которые так умертвили уды свои, сущие на земли, отребив их от всякой нечистоты и всякого страстного похотения, что не только сами от себя не помышляют делать что-либо худое, но и когда влекут их к тому другие, не терпят никакого изменения в присущем им бесстрастии. Их узнали бы и те, которые презрительно об них относятся и не верят им, когда они поучают о божественных вещах в премудрости Духа, если б добре разумели божественные словеса, каждодневно ими читаемые и поемые. Ибо если б они знали совершенно Божественное Писание, то веровали бы обещанным нам от Бога и дарованным благам. Но как они не причастны сих благ за свое самомнение и нерадение, то охуждают и тех, которые сподобились причастия их и учат о них, не веря им.

Примеч. Так в греческом Добротолюбии. В новогреческом эта глава перифразирована так: «Те, которые говорят, что во времена сии нет ни

> одного бесстрастного, и не верят тем, которые в премудрости Духа ведут беседы о божественных вещах, если бы понимали божественные слова, какие каждодневно читают и поют, узнали бы, что и ныне есть бесстрастные, святые и исполненные Божественным светом, и живут среди нас, отребив себя от всякой нечистоты и всякого страстного похотения, – так что не только сами от себя не помышляют делать что-либо худое, но и когда другой кто влечет их к тому, не терпят никакого изменения в бесстрастии, которое в них. Но те, не зная Писаний, говорят, что ныне нет никого такого. Ибо, если б разумели, как должно, Божественное Писание, то верили бы тем благам, которые Богом нам обещаны и дарованы. Но как они не причастны таких благ, по причине самомнения и нерадения своего, то, не веря им, охуждают и оклеветывают тех, которые сделались причастными их и учат о них».

119) Исполненные благодати Божией и совершенные в ведении и премудрости, которая свыше, для того только желают ходить в мир и видеть сущих в нем, чтоб напоминанием о Заповедях Божиих расположить их к доброделанию и чрез то дать случай заслужить награду некую, – если конечно послушают их, возьмут в толк и убедятся. Так как они, не Божиим водимы будучи Духом, во тьме ходят и не знают, куда идут, и преуспевают ли в каких заповедях; то (во благодати живущие идут к ним с показанными напоминаниями в желании и надежде) не восприимут ли когда-нибудь истинного учения Святого Духа, воспрянув от обдержащего их самомнения, и искренно, а не с притворством и самохвальством, вняв воле Божией, не покаются ли, чтоб, исполнив ее, соделаться причастными какого-либо дарования духовного. Если же не случится им быть виновниками такой для посещаемых мирян пользы, то они, плача об ожесточении и ослеплении сердец их, возвращаются в свои келлии и начинают день и ночь молиться о спасении их. Ибо о другом чем не печалятся с Богом непрестанно пребывающие и преисполненные всякого блага.

120) Какая цель воплощенного Домостроительства Бога Слова, которая во всем Божественном Писании проповедуется, но которой мы, читая сие Писание, не знаем? Не другая какая, как та, чтоб, приобщившись тому, что наше, соделать нас причастными того, что есть Его. Сын Божий для того соделался Сыном Человеческим, чтобы нас человеков соделать сынами Божиими, возводя род наш по благодати в то, что Сам Он есть по естеству, рождая нас свыше благодатью Святого Духа, и тотчас вводя нас в Царство Небесное, или, лучше сказать, даруя нам иметь сие Небесное Царствие внутрь нас (Лк. 17, 21), чтобы мы, не надеждою только внити в него питаясь, но уже в обладание им быв введены, взывали: *живот наш сокровен есть со Христом в Боге* (Кол. 3, 3).

121) Крещение не отъемлет самовластия и самопроизволения нашего, но дарует нам свободу от тиранства диавола, который не может уже более против воли нашей властвовать над нами. По крещении в нашей же состоит воле: или пребывать самоохотно в заповедях Того, в Кого крестились, Христа, Владыки и Бога, и ходить путем повелений Его, – или, уклонясь от правого пути сего, опять возвратиться к диаволу, противоборцу и врагу нашему.

122) Те, которые по Святом Крещении повинуются хотениям лукавого и угодное ему творят, отчуждают себя от святых ложесн святого Крещения, по сказанному Давидом: *очуждишася грешницы от ложесн* (Пс. 57, 4). Ибо каждый из нас не изменяется или не прелагается из естества, как создан, в другое. Но быв создан от Бога благим (ибо Бог ничего злого не сотворил), и пребывая непреложным по естеству и существу, как создан, что свободной своей волей произволяет и желает, то и делает, доброе ли то, или злое. Ибо как нож, на зло ли кто его употребляет, или на добро, не прелагается из своего естества в другое, но остается железом по естеству: так и человек действует и содевает, как сказано, что хочет, но из естества своего не выступает.

123) Не то спасает, если кто однажды и одному кому окажет милость, хотя то, если кто и одного презрит, повинным делает огню вечному. Ибо – *взалкахся и возжадахся* – сказано не про один случай и не про один день, но указывает на всю жизнь. Равным образом *напитасте, напоисте, одеясте* и прочее, что следует, не на однократное дело указывает, но на всегдашнее и в отношении ко всем. Христос Господь и Бог наш исповедал, что Он такую милость Сам приемлет от рабов Своих (в лице нуждающихся).

124) Кто подал милостыню сотне нуждающихся, но, могши дать и другим, накормить и напоить многих, – отказал умолявшим его и вопиющим к нему, тот будет судим от Христа, как не напитавший Его. Потому что и в этих всех Он есть Тот же Самый, Которого питаем мы в каждом из бедных.

125) Кто ныне всем нуждающимся все потребное для тела доставил, тот, если завтра, имея возможность то же сделать, вознерадит о некоторых братиях и оставит их умирать с голода, жажды и холода, – Того Самого оставил умирать, Того Самого презрел, Кто сказал: *понеже сотвористе единому сихменших, Мне сотвористе* (Мф. 25, 40).

126) Того ради Господь благоволил восприять лицо каждого бедного и каждому бедному Себя уподобил, чтоб никто из верующих в Него не возносился над братом своим. Но чтоб каждый, видя в брате своем Бога своего, почитал себя меньшим и худшим брата своего, как есть меньше Сотворшего его, и как Сего, принимал его и чтил, и в помощь ему готов был истощить все имение свое, как Христос и Бог наш истощил кровь Свою для спасения нашего.

127) Кому повелено иметь ближнего своего, как самого себя, тот, конечно, не один день, но всю жизнь свою должен иметь его таковым. Также и тот, кому заповедано давать всякому просящему, заповедь имеет всю жизнь свою поступать так. Равно как и от желающего, чтоб другие делали ему добро (всегда разумеется), требуется, чтоб он и сам то же делал для других.

128) Так как имеющий ближнего своего как самого себя не может дозволить себе иметь что больше ближнего, то если кто, имея, не раздает независтно, пока и сам не сделается бедным и не уподобится ближним своим, тот не оказывается точным исполнителем Заповеди Владычней. Равным образом (не оказывается) хотящим давать всякому просящему тот, кто, имея хоть грош или кусок хлеба, отошлет ни с чем просящего у него, – или не делая сам для ближнего, чего тот желает (отошлет), чтоб сделал для него это другой кто. Таким образом, и тот, кто всякого бедного и нищего кормил, поил, одевал и все другое для него делал, а презрел только одного и об одном понерадел, – и этот сочтен будет презревшим Христа Бога, алчущего и жаждущего.

129) [8] Как иные заключают Христа Господа в одном бедном, тогда как Он нераздельно разделяется и есть весь во всяком бедном? Предположим теперь в уме своем, что сто бедных суть, как один Христос, – ибо Христос совершенно нераздельно пребывает. Кто потому дал по монете девяносто девяти бедным, а одного разбранил, прибил и выгнал ни с чем, кому тот, думаешь, сделал это? Конечно, Самому Христу, Который сказал, говорит и всегда будет говорить: *понеже сотвористе единому сих меньших, Мне сотвористе* (Мф. 25, 40).

130) Из сказанного видно, что Господь Себе усвояет и принимает за сделанное собственно для Него Самого, что сделано для бедных братий наших. И слово Господа: *ни Мне сотвористе,* не ограничивается только теми, к которым мы немилостивы были, ни теми, которых онеправдовали, или которых собственностью покорыствовались, или которым наделали всякого рода других зол, но заключает и тех, которых мы презрели. И этого одного достаточно к нашему осуждению, потому что, презирая их, мы презираем Самого Иисуса Христа.

[8] Сего нет в Добротолюбии.

131) [9] Может быть, это всем покажется тяжелым, и они потому сочтут благословным говорить в себе: кто может до точности все это исполнить, чтобы всех удовольствовать и напитать, и отнюдь никого из них не оставить неудовлетворенным? Но да послушают они Павла, который ясными взывает словами: *любы Христова обдержит нас суждших сие* (2 Кор. 5, 14).

132) Как главные заповеди объемлют все заключающиеся в них частные заповеди, так и главные добродетели заключают в себе все частные объемлемые ими добродетели. Продавший, например, все свое и раздавший то бедным, и сделавшийся сам бедным, за раз исполнил все частные, относящиеся сюда заповеди. Почему не имеет уже нужды просящему давать и от хотящего занять у него не отвращаться. Таким же образом и непрестанную стяжавший молитву, в сем едином исполненными имеет все заповеди о молитве, – и не состоит уже под необходимостью седмерицею в день хвалить Господа, или в вечер, заутра и полудне, как исполненными уже имеющий в себе все молитвы, какими молимся мы и какие поем, по уставу, в определенные времена и часы. Равно, сознательно имеющий в себе дающего ведение человекам Бога, все прошел Святое Писание, – и как плод, собрал всю могущую от чтения его произойти пользу, – и не имеет уже нужды в чтении книг. Ибо какую будет иметь в сем нужду тот, кто, стяжав собеседником себе Того, Кто вдохновлял писавших Божественные Писания, имеет запечатленными в себе от Него неизреченности сокровенных тайн? Напротив, он сам будет для других вдохновенной книгой, носящей новые и древние тайны, написанные перстом Божиим в нем, как совершившим все и почившем в Боге от всех дел своих, – что есть верх совершенства.

133) Бывающее во время сна истечение от многих обычно происходит причин: от чревонеистовства, от тщеславия и от зависти бесов. Но бывает и от долгого бдения, вследствие которого тело разнеживается во сне, и от страха, когда страшится кто, как бы не пострадать сего, или ради Божественной литургии, которую имеет совершать, будучи иереем, или ради Св. Причастия (к коему готовится, будучи простым братом). С занятым такими помыслами на одре своем, с боязнью, как бы сего не пострадать, бывает, что он лишь только заснет, как страждет то: что самое также происходит по зависти демонов. – И вот еще что бывает: иной увидит днем красивое лицо и нарисует его в мысли, потом отходит ко сну с блудными помыслами, по расслаблению не отогнав их, и подпадает истечению во сне, а иногда и не заснувши еще, лежа на одре. Бывает и так: сидят иные нерадивые, подобно мне, и разговаривают о страстных движениях, страстно или бесстрастно; потом и отходя ко сну, вращают такие образы в уме своем и засыпают в сочетании с ними, – во сне и подвергаются сказанной неприятности; может же быть, что еще во время беседы один из них приял вред от другого. Почему внимать должно самим себе всегда и поучаться в слове пророка: *предзрех Господа предо мною выну, яко одесную мене есть, да не подвижуся* (Пс. 15, 8), – и слух заграждать от таковых словес. Иные нередко подвергались плотским движениям, когда упразднялись от молитвы (оставляли молитву), как мы показали и в главе о молитве.

134) [10] Ни к тому, кто богословствует, не идет покаяние, ни к тому, кто кается, не идет богословствование. Ибо сколько отстоит восток от запада, столько богословие выше покаяния. Кто находится в состоянии покаяния и воистину творит дела покаяния, тот себя имеет, как человек больной, день за днем проживающий среди разнемоганий, или как бедный, одетый в рубища и просящий милостыню. А кто богословствует, тот походит на человека, который проводит время в царских палатах, в светлом царском уборе, всегда находится близ царя,

[9] Добротолюбие, 117.

[10] С сей главы до главы 182 включительно в Добротолюбии нет. Следующие за предыдущей главы Добротолюбия, – 120–152 – заимствованы из глав Симеона, духовного отца его, которые помещаются вслед за сим.

беседует с ним и от него самого слышит ясно повеления его и все, чего он хочет (разумеется состояние созерцания, – а не научное богословствование).

135) Умножение познания Бога бывает причиной умаления знания всего другого. То есть чем больше кто познает Бога, тем больше оскудевает в знании всего прочего. И не только это (бывает с ним), но он все больше и больше приходит в сознание, что не знает и Самого Бога. Обилие воссияния Его в духе бывает совершенным Его невидением, и выше чувства воспаряющее чувство – нечувствием всего того, что вне. И как может быть и называться чувством такое чувство, которое не знает, что такое есть, каково и где есть то, в чем оно пребывает, и узнать то или понять совершенно не может? Да и как возможно, чтоб подлежало чувству то, чего око не видало, о чем ухо не слыхало что на сердце человеку не всходило?

136) Дарующий нам то, что выше чувства, дает нам благодатью Святого Духа и другое чувство выше чувства, чтоб мы им чувствовали чисто и ясно дары Его и дарования, кои выше чувства.

137) Кто глух к слову Бога, тот глух и ко всякому гласу Его; как, напротив, кто слышит слова Бога, тот слышит (способен слышать) их все (всякие слова Божии), и никого он не слышит, кроме тех, которые говорят слова свои (поучения) благодатью Слова, и не их слышит он, но только слово, которое безгласно говорится голосом их.

138) Когда ты долу – в земном, тогда не исследуй того, что горе, т. е. небесного; и восходя горе, прежде, чем достигнешь верха, не любопытствуй дольнего, чтоб поскользнувшись не упасть, или лучше сказать, чтоб не оставаться долу (мняся восходити горе).

139) Кто обогатился небесным сокровищем, – разумею, пришествием и вселением в него Христа, Который сказал: *Аз и Отец приидем и обитель у Него сотворим* (Ин. 14, 23), тот знает знанием душевным (опытно, сознанием, чувством), какую получил радость, количество и каковое сокровище имеет в царских сокровищницах сердца своего. Беседуя с Богом, как друг с другом, с дерзновением стоит он пред лицом Того, Кто обитает в нем во свете неприступном.

140) Кто верует тому, что я сказал, тот блажен. Кто деятельно подвизается посредством священных подвигов достигнуть ведения о том (опытно познать то), тот треблажен. Кто посредством делания и созерцания достиг высоты такого состояния и как сын дошел до Самого Бога, тот, чтоб не сказать нечто большее, есть Ангел.

141) Как тот, кто стоит на берегу моря, видит безмерную пучину вод, но предела их не досягает зрением, а видит только малую некую часть их: так и тот, кто сподобился чрез созерцание узреть безмерное море славы Божией и видеть мысленно Самого Бога, видит умными очами Бога и бездну славы Его, не всю, сколько ее есть, но лишь столько, сколько сие возможно для него.

142) Как тот, кто находится близ моря, не только видит его, но и в самые воды его входит сколько хочет: так бывает и духовно (с достигшими совершенства духовного), что они, когда хотят, входят в свет Божий и созерцают его и причащаются его сознательно в меру подъятых трудов, усилий и желательных стремлений.

143) Как тот, кто стоит на берегу моря, пока находится вне воды, все видит вокруг и обозревает пространство моря; когда же начнет входить внутрь воды и погружаться в нее, тогда чем больше сходит в нее, тем больше ничего не видит вне ее: так и те, которые сделались причастными Божественного света, чем более преуспевают в познании Бога, тем в большее, соответственно тому, приходят неведение (всего что вне Бога).

144) Как тот, кто входит в воду моря по колено или до пояса, ясно видит все, находящееся вне воды; а когда низойдет в глубь и станет весь под водою, ничего уже не может видеть, что вне, – и одно только знает то, что он весь в глубине моря: то же бывает и с теми, кои возрастают в духовном преуспеянии и восходят в совершенство видения и созерцания.

145) Преуспевающие в духовном совершенстве, когда просвещаются, или осияваются в уме, тогда видят мысленно славу Господа и научены бывают мысленно божественною благодатью ведению за ведением, восходя от созерцания сущего к познанию того, что воистину есть выше всего сущего.

146) Приближающиеся к совершенству, видя еще только отчасти беспредельность (духовных вещей) и сознавая непостижимость того, что видят, удивляются и приходят в изумление; а чем более входят они, неведомо как, в свет ведения, тем более сознают свою немощь. То, что является им некоторым образом примрачно, показывает себя как бы зерцалом в гадании, и отчасти осиявая ум, мыслящий о том, когда благоволит явить себя в большем свете и соединиться по причастию с тем, кто им освещается, вовлекая всего его в себя, так что он бывает весь в глубине Духа, как бы в глубине безмерных светлых вод, – тогда он восходит неизъяснимо в совершенное неведение, как вступивший туда, где все выше ведения.

147) Ум наш, будучи прост, когда обнажится от всякого стороннего помышления и внидет в простой свет Божий, тогда, будучи объят и сокрыт весь сим светом, не может уже встретить ничего кроме того света, в коем находится, чтоб подвигнуться к помышлению о том, но пребывает внутрь Божественного света, не бывая попускаем посмотреть вовне. И сие-то показывает изречение: Бог свет есть и свет высочайший; почему когда бывает сказанное выше, тогда последует успокоение (почитие) всякого созерцания.

148) Тогда приснодвижный ум становится недвижимым и немыслящим, – без мыслей, – когда весь покроется божественным облаком и светом, пребывая, однако ж, в сознательном созерцании и чувстве и вкушая те блага, среди коих находится. Глубины Святого Духа не таковы, как глубины воды морской; но они суть живая вода вечной жизни. Все, что находится там, в глубинах Святого Духа, непостижимо и неизъяснимо. Ум входит внутрь того, после того как минует все видимое и мысленное, и среди тех непостижимых вещей недвижно движется и вращается, живя паче жизни в жизни, будучи светом в свете, и не светом, поколику есть сам в себе. Тогда он видит не себя самого, но Того, Кто есть выше него, и будучи изменяем мысленно от тамошней славы, становится совсем не знающим себя самого.

149) Достигший в меру совершенства бывает мертв и не мертв, а живущ паче жизнью в Боге, с Коим пребывает, так как он не живет более сам по себе, как говорит Апостол: *живу же не ктому аз, но живет во мне Христос* (Гал. 2, 20). Бывает он также слеп и не слеп; он смотрит не естественными очами, так как стал выше всякого естественного зрения, получив новые очи, несравненно лучше естественных очей, коими и смотрит выше естества. Бывает бездействен и недвижим, как исполнивший всякое собственное действие. Бывает немыслящ, как соделавшийся едино с Тем, Кто выше всякой мысли, и почивший там, где нет места действию ума, – т. е. движению его в воспоминании, или помысле, или размышлении. Не имея возможности постигнуть и познать непостижимое и дивное, он некоторым образом опочивает на сем совершенным почитием, оным недвижением блаженного нечувствия, т. е. нелюбопытно наслаждаясь неизъяснимыми благами, с чувством, однако ж, верным и определенным.

150) Кто не сподобился достигнуть в такую меру совершенства и проникнуть до таких благ, тот пусть винит себя одного, а не говорит в извинение, что это дело невозможно, или что бывает в нас совершенство, такое, однако ж, о котором мы и не знаем. Удостоверяем будучи Божественным Писанием, да ведает он, что дело сие возможно, и в истинной своей силе бывает в действительности, и совершается заведомо с сознанием его, но по причине неисполнения и нарушения Заповедей Божиих всякий собственно сам себя лишает таких благ, соответственно своей неисправности.

151) Бог от начала сотворил два мира, видимый и невидимый, и царя над видимым, который носит в себе характерные черты обоих миров – одного в своей видимой части, а

другого в части мысленной, – в душе и теле. В этих мирах сияют и два солнца, – это видимое, и другое – мысленное. И что есть для видимого и чувственного солнце, то есть для невидимого и мысленного Бог, Который есть и именуется Солнцем Правды. Чувственный мир и все, что в нем, освещается чувственным сим и видимым солнцем; а мир мысленный и те, которые находятся в нем, освещаются и осияваются мысленным Солнцем Правды. И чувственное освещается чувственным солнцем, а мысленное – мысленным раздельно, особо одно от другого, так как не смешаны и неслиянны между собою ни мысленное с чувственным, ни чувственное с мысленным.

152) Из всего видимого и мысленного только один человек создан от Бога двояким. У него есть тело, составленное из четырех стихий, чувство и дыхание, – и душа мысленная, невещественная, нетелесная, соединенная неизреченно и неисследованно, срастворенная неслиянно, и сочетанная несмесно с тем, что есть в теле. И вот что есть человек, – животное смертное и бессмертное, видимое и невидимое, чувственное и мысленное, способное видеть видимое творение и познавать мысленное. Как два солнца раздельно действуют каждое на свой мир, так раздельно действуют они и на каждую сторону человека: одно освещает тело, а другое душу, и каждое подает из собственного своего света соответствующей себе стороне или богато или скудно, сколько может вместить освещаемый.

153) Чувственное солнце видимо, но не видит; мысленное же Солнце и зримо бывает достойными, и само зрит всех, паче же тех, которые на него смотрят. Чувственное солнце не говорит и никому не дает силы и способности говорить; мысленное же Солнце и само говорит друзьям своим, и всем дает способность и силу говорить. Чувственное солнце, светя на чувственный сад, иссушает только теплотой лучей своих сырость земную, а не насыщает и не ботит растений и семян; мысленное же Солнце, когда воссияет в душе, оба сии оказывает действия: иссушает сырость страстей, очищая вместе скверноту и зловоние, происходящие от них, и сообщает мысленной земле души удобрение (жирною делает), т. е. божественную благодать, коей будучи насыщаемы, произрастения добродетелей мало-помалу возрастают в довольстве.

154) Чувственное солнце, восходя, освещает чувственный мир и все, что в нем: людей, зверей и прочее все, над которыми одинаково простирает свет свой, царствует в полдень, затем опять скрывается, оставляя во тьме те места, над которыми светило. Солнце мысленное, воссияв, всегда светит, невместно вмещаясь все во всем, и вместе отособляясь от тварей Своих, и неотделимо отдельно пребывая от них, – будучи все во всем и не будучи нигде в тварях Своих исключительно (так чтобы не быть в других местах). Оно – все в видимом и все в невидимом, – все всюду присуще и нигде – все исключительно.

155) Христос есть начало, середина и конец. Он есть и в первых, и в средних, и в последних, – и как есть в первых, так и во всех. Для Него нет разности между сими, как *несть* у Него *ни варвар, ни скиф, ни еллин, ни иудей, но всяческая и во всех Христос* (Гал. 3, 28).

156) Святая любовь, проникая всех от первых до последних, от головы до ног, всех с собою сочетает, сцепляет, связывает и единит и делает их крепкими и непоколебимыми. Будучи познаваема, она открывается каждому из них одной и той же. Она есть Бог, с Коим и последние бывают первыми, и первые, как последние.

157) Как мысленные чины Небесных Сил освещаются Богом по порядку, так что Божественное светолитие проникает из первого чиноначалия во второе, из этого в третье, и так во все: так и святые, будучи освещаемы святыми Ангелами, связуемы и соединяемы союзом Святого Духа, делаются равночестными с ними и подобными им. Затем святые, которые являются из рода в род, от времени до времени, после святых, предшествовавших им, посредством исполнения Заповедей Божиих прицепляются к ним, – к тем прежним, и получая благодать Божию, осияваются подобно им, – все же последовательно составляют таким образом некую златую цепь, каждый, будучи особым звеном сей цепи, соединяющимся с

предыдущим посредством веры, добрых дел и любви, – цепь, которая, утверждаясь в Боге, неудоборазрываема есть.

158) Кто не изволяет со всей любовью и желанием в смиренномудрии соединиться с самым последним (по времени) из всех святых, имея к нему некое неверие, тот никогда не соединится и с прежними и не будет вчинен в ряд предшествовавших святых, хотя бы ему казалось, что он имеет всю веру и всю любовь к Богу и ко всем святым. Он будет извержен из среды их, как не изволивший в смирении стать на место, прежде век определенное ему Богом, и соединиться с тем последним (по времени) святым, как предопределено сие ему Богом.

159) Сколько хочет Бог быть нами познанным, столько открывается, – и сколько откроется, столько зрим бывает и познается достойными. Но сподобиться сего и испытать сие никто не может, если прежде не соединится с Духом Святым, стяжав наперед трудами и потами сердце чистое, простое и сокрушенное.

160) Как тот, кто станет предлагать уроки по риторике и философии изучающему лишь азбуку, не только никакой не принесет ему пользы, но отвратит его и от того, что он проходит, и сделает, что он забудет выученное, потому что ум его не вмещает предлагаемых ему учений: так и тот, кто толкует о последних степенях совершенства новоначальным и особенно более ленивым из них, не только не принесет им пользы, но еще сделает, что они возвратятся вспять. Потому что как взглянут они ни высоту добродетели и увидят, как далеко отстоят от вершины ее, то, подумав, что им никак не возможно взойти на верх ее, бросят и те немногие добрые дела, которые уже начали делать, как бесполезные, и погрузятся в безнадежие.

161) Которых держат в своей власти и над которыми господствуют страсти, те, – когда услышат, что совершенный по Богу человек почитает себя нечистым паче всякого человека, всякого животного и всякого зверя, – и что он, будучи бесчестим, радуется, будучи злословим, благословляет и хвалит, будучи гоним, терпит, и со слезами и болезнью сердечною молит Бога о врагах своих, – во-первых, не верят всему этому, почитая и выставляя себя подобными им; потом, будучи обличаемы Божественным Писанием и опровергаемы святыми, показавшими все сие на самом деле, сознаются, что не могут достигнуть в такую меру совершенства; а когда услышат, что если они не станут так поступать, то и спастись не могут, тогда, не желая отстать от греховных навыков и покаяться, в чем согрешили, впадают в безнадежие.

162) Где глубокое смирение, там и слезы обильные; а где есть сие, там есть и присещение Святого Духа; когда же придет благодать поклоняемого Духа, тогда в том, кто начинает быть под действием Его, является всякая чистота и святость, – тогда он зрит Бога, и Бог призирает на него. Ибо Господь говорит: *на кого воззрю, токмо на кроткаго и молчаливаго, и трепещущаго словес Моих* (Ис. 66, 2).

163) Человек может побеждать страсти, но не может их искоренить. Он получил власть не делать зла, но не и не помышлять о нем. Благочестие же настоящее состоит не в том только, чтоб не делать зла, но чтоб и не помышлять о нем. Кто помышляет о зле, в том нет чистоты. Ибо как может быть чисто сердце у того, кто оскверняется нечистыми помыслами, как зеркало затемняется пылью?

164) Чисто сердце, я полагаю, у того, кто не только не бывает тревожим и тяготим какой-либо страстью, но и не помышляет даже ни о чем худом или мирском, хотя бы и хотел того, и одну память о Боге держит в себе с неудержимой любовью. Ибо око души, ум, когда ничто не мешает его созерцанию, чисто в чистом свете видит Бога.

165) Бесстрастием почитаю я то, когда кто не только удаляется от действий по влечению страстей, но чужд бывает и самой похоти их; и не только это, но когда ум его обнажен от самого помышления о них и свободно возносится превыше небес, как ни захочет, заходя за пределы всего видимого и чувственного, как бы чувства его были совсем закрыты и ум

превитал в области вышечувственной, имея однако ж с собою и чувства, как орел имеет свои перья (в выси при себе).

166) Ни ум без чувства не проявляет своих действий, ни чувство без ума.

167) Сердце чисто есть и называется то, которое не находит в себе никакого помышления или помысла мирского, но все прилеплено к Богу и сочетано с Ним так, что не вспоминает уже ничего мирского, ни печального, ни радостного, но превитает в созерцании, возносясь до третьего неба, восторгаясь в рай и видя наследие благ, обетованных святым, – применительно к чему представляет потом, сколько возможно сие для немощи человеческой, и блага вечные. Вот что служит знамением чистоты сердечной и верным признаком, по которому всякий может определить меру своей чистоты и видеть себя как в зеркале.

168) Как тот, кто находится вне дома, не видит тех, которые заперты в доме, так и тот, кто распялся и умер миру, не имеет никакого чувства о вещах и делах мира.

169) Как мертвое тело не имеет никакого чувства ни к живым телам, ни к мертвым, лежащим вместе с ним, так и исшедший из мира благодатью Святого Духа и сущий с Богом не имеет чувства к миру, ни пристрастия к вещам мира, хотя подлежит потребностям тела.

170) Бывает смерть прежде смерти физической, и прежде воскресения тел бывает воскресение душ, – делом, опытом, силой и истиной. Ибо когда смертное мудрование уничтожается бессмертным умом и мертвенность изгоняется жизнью, тогда душа, как бы воскресшая из мертвых, узревает чисто себя саму, как узревают себя пробудившиеся от сна, и познает Истинного Бога, ее воскресившего, и Коего благодаря, выходит она за пределы чувств и всего мира, преисполненная неизреченной сладости, и тем заставляет утихнуть всякое мертвенное движение.

171) Иное вносится (в жизнь спасительную) нами самими, иное подается нам Богом. Чем больше мы очищаемся посредством собственных наших трудов и священных потов, тем более светимся Божественным светом, тем более очищаемся собственными слезами нашими, принося от себя слезы и вместо них получая от Бога свет сокрушения.

172) Многие, привнося собственное свое, не получали того, что обыкновенно подается Богом. Это явно из того, что сделали и что пострадали Каин и Исав. Ибо если кто не привнесет своего с правым помыслом, с благочестным расположением, с верой и великим смирением, то нельзя, чтобы Бог призрел на него милостиво и принял приносимое им, а не принявши сего, нельзя, чтобы дал вместо того и то, что обыкновенно Им подается в таком случае.

173) Мертв для святых мир и люди мира. Почему, как мирские видя не видят добрых дел святых мужей, и слыша не могут нисколько понять божественных словес, предлагаемых им благодатью Святого Духа, так и духовные и святые мужи не могут видеть лукавых дел лукавых мирских людей, и понять страстных речей их – т. е. и они, видя, не видят, что в мире, и слыша о том, что касается мирских людей, находятся в таком божественном состоянии и расположении, как бы не слышали то, по неимению к тому чувства. Таким образом, не бывает никакого общения ни у духовных с мирскими, ни у мирских с духовными.

174) Как явно разделение света и тьмы и смешение их невозможно: *кое бо общение свету ко тме, или какая часть верну с неверными* (2 Кор. 6, 14. 15): так такое же бывает разделение одного с другим и в тех, кои имеют Святого Духа, и в тех, кои не имеют Его. Ибо духоносцы имеют житие свое на небесах, сделавшись из людей более Ангелами, а эти (не имеющие Духа) сидят еще во тьме прародительской и в сени смерти, прикованные к земле и земному. И те освещаются обильно мысленным невечерним светом, а эти только чувственным; те видят и себя самих и ближних, – а эти, видя каждый день и себя самих и ближних умирающими душевной смертью, не знают и не верят, что есть воскресение мертвых, суд и воздаяние каждому по делам его.

175) Имеешь ли ты Духа Святого, это можешь ты верно узнать из действий Его в тебе, как говорит о сем св. Павел, – что *где Дух Господень, там свобода* (2 Кор. 3, 17), – и что там *плоть убо мертва греха ради, дух же живет правды ради* (Рим. 8, 10), – что *иже Христовы суть, плоть распяша со страстьми и похотьми* (Гал. 5, 24). Ибо крестившиеся в Духе Святом облеклись во всего Христа, стали сынами света и ходят в невечернем свете, видя мир, не видят и, слыша мирское, не слышат. Как о плотских людях написано, что они видя не видят, и слыша о божественных вещах, не разумеют того и не могут вместить духовного, потому что оно кажется им буйством: таким же образом рассуждай и об имеющих в себе Духа, что они хотя носят тело, но не плотяны суть, как говорит Апостол: *вы несте во плоти, но в Дусе, понеже Дух Божий живет в вас* (Рим. 8, 9). Они мертвы для мира, и мир мертв для них, как он же говорит о них в своем лице: *мне мир распяся и аз миру* (Гал. 6, 14).

176) Как человек двояк, состоя из души и тела: так и мир, подобно ему, двояк – видимый и невидимый, и в каждом из них свои особые идут дела по духу каждого, и свои заботы о делах. То же нахожу и я в видениях и снах. Чем душа занята и о чем разглагольствует наяву, о том мечтает или философствует она и во сне: или проведя весь день в работах о делах человеческих, об них же суетится она и в сновидениях, или поучаясь все время в вещах божественных и небесных, в видение их входит и во время сна и умудряется видениями, по пророку: *юноши ваши видения узрят* (Иоиль в Деян. 2, 17). И не прельщается ложными сновидениями, но сновидит истинное и поучается откровениями.

177) Когда желательная часть души движется на страсти, утехи, наслаждения и удовольствия мира сего, тогда душа видит и сны, подобные сему. И опять, когда раздражительная часть души звереет и свирепствует против однородных себе людей, тогда и в сновидениях видятся нападения зверей и пресмыкающихся, войны и брани, споры и бой в судах с теми, с коими состоят в раздоре. Когда же умственная часть души надымается в тщеславии и гордости, тогда во сне мечтаются воспарения на воздух на крыльях или восседания на высоких креслах судей и властителей народных, торжественные выходы и встречи и т. п.

178) У тех только бывают истинные во сне видения (их не следует называть снами, а видениями), – которых ум благодатью Святого Духа сделался прост и свободен от всякого давления со стороны страстей и от рабства им, – у которых вся забота и попечение о божественном и все помышление о будущих наградах и воздаяниях, – которых жизнь выше жизни живущих, беспопечительна, не развлеченна, тиха, чиста, исполнена милости, мудрости, небесного ведения и других плодов благих, возделываемых в них Духом Святым; у тех же, кои не таковы, сны ложны и беспорядочны, и все в них обман и прелесть явная.

179) Кто делает мертвой волю свою, тот всеконечно делается безвольным, не имеющим воли; из живых же и самодвижных тварей нет ни одной безвольной, кроме не имеющих чувства и движения. Растения движутся как-то внутри и возрастают; но не говорится, что они делают это движение и рост по естественной воле своей, потому что они бездушны. Но всякая воодушевленная тварь имеет и естественную волю. Итак, кто умертвит волю свою подвигом и особым направленным к тому вниманием и тщанием и сделается безвольным, тот очевидно вышел из естества своего и стал вне его, и ничего уже не хочет собственным хотением своим, и ничего не делает сам, ни доброго, ни худого.

180) Из тех, которые сподобились сделаться едино с Богом, соединяясь с Ним содействием Святого Духа, и вкусить неизреченных благ Его, никто не услаждается пустой, скажу – бесчестной и ничтожной славой, приносимой ему от людей; не вожделевает он также ни денег, ни одежд дорогих, ни камней многоценных, как называют их люди неразумные, – не любит прилеплять сердца своего, или пристрастие иметь, и к богатству, текучему и непостоянному, переносящемуся от одного к другому, – не любит и того, чтоб знаему быть царям и начальствующим, которые не суть поистине начальники, властители и господственные, будучи обладаемы и господствуемы многими страстями; он и не почитает их за что-либо

великое и высокое и не думает, чтоб они особой какой облекали славой тех, кои близкими становятся к ним, – не желает быть близким и к другому кому из именитых и славных в мире сем, как никто не желает из богатого сделаться бедным, или из властного начальника, великого и славного сделаться бесчестным, бесславным, презренным, низшим всех.

181) Тому, кто много говорит устами в молитве своей, неудобно сознавать все, что говорит; но кто молится немногословно, тот может сознавать, что говорит в молитве. Тем, которые не все сознают хорошо, что говорят, положено много говорить; тот же, кто научился сознавать, что говорит в молитве, не может говорить много, чтоб не рассеиваться умом. Нет нужды много говорить к Богу, но немного с разумным сознанием того, т. е. чтоб понимаемо было то. Впрочем, молиться с разумным сознанием никак невозможно, не сделавшись причастником Духа Святого. Если кто не сдружился с Богом чрез Господа Иисуса Христа в Святом Духе, то душа его не может молиться с разумным сознанием, как сказал один из великих отцов: то, силою чего мы молимся, как должно, есть Дух Святый. Итак, кто думает, что молится настоящим образом без Духа Святого, тот, и прославляя Бога песнословно, то же, что хулит Его, поскольку нечист есть и не содружился еще с Богом.

182) Как тот, кто всегда смотрит на солнце чувственное, и нехотя претерпевает изменение в зрении, т. е. начинает смотреть иначе, потому что не может ничего другого из видимого видеть, а во всем видит одно солнце: так и тот, кто умом своим и сердцем всегда смотрит на умное Солнце Правды, – и нехотя претерпевает изменение в умном зрении, потому что он ничего уже из земного воображать не может, но во всем видит Единого Бога.

183) [11] Спросили однажды святого и блаженного сего Симеона, каков должен быть иерей, и он ответил, говоря: я недостоин быть иереем, но каков должен быть иерей, верно знаю. Во-первых, он должен быть чист не только телом, но и душой, и при этом непричастен никакому греху. Во-вторых, он должен быть смирен не по внешнему только облику и обычаю действовать, но и по внутреннему настроению. Потом, когда предстоит священной и святой трапезе, должен всеконечно, видя чувственно святые дары, мысленно созерцать Божество. И не это только, но и Самого Того, Кто невидимо присущ в дарах, должен он стяжать и иметь обитающим в себе в сердце своем сознательно, чтоб таким образом с дерзновением мог он возносить моления к Богу и, как друг с другом беседуя, говорить: *Отче наш, Иже еси на небесех, да святится имя Твое,* потому что молитва сия показывает, что произносящий ее имеет живущим в себе сущего по естеству Сыном Божиим, со Отцом и Святым Духом. Таких видел я пресвитеров, простите мне, отцы и братия.

184) Говорил он еще и следующее, будто об ином ком, себя прикрывая и бегая славы человеческой, понуждаемый однажды объявить то по любви к ближнему на общую пользу: слышал я, говорит, от одного монаха иерея, доверявшего мне, как другу своему: никогда (говорил он) не литургисал я, не увидев Духа Святого, как видел Его сошедшим на меня в то время, когда меня рукополагали и митрополит читал надо мною молитву иерейского посвящения и Евхологий[12]лежал на бедной главе моей. Я спросил его: как он Его тогда видел и в какого рода образе? Он сказал: простым и безвидным, однако ж, как свет; и когда я, увидев то, чего никогда не видел, удивился сначала и сам в себе рассуждал, что бы это было такое, – тогда Он таинственно, но внятным гласом сказал мне: Я так нисхожу на всех пророков, и апостолов, и нынешних избранников Божиих и святых; ибо Я есмь Святый Дух Божий. – Ему слава и держава во веки веков. Аминь.

[11] Это и след. и в Добротолюбии есть, – тоже в конце.

[12] Омофор с возложением рук; а Евхологий, или служебник, держит книгодержец.

Старец Симеон Благоговейный

Подвижническое слово старца Симеона Благоговейного

Предлежащее слово подвижническое и нравоучительное, состоящее из многих глав, не св. Симеону Новому Богослову принадлежит, а Симеону Благоговейному, старцу св. Симеона Нового Богослова

1) [13] Брате, в самом начале отречения своего от мира потщися насадить в себе благие добродетели, чтоб и братству ты был полезен, и самого тебя Господь возвеличил напоследок. Не стяжай себе особого дерзновения пред игуменом и не ищи себе особой от него чести. Не стяжай дружбы с наибольшими в обители и не части в келлии их, зная, что чрез это не только страсть тщеславия начнет пускать в тебе свои корни, но и самому настоятелю сделаешься ненавистен; а почему это – разумеваяй да разумеет. Сиди в мире в келлии своей, какова бы она ни была; но и хотящего посетить тебя и побеседовать с тобой не отвращайся, ради сохранения своего благоговения, потому что, с совета отеческого беседуя с ним, не потерпишь вреда, хотя бы он и был из противных, т. е. не согласен с тобою ни в правилах, ни в мыслях. Если и не видишь, чтоб это было полезно для тебя, делай так, побуждаясь возможностью доставить пользу другому.

2) Должно всегда иметь страх Божий и каждодневно обследовать и обсуждать, что доброго и что худого сделано тобою, – и доброе предавать забвению, чтоб не впасть в страсть тщеславия, а о противном тому проливать слезы с исповедью и напряженной молитвой. Суд сей над собою совершай так. Когда кончится день и настанет вечер, начинай разглагольствовать с собою и вопрошать себя: как, с помощью Божией, провел я день сей? Не осудил ли кого? Не досадил ли кому словом? Не соблазнил ли кого? Не посмотрел ли страстно на чьелибо лицо? Не ослушался ли в чем настоятеля по послушанию своему и понерадел о нем? Не прогневался ли на кого? Стоя в собрании (церковном), не занимал ли ума своего чем бесполезным или, отяготясь от лености богослужением, не уходил ли из церкви и с правила? Хотя бы нашел себя во всем этом неповинным, – что однако ж невозможно, потому что *никто не бывает чист от скверны, аще и един день будет жития его* (Иов. 14, 4), и *никто же похвалится чисто имети сердце* (Притч. 20, 9); и тогда, помянув это, возопи к Богу со многими слезами: Господи, прости мне, елика согреших словом и делом, в ведении и неведении, ибо мы во многом погрешаем, не зная того.

3) Каждодневно должно исповедовать всякий помысл духовному отцу своему, и что он будет говорить тебе, принимать то как из уст Божиих с полным убеждением (в истине того непреложной); другому же никому не передавать, что-де спросил я отца моего о том-то и о том-то, и он ответил мне то и то; и тем паче не переспрашивать, хорошо ли он сказал мне это, и что мне делать во уврачевание себя? Потому что это суть слова неверия отцу своему и пагубны для души. Это наиболее случается обычно с новоначальными.

4) Всех, сущих в киновии, должно видеть святыми и только себя одного почитать грешным и последним, прилагая к сему, что из всех спасаемых ты один осужден будешь на вечные муки в день он. Когда стоишь на службе, все об этом думай и не переставай тепло плакать в сокрушении сердечном, не обращая внимания на соблазняющихся или насмехающихся. Только когда увидишь, что начинаешь от этого поскользаться в тщеславие, тогда выходи их

[13] Добротолюбие, 120.

церкви и делай это втайне, поскорее возвращаясь потом на свое место. Это для новоначальных очень полезно; особенно во время шестопсалмия, чтения Псалтири и поучений и во время Божественной литургии. Но смотри никого не осуждай, а вот что положи в уме своем: те, которые видят меня так плачущим, почитая меня многогрешным, усердно молятся о мне. И конечно так непрестанно помышляя и всегда поступая, великую получишь ты пользу, – и Божию привлечешь благодать, и божественного блаженства причастником сделаешься.

5) Не ходи ни к кому в келлию, кроме игумена, и это как можно реже. Но если желаешь спросить его о каком-либо помысле, делай это в церкви; от службы же церковной прямо уходи к себе в келлию и потом на дело послушания своего; а после повечерия, положив поклон игумену и испросив молитв, опять, поникши головой, с молчанием беги в келлию. Лучше одно Трисвятое прочитать со вниманием и лечь спать, нежели без сна провести четыре часа в бесполезных разговорах. Впрочем, где сокрушение и плач духовный, там и божественное осияние; а когда оно найдет, тогда отгоняются и леность, и немощь.

6) Особой любви ни с каким лицом не заводи, особенно из новоначальных, хотя и покажется тебе жизнь его очень хорошей и нимало не подозрительной. Потому что из духовной такая любовь очень часто прелагается в страстную и бывает причиной многих бесполезных скорбей. И это случается наиболее с теми, кои ревностнее подвизаются. Впрочем, смирение и частая молитва научит, как тут поступать; подробно же говорить о сем здесь не нахожу уместным. Разумный да разумеет.

7) В отношении к каждому брату в киновии надо держать себя чужим и отстраненным, особенно из тех, кои были знакомы по мирской жизни, но всех любить, и любить ровно, – на благоговейных и подвижников смотреть как на святых, а о подобно мне нерадивых прилежно молиться. Впрочем, как и выше показали мы, почитая всех святыми, потщися плачем очиститься от страстей, чтоб, осветившись благодатью, на всех смотреть одинаково и сподобиться блаженства чистых сердцем.

8) Вот что почитай совершенным, имени своего достойным, удалением от мира, – всеконечное воли своей умерщвление, потом беспристрастие к родителям, родным и друзьям и совершенное от них отречение.

9) Далее еще обнажение себя от всего имущества своего чрез раздаяние его бедным, по Слову Господа, сказавшего: *продаждь имение твое и даждь нищим* (Мф. 19, 21), и забвение действительное всех лиц, какие сердечно любил или плотской, или духовной любовью.

10) Также исповедание всех сокровенностей сердца твоего и всего, что до сего самого часа наделано тобой, духовному отцу или игумену, как Самому Богу, испытующему сердца и утробы, ведая, как Иоанн крестил крещением покаяния, и все шли к нему исповедовать грехи свои (Мк. 1, 4, 5). Ибо от этого бывает великая радость на душе и облегчение совести, по пророческому слову: *глаголи ты первее грехи твоя, да оправдишися* (Ис. 43, 26).

11) Еще и то, чтоб положить в помысле такое убеждение, что после твоего поступления в обитель померли твои родителя и друзья, почитать отцом и матерью лишь Бога и настоятеля; затем ничего уже у них не просить ради телесной потребности. Если они по своему о тебе попечению пришлют тебе что, прими то и помолись о них за их о тебе заботу, но присланное отдай в гостиницу или в больницу, и сделай это со смирением, потому что это не есть дело совершенных, но последнейших.

12) Делай всякое дело доброе со смирением, помня слова Господа: *егда сотворите вся повеленная вам, глаголите, яко раби неключими есмы: яко, еже должны бехом сотворити, сотворихом* (Лк. 17, 10).

13) Всячески блюдись, чтоб никогда не принимать Св. Причастия, имея что-либо на кого, даже в виде прилога помысла, пока не устроишь совершенного примирения с ним посредством покаяния. Впрочем, и этому научишься от молитвы.

Каждодневно будь готов к подъятию всякой скорби, помышляя, что скорби суть избавление от многих долгов, и благодаря за них (когда встретятся) Святого Бога. Сим образом стяжается непостыдное упование по слову великого Апостола: *скорбь терпение соделовает, терпение же искусство, искусство же упование, упование же не посрамит* (Рим. 5, 3–5); так как, по неложному обетованию, *ихже око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша* (1 Кор. 2, 8), есть достояние тех, кои, с помощью благодати, показывают полное терпение в скорбях; без благодати же ничто не может быть сделано, как следует.

14) Не имей в келлии своей никаких вещей, даже до иглы, кроме рогожи, овечьей кожи, рясы и того, во что одеваешься (или чем одеваешься ночью), – если возможно, ни даже подножия. Есть что сказать о всем этом; но разумный да разумеет.

15) Опять и у игумена не проси ничего потребного, кроме положенного по уставу; но и это, когда сам он позовет тебя и даст, никак не соглашаясь при сем с помыслом, внушающим переменить что-либо из даваемого, но каково бы оно ни было, принимай то с благодарностью, как от Бога, – и тем довольствуясь, без замысла купить другое от себя, потому что это неуместно. Так как платье загрязняется, то его надо мыть дважды в год, выпрашивая на это время подобно нищему и страннику, со всем смирением у другого брата, чем одеться, пока своя одежда вымытая высохнет на солнце, и потом опять отдавая то с благодарностью. Так и с рясою поступать надобно, и со всем другим.

16) Трудись по силе (не ленясь) в деле послушания, а в келлии прилежи молитве, со вниманием, сокрушением и частыми слезами, не слагаясь в сердце с помыслом, что-де, как ныне я перетрудился, то отниму немного от молитвы, труда ради телесного: ибо говорю тебе, что, сколько бы кто ни преутруждал себя в деле послушания, коль скоро чрез это отвлекается он от молитвы, пусть держит в мысли, что потерял нечто великое. И это так есть воистину.

17) Прежде всех приходи в церковь на богослужение и после всех выходи, кроме крайней какой нужды, – особенно на утреню и Литургию.

18) Всякое повиновение имей к своему игумену, от которого и пострижен ты, и без раздумий исполняй, что ни повелит он, даже до смерти, хотя бы то казалось тебе и невозможным. Действуя так, будешь подражателем Того, Кто послушлив был даже до смерти, смерти же крестной. Но не только игумена, но и всю братию, и того, кому поручено смотреть за послушаниями, ни в чем не должно ослушаться. Если он назначит тебе что не по силам тебе, положив поклон, проси снисхождения; если не снизойдет, понуди себя исполнить то, помышляя, что *нудящихся есть Царствие* и что *его восхищают те, которые нудят себя* (Мф. 11, 12).

19) С сокрушенным сердцем припадай к ногам всей братии, как ничтожный, безвестный и совсем будто не сущий. Кто так обращается со всеми и так проводит жизнь свою, тот, дерзаю сказать, бывает прозорливым и с помощью благодати многое предсказывает. Таковой молится и о прегрешениях других братьев, пребывая не развлекаемым пристрастием к вещественному, так как духовная Божественная любовь не попускает ему поскользнуться на это. Предсказывать не дивное дело. Часто бывает это и от бесов, – но разумный уразумеет сие. Впрочем, когда кто начнет исповедовать или принимать открытия ему помыслов другими, то бывает, что лишается и сего, будучи занят рассуждением помыслов других. Но если по великому смирению перестанет это делать, т. е. выслушивать и говорить по сему случаю, то опять возводится в прежнее устроение. Почему так бывает, знает един Бог; я же, страхом объемлем, не дерзаю говорить об этом.

20) Имей ум всегда в Боге и во время сна и во время бодрствования, при вкушении пищи и беседе, за рукоделием и всяким другим делом, по слову пророка: *предзрех Господа предо мною выну, яко одесную мене есть* (Пс. 15, 9). Почитай себя грешнейшим паче всякого человека. Ибо когда такое помышление долгое время занимает ум и сердце, тогда внутри обыкновенно является некое духовное сияние света, наподобие луча. И чем более взыски-

ваешь его со вниманием крепким, мыслью неразвлеченной, трудом великим и слезами, тем более оно является яснейшим и яснейшим: являясь таковым, возлюбляется; любимо бывая, очищает; очищая, делает благовидным, просвещая и научая различать доброе от худого. Впрочем, брате, много требуется труда и с Божией помощью, чтоб такое сияние благодатное совершенно вселилось в душу твою и ее освещало, как луна мрак ночи. Потребно также внимательно смотреть, не прокрались бы прилоги помыслов тщеславия и самомнения, чтоб не осудить кого, видя, что он делает что-нибудь неподобающее. Ибо демоны, видя, что душа чрез вселение в нее благодати и установление в ней мирного устроения освободилась от страсти и искушений, обыкновенно влагают в нее такие помыслы; но помощь от Бога (приходит и разоряет их козни). Да будет у тебя и плач непрестанный, и сытости в слезах не знай. Внимай еще, как бы не пострадать чего из-за обильной радости духовной и умиления; а постраждешь, если подумаешь, что они суть плод собственного твоего труда, а не благодати Божией, потому что за это они взяты будут от тебя, – и ты много поищешь их в молитве и не обрящешь, – и узнаешь, какое потерял ты дарование благодати. Но, Господи, никогда не попусти нам лишиться благодати Твоей. Впрочем, брате, если и случится сие с тобою, возверзи на Бога немощь свою и, восстав, воздень руки свои и так говори в молитве: Господи! Помилуй меня грешного, немощного и бедного, и ниспосли на меня благодать Твою, не попуская мне искуситься паче, нежели могу. Виждь, Господи, в какое бездушие и в какие помыслы ввергли меня грехи мои многие. Я, Господи, если бы и захотел почесть, что мое самомнение, бывшее причиной лишения Твоего благодатного утешения, произошло у меня от бесов, не могу тем извинить себя, ибо знаю, что с теплым усердием творящие волю Твою легко сопротивляются им. Не они, а мои собственные грешные расположения, кроющиеся в сердце, искусили меня. Каюсь в сем, Господи мой, Господи, и молю Тя, если благоугодно Тебе и для меня полезно, да внидет паки благодать Твоя в раба Твоего, да, видя ее, радуюся со умилением и плачем, – будучи просвещаем присносветлым сиянием ее и сохраняем от скверных помыслов, и всякой злой вещи, и от всех недобрых дел и слов, коими каждодневно согрешаю я в ведении и неведении, – укрепляясь в благонадежном дерзновении пред Тобою, Господи, скорбями, каждодневно приключающимися рабу Твоему от бесов и людей, и отсечением собственной воли своей, помышляя и о благах, уготованных любящим Тебя. Ибо Ты сказал, Господи, что *просяй приемлет, ищай обретает, и толкущему отверзется* (Мф. 7, 8). К сему, брате, прилагая и другое, что вложит Бог в сердце твое, пребывай терпеливо в молитве, не расслабляясь скукой и унынием, – и благий Бог не оставит тебя.

21) В келлии, какую вначале получил ты от настоятеля, терпеливо пребудь до конца. Если помысл станет смущать тебя по причине ее ветхости или опасности падения, то, поклонившись настоятелю, скажи ему об этом со смирением. Если он выслушает тебя, радуйся; а если нет, и в таком случае благодари, воспомянув о Владыке своем, не имевшем, где главу подклонить. (И не повторяй уже прошения). Ибо если ты два, три или четыре раза подокучаешь об этом настоятелю (и не получишь удовлетворения), то от этого родится сначала дерзость пред ним, потом недоверие к нему и наконец презрение (и жизнь твоя расстроится). Почему, если хочешь проводить жизнь тихую и покойную, не проси у настоятеля ничего, что служит к удовлетворению телесных нужд. При поступлении твоем в монашество вначале об этом и речи не было. Не обещался ли ты напротив мужественно сносить по Заповеди Божией, если бы тебя все презирали и уничижали? Итак, если хочешь сохранить веру и любовь к настоятелю своему и всегда смотреть на него как на святого, соблюди следующие три вещи: не проси у настоятеля того, что служит к упокоению телесному, не позволяй себе особой пред ним смелости и не учащай к нему, как некоторые делают, имея в виду будто бы то, чтоб пользоваться его наставлениями и руководством, – не иноческое это дело, а человеческое; впрочем, я этого не осуждаю. Прибавь к сказанному еще и то, чтоб не скрывать от него никакого помысла, находящего на тебя. Если будешь соблюдать все сие, то без волнений

переплывешь море жизни, и отца своего, каков бы он ни был, не перестанешь почитать святым. Если, подошедши в церкви к отцу своему спросить о своем каком-либо помысле, найдешь, что другой предупредил тебя по тому же предмету или другому какому, и увидишь, что на тебя не обращается внимание, смотри не оскорбись и не подумай чего-либо недоброго; но стань особо поодаль и жди, сложив руки, пока не кончится речь с тем и тебя не позовут. Бывает, что отцы нарочно так делают для испытания и для заглаживания прежних наших в сем обстоятельстве погрешностей.

22) Поститься в посты надлежит тебе так: в Великий пост по два дня, кроме великого какого праздника, субботы и воскресенья; в другие посты через день (вкушать); в прочие же дни года есть по одному разу в день, кроме субботы, воскресенья и праздника, – но не досыта.

23) Старайся быть для всего братства назидательным образцом во всякой добродетели, – в смирении и кротости, в милостивости и послушании даже в низких вещах, в безгневии и беспристрастии, в нестяжательности и умилении, в незлобии и нелюбопытности, в простоте нрава и чуждости ко всякому человеку, в посещении болящих, в утешении скорбящих, – в том, чтобы не отвращаться от ищущих пользы под предлогом беседы с Богом: ибо любовь лучше молитвы, – в том, чтоб быть сострадательну ко всем, нетщеславну, недерзостну, нетребовательну ни от настоятеля, ни от другого какого распорядителя, соблюдающу почтительность ко всем иереям; – в том, чтобы показывать внимание к молитве, неподдельное благонастроение и любовь ко всем, чтоб не славы ради стараться любопытно исследовать Писания, – чему научит тебя молитва, бывающая со слезами, и просвещение благодати. Когда спросит кто о чем подобающем, учи его тому, что касается богодейственных и богоугодных деланий, как подаст тебе благодать, со всем смирением, из опытов своей жизни, как бы другого кого, не тщеславясь в помысле, кто бы ни был ищущий у тебя пользы. И того не отвращайся, кто ищет у тебя врачевства против какого-либо помысла, но восприими его погрешения, какие бы они ни были, и молись о нем с плачем: ибо это есть знак совершенного сострадания и любви. И того ради, чтоб не получить вреда от слышания таких вещей, не отревай от себя приходящего. Действуя из любви, не потерпишь никакого вреда при помощи благодати Божией. Впрочем, чтоб не произошло от этого вреда для других, надобно вести речь о сем (т. е. принимать помыслы и давать уроки по поводу их) в тайном месте. Но если и подвергнешься, как человек, приражению какого помысла, – чего однако ж не потерпишь, если сподобился действия благодати, – то и при этом не переставай так действовать: ибо мы учимся не своей *искать пользы, но многих, да спасутся* (1 Кор. 10, 33). Относительно действа благодати знай, что когда станешь ты воистину иметь себя грешнейшим паче всякого человека, тогда это будет значить, что восприял ты действо благодати. Будь только беспопечителен (о земном) и нестяжателен, – и сподобишься сего. Как же все сие бывает, не умею сказать: Бог весть.

24) Часы бдения проводи так: два часа читай (отеческие книги), два часа молись в умилении со слезами, (это от себя, не по молитвеннику), затем приложи канон, какой хочешь (или из Октоиха дневной, или из Минеи, или общепокаянный, или еще какой), и двенадцать псалмов, если угодно, – наконец молитву: *Нескверная, Неблазная,* и молитву св. Евстратия: *Величая величаю Тя.* Это когда ночи бывают велики; когда же они коротки, тогда и последование молитв пусть будет у тебя покороче, по данной тебе от Бога силе: ибо без Него ничто доброе не делается, как говорит пророк: *от Господа стопы человеку исправляются* (Пс. 36, 23), – и как сказал Господь: *без Мене не можете творити ничесоже* (Ин. 15, 5). – Но причащаться никогда не причащайся без слез.

25) Ешь предлагаемое, каково бы оно ни было; подобным образом и вино (пей, какое подадут), с воздержанием, без ропота. Если живешь один, по немощи ешь сырые зелья (овощи, салаты) с маслинами. Если кто из братий пришлет тебе какое варево, прими с бла-

годарностью и смирением, как странник, и поешь того, что бы то ни было, что же останется, пошли то другому брату, бедному и благоговейному. Если кто позовет тебя на угощение, ешь все предлагаемое, но всего помалу, по заповеди, соблюдая воздержание. Вставши из за трапезы, сделай поклон звавшему, по обычаю странников и бедных, и поблагодари его, говоря: Бог да воздаст тебе, отче святый. Говорить же ничего не говори, хотя бы приходилось сказать и что-либо полезное.

26) Если кто из братий в скорби или от настоятеля, или от эконома, или от другого кого придет к тебе, утешь его такими словами: «поверь брате, что это случилось тебе на испытание. Часто и со мною бывало это, и я по малодушию скорбел от того; но когда воспринимал удостоверение, что это посылалось мне на испытание, переносил то с благодарностью. Поступай и ты таким же образом, и не печалиться, а паче радоваться будешь от таких скорбей». Хотя бы тот на брань и поношение (оскорбивших) поползнулся, ты и при этом не отворачивайся от него, но как подаст тебе благодать, постарайся утешить его. Ибо много есть рассуждений (пригодных на это дело); и ты, как поймешь состояние брата и его помыслы, сообразно с тем подойди с ними к нему и помоги ему; неуврачеванным же ни за что не отпускай его от себя.

27) Если какой брат болен, и тебе случится долгое время не посетить его, то, желая наконец это сделать, пошли наперед предуведомить его и сказать: поверь мне, отче святый, что я ныне только узнал о болезни твоей, и прошу в этом извинения. Потом сам иди, и пришедши, положи поклон и по молитве скажи: как тебе, отче святый? Как милует тебя Бог? – затем сядь, сложа руки, и молчи. Если и другие там будут, пришедшие для посещения, смотри ничего не говори, ни от Писания, ни из естествословия, чтоб после не скорбеть. Это наибольшей частью случается с простейшими из братий.

28) Если случится тебе угощаему быть трапезой вместе с другими благоговейными братиями, все предлагаемое надобно тебе есть без раздумий, что бы там ни было. Если имеешь от кого-либо заповедь не есть, например, рыбы или другого чего, а это предложено: то когда тут же или недалеко давший тебе заповедь, поди и умоли его позволить тебе есть то; когда же нет его, или знаешь, что он не разрешит тебе, а ты не хочешь смутить тех, с которыми сидишь за трапезой, ешь не колеблясь, и после стола расскажи ему все, как и почему так ты поступил, прося прощения. Если не хочешь ни того, ни другого, то лучше тебе не ходить на такое угощение. От этого получишь ты два добрых плода: и беса тщеславия избежишь, и тех братий избавишь от смущения и неприятности. – Но если то будут братия из дебелейших, то соблюди свою заповедь. Впрочем, лучше и при них есть понемногу от всего. – Таким же образом поступай и при утешении всей братии кем-либо (когда кто для всей братии предлагает трапезу), по Апостолу, заповедавшему нам *все предлагаемое есть ничтоже сумняся за совесть* (1 Кор. 10, 27).

29) Если кто из братий, когда ты творишь молитву в келлии своей, постучит в дверь, отвори ему и сядь побеседуй с ним со смирением о том, что предложит он из относящегося к душеполезным предметам, и если он отягчен скорбью, постарайся утешить его словом или делом. Потом, когда удалится он, затвори опять дверь и закончи свою молитву, начав с того, на чем прерван был. Ибо утешение и уврачевание приходящих равнозначительно с примирением (враждующих). Впрочем, с мирскими не так должно поступать, – но начинать с ними беседу уже по окончании молитвы.

30) Когда молишься, страх ли нападет на тебя, или стук подымется, или свет воссияет, или другое что случится, не смущайся и не робей; но пребудь на молитве гораздо долее обыкновенного. Такое смятение, страхование и ужасание бывает от демонов, чтоб, растерявшись и расслабев, оставил ты молитву, а когда такие тревоги обратятся у тебя в навык, чтоб совсем тебя взять в свои руки и помыкать тобой. – Но, если во время совершения тобою молитвы своей, иной некий воссияет тебе свет, которого изобразить в слове я не в силах, от которого

душа преисполняется радости, возрождается вожделение лучшего и начинают течь слезы со умилением; то ведай, что это есть Божеское посещение и заступление. Если слишком долго будет держаться такое состояние, то, чтоб по причине обилия слез не показаться тебе пред собою чем-либо более, нежели каков ты на деле, обрати ум свой на что-либо телесное и тем смири себя. Из-за страха же вражеского смотри никогда не оставляй молитвы; но как дитя, убоявшись каких-либо страшилищ, бежит в объятия отца или матери и там отлагает всякий страх, так и ты, востекши к Богу с молитвою, избежишь страха, наводимого бесами.

31) Если, когда ты сидишь в келлии, какой-нибудь брат придет и спросит тебя о плотской брани, не отсылай его ни с чем; но с умилением из того, что подаст тебе благодать Божия и что стяжал ты собственным опытом, попользуй его и так отпусти. Когда же будет он выходить, поклонись ему и скажи: поверь мне, брате, – уповаю на человеколюбие Божие, что отбежит от тебя эта брань, только не поддавайся и не расслабляйся (не поблажай). А когда выйдет, встань и, вообразив брань его, воздень руки свои к Богу и помолись Ему о брате со слезами и воздыханиями, говоря: Господи Боже, не хотящий смерти грешника, устрой дело сие, как знаешь и как полезно брату сему. И Бог, зная веру его к тебе и твое к нему из любви сострадание и искреннюю о нем молитву, облегчит ему брань его.

32) Все сие, брате, пригодно к возбуждению и укреплению умиления, и должно все то исполнять с сокрушенным сердцем, терпением и благодарением; так как в этом причина слез, очищение страстей и прямой путь в Царствие Небесное: ибо Царствие Небесное есть достояние нудящих себя, и только нудящие себя восхищают его. Если исполнишь все это, то совершенно отстанешь от прежних навыков и расположений, а может быть, станешь свободен и от самих прилогов помысла: ибо обыкновенно свету уступает тьма и солнцу тень. Кто же вознерадит о сем вначале, тот, расслабев в помысле и сделавшись пытливым (занявшись пустыми вещами), лишается благодати и вследствие того впадши в злые страсти, познает свою немощь (являет опыты немощи, или опытом изучает ее), полон будучи боязни и робости (того не могу, другого не в силах – говорит он и чувствует, когда сознает, что следовало бы то и то сделать). Тому, кто исполняет это, не должно думать, что исполняет то собственными силами, но все приписывать благодати Божией. Ему прежде надобно себя очистить, а потом чисто беседовать с Чистым (Богом), как сказал некто. Когда ум очистится многими слезами и восприимет осияние Божественного света (которое не умалится, хотя бы его весь мир получил), тогда с любовью мысленно пребывает весь в будущем[14] и созерцает его, как то показывает ему Бог, и радуется радостью духовной, по Апостолу, который говорит: *плод духовный есть любы, радость, мир, долготерпение, кротость* (Гал. 5, 22, 23).

33) Кто стяжал сие, да внимает себе и бдительно смотрит за прилогами помыслов. Ибо кто живет среди множества людей, тому невозможно, думаю, избежать их, особенно прилогов зависти и тщеславия тому, кого хвалят мирские люди за славную жизнь его и презрение видимых вещей. Но и то бывает, что иной раз видя или слыша, как кто-нибудь поступает неподобающим образом, невольно осуждает его. Почему таковой пусть остерегается от любопытства знать, что говорит или что делает игумен или помощники его; если же побеждаемый страстью подумает или скажет что с любопытством (или то, что узнал, или чтоб узнать о них), пусть исправит себя в этом покаянием. Пусть смотрит он за собою в сем отношении и во время стояния в церкви, и во время исправления дела послушания; потому что помыслы тщеславия и в это время обыкновенно нападают на ревнителей доброго действования, когда или по тому поводу, что они добре внимают псалмопению, или по тому, что молятся без блуждания ума туда и сюда, внушают им, будто другие братья все мятутся помыслами и только они одни пребывают в созерцаниях, возбуждаемых духовной мелодией (пением псалмов), мысленно подражая чинам ангельским, – что однако ж никому не явно,

[14] Отселе до конца глав в Добротолюбии нет.

кроме одного Бога и тех, которые одинакового суть с ними устроения. – Бывает, что иным еще образом искушают их помыслы, именно или осуждая их, или ублажая. – Впрочем, всего этого можешь ты избегать, если будешь блюсти себя и себе внимать со смирением, любовью, исповедью и беспристрастием.

34) Старайся никого не опечалить ни словом, ни делом; напротив, даже тех, которые опечалены другими, утешай, сколько можешь. Однако ж, никогда не думай, что ты препобедил козни дьявола, и не тщеславься. Ибо все человеческое естество не может препобедить их; одна благодать Божия творит сие. – Итак, живущие братством в подчинении настоятелю должны поступать, как сказано. Что же касается до любителей безмолвия (живущих одиноко), тем я не могу ничего сказать. Впрочем, судя по тому, что я сказал, всякий пусть сам додумывается и до того, что свойственно безмолвникам. Безмолвие требует более строгой и внимательной жизни.

35) Если стяжал ты полную веру к кому-либо из братий киновии и исповедуешь ему свои помыслы, смотри не опускай этого никогда, но всякий день и час ходи к нему и открывай помыслы, находящие и смущающие. Следовало бы всем ходить к игумену и исповедоваться; но как иные не хотят открывать помыслов своих игумену по немощи своей и неверию к нему, то я и говорю так по снисхождению к сему. Впрочем, не следует тебе переходить от одного к другому, слушая врага нашего, который обыкновенно внушает тайно, что-де ты тяготишь брата того, принимающего твои помыслы, тем, что часто ходишь к нему, или что стыдно тебе многократно сказывать ему о себе одно и то же, почему перестань исповедоваться у него, а ходи к другому. Ибо, если не послушаем таких внушений, а все будем ходить к первому, то еще большую возымеем к нему веру и еще большую получим пользу и от жизни его, и от слов его. За такую жизнь никто не будет осуждать нас, напротив, все будут хвалить, что с таким постоянством храним веру к нему одному. – Если вознерадим мы часто открывать помыслы свои, то впадем в большие страсти, и затем, стыдясь открыть их, впадем в ров нечаяния. – Если пойдем к другому духовнику (что непозволительно нам делать), то когда духовник этот одной с нами киновии, все братия осудят нас за то, что оставили веру, какую имели к прежнему, и Бог крепко осудит нас за это. Да и самый духовник, к которому перейдем, подумает, что и в отношении к нему мы так же поступим наконец. И наверное поступим; и таким образом, привыкши переходить от одного к другому, уже никогда не прекратим этого; начнем пытать, где есть какие столпники, затворники, безмолвники, и ходить к ним исповедоваться, тоже переходя от одного к другому и теряя веру к каждому. Наконец, потеряем веру ко всем, сделаемся неверующими никому и во всем безуспешными; и, что бедственнее всего, подпадем общему осуждению и клятве. Почему тому духовнику, которому исповедовался ты вначале, старайся пребыть верующим несомненно до самой смерти своей. Ибо, как я сказал, если презришь его и перейдешь к другому, то подпадешь многим искушениям, начнешь таким же образом осуждать и всех других, и сам себе угладишь путь в пагубу. Но Господи, Господи, избави нас от всякого неверия и подозрительности, и покрой божественною Твоей благодатью.

36) Если и ты сам приобретешь учеников, имеющих веру к тебе и исповедающих тебе свои помыслы, и увидишь, что они беседуют с некоторыми братиями из более благоговейных, – смотри не соблазняйся тем. Демоны и тем, которые право живут и добре ведут дела свои, внушают тайно, что такие ученики не шествуют в прямоте и простоте сердца и ходят к нам исповедовать помыслы свои не с истинною к нам верою, но прикрываясь лицемерием, не с доброй целью соглядают лишь свободу нашу, – и внушая это, возбуждают в нас неудовольствие и недоверие к таким ученикам. – Так ты не принимай такого помысла, когда бесы станут влагать его тебе, но со всей простотой и любовью, Бога ради и ради самого добра старайся исправить таковых и душевно попользовать их, почитая их преуспеяние собственной своей славой.

37) Если какой-либо из учеников твоих возымеет неверие к тебе; ты рассмотри, от чего это случилось, так как это бывает по многим причинам и предлогам: или от того, что, потщеславившись, будто уже достиг совершенства, впал он в гордость и не хочет уже называться учеником, а желает быть в учительском чине; или от того, что, утыв и утолстев (т. е. предавшись беспечности), возлюбил плоть и желает жить в полном довольстве телесном; или от того, что ты прежде любил его больше, а потом стал любить других, – и он впал в зависть; или от того, что он желает рукоположения, а ты препятствуешь ему, так как, судя по делам, им исповеданным, недостоин он священства; или от того, что ты предпочитаешь ему в этом другого, после него, может быть, к тебе пришедшего, потому что такого рода действование сильную причиняет скорбь тому, кто сильно желает и не улучает желаемого, – особенно если он пришел к тебе от малых ногтей и ты любил его по Богу крепко; или, может быть, ты когда-нибудь в побуждение, чтоб он воздерживался от страстей, обещал ему, что дашь ему позволение принять рукоположение (ибо духовники часто имеют обычай давать юным такие обещания рукоположения, чтоб воодушевить их отсечь совершенно наклонность, какую, по злой привычке, имеют они к известным страстям), и он, не улучив по недостоинству своему того, чего надеялся по обещанию твоему, подвигся на зависть и говорит такие обличения против того другого брата, что их даже выслушать нельзя спокойно, а не только высказать. Кроме сказанного, бывают и другие причины неверия, – когда, например, иной по нерадению впадает в сосложения (с худыми пожеланиями) или в действительные грехи, и стыдясь исповедовать то по тщеславию, умалчивает, а чрез умолчание такое мало-помалу приходит и в совершенное неверие (отцу своему); или когда кто, увидев тебя состоящим под влиянием какой-либо страсти, осудил тебя и отвратился от тебя. Признаком отвращения таковых от тебя да будет тебе, если ты опытен, взор лица их или, если это тебе неподручно, изменение во внешнем виде сравнительно с обыкновенным. Ибо учишь ли ты такого, или обличаешь, или утешаешь, он держит вид, будто принимает внушения твои, но видно, что он принимает их слухом, но сердцем не принимает, что они неприятны ему, что он пересмеивает их или раздражается против них. Если иной раз, желая испытать, чист ли он от страсти, велишь ты ему причаститься или другое что сделать, он тотчас соглашается сделать это без всякого раздумывания, чтоб ты не обличил его. – Врачевство для таковых – молитвы к Богу усердные со слезами, умножение любви, частое внушение, телесное упокоение и всегдашние собеседования, иногда кроткие и усладительные, а иногда строгие и обличительные, как лучше и пригожее к тому, чтоб они слушались и умягчались нравом.

38) Когда ученик твой скажет о некоторых братиях, что они благоговейны и похвалит их, ты промолчи. Если он спросит тебя о них, ответь со смирением: «поверь мне, отче, – не знаю; я, будучи малосмыслен, долг имею смотреть за своим нерадением; что касается до других, то они все по благодати Божией святы и добры; впрочем, каждый что посеет, то и пожнет». И ты не хвали и не осуждай никого в частности, но всех их хвали, – особенно, когда придет ученику твоему помысл, будто ты имеешь к кому-либо из них особую веру. Таким способом он облагонастроится и избавится от того помысла.

39) Если два юных брата возымеют любовь между собой в простоте сердца, и ты, услышав от иных, что эта любовь их не добрая, а страстная, – чувствуешь понуждение пресечь такое их друг к другу пристрастие, когда случится, что они часто ходят к тебе; то добре суди, как надлежит тебе вести к ним беседу о том, что может их упользовать, чтоб вместо пользы не причинить им вреда. Итак, если думаешь, что что-либо из сказанного тебе похоже на правду, позови одного из них и, беседуя с ним с истинной любовью, с лицом радушным и с душевной приятностью, толкуй ему о многих и разных предметах, но в эту речь свою внеси малое нечто и некоторым образом прикровенно и касающееся той страсти; затем скажи ему: внимать себе подобает нам, брате, потому что ходим посреди сетей, и *несть наша брань к плоти и крови, но к началом и ко властем, к духовом злобы* (Еф. 6, 12), и враг наш *яко лев*

рыкая ходит, иский кого поглотити (1 Петр. 5, 8). Уже многих он из великих подвижников победил в брани; тем легче одолеет он тех, кои подобно мне нерадивы. Внимай убо себе и блюдись от сосложения со всякими помыслами, и от особенного с каким-либо братом содружества, чтоб не вплестись тебе опять в прежние грехи или может быть и худшие. Прибавив после сего еще что полезное о других вещах, чтоб рассеять всякое подозрение, – отпусти его. Другого же совсем не трогай. Если этот, с коим говорил ты, дельный человек и подвижник истинно духовный; то он от одних к нему твоих слов разойдется с тем, если имеет веру к тебе, или разорвет он содружество то от стыда, или от тщеславия, или от страха, – так как иные по этим трем причинам с помощью благодати Божией отстают от страстей без труда и подвига. Если увидишь, что и после этого взаимное пристрастие сих юных остается по-прежнему, тогда призови и другого – одного, может быть, более бесстрастного, и потолкуй ему, подобно как и первому, или больше того. Потом прибавь и следующее: «слышал я, что ты имеешь любовь к такому-то. Зная вас обоих, я уверен, что эта любовь между вами духовная. Но чтоб иные не соблазнялись, послушай меня, если хранишь любовь и веру ко мне, перестань вести с тем братом беседы и сидеть наедине. И это тем охотнее, что игумен имеет хорошее о тебе мнение и намерен представить тебя к рукоположению». Сказав это, начни бранить и укорять другого, что он и страха Божия не имеет, и принадлежит к числу плотяных людей. Этим расположишь его отстать от того или по духовному побуждению, или по страсти тщеславия, хиротонии ради, о коей ты сказал.

Преподобный Никита Стифат

Краткое сведение о преподобном Никите Стифате

Преподобный Никита, пресвитер Студийской обители, искреннейший ученик св. Симеона, Нового Богослова, процветал в одиннадцатом столетии. Он посвящен был св. Симеоном во все таинства духовного любомудрия и в такой мере усвоил себе все добродетели его, что являлся воистину вторым параллельно с учителем своим солнцем, отражающем в душе своей все лучезарные преломления благодатных даров его и учений. – Потом и сам по себе, с неусыпными трудами углубляясь в Божественные Писания, иное же и делом испытав и пережив, собрал он премножество прекраснейших воззрений на порядки духовной жизни, и соделав чрез все сие ум свой как бы чреватым божественных и преестественных созерцаний, породил высокие и премудрые изречения, как желающим можно удостовериться из предлагаемых трех сотниц их, которые, если кто назовет точным правилом деятельной жизни, руководством к непогрешительному ведению, – зерцалом совершенства богоподобной жизни, одним словом, богатейшею сокровищницею нравственных уроков и умозрительных идей, тот скажет о них настоящую истину. Они как высоки по мыслям, так благолепны и по красоте выражений, так что недоумеваешь, мысль ли, в них заключающаяся, или красота изложения такое услаждение вливают в душу читающих.

Никиты преподобного монаха и пресвитера святейшей обители студийской Деятельных глав[15] сотница первая

1) Четыре, полагаю, есть причины, побуждающие писать о душеспасительных вещах. Первая есть свобода, самое, разумею, бесстрастие души, чрез притрудное делание достигшее до естественного созерцания творения и оттоле вступившее в мрак Богословия. Вторая, слезами и молитвою производимая, чистота ума, от коей рождается слово благодатное и источаются струи спасительных разумений. Третья – вселение в нас Святой Троицы, от Коей исходит светолитие Духа на пользу всякому из очищаемых для проявления таин Царствия Небесного и откровения сокрытых в душе сокровищ Божиих. Четвертая, – лежащий на каждом, получившем талант *слова разума* (1 Кор. 12, 8), долг, по смыслу угрозы Божией, гласящей: *рабе лукавый и ленивый, подобаше тебе вдати сребро Мое торжником: и Аз пришед, истязал бых свое с лихвою* (Мф. 9, 25–27); по каковой причине, конечно, и Давид говорил: *се устам моим не возбраню: Господи, Ты разумел еси. Правду Твою не скрых в сердце моем, истину Твою и спасение Твоерех, не скрых милость Твою и истину Твою от сонма многа* (Пс. 39, 10, 11).

2) Начало жизни по Богу – всецелое удаление от мира. Удаление же сие есть отвержение пожеланий души и земного мудрования отменение: вследствие чего, востекая к божественному мудрованию, соделоваемся мы из плотских духовными, умерщвляемы бывая плоти и миру, оживотворяемы же в душе, во Христе и Духе.

3) Ведение о Боге неложное, вера глубоко-внедренная, при презрении всего видимого, и добродетельное действование, чуждое самолюбия – се *треплетная вервь,* которая, по Соломону, *не скоро расторгнется* (Еккл. 4, 12) от духов лукавствия.

4) Верою чаем получить воздаяния за труды; потому легко переносим труды доброделания. Духом же Святым будучи в чем удостоверяемы, любовию воспаряем к Богу.

5) Не тогда, как терпим приражения нечистых помыслов, бываем мы уже принадлежащими и к части тех, кои делают непотребное. Но когда, по ослаблении в душе усилий ревности о добром, и ум вследствие небрежного и беспорядочного поведения начнет вращаться в смутительных и омрачительных воображениях, и труды по добродетели, при лености к богомыслию и молитве, престанут. Тогда, и не делая непотребного, числимся мы на стороне произвольно валяющихся в блате нечистых сластей.

6) Когда ослабнут бразды владычественнейших (высших) чувств, тогда тотчас поднимается восстание страстей и приходит в движение действо раболепнейших (низших) чувств. Ибо обычно неразумным сим (чувствам), разрешась от уз воздержания (или удержания и обуздания), бросаться на предметы страстей и пастись на них, как на смертоносных пажитях, и это тем ненасытнее, чем долее продолжается услаждение ими; потому что не могут, когда свободны от уз, удерживаться от вкушения того, к чему естественное имеют стремление.

7) Из чувств одни, – именно зрение и слух, – словесны суть и паче других любомудреннейши и владычественнейши; а другие, – именно вкус, обоняние и осязание, – бессловесны и животны, назначенные служить словесным. Ибо сначала видим и слышим, а потом, движимые помышлением, осязаем предлежащий предмет и по обонянии предаем вкусу. Таким образом три последние чувства более скотны и беспрекословнее раболепны, чем два первые; и преимущественно над удовлетворением их трудятся те из скотов и зверей, которые более

[15] Которых глав по нумерации недостает, те опущены по крайней темноте их.

чревонеистовы и более похотливы, день и ночь или пищею ненасытно себя наполняя, или неудержимо ища соития.

8) Кто действие внешних чувств заменяет внутренними, – зрение – устремлением ума к зрению света животного, слух – вниманием душевным, вкус – разумным рассуждением, обоняние – умным постижением (ощущением, чувством), осязание – бодренным трезвением сердечным: тот ангельскую на земле проводит жизнь; – для людей он и есть и видится человеком, для Ангелов же и есть и понимается Ангелом.

9) Умным зрением приемлем свет Божественный, ведение сокровенных таин Божиих; душевным вниманием восхождение (возникновение) в сердце помыслов располагаем с разумом (или распоряжаемся ими, различая хорошие от худых); разумным рассуждением, как вкусом, распознаем виды разумений, и те, которые произрастают из горького корня, или преобразуем в сладкую для души пищу, или совсем отбрасываем, а которые от былий добрых и злачных отрождаются, те приемлем, *пленяюще всяк разум в послушание Христово* (2 Кор. 10, 5); умным постижением обоняем мысленное миро благодати Духа, исполняясь веселием и радованием сердечным; бодренным трезвением сердца благоумно ощущаем, как свыше Дух орошает пламень наших добрых вожделений или согревает наши силы, охладевшие под действием хлада страстей.

14) Кто славы человеческой, которая ничтоже есть, ищет, как бы она чего-либо стоила, сластолюбие лобызает с душевною ненасытимостию и любоименно предается сребролюбию; тот или в демона превращается чрез высокоумие и гордыню, или скотам уподобляется чрез порабощение похотям чрева и подчревных частей, или зверем для ближних делается чрез ненасытимое и бесчеловечное сребролюбие. Ибо таковой, по слову Господню, отпадает от веры в Бога, потому что *славу от человеков приемлет* (Ин. 5, 44), – отвращается от целомудрия и чистоты, потому что ненасытно услаждается жжением подчревных частей и подчиняется срамным их влечениям, – отторгается от любви, потому что об одном себе печется, ближним же нуждающимся ничего не уделяет из своих имений: чрез что все является чудовищем некиим, из многих противоположностей сложившимся, и враждебным и Богу, и людям, и скотам.

15) Гнев, вожделение и разумная сила ума, когда в естественном своем чине стоят и действуют, тогда соделовают человека всего божественным некако и боговидным, всегда здраво действующим и отнюдь не уклоняющимся от естественного ему ступания. Когда же они в противность естеству уклоняются от надлежащего образа действования и принимают движения (или направления), не свойственные их естеству, тогда являют его, как сказано, чудовищем некиим, из многих противоположностей сложившимся.

16) Гнев в междупределии стоит вожделения и разумной силы души, служа для каждой из сих сил оружием, по естеству ли они действуют, или противоестественно. Когда вожделетельная и разумная сила души действует по естеству, направляясь к вещам божественным, тогда гнев для каждой из них служит оружием правды против злобного змия, нашептывающего им и предлагающего вкусить от сластей плоти и утешиться славою человеческою. Когда же они уклоняются от естественного им движения и обращаются к противоестественному, и свой труд и занятия от божественных вещей переносят на человеческие, тогда он служит для них оружием неправды, которым они борются и воюют со всеми, кто полагает им преграду в их похотениях и стремлениях: так что человек в среде церкви верных является или деятельным, созерцательным и богословствующим, когда действует по естеству, или скотным, зверонравным и демоноподобным, когда уколоняется к тому, что противоестественно.

17) Если кто прежде душевных своих сил болезненным покаянием и усиленными подвигами не преобразит и не сделает такими, какими вначале дал их нам Бог, когда, создав Адама, вдунул в него дыхание жизни: то ни самого себя познать не может когда-либо, ни

стяжать помысл владычественный над страстями, не кичливый, не пытливый, не лукавый, простой, смиренномудрый, чуждый зависти и клеветы, – чрез пленение всякого помышления в послушание Христово. Но и души своей никогда не будет он иметь горящею и пламенеющею любовию к Богу, не преступающею пределов воздержания, довольствующеюся предлагаемым и желающею упокоения святых. Если же она этого не стяжет, то и сердца своего никогда не возможет иметь кротким, смирным, безгневным, благим, не задорным, полным милостивости и радушия, потому что она так наветует сама против себя и так расстроивает свои силы, что является неспособною вмещать в себе лучи благодати Святого Духа.

18) Кто таким образом не восприимет в себе снова первоначального благолепия и не возобразит отличительных черт образа Того, Кто вначале создал его по образу Своему: тому как возможно когда-либо соединиться с Тем, от Кого он отдалился неподобием отличительных черт, и Коему, Свету сущему, погасив свой свет, привлек в себя противное (т. е. тьму)? Не соединившийся же с Тем, от Кого получил начало бытия, и из несущаго стал сущим, и над сущими получил власть, куда ввержен будет, как не подобный Создавшему его, по отсечении от Него? Сие явно видящим, хотя я промолчу.

19) Пока имеем мы в себе вещества страстей и причины их самоохотно лелеем, не произволяя оттрясти их; дотоле сила их превозмогает над нами, приемля власть на то от нас же самих. Когда же мы отвергнем их от себя и сердце свое очистим слезами покаяния, возненавидев и обольщение видимыми вещами, тогда соделоваемся причастными присещения Духа Утешителя, Бога зря и зримы бывая от Него.

20) Отрешившиеся от уз пристрастия к миру пребывают в свободе от всякого порабощения чувствам, Единому Духу живя и с Ним собеседуя, яко движимые от Него, чрез Коего они обычно сочетаваются и с Отцом и Словом, единосущными Ему – един дух, по св. Павлу, с Ними бывая. Таковые не только неуловимы бывают для демонов, но и страшны, как причастники Божественного огня и сами огнем соделавшиеся.

21) Осязание есть не частное некое чувство, в одной какой части тела действо свое проявляющее, но чувство общее, по всему телу распространенное. Почему, когда оно осяжет без нужды что-либо, питая еще пристрастие к вещам нежащим, тогда колеблет ум страстными помыслами. Когда же коснется чего по необходимой естественной потребе, отрешившись уже от всяких нежностей и преодолев чувственность, тогда оно не колеблет душевных чувств.

22) Когда ум преселится к вещам сверхчувственным, тогда чувства, состоя в своем чине, бесстрастно входят в соприкосновение с предметами страстей, исследуя лишь причины их и природу и верно определяя их действия и свойства, без пристрастия к ним и без склонения к ним желания против естества.

23) Подвиги и труды духовные рождают радование душевное, коему предшествует умирение страстей. Вследствие сего, что для людей, чувственности порабощенных, тяжко и неприятно, то для души, в духовных трудах пребывающей и священными потами любовь к Богу стяжавшей и вожделением божественного ведения уязвленной, легко и весьма сладостно. Для тех, как преданных упокоению тела и наслаждению чувственными удовольствиями, труды и подвиги добродетели неприятны и жестоки, так как они не предпринимали слануость удовольствий сих отмывать потоками слез; а для этой (т. е. для души, работающей Богу) они вожделенны и сладостны. Так как она мерзит удовольствиями, причиняющими ей зло, и отрясла всякое к ним пристрастие и всякое самолюбивое угождение телу, то для нее прискорбно одно – покой от трудов и пресечение подвигов. Таким образом, что для тех служит к плотскому веселию, то душе, всецело расположившейся к Божественному, причиняет скорбь, а что ей доставляет духовное радование, в том же для тех причина воздыханий и мучений.

24) Труды мучительными кажутся вначале для всех, вводимых в поты и подвиги духовные. Когда же они начнут охотно упражняться в них для возращения в себе добрых расположений и достигнут до средины преуспеяния в том; тогда труды сии являются для них источником дивной некоей отрады и утешения. А когда, наконец, мертвенное сие мудрование плоти пожрется бессмертною жизнию, подаемою присещением Духа Святого в тех, кои, пребывая в неутомимых трудах, простираются к последним пределам добродетели; тогда лица такие исполняются неизреченною радостию и веселием, потому что чрез это в них самих открывается чистый источник слез и сладкие струи свыше дождем льющегося утешения.

25) Если желаешь достигнуть последних пределов добродетели и непогрешительно обрести путь ведущий к Богу, не давай *сна очам своим, ни вождям своим дремания* или, *покоя скраниам* (вискам, бокам) своим (Пс. 131, 4), пока многими трудами и слезами не обретешь места бесстрастия для изможденной души твоей и не внидешь в святилище ведения Божия и чрез ипостасную Премудрость Его не прозришь разумно в последние концы человеческих дел, и презрев дольнее, жаждательнейше, подобно еленю, не востечешь на высшие горы созерцания.

26) Краткий путь к стяжанию добродетели для начинающих есть молчание уст, смежение очей и ушей до глухоты заткнутие. Ибо ум, вследствие сего пользуясь бездействием сих чувств и заключив входы к себе совне, начинает всматриваться в себя самого и в свои движения и тотчас исследует, какие воспоминания плавают по мысленному морю помыслов, и какие помышления ввергаются в горнило рассуждения его, для дознания, чисты ли они и не смешаны с горькими семенами, яко от Ангела света подаемые, или суть плевелы непотребные, всеваемые свету противными, темными силами. Таким образом он, как бы некий самодержавный владыка, стоя посреде помышлений, обсуждает их и разделяет лучшие помыслы от худших, и одни из них влагает в мысленную житницу свою, как хлебы некие, на воде божественной замешанные и огнем Духа испеченные, коими питаясь, возмогает и светом наполняется, – а другие отсылает в глубину забвения, стрясая с себя горечь их. Это впрочем бывает делом одного того, кто духовно вступил на путь, незаблудно ведущий на небеса и к Богу, совлекшись плачевного рубища темных страстей.

27) Душа, решительно отвергшая лукавство и непотребное мудрование неразумнейшего кичения, вместо же того обогатевшая простым и незлобивым сердцем под действием присещения Утешителя, всегда бывает вся в себе и в Боге, и все, что видит и слышит (в области веры), почитает верным и истинным несомненно, как переступившая чрез пагубные пропасти неверия и носящаяся выше адской зависти.

28) В главе всех добродетелей шествует искренняя вера, при коей душа не колеблющеюся водится мыслию, но всецело отметает самолюбие. Ибо только что выступившему на подвиги ничто так не препятствует исполнять делом заповеди, как всезлобнейшее самолюбие (жаление плоти). Оно служит препоною к преуспеянию даже и ревностным. Оно влагает в них мысль о неисцельных болезнях и страданиях тела (если станут строго жить) и тем охлаждает жар ревности душевной и склоняет ее отказаться от злострадний (произвольных лишений) ради добродетели, как навета против самоугодливой жизни. Есть же самолюбие неразумная любовь к телу, или саможаление, которое делает монаха самолюбивым, душелюбивым и телолюбивым и отдаляет его от Бога и Царствия Его, по следующему преподобному слову: *любяй душу свою, погубит ю* (Ин. 12, 25).

29) Кто трудолюбно начал исполнять Заповеди Божии и с теплым рачением взял на рамена свои легкий ярем подвижничества: тот не щадит здоровья тела, не ужасается тяжелости дел добродетели, не отступает в болезненном страхе пред трудами и не посматривает на другого кого, нерадиво и беспечно относящегося к подвигам; но с горячим желанием шествует стезею добродетелей во всяком злострадании (при всяких лишениях), смотря на

себя одного и на заповеди Бога, и каждодневно бросает в слезах семена свои на поле живых, пока породится в нем злак бесстрастия, возрастет в стебель ведения божественного и даст клас, приносящий зерно слова и порождения правды.

30) Ни от чего, думаю, преуспеяние души не бывает так скоро и поспешно, как от единой веры, но веры не той только, коею веруют в Единого Бога и Единородного Сына Его, но особенно той внутреннейшей веры, коею веруем, что как все обетования Христовы, какие обетовал и уготовал Он любящим Его, так и угрозу и муки адские, кои уготованы диаволу и рабам его, несомненно истинны. Такая вера убеждает душу, в подвиге сущую, уповать, что достигнет устроения святых и блаженного их бесстрастия, встечет на высоту святости их и соделается сонаследницею с ними Царства Божия. Будучи же так удостоверяема, она ревностнее устремляется к деланию заповедей, и нимало не колеблясь, старается подражать трудам их, в чаянии подобными подвигами достигнуть и совершенства их.

32) Внутреннее делание или венцы заслуживает душе, или казни и муки. Ибо если оно божественными занимается вещами и с любовию удобряет поле смиреномудрия, то, имея слезное свыше орошение, возделывает к Богу любовь и веру, а к ближнему сострадание, чрез кои душа, отображая в себе красоту образа Христова, бывает светом для людей, лучами добродетелей привлекая к себе взоры их и всех возбуждая к славословию Бога. Если же оно занимается вещами дольними и человеческими и подземные прокапывает и взрывает мины греха, то, обдаваемо будучи снизу смрадом и мраком, возделывает ненависть и отвращение к добру, чрез кои душа, отображая в себе перстный и безобразный образ ветхого человека, мраком всецело бывает для приближающихся, непотребными делами и беседами развращая незлобивые и неутвержденные души и возбуждая хулы на Бога. В конце же всего, в каком состоянии застигнута будет душа смертию, сообразное с тем получит и воздаяние.

33) Возделыватель худых помышлений мрачным и печальным делает внешний вид лица своего, язык – неспособным к пению божественных песней и себя – для всех неприятным и нежеланным встречником и собеседником. Возделыватель же благих и бессмертных произрастений в сердце радующееся и улыбающееся имеет лицо и сладкозвучный в молитвах язык и для всех всегда бывает приятным собеседником. Так что отсюда для всех, видящих *добре,* явно есть бывает, кто из таковых находится еще в рабстве нечистых страстей и состоит под невольным законом земного мудрования, и кто освобожден от такого рабства законом Духа.

34) Делами укореняющиеся страсти делами же, противоположными им, и *врачуются.* Ибо как невоздержание, сластолюбие и объядение, жизнь изнеженная и рассеянная образуют в душе страстное настроение и ведут ее к делам неуместным: так утеснение себя во всем и воздержание, труды и подвиги духовные снабжают ее бесстрастием и из состояния страстного переводят ее в состояние бесстрастное.

35) Когда кто чрез притрудное и усиленное подвижничество при смиренномудрии сподобится от Бога великих даров, а потом, поступившись оттуда, предан будет страстям и демонам наказателям, да ведает таковой, что превознесся и великое нечто о себе возмечтал, с презрением смотря на других. Начало греха гордыня (Сир. 10, 15). И ему ни в чем другом не найти врачевства и избавления от овладевших его жизнию страстей и демонов, как в возведении себя в прежнее благонастроение чрез покаяние, избрав себе в посредники при сем добрые – смирение и сознание своих мер, под действием коих всякий, добре стоящий на основании добродетелей, почитает себя низшим всякой твари.

36) Равное зло есть и пред Богом, и пред людьми, во Христе живущими, как то, когда кто страстен делами, так и то, когда кто надменен в добродетелях духом самомнения. Ибо как о делах первого и о том, что у него бывает *отай, срамно есть и глаголати* (Еф. 5, 12): так и высокосердие второго *мерзость есть пред Богом* (Притч. 16, 5); и как тот отвратителен

Богу, так что Он не может иметь в нем покоя, потому что он плоть, по слову Божию (Быт. 6, 3), так и этот нечист пред Господом, потому что горд.

37) Не так, что если страсть, то и грешное дело; но ино это, и ино то: страсть в душе движится, а деяние греховное телом видимо совершается. Так – сластолюбие, сребролюбие и славолюбие суть пагубные страсти душевные, а блуд, лихоимание и неправда суть греховные деяния; похоть, гнев и гордость суть страсти душевные, – следствия противоестественного движения сил ее, а блуд, убийство, кража, пьянство и другое что, противозаконно телом совершаемое, суть плотские деяния грешные и пагубные.

38) Есть три главнейших начальника всех страстей, и три против них ополчения, и три чина лиц, кои борются с ними и низлагают трехглавого дракона сластолюбия, сребролюбия и славолюбия: новоначальный, средний и совершенный.

40) Кто теперь только обнажился для подвигов благочестия и вводится в ополчение против страстей, тот всю брань свою устремляет против духа сластолюбия и сильно поражает его посредством всякого злострадания, – плоть изможда неядением, спанием на голой земле, бдениями и всенощными молитвами, а душу сокрушая помышлением об адских муках и памятию смертною, и сердце от осквернения сочетанием и *сосложением* омывая слезами покаяния.

41) Кто ступание свое от начала простер до среды, и поты от борения с духом сластолюбия отер губкою бесстрастия (т. е. прогнал сего духа), и открытыми очами начал смотреть на естественные вещи, – тот теперь поднимает оружие веры против духа сребролюбия, веры не имеющего, ум возвышая к помышлению о божественных вещах, разум устремляя к уразумению значения тварей и к изъяснению свойств их, а душу возводя верою от видимого на высоту невидимого, питая убеждение, что Бог, приведший все из небытия в бытие, Он же есть и Промыслитель о Своих произведениях, и надеждою окрыляясь к достижению Божественной жизни.

42) Кто с помощию созерцания и бесстрастия прошед средину и, миновав прелести мирского чувства, вступил с помощию слова разума и ипостасной Премудрости Божией во мрак Богословия, тот силою смирения поднимает теперь оружие против духа славолюбия, душу сокрушая священными откровениями и заставляя ее небезболезненно проливать слезы, мудрование же свое низлагая памятованием о человеческой немощи и возвышая его разумениями Божественного разума.

43) Постами, бдениями и молитвами, спанием на голой земле, трудами телесными и отсечением своей воли в смирении душевном ставим мы духа сластолюбия безуспешным; порабощаем его себе слезами покаяния, и вводя в узилище воздержания, делаем недвижимым и бездейственным, – разумеется тогда, как сами состоим в ополчении ревностных подвижников.

44) Оружиями веры и *мечем духовным, иже есть глагол Божий* (Еф. 6, 17), победив духа сребролюбия, закалаем его, и вместе с тем с помощию слова премудрости востекаем к созерцанию существующего, словом разума становимся выше ничтожества видимых благ, и в царских дворах любви упокоеваемся под действием многобогатых сокровищ упования.

45) На крыльях бесстрастия и смиренномудрия плавая в воздухе таинственного богословия и входя в горнюю глубину ведения таин Божиих действом Божественного Духа, молниями божественных догматов и разумений попаляем духа славолюбия; взирая же на конец человеческих дел, дождем слез и потоками сокрушения потопляем бесов его тристатов, воюющих против нас самомнением, тщеславием и гордынею.

46) Кто похоть плоти, похоть очес и гордость житейскую, – мирские сии неправды, по причине любления коих бываем мы врагами Богу, – душевно возненавидел и отрекся от них; тот распял себе мир и сам распялся миру, разрушив во плоти своей вражду между Богом и душою и сотворив в обеих мир. Ибо умерший сим в совлечении плотского мудрования при-

мирил себя с Богом, убив вражду мира в умерщвлении сластей чрез распятую миру жизнь, и облобызал возлюбление Иисуса. Почему таковой бывает уже не враг Божий, как друг мира, но друг Божий, как распявшийся миру и могущий говорить: *мне мир распяся, и аз миру* (Гал. 6, 14).

47) Всякое подвизающихся оставление благодатию бывает обыкновенно за следующие вины: за тщеславие, за осуждение ближнего и надмение добродетелями. Почему коль скоро что-либо из сего окажется вошедшим в души подвизающихся, то это причиняет им оставление от Бога; и не избежать им праведного осуждения за это при падениях, пока отвергши то, что было прежде причиною оставления, не убегут на высоту смиренномудрия.

48) Не то только есть нечистота и осквернение души, когда кто нечист бывает от скверных страстных помышлений; но и то, если кто превозносится всегдашнею исправностию поведения и *надымается* добродетелями, также, когда много думает о своей премудрости и своем познании Бога и осуждает кажущихся беспечными и нерадивыми братий. Это видно из притчи о мытаре и фарисее.

49) Не думай получить ослабу от страстей и избежать осквернения происходящими от них страстными помышлениями, нося еще в себе гордостное и *дмящееся* о добродетелях мудрование. Не увидеть тебе двора мира в благостыне помыслов и не войти в храм любви с радостию во всякой милостивости и тихости сердца, пока надеешься на себя и на дела свои.

50) Если душа твоя страстно прилепляется к красивым телам и подвергается потом тиранству страстных помыслов, рождающихся от сего: не предполагай, что *они-то* и суть причина происходящей в тебе бури помыслов и страстного движения; но знай, что причина сего сокрыта внутрь души твоей, которая, как камень некий магнит железо, привлекает к себе вред от лиц в силу предрасположения к тому и злой страстной привычки. Творения же Божии все добры зело, по слову Самого Бога, и ничего не имеют такого, что давало бы основание к похулению создания Божия.

51) Как плывущие по морю и страждующие морской болезнию не по естественному свойству моря страждут сие, но по причине внутреннего некоего к тому предрасположения в них самих: так и душа не по причине красивых лиц, но по причине в ней самой залегшего расположения к сему злу подвергается крайне сильному влечению и тревоге страсти.

52) Соответственно внутреннему настроению души, инаковым и инаковым представляется ей и естество вещей. Когда умные чувства стоят в ней в своем естественном чине и ум незаблудно шествует в понимании тварей, разумно объясняя существо и движения их, тогда в естественном чине видятся ей и вещи, и лица, и всякое естество вещественных тел, не имеющими сокрытой какой-либо причины заразы или вреда. Когда же силы ее действуют не по естеству своему, восставая одна против другой, тогда и это все видится ей, но как оно есть по естеству своему: оно естественною своею красотою не возводит уже ее к познанию Творца, но, по причине страстного ее состояния, низводит в глубину погибели.

53) Если, оставлен быв благодатию, пал ты падением плоти, или языка, или помысла, да не покажется тебе сие удивительным или странным: твое это падение и по твоей вине. Ибо если б ты прежде не подумал о себе что-либо особенное и важное, как не следовало, или не вознесся над кем-либо в горделивом о себе мудровании, или не осудил другого кого в естественной какой немощи человеческой, то не был бы, по Праведному суду Божию, оставлен благодатию и не испытал бы сам своей немощи. Испытал же ее ты теперь, да научишься из сего не осуждать, *не мудрствовать паче, еже подобает мудрствовати* (Рим. 12, 3) и ни над кем не возноситься.

54) Падши во глубину зол, отнюдь не отчаивайся в возможности воззвания оттуда, хотя бы ты низвергся на последнюю ступень адской злобы. Ибо если ты имеешь у себя основание благочестия, усердно заложенное прежде деятельными добродетелями, то, хотя бы построенная тобою на нем из разных камней добродетели храмина его, поколеблена быв, подвер-

глась падению и разорению с верха до низу, до самого лица страшнейшей земли зол, и тогда Бог не забудет прежних твоих трудов и потов, коль скоро ты сокрушенное от падений своих носишь сердце, которое, помня прежние дни, с воздыханием взывает к Нему о своих падениях. Призирая, воззрит Он на тебя, *трепещущаго словес Его* (Ис. 66, 2), невидимо коснется очес болезнующего сердца твоего, и прежде трудами заложенное тобою основание добродетели взяв под свой покров, даст тебе силу, большую и совершеннейшую прежней силы в пламенной ревности горящего духа, на то, чтоб ты снова трудолюбно стяжал дела добродетели, сгубленные по зависти лукавого, и в духе смирения воздвигнул дом ее, светлейший прежнего, для вечного ее упокоения, как написано (Пс. 131, 14).

55) Все, к бесчестию нашему с нами случающееся от людей или от демонов, праведным судом Божиим, по Его домостроительству случается к смирению суетного надмения наших душ. Цель у Бога, Правителя жизни нашей, та, чтобы мы были всегда смиренны, *не мудрствовали паче, еже подобает мудрствовати, но мудрствовали в целомудрии* (Рим. 12, 3) и не думали о себе много, но на Него взирали и Его блаженному смирению по возможности подражали, ибо Он *кроток был и смирен сердцем* (Мф. 11, 29); каковыми и нам желает быть Он, претерпевший за нас смерть неправедную и бесчестную. Почему ничто другое так Ему не любезно и не привлекательно во всякой воистину добродетели, и ничто так не сильно возвысит нас от гноища страстей, как кротость, смирение и любовь к ближнему: так что, когда мы творим добродетели без соприсутствия их, тогда всякое наше делание суетно, и всякий труд подвизания бесполезен и Богу неприятен.

56) Вводимым в жизнь добродетельную к исполнению заповедей и избежанию грехов содействует страх мучений вечных. Тем же, которые чрез добродетель достигли до созерцания славы Божией, – иной, подобно тому, сопутствует страх, крайне страшный им из любви к Богу, страх чистый, который и содействует им к неуклонному пребыванию в любви Божией, так как они боятся страшного от нее поскользновения. Первым, когда они падают, уклоняясь от своей цели, и потом, раскаиваясь, тотчас встают, сопутствует первый страх с благими надеждами; а за вторыми, по зависти диавола погрешившими падением с высоты созерцания славы Божией, не тотчас последует второй страх, но их приемлет мгла некая и тьма осязаемая, полная малодушия, скорбения и горести с первым страхом мук. И если бы Господь Саваоф не сокращал оных дней такого нестерпимого скорбения, то не спасся бы никто из падающих сим образом.

57) Когда душа успокоится от постоянного докучания страстных помыслов и мучительное жжение плоти увянет, тогда ведай, что внутрь совершилось наитие Святого Духа на нас, возвещающее об оставлении прежних грехов и о даровании нам бесстрастия. Пока же она воню сих помыслов чрез частое их докучание ощущает, и пока подчревие плоти ее возжигается, дотоле ведай, что далеко от нее благоухание Духа, и что она вся держится в неразрешимых узах страстей и чувств.

59) Люта и неудобопобедима страсть хуления, которая источником своим имеет гордостное мнение сатанинское. Она и на всех, по Богу живущих добродетельно, нападает, но особенно на тех, кои преуспели в молитве и созерцании божественных вещей. Сего ради надлежит всяким хранением блюсти чувства и благоговеинствовать пред всеми страшными тайнами Божиими и внимательно наблюдать за нападениями духа сего. Он приседит нам, когда молимся и поем псалмы, и отрыгает иной раз, по нашему невниманию, нашими устами клятвы на нас же и странные хуления на Бога вышнего, привводя их в стихи псалмов и в слова молитвы. Но против него, когда он что-либо такое произносит устами нашими или всевает в мысли наши, надо обращать Слово Христово, говоря к нему: *иди за мною, сатано* (Мф. 4, 10), всякого зловония исполненный и осужденный на вечный огнь; хула твоя да падет на главу твою. Сказав это, тотчас насильно, как пленника, обратим ум на другой какой пред-

мет божеский или человеческий, какой вспадет на мысль, или со слезами вознесем его на небеса и к Богу. Так, с Божиим нам содействием, избавимся мы от тяготы хуления.

60) Печаль есть страсть тлетворная для души и тела и самых мозгов касающаяся. Но такова печаль мира сего, нападающая на людей по причине временных потерь и неприятностей, которая нередко бывает для них причиною даже смерти. Печаль же по Богу весьма полезна и душеспасительна: она подает терпение в трудах и искушениях, открывает источник умиления для подвизающегося и жаждущего правды Божией и слезами, как хлебом, насыщает сердце его, так что на нем исполняется Давидское слово: *напитаеши нас хлебом слезным, и напоиши нас слезами в меру* (Пс. 79, 6), – вином умиления.

61) Части души, расстроенные деланием худых дел, успешно воссозидает печаль по Богу и снова поставляет их в естественное им состояние: она слезами так истончавает зиму страстей и облак греха и из мысленного воздуха души изгоняет их, что в помыслах ума нашего тотчас соделовается ведро, в море мыслей тишина, в сердцах наших веселие и в виде лица нашего изменение, на которое взирая, имеющие очи видеть могут с Давидом взывать: *сия измена денницы Вышняго* (Пс. 79, 11).

62) Не принимай всеваемых в тебя помыслов на ближнего по подозрениям, потому что они лживы, гибельны и всегда прельстительны. Знай, что чрез это демоны покушаются ввергать в ров пагубы тех, кои делают уже успехи в добродетелях: ибо иначе не могут они кого-либо из подвизающихся направить в ров осуждения и деятельного греха, как внушив ему наперед принять лукавые подозрения на ближнего по его внешнему поведению и обычаю, потому что, подводя его таким образом самого под суд (за осуждение) и доводя до падения в грех, они вплетают его в осуждение вместе с миром по следующему святому изречению: *аще бо быхом себе разсуждали, не быхом осуждени были: судими же* (судя же других), *от Господа наказуемся, да не с миром осудимся* (1 Кор. 11, 31, 32).

63) Когда по небрежности дадим демонам место влагать в уши наши подозрения на братий, – именно не наблюдая за движениями очей, тогда доводимы бываем ими до осуждения иной раз даже и совершенных в добродетели. Иной, улыбающимся лицом смотрящий и доступный для беседы со всеми, может показаться сластолюбивым и страстным, а другой, строго и мрачно смотрящий, – гневным и гордым. Но по таким внешним чертам не следует составлять суждения о людях, потому что они всегда почти бывают в таком случае погрешительны. Ибо в людях замечаются большие различия в естественных свойствах, навыках и телосложениях, на которые верно смотреть и верно о них судить могут одни те, кои умное свое око душевное очистили многим сокрушением и имеют пребывающим в себе безмерный свет Божественной жизни, – коим дано видеть и тайны Царствия Божия.

64) Сделавшись самоделателями срамных дел плотских, в противность естеству служим похоти и гневу, плоть оскверняя срамными токами, а душу омрачая горечию гнева, и за то отчуждаемы бывая от Сына Божия. Почему надлежит нам осквернение нечистыми токами из тела очищать потоками слез, а омрачение души горечию гневною прогонять светом сокрушения и сладостной по Богу любви, и таким образом опять соединяться с Тем, от Кого прежде были ими отчуждены.

69) Иногда горесть и болезнование причиняются сердечному чувству излиянием слез, а иногда радость и веселие. Когда очищаемся мы покаянием от яда и скверны греха, довольные к тому имея из него слезы, тогда, как млатами тяжелыми, бывая поражаемы воспоминаниями о содеянном, глубокие из сердца испускаем стенания от полноты чувства горести и болезнования о том. Когда же, довольно быв очищены слезами, почувствуем свободу от страстей, тогда, обвеселяемы бывая божественным духом, как тихое и чистое стяжавшие сердце, неизреченно сладостного преисполняемся утешения от радостотворных слез умиления.

70) Ины слезы, проливаемые от покаянного сокрушения, и ины, проливаемые от божественного умиления. Те, как река, потопляют и разрушают все твердыни греха, а эти бывают то же для души, что дождь для нив и роса для злаков, питая клас ведения и делая его многозеренным и многоприплодным.

71) Не то же слезы, что и умиление; но между слезами и умилением большое расстояние. Те приходят от раскаяния в прежнем образе жизни и прежних падениях души для очищения сердца как бы огнем и кипящею водою; а это свыше находит от божественной росы Духа в утешение и прохлаждение души, тепле вступившей теперь во глубину смирения и причастившейся неприступного света созерцания, и так к Богу Давидски в радости вопиющей: *проидохом сквозе огнь и воду и извел ны еси в покой* (Пс. 65, 12).

72) Говорят, слышал я, будто невозможно навыкнуть добродетели без ухода в даль и убежания в пустыню, и удивлялся, как вздумалось им неопределимое определять местом. Ибо если навык в добродетели есть восстановление сил души в первобытное благородство и сочетание воедино главнейших добродетелей для свойственного ей по естеству действования; а это не совне привходит в нас, как нечто вводное, а прирождено нам от сотворения, и чрез это входим мы в Царствие Небесное, которое внутрь нас есть, – по слову Господа: то пустынь излишня, когда мы и без нее входим в Царствие чрез покаяние и всякое хранение заповедей, – что возможно на всяком месте владычества Божия, как поет божественный Давид: *благослови, душе моя, Господа, на всяком месте владычества Его* (Пс. 102, 22).

73) Кто в массе царского ополчения под воеводами и командирами в ряду с другими воинами, готовыми помочь ему и защитить его, выступив на брань, не мог показать воинской доблести и храбрости против супостатов и хоть одного из них поразить: тот как один станет воинствовать и бороться с толпою многих тем вражеских, или как может показать при этом воеводское какое дело, неискусен будучи в воевании? Если же в человеческих делах это невозможно, не тем ли более в Божеских? Кто, убежав в пустыню, может узнавать набеги бесов и подступы страстей, явные и неявные, или на них делать нападение, наперед добре не обучившись отсечению своей воли среди общества братий, под руководством опытного вождя в деле такой брани невидимой и мысленной? Если же это невозможно, то тем паче невозможно, чтоб такой за других успешно воевал и других научал одерживать победы над врагами.

74) Отсеки укоризненное нерадение и достойное поношения небрежение о Заповедях Божиих; отбрось самоугодие и вооружись нещадно против плоти; презри славу и честь; возненавидь сластные похотения тела; бегай сытости, от коей возгорается огнь в подчревии; облобызай скудость и всякие лишения; противостой страстям; обрати чувства свои вовнутрь души; направь внутреннее твое к деланию лучшего; не осуечайся человеческими делами; всю силу твою иждивай на делание заповедей; плачь, спи на земле, люби лишение и уединение; познай, наконец, не то, что окрест тебя, а что такое ты сам; будь выше ничтожности видимых вещей; устремляй мысленное око свое к созерцанию Бога, узревай красоты небесные, и сошед оттуда возвещай братиям о благах Вечной жизни и о таинствах Царства Небесного. Вот это и есть делом убежание от людей чрез крайнее подвижничество и цель пребывания в пустыни.

75) Если желаешь увидеть блага, которые уготовал Бог любящим Его, вселись в пустыню отречения от своей воли и бегай мира. Какого же это мира? – Похоти очес и плоти, гордости помыслов и прелести видимых вещей. Если убежишь от такого мира, то *рано возсияет* тебе *свет* чрез узрение Божественной жизни и *исцеления души твоей,* т. е. слезы, *скоро возсияют* (Ис. 58, 8), и ты изменишься изменением *десницы Вышняго* (Пс. 76, 11), и *рана* страстей после сего *не приближится телеси твоему* (Пс. 90, 10). Таким образом ты, среди мира и людей пребывая, будешь как живущий в пустыне и людей не видящий. Если

же таким образом не убежишь ты от сего мира, то убежание из мира видимого нисколько не послужит тебе к преуспеянию в добродетелях и соединению с Богом.

76) Быть монахом не то есть, чтоб быть вне людей и мира, но то, чтоб, отрекшись от себя, быть вне пожеланий плоти и уйти в пустыню страстей (т. е. в бесстрастие). Если великому оному (авве Арсению) и сказано: бегай людей, и спасешься, то сказано в этом именно смысле. Ибо видим, что он и после того, как убежал из мира, водворялся среди людей, проходил по населенным местам и живал с учениками. Но при этом старательно соблюдая внутреннее бегство при чувственном общении, никакому вреду не подвергался он от сопребывания с людьми. *Это же* и другой некто из великих воззвал, выходя из собрания: бегайте, братия, и указал на уста, когда спросили его, от чего бегать.

77) Жизнь сбором в одном месте безопаснее уединения. О необходимости такого совместного жительства свидетельствует Священное Слово Господа Иисуса, Который говорит: *идеже еста два или трие собрани во имя Мое, ту есмь посреде их* (Мф. 18, 20). Об опасности же жизни уединенной говорит Соломон: *горе единому,* потому что *егда падет, не будет втораго воздвигнути его* (Еккл. 4, 10). И Давид ублажает воспевающих Бога в любви и единомыслии, говоря: *блажени людие, ведущии воскликновение* (Пс. 88, 16). Похваляет он и совместное сожительство, когда говорит: *се что добро, или что красно, но еже жити братии вкупе?* (Пс. 132, 1). – И об учениках Господа говорится в Деяниях, что *у них была одна душа и одно сердце* (Деян. 4, 32). Наконец и сошествие к нам Бога было не в пустыне, а в населенных местах, среди людей грешных. Итак, необходимо общее единомысленное житие, уединение же поскользновенно и опасно.

78) *Нужда есть прити соблазном,* говорит Господь, *но горе человеку тому, имже соблазн приходит* (Мф. 18, 7). Сие горе навлекает на себя тот, кто, потеряв благоговеинство и небрежно без страха Божия ведя себя посреди собора братий, многим из простейших подает соблазны. Он то действиями своими, образом держания тела и нехорошими привычками, то словами и беседою растленною растлевает души и нравы добрые и благие.

79) Исполняющий заповеди не бывает камнем соблазна для людей, потому что *в нем нет соблазна* (1 Ин. 2, 10). *Мир мног любящим закон Твой,* и *несть им соблазна* (Пс. 118, 165), но свет и соль, и жизнь по слову Господа: *вы есте свет мира; вы есте соль земли* (Мф. 5, 14, 13). Свет есть таковой, как добродетельный по жизни, просветительный в слове, мудрый в совете; соль, как богатый божественным ведением и сильный в премудрости Божией; жизнь, как словесами беседы своей оживляющий умерщвленных страстями и выводящий их из ада отчаяния: и при сем светом дел своих праведных сияя пред лицом людей и освещая их, приятностию и горькостию словес своих восстягивая их от разленения и избавляя от растления страстей; а жизненностию речей своих подавая оживление душам, умерщвленным грехом.

80) Страсть тщеславия есть трехостный волчец, тщеславием, самомнением и гордостию от бесов разжигаемый и выковываемый: но теми, кои водворяются в крове Бога Небесного, он легко схватываем бывает на месте преступления (в самом начале зарождения); и остны его сокрушаются, а они на крыльях смирения воспаряют горе и упокоеваются под сению древа жизни.

81) Когда нечистый сей и многокозненный бес приступит к тебе и, если ты делаешь успехи в добродетели, начнет пророчить тебе высоту престолов, приводя на память в помыслах деятельность твою и превознося ее, как превышающую других, и представляя тебе, что ты довольно силен даже и для того, чтоб руководить других; тогда схватив его мысленно, не пускай убежать от тебя, если свыше получил ты силу поступать так, и, взяв его, пойди с ним мыслию в воображении к какому-нибудь прежде сделанному тобою худому делу и, обнажив его пред ним, скажи ему: делающие такия дела достойны ли взойти на сию высоту предстоятельства, и кажутся ли они тебе довольно гожими к тому, чтоб руководить души и приводить их спасенными ко Христу? Ты, может быть, скажешь это, а я молчу. – И он, не имея,

что ответить тебе, исчезнет как дым от стыда и не станет уже более сильно докучать тебе. Если же у тебя нет ничего худого, сделанного или сказанного тобою, – потому что жизнь твоя премирна, то поставь себя пред заповедями и страданиями Господа, и тотчас увидишь, что ты настолько мал пред полною мерою совершенства, насколько купель воды меньше моря. Ибо правда человеческая столько отстоит от правды Божией, сколько величина земли от неба и комар от льва.

82) Глубоко уязвившийся любовию к Богу не имеет достаточных к удовлетворению сего расположения сил тела: ибо в трудах и потах подвижничества нет насыщения сему его расположению. Находясь в состоянии, подобном тому, в каком находится томимый крайнею жаждою, ничем не может он до насыщения удовлетворить внутренней жгущей его жажды; день и ночь готов он быть в трудах, но силы тела оставляют его. Полагаю, что, таким же сверхестественным жаром любви пленены быв, и мученики Христовы не чувствовали мук и насыщения не имели, предаваясь им; но сами себя побеждали распаленным к Богу рвением, и всегда находили, что страдания их далеко отстают от меры их пламенного желания страдать за Господа.

83) Мерящий себя в каком-либо отношении с кем-либо из подвижников или живущих с ним братий, сам себя прельщает в неведении и не Божиим идет путем. Таковой или сам себя не знает, или уклонился от пути, ведущего на небо, по которому ревнители текут в самоуничиженном мудровании, коим, перелетев чрез сети врага, воспаряют в мысленный воздух на крыльях бесстрастия и в светлых веснуют местах, украшены будучи смиренномудрием.

84) Напыщенный и в самомнении умом прельщающийся никогда во свете смирения не улучит благодати умиления, ради коего даруется свет премудрости Божией тем, кои сокрушены сердцем, как написано: *во свете Твоем узрим свет* (Пс. 35, 10). Его покрывает ночь страстей, в коей расхаживают все дубравные звери человеческого естества, скимны самомнения, – бесы, говорю, тщеславия и блуда рыкая ищут, кого поглотить и воврещи в чрево отчаяния.

85) Для живущего по-человечески и увлекаемого духом самомнения жизнь настоящая бывает морем зол, погружая умную часть его души в море сластных утех и удовольствий, и троечастность его неистово поражая свирепыми волнами страстей под действием духов злобы. Ему угрожает страшная опасность крайнего отчаяния, пока ладья его и кормило душевное сокрушаются сластьми плотскими и кормчий – ум – остается во глубине греха и в смерти духовной; если море зол не укроет наконец волны свои в глубине смирения, море сластей не превратит своих течений в обильные дожди слез и не преложится в сладость светоносного умиления.

86) Кто сластям и делам телесным в сытость поработал, в сытость пусть попользуется и трудами подвижническими в потах злострадания; чтобы сытость отбить сытостию, сласть горечью, покой трудами телесными и обрести сытость веселия и радования в упокоение. Сим образом ты и насладишься благоуханием целомудрия и чистоты, и вкусишь неизреченной сладости бессмертных плодов духовных. Подробно сему обыкновенно кладем мы в одежды очистительные зелья для очищения их от смрада, когда они пропитаны им до невозможности употреблять их.

87) Болезни полезны для тех, кои только вводятся в добродетельную жизнь, тем, что содействуют им к истощанию и усмирению горячей плоти. Они силу плоти делают слабейшею, грубое перстное мудрование души истончавают, ее же собственную силу соделовают сильнейшею и мощнейшею, по божественному Павлу, который говорит: *егда немощствую, тогда силен есмь* (2 Кор. 12, 10).

88) От беспорядочной и неровной диеты у многих часто рождаются болезни, когда кто-то при усилении ревнования о трудах добродетельных безмерно и без рассуждения налегает на крайнее неядение, то при ослаблении его поблажает телу, естественно врагу нашему,

многоядением и пресыщением. Необходимо мерное воздержание и для тех, кои вступают на путь добродетели, и для тех, кои прошли за средину подвигов и простираются к области высшего созерцания. Оно – мать здравия, друг целомудрия и сотоварищ смиренномудрия.

89) Знай, что бесстрастие двояко, и двояким образом бывает в ревностных особенно. И во-первых, по достижении конца деятельной философии (жизни) первое бывает у ревностных бесстрастие, когда, по преуспеянии в многообразных трудах подвижничества, умирают в них страсти, стремления плоти останавливаются в бездействии, и силы души начинают действовать по естеству своему, а ум возводится в первое состояние – поучаться в божественных вещах разумно. Потом, с начатками естественного созерцания, второе, совершеннейшее явно прибывает к ним бесстрастие, в котором ум их, по убезмолвлении помыслов, возводится в мирное устроение и делается зрительнейшим и прозрительнейшим: зрительнейшим в вещах божественных, – в узрениях лучшего и в раскрытиях таин Божиих; прозрительнейшим в вещах человеческих, – кои издали еще идут и имеют случиться. В обоих сих видах бесстрастия действует один и тот же дух, который в первом властно держит и вяжет, а во втором разрешает в свободу Вечной жизни, как говорит св. Павел (Рим. 6, 22).

90) Приблизившийся к пределам бесстрастия правые о Боге и естествах вещей творит умозрения, и от красоты тварей, соразмерно с своею чистотою, востекая к Творцу, приемлет светолития Духа. Благие о всех имея мнения, о всех всегда думает он хорошо, всех видит святыми и непорочными и правое о вещах божеских и человеческих произносит суждение. Ничего не любит он из вещей мира сего, о коих так рачительны люди; но совлекшись умом от всякого мирского чувства, к небесам и к Богу востекает он, чистый от всякой тины земной и свободный от всякого рабства; весь предается мысленным благам Божиим в едином духе, и зря Божескую красоту, любит благолепно пребывать мысленно в божественных местах блаженной славы Божией, в неизреченном молчании и радовании. И изменившись всеми чувствами, как Ангел в вещественном теле, невещественно сообращается с людьми.

91) Разум находит и аскетических пять чувств: бдение, богомыслие, молитву, воздержание и уединение. Кто сочетает с сими чувствами свои чувства, именно – зрение с бдением, слух с богомыслием, обоняние с молитвою, вкус с воздержанием, осязание с уединением, тот скорее очистит ум свой и, утончив его ими, соделает его бесстрастным и зрительным.

92) Ум, обуздавший свои страсти и ставший выше печали и радости, бесстрастен. Он и в печальных случайностях не подавляется скорбию, ни в благоприятных не разливается в радостях, но в прискорбностях радующеюся держит душу, а в благоприятностях воздержною в радости и не выходящею из меры в ней.

93) Велика ярость бесов на тех, кои преуспевают в созерцании. Они день и ночь приседят им с наветами, и то чрез тех, кои живут вместе с ними, возбуждают на них лютые искушения, то сами поднимают шум и топот для устрашения их, – иногда нападают на них спящих, завидуя их покойному отдыху, и всячески беспокоят их, хотя не могут причинить вреда тем, кои Богу себя посвятили. И если б не было при них Ангела Господа Вседержителя, охраняющего их, не избежать бы им их наветов и сетей смертных.

94) Состоя в подвиге по деятельному любомудрию добродетели, внимательнее наблюдай за наветами губительных бесов. Ибо сколько положишь ты восхождений преуспеяния в высших добродетелях, сколько увеличится Божественный свет в молитвах твоих и ты благодатию Духа Святого внидешь в откровения и видения неизреченные: столько они, видя тебя восходящим к небесам, скрежещут зубами и старательно простирают многоплетенные сети свои по мысленному воздуху. Не только плотолюбивые и зверские бесы похоти и гнева дхнут на тебя, но и духи богохульные в горькой зависти восстанут на тебя. Сверх того эти воздушные начала и власти явленно (наружно) и неявленно в одном воображении начнут принимать разные странные и страшные образы, чтоб смутить тебя или вред какой причинить тебе. Но упражняясь с бодренным оком ума в делании умной молитвы, тебе нечего

бояться такой стрелы, *летящия во дни,* потому что они даже *к обиталищу твоему* не смогут *приближиться* (Пс. 90, 5, 10), будучи, как тьма, гонимы сущим в тебе светом и божественным огнем опаляемы.

95) Духи злобы крайне боятся благодати Божественного Духа, особенно когда она присветит богатно, или когда мы сияем чистотою под действием божественного поучения и чистой молитвы. Не смея по сей причине приблизиться к обиталищу осияваемых таким образом, они одними мечтаниями и призраками, страшными топотами и безобразными криками покушаются устрашить и смутить их, чтоб отвлечь от бдения и молитвы. Даже и когда они лягут немного поспать на земле, не щадят их; но, завидуя этому их коротенькому отдыху от трудов, нападают на них и некиими сотрясениями вземлют сон от веждей их, замышляя сим образом сделать жизнь их более тяжкою и исполненною прискорбностей.

96) Духи тьмы кажутся облеченными в тонкие тела, как подает повод думать опыт, призрачно ли они это представляют, обманывая чувства, или осуждены на это за древнее падение. Как бы то ни было, но они устремляются схватиться с подвижническою душою, когда раб ее тело склоняется ко сну; что, как мне кажется, служит и к испытанию души, стоящей теперь уже выше немощей смиренного тела, – каковы ее энергия и мужество против них, грозящих ей страшным чем-либо с яростию и неистовством великим. Душа, уязвленная любовию к Богу и главнейшими добродетелями преисполненная, не только сопротивляется им в праведном гневе, но и бьет их нещадно, если есть какое чувство в них, как видится, оземленившихся вследствие отпадения от первого Божественного света.

97) Прежде схватки и победы бесы часто возмущают душевное чувство и отъемлют сон от вождей ее. Но душа, от Духа Святого исполненная дерзновения и мужества, ни во что ставя такой их обход и горькое неистовство, одним животворящим изображением (креста) и призыванием Иисуса и Бога разрушает их призраки и самих их обращает в бегство.

98) Если по деятельному любомудрию вышел ты расхитить добычи враждебных духов, смотри и внимай, отвсюду вооружив себя оружиями духовными. Ибо знаешь, чьи сосуды похитить вознамерился ты? – супостатов, конечно, но мысленных и бесплотных, тогда как ты, в теле еще сущи, воинствуешь Царю духов и Богу. Знай, что теперь они сильнее, чем прежде, станут нападать на тебя и множайшие на тебя начнут строить козни; пока или отвоевывая скрытно свою добычу и тебя вместе с нею заберут в плен, и многой горести исполнят душу твою, или ввергнут тебя в злые и болезненные искушения чрез уязвление и озлобление плоти твоей.

99) Не может добрый источник испускать ручьи нечистые и вонючие, отдающиеся запахом мирским, – ни сердце, вне Царствия Небесного сущее, когда-либо источат струи божественной жизни, издающие благоухание мысленного мира. *Еда ли,* говорит св. Иаков, *источник от единаго устия источает сладкое и горькое* (Иак. 3, 11)? Может ли терновник производить маслины, и маслина желуди? Так ни единый источник сердца не может в одно и то же время порождать злое и благое помышление. Но, по слову Господа, *благий человек от благаго сокровища сердца своего износит благое: и злый человек из злаго сокровища сердца своего износит злое* (Лк. 6, 45).

100) Как невозможно без елея и огня гореть светильнику и светить сущим в храмине: так и душе без Божественного Духа и огня явственно возвещать о божественных вещах и просвещать тем людей: ибо *всяк дар совершен свыше есть, от Отца светов* подаваемый любящей душе, *у Него же несть пременение, или преложения осенение* (Иак. 1, 17).

Преподобный Никита Стифат
Вторая сотница естественных психологических глав об очищении ума

1) Начало любви к Богу – презрение вещей видимых и человеческих; средина – очищение сердца и ума, от коего мысленное умных очей открытие и познание сокровенного в нас Небесного Царствия, а конец – неудержимое вожделение преестественных даров Божиих и естественное желание общения с Богом и упокоения в Нем.

2) Где любовь Божия, делание мысленных дел и причастие неприступного света, там мир душевных сил, очищение ума и вселение Святой Троицы. Так говорит Господь: *любяй Мя, Слово Мое соблюдет: и Отец Мой возлюбит его, и к нему приидем и обитель у него сотворим* (Ин. 14, 23).

3) Три состояния жизни признал разум: плотское, душевное и духовное. Каждое из них имеет свой собственный строй жизни, отличный сам по себе и другим неподобный.

4) *Плотское* устроение жизни то, когда всецело предаются удовольствиям и наслаждениям настоящей жизни, ничего не имея из душевного или духовного устроения и даже не желая стяжать то. *Душевное* стоит в средине между грехом и добродетелию, когда пекутся о довольстве и здоровьи тела, и заботятся о славе человеческой, равно и труды по добродетели не отметают, и избегают дел плотских, не прилежат ни к добродетели, ни к греху: к добродетели, по причине несладости ее для них и притрудности, а греху, из-за страха лишиться человеческих похвал. *Духовное* же устроение – то, когда не изволяют иметь ничего из первых двух и не допускают худа, отличающего каждое из них, но, будучи свободны от того и другого, на посребренных крылах любви и бесстрастия перелетают чрез обеи их, не позволяя себе делать ничего из запрещенного.

5) *Живущие плотски* и плотское мудрование всегда в себе пребывающим имеющие, будучи совершенно плотяны, Богу угодить не могут, как *омраченные смыслом* и никаких лучей божественного света к себе не пропускающие. Ибо приналегшие на них облака страстей, наподобие высоких стен, отгораживают их от духовных светочей, и они остаются без света. Будучи расстроены и повреждены во внутренних чувствах душевных, не могут они воззреть на мысленные красоты Бога, видеть свет воистину истинной жизни и стать выше ничтожных видимых вещей. Но как бы оскотинившись и мирским переполнившись чувством, привязывают ум к видимому, и все попечение и труд обращают на преходящие блага, друг с другом из-за них воюют, а бывает, что и души свои за них полагают, прилепившись к богатству, славе и плотским удовольствиям и великим лишением почитая неимение их. К ним праведно как от лица Божия пророческое оное слово: *не имать Дух Мой пребывати в человецех сих, зане суть плоть* (Быт. 6, 3).

6) *Душевно живущие* и потому называемые душевными суть какие-то полу-умные и как бы параличом разбитые. Никакого никогда не имеют они усердия потрудиться в делах добродетели и исполнения Заповедей Божиих, и только славы ради человеческой избегают явных укоризненных дел. Одержимы будучи самолюбием, сею питательницею пагубных страстей, все попечение обращают они на сохранение здоровья и услаждение плоти, от всякой же скорби, от всякого труда и всякого злострадания из-за добродетели отказываются, паче надлежащего питая и грея враждебное нам тело. Держась такого образа жизни и поведения, оземленяют они ум, отучневший от страстей, и делаются неспособными к приятию мысленных и божественных вещей, коими душа отторгается от земли и вся устремляется к мысленным небесам. Это страждут они, потому что обладаемы еще суть вещественным духом, по коему любят свои души и исполнение своих желаний всему предпочитают. –

Будучи чужды Духа Святого, они непричастны и даров его; почему и плодов божественных не увидишь в них, – не только любви к Богу и ближнему, радости в нищете и скорбях, мира душевного, искренней веры и всестороннего воздержания, но и сокрушения, слез, смирения и сострадания: все в них полно надмения и гордости. В глубины Духа входить не имеют они сил: ибо нет в них света, который руководил бы их к тому и отверзал их ум к уразумению писаний, а других, когда они вещают о том, слушать неохочи они. Праведно потому и о них изрек св. Апостол: *душевен человек не приемлет яже Духа Божия, юродство бо ему есть: и не может разумети; зане духовне востязуется* (1 Кор. 2, 14).

7) *Духом ходящие* и духовную всецело восприявшие жизнь благоугодны Богу, как Ему, яко назореи, себя посвятившие и всегда об одном заботящиеся, чтоб очищать души свои трудами подвижническими и соблюдать заповеди Господни. Готовые и кровь свою пролить за любовь к Господу, они плоть свою истощают постами и бдениями, дебелость сердца утончают слезами, уды яже на земли умерщвляют злостраданиями (произвольными лишениями), молитвою и богомыслием ум исполняют света и светлым его соделовают, отвержением своих пожеланий освобождают души свои от пристрастия к телу и становятся совершенно духовными; почему духовными не только признаются, но и именуются от всех праведно. Они, идя к бесстрастию и любви, окрыляются к созерцанию творения и оттуда приемлют ведение сущего чрез сокровенную в Боге премудрость, одним тем даемую, которые стали выше тела уничиженного. Прешедши таким образом всякое чувство мирское и мыслию просвещенною став выше чувства, они светлы бывают разумом и посреде церкви и многочисленного собрания верных отрыгают благие словеса из чистого сердца, и бывают для людей соль и свет, как и Господь изрек об них: *вы есте свет мира; вы есте соль земли* (Мф. 5, 13. 14).

8) *Упразднитеся и разумейте, яко Аз есмь Бог* (Пс. 45, 11). Это глас божественного слова и хотящими деятельно познается. Почему отказавшемуся однажды от многомятежия жизни и пагубной суетности ее полезно, со многим вниманием и безмолвием, тщательно исследовать внутреннее свое, пока познает, что находит в себе Бога, так как Царствие Божие внутрь нас есть. Ибо и таким образом действуя, едва кто сможет в продолжение многих лет изгладить из души худые образы (воображения) и древнюю вполне восстановит красоту для Того, Кто даровал ее.

9) Поелику прежде заложенный в нас яд зла многообилен; то многого и огня требует для очищения своего, т. е. слез покаяния и произвольных подвижнических трудов, ибо мы очищаемся от скверн греха или произвольными трудами, или невольными скорбями. Когда то, что от воли, предупредит сделать требуемое, тогда не встречается нужды в том, что не от воли. Когда же первое не производит должного очищения внутреннего стклянницы или блюда (Мф. 23, 25), тогда второе посылается в сильнейшей степени к восстановлению в нас древнего устроения. Так бывает по домостроительству Творца нашего и Бога.

10) Посмеваются над благочестием и посмеваемы бывают делами те, которые совершили свое отречение не как следует и с самого начала не восхотели пользоваться учителем и руководителем, своему последовав разуму и *пред собою показавшись себе разумными* (Ис. 5, 21).

11) Как в телесных болезнях никто не может точно узнавать причины их и врачевства против них без большой опытности во врачебном искусстве, так и в душевных – без долгого подвижничества. Ибо как удобопогрешительным кажется и на деле очень немногим доступно бывает телесных болезней распознание, в коем упражняется искусство врачей, так тем более удобопогрешительно и более трудно, чем оно, распознание болезней душевных. Ибо чем душа превосходнее тела, тем труднее узнаваться болезни, чем тела сего, всеми чувственно видимого.

12) Главные и начальственные над другими добродетели вместе с сотворением вселены в естество человеческое, из которых, как из четырех источников, реки всех других добродетелей наполняются водою и напаяют град Божий, который есть сердце, очищаемое и утешаемое слезами. Соблюдший их нерушимыми или, по падении, многими трудами покаяния восставивший, устроил в себе царский дом и палату, в коей обитель Себе творит Царь всяческих, и тем, кои себя так благоустроили, богатые дары Свои распределяет и дает.

14) Не хочет Бог, чтобы делание ревностных подвижников оставалось не искушенным, но чтоб подвергалось большим испытаниям. Почему напускает на них огнь искушений и на время сокрывает даемую им свыше благодать, а духам злобы иной раз попускает взволновывать тишину помыслов их, чтоб видеть склонение души, кому она больше угодить хочет, – Творцу ли и благодетелю своему или мирскому чувству и сласти удовольствия чувственного. – И потом или усугубляет им благодать, если они преуспевают в любви Его, или бичует искушениями и скорбями, если пристрастны к земным вещам, пока восприимут ненависть к видимым благам по причине изменчивого их непостоянства, и горесть удовольствия от них потопят в слезах.

15) Как только мир помыслов бывает возмущен духами злобы, тотчас и разжженные стрелы похоти начинают быть часто пускаемы другими ловцами, бесами плотолюбивыми, на быстро востекающий на высоту ум. Когда же движение ума горе пресечено, тогда впадает он в движения нелепые и смешанные; и таким образом плоть начинает бесчинно восставать на дух, щекотаниями и разжжениями совлекая ум долу и желая погребсти его в рове сласти. И если бы *Господь* Саваоф *не сокращал дней* таковых, и рабам своим не подавал силы терпения, то *не бы спаслася всяка плоть* (Мф. 24, 22).

16) Многоискусный и многокозненный бес блуда для одних бывает *причиною падения* в ров тинный, для других служит *бичом и жезлом* праведным, для третьих – *испытанием и камнем Лидийским.* Из сих первое усматривается в новоначальных еще, когда они лениво и нерадиво тянут иго подвизания; второе – достигших средины преуспеяния в добродетели, когда они коснее простираются к ней; третье – в протянувших уже крыло ума к созерцанию, когда они только что сделали сильный порыв к совершеннейшему бесстрастию. Каждому домостроительно обращается сие свыше на пользу.

17) *Причиною падения* в ров тинный бывает бес блуда для тех, кои в совершенном нерадении проводят монашескую жизнь. Он разжигает члены их огнем блуда и похотию и способы им доставляет творить волю плоти и без общения с другою плотию: о чем срамно и говорить и помышлять. Таковые плоть сквернят, как сказано (Иуд. 8), и плоды сланой сласти снедают, – в зраках мраком исполняются и праведно лишаются лучшего (настроения душевного). Врачевство для тех из них, кои пожелают, теплое раскаяние и рождающееся от сего слезное сокрушение, которое и бегать зла сего располагает, и душу очищает от скверн его, и наследницею ее делает милости Божией. О нем-то гадая, и премудрый Соломон праведно сказал: *исцеление утолит грехи велики* (Еккл. 10, 4).

18) *Бичем и жезлом* праведно бывает сей бес для тех, кои в первом бесстрастии совершенствуются чрез деятельное любомудрие и делают успехи в простирании в предняя к большему совершенству. Ибо когда они по разленению ослабят силу держимого ими подвижничества и немного уклонятся к неохраняемому смотрению мирского чувства и войдут в вожделение человеческих вещей; тогда по великой к ним благости Божией попущается на них сей бес, яко бич, и начинает бить их, когда они помышляют таковое, помыслами похоти плотской, чтоб, не терпя сего, они поспешили востещи в свою башню усиленного делания и тщательного внимания и еще усерднее взялись за спасительные дела свои, восприяв более трудный образ жизни. Ибо Бог, благолюбив сущи, не хощет, чтоб душа, до сего достигшая, совсем возвратилась к мирскому чувству, но все простиралась в *предняя* и усердно бралась за совершеннейшие дела, чтоб бич злобы и не приближался к ее обиталищу.

19) *Испытанием и камнем Лидийским,* по домостроительству, бывает дух сей для тех, коих первое бесстрастие довело до второго; чтоб, будучи им докучаемы, помнили о своей естественной немощи и при умножении откровений, бывающих от созерцания, не превозносились, по слову Апостола (1 Кор. 12, 7), но видя, кто этот противовоюющий закону ума их, отрясали и самое тонкое воспоминание греховное, боясь, как бы не приять сочувствия к этой, порождаемой такими воспоминаниями, срамной нечистоте, и с высоты созерцания не низвести долу ока ума своего.

20) Одни те возмогли сохранить ум свой нестужаемым даже тонкими воспоминаниями греховными, которые сподобились свыше чрез Духа получить животворную мертвость Господа и в членах и в помышлениях своих; и плоть мертвую греху носят они, дух же жизнию обогатили чрез *правду, яже о Христе Иисусе.* Которым дан ум Христов в слове премудрости, в тех оказалась и нестужаемая животворная мертвость в ведении Божием.

21) В очищаемые еще души обычно некако привходить духу похоти и гнева. Чего ради? Для того, чтоб стрясти плоды Духа Святого, висящие на них. Поелику же и радость свободы в некоей мере разливается в душах сих, то все на пользу домостроительствующая премудрость, – желая всегда своими дарами к себе привлекать их мысль и их держать в непоколебимом смиренномудрии, чтоб они не превознеслись над другими многою свободою и богатством даров и не возомнили, что своею силою и своим разумом стяжали великую сию палату мира, – попускает сим духам нападать на них, между тем как сама скрывает свое действо, дабы, поражаемые страхом падения, твердо стояли они в хранении блаженного смиренномудрия, и убедившись, что все еще связаны плотию и кровию, взыскали безопасной для себя крепости, в которой могли бы сохранены быть силою Духа.

22) Наслание искушений бывает соответственно обдержащей нас болести страстей и залегшей внутри нас прели греховной, и судя по ним горькая чаша судеб Божиих растворяется для нас или лютее, или милосерднее. Когда залегшая внутрь нас материя греховная, от помыслов сластолюбивых или животолюбивых происшедши, удобо-излечима и легко поддается врачевствам, тогда Врачом душ наших подается чаша искушений, растворенная милосердием, потому что в таком случае мы истязуемся за человеческие немощи, как страждущие нечто человеческое. Когда же она, как от помыслов надмения и крайней гордости происшедшая, неудобоизлечима, глубоко залегла внутри и производит смертоносное расстройство, тогда чаша сия подается нерастворенною, в лютости гнева: дабы болезнь, будучи ослаблена и истончена огнем непрерывно одних за другими следующих искушений, отошла наконец от душ наших под действием порожденного ими смирения, после того как мы горькие помыслы гордыни потопим в слезах и Врачу душ наших чистыми покажемся во свете смирения.

23) Невозможно подвизающимся избегнуть следующих одних за другими искушений, если они не сознают немощи своей и не почтут себя чуждыми всякой правды и недостойными никакого утешения, никакой чести, никакого упокоения. У Бога, Врача душ наших, цель та, чтоб мы всегда были смиренны, сокрушенны, устранялись от всякого человека и подражали Его страданиям. Будучи Сам кроток и смирен сердцем, хощет Он, чтоб и мы в кротости и смирении сердца текли путем заповедей Его.

24) Смирение состоит не в наклонении выи, или в распущении волос, или в одеянии неопрятном, грубом и бедном, в чем многие поставляют всю суть добродетели сей, но в сокрушении сердца и смирении духа, как сказал Давид: *дух сокрушен, сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит* (Пс. 50, 19).

25) Ино смиреннословие, ино смирение и ино смиренномудрие. Смиреннословие и смирение проявляются подвизающимися во всяком злострадании (в произвольных лишениях) и во внешних трудах добродетели, – так как они все обращаемы бывают на делания и занятия телесные, почему при них душа, не всегда бывая в твердом благонастроении, при

встрече искушения смущается. А смиренномудрие, дело некое сущи божественное и великое, бывает в одних тех, кои наитием Утешителя переступили уже средину, т. е. далеко прошли вперед кратчайшим путем добродетели посредством всякого смирения.

26) Смиренномудрие, проникши во глубину души и тяжелым камнем налегши на нее, так сильно гнетет ее и стискивает, что вся крепость ее истощается в неудержимом излиянии слез, от коих ум очищается от всякой скверны помыслов, бывает в видении Божием и под действием его понуждается воззвать, подобно Исаии: *о окаянный аз, яко умилихся, яко человек сый, и нечисты устне имый, посреде людей нечистыя устне имущих аз живу: и Царя Господа Саваофа видех очима моима* (Ис. 6, 5).

27) Когда придет к тебе глубокое смиреннословие, тогда высокоречие отойдет от тебя. Когда смирение вкоренится в глубине сердца твоего, тогда и смиреннословие всякое отпадет от тебя. Когда же свыше обогатишься смиренномудрием, тогда и внешнее смирение и смиреннословие языка упразднятся в тебе, по слову апостола Павла: *егда же приидет совершенное, тогда, еже от части, упразднится* (1 Кор. 13, 10).

28) На сколько отстоит восток от запада, на столько отстоит истинное смиреннословие от истинного смирения. На сколько же небо больше земли и душа тела, настолько Духом Святым подаемое совершенным смиренномудрие и совершеннее и больше истинного смирения.

29) Ни того, кто при смиренном виде и одеянии говорит смиренно, не тотчас предполагай смиренным в сердце, ни того, кто говорит высоко и высокопарно, не вдруг почитай исполненным надмения и гордости, не испытавши их наперед; но от дел их познай их.

30) Плод Духа Святого есть *любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание* (Гал. 5, 22). Плод же противоположного духа есть ненависть, малодушие мирское, нестроение душевное, тревожность сердечная, лукавство, любопытное мудрование, беспечность, гнев, неверие, зависть, многоядение, пьянство, бранчивость, осуждение, похоть очес, надмение и гордость. От таковых плодов познавай древо, и сим способом верно будешь ты узнавать, какого духа тот, кто говорит с тобою. Имеешь признаки их и словом Господа еще яснее указанными. *Благий человек,* говорит Он, *от благаго сокровища сердца своего износит благая: лукавый же от лукаваго сокровища сердца своего износит лукавая* (Мф. 12, 35). Ибо по древу и плод его.

31) В ком есть и усматриваются плоды Духа Святого; в тех и Бог обитает. От них и немутный источник Слова с мудростию и разумом, смиреннословящими ли ты слышишь их, или высокое вещающими. В ком же не усматриваются плоды и дары Святого Духа, а видятся плоды противного духа, в тех – мрак неведения Бога, толпа страстей и жилище вражеских духов; смиренноглаголивыми ли и смиренно мудрствующими видятся они тебе, или говорящими о высоких вещах, в одежде заморской и с представительною наружностию.

32) Не лицами, не внешним видом и не словами характеризуется истина, и не в них почивает Бог, но в сердцах сокрушенных, в духах смиренных и в душах просвещенных Боговедением. Бывает, что иной, как видим, наружно на словах ставит себя ниже других и пред всяким смиренные о себе употребляет речения для уловления похвалы человеческой, внутри будучи полон самомнения, лукавства, зависти и злопамятства против ближнего. Бывает напротив, что иной, как видим, наружно высокомудрыми словами ратует за правду и восстает против лжи или преступления Божественных законов, на одну только при сем взирая истину и внутри полон будучи скромности, смирения и любви к ближнему, хотя иногда хвалится о Господе, подражая Павлу, который, хваляся о Господе, говорил: *похвалюся в немощех моих* (2 Кор. 12, 9).

33) Бог смотрит не на наружность того, что мы говорим или делаем, но на душевное расположение и цель, с какою или делаем что из видимых дел, или говорим о чем из вещей мысленных: как из людей превосходящие других разумением смотрят паче на силу слов и

цель дел, и по ним составляют суждения о лицах непогрешимые. Обыкновеннее же бывает, что *человек зрит на лице, Бог же зрит на сердце* (1 Цар. 16, 7).

34) Богом присуждено, чтоб из рода в род не прекращалось уготовление Духом Святым пророков Его и друзей для благоустроения Церкви Его. Ибо, если змий древний не перестает изрыгать яд греха в уши людей на пагубу душ; то *создавший наедине сердца наши* (Пс. 3, 15) *не воздвигнет ли от земли* смирения *нища, и от гноища* страстей *не возвысит ли убога* (Пс. 112, 7), посылая в помощь наследию Своему *меч духовный, иже есть глагол Божий* (Еф. 6, 17)? Преподобно убо те, кои отвергаются себя, начиная смирением, востекают на высоту ведения, и дается им свыше силою Божиею *слово* премудрости, яко *благовествующим* спасение Церкви Его (Пс. 67, 12).

35) Познай себя самого; и это есть воистину истинное смирение, научающее смиренномудрствовать и сокрушающее сердце, и сие самое делати и хранити понуждающее. Если же ты не познал еще себя, то не знаешь и того, что есть смирение, и делания и хранения его еще не коснулся: ибо познание есть конец делания заповедей.

38) Всякий, познавший себя, почил от всех дел, кои по Богу, и вошел в святилище Божие, в мысленное богослужение Духа и в божественное пристанище бесстрастия и смирения. Не познавший же себя чрез смиренномудрие еще в труде и поте шествует путем жизни сей. О сем и Давид гадательствуя сказал: *сие труд есть предо мною, дондеже вниду во Святило Божие* (Пс. 72, 16. 17).

39) Когда кто познает себя; а это требует многого совне охранения, упразднения от дел мирских и строгого испытания совести, – тогда тотчас внезапно приходит в душу и божественное некое паче слова смирение, приносящее сердцу сокрушение и слезы теплого умиления: так что тогда испытывающий его в себе действие почитает себя землею и пеплом, червем, а не человеком, недостойным даже и животной сей жизни, за превосходство сего дара Божия, в коем пребыть сподобившийся исполняется неизреченным некиим опьянением умиления, входит в глубину смирения и, из себя изшедши, ни во что вменяет все внешнее яства, пития, одеяния тела, – как изменившийся добрым *изменением десницы Вышняго* (Пс. 76, 11).

40) Смирение есть нечто величайшее в добродетелях: ибо оно в ком вкоренится чрез искреннее покаяние и в спутницы к себе приимет молитву с воздержанием, тех тотчас делает свободными от страстей, мир силам их подает, сердце очищает слезами и исполняет его тишины в нашествии Духа. Когда же они так настроятся, тогда для них уясняется чрез то слово ведения Божия, и они входят в созерцание таин Царствия Божия и познания тварей. Но поскольку они углубляются в глубины Духа, потолику погружаются и в глубину смиренномудрия; а от сего возрастает в них познание своих мер и немощи человеческого естества и увеличивается любовь к Богу и ближним, так что они убеждены бывают, что почерпают освящение от одного приветствия и близости обращающихся с ними.

41) Ничто так не окрыляет души к вожделению Бога и возлюблению Его как смиренномудрие, умиление и чистая молитва. Смиренномудрие сокрушает дух, источает потоки слез и, представляя пред очи сознания невеликость наших человеческих мер, научает видеть свою немощность; умиление очищает ум от всего вещественного, просвещает око сердечное и делает душу всю светлоблестящею;

чистая молитва всего человека сочетавает с Богом, делает его сотрапезником Ангелов, дает ему вкусить сладости вечных Божиих благ, сокровищами великих таин снабжает его и, воспламенив любовию, располагает его дерзнуть на положение души своей за другов своих, как ставшего уже выше пределов человеческого ничтожества.

42) Сохрани ты мне добрый залог обогатительного смирения, в которое складываются на сохранение сокровенные сокровища любви, в коем хранятся маргариты умиления, – и Царь, Христос Бог, покоится как на престоле, окованном златом, разделяя дары Духа Свя-

того питомцам его и великих сподобляя их удостоений: слова ведения Его, неизреченной Его премудрости, узрения божественных вещей, предузрение вещей человеческих, животворного умертвия в бесстрастии и соединения с Ним теснейшего для соцарствования с Ним в Царствии Отца и Бога, как Сам Он Ему молится, говоря о нас: *Отче, их же дал еси Мне, хощу, да идеже есмь Аз, и тии будут со Мною* (Ин.17, 24).

43) Когда кто, деятельно трудясь в исполнении заповедей, внезапно исполнится радостию неизглаголанною и неизреченною, так что и сам изменится дивным некиим и невыразимым изменением, и, как бы совлекшись бремени телесного, забудет о пище, сне и других потребах естества: тогда да ведает, что это есть Божие ему посещение, производящее в подвизающихся животворное умертвие и вводящее чрез то в состояние бесплотных. Такой блаженной жизни виновница есть смирение; питательница и матерь – святое умиление; другиня и сестра – созерцание Божественного света; престол – бесстрастие; конец – Пресвятая Троица-Бог.

44) Достигший до сего акрополя (кремля) не может быть держим узами чувства ни к чему из всего тварного, не обращает взора ни на какие утехи житейские, не различает неподобного от преподобного, но как Бог равно дождит и солнце воссиявает на праведных и неправедных, на злых и благих (Мф. 5, 45), так и он воссиявает и простирает лучи любви своей на всех, *не утесняясь в утробах своих* (2 Кор. 6, 12), но чреватым пребывая любовию ко всем, и если чувствует тесноту и тяготу, то только тогда, как не может благотворить, сколько хочет. Отсюда, как некогда из Едема, другой некий исходит *источник, разделяющийся на четыре начала* (Быт. 2, 10), – смиренномудрие, чистоту, бесстрастие и неразвлекаемую ничем (безмолвную) молитву, и напояет лицо всего мысленного творения Божия.

45) Не вкусившие сладости слез умиления и не ведающие, какова благодать их и каково действо, думают, что они ничем не разнятся от тех, кои проливаются по умершим, придумывая при сем многие виды предположений пустых и недоуменных умозаключений. – Но они естественно нам прирождены; и когда гордость ума склонится к смирению, а душа смежит очи свои от прелести видимых благ и устремит их к одному видению первого невещественного света, отрясет всякое к миру чувство и свыше утешения Духа сподобится: тогда слезы, как воды источника, исторгаются из нее, утверждают чувства ее и исполняют мысли ее всякого радования и света божественного; и не это только, но и сокрушают сердце, и ум в видении лучшего соделовают смиренномудрым. Всему сему невозможно быть в тех, кои плачут и рыдают по иным причинам.

46) Невозможно разверзть источник слез без глубочайшего смиренномудрия, ни опять смиренномудрым быть без умиления, производимого наитием Духа: ибо умиление от смиренномудрия, и смиренномудрие от умиления Святым порождаются Духом. Они, как звенья цепи, держась друг за друга и единою благодатию связуясь, составляют неразрывный союз духовный.

47) Свет, от Духа Святого нисходящий в душу, обыкновенно отходит по причине уныния, нерадения и безразличия оносительно слов и яств: ибо как безразличие в яствах и вообще сытая трапеза, так равно и неудерживание языка и очес нехранение изгоняют его из нее и делают нас омраченными. Когда же мы наполнимся тьмою; тогда все звери селения сердца нашего и скимны – страстные помыслы – с рыканием расходятся по душе, ища себе пищи в страстях и покушаясь похитить положенное в нас Духом сокровище (Пс. 163, 21). Но истинная другиня наша – воздержание, и ангелотворная молитва не только не попущают ничему такому произойти в душе, но и сохраняют в уме неугасимым светением Духа, сердце делают тихим и чистым, источают божественное умиление, душу расширяют любовию к Богу и всю ее, в веселии и девственности, всецело сочетавают со Христом.

48) Ничто так не свойственно разумности, как чистота и целомудрие души, коих матерь и другиня есть воздержание всестороннее, а отец – страх Божий. Страх же Божий, прело-

жившись в вожделение Бога и сочетавшись с сердечным расположением к божественным вещам, соделовает душу свободною от страха, полною любви и божественного разумения родительницею.

49) Страх, наперед сочетавшись с душою, чрез покаяние делает ее чреватою помышлением о суде. Тогда окружают ее болезни адских мучений (Пс. 114, 3); воздыхания и скорбные томления с сжатием сердца терзают ее при помышлении о будущем воздаянии за дела злые. Потом она, многими слезами и трудами во чреве помышление зачатое (намерение содевать спасение) возрастивши, рождает на земле сердца своего дух спасения (решимость), и освободившись от мучении при мысли об аде, и избавившись от стенаний под действием представления суда, воспринимает в себя вожделение и радость будущих благ и сретается другинею – чистотою с целомудрием, кои искреннею любовию сочетавают ее с Богом. – С Богом же сочетавшись, душа ощущает неизреченную сладость, и от сего с удовольствием уже и наслаждением проливает слезы умиления, чуждою делается сочувствия всему, что в мире, и как бы в исступлении сущи, течет вслед Жениха, так взывая к Нему безгласным гласом: *«вслед Тебе, в воню мира Твоего теку. Возвести ми, егоже возлюби душа моя, где пасеши? где почиваеши в полдень* чистого созерцания? чтоб не быть мне вынужденною блуждать по стадам другов Твоих – праведников (Песн. 1, 3, 6): ибо светлосияние великих таинств у Тебя». – Жених же, введши ее в сокровище-хранительницу сокровенных Своих таин, делает ее созерцательницею существа творений с премудростию.

50) Не говори в сердце своем: невозможно мне прочее стяжать чистоту девства, после того как я столько раз растлевал себя и подпадал неистовству тела. Ибо где приложены будут болезни и труды покаяния с злостраданием и теплотою душевною и источатся реки слез умиления: там все твердыни греха разрушаются, всякий огнь страстей угасает, и совершается новое свыше рождение наитием Духа Утешителя; – и душа опять соделовается палатою чистоты и девства, в которую преестественный Бог, нисшедший во свете и радовании неизреченном, и как на Престоле Славы, восседши на высоте ума ее, дает мир сущим в ней силам, так говоря: «мир вам от борющих вас страстей, мир Мой даю вам для естественного вам действования, мир Мой оставляю вам для достижения преестественного совершенства». Исцелив таким образом тройственностию дарования мира троечастность души и к троичному возведши ее совершенству и с Самим Собою соединивши, всю уже делает ее Богом девственною, всю доброю, всю прекрасною, намастив ее благоуханием мира чистоты, и говорит ей: *«востани, приди, ближняя моя, добрая моя, голубице моя,* в деятельном любомудрии. *Яко се зима* страстей *прейде, дождь* сластолюбивых помыслов *отъиде, отъиде себе, цвети* добродетелей с благоуханием помышлений *явишася на земли* сердца твоего. *Востани, приди* ко Мне в разумном ведении естества, *приди ты, голубице моя* сама о себе, в покров и мрак таинственного Богословия и веры, сего твердого во Мне Боге камня» (Песн. 2, 10–14).

51) Блажен мне из сподобившихся доброго изменения и восхода горе тот, кто, – деятельным любомудрием превзошедши стену страстных привычек и оттуда на посребренных крыльях бесстрастия в ведении поднявшись в мысленный воздух созерцания всего сущего, а отсюда вошедши в мрак Богословия, – почил наконец от всех сих дел своих в Боге блаженною жизнию: ибо он, соделавшись в совершенстве земным Ангелом и небесным человеком, прославил Бога в себе, чего ради и Бог прославил его.

55) Худо неверие, лукавого сребролюбия и зависти лукавейшее порождение. Если же оно худо, не паче ли худо то, что порождает его? ибо сие последнее любовь к злату делает в сынах человеческих предпочтительнейшею любви ко Христу, Содетеля вещества почитает меньшим сего вещества, и ему служить паче, нежели Богу, научает тех, кои охотнее соглашаются *служить твари паче Творца и истину Божию премeняют во лжу* (Рим. 1, 25). Если же недуг сей так худ, то какой степени худости не превосходит душа, произвольно им недугующая?

56) Если любишь быть другом Христовым, ненавидь злато и его ненасытное любление, так как оно к себе обращает помышление любящего его и отрывает его от сладчайшей любви к Господу Иисусу, которая является не в виде слова, а в виде действования по заповедям Его. Если вожделеваешь злата, то, увы! конечно приобретешь его, если приобретением считаешь, а не крайнею потерею любовь к нему предпочтительно пред любовию ко Христу. Но ведай, что при сем Христа всячески потеряешь, а вместе с Ним потеряешь и Бога, без Коего нет спасения человекам.

57) Если любишь золото, то не любишь Христа. Если же Христа не любишь, а любишь золото; то смотри, кому тиран сей уподобить тебя старается? Оному, хотя ученику, но не верному, хотя другу, но оказавшемуся наветником, зле восставшим на общего Владыку, бедственно отпадшим от веры и любви к Нему и бросившимся в глубь отчаяния. – Убойся же этого примера и ты, и бегай злата и любви к нему, да Христа приобрящешь, оказывая вместе с тем и к себе самому истинную любовь: ибо видишь, какова участь падшего в этот грех?

58) Без призвания свыше никогда не ищи получить председательство при помощи золота или при содействии и ходатайстве людей, хотя бы ты видел, что имеешь силу пользовать души; ибо три следующие беды могут сретить тебя, и одна из них сбудется: или негодование Божие и гнев найдут на тебя в различных напастях и скорбных обстоятельствах, когда восстанут на тебя не только люди, но и вся почти тварь, – и жизнь твоя будет многовоздыхательна; или с великим бесчестием будешь свергнут оттуда, когда преодолеют тебя другие; или умрешь не в свое время, будучи отсечен от настоящей жизни.

59) Нельзя ни во что вменять славу и бесчестие и быть выше неприятностей и приятностей, если не сподобится кто право смотреть на то, чем кончается все такое. Когда же увидит, как всякая слава, всякое удовольствие и утеха, всякое богатство и благоденствие кончается ничем, потому что смерть все это отнимает и растлевает; тогда, познав явную суетность человеческих вещей, обращает он чувства свои к вещам божественным и к этим, пребывающим и растлиться никогда не могущим, прилепляется, а от тех отвращается, – вследствие чего становится выше скорбей и утешений земных: скорбей, как победивший в душе сластолюбие, славолюбие и любоимание, – утешений, как отторгший от души мирское чувство (всякое сочувствие к мирскому). От того, почитают ли его или бесчестят, скорби ли или утешения облежат его, он всегда одинаков и за все благодарит Бога, не ниспадая помыслом долу.

60) Тщательный может и по сновидениям угадывать движения и расположения души и соответственно тому направлять попечение об устроении своего духовного состояния. Ибо по настроению внутреннего человека и его забот бывают и телесные движения, и душевные мечтания. Кто имеет душу веществолюбивую и сластолюбивую. тому мечтаются стяжания вещей и денежные прибытки, также женские лица и страстные объятия, от коих случается с ним осквернение плоти и одежды. У кого душа любостяжательна и сребролюбива, тот и во сне видит всегда золото: то взыскивает уплаты, то умножает проценты, то прячет добытое в кладовую, то будто осуждается как немилосердый. Кто гневлив и завистлив, тому представляется, будто за ним гонятся звери или ядовитые пресмыкающиеся, – и он испытывает великие ужасы и страхи. У кого тщеславием напыщена душа; тому мечтаются добрая о нем молва, шумные ему встречи народные, предложение ему или получение им какого-либо чина или начальства. У кого душа горда и самомнением наполнена; тот видит себя разъезжающим на блестящих колесницах или летающих на крыльях по воздуху, а других всех трепещущими пред великостию власти его. Равным образом и Боголюбивый человек, как ревностный о делах добродетели и неутомимый в подвигах благочестия, имея душу чистую от пристрастия к вещественному, видит во сне или сбытие будущих вещей, или откровение страшных видений, и просыпаясь, всегда находит себя молящимся в умилении и мирном устроении души и тела, со слезами на ланитах и с беседою с Богом в устах.

61) Из того, что представляется во время сна, иное есть мечтание, иное видение, иное откровение. – Мечтания суть такие сновидения, которые не стоят неизменными в воображении ума, но которых предметы перемешиваются, одни вытесняют другие или изменяются в другие; от них никакой не бывает пользы, и самое мечтание их исчезает вместе с пробуждением; их тщаливейшие ревнители презирать должны. – Видения суть такие сновидения, которые во все время стоят неизменными, не преобразуются из одного в другое и так напечатлеваются в уме, что остаются на многие лета незабвенными: они показывают сбытие будущих вещей, доставляют душе пользу, приводя ее в умиление представлением страшных видов, и видящего их делают самоуглубленным и притрепетным от неизменного созерцания представляющихся страшных вещей; тщаливейшие ревнители должны считать такие видения драгоценными. – Откровения суть сущие выше всякого чувства созерцания чистейшей и просвещенной души, представляющие дивные некие божественные дела и разумения, тайноводство сокровенных Божиих таин, сбытие наиважнейших для нас вещей и общее пременение мирских и человеческих дел.

62) Из сказанных видов сновидений первые свойственны людям чувственным и плотолюбивым, для коих Бог чрево и укоризненное насыщение, коих ум объят тьмою по причине нерадивой и страстьми истертой жизни, и над коими издеваются бесы посредством мечтаний; вторые – тщаливым ревнителям, очищающим душевные чувства и чрез видимое благодетельно возводимым к постижению божественных вещей и приумножению преуспеяния; третьи – совершенным, действенно наитствуемым Божественным Духом и с Богом соединенным богоглаголивою душою.

63) Не у всех людей сновидения бывают истинны и не у всех печатлеются во владычественной части ума, но у одних тех, коих ум очищен и чувства душевные просветлены, кои востекли к естественному созерцанию, у коих нет попечения о житейских вещах, ни заботы о настоящей жизни, коих долгие пощения установились в общее воздержание, а поты и труды по Богу обрели покой во святилище Божием в ведении сущего и в высшей премудрости, коих жизнь ангельская сокровенна ныне в Боге, и коих преуспеяние в священном безмолвии возвело на степень пророков Церкви Божией, о которых и в книге Моисея сказал Бог: *аще будет пророк в вас, во сне являюся ему, и в видении возглаголю к нему* (Чис. 12, 6), и в книге Иоиля: *и будет по сих, излию от Духа Моего на всяку плоть, и прорекут сынове ваши и дщери ваши, и старцы ваши сония узрят, и юноты ваши видения увидят* (Иоил. 2, 28).

64) Безмолвие есть состояние ума нестужаемого (помыслами), тишина свободы (от страстей) и отрады душевной, стояние сердца в Боге, нетревожимое и невлаемое, светлое созерцание, ведение Божиих таин, слово премудрости из чистого ума, бездна разумений Божиих, восторжение ума, беседа Божия, неусыпное око, молитва умная, беструдный в великих трудах покой, и наконец единение и совокупление с Богом.

65) Пока душа расстроена в себе по причине беспорядочного действования ее сил и потому неспособна вместить в себе божественные лучи, пока не сподобилась она свободы от рабства мудрованию плоти и не вкусила еще мира по причине недавности прекращения в ней брани неудержимых страстей; дотоле потребно ей многое молчание уст, до того, чтоб и она могла говорить с Давидом: *аз же яко глух не слышах, и яко нем не отверзаяй уст своих* (Пс. 37, 14). Всегда должно ей быть печальною и в сокрушении ходить путем заповедей Христовых, пока еще оскорбляет ее враг, и она ждет пришествия Утешителя, Коим, когда она пребывает в сокрушении и омывает себя слезами, даруется ей свобода.

66) Когда в безмолвии уготовляющий мед добродетелей станет выше смиренной плоти вследствие подвигов любомудрия (подвижнических) и его душевные силы придут в естественное состояние по причине низвержения долу мудрования (самомнения, гордости), когда, очистив сердце слезами, сделается он способным вмещать лучи Духа, облечется в нетленную животворную мертвость Христову и, сидя в горнице безмолвия, приимет Утеши-

теля с огненным языком; тогда долженствует он с дерзновением *глаголати величия Божия, и в Церкви велицей благовестить правду Его* (Пс. 144, 5, 11, 12, 21; 39, 10), яко приявший внутрь чрева закон Духа, да не подобно оному рабу лукавому, скрывшему талант своего господина, ввержен будет в огнь вечный. Так и Давид, после того как омыл грех свой покаянием и опять восприял пророческое дарование, не могши скрывать Божия благодеяния, такое обращал к Богу слово: *се устнам моим не возбраню, Господи, Ты разумел еси: правду Твою не скрых в сердце моем, истину Твою и спасение Твое рех, не скрых милость Твою и истину Твою от сонма многа* (Пс. 39, 10, 11).

67) Ум, очищенный от всякой нечистоты, по блестящим и светлым разумениям бывает для души звездным небом, имея в себе Солнце Правды сияющим и светлые лучи богословия испущающим, в уяснение, что есть глубина и высота, и широта ведения Бога. Прияв в недра свои сии лучи, Он изъясняет потом словом глубины Духа всем, имеющим Духа Божественного в себе, обнаруживает лукавство духов и поведает о тайнах Царствия Небесного.

68) Телесные похотения и взыграния плоти останавливают воздержание, пост и борение духовное; разжжения же душевные и волнения сердечные чтение Божественных Писаний охлаждает, непрестанная молитва смиряет, а умиление, как елей, утишает.

69) Ничто другое так, как чистая и чуждая всего вещественного молитва, не делает человека достойным собеседником Бога и не соединяет с Ним того, кто словом молится Ему нерассеянно, в духе, когда при том душа его омывается слезами, услаждается сладостию умиления и светом Духа просвещается.

70) Прекрасно и количество в молитвенных псалмопениях, когда им руководит терпение и внимание; но собственно качество оживляет душу и бывает причиною плода (от молитвы). Качество же псалмопения и молитвы (доброе) состоит в том, чтобы молиться в духе умом; а умом молится кто когда, поя и молясь, он умом обозревает то, что содержится в Божественном Писании и приемлет восхождения разумений в сердце своем из боголепных мыслей, коими мысленно в воздух света восхищаемая душа светло осиявается, еще паче очищается, вся восторгается к небесам и созерцает красоты уготованных святым благ, вожделением коих возгораясь, тотчас являет плод молитвы источением из очес источника слез от действия светотворного Духа, доставляющих душе вкушение столь сладостное, что сподобившийся его нередко забывает совсем о телесной пище. Это и есть плод молитвы, от качества псалмопения порождающийся в душах, добре молящихся.

71) Где видится плод Духа, там присуще качество молитвы; а где есть это качество, там прекрасно и количество псалмопения. Где же плод не проявляется, там сухо и качество; если же оно сухо, тем паче количество, которое хотя и дает труд телу, но всячески для многих бесполезно бывает.

72) Берегись козней вражеских, когда молишься и поешь псалмы Господу: ибо они всячески ухищряются отвлекать мысль и чувство от того, что поется, и все то изгладить из памяти. Делают же сие для того, чтоб лишить нас плодов молитвы, и чтоб не вкушая сих плодов, мы заскучали на псалмопении и пресекли его, в предположении, что уже долго молились, как подущает враг. Но ты настой мужественно и еще прилежнее внимай псалмам, неспешно читая их; да пожнешь плод молитвы при созерцании того, что представляют стихи псаломские, и обогатишься просвещением Святого Духа, воссиявающим в душах молящихся (сокращенно).

73) Когда что-либо такое случится с тобою, когда стараешься петь разумно, смотри не разленись, возмалодушествовав, и покой тела не предпочти пользе душевной, подумав, что уже позден час. Но как только заметишь пленение ума, остановись, и хотя бы ты был уже на конце псалма, востеки усердно к началу его, и снова начав, читай поряду тот же псалом, и делай так, хотя бы многократно в час случилось с тобою пленение. Если будешь так делать,

то демоны, не снося твоего терпения и постоянства и силы рвения, убегут от тебя, стыдом покрытые.

74) Твердо ведай, что непрестанная молитва та есть, которая не отходит от души ни днем ни ночью, и которая состоит не в воздеянии рук, не в положении тела молитвенном и не в возглашении молитв языком, чтоб можно было ее видеть телесными очами, но состоит в умном делании с памятованием о Боге при постоянном умилении, и уразумевается только умеющими уразумевать сие.

75) Можно пребывать всегда в молитве, если помыслы свои держать собранными под владычеством ума в мире и благоговеинстве полном, в глубины Божии проникая и ища вкусить оттуда истекающую сладчайшую струю созерцания: что при отсутствии мира (помыслов) невозможно. Только в том, у кого душевные силы умиротворены ведением, может благоустроиться непрестанная молитва.

76) Если когда поешь песнь молитвы Богу, брат придет и постучится в дверь келлии твоей, не предпочти дела молитвы делу любви, призрев стучащегося к тебе брата: ибо это не любезно Богу. Он желает от тебя в сие время елея любви, а не жертвы молитвы. Почему оставя дар молитвы, дай брату беседу любви и удовлетвори его желание. Потом, возвратившись, принеси дар твой Отцу духов со слезами и сокрушенным сердцем, и дух правый обновится во утробе твоей.

77) Не в определенное время и не в определенном месте совершается таинство молитвы. Ибо если определишь дело молитвы часами, временами и местами; то кроме сего, пожалуй, как бы по праву, станешь проводить время в занятиях суетных. Предел молитвы есть неподвижное пребывание ума в Боге; дело – вращание души в вещах божественных; конец – прилепление к Богу сердцем, чтоб быть с Ним един дух, по определению и слову Апостола (1 Кор. 6, 17).

78) Хотя ты умертвился уже в членах плоти, и душевно оживотворился Духом, и преестественных дарований сподобился от Бога: но ты все же не оставляй блуждать туда и сюда мысленную силу души своей, а приучай ее всегда вращаться в памятовании о прежних твоих прегрешениях и о сущих в аде муках, и смотри на себя как на осужденника. Вращая ум свой в таких помышлениях и так смотря на себя, ты сохранишь сокрушенный дух и будешь иметь в себе живой источник умиления, источающий струи божественной благодати, и Бога будешь зреть смотрящим на тебя и дающим тебе Духа во утверждение сердца твоего.

79) Благоразумное пощение, приявшее в спутники себе бдение с Богомыслием и молитвою, скоро делателя своего приводит к пределам бесстрастия, когда у него при сем и душа в преизбытке смирения будет обливаема слезами и воспламеняема любовию к Богу. Когда же он дойдет до сего, тогда оно вводит его в мир духовный, превосходящий всякий ум свободный, и любовию соединяет с Богом.

80) Не так царь о славе и царстве высокомудрствует и, восхищаясь державною властию, радуется, как монах о бесстрастии и слезах умиления. Но у того высокомудрствование увядает вместе с царством; а этого блаженное бесстрастие с ним переходит туда и там пребывает в радовании в бесконечные веки. Как колесо, вращается таковой в настоящей жизни между людьми, мало касаясь земли и того, что на земле, по необходимым потребам естества; весь же он шаровидно несется в мысленный воздух, в себе самом сочетавая начало с концом и неся виды даров благодатных вделанными в венец смирения. Для него обильною трапезою бывает созерцание Сущего, питием – чаша премудрости, упокоением – Бог.

81) Волею предавший себя трудам добродетельным и с теплым усердием совершающий подвижнический путь, великих от Бога сподобляется даров. Подвигаясь в преуспеянии к средине, доходит он до божественных откровений и видений, – и тем более делается световидным и мудрым, чем более напрягается его подвижнический труд. Но чем выше восходит он на высоту созерцания, тем большую против себя возбуждает зависть губительных

бесов: ибо они не могут равнодушно видеть, как человек прелагается в ангельское естество; почему не ленятся тайно пускать на него стрелу самомнения. Если он, уразумев кознь вражью, укроется в крепость смирения, зазрев себя (или в чувстве презрения к себе), то избегает бедственности гордыни и вводится в пристань спасения. Если же нет; то оставлен будучи помощию свыше, предается в руки духов злобы, требующих его, как своего по духу, на невольное обучение наказательное, за то что произвольно не явил себя обученным и искусным. Эти обучительно наказательные духи суть духи сластолюбия и плотолюбия, злобы и гнева, кои и смиряют его лютыми нападениями, пока познает свою немощь, и оплакав свое падение, побудит отменить обучительное наказание. Тогда и он может с Давидом воззвать: *благо мне, яко смирил мя еси, яко да научуся оправданием Твоим* (Пс. 118, 71).

82) Бог не хочет, чтоб мы всегда были смиряемы страстями (немощными являлись пред ними) и, когда бываем гонимы ими, уподоблялись зайцам, полагая камнем прибежища одного Его: ибо иначе Он не сказал бы: *Азрех: бози есте, и сыновеВышняго* (Пс. 81, 6). Но желает, чтоб мы, и как елени, востекали на высокие горы заповедей Его, и были жаждательнейшими животворных вод Духа: чтоб, как они, по естеству, пожирая змий, в разгорячении от долгого бега, дивно превращают, как говорят, ядовитое естество змий в безвредную пищу; так и мы всякий помысл страстный, приемлемый во чрево мысленное, действием огневого бега путем Заповедей Божиих и силы Духа претворяли в благое и спасительное деяние добродетели, да явимся *всякое разумение* чрез деяние *пленяющими в послушание Христово* (2 Кор. 10, 5). Ибо горнему миру надлежит быть наполнену не перстными и несовершенными мужами, но духовными и совершенными, востекшими в *мужа совершенна исполнения Христова* (Еф. 4, 13).

83) Вращающийся всегда в одном и том же и в предняя простретися не желающий подобен мулу, который ворочает мельничное колесо, сам нимало не подвигаясь вперед. Ибо всегда борющийся с плотию и в одних телесных деланиях упражняющийся, при всем злострадании причиняет сам себе великий ущерб в вещах высших, не замечая того, как непостигший цели божественной воли. Ибо, по св. Павлу, *телесное обучение вмале есть полезно* (1 Тим. 4, 8), пока перстное мудрование плоти не будет поглощено потоками покаянных слез, и в тело не войдет животворная мертвость духовная, и закон духа не воцарится в мертвенной плоти нашей. Благочестие же душевное, которое под действием божественных помышлений созерцается, как древо жизни, в мысленном делании ума, везде и во всем полезно, как чистоту сердца созидающее, как мир между силами души водворяющее, как всякую доброту духовную с собою вводящее: ума просвещение, чистоту тела, целомудрие, всестороннее воздержание, смиренномудрие, умиление, любовь, освящение, небесное ведение, мудрость слова и зрение Бога. Кто по многих подвигах востек к такому совершенству благочестия, тот, чермное море страстей прешедши, вошел в землю обетования, из коей течет млеко и мед Боговедения – сие неистощимое услаждение святых.

85) По порядкам и степеням любомудрой (подвижнической) жизни, надлежит нам всяко простираться в предняя и восходить к высшему, пребывая приснодвижными в *тех, яже к Богу,* и никогда усталости не зная в делании добра. От этого деятельного подвижничества надлежит восходить к естественному созерцанию творения; а от сего – к таинственному Богословию и упокоеваться в нем от всех трудов телесного делания, – став уже выше всего телесного и дольнего и получив благорассудное ведение истинного различения вещей. Если же мы еще не получили ведения такого различения, то не знаем и того, как простираться в предняя и восходить к совершеннейшему; и оказываемся еще худшими мирян.

86) Душа, с теплым рвением усиленно очищаемая подвижническими трудами, божественным светом озаряется, и мало-помалу начинает узревать естественно данную ей вначале Богом красоту, и расширяется в возлюблении Создавшего ее. Поколику же уясняются ей, по мере очищения ее, лучи Солнца Правды, и естественная красота ее обнажается пред

нею и ею познается; потолику и она умножает труды подвижнические для большего себя очищения, чтоб чисто уразуметь славу дара, какого сподобилась, и древнее восприять благородство, и сохранить для Создателя своего образ Его чистым и несмешанным ни с чем вещественным. И никогда не пособляет она себе и не перестает прилагать труды к трудам, пока не очистит себя от всякой нечистоты и скверны и не соделает достойною зреть Бога и беседовать с Ним.

87) *Открый очи мои и уразумею чудеса от закона Твоего* (Пс. 118, 18), вопиет к Богу покрываемый еще мглою земного мудрования. Ибо неведение перстного ума, как мгла и мрак глубокий, покрывая очи душевные, отемненною и омраченною ее соделовает к уразумению божественных и человеческих вещей, не могущею устремлять взора своего к озарениям божественного света или вкушать благ оных, которых око не видало, о которых ухо не слыхало, которые и на сердце человеку не всходили (1 Кор. 2, 9). Но открывая очи свои покаянием, она все сие видит чисто, слышит внятно и разумеет разумно. И не только это, но и восхождения разумений о сем полагает в сердце своем. Вкусивши же потом и сладости сего, просвещается она в разуме и словом премудрости поведает всем о дивных благах оных, которые уготовал Бог любящим Его, и всех убеждает взыскать причастия их многими подвигами и слезами.

88) Семь есть даров Духа. Слово Божие, перечисляя их, начинает сверху – от премудрости, – и нисходит до конца – до духа страха Божия, – говоря: дух премудрости, дух разума, дух совета, дух крепости, дух ведения, дух благочестия, дух страха Божия (Ис. 11, 2, 3). Нам же надлежит начинать с очистительного страха, т. е. со страха мук, чтоб, прежде посредством его отторгши себя от худа и покаянием очистившись от скверн греха, достигнуть и сего чистого страха, дара Духа, путем настоящим грядущи к нему и в нем упокоеваясь во всяком делании добродетели.

89) Начавший страхом суда и преуспевающий в очищении сердца слезами покаяния, исполняется во-первых премудростию, так как страх начало ее есть, по реченному (Притч. 1, 7); потом разумом вместе и с советом, помощию которого избирает себе душеспасительные преднамерения. Сего же достигший чрез исполнение заповедей, восходит он к ведению сущего и получает точнейшее ведение божеских и человеческих вещей, а от сего соделавшись весь жилищем благочестия, восходит в высшний град любви, и является совершенным; и тотчас чистый страх – дар Духа – приемлет его, чтоб хранить положенное внутрь него сокровище Царствия Небесного. Сей страх, будучи крайне спасителен, того, кто достиг высоты любви, делает трепещущим и на всякий подвиг готовым из боязни, как бы не ниспасть с такой высоты любви и не быть опять ввержену в ужас мук.

90) Чтение Писаний инаково бывает для тех, кои только вводятся в жизнь благочестия, инаково для тех, кои прошли до средины преуспеяния, инаково для тех, кои востекают к совершенству. Для одних оно бывает хлебом трапезы Божией, укрепляющим сердца их на священные подвиги добродетели, который и силу крепкую подает им на борение с духами в страстях действующими, и соделовает их мужественными борцами против демонов, так что они говорят: *уготовал еси предо мною трапезу сопротив стужающим ми* (Пс. 22, 5). Для других оно – вино чаши божественной, веселящее сердца их, в исступление их приводящее силою помышлений, ум их вземлющее от письмени убивающего, и в глубины Духа испытательно вводящее, и всего его соделовающее породителем и находителем уразумений, – так что и им свойственно говорить: *и чаша Твоя упоявающи мя, яко державна* (Пс. 22, 5). А для третьих – елеем божественного Духа, умащающим их душу, укрощающим и смиряющим ее преизбытком божественных озарений и всю ее восторгающим превыше тела, так что и она хвалясь вопиет: *умастил еси елеем главу мою, и милость Твоя поженет мя все дни живота моего* (Пс. 22, 5, 6).

91) Доколе мы притрудно деятельным любомудрием в поте лица направляемся к Богу, умаляя страсти плотские, дотоле хлебом насущным, который возделыванием добродетелей уготовляется и сердца человеческие укрепляет, питается с нами Господь на трапезе дарований Своих. Когда же бесстрастием освятится у нас имя Его, и Он воцарится над всеми нашими душевными силами, покорив и умирив расстоящее, – худшее, говорю, лучшему, – и воля Его будет и в нас, как на небе; тогда новое и неизреченное пиво премудрости Слова, растворяемое умилением и познанием таин великих, пиет Он с нами в Царствии Своем, в нас пришедшем. Когда же соделаемся мы причастниками Духа Святого и добрым изменимся изменением в обновлении ума нашего, тогда Бог сый, яко с богами, будет с нами, обожив воспринятое (человечество).

92) Когда неудержимая вода страстных помыслов ума удержана будет наитием Духа Святого и сланая неподобных мыслей и воспоминаний бездна обуздается воздержанием и помышлением о смерти, тогда веет Божественный Дух покаяния и нисходят волны умиления, кои Бог и Владыка наш, вливая в умывальницу покаяния, умывает мысленныя ноги наши и делает их достойными ступать по двору Царствия Его.

93) Бог Слово, быв плотию и совершенным став человеком кроме греха, естество наше в Свою приял ипостась, и, яко Бог совершенный, воссоздал его и обожил. Слово же сущи первого ума и Бога, с словесною его соединился частию и ее горе воскрылил – мудрствовать и помышлять о божественном. – Но и огнь сущи, существенным и божественным огнем сим раздражительную силу его соделал способною живо противостоять пагубным страстям и враждебным нам бесам. А сущи желанием (предметом желанным) всякого словесного естества и упокоением (полным удовлетворением вожделения), желательную его часть разжег внутреннейшею любовию к причастию оных благ Вечной жизни. Таким образом всего обновив в Себе человека, из ветхого Он сделал его новым.

94) Бог Слово, священно совершив в Себе Самом наше восстановление, Сам Себя потом принес за нас в жертву чрез крест и смерть, и всегда дает жриму быти пречистому Телу Своему, и каждодневно предлагает его нам в душепитательную обильную трапезу, чтоб, вкушая его и пия пречистую Кровь Его, в чувстве души соделовались мы чрез сие причащение лучшими, нежели каковы есмы, сраствояясь с ними, претворяясь из худшего в лучшее, и едино соделоваясь с сугубым Словом сугубо – и телом и душою разумною, яко с воплощенным Богом, и нам по плоти единосущным: так что мы не свои, но Того есмы, Кто едино сотворил нас с Собою чрез бессмертную трапезу и тем нас соделал по домостроительству, что есть Сам Он по естеству.

95) Если, испытаны быв в трудах добродетелей и предочищены слезами, приступая вкушаем от Хлеба сего и от Чаши сей пием, то сугубое Слово, с двумя естествами нашими в кротости нашей сраствояясь, всецело претворяет нас в Себя Самого, яко воплощенное и нам по человечеству единосущное, и всех боготворит и Себе, яко сообразных с Ним и братий, усвояет, яко Бог и Отцу единосущный. Если же приступаем, будучи сраствореныс веществом страстей и осквернены скверною греховною, то Оно, приближаясь к нам, естественным Ему грехоистребительным огнем пожигает и попаляет нас всех и жизненность нашу подсекает не благоволением благости Своей, а отвращением к нечувствию нашему будучи к тому понуждаемо.

96) Ко всем, по деятельному любомудрию начавшим шевствовать путем заповедей, Господь, невидимо приближаясь, сшествует им; так как они не совершенное еще имеют мудрование, душа их еще много недоумевает в деле добродетели и душевные очи их праведно удерживаемы бывают в сие время, чтоб не познали своего преуспеяния, когда сшествует им Господь, содействует им избавляться от страстей и простирает руку помощи к содеванию всякой добродетели. Когда же они продолжают делать успехи в подвигах благочестия и идти к бесстрастию чрез смирение; тогда Господь не хочет, чтоб они все еще

оставались утомленными трудами добродетелей, но чтоб простирались далее и восходили к созерцанию. Почему, напитав их вдоволь хлебом слез, светом умиления благословляет, и ум их отверзает к познанию глубины Божественных Писаний, – и тотчас скрывается от них, чтоб возбудить их и понудить к тщательнейшему исканию Его.

97) Праведно Господь укоряет в косности тех, кои долго медлят в трудах деятельной жизни и не хотят расстаться с ними и на высшую востещи степень созерцания, говоря им: *о несмысленные и косные сердцем, еже веровати* (Лк. 24, 25) Тому, Кто ходящим по духу может открыть глубины Духа! Ибо нехотение от новоначальных подвигов переходить к совершеннейшим и от буквы Божественного Писания проходить к высшему его разумению и смыслу есть признак души ленивой, не ищущей вкусить сладости духовных благ и на зло себе отвращающейся от своего преуспеяния. За это ей, как несущей светильник свой погасшим, не только сказано будет: *пойди, купи у продающих,* но, по затворении пред нею чертога брачного, приложится: *отойди; не вем тя, откуду еси* (Мф. 25, 9, 12).

98) Когда Господь Иисус Христос, как некогда к граду Вифании, приблизится к падшей душе с целию воскресить ум ее, умерший от греха и погребенный под тлением страстей: тогда мудрость и правда, погруженные в печаль об умертвии ума, в слезах сретают Его и говорят: если бы Ты здесь у нас был, блюдомый и хранимый, то брат наш – ум – не умер бы от греха (Ин. 11, 21). После сего правда спешит напитать Господа Иисуса попечением о многом и деланием добродетелей и почтить Его предложением трапезы злострадания (произвольных лишений) полной и многовидной; а мудрость, оставя всякое другое попечение и притрудное злострадание, предпочитает приседеть умному деланию, мысленным движениям Господа и слушанию созерцательных Его разумений. Господь же *первую* милостиво приемлет – за то, что она добре подвизается и усердствует напитать Его трапезою многообразного деятельного любомудрия, а за то, что она печется о многом и много занимается тем, что не много полезно, укоряет: ибо едино есть на потребу и на угождение Господу – лучшему помыслу подчинить худший, перстное мудрование души преложить в духовное, в потовых трудах добродетельных; а *вторую* похваляет и к Себе привлекает, как избравшую благую часть ведения духовного, в коем воспарив выше человеческих вещей, входит она в дивные глубины Божии, бисер многоценный оттуда себе добре покупает и узревает сокровенные сокровища Духа: и бывает ей радость неизреченная, которая не отымется от нее.

99) Ум, умерщвленный страстьми и оживотворенный присещением Господа Иисуса, отбросив камень нечувствия, разрешается от плениц греха и тлетворных помыслов духовными слугами Господа, т. е. – страхом мук и трудами доброделания; вкусив же потом света будущей жизни, отпускается идти к бесстрастию, достигнув коего, восседает на престоле чувств, и чисто священнодействовав таинство видения, бывает сотрапезником Господа Иисуса, и вместе с Ним восшедши от земли на небо, соцарствует Ему в Царствии Бога и Отца, почив от всех своих исканий.

100) Тамошнее, имеющее быть по разрешении от тела возустроение для каждого ревнителя законно подвизающегося, прошедшего до средины и усовершившегося в меру возраста исполнения Христова, явственно видно бывает чрез действенное удостоверение Духа. Там вечная радость во свете присносущем составляет блаженство того наследия; радость непрестающая объемлет сердца законно здесь подвизающихся и веселие Духа Святого лобызает их, которое, по слову Господа, не отымется от них. Сподобившийся пришествия Утешителя здесь и плодами Его насладившийся в возделывании добродетелей, и обогатившийся дарами Его, радости исполнен сущи и всякой любви, – так как всякий страх отбегает от него, – в радости разрешается от уз тела, и с радостию вземлется от всего видимого, к коему, еще живущи, наперед забыл всякое чувство, и упокоевается в неизреченной радости света там, где есть всех веселящихся жилище; хотя тело некоторых во время разрешения и пресечения союза с душою и страждет, подобно женам при трудных родах.

Преподобный Никита Стифат
Третья умозрительных глав сотница, – о любви и совершенстве жизни

1) Бог есть Ум бесстрастный паче всякого ума и всякого бесстрастия, – Свет и Источник света благого, – Премудрость, Слово и Ведение, и Податель премудрости, слова и ведения. Кому даны сии дары чистоты ради и в ком они усматриваются, в тех сохранным пребывает и еже по образу; так что они являются чрез то сынами Божиими, водимыми Духом, как написано: *елицы Духом Божиим водятся, сии суть сынове Божии* (Рим. 8, 14).

2) Которые трудами подвижническими соделали себя чистыми от всякой скверны плоти и духа, те стали приятелищами бессмертного естества чрез дарования Духа. До сего же достигшие полны суть света благого, от коего исполнены будучи в сердце тихим миром, отрыгают благие словеса, и премудрость Божия течет из уст их в ведении божеских и человеческих вещей, и слово их чистое вещает о глубинах Духа.

На таковых несть закона (Гал. 5, 23), так как они однажды навсегда соединились с Богом и благим изменились изменением.

3) С усердным тщанием притрудно простирающийся к божественному бывает отображением образа Божия добродетелями душевными и телесными; поелику тогда он в Боге и Бог в нем упокоевается, по сраствореню, так что он от сего есть и видится образом божественного блаженства по богатству даров Духа и по внутреннему устроению богом, Бог же – совершителем его совершенства.

4) Не по органическому устроению тела человек есть образ Божий, но по мысленному естеству ума, не описуемого телом, долу тяготеющим. Ибо как Божеское естество, вне всякой твари суще, не описуется, как не определимое и не телесное, не качественное, не осязаемое, не количественное, невидимое, бессмертное, необъемлемое и отнюдь нами не разумеемое: так и данное от Него нам мысленное естество, как неописуемое, не телесно есть, невидимо, неосязаемо, необъемлемо, и есть образ бессмертной и присносущной Его славы.

5) Первый Ум сый, Бог единосущное в Себе имеет Слово с Духом сопринсносущным, ни без Слова и Духа никогда не бывая по причине нераздельности естества, не сливаясь с ними по причине неслиянности сущих в Нем ипостасей. Почему и естественно рождая из существа Своего Слово, Сам не отделяется от Него, несеком будучи в Себе. Имеет же сопринсносущное Слово соестественным Себе Собезначального Духа, предвечно от Отца исходящего, – и от Родителя Своего не отсекается. Ибо у них едино есть и нераздельное естество, хотя по различию ипостасей разделяется на лица и троично воспевается – Отец, Сын и Дух Святый. Лица сии, как единое естество и Бог един, никогда не отделяются от сопринсносущего существа и естества. Сего-то триипостасного и единичного естества образ виждь в созданном Им человеке, но по части его мысленной, а не по видимой, по бессмертной, а не по смертной и разлагающейся.

6) Бог, несравненно выше сущи всех созданных Им тварей, рождая Слово без разделения с Ним и Духа Святого испущая, в сохранение бытия и силы тварей, есть вне всего и внутрь всего. Таким же образом и причастный Божеского Его естества человек, будучи образом Его по мысленной, не телесной и не смертной душе, и ум имея естественно рождающий слово из существа своего, вне и внутрь есть вещества и видимых сих членов тела. И как создавший его не разделен от Своих Ипостасей, – Слова и Духа: так и он по душе несеком есть и неразделен от ума и слова, единого естества и существа, неописуемого телом.

7) Триипостасно Божество, в Отце, Сыне и Духе Святом поклоняемое. Тречастным зрится и созданный Им образ – человек, душою, умом и словом поклоняющийся Самому

Создавшему все из не сущих Богу. Что Богу по естеству совечно и единосущно, сие и образу Его по естеству соестественно и единосущно. По сим чертам усматривается, что есть в нас по образу, и по ним я есмь образ Божий, хотя срастворен с брением и прахом.

8) Ино – образ Божий, и ино то, что усматривается в образе. Образ Божий – душа мысленная, ум и слово, – единое и нераздельное естество; а усматриваемое в сем образе есть начальственность (самостоятельность), владычественность (независимость) и самовластность (свобода). Также – ино слава ума, ино достоинство его, – ино то, что по образу, и ино то, что по подобию. Слава ума есть возношение горе, приснодвижность к высшему, острозоркость, чистота, разумность, мудрость, бессмертие. Достоинство ума есть словесность, самостоятельность, владычественность, самовластие. То, что по образу, есть – иметь душу с умом и словом, личную, единосущную и нераздельную. Ум и слово принадлежат душе, нетелесной, бессмертной, божественной, мысленной, – и все они единосущны, совечны, нераздельны между собою и раздельны быть не могут. То, что по подобию, есть праведность, истинность, благоутробие, сострадание и человеколюбие. В ком сии качества в действии суть и постоянно пребывают, в тех ясно зрится и что по образу и по подобию.

9) Троечастная разумная душа видится опять в двух видах действования, из коих одно разумное, а другое – страстное. Разумное, по образу Создавшего ее сущи, неудержимо и неопределимо чувствами, яко вне и внутрь их бывающее. Сим действованием она, сприобщаясь к умным Божественным силам, по естеству востекает к Богу, яко к первообразу своему, и Божественным Его услаждаема бывает естеством. Страстное же ее действование чувствами раздробляется на многие части, подлежа страданиям и отрадам. Сим действованием она, сприобщаясь к естеству чувствительному, питательному и растительному, подлежит влияниям воздуха, холода и теплоты и в пище имеет нужду для поддержания жизни, для возрастания и здоровья. Изменяясь под действием всего сего, она иногда похотствует и бессловесные восприемлет похотения, уклоняясь от движения по естеству, иногда преогорчевается и неразумным гневом волнуется, а иногда испытывает алчбу, жажду, печали, болезни и опять успокоивается: так что здесь она то отрадами услаждается, то скорби терпит; почему эта сторона ее и называется справедливо страдательною или страстною, как в страстях и страданиях проявляющаяся. Когда же *мертвенное сие пожерто бывает умною жизнию, в силу победы лучшаго над худшим;* тогда и *живот Иисусов является в мертвенной плоти нашей* (2 Кор. 4, 11), животворную производя в нас мертвость бесстрастия и нетленное бессмертие подавая наитием Духа Святого.

10) Как Творец всего прежде создания всех вещей из ничего имел в Себе ведение о природе и сущности их как Царь веков и Предведатель всего; так и созданному им по образу Своему человеку в царя творения дал иметь в себе не силу только все познавать, но и то, из чего все созданное составлено. Так сухое и холодное имеет он в персти, из коей сотворен, теплоту крови от воздуха и огня, влажные мокроты от воды, от растений растимость, от животно растений питаемость, от неразумных животных страстность, от Ангелов мысленность и разумность, от Бога вдохнутие оное невещественное, нетелесную и бессмертную душу, видимую в уме и слове, и в силе Духа Святого, – чтоб быть и жить.

11) Богу, создавшему нас по образу и подобию Своему, бываем мы подобны добродетелию и разумением. Добродетель же Божия есть правда, преподобие и истина, как говорит Давид: *праведен еси, Господи, и истина Твоя окрест Тебе* (Пс. 118, 137, 88, 9), и еще: *праведен… и преподобен… Господь* (Пс. 144, 17). Бываем мы Ему подобны также правотою и благостию, ибо *благ и прав Господь* (Пс. 24, 8); словом премудрости и словом разума, ибо сии в Нем суть, и Он именуется премудростию и разумом (Кол. 2, 3); святостию и совершенством, как Сам говорит: *будите совершени, якоже Отец ваш Небесный совершен есть* (Мф. 5, 48), и: *святи будите, якоже Аз свят есмь* (Мф. 19, 12); смирением и кротостию, ибо

говорит: *научитеся от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим* (Мф. 11, 29).

12) Ум наш, будучи образом Божиим, имеет свойственное ему в себе, когда пребывает в сродной ему деятельности и не допускает в себе движений, далеких от его достоинства и природы. Почему охотно любит вращаться в том, что к Богу относится, и с Тем ищет соединиться, от Коего получил начало, Коим движится и к Коему устремляется по естественным своим свойствам, и Ему подражать желает человеколюбием и простотою. Чего ради рождая слово, ум, как другие небеса, возустрояет души единоплеменных человеков, и твердыми их терпением деятельных добродетелей соделовает, и животворит их духом уст своих, подавая им силу против пагубных страстей. Таким образом и он является устроителем мысленной твари, подражая Создателю великого мира, Богу, и ясно слышит такое к себе свыше слово: *аще изведеши честное от недостойнаго, яко уста Моя будеши* (Иер. 15, 19).

13) Кто пребывает в естественной уму деятельности и в достойном употреблении слова, тот чистым соблюдается от вещества и украшается кротостию, смирением, любовию и милосердием, и осияниями Святого Духа просвещается. К высшим созерцаниям устремляя очи ума, он достигает познания сокровенных таин Божиих и благолюбиво сообщает их словом премудрости тем, кои могут слушать сие, не только для себя размножая талант свой, но и ближним своим давая насладиться плодами его.

14) Кто лучшее из наших двух естеств превозвысил над худшим и сделал его свободным от влияния сего последнего, тот обрел невещественное между невещественными духами жительство, став и сам мысленным духом, хотя телесно видится вращающимся среди других людей.

16) Пока естественные наши силы бесчинно держат себя между собою и распадаются на многие скопы, до тех пор мы не можем быть причастными и сверхъестественных даров Божиих. Оставаясь же непричастными их, мы далеко негде стоим и от таинственного священнодействия, совершаемого мысленным деланием ума на небесном жертвеннике. Когда же мы, ревностно проходя священные подвиги, очистимся от чувственных влечений и силою Духа соберем в едино образовавшиеся в нас скопы, тогда и неизреченных Божиих благ бываем причастны, и Божественные таинства таинственного священнодействия ума достойно возносим Богу Слову на пренебесный мысленный жертвенник Божий, как зрители и священнослужители бессмертных таин Его.

17) *Плоть похотствует на духа, дух же на плоть* (Гал. 5, 17), и брань некая стоит между обоими ими скрытная, чтоб одному из врагов сих одержать победу над другим и перетянуть властительство на свою сторону. Это и есть то, что называется в нас крамолою, скопом, бунтом, восстанием, междоусобною бранию, коею раздирается душа.

20) Божественный свет с собою соединяет причастившиеся его души, и своим единством объединяет их в себе, и своими совершенствами совершенствует их, в глубины Божии вводит умное око их и зрителями великих таин делает их. Восхоти только крайнюю стяжать чистоту трудами духовными, и самым делом узришь в себе Богу любезное действо сказанного.

24) Для сохранения сокровенных сокровищ Духа надо упразднiться от дел человеческих, избрав безмолвие, которое, чистотою сердца и сладостию умиления сильнее распаляя любовь к Богу, разрешает душу от уз чувств, силы ее возводит в естественное им состояние и им возвращает первобытное устроение.

34) Богоподобия, сколько оно для нас доступно, невозможно улучить ревнителю, если он наперед теплыми слезами не смоет приразившейся к нему тины греховной и не прилепится к исполнению святых заповедей Христовых. Иначе невозможно ему сделаться причастником неизреченных Божиих благ. Ибо желающий умно вкусить божественной сладо-

сти всецело отстает от всякого мирского чувства и душу свою всю занимает созерцанием отложенных Святым благ.

35) Сохранить неизменным Богоподобие, стяжеваемое крайнею чистотою и полною любовию к Богу, возможно только при непрестанном простирании ока ума к Богу, в котором душа обыкновенно установляется чрез постоянное пребывание в доброделании, чрез непрестанную, чистую и непарительную молитву, чрез всестороннее воздержание и усердное чтение Писаний.

38) Когда кто соделается причастником Духа Святого и наитие Его познает из неизреченного некоего Его в себе действа и благоухания, которое ощутимо обнаружится даже и в теле: тогда в пределах естества пребывать таковой уже не может, но, добрым изменением десницы Вышнего изменившись, забывает о пище и сне, презирает все телесное, небрежет о покое плоти, и весь день пребывая в трудах и потах подвижнических, утомления какого-либо или какой-либо потребы естественной не чувствует, ни голода или жажды, ни сна или других нужд естества. Ибо *любовь Божия* с радостию неизреченною *излилась в сердце его* (Рим. 5, 5), и он, всю ночь в бодренном бдении проводя, в телесном упражнении умное совершает делание, бессмертною услаждается трапезою из бессмертных произрастений мысленного рая, в который будучи восхищен Павел, слышал неизреченные глаголы, которые не леть есть слышать человеку, имеющему пристрастие к чувственному.

40) Что из сущего в нас выше для нас, рачителей, видимое или мысленное? Если видимое, то ничего уже не будет для нас предпочтительнее и желательнее вещей тленных. А если мысленное: то *Дух есть Бог, и иже кланяется Ему, духом и истиною достоит кланятися* (Ин. 4, 24). Таким образом телесное упражнение излишне бывает, когда в силе умное делание, от которого тяготеющее долу легким делается и все превращается в духовное, в единении его с лучшим.

41) Три есть степени в преуспевающих в восхождении к совершенству: очистительная, просветительная и таинственная, или совершительная. Первая свойственна новоначальным, вторая – средним, и третья – совершенным. По трем сим степеням восходя по порядку, рачительный подвижник возрастает до возраста Христова и приходит *в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова* (Еф. 4, 13).

42) На очистительной степени стоят вводимые в священные подвиги. Свойственны ей – отложение образа перстного человека, освобождение от всякой чувственной страсти, облечение в нового человека, обновляемого Духом Святым. Дела ее – ненависть к чувственному, изможднение плоти, удаление от всего, что может возбуждать страстные помыслы, раскаяние в содеянном; при сем – омытие слезами слановости греха, благоустроение нрава благодатию Духа, умиленным сокрушением очищение внутреннего стклянницы, т. е. ума, от всякой скверны плоти и духа и влияние в него вина слова, веселящего сердце человека очищаемого и принесение его царю духов для вкушения. Конец же – действенное разжжение себя огнем подвижничества, трудами подвижническими извержение из себя всякого яда греховного, закаление себя чрез погружение в воду сокрушения и соделание себя мечом, сильно посекающим страсти и бесов. Достигший сего угасил силу естественного огня, заградил уста львов, – свирепых страстей, стал силен духом, из немощного соделался крепким и, как другой авситидианин (Иов), воздвиг себе трофей терпения, победив искусителя.

43) На просветительной степени стоят действием священных подвигов преуспевшие в первом бесстрастии. Свойственны ей – водворение в уме образа здравых словес, или здравых на все воззрений, и причастие Духа Святого. Дело ее – очищение ума действием Божественного огня, мысленное сердечных очей отверстие и рождение слова с высокими помышлениями разума. А конец – Слово премудрости, уясняющее все сущее и бывающее, ведение божеских и человеческих вещей и откровение таин Царствия Небесного. Достигший сего мысленным деланием ума на колеснице огненной носим бывает четверицею добродетелей и,

как другой фесвитянин (Илия), еще живой вземлется в мысленный воздух и обходит небесные области, став выше всего земного.

44) На таинственной, или совершительной, степени стоят пришедшие уже в меру возраста Христова. Свойственно им – пресекать воздух, возноситься выше всего, вращаться в кругу горних чинов небесных, приближаться к первому Свету и глубины Божии исследовать духом. Дело сей степени – исполнять зрителя таких предметов (ум) ведением путей Промысла, законов правды и истины и разрешения гаданий, притч и темных словес Божественного Писания. Конец же – тайноводствовать того, кто столь усовершен, к сокровенным таинам Божиим, исполнять его неизреченною премудростию чрез сочетание с ним Духа и в великой Церкви Божией являть его мудрым богословом, просвещающим людей богословскими поучениями. Достигший сей меры действом глубочайшего смиренномудрия и сокрушения восхищаем бывает до третьего неба богословия, как другой некий Павел, и слышит неизреченные глаголы, которые не леть есть слышать и человеку, под влиянием чувств состоящему, вкушает неизреченные блага, коих око не видало и о коих ухо не слыхало, и делается служителем таин Божиих, став устами Его, и совершает их для людей Словом, почивая при сем блаженным покоем в Боге, совершенный в совершенном, и с богословами в общении пребывая с высочайшими силами Херувимов и Серафимов, коим принадлежит слово премудрости и вместе слово разума.

50) Духовное возрастание ревнителей о спасении соответствует возрастанию Господа нашего Иисуса Христа человечеством. Когда они младенчествуют в новоначалии, тогда, подобно Господу Иисусу, млеком питавшемуся, питаются млеком телесных добродетелей, или *телеснаго обучения,* которое *вмале* (ненадолго) *есть полезно* возрастающим в добродетели и мало-помалу отлагающим младенчество (1 Тим. 4, 8). Когда возрастут они до возраста юношей и твердою начнут питаться пищею видения истины Божией, как имеющие чувства душевные уже обученными (Евр. 5, 14), тогда уподобляются Господу, преуспевшему возрастом и благодатию, посреди старцев сидящему и открывающему им глубокие тайны (Лк. 2, 46). Когда же *приидут в меру возраста исполнения Христова* (Еф. 4, 13), тогда бывают подобны Господу, возвещавшему всем слово покаяния, научавшему народ тайнам Царствия Небесного и между тем к страданию своему спешно приближавшемуся. Таков конец и всякого, совершившегося в добродетелях, чтоб, прошедши все возрасты Христовы, вступить в прискорбные искушения в соответствие Кресту Его.

51) Пока мы состоим под стихиями телесного обучения, дотоле под *приставниками* и *повелителями* бываем, как младенцы, стрегомы, чтоб не касались брашен недолжных, не давали воли осязанию, не засматривались на красоту, не слушали песней сладких, не услаждали обоняния ароматами, хотя мы наследники и господа всего отцовского достояния. Когда же кончится это время обучения и завершится бесстрастием, тогда, освободясь от закона мудрования плотского, пребываем мы под законом Духа и всыновление восприемлем. Когда же и сие совершится, тогда *Дух вопиет в сердцах наших: Авва Отче!* показуя и давая уразуметь нам сыновство наше и наше к Отцу и Богу дерзновение, – и сопребывает и беседует с нами, как с сынами и наследниками, не держимыми уже под игом рабства чувствам (Гал. 4, 3, 7).

52) Пред теми, кои, подобно Петру, преуспели в вере, подобно Иакову, востекли к надежде и, подобно Иоанну, совершились в любви, Господь, возведши их на высокую гору Богословия, преобразуется: зрак лица Его в чистом слове просвещается, как солнце; одежды Его в уразумениях неизреченной премудрости бывают светлы, как свет, и Он – Бог Слово – узревается ими стоящими посреде закона и пророков то как законоположитель и учитель, то как открыватель глубоких и сокровенных сокровищ премудрости, то как предзритель и предсказатель грядущего. Тогда, как облак светлый, осеняет их Дух, и глас таинственного Богословия приходит к ним оттуда, учащий их таинству триипостасного Божества и так вещающий

им: се возлюбленный Мой предел совершенства, о *нем же благоволих,* – чтоб вы были Мне сынами совершенными в совершенном Духе.

69) Как *не иже яве иудей есть, ни еже во плоти обрезание: но иже в тайне иудей, и обрезание сердца духом, а не писанием* (Рим. 2, 28, 29): так и муж совершен в ведении и премудрости не тот, кто мног только в явном краснословии, и истинный ревнитель благочестия не тот, кто старателен о явных телесных подвижнических трудах, но кто тщателен в сокровенном умном делании, *ему же похвала не от человек, но от Бога* (Рим. 2, 29), как непознаваемому людьми, но ведаемому и любимому Богом и теми, кои тем же Духом водятся.

70) Если *от дел закона не оправдится всяка плоть пред Богом* (Рим. 3, 20), то кто одними подвижническими трудами и потами совершенным явится пред Богом? Ибо деянием (деятельною жизнию) мы приходим только в навыкновение добродетели и пресекаем действо страстей, но этим одним не делаемся совершенными в меру исполнения Христова. Что же возводит нас в полное совершенство? Искренняя вера, которая есть *уповаемых извещение* (Евр. 11, 1), которою *Авель множайшую паче Каина принес Богу жертву и свидетельствован бысть быти праведник* (Евр. 11, 4), *и Авраам зовом послуша изыти* и переселиться в землю обетования (там же, ст. 8, 9). Она возводит истинных ревнителей к крепкому упованию приятия великих даров Божиих и дает им в сердце неистощимые сокровища духовные, чтоб износить оттоле ветхие и новые тайны Божии и давать требующим. Сподобившийся быть причастником ее восходит в любовь к Богу и ею делается совершенным в ведении Бога, и входит в покой Его, почив и сам от всех дел своих, *якоже и от Своих Бог* (Евр. 4, 10).

71) Древле Бог противившимся в неверии клялся, что не внидут в покой Его; почему они и не могли внити за неверствие (1 Пет. 3, 20; Евр. 3, 11; 4, 6). Как же ныне некоторые без веры одним телесным деланием чают внити в покой бесстрастия, когда видим, что многие не возмогли внити сим образом и почить от всех трудов своих? Всякому потому смотреть надлежит, не лукаво ли сердце его, исполнено быв неверием, чтоб не лишиться за то, несмотря на пребывание во многих трудах, упокоения и совершенства своего, ибо ради того и подъемлются труды деятельной жизни, чтоб, так как ему оставлено еще субботство, внити в покой бесстрастия, а не впасть в *древнюю притчу противления* (Евр. 4, 11) и не пострадать того, что пострадали противившиеся тогда по неверию.

72) Будучи чувственны, словесны и разумны, десятину некую должны приносить Богу и мы от себя: как чувственные, должны мы добре воспринимать чувствами впечатления от чувственных вещей и чрез красоту их востекать к созерцанию Создателя их; как словесные, добре говорить должны о божеских и человеческих вещах; как разумные, непогрешительные разумения должны иметь о Боге, о Вечной жизни, о Царствии Небесном и сокрытых в нем таинствах духовных, чтоб и по строгом исследовании оказаться нам и чувствующими, и говорящими, и мудрствующими здраво и безукоризненно, по Богу: в чем и состоит истинная мера совершенства нашего и Священное Богу приношение.

73) Истинная десятина наша Богу есть душевная пасха, т. е. прехождение всякого страстного нрава и всей неразумной чувственности. Сей, вкусивший пасхи, причащается Агнца непорочна, взявшего грех мира, и не умрет ктому, но, по слову Господа, жить будет вовеки (Ин. 6, 50, 51).

74) Возбудившийся от мертвых дел со Христом воскрес. Если он воскрес со Христом в ведении, *Христос же ктому не умирает* (Рим. 6, 9), то им не будет более обладать смерть неведения. Ибо кто древле умер грехом, сдвинувшись с естественного движения, умер единожды; а кто ныне живет, живет Богу свободою Духа Святого, возбудившего его от мертвых дел греха: так что он не живет уже плоти и миру, умерши для членов тела и для дел житейских, но живет в нем Христос, как сущем под благодатию Духа Святого и не состоящем под законом греха, поколику члены свои представляет в орудие правды Богу и Отцу.

75) Освободивший члены свои от рабства страстям и предавший их в рабство правде, приблизился к освящению Духа Святого, став выше закона плоти; и грех не будет уже обладать им, пребывающим в свободе и под законом Духа. Ибо не таков конец рабства страстям, каков конец работы правде: тот обыкновенно кончается мысленною пагубою души, а этот вводит в Жизнь Вечную во *Христе Иисусе Господе нашем* (Рим. 6, 12–23).

76) Закон плоти обладает человеком, пока он живет плотски; когда же он умрет и умертвится миру, тогда разрешается от закона ее. Иначе же умертвиться миру нельзя, как умертвившись для членов плоти; а для них умерщвляемся, когда соделоваемся причастниками Духа Святого. Духа же Святого причастниками признаемся мы, когда приносим Богу достойные плоды Духа: любовь к Богу от всей души и к ближнему от сердца, сердечную радость от чистой совести, мир душевный от бесстрастия и смирения, благостыню помыслов ума, долготерпение в скорбях и искушениях, благость в благоустроении нрава, внутреннейшую веру в Бога, ни в чем не колеблющуюся, кротость от смиренномудрия и умиления и всяческое воздержание чувств. Когда станем мы приносить такие плоды Богу, тогда будем вне закона плоти. И закон не будет уже для нас наказателем за плоды, какие, живя для плоти, принесли мы смерти. Ибо мы свободны стали от закона ее, как воскресшие со Христом от мертвых дел свободою Духа.

77) Начаток Духа в бане пакибытия приявшие и сохранившие его неугасимым, будучи тяготою плоти бременимы, воздыхают сами в себе, всыновления чающе от исполнения Утешителева, чтоб увидеть избавление своего тела от работы тлению (Рим. 8, 23). Ибо Дух вспомоществует им в естественных их немощах и ходатайствует о них *воздыханиями неизглаголанными* (Рим. 8, 26); так как по Богу есть мудрование их и упование их чает увидеть откровение сынов Божиих в мертвенной плоти их, что есть животворная мертвость Иисусова, чтоб и им пребыть сынами Божиими, от Духа Святого водимыми, и, освободясь от рабства плоти, внити в свободу славы чад Божиих, коим, яко любящим Бога, *вся поспешествуют во благое* (Рим. 8, 28).

78) Божественное Писание постигается духовно, и сокрытые в нем сокровища только духовным открываются Духом Святым. Душевный же человек откровения их приять не может (1 Кор. 2, 13, 14), – так как он, кроме чередования помыслов своих, о другом чем думать или внимать тому, что говорит другой, не способен. К тому же он не имеет в себе и *Духа Божия, испытующаго глубины Божии и единаго ведающаго Божие* (1 Кор. 2, 10, 11), но имеет дух мира чувственный, ревности и зависти полный, спорливостью и раздором переполненный, по причине коего ему юродство есть углубляться в смысл Писания и мысли его исследовать. Не имея силы разуметь его, – так как все, содержащееся в Божественном Писании, *духовне возтязуется* (1 Кор. 2, 14), – Божеских ли или человеческих дел то касается, – он насмехается над теми, кои *духовне то сразсуждают* (1 Кор. 2, 13), и таковых не духовными и не Духом Божиим водимыми именует, а возводительными (анагогиками, по произвольному наведению открывающими духовный смысл в Писании), и их слова и духовные разумения извращает и перетолковывает по своему смышлению. Но духовный не таков, но *востязует убо вся* под воздействием Божественного Духа, *сам же он ни от кого востязуем быть не может,* так как у него *ум Христов, котораго никто изъяснить не может* (1 Кор. 2, 15, 16).

79) Огнем откроется последний день, и огнем будут испытуемы дела каждого (1 Кор. 3, 13), говорит св. Павел, прилагая при сем, что, чьи дела по существу нетленны, каковые он внутрь себя отложил в созидание свое, те пребудут посреде огня нетленными и не только не сгорят, но еще соделаются блестящими, очистившись совершенно от малых каких-либо пятен. А чьи дела тленны по веществу, каковые он, как бремя, на себя возложил, те, возгоревшись, сгорят и оставят его в огне ни с чем. Дела нетленные и пребывающие суть слезы покаяния, милостыня, сострадание, молитва, смирение, вера, надежда и всякое дело, в видах

истинного благочестия содеваемое, – кои, и когда живет человек, созидаются в нем во святой храм Богу, и когда умирает, отходят с ним и сопребывают с ним нетленными вовеки. А дела, в огне истлевающие, как для всех явно, суть сластолюбие, славолюбие, сребролюбие, ненависть, зависть, воровство, пьянство, досаждение, осуждение и всякое дело, телом совершаемое по похоти или гневу. Все такие дела, и когда живет человек, разжигаясь похотию, тлеют вместе с ним, и когда отторгается он от тела, отходят вместе с ним, но не сопребывают с ним, а быв истреблены огнем, делателя своего оставляют в огне на нескончаемую во веки веков муку.

80) Познание Бога означает, что наздавшийся в нем чрез смиренномудрие и молитву познан Богом и обогащен от Бога неложным познанием сверхъестественных таин Его. А в ком видится надмение, тот не чрез них (не чрез смирение и молитву) наздался в нем (в познании Бога), но водится духом мира сего чувственного. Почему таковой, хотя и кажется знающим нечто, ничего из божественных вещей не знает, как должно. Любящий Бога и ничего не почитающий достойным предпочтения любви к Богу и ближнему познал и глубины Божии и тайны Царствия Его, как знать надлежит тому, кто Духом Божиим движется, и познан от Бога истинным делателем рая церкви Его, который любовию и совершит волю Божию, обращая души и достойными соделовая недостойных словом, данным ему от Духа Святого, и дело свое чрез смиренномудрие и сокрушение соблюдет некрадомым.

81) Все мы крещены водою и Духом Святым, и все то же брашно духовное вкушаем, и все то же питие духовное пием: каковое брашно и питие Христос есть. *Но не во множайших* из нас *благоволит Бог* (1 Кор. 10, 2–5). Ибо многие из верных и ревностных христиан тела свои многими подвижническими трудами и телесными деланиями изможди́ли и утончили; но, как они при сем не имеют умиления от сокрушенного и благолюбивого сердца и милосердия от любви к ближним и к самим себе, то оставлены пустыми, лишенными исполнения Духа Святого и удаленными от истинного познания Бога, имея мысленные ложесна свои неплодными и слово безсольное и безсветное.

82) Чего ищут назореи от Господа, не есть только взойти на гору Синай деянием или только пред взытием туда очиститься, убелить ризы свои и не иметь соития с женою, но и то, чтоб узреть не *задняя Божия* (Исх. 33, 23), а Самого Бога, изъявляющего им Свое благоволение, дающего им скрижали ведения и посылающего их на созидание людей своих.

83) Не всех слуг Своих и учеников Господь вводит с Собою в откровение сокровенных и высших таин Своих, но только таких некиих, коим дано ухо для слышания, коих око открыто для видения и язык новый ясен. Таких взяв и отлучив от прочих, кои тоже ученики Его суть, восходит на Фаворскую гору созерцания и преображается пред ними; не тайно открывая им потребное о Царствии Небесном, но явно показуя славу и светлость Божества.

84) Многие с полным усердием возделали нивы свои и семя чистое посеяли на них, посекши наперед терния и волчцы сожегши огнем покаяния. Но, как Бог не одождил на них дождя Духа Святого от сокрушения, то они ничего с них не пожали; ибо они высохли от бездождия и не принесли в себе многоплодного класа Боговедения. Почему такие, если не с гладом слова Божия, но со скудостию Боговедения и с пустыми руками вышли из тела, малым нечим от воздаяния запасшись на путевое содержание.

85) Всякий, износящий из уст своих полезные к созиданию ближнего слова, из благого сокровища сердца своего износит их, по слову Господа (Мф. 12, 35). Но никто не может войти в Богословие и сказать подобающее о Боге, как только Духом Святым; и никто, Духом Божиим говорящий, не говорит того, что противно вере во Христа, но одно то, что назидает, что к Богу возводит и в Царствие Его вводит, древнее благородство восстановляет и с Богом соединяет. Если теперь явление Духа каждому дается на пользу (1 Кор. 12, 7), то обогатившийся словом премудрости Божией и благую часть слова разума приявший, состоит под действием Божественного Духа и храм есть неистощимых сокровищ Божиих.

86) Не оставляется непричастным благодати Духа никто из уверовавших во Христа и крестившихся, если только он не предал себя совсем в плен всякому действию противного духа и не осквернил веры делами или с нерадением и беспечностию не сжился. Кто же сохранил неугасимым начаток Духа, приятый им в крещении, или угашенный опять возжег делами правды, тому невозможно не приять и исполнения Его.

87) Имеющий любовь не умеет по рвению завидовать, не превозносится, как высокоумный и продерзый, не надмевается ни перед кем, не бесчинствует, творя неподобное в отношении к ближнему, не себе только полезного ищет, но и что полезно ближнему, не раздражается на того, кто опечаливает его, не вменяет во что-либо, если иногда придется пострадать что злое, не радуется о неправде друзей, но срадуется об истинной правде их, все находящее на него печальное покрывает, всему в простоте и незлобии верует, все обетованное нам Богом получить надеется, всякие искушения претерпевает, не воздавая злом за зло; и никогда от любви к ближнему не отпадает делатель любви (1 Кор. 13, 4–8).

95) Когда пятерица чувств подчинена четырем главнейшим добродетелям и хранит всегдашнюю им благопокорность, тогда естество тела, из четырех стихий составленное, не мешает колесу жизни двигаться безмятежно. Когда же оно так движется, тогда силы наши не восстают одна против другой, но страстная часть похотения и гнева согласуется с мысленною, и ум, восприяв естественную свою державную власть, из четырех главных добродетелей устрояет себе колесницу, а трон из служебной пятерицы, и, победив тиранствующую плоть, вземлется четвероконно восхищаемый на небеса и, представ Царю веков, венчается венцом победы, и в Нем упокоевается от течения своего.

Феолипт, митрополит Филадельфийский

Краткое сведение о Феолипте, митрополите Филадельфийском

Феолипт, воистину великое светило Филадельфийское, процветал при Андронике втором из Палеологов, около 1325 года. Сначала он проходил подвижническую жизнь на Святой Горе; а оттуда потом вызван был и принял предстоятельство в Филадельфии. Здесь под его учением и тайноводством состоял Григорий Фессалоникский, которому он преподал прекрасные уроки о священном трезвении и открыл тайны умной молитвы, когда он занимался еще мирскими делами, как значится в житии сего Григория, написанном патриархом Филофеем.

Настоящее, трудолюбно им составленное слово, – точное изображение и верное правило сокровенного во Христе делания, – равно как и последующие за ним главы, в которых прекрасно сочетаны божественные мысли с чистотою выражения, предлагаются здесь наряду с другими (отеческими писаниями); потому что они назидательнее многого другого, и драгоценны для тех, которые желают иметь в кратком обзоре все богомудрое учение духовной философии.

Феолипта, митрополита Филадельфийского Слово, в котором выясняется сокровенное во Христе делание и показывается вкратце, в чем состоит главное дело монашеского чина

1) Монашество есть древо высокорослое и многоплодное, которого корень – отчуждение от всего житейского, ветви – беспристрастие души и неимение никакого сочувствия к вещам, которые оставлены, плод – богатство добродетелей и боготворная любовь и неотлучная от них радость. *Плод бо духовный есть,* говорит Апостол, *любы, радость, мир* и прочее (Гал. 5, 22).

2) Удаление от мира дарует прибежище у Христа. Миром же я называю любовь к чувственным вещам и к плоти. Отчуждающийся от сего, в силу разумения истины, усвояется Христом ради любви к Нему, по которой, разделавшись со всем мирским, купил он этот один многоценный бисер – Христа.

3) Во Христа облекся ты в спасительном Крещении, отложил скверну (греховную) в божественной бане сей, воспринял в ней светлость духовной благодати и первозданное благородство. – Но что потом сделалось? или лучше – что потом пострадал человек от неразумия? Любовию к миру изменил божественные черты, сострастием к плоти исказил образ; и мрак страстных помыслов очернил у него зеркало души, внутри которого должен бы зреться Христос – умное Солнце.

4) Теперь ты снова страху Божию пригвоздил душу твою; познал омрачение мирского настроения; уразумел рассеяние мыслей, вводимое в ум заботами житейскими; увидал суетность кружения, в которое неизбежно ввергает человека многомятежная жизнь, уязвился стрелою любви к безмолвию; взыскал мира помыслов, вняв слову пророка: *взыщи мира и пожени и* (Пс. 33, 15); возжелал рождающегося отсюда покоя душевного, по слову того же пророка: *обратися душе моя в покой твой* (Пс. 114, 6). Ради этого и пришло тебе на мысль – то благородство, которое получил ты в крещении по благодати и потом отринул злым произволением, работая страстям в мире, – снова восстановить в себе благим произволением: что и в дело привел ты, пришедши в священное училище сие, облекшись в честные одежды покаяния и дав от всей души обет пребывать в монастыре до смерти.

5) Это уже второй положил ты завет с Богом. Первый (полагал ты), вступая в настоящую жизнь, а этот второй (положил ты), возревновав о (добром) конце сей жизни. Тогда веры ради сочетался ты со Христом, теперь покаянием прилепился ко Христу; тогда благодать обрел ты, теперь обязательства принял на себя; тогда, младенчествуя, не чувствовал ты дарованного тебе достоинства, хотя потом, пришедши в возраст, и величие дара сознал ты, и то, что узду носишь на устах своих, – теперь, в совершенном находясь разуме, ясно понимаешь силу обета сего. Смотри же, (держи слово), – чтоб, нарушив и это обещание, не был ты, как сосуд какой, вдребезги разбитый, выброшен во тьму кромешнюю, где плач и скрежет зубов: ибо кроме пути покаяния, нет другого пути, ведущего ко спасению.

6) Послушай, что возвещает тебе Давид: *Вышняго положил еси прибежище твое* (Пс. 90, 9). Прискорбную, по Духу Христову, избрал ты себе жизнь, – да не приближается же к тебе зло, от обращения среди мира прилипающее к нам. Взялся ты нести покаяние, – да не идут же вслед тебя любоимение, утехи, честь, украшения, несдержанность чувств; да *не пребывают беззаконницы пред очами твоими* (Пс. 5, 6), – парения мыслей, пленение ума, распущенность одни другие сменяющих помыслов, и всякое другое произвольное уклонение от правого пути и смятение; любовь к родителям, братьям, родным, друзьям и прияте-

лям да не сретает тебя (на пути сем) и безвременное уже и бесполезное свидание и собеседование с ними да не имеет у тебя места.

7) Если так возлюбишь ты отречение от мира и телом и душою, то бич скорби не приближится к душе твоей, и стрела печали не уязвит сердца твоего и не омрачит лица твоего. Отставшие от сластолюбивого нрава и пристрастие ко всему сказанному пред сим отвергшие – притупляют жало печали. Ибо к подвизающейся душе приходит Христос и неизреченную подает радость сердцу, – и сей радости духовной ничто ни из сластей мира, ни из лютых горестей его взять от него никогда не может. Благие размышления, спасительные памятования, божественные созерцания и слова премудрости, служа подвижнику, сохраняют его на всех путях его богоугодной деятельности. Почему и наступает он на всякое неразумное похотение и продерзливую ярость, как на аспида и василиска, и попирает гнев, как льва, и сластолюбие, как змия. Причина же, почему он, отложив всякую надежду на людей и сказанные вещи, к Богу прилепился и, богатея боговедением, Бога умно призывает всегда на помощь себе, есть следующее обетование: *яко на Мя упова,* говорит Господь, *и избавлю его: покрыю его, яко позна имя Мое. Воззовет ко Мне, и услышу,* – и не только от всех оскорбляющих его избавлю, но и *прославлю его* (Пс. 90, 14, 15).

8) Видишь ли, каковы борения подвизающихся о Господе, и какие за то воздаяния? Потщися же звание сие совершить делом, отревая и помышления о вещах, как уединился ты телом. Переменил ты одежду, – сделай себя и (в чувствах сердца) странником (чуждым всего), отложи самые слова (обычные в мире), а не только сродников по естеству. Ибо если ты не прекратишь скитания мыслями вовне, то не можешь восстать против тех, которые строят тебе засады внутри. Если не победишь борющих тебя чрез видимые вещи, то не обратишь в бегство невидимых наветников. Когда, прекратив внешние развлечения, ты укротишь и внутренние помыслы, тогда ум начнет воздвизаться к делам и словам духовным (или бодрствовать в них); тогда вместо порядков, соблюдаемых при обращении с родными и друзьями, будешь ты заботливо исполнять порядки доброделания, и вместо суетных слов, распложаемых мирскою беседою (на омрачение души), рассмотрение и уяснение божественных словес, движимых в памяти, будет просвещать и вразумлять душу твою.

9) Разрешение чувств узы налагает на душу; узы же чувств дают свободу душе. Заход солнца производит ночь; уходит Христос из души, – и мрак страстей объемлет ее, и мысленные звери растерзывают ее. Взошло чувственное солнце, – и звери укрываются в норы свои; восходит Христос на тверди молящегося сердца, – и всякое сочувствие к миру престает, жаление плоти исчезает, и ум исходит на дело свое, – богомыслие, – до вечера, не известным только продолжением времени ограничивая делание духовного закона и не в определенной только мере совершая его, но (подвизаясь в нем) пока застигнет настоящую жизнь конец и заставит душу выйти из тела: на что указывая, и пророк говорит: *коль возлюбих закон твой, Господи, весь день поучение мое есть* (Пс. 118, 97), днем называя все течение настоящей жизни каждого. Итак прекрати беседы внешние и со внешними, пока обретешь место чистой молитвы и дом, в коем обитает Христос, просвещая и услаждая тебя познанием и посещением Своим и располагая скорби за Него считать радостию, а мирские страсти отревать, как полынь.

10) Ветры воздвигают волны мирские, и если не престанут ветры, не улягутся волны и не укротится море: и духи лукавые воздвигают в душе нерадивого воспоминание о родителях, братьях, родных и друзьях, равно как о пированиях, празднествах, театрах и всех других выдумках сластолюбия, и подговаривают его повидаться с первыми и принять участие в последних зрением, языком и телом, чтоб и настоящее время истратилось суетно и следующее за тем, – когда будешь сидеть один в келлии, – и проходило в пустых воспоминаниях о виденном и слышанном. Так бесплодно иждивается у монахов жизнь, когда они попускают воспоминаниям о мирских делах печатлеться в мысли, как ноги человека идущего по снегу

отпечатлевают на нем следы свои. Если будем доставлять зверям пищу, когда уморим их? Если и делом и помыслами будем заняты неразумными дружбами и обычаями, когда умертвим мудрование плоти? И как возможем пожить жизнию по Христе, как обещались? След ног на снегу уничтожается, или расстаивая от лучей солнечных, или размываем будучи ниспадшею в дожде водою: и врезавшиеся в уме памятования о предметах сластолюбия и сластолюбивых делах истребляются или Христом, воссиявающим в сердце посредством молитвы, или благоумиленным дождем слез (искреннего сокрушения).

11) Неразумно действующий монах когда изгладит прежде напечатлевшиеся в уме представления? Дело добродетелей еще только телесно совершается, когда оставляешь ты обычаи мира. Печатлеются же благие памятования, и божественные слова вселяются и пребывают в душе, когда частыми молитвами, совершаемыми с теплым умилением, изгладишь из ума памятования прежних дел. Свет памятования о Боге с верою и сокрушение сердца, подобно бритве, отсекают злые воспоминания. Подражай мудрости пчел. Они, видя, что около них летает множество ос, остаются внутри улья и таким образом избегают вреда от этих наветников своих. Под осами разумей сношения с миром и мирянами. Их избегая со всем старанием, пребывай в сокровеннице честной обители; а отсюда далее покушайся войти во внутреннейшую сторожевую крепость души, где обитает Христос, от Коего мир, радость и тишина невозмутимая. Это дары Христа, умного Солнца, которые, как лучи некие, испускает Он из Себя и как награду какую подает душе, приемлющей Его с верою и добротолюбием.

12) Итак сидя в келлии, помятуй о Боге: и при сем отрешая ум от всего, повергай его безгласно пред Богом, и все расположение сердца изливая пред Ним, прилепляйся к Нему любовию. Памятование о Боге есть созерцание Бога, Который влечет к себе зрение и устремление ума и светом Своим озаряет его. Ум, обращаясь к Богу, после того, как пресечет в себе все образные представления сущего, зрит Его безвидно и взор свой тем просветляет, несмотря на совершенное ведение Созерцаемого по причине неприступной Его славы. Не ведая однако ж Созерцаемого по непостижимости Его, ум истинно знает, что Он есть собственно Сущий и Един имеет пресущное бытие; богатством же источающейся от Него благости питая свою к Нему любовь и удовлетворяя свои стремления, сподобляется всегдашнего блаженного в Нем успокоения.

13) Таковы свойства истинного памятования о Боге. Молитва же есть мысленная беседа ко Господу, в коей произносятся слова молитвы со всецелым ока умного устремлением к Богу. Когда мысль часто призывает имя Господа, а ум напряженно внимает сему призыванию Божественного имени, тогда свет уведения Бога своим Богом, как облако светлое, осеняет всю душу.

14) За истинным и прилежным памятованием о Боге следует любовь и радость. *Помянух,* говорит пророк Давид, *Бога, и возвеселихся* (Пс. 76, 4). А за чистою молитвою следует показанное уведение Бога и умиление. *В онь же аще день призову Тя,* говорит тот же пророк, *се познах, яко Бог мой еси Ты* (Пс. 55, 10); и еще: *жертва Богу дух сокрушен* (Пс. 50, 19). Когда ум и мысль предстоят Богу напряженным устремлением к Нему ока и теплым молением, тогда последует и умиление сердечное. Когда ум, слово и дух (сердце) припадают к Богу, первый – вниманием, второе – призыванием, третий – умилением, тогда весь внутренний человек службу совершает Богу, как заповедует и Господь: *возлюбиши Господа Бога твоего от всего сердца твоего* и проч. (Лк. 10, 27).

15) Хочу впрочем дать тебе знать и о нижеследующем, чтоб иначе, думая о себе, что молишься, не быть тебе далеку от молитвы, не трудиться бесплодно, и не *вотще тещи* (Гал. 2, 2). Как во время устной молитвы иногда псалмопение совершается, а ум где-либо инуды носится, блуждая в страстных помышлениях по предметам мирским, так что от этого теряется самое понимание поемого: так бывает и в мысленной молитве. Часто мысль повторяет

слова молитвы, а ум (внимание) не сопутствует ей, не устремляет ока своего к Богу, к Коему и обращается беседа в молитве, но незаметно уклоняется в другие какие-либо помышления. И хотя мысль обычно говорит слова, но ум ускользает от ведения Бога (памятования о Нем и разумного Ему предстояния). Тогда душа является неустроенною и как бы бессознательною; ибо ум ее блуждает в каких-либо мечтаниях и кружится или в том, к чему невольно увлекаем и чем украдаем бывает, или в том, к чему сам произвольно отходит. Когда же в душе нет молитвенного строя, когда молящийся не сознает даже, пред Кем молится и о чем молится, как усладится ему молитва его? Как обвеселится молитвою сердце того, кто вид только имеет молящегося, а не истинную в себе учреждает молитву? *Возвеселится сердце ищущих Господа* (Пс. 104, 3). Ищет же Господа тот, кто всею мыслию и с теплым расположением припадает к Богу, отревая всякое мирское помышление ради уведения Бога и любви, источаемых частою чистою молитвою.

16) Для пояснения того, каково должно быть в уме созерцание при памятовании о Боге и каково в мысли моление во время чистой молитвы, беру сравнение от телесного глаза и языка. Что зрачек для глаза и произношение слова для языка, то память (о Боге) для ума и молитва для мысли. Как глаз, зрительным чувством принимая впечатление от предлежащего видимого, не издает никакого звука, но самым опытом зрения получает познание о видимом: так и ум, памятию (сознанием) любовно устремляясь пред Бога в прилеплении горячего чувства и в молчании простейшего созерцания, озаряется божественным осиянием и в нем принимает залог будущей светлости. И опять, как язык, произнося слова, открывает слышащему неявные без того желания сердца, так и мысль, часто и тепло произнося кратко-сложные слова молитвы, открывает прошения души все видящему Богу, а неотступностию в молитве и непрестанным сокрушением сердца отверзает человеколюбные утробы милосердого Бога и приемлет богатство спасения. Ибо *сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит,* говорит пророк (Пс. 50, 19).

17) Может поруководить тебя к уразумению образа чистой молитвы и то, как обычно действуют пред лицом земного царя. Если случится тебе получить доступ к царю, то ты и телом стоишь пред ним (достодолжно), и языком умоляешь, и очи на него (просительно) устремляешь, – и таким образом привлекаешь себе царское благоволение. Делай то же и в молитве, в церковном ли стоишь собрании, или молишься в келейном уединении. Приходя в церковь на общую с братиями молитву в Господе, как телом предстоишь Ему и языком приносишь псалмопение, так и ум держи во внимании к словам и к Богу и в ясном познании Того, с Кем беседуешь и к Кому обращаешься; помни, что если мысль усердно и чисто занимается молитвою, то сердце сподобляется неотъемлемой радости и мира неизреченного. – Когда же уединенно пребываешь в келлии, мысленную держи молитву, в трезвении ума, с сокрушением сердца, – и видение осенит тебя ради трезвения, ведение вселится в тебя ради молитвы, и мудрость почиет в тебе ради умиления, изгоняя бессловесное сластолюбие и водворяя Божественную любовь.

18) Поверь мне, – истину тебе говорю: если во всяком труде твоем будешь иметь при себе неотлучною матерь всего доброго – молитву, то она не воздремлет, пока не покажет тебе брачного чертога, и не введет тебя внутрь, и неизреченной славы и радости не исполнит тебя. Она, отстраняя все вокруг препятствия, уравнивает стезю добродетели и делает ее удобною для ищущих (спасения).

19) Вот, посмотри, и образ мысленной молитвы! – Беседа (внутреннее слово в молитве сей) уничтожает страстные движения, воззрение (или устремление) ума к Богу прогоняет мирские помышления, умиление отсекает плотолюбие. И очевидно, что молитва, в немолчном призвании Божественного имени состоящая, бывает согласием и единением ума, слова и души (сердца). Но *идеже,* говорит Господь, *два или трие собрани во имя Мое, ту есмь посреде их* (Мф. 18, 20). Таким образом молитва, воззывая силы душевные от рассеяния по

предметам страстей и сочетавая их и между собою и с самою тричастною душою, усвояет Сущему в трех ипостасях Единому Богу. Сначала, посредством разных добродетелей изгладивши из души срамоту греха, потом, посредством свойственного ей святого ведения живописав в ней красоту божественных черт, представляет она наконец душу Богу. Душа же тотчас признает своим Творца; ибо говорится: *в онь же аще день призову Тя, се познах, яко Бог мой еси Ты* (Пс. 55, 10). Равно и Им познаваема бывает она; ибо говорится: *позна Бог сущия Своя* (2 Тим. 2, 19). Она познает по причине чистоты образа; ибо всякий образ естественно имеет влечение к первообразу;

познаваема же бывает ради подобия по добродетелям, чрез кои она и познание имеет о Боге, и от Бога познаваема бывает.

20) Желающий получить царское благоволение, троякий употребляет к тому способ: или (приличными) словами умоляет его (царя), или молча стоит пред ним (в умоляющем положении), или повергает себя к ногам его, единого могущего помочь ему. И чистая молитва, соединив в себе ум, слово (внутреннее) и дух (сердце), словом имя Божие призывает, умом воззревает без парения к призываемому Богу, духом (сердцем) являет сокрушение, смирение, любовь – и таким образом преклоняет к себе безначальную Троицу, Отца, и Сына, и Святого Духа, Единого Бога.

21) Как разнообразие яств возбуждает желание ко вкушению их, так разные виды добродетелей (духовных совершенств) пробуждают ревность ума (к стяжанию их). Почему шествуя мысленным путем, повторяй слова молитвы и беседуй к Господу, непрестанно вопия и не унывая: неотступно молись, подражая бесстудию вдовицы, склонившей на милость неумолимого судию. Тогда (это будет значить, что) ты духом ходишь, похотям плотским не внимаешь и мирскими помыслами не пресекаешь непрерывность молитвы, но бываешь храмом Божиим, в коем неразвлеченно воспевается Бог. Так проходя мысленную молитву, сподобишься ты наконец достигнуть непрестанного памятования о Боге, войти в недоступные сокровенности ума и в таинственных созерцаниях зреть Невидимого, един Единому уединенно служа Богу в разумных одному тебе излияниях любви.

22) Когда увидишь, что начинаешь ослабевать в молитве, возьми книгу и, внимая читаемому, усвояй смысл того; не пробегай слова будто мимоходом, но рассматривая их с рассуждением (доискиваясь смысла), слагай познанное в уме, как в сокровищницу. – Потом начинай рассуждать о прочитанном, так чтоб усладилось сердце твое уразумением того и читаемое оставалось незабвенным. От этого возгорится в тебе теплота при размышлении о божественных вещах, как говорит св. Давид: *в поучении моем возгорится огнь* (Пс. 34, 4). Как пища услаждает вкус, когда бывает хорошо разжевываема зубами, так и Божественные слова питают ум и обвеселяют сердце, когда бывают вращаемы в душе рассуждением. *Коль сладка,* говорит тот же пророк, *гортани моему словеса твоя* (118, 103). Заучивай также на память Евангельские слова и изречения свв. блаженных отцов и жития их исследуй, чтоб иметь тебе все сие предметом размышления в продолжение ночей.

23) Если нужно будет тебе после чтения и размышления о Божественных словах еще чем оживлять мысль, ослабевшую к молитве и снова делать ее живодеятельною в ней, совершай устно псалмопение, тихим однако ж голосом и со вниманием ума, не позволяя себе оставлять ничего из произносимого языком неразумеваемым. Если при этом ускользнет что от внимания ума, опять начинай читать тот стих, сколько бы раз это ни случилось, пока наконец ум станет неотступно следовать вниманием за тем, что произносит язык. Ум силен и петь устами, и памятовать о Боге. Учись этому из опыта. Как тот, кто ведет с кем-либо беседу, и говорит с ним, и глазами на него смотрит, так и поющий псалмы может устами петь, а оком ума к Богу воззревать.

24) Не оставляй коленопреклонений. – Преклонением колен изображается падение в грех, с подразумением в нем и исповедания греха; восстанием же с колен обозначается

покаяние с намеком на обет добродетельной жизни. Каждое коленопреклонение совершай с мысленным призыванием Христа, чтоб, припадая к Господу душою и телом, Бога душ и телес соделать к себе удобоприменительным.

25) Если при мысленной молитве будешь иметь рукоделие какое-либо, неозабочивающее, то и это будет помощно тебе в притрудном молитвенном подвиге твоем. – Все показанные делания, соединяемые с молитвою, (как орудия), изощряют внимание, прогоняют уныние, душе сообщают юношескую живость и ум соделовают более острозорким и теплоусердным к упражнению в умном делании.

26) Как только ударят в било, иди из келлии, телесными очами в землю смотря, а мысль углубляя в памятование о Боге. Вошедши в храм и восполнив собою лик молящихся, ни языком не празднословь с близ стоящим монахом, ни умом не кружись в суетностях; но язык занимай одним псалмопением, а мысль держи в молитве. По окончании богослужения иди в келлию свою и начинай делать, что положено твоим правилом келейным.

27) Пришедши в трапезу, не осматривай братских частей и не разбивай души своей недобрыми подсматриваниями. Но на то только, что положено пред тобою, смотря и того одного касаясь, давай телу пищу, слуху – слышание читаемого, душе – молитву, чтоб, питаясь и телом и духом, всецело восхвалить исполняющего во благих желание твое. Оттуда встав, скромно и молча войди в келлию свою и, как трудолюбивая пчела, охотно берись за труд добрых деланий своих.

Когда делаешь какое дело вместе с братиями, пусть руки работают, уста же молчат, а ум памятует о Боге. Если бы кто подвигся на празднословие, то для пресечения сего бесчиния, вставай и делай поклон.

28) Помыслы отгоняй и не позволяй им пробегать чрез сердце и закосневать в нем. Закоснение страстных помыслов, оживляя страсти, умерщвляет ум. Почему как только приразятся они, с первого их появления в уме спеши поразить их стрелою молитвы. Если они будут настаивать, толкая в двери внимания и возмущая мысль, то знай, что они получают подкрепление от скрытного предварившего сие нападение возжелания их; почему как бы право какое имея на душу, ради того что пошатнулось уже произволение, они тревожат и докучают. В таком случае надобно предавать их поруганию чрез исповедание; ибо злые помыслы тотчас обращаются в бегство, как только бывают оглашаемы. Как при появлении света отбегает тьма, так перед светом исповедания исчезают страстные помыслы, которые и сами суть тьма. Когда, например, в помыслах имели место тщеславие и похотная страсть, то они тотчас прогоняются стыдом при исповедании их и злостраданием при несении наложенной за них епитимии. После сего всякого рода помыслы, находя мысль свободною уже от страстей и занятою непрестанною сокрушенною молитвою, стремительно отбегают со стыдом.

29) Если подвижник, напрягаясь пресечь (молитвою) смущающие его помыслы, отсекает их на время и уничтожает частое их появление, совсем же не освобождается от них, но остается в состоянии борющего и боримого: то это от того, что он лелеет причины смущающих его помыслов – покой плоти и мирское честолюбие, из-за которых он не спешит и исповедать свои помыслы. Почему и покоя не имеет, держа в себе то, что дает врагам право ратовать против него. Кто, захватив чужие вещи, не бывает истязуем за них теми, кому они принадлежат? И кто, будучи истязуем и не возвращая того, что зле удерживает, может чаять свободы от соперников своих? – Но когда подвизающийся, укрепившись памятованием о Боге, возлюбит уничижение и озлобление плоти и исповедует помыслы свои, не боясь стыда, враги тотчас удаляются, и мысль, сделавшись свободною, непрестанную держит молитву и непресекаемое созерцание божественного.

30) Всякое подозрение, поднимающееся в сердце против кого-нибудь, отсекай вконец, потому что оно расстроивает мир и любовь. Всякую же беду, находящую совне, принимай

мужественно, потому что она дает повод к спасительному терпению, – терпению, за которое на небесах дарованы будут покой и отрада.

31) Так проводя дни свои, благодушно проживешь настоящую жизнь, воодушевляясь блаженными надеждами, по смерти же с дерзновением преставишься отселе и вселишься в места упокоения, уготованные тебе Господом в воздаяние за здешние труды твои, чтоб соцарствовать Ему. Ему подобает всякая слава, честь и поклонение, со безначальным Его Отцом, и всесвятым и благим и животворящим Его Духом, ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

Того же Феолипта митрополита
О том же девять глав

1) Ум, удаляясь от внешнего и собираясь вовнутрь, возвращается к себе самому и таким образом соединяется с естественным своим мысленным словом; и словом сим, существенно сосущим ему, берется за молитву; молитвою же восходит к сознанию Бога со всею любительною силою и расположением сердечным. Тогда похоть плоти отходит; всякое сластолюбивое чувство престает, и все красоты земные не бывают приятны. Ибо тогда душа, завергши за себя все, в теле и около тела сущее, вслед красоты Христовой влечется, Ему последуя честными делами и чистою мыслею и поя: *приведутся Царю девы вслед Его* (Пс. 44, 15); Христа представляя и предзря со словом пророка: *предзрех Господа предо мною выну, яко одесную мене есть* (Пс. 15, 8); ко Христу прилепляясь любовию и взывая: *Господи, пред Тобою все желание мое* (Пс. 37, 10); ко Христу всегда взирая и вопия: *очи мои выну ко Господу* (Пс. 24, 15), со Христом беседуя чистою молитвою, Его ею услаждая в радовании и говоря: *да усладится Ему беседа моя, аз же возвеселюся о Господе* (Пс. 103, 34). Ибо и Бог, приемля молитвенную беседу и как любимый, и как именуемый, и как на помощь взыскуемый, неизреченную подает радость молящейся душе; и душа, поминая Бога в молитвенной беседе, возвеселяется о Господе, говоря с пророком: *помянух Бога и возвеселихся* (Пс. 76, 4).

2) Храни чувства, и упразднишь услаждение чувственным. Бегай и мысленных мечтаний о сластях чувственных, и упразднишь сластолюбивые помыслы. Ум же, немечтательным пребывая, как не приемлющий впечатлений и изменений ни от предметов сластных, ни от помыслов похотных, находится в чистой простоте, и быв выше всех чувственных и мысленных вещей, к Богу возводит помышление свое, ни что другое, как имя Господа при непрестанной памяти в глубине сердца возглашая, как дитя отца своего. И как Адам, рукою Божиею созданный из персти, бысть в душу живу дуновением Божественным: так и ум, добродетелями пересозданный, частым призыванием Господа, с чистою мыслию и теплым расположением возглашаемым, божественным изменением изменяется, будучи оживляем и боготворим познанием и возлюблением Бога.

3) Когда выступишь из похотения вещей земных непрестанною сердечною молитвою, и как сном почиешь от помышления о всем, что после Бога, и всецело утвердишься в единой памяти Божией: тогда воссозиждется в тебе, как бы иная помощница, любовь Божия. Ибо из молитвы рождающееся сердечное вопияние источает любовь божественную, а божественная любовь возбуждает ум к объявлению сокровенных вещей. Тогда ум, с любовию сгармонировавшись, оплодотворяется премудростию и действием премудрости возвещает дивные вещи. Ибо Бог Слово, в молитвенном воззвании сердечно именуемый, вземлет разумение, как ребро, и дарует ведение, и место его восполняя благим расположением, дарует добродетель, созидает светотворную любовь и приводит ее к исступившему уму, спящему и почивающему от всякого земного похотения. Сия-то любовь и оказывается иною помощницею уму, почившему от неразумного пристрастия к чувственным вещам тем, что возбуждает ум к словесам премудрости. Тогда ум, взирая на нее и ею услаждаясь, в пространном слове обнародывает другим сокровенные расположения добродетели и незримые действия разума.

4) Выступи из всего чувственного и оставь закон плоти, – и закон духовный напишется в сердце твоем. Ибо как духом ходящий похоти плотской не совершает, по Апостолу (Гал 5, 16), так выступающий из чувств и чувственного, т. е. из плоти и мира, приходит в состояние духом ходить и духовное мудрствовать. Сие уразуметь можешь ты и из того, что Бог делал для Адама прежде преслушания.

5) Подвизающегося в хранении заповедей, в раю молитвы пребывающего и Богу предстоящего непрестанною памятию Бог исступляет из сластолюбивых воздействий плоти, всех

чувственных движений и всех воображений чувственных вещей в мысли, и мертвым соделовая его для страстей и греха, представляет причастником божественной жизни. Ибо как спящий и мертвому уподобляется, и жив есть, – первое по телу, а второе по действу души: так и в духе пребывающий для плоти и мира мертвым является, а мудрованием духа жив бывает.

6) Если понимаешь, что поешь, то получаешь познание; от познания стяжевается сознание, или совесть (относительно познанного); от совести прозябает совершение познанного делом; от сего совершения произрастает плод опытного ведения; опытное же ведение возводит к истинному созерцанию; от сего же воссиявает премудрость, светозарными словесами благодати исполняющая воздух мысленный и тем, кои вне суть, изъясняющая сокровенное.

7) Сначала ум ищет и находит, потом соединяется с найденным. Искание совершает он разумом, а соединение любовию. Искание разумом бывает ради истины, а соединение любовию ради добра.

8) Стоящий выше текучего естества настоящих вещей и чуждый похотения вещей преходящих не смотрит на дольнее и не вожделевает красот земных; но на горнее отверстыми имеет очи свои, горние доброты зрит и вкушение чистого блаженства поставляет себе целию. Ибо как для внимающего одним вещественным благам земли и склонного к плотским удовольствиям, небеса заключены как для имеющего омраченными мысленные очи свои: так презирающий дольнее и отвращающийся от него имеет ум горе восторженным, видит славу присносущных благ и постигает светозарность, обетованную святым. Таковой и любовь Божию свыше в него сходящую приемлет, и храмом Духа Святого бывает, и божественных хотений вожделевает, и Духом Божиим водится, и сыноположения сподобляется, и Бога имеет благоволящим к нему и им благоугождающимся. *Елицы бо Духом Божиим водятся, сии суть сынове* (Рим. 8, 14).

9) Под предлогом немощи не оставляй молитвы, даже на один какой день, пока есть в тебе дыхание, слыша слова апостольские: *егда немоществую, тогда силен есмь* (2 Кор. 12, 10). Действуя так, большую получишь пользу; и молитва скоро восставит тебя при содействии благодати: ибо где утешение Духа, там немощь и уныние не постоят.

Святой Григорий Синаит

Краткое сведение о святом Григории Синаите

Св. отец наш Григорий, постриженный в монашество на Синайской горе и потому прозванный Синаитом, процветал в царствование Андроника Палеолога, около 1330 года. Пришедши на Афонскую гору и там осмотревши монастыри и безмолвища, многих отцов нашел он, кои украшались познаниями и чистотою нравов, но прилежали только о деятельной жизни, о хранении же ума, точном безмолвии и созерцании так мало были сведущи, что даже и наименований сих не понимали.

Трех только встретил он, в ските Магула, против монастыря Филофея лежащем (Исаия, Корнилий и Макарий – имена им), кои немного занимались созерцанием. Видя сие, возгорелся он ревностию и начал учить трезвению, блюдению ума и умной молитве не только безмолвников, уединенно живших, но и всех киновитов. Кроме того три лавры большие устроив в пределах Македонии и многие весьма места и епархии обшедши, всех вообще наставлял деланию умной непрестанной молитвы своими божественными учениями; и многих чрез то грешников обратив и из недостойных достойными соделав, был для них виновником удостоения их части спасаемых. Жизнь его пространно описал Каллист, святейший патриарх Константинопольский, бывший учеником его. – Но как во время жизни своей признаваем он был общим учителем священному трезвению: так и по смерти руководит к нему предлагаемыми здесь творениями своими, в коих прекрасно и полно изображает деятельный способ умносердечной молитвы в руководство и научает добрым нравам и борьбе со страстями и добре выясняет, какие признаки прелести, и какие – благодати. Почему творения сии паче всякого другого полезны как новоначальным, так и средним и совершенным. Сокровенное же в нем духовное богатство, каково оно и колико, найдет всякий не из любопытства прочитать его имеющий и радостию воистину неизреченною возрадуется об обретении его.

Память его 13 августа.

Святого Григория Синаита
Главы[16] о заповедях и догматах, угрозах и обетованиях, – еще же – о помыслах, страстях и добродетелях, – и еще – о безмолвии и молитве

1) Настоящим разумным, как было первоначально, кому-либо быть или сделаться невозможно прежде стяжания чистоты и бесстрастия, из коих первая отъята чувственными неразумными наклонностями, а второе – растленным состоянием плоти.

2) Настоящие разумные суть одни те, кои явились святыми чрез стяжание чистоты. Чистого разума никто из мудрых в слове не имел, потому что они от рождения разумную силу свою растлевают помыслами (непотребными). Чувственный и многоречивый дух мудрости века сего, богатящий словами, призрачно лишь являющими многоведение, и наполняющий помыслами наидичайшими, творит в них себе обитель, лишив существенной премудрости, истинного созерцания и ведения нераздельного и единичного.

3) Под ведением истины разумей собственно благодатное чувство ее. Прочие же мысли надлежит называть проявлениями разумений ее и показаниями предметов ее.

4) Которые теряют благодать, страждут сие за неверие и нерадение; и которые опять обретают ее, сподобляются сего за веру и рачение. Эти последние подвигают все вперед и вперед; а те, противоположные им, совсем обращают вспять.

5) Впасть в окамененное нечувствие есть то же, что быть мертво; также быть слепу умом есть то же, что не видеть телесными очами.

Ибо тот (впадший в нечувствие) лишился живодейственной силы; а этот – невидящий (умом) – Божественного света, дающего зреть и зримым быть.

6) Силу и премудрость от Бога получают немногие. Ибо та есть причастница божественных благ, а эта – проявительница их: причастие же такое и преподание другим есть дело воистинну Божеское, превышающее силы человека.

7) Истинное святилище, еще прежде будущего жития, есть без помыслов сердце, воздействуемое Духом. Ибо там все совершается и говорится духовно; и не стяжавший сего отсюда хотя ради некоторых добродетелей есть камень, пригодный к созиданию божественного храма, но не есть храм и священнодействитель Духа.

8) Человек создан нетленным, каковым и воскреснет, но не непревратным, ни опять превратным, а имеющим силу по желательному расположению превратиться или нет. Желание не сильно сообщить природе совершенной непревратности: она есть почесть будущего непревратного обожения.

9) Тление – плоти порождение. Вкушать пищу и извергать излишнее, гордо держать голову и лежа спать, – естественные принадлежности зверей и скотов, в коих и мы, став чрез послушание подобными скотам, от свойственных нам богоданных благ отпали и соделались из разумных скотскими и из божественных зверскими.

10) Рай двоякий есть – чувственный и мысленный, т. е. едемский и благодатный. Едем, место, в коем Богом насаждены всякого рода благовонные растения. Он ни совершенно нетленен, ни совсем тленен. Поставленный посреде тления и нетления, он всегда и обилен плодами и цветущ цветами, и зрелыми и незрелыми. Падающие дерева и плоды зрелые превращаются в землю благовонную, не издающую запаха тления, как дерева мира сего. Это – от преизобилия благодати освящения, всегда там разливающейся.

---

[16] В греческом Добротолюбии главы сии расположены акростихично; акростихами служили буквы заглавия.

11) Текучая ныне тварь не создана первоначально тленною; но после подпала тлению, *повинувшись суете,* по Писанию, *не волею,* но не хотя, *за повинувшаго ее, на уповании* обновления подвергшегося тлению Адама (Рим. 8, 20). Обновивший Адама и освятивший обновил и тварь, но от тления еще не избавил их. Это избавление от тления иные разумеют как изменение в лучшее состояние, а иные – как совершенное преложение чувственного.

12) Благодать приемлющие бывают, как зачавшие и непраздные Духом; но бывает, что они отметают божественное семя или чрез падения или от того, что овдовевают от Бога по причине общения со врагом, укрывающимся внутрь их. Оставление благодати бывает действа ради страстей (услаждения ради страстными движениями), а совершенное ее лишение ради делания грехов. Ибо душа страстелюбивая и грехолюбивая лишается благодати, отметает ее и вдовеет; и чрез то делается жилищем страстей, – чтоб не сказать демонов, в настоящем и будущем веке.

13) Гнев укрощается и заменяется радушием, ничем, как мужеством и милостивостию: они сокрушают осаждающих град души врагов, первое – внешних, а вторая внутренних.

14) Многие из действующих по заповедям кажутся идущими путем, которые однако ж, не достигши града, остаются вне: потому что бестолково совершают путь свой, ошибочно принимая распутия, уклоняющие от прямого царского пути, т. е. соседние с добродетелями пороки, за настоящий царский путь. Ибо исполнение заповедей истинное не только не терпит ни недостатка, ни излишества, но и требует богоугодной цели, т. е. исполнения во всем единой Божественной воли. Если же не так (дело идет), то суетен труд, потому что без этого не творятся *правые стези Божии:* во всяком деле неотложно требуется иметь сказанную цель при делании его.

15) На пути своем чрез исполнение заповедей в сердце ищи Господа. Когда слышишь Иоанна, вопиющего в пустыни, как он всем повелевает *уготовать пути* и *правы творить стези* (Мк. 1, 3), разумей под сими словами заповеди сердца и деяния: ибо невозможно совершать правый путь заповедей и деяние правое без сердечной правоты.

16) Когда услышишь, как в Писании пророческим словом возглашается: *жезл Твой и палица – тамя настависта* (Пс. 22, 4); то разумей под сим Суд и Промысл, в нравственном же смысле: псалмопение и молитву. Ибо *судими от Господа* жезлом наказания (обучения) *наказуемся* (обучаемся) обращению (1 Кор. 11, 32). Наказуя же восстающих на нас жезлом мужественного псалмопения, утверждаемся в молитве. Имея таким образом жезл и палицу в руке деятельного ума, не перестанем наказывать и наказываться, пока всецело не станем под Промыслом (не предадимся Ему) во избежание суда и нынешнего и грядущего.

17) Сообразно с заповедию должно предпочитать всему заповедь всеобъемлющую, память Божию, о коей говорится: *помни Господа Бога твоего всегда* (Втор. 8, 18). Ибо от чего гибнем, противоположным тому и сохранены быть можем. Губит же нас забвение Бога, мраком покрывая заповеди и обнажая нас от всякого добра.

18) Подвижники двумя заповедями приходят в древнее достоинство, – послушанием и постом: ибо от противных им дел всякое зло вошло в род смертных. При сем послушанием хранящие заповеди поспешнее восходят к Богу, а постом – медленнее; и послушание пригоднее новоначальным, а пост – средним, – умозрительным и мужественным. Но соблюсти в исполнении заповедей нелестное во всем послушание Богу есть удел очень немногих, и дело для самых мужественных многотрудное.

19) *Закон Духа жизни,* о коем говорит Апостол (Рим. 8, 2), таков, что действует и говорит в сердце; как письменный (по букве) – во плоти действуется (или плотски исполняется). Тот освобождает ум от закона греховного и смерти; а этот тайно фарисействовать оставляет при видимом исполнении закона телом и хождении в заповедях напоказ.

20) Состав делом исполняемых заповедей, прилично сочетаваемый и счиневаемый в духе (Еф. 4, 16) представляет, говорят, человека, каков он, – совершен или еще несовершен,

судя по преуспеянию: причем дела по заповедям суть тело; добродетели, как установившиеся внутренние расположения, – кости; а благодать – душа живая, возбуждающая на дела по заповедям и содействующая в сем. Степень рачения к возрастанию о Христе являет человека младенцем или совершенным, в нынешнем и в будущем веке.

21) Желающий возрастить тело заповедей (дела по заповедям, добродетель, праведность) да тщится взыскать словесное и нелестное млеко благодати материнской: ибо ею млекопитается всякий, желающий и ищущий возрасти возрастом о Христе Иисусе. Как млеко младенцам к возращению премудрость ее из сосцов своих дает теплоту; а как мед пищный совершенным дает веселие свое к очищению. *Мед и млеко под языком Твоим,* поется в Песнях песней (4, 11). Млеком означил здесь Соломон питательную и возрастительную силу Духа, а медом – силу Его очистительную. Великий же Апостол, указывая на различие действ Духа, говорит: *яко младенцев млеком вы напоих, а не брашном* (1 Кор. 3, 1, 2).

22) Ищущий уразуметь заповеди без исполнения заповедей и чрез учение и чтение обрести то желающий, подобен человеку воображающему тень вместо истины. Ибо уразумение истины есть достояние тех, кои стали причастниками истины (вкусив ее жизнию); не причастные же истины и не посвященные в нее, ища сего уразумения, почерпают его из объюродившей премудрости. Их Апостол назвал душевными, *Духа не имущими* (2 Кор. 2, 14), хотя они величаются ведением истины.

23) Как чувственное око взирает на буквы и из букв приемлет чувственные разумения: так и ум, когда очистится и придет в древнее достоинство, взирает на Бога и от Него получает божественные разумения. Вместо книги имеет он Духа, вместо трости (пера) – мысль и язык *[язык мой,* говорит псалом, *трость.* (Пс. 44, 2)], вместо чернил – свет. Погружая мысль в свет и светом ее соделовая, начертывает он Духом словеса в чистых сердцах слушающих. Тогда познает он сказанное, что *верные научены будут Богом* и что *Бог научает человека разуму* (Ин. 6, 45; Пс. 93, 10).

24) Закон заповедей разумей, как сердечно действующую веру – непосредственную. Ибо из нее всякая заповедь источается, и совершается просвещение душ, в коих тогда проявляются такие плоды истинной и действенной веры: воздержание, любовь, как конец совершенства, смирение, как особый дар Божий, и утверждение всего.

25) Православие неложное есть истинное ведение видимых и невидимых вещей: видимых – чувственных, невидимых – мысленных, разумных, духовных, божественных.

26) Предел Православия есть чисто ведать два догмата веры, – Троицу и Двоицу: Троицу неслиянно и нераздельно созерцать и ведать, Двоицу – два естества во Христе в едином лице, т. е. единого Сына исповедать и ведать и прежде воплощения, и по воплощении в двух естествах и волях, Божеской и человеческой, неслиянно славимого.

27) Рожденность, нерожденность и исходность, три неизменных и непреложных свойства лиц Пресвятой Троицы должно благочестно исповедать: Отца нерожденного и безначального и Сына рожденного и собезначального, и Духа Святого соприсносущнего, от Отца исходящего и Сыном подаваемого, как говорит св. Дамаскин.

28) Единая благодатная вера, исполнением заповедей споспешествуемая, довлела бы ко спасению, если бы мы хранили ее в силе, и веру мертвую и недейственную не предпочитали вере живой и действенной во Христе. Довлеет верному водрузить в себе образ веры и устроить жизнь по действенной во Христе вере. Но ныне невежество научает благочестивых вере на словах, мертвой и нечувственной, а не вере благодатной.

29) Троица есть простая единица: Она неслиянна; Троица во единице; Единый Триипостасный Бог отнюдь неслиянными имеет в Себе Ипостаси.

30) Бог во всем триипостасно познается и поминается. Он все содержит и о всем промышляет чрез Сына во Святом Духе; и не един из Них, где бы ни упоминаем был, не именуется и не мыслится сущим вне или особо от других.

31) Как в человеке есть ум, слово и дух; и ни ум не бывает без слова, ни слово без духа, но всегда суть и друг в друге, и сами по себе. Ум говорит посредством слова, и слово проявляется посредством духа. По сему примеру человек носит слабый образ неизреченной и началообразной Троицы, показывая и в сем свое по образу Божию создание.

32) Ум – Отец, слово – Сын, Дух Святый – дух, как учат примерно богоносные отцы, излагая догматическое учение о пресущной и преестественной Святой Троице, о едином в трех лицах Боге, и предавая нам сим образом истинную веру, яко котву упования. Знать Единого Бога, по Писанию, есть корень бессмертия, а ведать державу триипостасной единицы есть всецелая правда. Изреченное о сем в Евангелии слово можно так разуметь: *Се же есть живот вечный, да знают Тебе, единаго истиннаго Бога* в трех ипостасях, и *Егоже послал еси Иисуса Христа* в двух естествах и хотениях (Ин. 17, 3).

33) Муки различны, как и воздаяния благих. Муки все в аде суть, по слову Писания, *в земле темной и мрачной, в земле тмы вечныя* (Иов. 10, 22), где грешники живут прежде Суда и куда возвращаются опять по изречении последнего Божия определения. Ибо слова Писания: *возвратятся грешницы во ад* (Пс. 9, 18), и: *смерть упасет я* (Пс. 48, 15), – что другое означают, если не окончательный приговор и вечное осуждение?

34) Огнь, тьма, червь, тартар соответствуют страстям, всякого рода сладострастию, всеобъемлющей тьме неведения, неутолимой жажде чувственных удовольствий, смраду греха зловонного, – кои, как задатки и зачатки адских мук, уже от зде начинают мучительно действовать в душах грешников, когда укореняются долгим навыком.

35) Страстные навыки суть задатки адских мук, как действенные добродетели – Царствия Небесного. Должно понимать и называть добрыми действия по заповедям, а добродетелями – укоренившиеся навыком добрые расположения. Так же и греховные дела и расположения различаются между собою.

36) Будущие награды и наказания равно вечны, хотя иным это кажется иначе. Одним божественная правда воздаст Вечную жизнь, а другим – вечное мучение. Те и другие, добре или зле проживши нынешний век, воздаяние получат по делам: количество же и качество воздаяния определится добродетелями или страстями, навыком укоренившимися.

37) Огненные озера суть сладострастные души, в коих, как в зловонных болотах, смрад страстей питает неусыпающего червя невоздержания, неудержимую похоть плоти, – питает также змий, жаб и пьявиц злых похотей, скверных и пагубных помыслов и бесов. Такое состояние от зде приемлет задаток тамошнего мучения.

38) Как зачатки будущих мук сокрыто присущи в душах грешников: так зачатки будущих благ присущи в сердцах праведников, и действуют духовно, как и вкушаются. Ибо Царствие Небесное есть добродетельное житие, как мучение адское – страстные навыки.

39) Ночь грядущая есть, по слову Господа, будущая тьма, в которой *никто не может делать* (Ин. 9, 4); или, по другому толкованию, это есть антихрист, который и есть, и именуется ночью и тьмою; или, в нравственном смысле, это повседневное нерадение, которое, как ночь мрачная, убивает душу во сне нечувствия.

40) Суд мира сего есть неверие нечестивых, по следующему Евангельскому слову: *не веруяй уже осужден есть* (Ин. 3, 18); есть также судительное Промысла Божия устроение к пресечению жизни грешной и к обращению на добрую. Ибо Праведный суд Божий, действуя по направлению произволения в добрых людях или злых, одних наказывает, других милует, одних венчает, а других в ад отсылает.

41) Если естество наше Духом не будет сохранено непорочным или не очищено, как подобает; то во едино тело и дух со Христом быть не может, ныне и в будущем возустроении. Ибо всеобъемлющей и всеединящей силе Духа необычно плат ветхости страстей пришивать к новому хитону благодати.

42) Равночестие со Христом в силу своего во Христе образования иметь будет туне приявший обновление Духа и сохранивший его, неизреченно сподобясь чрез то обожения. Никто там не будет едино со Христом, или членом Христовым, не сделавшись здесь причастником благодати и не возымев чрез то в себе *образа разума и истины о Христе* (Рим. 2, 20).

43) Царствие Небесное подобно скинии богозданной; ибо и оно в будущем веке, подобно Моисеевой, будет иметь две завесы, – из коих в первую внидут все освященные благодатию, – во вторую же только совершеннейшие.

44) Многими обителями назвал Спаситель различные степени тамошнего состояния. Царствие одно, но многие имеет внутри (себя) различия, по различию имеющих внити в него в добродетели и ведении, и в мере обожения. Ибо *ина слава солнцу, ина слава луне, ина слава звездам, и звезда от звезды разнствует во славе,* как говорит божественный Апостол (1 Кор. 15, 41), хотя все они на божественной тверди сияют.

45) Ангелам некако бывает подобен, как бы бесплотен и нетленен, тот, кто ум очистил слезами, душу Духом здесь воскресил и плоть, разуму подчинив, соделал световидною и некако огненною.

46) Земно будет тело нетленное, без мокрот однако ж и дебелости, быв неизреченно претворено из душевного в духовное, так что будет и перстно и небесно. Каким создано было оно в начале, таким и воскреснет, да сообразно будет образу Сына Человеческого по всецелому причастию обожения.

47) Земля кротких есть Царствие Небесное, или богомужное состояние Сына Божия, в которое мы вступили или вступаем, прияв благодатное рождение сыноположения и обновление в воскресении. Или земля святая есть обожившееся естество. Или, по иному разумению, земля, наследуемая истинно святыми, есть безволненная тишина всякий ум превосходящего мира божественного, в которой (земле) вселится род правых.

48) Земля обетованная есть бесстрастие, в коем источается, как мед и млеко, радование Духа.

49) Святые в будущем веке (или на небесах) вещают между собою внутреннее слово, Духом Святым изглашаемое.

50) Если не уведаем, какими нас создал Бог, то не познаем и того, какими нас соделал грех.

51) Равны возрастом духовным суть те, кои здесь достигли полноты совершенства во Христе.

52) Коих труды, тех и воздаяния. Количество же и качество их, т. е. их меру, чин и состояние там самым делом явлено будет.

53) Равноангельными умами, по нетлению и обожению, будут святые, яко сыны воскресения (Лк. 20, 36).

54) В будущем веке, говорят, Ангелы и святые никогда не престанут преуспевать в приумножении дарований, стремясь все к большим и большим благам. Умаления же и прехождения от добродетели ко греху век оный не допускает.

55) Ныне мужем совершенным почитай того, кто приял подобие возрастов Христовых как бы в залог; в будущем же веке совершенным показывает сила обожения.

56) В будущем такую всякий имеет степень обожения, в какой ныне кто бывает совершен в возрастаниях духовных.

57) Слава истинная, говорят, есть ведение, или духовное созецание, или есть догматов точное разумение и истинной веры познание.

58) Изумление есть всецелое восторжение душевных сил к тому, что познано из велелепной славы Божества. Или изумление есть чистое и всецелое простертие ума к сущей во

свете беспредельной силе. Исступление же есть не только душевных сил к небу восхищение, но и выступление за пределы самого чувства.

59) Есть два вида исступления в духе: один сердечный (в сердце углубление с забвением всего), а другой восхитительный (восторжение за пределы всего сущего). Первый свойствен еще только просвещаемым, а другой – совершенным в любви. Оба же ставят ум, в коем действуют, вне чувства (или сознания внешних отношений): так как божественная любовь есть опьяняющее устремление духом мыслей к лучшему, коим отнимается и чувство (или сознание) внешних отношений.

60) Начало помыслов и причина в разделении преступлением человека единовидной и простой памяти, которая чрез сие потеряла и Божию память, и, сделавшись из простой сложною и из единовидной разнообразною, стала губима своими собственными силами.

61) Врачевство первобытной памяти от этой лукавой и пагубной памяти помыслов есть возвращение ее к древней простоте. Орудие зла, преслушание, не только простую души память о добре расстроило, но и все ее силы растлило, омрачив естественные вожделения добродетели. Врачуется же память постоянною, действием молитвы утвердившеюся памятию Божиею, в коей, сраствoрившись с духом, возводится она из естественного в вышеестественное состояние.

62) Причины страстей – греховные дела, помыслов – страсти, мечтаний – помыслы, мнений – память (оразнообразившаяся), памяти – забвение (об истинном и должном); забвения родительница – неведение, неведения – разленение; разленение рождается от похотного вожделения; вожделения матерь – превратное движение, движения – действо дела; – дело же такое есть плод неразумной склонности ко злу и прилепления к чувственному и к чувствам.

63) В мысленной силе души рождаются и действуют помыслы, в раздражительной – зверские страсти, в вожделенной – скотские похоти, в уме – мечтательные воображения, в рассудке – мнения.

64) Нахождение помыслов злых есть как речное течение. В них состоит прилог, с коим потом сосложение греховное бывает, как наводнение волненное, покрывающее (заливающее) сердце.

65) Глубоким рвом тинным почитай мокротную сласть, скверну блуда и печаль о вещественных стяжаниях, коими будучи отягощаем, страстный ум во глубину отчаяния погружается помыслами своими.

66) Помыслы страстные представляют образы страстных вещей. Действие помышлений невещественно; но они напоминают и влекут к вещественному и бывают причиною плотских грехов (перифраз).

67) Помыслы суть слова бесов и предтечи страстей: ибо невозможно сделать что-либо доброе или худое, что наперед не приложит и не возбудит помысла о себе. Помысл есть движение безвидного прилога каких-либо вещей.

68) Вещи сами по себе рождают простые помыслы; бесовский же прилог порождает помыслы злые. Естественные помыслы отличаются от противоестественных и переестественных по сравнению.

69) Помыслы мгновенно изменяются одни в другие: естественные в противоестественные, и те, кои по естеству, в такие, кои выше естества. Бесовские же прилоги ко всему прилипают, даже и к божественным (перифраз).

70) Заметь, что впереди помыслов стоят причины их, впереди мечтаний – помыслы, впереди страстей – мечтания, впереди демонов страсти, как цепь какая, или чин в бесчинных духах устрояется, держась одно другого. Но без бесов ничего тут не творится: ни мечтание не строит образов; ни страсть не действует без скрытной силы бесовской. Впрочем, они берут силу над нами больше по нашей беспечности (с перифразом).

71) Бесы наполняют образами ум наш, или лучше, сами облекаются в образы по нам и приражаются (прилог вносят) соответственно навыкновению господствующей и действующей в душе страсти: ибо сим навыкновением страстным они обыкновенно пользуются к размножению в нас воображений страстных, и даже во сне мечтание наше делают богатым воображениями: причем преобразуются бесы похоти иногда в свиней, иногда в ослов, иногда в коней женонеистовных и огневидных, иногда в жидов наиболее невоздержанных; бесы гнева – иногда в язычников, иногда во львов; бесы страшливости – в измаилитов; бесы непостоянства – в идумеев; бесы пьянства и объядения – в сарацын; бесы любостяжания – иногда в волков, иногда в тигров; бесы лукавства – иногда в змий, иногда в ехидн, иногда в лисиц; бесы бесстыдства – в собак; бесы лености – в кошек. Бывает, что бесы блуда иногда превращаются в змий, иногда в ворон и грачей; в птиц превращаются наиболее воздушные бесы. Трояко же фантазия наша изменяет воображения бесов, по причине троечастности души, представляя их в виде птиц, зверей и скотов, соответственно трем силам души – желательной, раздражительной и мыслительной. Ибо три князя страстей против сих трех сил вооружаются, и какою страстию окачествована душа, сродный с тою они принимают образ, в коем и приступают к ней.

72) Бесы сласти греховной часто приступают, как огнь и как углие огненное. Эти сластолюбивые бесы разжигают вожделетельную силу души, но, приводя при сем в смятение и рассудительную, омрачают душу. Причина похотного жжения, смятения мыслей и омрачения души главным образом лежит в страстной сласти.

73) Ночь страстей есть тьма неведения. Или опять: ночь есть страстеродительная область, в коей царствует князь тьмы и в коей звери сельные, птицы небесные и гады земные, переносно понимаемые как духи злобы, рыкая ищут поглотить нас в пищу себе.

74) Во время действия страстей из помыслов одни идут впереди, а другие последуют за ними: предшествуют помыслы мечтаний (чередование образов), а последуют помыслы страстные (возбуждаемые теми образами). Страсти предваряют бесов, а бесы последуют за страстями.

75) Начало и причина страстей есть злоупотребление, злоупотребления – склонность, склонности – движение желательного навыкновения, испытание желания есть прилог, прилог же – от бесов, коим Промыслом попускается обнаруживать, каково наше самовластие.

76) Яд жала греха к смерти есть страстный навык душевный: ибо неудобоизменим и неудобопреложим нрав того, кто произвольно окачествовался страстьми.

77) Страсти разно именуются: разделяются же на телесные и душевные. Телесные подразделяются на скорбные и греховные; скорбные опять подразделяются на болезненные и наказательные. Душевные также разделяются на раздражительные, похотные и мысленные; мысленные подразделяются на вообразительные и рассудочные. Из них всех иные произвольны по злоупотреблению, другие же невольны по необходимости, так называемые незазорные страсти, кои свв. отцами названы соприкосновенностями и естественными свойствами (нравами).

78) Одни страсти суть телесные, а другие душевные; иные суть страсти похоти, иные страсти раздражение, и иные – мыслительные; и из сих – иные страсти ума, и иные – рассуждения. Все они разносочетаваются между собою и друг на друга действуют, – и от того изменяются.

79) Страсти раздражения суть: гнев, горечь, бранчивость, вспыльчивость, дерзость, надменность, кичение и другие подобные. Страсти вожделения суть: лихоимание, разврат, невоздержность, ненасытность, сластолюбие, сребролюбие, самолюбие, всех лютейшая страсть. Страсти плоти суть: блуд, прелюбодеяние, нечистота, непотребство, чревоугодие, леность, рассеянность, миролюбие, животолюбие и подобные сим. Страсти слова и языка суть: неверие, хула, лукавство, коварство, любопытство, двоедушие, поношение,

клевета, осуждение, уничижение, болтливость, притворство, ложь, срамословие, буесловие, лесть, насмешливость, себя выставление, человекоугодие, надутость, клятвопреступление, празднословие и проч. Страсти ума суть: самомнение, превозношение, велехваление, спорливость, ретивость, самодовольство, противоречие, непослушание, мечтательность, придумывание, любопоказность, славолюбие, гордость, – первое и последнее из всех зол. Страсти мысли суть: парение, легкомыслие, пленение и рабство, омрачение, ослепление, отбегания (от дела), прилоги, сосложения, склонения, превращения, отвержения и подобные сим. Одним словом, все худые мысли, чувства и расположения, несообразные с природою нашею, размещаются по трем силам души, равно как и все добрые, сообразные с естеством нашим, в них же сопребывают.

80) Давид с изумлением велегласно так взывает к Богу: *удивися разум Твой от мене: не возмогу к нему* (Пс. 138, 6). Он недосязаем для слабого ума моего и моих сил.

81) Достойно исследования, почему богоносные отцы похоть и гнев иногда называют силами плотскими, а иногда душевными? – Говорим о сем, что слова святых никакого не имеют несогласия, если как следует рассмотреть их до точности, но те и другие истинствуют, премудро изменяя, когда должно, свои о сих предметах суждения. Душа сама по себе имеет силу хотения и мужественную энергию к действованию, что есть сила раздражительная; но, будучи создана разумною и духовною, она не получила вместе с бытием похоти и гнева; равно как и плоть первоначально, будучи создана нетленною, не имела тех мокрот, от коих после породились похоть и ярость зверская. Уже по преступлении, когда впал человек в тлю и дебельство плоти, по необходимости возникли в нем похоть и ярость. Почему, когда плоть господствует в нем, похоть и гнев сопротивляются душевным желаниям. Когда же мертвенное сие покорится разуму, тогда они содействуют душе в делании добра.

82) Когда душа чрез вдуновение создана была разумною и мысленною, тогда вместе с нею не создал Бог ярости и похоти скотской, но одну силу желательную вложил в нее и мужество к исполнению желаний. Равным образом и тело создав, Он не вложил в него в начале гнева и похоти неразумной; но после уже чрез преслушание оно приняло в себя мертвость, тленность и скотность. Тело, говорят богословы, создано нетленным, каковым и воскреснет, как и душа создана бесстрастною; но как душа имела свободу согрешить, так тело – возможность подвергнуться тлению. И обе они, т. е. душа и тело – растлились и срастворились по естественному закону сочетания их друг с другом и взаимного влияния: причем душа окачествовалась страстями, паче же бесами; а тело уподобилось скотам несмысленным и погрузилось в тление. Объединившись таким образом, силы обеих их составили единое скотоподобное существо, бессмысленное и неразумное, гневу и похоти работное. Вот как человек *приложися скотам несмысленным и уподобися им* всячески, как говорит Писание (Пс. 48, 13).

83) Начало и источник добродетелей есть благое произволение, или желание добра, как Бог есть причина и источник всякого блага. – Добра же начало есть вера, паче же Христос, камень веры, Коего имеем мы началом и основанием всех добродетелей, в Коем стоим и созидаем всякое дело благое. Он есть краеугольный камень, связующий нас Собою, и бисер многоценный, которого ища, во глубину безмолвия входящий инок продает все желания свои послушанию заповедям, чтоб чрез это стяжать его.

84) Добродетели имеют между собою равность в том отношении, что все воедино сводятся, к одному ведут концу и один все вместе лик добродетели полным делают. Но есть добродетели, большие других добродетелей, как объемлющие и совмещающие в себе очень многие или даже и все добродетели, каковы – божественная любовь и смирение и божественное терпение. О последнем говорит Господь: *в терпении вашем стяжите души ваши* (Лк. 21, 19). – Не сказал: в посте вашем или в бдении вашем. Терпение же я разумею то, которое бывает по Богу и есть царица добродетелей и основание мужественных доблестей.

Оно есть само в себе – мир в бранях, отишие в бурю и непоколебимое утверждение для стяжавших его. Кто стяжал его во Христе Иисусе, тому не могут вредить ни оружия, ни копья, ни воинства напускаемые, ни самое полчище бесов, ни фаланги сопротивных сил.

85) Добродетели, хотя одни из других рождаются, но бытие свое имеют из трех сил душевных, – все, кроме божественных. Ибо причина и начало четырех родовых божественных добродетелей, из коих и в коих состоят все прочие, именно – мудрости, мужества, целомудрия и правды, есть божественная духодвижная премудрость, в уме четверояко движимая. Не все их однако ж вместе она производит (или приводит в движение), но особо каждую в свое время, как хочет: одну, как свет; другую, как силу живодейственную и как воодушевление приснодвижное; третью, как освятительную и очистительную силу; четвертую, как росу непорочности, обрадовательную и от зноя страстей охладительную. Каждую каждому дает она, как сказано, по преуспеянию; совершенному же и действо их совершенное дарствует.

86) Опыты добродетелей, своим тщанием и усилием совершаемых, не дают душе совершенной благонадежности, если они не будут в существенное обращены сердечное расположение благодатию. Каждая из них имеет особое дарование и свое ей свойственное действо, – и когда дарована будет, оттоле сохраняется неизменною и непреложною. Ибо сподобившиеся сего имеют в членах своих, как душу живую, благодать, чтоб совершать их. Без благодати же весь сонм добродетелей обыкновенно бывает мертв, и в тех, кои по-видимому имеют их или и делом исполняют, одна тень их и призрак представляется, а не подлинный лик.

87) Итак четыре есть начальных добродетели: мужество, благоразумие, целомудрие, правда. И восемь есть других нравственных качеств, происходящих от излишества или недостаточности их и по сторонам их близко следующих, которые у нас именуются и почитаются пороками, а в мире добродетелями. По сторонам мужества идут дерзость и страшливость; по сторонам благоразумия – лукавство и бестолковость (бестактность); по сторонам целомудрия – невоздержанность и бесчувствие; по сторонам правды – лихоимство и неправда. Посреде них идут добродетели не только начальные, высшие всякого излишества и недостаточности, но и частные дела добрые. В одних (кои посреде) действует доброе произволение в правости сердца, а в других (кои около) испорченность и самомнение. О том, что посреде идут добродетели правые, свидетельствует притча, так гласящая: *и исправиша вся стези благи* (Притч. 2, 9). Все они находятся в трех силах души, в коих и рождаются и созидаются, имея к созиданию себя самих основанием четыре родовые добродетели, паче же Христа: причем естественные добродетели очищаются деятельными (добрые прирожденные нравы и черты темперамента – добрыми делами по заповедям), божественные же и вышеестественные даруются благодатию Святого Духа.

88) Из добродетелей одни суть деятельные, другие естественные, третьи божественные, кои от Духа Святого. Деятельные суть дело благого произволения, естественные происходят от сложения, божественные – от благодати.

89) Как добродетелей порождение в душе имеет начало, так и страстей. Но те обыкновенно по естеству рождает она, а эти в противность естеству. Исходным же началом к порождению добра или зла бывает для души склонение желания: куда склонится желание, то душа берет в побуждение и действует.

90) Отроковицами называет Писание (Песн. 1, 2) добродетели по причине сочетания их с душою, вследствие коего они с нею созерцаются, как один дух и тело. Символом любви служит лик отроковиц, а свидетельством чистоты и святости сих священных дев – их одеяние и убранство.

91) Есть восемь начальственных страстей: три главных: чревоугодие, сребролюбие и тщеславие; и пять подчиненных им: блуд, гнев, печаль, леность, гордость. Также и из противоположных им добродетелей есть три главнейшие: воздержание, нестяжательность и

смирение, и пять за ними следующих: чистота, кротость, радость, мужество и самоуничижение, – и потом весь ряд добродетелей. Изучить и познать силу, действие и качество, свойственное каждой добродетели и страсти, есть достояние не всякого хотящего, а только того, кто делом все испытал и от Духа Святого дарование получил к распознанию и различению их.

92) Добродетели то действуют, то действуемы бывают. Действуют они в нас, приходя в подобающее им время, когда, сколько и как хотят. Мы же делаем их по произволению, нравственному строю и навыкновению. Но они сами в себе существенны, мы же только приблизительно подходим к ним, образуясь по ним нравственно. Очень немногими духовное существенно усвояется прежде будущего вкушения того, неизменного. Наибольшая же часть из нас только подобия некие имеем добродетелей, а не самое существо их (перифраз).

93) Священнодействует Евангелие, кто, причастившись его, и другим действенно может преподать свет Христов. Как некое божественное семя, сеет он слово на душевных нивах слушающих его, по указанию Апостола: *слово ваше да бывает всегда во благодати, солию растворено* божественной благостыни (Кол. 4, 6); *да даст благодать слушающим* с верою (Еф. 4, 29). В другом месте Апостол, назвав учителей земледелателями, а учимых – нивою возделываемою, явно представляет тех оратаями и сеятелями Слова Божия, а этих тучною землею добродетелей, богато плодоносною.

94) Различно бывает устно произносимое к научению других слово по различию способов, коими собирается: ибо иное бывает от учения, иное от чтения, иное от деяния, иное от благодати. Но как вода, всюду одинаковая по естеству, претворяется и прелагается в свойственное инде ей особое качество по различию лежащего под нею перстного вещества, так что и на вкус бывает то горька, то сладка, то солона, то кисла: так и слово произносимое разно бывает соответственно нравственному строю каждого и разное потому производит действие и неодинаковую приносит пользу.

95) Слово дано всему разумному естеству для пользования им, и от него, как от разных некиих яств, душа разную получает пользу и разное чувствует услаждение. Научное слово для нее есть, как педагог, нрав ее образующий; слово от чтения – как *вода покойна,* ее питающая; слово от деяния – как *место злачно,* ее утучняющее; слово от благодати – как *чаша, упоявающая ее* и веселящая (Пс. 22, 2, 5); неизреченное же благодати радование – как *елей, ее умащающий,* веселящий и светлою соделовающий (Пс. 103, 15).

96) Воистину, не только в себе, как жизнь, душа сие имеет, но и когда от других учащих слушает, чувствует то, коль скоро обоими ими руководствует любовь и вера, – когда один слушает с верою, а другой поучает с любовию, без надмения и тщеславия предлагая словеса о добродетелях. Тогда слово от учения душа приемлет, как педагога; слово от чтения, как питателя; слово от деяния внутреннейшее, как невестоукрасителя сладчайшего; слово от Духа просветительное, как слово жениха, сочетавающего ее с собою и обвеселяющего. – Всякое слово, исходящее из уст Божиих, есть или слово, из уст святых исходящее действием Духа, или сладчайшее от Духа вдохновение, коим не все, а только одни достойные наслаждаются. Ибо хотя все разумные наслаждаются словом, но таких, которые бы здесь обрадываемы были словесами Духа, очень немного; наибольшая же часть только виды духовных словес по памяти и знают и причастны их бывают, не причастившись еще в чувстве Слова Божия, сего истинного хлеба будущего века. Ибо там сей один предлагается вдоволь достойным ко всякому услаждению, не бывая ни съедаем, ни иждиваем, ни похищаем никогда.

97) Без духовного чувства невозможно в чувстве вкусить сладости божественных вещей. Ибо как притупивший чувства делает их неспособными ощущать чувственное, не видит, не слышит, не обоняет, будучи совсем расслаблен, или лучше, полумертв: так и страстями умертвивший естественные силы душевные, соделовает из бесчувственными к дей-

ству и причастию таинств Духа. Ибо духовно не видящий, не слышащий и не ощущающий мертв есть духом: ибо не живет в нем Христос, и сам он не движется и не действует о Христе.

98) Равное и такое же, чтоб не сказать одно и то же, действо имеют чувства наряду с душевными силами, особенно когда они здравы. Тогда чувства чувственное, а душевные силы мысленное ясно зрят, особенно когда нет в них какой-либо сатанинской брани, противовоюющей закону ума и духа. Когда же воедино совокупятся они Духом, став единовидными, тогда непосредственно и существенно познают Божеское и человеческое, как оно есть по естеству, и значение их ясно созерцают, и единую причину всяческих, Троицу, сколько возможно, чисто зрят.

99) Безмолвствующий первое должен иметь следующие пять добродетелей как основание, на коем устроять и делания свои: молчание, воздержание, бдение, смирение и терпение; деланий же богоугодных три: псалмопение, молитва и чтение, – и рукоделие, если немоществует. Сказанные добродетели не только объемлют прочие все, но и входят в состав одна другой. – С утра надлежит, упраздняясь от всего, пребывать в памяти Божией молитвою и сердечным безмолвием, и – первый час терпеливо молиться; потом второй – читать; третий – петь; четвертый – молиться; пятый – читать; шестой – петь; седьмой – молиться; восьмой – читать; девятый – петь; десятый – вкусить пищи; одиннадцатый – отдохнуть, если имеется нужда; двенадцатый – петь вечерню. Так, добре проходя поприще дня, угождает он Богу.

100) От всех добродетелей подобает, подобно пчеле, собирать полезнейшее, и таким образом всех помалу причащаясь, уготовлять великий склад делания добродетелей, из коих образуется мед премудрости на обрадование душе.

101) Послушай, если желаешь, и как удобнее проходить нощное поприще. Бдение нощное бывает трех родов: новоначальных, средних и совершенных. Первый таков: половину ночи спать и половину бодрствовать, – или с вечера до полуночи, или с полуночи до утра. Второй таков: бодрствовать с вечера час один или два, потом поспать часа четыре и вставать на утреню, – петь и молиться часов шесть до утра; затем петь первый час и сидеть безмолвствуя, как выше показано, – и или соблюдать чин деланий определенных на каждый час, или держать непрестанную молитву без перерыва. Третий состоит во всенощном стоянии и бдении.

102) Теперь скажем и о пище. Литры (около фунта) хлеба достаточно для всякого, подвизающегося в безмолвии; пить две чаши вина нерастворенного, а воды – три; и из брашен, какие случатся, съедать, не сколько похотливо взыскует естество, но воздержанно употреблять подаемое Промыслом. Лучшее же и кратчайшее руководительное для хотящих жить, как следует, правило есть – соблюдать следующие три всеобъемлющие делания добродетелей: пост, бдение и молитву, коими подается надежнейшая твердость всем добродетелям.

103) Для безмолвия прежде всего требуется вера и терпение и, от всего сердца, крепости и силы, любовь и надежда. Верующий, если здесь и не получит искомого по нерадению ли, или по другой какой причине, но во исходе отсюда всячески невозможно ему не принять удостоверения о плоде веры и подвигов и не узреть свободы, яже о Христе Иисусе, Который есть душ наших искупление и спасение, вочеловечившийся Бог Слово. А *неверующий* всеконечно осужден будет во исходе. Он впрочем уже *осужден есть,* как говорит Господь (Мк. 16, 16). Ибо порабощенный сластям и славы от человеков ищущий, а не от Бога, неверен есть, говорит (Ин. 5, 44). Хотя на словах и верным кажется таковой, но он сам себя обманывает, не видя того. Ибо услышать имеет: «так как ты не принял Меня в сердце свое, но отверг Меня за хребет свой; то и Я отвергну тебя». Верному же благонадежну быть подобает и веровать истине Божией, свидетельствуемой во всех Писаниях, исповедуя свою немощь, чтоб не подпасть осуждению сугубому и неизвинимому.

104) Ничто так не делает сердца сокрушенным и души смиренною, как уединение разумное и молчание от всех. Ничто другое поистине так не расстроивает состояния безмолвия и не лишает его божественной помощи, как следующие главные страсти: дерзость, чревоугодие, многоглаголание и суетная забота, надмение и госпожа страстей самомнение. Кто охотно попускает себе с ними свыкаться, тот, с продолжением времени омрачаясь более и более, делается наконец совсем обуморенным. Впрочем, если он опомнится и с верою и рвением положит начало соблюдению должного, то опять улучит искомое, особенно если будет искать со смирением. Если же по нерадению хоть одна из сказанных страстей воцарится в нем, тогда и все полчище зол с пагубным неверием во главе, нападши на него, совершенно опустошат душу его, делающуюся от бесовских смятений и волнений другим некиим Вавилоном, так что *последняя его бывают горша первых* (Мф. 12, 45): он делается тогда яростным врагом и поносителем безмолвствующих, язык свой изощряя всегда против них, как бритву и как меч обоюдоострый.

105) Воды страстей, коими мутное и возмущенное море безмолвия наполняет душу, переплыть иначе нельзя, как на порожнем и легком корабле полного нестяжания и воздержания. Ибо от невоздержания и любовещия потоки страстей, потопив землю сердца и нанося на нее всякую гниль и грязь помыслов, мутят ум, омрачают сердце и отягчают тело, в душе и сердце производят нерадение, омрачение и обуморение, и лишают их свойственного им по естеству настроения и чувства.

106) Ничто так расслабленною, беспечною и немысленною не делает душу и ревностных подвижников, как самолюбие, сия кормилица страстей. Внушая предпочитать покой тела трудам о добродетели и предусмотрительным почитать благоразумием не отягчать себя делами произвольно, особенно удобными и небольшими потами по исполнению заповедей, оно обыкновенно отнимает у души охоту и ревность к прохождению поприща безмолвия и производит в ней сильное и непреодолимое разленение на дела.

107) Для разленившихся к исполнению заповедей и возжелавших изгнать мутное омрачение, нет лучшего и пригоднейшего врача, как нерассуждающее с верою во всем послушание. Оно есть живительное многосоставное врачевство добродетелей для тех, кои пьют его, и нож, за раз очищающий язвины ран. Предпочетший в вере и простоте действовать сим ножом паче всех других, за раз отсек все страсти и в безмолвие не только доспел, но чрез послушание и совершил его вполне, обретши Христа, и подражателем Его и рабом соделавшись и именуясь.

108) Без делания и жительства плача невозможно претерпеть вара безмолвия. Плачущий и помышляющий об ужасах, предшествующих смерти и последующих за нею, прежде чем они самым делом наступят, не может не иметь терпения и смирения, – кои суть два основания безмолвия. А без них вступивший в безмолвие будет всегда совоспитанницею своему нерадению иметь самомнение, от коих размножаются пленения и парения, ввергающие нас в расслабление. Отсюда далее дщерь нерадения – невоздержание, тело делает вялым и бессильным, а ум омраченным и ожестелым. Тогда и Иисус скрывается, народу мыслей и помыслов сущу на умном месте.

109) Вкусить мучение совести здесь или в будущем не всех удел, а одних тех, кои погрешают против веры и любви. Она, держа меч ревности и обличения обнаженным, без жалости мучит повинных. Кто противится греху и плоти, того она утешает; а кто подчиняется им, тех мучение ее преследует, пока не покаются. И если не покаются, мучение переходит с ними в другую жизнь и там продлится вовеки (перифраз, сокращенно).

110) Из всех страстей две особенно жестоки и тяжки: блуд и уныние, т. е. леность, – когда они овладевают душою и расслабляют ее. Они тесную имеют одна с другою связь и сочетание; от того с ними трудно бороться и их преодолевать, совсем же победить для нас и невозможно. Первая обилует в вожделетельной силе души, но объемлет обе части есте-

ственного нашего состава, – и душу и тело, разливая сласть свою по всем членам. Вторая, держа владычественный ум, охватывает, как плющ, всю душу и плоть, и все естество наше делает ленивым, расслабленным, как бы параличом разбитым. Отгоняются они, хотя прежде блаженного бесстрастия не побеждаются вконец, когда душа в молитве получает силу Духа Святого, которая, подав ей отраду, крепость и глубокий мир, обвеселяет ее в сердце успокоением от тиранства их. Та (блудная страсть) – начало, госпожа и царица сластей, преимущая сласть сластей, и спутница ее леность, наводящая тристатов фараоновых, суть непобедимая колесница. Чрез них привзошли к нам бедным в жизнь все страсти.

111) Начало умной молитвы есть очистительное действо или сила Духа Святого и таинственное священнодействие ума, как начало безмолвия – упразднение от всего, или беспопечение; средина – просветительная сила (Духа) и созерцание, а конец – исступление, или восторжение ума к Богу.

112) Святилище духовное есть, – прежде будущего паче ума наслаждения, – умное ума действо таинственно на жертвеннике душевном и священнодействующего, и причащающегося Агнца, в обручение Божие. Вкушать же Агнца на мысленном жертвеннике души есть не разуметь только Его или причаститься, но быть, как Агнец, по образу Его в будущем. Здесь мы имеем только словеса, а там уповаем получить самые предметы таинств.

113) Молитва в новоначальных есть, как огнь веселия, из сердца исторгающийся; а в совершенных, как свет благоухающий, внутрь его действующий. Или опять: молитва есть проповедь апостолов, действо веры, лучше же, вера непосредственная, основание упования, оживление любви, ангельское движение, сила бесплотных, дело и веселие их, Евангелие Божие, извещение сердца, надежда спасения, знамение освящения, символ святости, познание Бога, обнаружение крещения, или очищения в бане пакибытия, обручение Духа Святого, Иисусово радование, веселие души, милость Божия, знамение примирения, печать Христова, луч мысленного солнца, денница сердец, утверждение христианства, показание примирения Божия, благодать Божия, премудрость Божия, лучше же, начало самопремудрости, Божие явление, дело иноков, жительство безмолвствующих, причина безмолвия, признак ангельского жительства. И что много говорить? Молитва есть Бог, действующий все во всех, так как едино есть действо Отца и Сына и Святого Духа, вседействующего о Христе Иисусе.

114) Если бы Моисей не получил от Бога жезла силы, то не соделался бы богом фараону и не казнил бы его и Египта. Так и ум, если не будет иметь в руке силу молитвы, то не возможет сокрушить грех и противные силы.

115) Говорящие или делающие что-либо без смирения подобны строящему храмину зимою или без цемента. Опытом, разумом обрести и познать смирение есть достояние (очень) весьма немногих. Словом о нем разглагольствующие подобны измеривающим бездну. Мы же, слепые, мало нечто о сем великом свете гадающие, говорим: смирение истинное ни слов смиренных не говорит, ни видов смиренных не принимает, не нудит себя смиренно о себе мудрствовать и не поносит себя, смиряяся. Хотя все такое начатки суть, проявления и разные виды смирения, но само оно есть благодать и дар свыше. Два есть смирения, как говорят свв. отцы: почитать себя низшим всех и Богу приписывать добрые дела свои. Первое есть начало, второе конец. Тем, кои взыскивают его, предлагается иметь с разумом следующие три в себе помышления: что они грешнее всех людей, что они срамнее всех тварей, как сущие в состоянии неестественном, что они окаяннее бесов, как рабы бесов. Смиряющемуся так говорить надлежит: есть ли на свете грешники, коих грехи, не говорю, превосходили бы, но хоть равнялись бы моим? – Нет, душа моя; мы с тобою хуже всех людей, мы – земля и пепел под ногами их. – И как мне не считать себя срамнейшим всех тварей, когда они держат себя по чину естества своего, тогда как по бесчисленным беззакониям своим я стал ниже естества? Поистине звери и скоты чище меня грешного; почему я ниже всех, как

до ада низвергший себя и как во аде лежащий еще прежде смерти. – Кто же не ведает и не чувствует, что грешник хуже и бесов, как раб их и подданный, уже от зде с ними во тьму кромешнюю заключенный? Воистину хуже бесов обладаемый ими; и потому с ними наследую я бездну, окаяннейший. В преисподней, в аде и бездне прежде смерти обитающий, как в самопрельщении дерзаешь называть себя праведным, сделав себя злыми делами грешником непотребным и бесом? Горе прельщению и заблуждению твоему, бесный, пес нечистый, за сие в огнь и тьму осуждаемый!

116) Духодвижная премудрость есть, по рассуждению богословов, сила умной, чистой и ангельской молитвы, коей признаком служит, если во время молитвы ум видится безвидным и ни себя, ни другого чего не представляющим даже на мгновение, будучи и от чувств отвлекаем действующим в нем светом. Ибо тогда ум делается отрешенным от всего вещественного и световидным, неизреченно во един дух с Богом сочетаваясь.

117) Есть семь разных деланий и расположений, вводящих и руководящих к этому богоданному смирению, кои взаимно входят в состав друг друга и друг от друга происходят: молчание, смиренное о себе думание, смиренное говорение, смиренное одеяние, самоуничижение, сокрушение и последность (иметь себя во всем последним). Молчание с разумом рождает смиренное о себе думание. От смиренного же о себе думания рождаются три вида смирения: смиренное говорение, смиренных и бедных одеяний ношение и самоуничижение. Сии же три вида рождают сокрушение, бывающее от попущения искушений и именуемое промыслительным обучением и от бесов смирением. Сокрушение же легко делом заставляет душу чувствовать себя сущею ниже всех и всех последнейшею, яко всеми превосходимою. Два же сии вида приносят совершенное и богодарное смирение, которое именуется силою и совершенством всех добродетелей: – и оно-то Богу приписывает добрые дела. Итак первое из всех руководств к смирению есть молчание, из которого рождается смиренное о себе думание; а это рождает три вида смирения. Три эти рождают один – сокрушение; а сокрушение рождает седьмой вид смирения – почитание себя низшим всех, которое называется промыслительным смирением. Промыслительное же смирение приносит благодарное, совершенное, непритворное, истинное смирение. Первое из этих (промыслительное) так приходит: когда человек, будучи оставлен самому себе, побежден бывает, порабощен и возгосподствован всякою страстию и помыслом, тогда, будучи побеждаем духом (вражеским) и не находя помощи ни от дел, ни от Бога и ни от чего совсем, и готов будучи пасть даже в отчаяние, смиряется он во всем, сокрушается, низшим всех себя имеет, последнейшим и рабом всех, худшим даже самых бесов, как их тиранству подлежащий и ими побеждаемый. Вот это и есть промыслительное смирение, в силу которого от Бога дается второе, высшее, которое есть Божественная сила, вседейственная и всетворная. Его ради видя себя органом божественной силы, человек ею совершает дивные Божии дела.

118) Существенное света созерцание духовное, ум немечтательный и непарительный, действо молитвы истинное, из глубины сердца непрестанно потоком исторгающееся, души воскресение и горе воспростертие, божественное ужасание и в духе исступление всецелое, и богодвижное ангельское души возбуждение обрести невозможно в нашем роде, потому что ныне в нас, по множеству искушений, господствует тиранство страстей. Уму обычно о всем таком мечтать прежде времени, так как это легкое занятие; но за это он иногда теряет и малое доброе устроение, которое дано ему Богом. Почему со многим рассуждением надлежит не искать прежде времени, что бывает в свое время, и отбрасывая то, что в руках, мечтать об ином чем. Уму естественно о вышереченном строить легкие фантазии и воображения, хотя еще не достиг того. Потому не мал страх, чтоб не лишился таковой и того, что дано, и не потерял разума, впадши в прелесть, как ставший мечтателем вместо безмолвника.

119) Благодать – не вера только есть, но и действенная молитва. Ибо она в явности показывает истинную веру, имеющую живот Иисусов, производима будучи духом посред-

ством любви. Потому вера мертва и безжизненна у того, кто не видит ее в себе действующею. Даже и верным да не именуется тот, кто верует только голым словом, а не имеет веры, действующей любовию или Духом. Таким образом надлежит показывать ее в явности посредством успехов в делании добрых дел, или иметь ее действующею в свете и сияющею в делах, как говорит божественный Апостол: *покажи мне веру твою от дел твоих, и аз тебе покажу от дел моих веру мою* (Иак. 2, 18), – показывая сим, что вера благодатная обнаруживается делами по заповедям, как и заповеди делом исполняются и светлы бывают верою, которая во благодати. Вера есть корень заповедей, или лучше, источник, напаяющий их к произращению. Она разделяется надвое, – на исповедание и благодать, пребывая однако же нераздельною естеством.

120) Малая и великая (длинная и короткая) лествица послушническая имеет пять степеней, возводящих к совершенству: первая отречение (от мира), вторая – подчинение (вступление в обитель с обетом исполнять уставы монашеские), третья – послушание (подчинение на деле, в жизни), четвертая – смирение, пятая – любовь, которая есть Бог. – Отречение от ада возводит лежащего и порабощенного освобождает от вещества. Подчинение обретает Христа и Ему служит, по слову Его: *аще кто Мне служит, Мне да последует: и идеже есмь Аз, ту и слуга Мой будет* (Ин. 12, 16). Христос же где? – На небесах, сидит одесную Отца. Там должно быть и служащему, где Тот, Кому он служит: сие да помнит полагающий ногу на первую ступень восхождения по указанной лествице. Послушание, действуя всецело по заповедям, устрояет лествицу из разных добродетелей, и их, как восхождения, располагает в душе. Высокотворное смирение, приняв послушливого с такой лествицы, возводит его горе к небесам, предает царице добродетелей – любви, и ко Христу подводя, представляет Ему. Так по короткой лествице удобно восходит на небеса послушливый.

121) Горе, в царские божественные чертоги нет другого кратчайшего пути восхождения малою лествицею добродетелей, как умерщвление пяти противных послушанию страстей, именно: преслушания, прекословия, самоугодия, оправдания и пагубного высокого о себе мнения. Это суть члены и части непокоривого беса, поглощающего лживых послушников и отсылающего их в бездну к змию: преслушание – уста ада, прекословие – язык его, яко меч острый, самоугодие – зубы его изощренные, оправдание – гортань его, высокое о себе, препровождающее в ад мнение – отрыгание всепоглощающего чрева его. Но кто препобеждает первое послушанием, тот и прочее за раз отсекает, и на небеса быстро востекает одною степенью. Чудо же воистину непостижимое и неизреченное сотворил наш человеколюбивый Господь, что одною добродетелью, или лучше, одною заповедью можно немедленно восходить на небеса, как одним преслушанием низошли мы и нисходим в ад.

122) Как иной некий мир, второй и новый человек есть и именуется, по божественному Апостолу, сказавшему: *аще кто во Христе, нова тварь* (2 Кор. 5, 17). К тому же, так как, по слову Апостола, *брань наша несть к крови и плоти, но к началом и ко властем тмы века сего, к поднебесным духовом злобы князя воздушнаго* (Еф. 6, 12), то, сообразно с сим надо полагать, что воюющие с нами скрытно находятся в другом великом мире, по природе одинаковом с природою наших душевных сил. Ибо против трех сил души три князя злобы, борясь с подвижниками, делают нападения, и в чем кто ни преуспеет и над чем ни трудится, в том и борим бывает ими. При сем дракон, князь бездны, восстает войною против внимающих сердцу, как имеющий *крепость на чреслах похотных* (Иов. 40, 11); чрез любосластного исполина забвения пущает он на них палительные тучи разжженных стрел, как иное море, взволновывает в них похоть, воспеняет и разжигает ее, и к смешению их возбуждает, наводняя потоками сластей ненасытных. Князь мира сего нападает на проходящих деятельные добродетели, как заведывающий войною против раздражительной части; чрез исполина лености окружает он их всякими чарами страстей и борется с ними, всегда мужественно противоборствующими ему, – побеждает и побеждаем бывает, и соделовается чрез то винов-

ником для них или венцов, или стыда пред лицом Ангелов. Князь воздушный находит на упражняющихся в мысленном созерцании, фантазии им представляя, как имеющий поручение действовать на словесную и мысленную часть вместе с воздушными духами злобы; чрез исполина неведения приводит он в смятение горе вчиняющуюся мысль, омрачает ее и страх на нее наводит, внося в нее фантастические туманные образы духов и их преобразования, и призрачно производя молнии и громы, бури и трески. Так каждый из трех князей, приражаясь к соответственным силам души, ведут против нее войну, и против какой части определен кто стоять, против той и нападки свои направляет.

123) Были и они некогда умами; но отпадши от оного безвещественности и тонкости, вещественную некую дебелость стяжал каждый из них, отелесяясь по чину и действу, коим окачествился действенно. Ибо так как и они, подобно человеку, ангельскую потеряв сласть (ангельский вкус или ангельский рай сладости), лишились божественного наслаждения, то в персти и они, как мы, стали находить наслаждение, вещественными некако соделавшись к вещественным страстям навыкновениями. И дивиться сему нечего, когда и наша, по образу Божию созданная, разумная и мысленная душа, знать Бога не захотевши, сделалась скотскою, бесчувственною и чуть не безумною по причине наслаждений вещественным. Ибо навык обыкновенно претворяет природу и изменяет действо ее сообразно с произволением.

124) Восстание страстей и брань плотская, возбуждающаяся против души, пяти видов бывает в нас. Иногда плоть злоупотребляет сущим, иногда взыскивает делать неестественное как естественное, иногда вооружаема бывает против души от бесов, яко сладце содружившаяся с ними; бывает, что душа и сама по себе бесчинствует, как окачествовшаяся страстию сею; бывает, наконец, брань и от бесов, по попущению восстающих на нас смирения ради нас, когда они всеми указанными способами не успеют соблазнить.

125) Главных же причин сей брани три, от всех и от всего нам прилучающейся: привычка, злоупотребление сущим и, по попущению, зависть и брань бесов. Восстание и похотствование плоти на душу и души на плоть, то же и по навыку и по действу суть, что восстание страстей плоти на душу и доблестное борение души против плоти. И сам супостат наш иной раз внезапно и без причины, как стыда не знающий, с дерзостию поднимает против нас брань.

Не давай же, друже мой, пьявице кровелюбивой сосать кровь из артерий, потому что она ненасытна, – ни змию и дракону не попускай досыта наедаться перстию; и удобно победишь гордыню льва и змия. Воздыхай, пока, совлекшись дольнего, не облечешься в вышнее жительство и не преобразишься по образу создавшего тебя Иисуса Христа.

126) Воистину, совершенно плоть сущие и самолюбие лобызающие всегда работают сластолюбию и тщеславию; в них и зависть укоренена. – Иссыхая от злорадства и огорчаясь благоуспешностию ближнего, оклеветывают они доброе, как худое, как сущее порождение прелести, не приемлют, *яже суть Духа,* или и не веруют в то, ни Бога уведать и познать по маловерию своему не могут такие по ослеплению своему и маловерию, там справедливо услышат: *не вем вас* (Мф. 25, 12).

127) Истинный любомудрец есть тот, кто от существующих вещей познал Творца их и от Творца уразумел сущее и божественное, – не научением только познал, но и испытал. Или: совершенный любомудрец тот, кто преуспел в нравственном, естественном и богословском любомудрии, паче же в боголюбии.

128) Которые без духа пишут и говорят и Церковь назидать хотят, душевны суть, как *Духа не имеющие* (Иуд. 19). Они подходят под клятву, которая гласит: *горе, иже мудри в себе самих и пред собою разумни* (Ис. 5, 21). Ибо от себя говорят, а не *Дух Божий есть, в них глаголяй,* как определил Господь (Мф. 10, 20). Которые же от своих помыслов говорят прежде стяжания чистоты, те прельщены духом самомнения. Об этом и притча говорит: *видех мужа непщевавша себе мудра быти, упование же имать безумный паче его* (Притч. 26, 12). И то:

не бывайте мудри о себе (Рим. 12, 16), премудрость нам заповедует. И сам, исполненный Духа, божественный Апостол исповедует, говоря: *не бо довольни есмы от себе помыслити что, яко от себе, но довольство наше от Бога* (2 Кор. 3, 5); и еще: *но яко от Бога, пред Богом о Христе глаголем* (там же, 12, 19). Словеса таковых не сладостны и не просветительны: ибо они говорят их, не заимствуя из живого источника Духа, но из сердца своего, как некоего тинного озера, питающего пьявиц, змий и жаб похотей, кичения и невоздержания, и вода ведения их смрадна, мутна и теплохладна, от которой пиющие отвращаются, испытывая головокружение, мерзение и тошноту.

129) Говорит божественный Апостол: *тело Христово мы есмы и уди от части* (1 Кор. 12, 27); и опять: *едино тело, един дух есте* (Еф. 4, 4). Как тело без духа мертво и бесчувственно, так и умертвившийся страстьми чрез небрежение о заповедях по крещении бывает бездействен, как непросвещаемый Святым Духом и благодатию Христовою: ибо хотя он имеет Духа по вере и возрождению, но Он в нем бездействен и недвижим по душевной мертвости. Душа у нас одна, и членов тела много, но она все их держит, животворит и движит, – те однако ж, которые способны принимать жизнь, те же, которые по какой-либо случайной немощи иссохли, как мертвые и неподвижные, хотя держит в себе, но безжизненными и бесчувственными. Так и Дух Христов, весь во всех членах Христовых пребывая, те из них, кои могут быть причастны жизни, движит и животворит; но и те, кои неспособны к сему по немощности, человеколюбно удерживает, как собственные. Таким образом всякий верный, хотя по вере причастен сыноположения духовного, бывает однако ж бездействен и непросвещен по причине нерадения и неверия, лишаясь света и жизни Иисусовой: так что, хотя всякий верный, как член Христов, имеет Духа Христова, но иной остается бездейственным и недвижимым, как неспособный к причастию благодати.

130) Утверждаем, что есть восемь главных предметов созерцания: первый – Бог, невидимый и безвидный, безначальный и несозданный, причина всего сущего, Троичное единое и пресущественное Божество; второе – чин и стояние умных сил; третий – составление видимых вещей; четвертый – домостроительное снисшествие Слова; пятый – всеобщее Воскресение; шестой – страшное Второе Христово пришествие; седьмой – вечная мука; восьмой – Царствие Небесное. Четыре первые – прошедшие и совершившиеся, а четыре последние – будущие и еще не проявившиеся, ясно однако ж созерцаемые и признаваемые стяжавшими благодатию полную чистоту ума. Приступающий же к сему без света благодати да ведает, что он строит фантазии, а не созерцания имеет, мечтательным духом будучи опутываем фантазиями и мечтающий.

131) Вот и о прелести необходимо сказать по возможности, так как она для многих, по множеству и разнообразию ее козней и осечений, неудобораспознаваема и почти непостижима. Прелесть, говорят, в двух видах является, или лучше, находит, – в виде мечтаний и воздействий, хотя в одной гордости имеет начало свое и причину. Первая бывает началом второй, а вторая началом третьей еще – в виде исступления. Началом мнимого созерцания фантастического служит мнение (притязательное на всезнайство), которое научает мечтательно представлять божество в какой-нибудь образной форме, за чем следует прелесть, вводящая в заблуждение мечтаниями и порождающая хуление, а далее наделяющая душу страхованиями и наяву, и во сне. Ибо за возгордением следует прелесть (от мечтаний), за прелестию – хуление, за хулением – страхование, за страхованием – трепет, за трепетом – исступление из ума. Таков первый образ прелести от мечтаний. Второй образ прелести в виде воздействий бывает вот каков: начало свое имеет она в сладострастии, рождающемся от естественного похотения. От сласти сей рождается неудержимость несказанных нечистот. Распаляя все естество и омрачив ум сочетанием с мечтаемыми идолами, она приводит его в исступление опьянением от палительного действа своего и делает помешанным. В сем состоянии прельщенный берется пророчествовать, дает ложные предсказания, предъ-

являет, будто видит некоторых святых, и передает слова, будто ими ему сказанные, опьянен будучи неистовством страсти, изменившись нравом и по виду став, как бесноватый. Таковых миряне, духом прелести водимые, называют психариями (душица, душонка), кои приседят и пребывают при храмах святых некиих, ими будучи одуховляемы, воздействуемы и мучимы, и от них людям возвещая откровения; но их следует прямо называть бесноватыми, прельщенными и заблудшими, а не пророками, предсказывающими и настоящее и будущее. Бес непотребства, омрачив их ум сладострастным огнем, сводит их с ума, мечтательно представляя им некоторых святых, давая слышать слова их и видеть лица. Но бывает, что бесы эти сами являются и смущают их страхованиями: подчинив их игу велиара, они против воли толкают их на грехи делом, как преданных им рабов, имея потом проводить их в ад.

132) Ведать подобает, что прелесть три главных причины имеет, по коим находит: гордость, зависть бесов и наказательное попущение. Этих же причины суть: гордости – суетное легкомыслие (или тщеславие), зависти – преспеяние, наказательного попущения – греховная жизнь. Прелесть от зависти и гордого самомнения скорее получает исцеление, особенно если кто смирится. Но прелесть наказательная, – предание сатане за грех, – часто попущает Бог Своим оставлением даже до смерти. Бывает, что и неповинные для спасения предаются на мучительство (бесов). Ведать подобает, что и сам дух гордостного самомнения дает предсказания иногда в тех, кои не тщательно внимают сердцу.

133) Все благочестивые цари и иереи истинно помазуются в новой благодати, как прообразовательно помазываемы были тогда и древние. Ибо те были прообразы для нашей истины, не отчасти, но все всех нас предзнаменовали. Означает же оно, что помазуемый, чистый и бесстрастный, всецело посвящается Богу и ныне, и в будущем.

134) Тот *устами своими возглаголет премудрость и в поучении сердца своего разум* (Пс. 48, 4), кто ясно покажет из сущих дел Бога Слова, ипостасную премудрость Бога и Отца.

135) Великая противоборница истины и в пагубу вводительница человеков есть ныне прелесть, чрез которую в душах нерадивцев воцарился мрак неведения, отчуждающий их от Бога. – Три есть страсти (главнейшие ее порождения): неверие, лукавство и разленение, кои одна другую рождают и взаимно друг друга поддерживают. Неверие есть учительница лукавства, а лукавство спутница разленения, которое ведет к совершенной лености. Или наоборот – разленение есть родительница лукавства, как сказал Господь: *рабе лукавый и ленивый* (Мф. 25, 26), а лукавство – мать неверия: ибо всякий лукавый неверен, неверующий же небогобоязнен. От небогобоязненности рождается разленение – матерь презорства (или небрежности), от коего нерадят о всяком добре и всякое худо соделовают.

136) Истинное Боговедение и неложное познание вещей составляет совершенное православное догматическое учение. Почему мы должны так славословить Бога: Слава Тебе, Христе Боже наш, слава Тебе, что Ты благоволил ради нас вочеловечитися, Бог сый пресущный. Велико таинство Твоего домостроительства! Спасе наш, слава Тебе!

137) По Максиму Великому, есть три разных цели, с какими даровитые мужи пишут сочинения безукоризненные и непринудительные: первая себе на память; вторая – другим на пользу; третья – по послушанию. С последнею целию составлено много писаний для тех, кои смиренно ищут слова истины. Кто же пишет из человекоугодия, для славы и показности, тот теряет мзду свою и никакой от того пользы не получит ни здесь, ни в будущем веке, но и осудится как человекоугодник и лукавый браконьер Слова Божия.

Святого Григория Синаита
Наставления безмолвствующим

1) Как сидеть в келии

Сидя в келии своей, терпеливо пребывай в молитве в исполнении заповеди апостола Павла (Рим. 12, 12; Кол. 4, 2). Собери ум свой в сердце и оттуда мысленным воплем призывай на помощь Господа Иисуса, говоря: *Господи Иисусе Христе, помилуй мя!* Не поддавайся малодушию и разленению, но поболи сердцем и потруди себя телом, ища Господа в сердце. Всячески понуждай себя на делание сие: ибо *Царствие Божие есть достояние нудящих себя, и сии нуждницы восхищают его* (Мф. 11, 12), как сказал Господь, показывая, что взыскание его требует чувствительных трудов и подвигов.

2) Как произносить молитву

Из отцов одни говорили, что надо произносить полную молитву: *Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя,* или: *Господи Иисусе Христе, помилуй мя,* или, что надо переменять и говорить то полно, то сокращенно. Не должно однако ж часто переменять слова молитвы, поблажая лености, но с пожданием в показание терпения. – Еще – одни учат устно произносить молитву, а другие – мысленно умом. Я же то и другое полагаю. Ибо иногда ум изнемогает произносить молитву сам по себе, от уныния, иногда уста утомляются делать это. Потому обоими надо молиться, и устами и умом. Однако ж тихо и без смятения надо взывать к Господу, чтобы глас не расстроил внимания ума и не пресек молитвы, пока ум навыкнет деланию сему и прияв силу от Духа, станет крепко молиться сам в себе. Тогда не будет нужды произносить молитву устно, да и невозможно, – потому что достигший сего довольствуется вполне умным деланием молитвы и не имеет желания отставать от нее.

3) Как держать ум

Знай, что никто не может сам собою удержать ума, если не будет он удержан Духом: ибо он неудержим, не по естеству, как приснодвижный, но потому что, по нерадению, усвойствовал себе кружение или скитание туда и сюда, изначала навыкнув сему. Когда чрез преступление заповедей Возродившего нас (в крещении) отделились мы от Бога, тогда потеряли единение с Ним и погубили в чувстве умное Его чувство. Поползнувшийся таким образом ум и отдалившийся от Бога всюду водится, как пленник. И невозможно ему установиться иначе, как если повинется Богу и с Ним соединится, часто и терпеливо станет молиться Ему и каждый день умно исповедоваться Ему, в чем погрешает, Который тотчас и прощает все в смирении и сокрушении просящим прощения и святое имя Его всегда призывающим. Когда в силу такого молитвенного труда водворится в сердце действо молитвы, тогда она станет удерживать при себе ум, веселить и до пленения не допускать. Бывает впрочем и после сего парение мыслей, которые вполне покоряются только совершенным в Духе Святом, о Христе Иисусе достигшим непарительного состояния.

4) Как отгонять помыслы

Из новоначальных никто никогда не отгоняет помысла, если Бог не отгонит его. Только сильным свойственно бороться с ними и прогонять их. Но и они не сами собою отгоняют их, а с Богом воздвигаются на брань с ними, как облеченные во всеоружие Его. Ты же, когда приходят помыслы, призывай Господа Иисуса часто и терпеливо, и они отбегут: ибо, не терпя сердечной теплоты, молитвою подаемой, они, как огнем палимые, отбегают. Иисусовым именем, говорит Лествичник, бичуй супостатов: ибо Бог наш есть огнь, поядаяй злобу. Скорый на помощь Господь вскоре сотворит отмщение вседушно вопиющих к Нему день и ночь. – Не имеющий же действа молитвы иным образом побеждает их, подражая Моисею. Ибо когда он восстанет и на небо простреть руки и очи свои (Исх. 17, 11), Бог прогоняет их. Потом опять садится и начинает молитву с терпением. – Вот какой способ употребляет еще не стяжавший действа молитвы. Но и имеющий действо молитвы при движении телесных страстей, – разленении, говорю, и блуда, – страстей лютых и тяжких, часто вставая, простирает руки в помощь против них. Однако ж прелести ради не долго сие творит и опять садится, чтобы враг не обольстил ума его, показав какой-либо призрак. Ибо иметь ум, даже безопасный от падения и горе, и долу, и в сердце, и всюду, безопасным от вреда свойственно одним чистым и совершенным.

5) Как петь псалмы

Одни говорят, что надо петь часто, другие – что не часто, а третьи, что совсем не нужно. Ты же ни часто не пой, во избежание смятения, ни совсем не оставляй пения во избежание расслабления и нерадения, но подражай поющим нечасто; ибо мерность во всем прекрасна, по словам немудрых мудрецов. Много петь хорошо для проходящих деятельную жизнь по причине неведения ими мысленных занятий и по причине труда, а не для безмолвствующих, для коих довлеет в Боге Едином пребывать, моляся в сердце и от помышлений удерживаясь. Ибо безмолвие, по св. Лествичнику, есть отложение помышлений о вещах и чувственных и мысленных. К тому же, истощив всю силу свою на многопение, ум не силен уже будет крепко и терпеливо пребывать в молитве. Ночью, говорит также Лествичник, больше времени отдавай молитве, а пению меньше. – Так и ты должен поступать. Когда в сидении своем видишь, что молитва действует и не перестает двигаться в сердце твоем, никогда не оставляй ее, чтоб встать на пение, пока она сама не оставит тебя по смотрению. Ибо иначе ты, оставя Бога внутри, вне стоя будешь обращать к Нему беседу, от высшего к низшему переходя. К тому же и смуту произведешь этим в уме, извлекши его из его мирного отишия. Безмолвие, по имени своему, и делания у себя заводит такие, чтоб в мире и тишине совершать их. Ибо Бог наш есть мир, превыше всякой молвы и шума сущий.

Надлежит, по образу жизни нашей, ангельскому быть и пению нашему, а не плотскому. Гласное пение есть указание на вопль умный внутри, и дано нам на случай разленения и одебеления нашего, чтоб возводить нас в должное поистине настроение. Тем, кои не знают молитвы (не испытали ее силы и действа), которая, по св. Иоанну Лествичнику, есть источник добродетелей, напояющий, как произрастения, душевные силы наши, подобает много петь, без меры петь, всегда быть занятым разными деланиями и никогда не знать покоя от них, пока от многого притрудного действования вступят в состояние созерцания, обретши умную молитву, действующую внутри них. – Иное есть делание безмолвия, и иное общежития; каждый же, пребывая в том, к чему призван, спасется. Почему боюсь писать, немощных ради, зная, что ты вращаешься среди таковых. Кто по слуху или учению трудится в молитве, всуе трудится, не имея руководящего. Вкусивший благодати должен умеренно петь, по сло-

вам отцов, больше же упражняться в молитве; а когда разленение нападет, пусть поет или читает деятельные главы отеческие. Корабль не имеет нужды в веслах, когда ветер надувает паруса, потому что тогда ветер дает ему достаточное веяние к легкому преплытию сланого моря страстей; а когда ветер спадет и корабль остановится, тогда надо приводить его в движение веслами или ладьею.

Некоторые в виде возражения указывают на свв. отцов, которые совершали всенощные стояния, все время проводя в псалмопении. На это скажем, что не все одним путем шествовали и одного правила держались до конца. Многие от деятельной жизни переходили к созерцанию, и перестав от дел, воссубботствовали по духовному закону и о Боге Едином веселились, насыщаемы будучи божественною сладостию, по благодати не попущавшею им петь или о другом чем помышлять, и всегда в изумлении пребывали, как достигшие конца желаний, хотя отчасти. Другие же до конца деятельную проводили жизнь и спасение улучили, почив в чаянии приять воздаяние в будущем. Некоторые в смерти получали удостоверение в спасении или по смерти издавали благоухание в показание сего; – это те, которые сохранили благодать крещения, но, по причине пленения или неведения ума, не вкусили ощутимого, хотя таинственного общения с нею, пока жили. Иные то и другое благоискусно совершают, т. е. пение и молитву, и так проводят жизнь, богатую имея благодать, как приснодвижную, и ни в чем не встречая препон. Другие до конца наипаче безмолвие держали, несмотря на то, что были простецами, и единые с Единым Богом соединившись, в единой молитве полное почерпали довольство. Совершенные все могут о укрепляющем их Христе Иисусе, – Коему слава во веки веков. Аминь.

6) Как пищу принимать

Что сказать об утробе, царице страстей? Если можешь умертвить ее или полумертвою сделать, не давай ослабы. Одолела она меня, возлюбленне, и я служу ей как раб и данник. Она содейственница бесов и обиталище страстей. Чрез нее бывает падение наше и чрез нее восстание, когда она благочинствует. Чрез нее потеряли мы и первое и второе божественное достоинство. Ибо после растления, древле бывшего, мы обновлены во Христе; но се ныне опять отпали мы от Бога чрез пренебрежение заповедей, кои сохраняют и возращают благодать в преуспеянии, хотя не сознавая сего, возносимся, мняся с Богом быти.

В деле питания телесного большое бывает различие, как сказали отцы: иному мало, а другому много требуется для поддержания естественных сил своих, и каждый удовлетворяется пищею по силам своим и навыку. Но безмолвствующий всегда должен быть голодующим, не давая себе пищи досыта. Ибо когда стомах отягчен бывает и ум чрез то помутится, тогда не может человек творить молитву крепко и чисто; но под действием испарения от многих брашен клонимый ко сну вожделевает поскорее лечь соснуть, – от чего бесчисленные мечтания во сне наполняют ум.

Итак, желающему спасение улучить и нудящему себя Господа ради жить безмолвно, хлеба, как полагаю, достаточно литры (три четверти фунта), воды или вина в день три или четыре чаши и прочих снедей, какие случаются, вкусить понемногу, не допуская себя до насыщения, чтоб таким мудрым употреблением пищи, т. е. вкушением от всех снедей, с одной стороны избегнуть кичения, с другой не показать гнушения Божиими творениями, зело добрыми, за все благодаря Бога. Таково рассуждение благоразумных! Немощным же в вере воздержание от снедей более полезно и Апостол таковым повелел *зелие ясти* (Рим. 14, 2), так как они не веруют, что Бог сохранит их.

Что же тебе сказать? Ты попросил правила, а оно обычно тяжело, особенно тебе старому. Юнейшие не могут удерживать всегда вес и меру, а ты как удержишь это? Тебе надо свободно действовать в приятии пищи. Когда будешь побеждаем, раскаивайся, зазрев себя, –

и новые употребляй усилия. И не переставай так поступать всегда, падая и восставая и при этом себя одного укоряя, а не другого кого, – и будешь иметь покой, премудро падениями стяжавая себе победу; однако ж не преступай предела, который мы положили впереди, – и довлеет ти: ибо не укрепляют столько тела прочие снеди, как хлеб и вода. Почему пророк, другое все ни во что считая, сказал только: *сыне человечь! яждь весом хлеб твой и воду мерою пий* (Иез. 4, 9 и т. д.).

Три предела имеет пищи вкушение: воздержание, доволь и сытость. Воздержание есть алкать немного и поевши; доволь – ни алкать, ни отягощаться; сытость – отягощаться немного. А по насыщении и еще вкушать дверь есть чревобесия, коею входит блуд. Ты же, зная сие наверное, по силе своей избирай себе лучшее, не преступая пределов: ибо совершенным свойственно и то, чтоб, по Апостолу, *и насыщаться и алкать, и во всем мощным быть* (Флп. 4, 12, 13).

7) О прелести, – и о других предметах

Смотри, я хочу дать тебе точное ведение о прелести, чтоб ты берегся от нее и, по неведению, не причинил себе большего вреда и не погубил души своей. Ибо самовластие человеческое легко склоняется на сторону врагов, особенно у неопытных, как ими неутомимее преследуемых. Близ и около новоначальных и самочинных бесы обыкновенно распростирают сети помыслов и пагубных мечтаний и уготовляют рвы падений: так как град их находится еще под властию варваров. И нечего дивиться, если кто из них заблудился, или выступил из ума, или принял и принимает прелесть, или видит что чуждое истины, или говорит что неподобающее по неопытности и неведению. Часто иной, разглагольствуя об истине от невежества своего, говорит одно вместо другого, не умея сказать правильно, как дело есть, и тем приводит в ужас слушающих, а на безмолвников наводит поношение и смех неразумным своим действованием. В том, что новоначальные ошибаются и после многих трудов, ничего нет дивного: так случалось со многими, Бога ищущими и ныне, и в прежние времена.

Память Божия, или умная молитва, выше всех деланий; она есть глава и добродетелей, как любовь Божия. Но бесстыдно и дерзостно желающий внити к Богу и исповедать Его чисто и нудящийся стяжать Его в себе удобно умерщвляем бывает от бесов, если попущено им будет сие. Ибо дерзко и самонадеянно взыскав того, что не соответствует его состоянию, в гордости нудится он прежде времени достигнуть того. Господь, милосердый к нам, видя, как скоры мы на высокое, часто не попускает нам впасть в искушение, чтоб каждый, сознав свое высокоумие, сам собою обратился к настоящему действованию прежде, чем сделается поношением и посмехом для бесов и плачем для людей; особенно когда кто взыскивает сего дивного дела с терпением и смирением, с послушанием и вопрошением опытных, чтоб вместо пшеницы не пожать куколь, горечи вместо сладости, и вместо спасения не найти пагубы. Ибо сильным и совершенным принадлежит бороться всегда с бесами одним и на них непрестанно обращать меч духовный, *иже есть глагол Божий* (Еф. 6, 17); немощные же и новоначальные пользуются, как твердынею, бегством, с благоговением и страхом отказываясь от противоборства и не дерзая прежде времени вступать в него, и таким образом избегают смерти.

Ты же, если добре безмолвствуешь, чая с Богом быть, никогда не принимай, если что увидишь чувственное или духовное, вне или внутри, хотя бы то был образ Христа, или Ангела, или святого какого, или бы свет мечтался и печатлелся в уме. Ум и сам по себе естественную имеет силу мечтать и может легко строить призрачные образы того, что вожделевает, у тех, кои не внимают сему опасно и таким образом сами себе причиняют вред. Так же и память о добрых и худых вещах обыкновенно вдруг печатлеет в уме образы их и вводит его в мечтание. Тогда испытывающий сие бывает уже мечтателем, а не безмолвником. Потому

внимай, да не поверишь чему-либо, увлекшись тем, хотя бы то было что-нибудь хорошее, прежде вопрошения опытных и полного исследования дела, чтоб не потерпеть вреда; но будь всегда недоволен сим, храня ум бесцветным, безвидным и безобразным. Часто и то, что было послано Богом к испытанию для венца, во вред обращалось многим. Господь наш хощет испытать наше самовластие, куда оно клонится. Но узревший что-либо мысленно или чувственно и приемлющий то без вопрошения опытных, легко, – хотя то и от Бога есть, – прельщается или имеет прельститься, как скорый на приятие помыслов. Сего ради новоначальному надлежит внимать сердечному действу, как незаблудному, все же прочее не принимать до времени умирения от страстей. Бог не негодует на того, кто тщательно внимает себе, если он из опасения прельщения не приимет того, что от Него есть, без вопрошения и должного испытания, но паче похваляет его как мудрого, хотя на некоторых и негодовал.

Впрочем, не всех вопрошать надо, но одного того, кому и других управление вверено, кто жизнию блистает и кто, будучи беден, многих богатит, по Писанию (2 Кор. 6, 10). Многие неопытные повредили многим неразумным, за коих суд приимут по смерти. Ибо не всем принадлежит руководить и других, но тем, коим дано Божественное рассуждение, по Апостолу (1 Кор. 12, 10), именно рассуждение духов, отличающее лучшее от худшего мечом слова. Каждый имеет свой разум и свое рассуждение естественное, деятельное или научное, но не все имеют рассуждение духовное. Почему премудрый Сирах и говорит: *мирствующие с тобою да будут мнози: советницы же твои един от тысящ* (6, 6). Немал же труд найти руководителя незаблудного ни в делах, ни в словах, ни в разумениях. Незаблуден ли кто, узревается из того, если он имеет свидетельство от Писания и на деяние и на разумение, смиренномудрствуя в том, о чем должно мудрствовать. Ибо немалый труд постигнуть истину явно и чисту быть от того, что противно благодати; потому что диавол обычай имеет, особенно для новоначальных, представлять под видом истины прелесть свою, преображая лукавое свое в духовное.

По сей причине тщащийся достигнуть чистой молитвы в безмолвии должен шествовать к сему в трепете великом, с плачем и испрашиванием руководства у опытных, непрестанно слезы проливая о грехах своих в скорбном сокрушении и боязливом опасении, как бы не попасть в ад или не отпасть от Бога и отлучену быть от Него ныне или в будущем. Ибо диавол, когда увидит кого, в плаче живущего, то не замедляет там, боясь смирения, порождаемого плачем. Если же кто мечтает достигнуть высокого с самомнением, не истинное, а сатанинское имея желание, то такого удобно опутывает он сетями своими как раба своего. Почему величайшее есть оружие держать себя в молитве и плаче, чтобы от молитвенной радости не впасть в самомнение, но сохранить себя невредимым, избрав радостопечалие. Ибо чуждая прелести молитва есть теплота с молитвою к Иисусу, ввергающему огнь в землю сердца нашего, – теплота, попаляющая страсти, как терния, вселяющая в душу веселие и тишину и приходящая не с десной и не шуей стороны или свыше, но в сердце источающаяся, как источник воды от Животворящего Духа. Сию единую в сердце своей возжелай обрести и стяжать, блюдя ум свой немечтательным и обнаженным от разумений и помыслов, – и не бойся. Ибо рекши: *дерзайте: Аз есмь, не бойтеся* (Мф. 14, 27), Сей Самый с нами есть, – нами искомый и нам всегда покровительствующий; и мы не должны бояться или воздыхать, Бога призывая.

Если же некоторые совратились, повредившись в уме, то знай, что они пострадали это от самочиния и гордости. Ибо в послушании с вопрошением и смиренномудрием ищущий Бога никогда не потерпит вреда благодатию Христа, всем человекам спастися хотящего. Если же и случается с таким искушение, то это бывает для испытания и увенчания, и сопровождается скорою помощию от Бога, попускающего сие, имиже вести судьбами. Ибо кто право живет и безукоризненно обращается со всеми, удаляясь от человекоугодия и высокоумия, тому, хотя бы и бесчисленные против него поднял искушения весь бесовский полк,

это не повредит, как говорят отцы. Которые же самонадеянно и самовольно действуют, эти и вреду удобно подвергаются. Почему безмолвствующий должен всегда держать царский путь. Ибо излишество во всем сопровождается обычно самомнением, а за этим последует прелесть.

Три добродетели должно точно соблюдать в безмолвии и каждый час испытывать, всегда ли пребываем мы в них, чтоб, как-нибудь быв окрадены забвением, не стали мы шагать вне их. Они суть следующие: воздержание, молчание и самоуничижение, т. е. смирение. Они одна другую поддерживают и хранят; молитва от них рождается и возрастает непрестанно.

Начало действа благодати в молитве различно обнаруживается, так как по Апостолу, и разделение Духа бывает разнообразно, по *Своей Ему воли* (1 Кор. 12, 4). В некоторых приходит дух страха, разрушающий горы страстей и сокрушающий камни, – жестокие сердца, – такой страх, что от него плоть как бы гвоздьми пригвождается и мертвою становится.

В других же является потрясение, или обрадование, которое взыгранием назвали отцы. В иных наконец, и преимущественно в преуспевших в молитве, Бог производит веяние тонкое и мирное, когда Христос вселится в сердце (Еф. 3, 17), и таинственно воссияет в духе. Посему Бог говорил Илии на горе Хоривской (3 Цар. 19, 12), что не в этом и не в том Господь, – не в частных действах новоначальных, – но в тонком веянии света, показав совершенство молитвы.

8) *Вопрос:* Что делать, когда бес преобразуется в ангела света и прельщает человека?

Ответ: Для этого человек имеет нужду в большой рассудительности, чтоб добре распознавать различие добра и зла. Итак не увлекайся скоро по легкомыслию тем, что представляется, но будь тяжел (нескородвижен) и с большим испытанием доброе принимай, а худое отвергай. Всегда должен ты испытывать и рассматривать, а потом верить. Ведай, что действа благодати явны, и бес, хотя преобразуется, подавать их не может, именно – ни кротости, ни приветливости, ни смирения, ни ненавидения мира, ни пресечения похоти и страсти, – кои суть действа благодати. Бесовские же действа суть – надмение, высокоумие, устрашение и всякое зло. По таким действиям можешь распознать, от Бога ли воссиявший в душе твоей свет, или от сатаны. Фридакс видом похож на горчицу, и уксус цветом похож на вино; но при вкушении их гортань распознает и определяет различие каждой из сих вещей. Так и душа, если имеет рассуждение, умным чувством может распознавать дары Духа Святого и призрачные мечтания сатаны.

Его же
О безмолвии и молитве

2) Как надлежит творить молитву

С утра понудь ум свой сойти из головы в сердце и держи его в нем, и непрестанно взывай умно и душевно: *Господи Иисусе Христе, помилуй мя!* пока утомишься. Утомившись же, переведи ум на вторую половину и говори: *Иисусе, Сыне Божий, помилуй мя!* Многократно проговорив сие воззвание, переходи опять на первую половину. Но часто по лености не должен ты переменять сии воззвания; потому что, как растения не укореняются, если часто их пересаживать, так и молитвенные движения в сердце при частой перемене слов молитвенных.

Когда увидишь возникновение и приступание помыслов, не засматривайся на них, хотя бы они и не были худы; но держа неисходно ум в сердце, взывай к Господу Иисусу, и скоро прогонишь помыслы и наводителей их бесов отгонишь, опаляя их и бичуя невидимо божественным именем сим. Так учит Лествичник, говоря: именем Иисуса бичуй супостатов, ибо против них нет более сильного оружия, как это, ни на земле, ни на небе.

3) Внимать себе должно и памятовать Бога

Исаия отшельник говорит: «держи ум неудержимый, развеваемый вражескою силою, которая по нерадению нашему после Крещения опять возвратилась в леностную душу с другими духами злейшими, как говорит Господь, и *последняя его сделала горша первых* (Мф. 12, 45)». – Другой некто учит: «Монах должен иметь память Божию вместо дыхания»; или, – как говорит иной: «должен иметь любовь Божию предваряющею дыхание». – Св. Лествичник внушает: «Иисусова память да соединится с дыханием твоим, – и тогда познаешь пользу безмолвия». – Апостол Павел уверяет, что *ктому не он живет, но живет в нем Христос,* действуя и Божественную жизнь вдыхая (Гал. 2, 2). Также и Господь говорит: *Дух, идеже хощет, дышет* (Ин. 3, 20), взяв пример от дуновений чувственного ветра. – Быв очищены (в крещении), мы прияли обручение Духа, возвращающего и обожающего причастных Его. Но как мы вознерадели о заповедях, кои суть блюстители благодати, то опять впали в страсти и, вместо дыхания Духа Святого, – исполнились ветром злых духов, от коих всякое у нас настроение. Сохранивший же Духа и от Него очищение стяжавший разгорячается Им и вдохновляется Божественною жизнию и затем Им говорит, Им умствует и Им движется, по слову Господню: *не вы бо будете глаголющии, но Дух Отца вашего глаголяй в вас* (Мф. 10, 20). Равным образом и имеющий противного Ему духа и им овладенный противное делает и говорит.

4) Как петь подобает безмолвникам

«Утомившийся, говорит Лествичник, пусть встав помолится, и седши опять, пусть мужественно берется за прежнее делание» (Сл. 27, 23). Хотя он сказал это об умном делании – т. е. что так должно делать, когда кто достигнет хранения сердца; но не неприлично сказать то же и о псалмопении. – Варсонофий Великий, будучи вопрошен о пении, именно, как должно петь, отвечал: «часы и песни суть церковные предания, и добре даны для соглашения (собирающихся на молитву). Скитяне же ни часов не поют, ни песней не имеют, но

рукоделие, наедине поручение (умную молитву) и помалу небольшое молитвословие» (Отв. 74). Стоя же на молитве, должен ты говорить: *Трисвятое и – Отче наш,* и попросить Бога об избавлении от ветхого человека. Долго однако ж медлить на сем молитвословии не следует; но ум твой весь день должен быть в молитве. Сими словами старец показал, что наедине поучение есть умная или сердечная молитва; а помалу молитва есть стояние на псалмопении. То же говорит и великий Иоанн Лествичник: дело безмолвия есть беспопечение о всем, молитва без лености, т. е. псалмопение, и третье – делание сердца некрадомое» (Сл. 27, 46). Это есть седалище молитвы и вместе безмолвия.

5) – 9) *Вопрос:* Откуда это – различие, что одни учат много петь, другие – мало, третьи – совсем не петь?

Ответ: Разрешение сего вопроса таково. Которые деятельною жизнию, чрез многие труды и в долгие годы обрели действо благодати, те как сами научились сему, так и других учат. Они не верят тем, кои говорят о себе, что по милости Божией достигли сего в короткое время теплою верою, как говорит св. Исаак, и порицают таковых, будучи окрадаемы неведением и самомнением, и других уверяют, что если что бывает иначе, чем у них, то оно прелесть есть, а не действо благодати. Не ведают они, *яко удобно есть пред очима Господнима внезапу обогатити нищаго* (Сир. 11, 21). Укоряет и Апостол тогдашних учеников, яко неведующих благодати, говоря: *или не знаете себе, яко Иисус Христос в вас есть?разве точию чим неискусни есте* (2 Кор. 13, 5), – т. е. – за леность вашу не преуспеятельны. Почему таковые и дивных свойств молитвы, действом Духа Святого производимых в некиих, не приемлют (не признают за истинные) по причине неверия и высокомудрия.

6) Скажи мне, так сидящий, если кто постится, воздерживается, бдение совершает, стоит на псалмопении, поклоны творит, плачет, не стяжательствует, не есть ли это делание? (Но мы признаем все сие необходимым для безмолвствующего). Как же ты думаешь и говоришь, будто мы предлагаем преуспеть в молитве без деятельной жизни? – Не это мы утверждаем, а то, что кроме деятельной жизни требуется еще и умная деятельность, без коей невозможно успеть в молитве. – Теперь послушай. Если кто устами творит молитву, а ум его кружится, какая польза? Когда один созидает, а другой разоряет, ничего из этого, только труды (Сир. 34, 23). Но как телом кто делает, так должен делать и умом, чтоб телесно не казаться праведным, а в сердце быть исполненным всякой неправды и нечистоты. Сие и Апостол утверждает, говоря: *аще молюся языком,* т. е. устами, *дух мой,* или глас мой, *молится, а ум мой без плода есть. Помолюся убо духом, помолюся же и умом.* И: *хощу пять словес умом моим глаголати, нежели тмы словес языком* (1 Кор. 14, 14, 15, 19). Свидетель же, что он об этом (об умной молитве) говорит, св. Лествичник, который говорит в слове о молитве (пункт 21): «великий великой и совершенной молитвы делатель говорит: *хощу пять словес умом моим глаголати* и прочее». Деланий много, но они частны; сердечная же молитва велика и всеобъемлюща, как источник добродетелей, по Лествичнику (пункт 1 – о молитве), потому что ею стяжевается всякое благо. – Св. Максим говорит: «нет ничего страшнее помышления о смерти и велелепнее памяти о Боге», показывая превосходство сего дела. Некоторые же в нынешнее время даже слышать не хотят, есть ли благодать, будучи, по великому нечувствию и невежеству, ослеплены и маловерны.

7) Которые поют не много, хорошо, думаю, делают, честь воздавая умеренности (ибо мера во всем прекрасна), чтобы, истощив всю силу душевную на деятельный труд псалмопения, ум не оказался малоусердным к молитве, не находя в себе сил для нее, но чтоб, немного поя псалмы, большую часть времени проводить в молитве. С другой стороны, когда ум стужит частым мысленным вопиянием и непрестанным водружением внимания его в молитву,

справедливо давать ему некое отдохновение, отпуская его в простор псалмопения из утеснения в безмолвной молитве. Это прекрасный чин, это учение мужей премудрых.

8) Добре также творят и те, кои совсем не держат псалмопения, если они преуспевают. Таковые не имеют и нужды в псалмопении, но должны пребывать в молчании, непрестанной молитве и созерцании, если достигли просвещения. Ибо они с Богом соединены и не должны отторгать ум свой от Него и ввергать его в смущение (или в толпу помыслов). Св. Лествичник говорит, что «для послушника (живущего в братстве) падение есть своей воли следование, а для безмолвника молитвы оставление или пресечение». Ибо ум таковых прелюбы творит, когда отступает от памяти Божией, как от жениха, и с любовию емлется за другие последнейшие вещи.

Научить других сему чину не всех возможно. Послушливых простецов и неграмотных – да; потому что послушание ради смирения ко всякой добродетели способно. Непослушливым же, простецы ли они или ученые, не преподается сия наука, чтоб не впали в прелесть; ибо самочинный не может избежать самомнения, которому обычно сопутствует прелесть, как говорит св. Исаак. Некоторые же, не помышляя об имеющем быть вреде, всякого прилучающегося учат своими усилиями держать память Божию для того, чтобы ум навык сей памяти и возлюбил ее, что невозможно, особенно для привыкших жить по своему чину. Ибо так как ум их нечист по причине нерадения и высокомудрия и не предочищен слезами, то они узревают паче срамные образы помыслов, нежели молитву, между тем как гнездящиеся в сердце их духи нечистые, будучи тревожимы страшным именем (Божиим), скрежещут, желая погубить уязвляющего их. Почему если самочинник услышит или из книг узнает о делании сем и возжелает держать его, то одно из двух постраждет: или, если нудить себя будет, впадет в прелесть и останется неисцельным, или, если нерадеть будет, во всю жизнь останется безуспешным.

9) Скажу и я, как мало нечто из опыта познавший. Когда сидишь в безмолвии днем и ночью, непрерывно моляся Богу без помыслов в смирении, и ум твой изнеможет от взывания, возболезнует тело и сердце от сильного водружения непрестанного призывания Иисуса, не чувствуя между тем теплоты или возвеселения, от коих рождается и коими поддерживается ревность и терпение подвижника: тогда встав стань и пой псалмы, один или с учеником, который с тобою, или займись размышлением о каком-либо слове Писания (и вообще богомыслием); или в память о смерти погрузись; или возьми рукоделие какое; или чтению внемли, стоя паче, чтоб утрудить тело. – Когда стоишь на псалмопении один, читай *Трисвятое,* потом твори молитву душевно или умно, причем ум да внимает сердцу. Если належит уныние, читай псалмы, два или три, и тропари умиленные, негласно: ибо таковые гласно не поют, как говорит Лествичник. Довольно для них сердечного болезнования о благочестии, как сказал Марк, и теплоты духовной, к обрадованию и возвеселению их даруемой. После псалма твори молитву умно или душевно, без парения, – и *Аллилуия.* – Таков чин свв. отцов Варсонофия и Диадоха и прочих. Псалмы, как говорит Василий Божественный, переменять надо каждый день, для раздражения чрез то усердия и для того, чтоб ум, поя всегда одно и то же, не терял сладости от пения. Надо давать уму свободу, и он еще паче укрепится в ревности и усердии. – Если же с учеником верным стоишь на пении, он пусть читает псалмы, а ты, сердцу тайно внимая и молясь, блюди себя. Все же помышления, чувственные или мысленные, из сердца исходящие, презирай с содействием молитвы. Ибо безмолвие есть отложение помышлений, кои не от Духа и не суть божественнейши, чтоб, внимая им как добрым, не потерять большего.

10) О прелести

Тщательно и разумно внимай, любитель Божий. Когда, делая свое дело, увидишь свет или огнь вне или внутри, или лик какой, – Христа, например, – или Ангела, или другого кого, не принимай того, чтоб не потерпеть вреда. И сам от себя не строй воображений, и которые сами строятся, не внимай тем и уму не позволяй напечатлевать их в себе. Ибо все сие, совне будучи печатлеемо и воображаемо, служит к прельщению души. – Истинное начало молитвы есть сердечная теплота, попаляющая страсти, отраду и радость вселяющая в сердце непоколебимым возлюблением, и утверждающая сердце несомненным удостоверением. Все, приходящее в душу, говорят отцы, чувственное ли то, или духовное, коль скоро сомневается в нем сердце, не приемля его, не от Бога есть, но послано от врага. Когда также увидишь ум свой вовне или в высоту влекомым от некоей невидимой силы, не верь сему и не попускай уму влекому быть, но тотчас понудь его на дело его. – Что от Бога, то само собою приходит, говорит св. Исаак, тогда как ты и времени того не знаешь. Хотя и враг внутрь чресл покушается призрачно представлять духовное, одно предлагая вместо другого, вместо теплоты наводя жжение нестройное, вместо веселия радость возбуждая бессловесную и сласть мокротную, и успевает укрывать себя за сими прельщениями от неопытных, но время, опыт и чувство обыкновенно обнаруживают его пред теми, коим не безызвестны его злые козни. *Гортань брашна различает,* говорит Писание. Так и вкус духовный все ясно показывает, как оно есть, не подвергаясь прельщению.

11) О чтении

Св. Лествичник говорит: «будучи делателем (деятельную проходя жизнь), прочитывай делательные писания отцов; ибо если ты чтомое будешь обращать в дело, то чтение прочего будет для тебя излишне» (Сл. 27, – 78). – Всегда читай о безмолвии и молитве, именно – у св. Лествичника, у св. Исаака, у св. Максима, у Нового Богослова и ученика его Стифата, у Исихия, у Филофея Синайского и у прочих, писавших о сем же. – Прочие же писания оставь до времени, не как нетерпимые, а как в это время не соответствующие цели твоей (навыкновению молитве): ибо предметы, коих они касаются, могут отвлекать ум твой от молитвы. Да будет чтение твое наедине и негласное, чтоб не пришло искушение похвастать пред собою или голосом, или изяществом произношения, или не вообразить себя сущим в собрании и всех пленяющих своим искусством чтения. Да не будет чтение твое ненасытно: ибо во всем самое лучшее есть – мера: не слишком скоро, не слишком лениво или небрежно, но благоговейно, внимательно и разумно. Ум, укрепляясь душеполезным чтением, приемлет силу крепко молиться. Чтение же беспорядочное омрачает ум и расслабляет, и негодным делает к молитве.

12) Обращай внимание и на намерение воли, присматривая, куда оно клонится: по Богу ли, для самого ли добра и ради пользы душевной сидишь ты на безмолвии, поешь псалмы, читаешь молитвы или другое что доброе делаешь, да не окраден будешь, не замечая того, и да не окажешься по схиме делателем Божиим, а по сердцу человеком, а не Богу угодить желающим. Ибо много козней у лукавого и втайне зорко он смотрит за склонением нашего произволения, всячески ища окрасть дело наше неведомо для нас, чтоб не по Богу было то, что делается. – Но хотя он неослабно ратует и бесстыдно приступает, но ты, имея твердое намерение Единому Богу угождать, не часто будешь окрадываем им, пусть склонение воли твоей будет нудимо им влаяться и колебаться нехотя. И пусть иной по немощи и побеждаем бывает против воли, но скоро прощается и похваляется от Ведущего намерения наши и сердца. – Страсть эта, разумею тщеславие, не дает монаху преуспеть в добродетели, так

что он труды терпит, а под конец оказывается бесплодным. – И оно ко всем трем подкрадается и обнажает их от плода трудов добродетельных, – и к новоначальному, и к среднему, и к совершенному.

13) Вот еще что говорю, узнав то из опыта: монах никак не может преуспевать без следующих добродетелей: поста, воздержания, бдения, терпения, мужества, безмолвия, молитвы, молчания, плача, смирения, – кои одна другую рождают и одна другую хранят. Непрестанный пост, иссушая похотение, рождает воздержание; воздержание – бдение; бдение – терпение; терпение – мужество; мужество – безмолвие; безмолвие – молитву; молитва – молчание; молчание – плач; плач – смирение; смирение наоборот – плач, и так далее, восходя обратно, найдешь, как дочери рождают матерей.

14) Надлежит здесь и болезненные труды сего подвига исчислить по порядку и ясно показать, как должно проходить каждое делание, чтобы иной, не безболезненно шествуя по слуху путем сим и не получив плода, не обвинил нас или другого кого, что на деле не так есть, как мы сказали. Ибо болезнование сердечное и труд телесный обыкновенно делают дело, как оно есть по истине. Чрез них обнаруживается действо Духа Святого, которое в крещении дается всякому верующему, но по причине нерадения о заповедях погребается страстьми и по неизреченной милости ожидает покаяния нашего, чтоб в конце за бесплодие наше не услышать нам: *возмите от него талант,* и следующее: *иже аще не имать* (плода), *и еже мнится имея, возмется от него* (Мф. 25, 28; Лк. 8, 18), и не быть посланными в ад на вечное мучение в геенне. Всякое делание телесное и духовное, не имеющее болезнования или труда, никогда не приносит плода проходящему его; потому что *с нуждею восприемлется Царствие Небесное,* говорит Господь, *и нуждницы восхищают е* (Мф. 11, 12). Под нуждностию разумей приболезненное во всем чувство телесное. Многие много лет делали или делают безболезненно, и поелику не приболезненно поднимали и подъемлют труды, то оказывались и оказываются чуждыми чистоты и непричастными Духа Святого, по причине не понесения лютости болезненных трудов. Ибо небрежно и разлененно делающие много, кажется, трудятся, но никогда не собирают плодов по причине безболезненности, будучи глубоко бесчувственны. Свидетель сему тот, кто говорит: «хотя бы мы все великие подвиги жительства нашего имели, но если не стяжали приболезненного сердца, все они поддельны и попорчены» (Леств. сл. 7, 64). То же свидетельствует и св. Ефрем, говоря: «трудяся трудися приболезненно, чтоб избежать болезненности суетных трудов. Ибо если, по пророку, чресла наши не истощатся от труда пощения, если не схватят нас болезни, как рождающую младенца, то не зачнем мы духа спасения на земле сердца» (Ис. 21, 3). Но только долголетием, пребыванием в бесплодной пустыне и леностным безмолвием хвалимся, мняся ради сего быти нечто. Во время исхода все познаем несомненно, каков плод жизни нашей.

15) Невозможно кому-либо самому научится художеству добродетелей, хотя некоторые пользовались своим опытом, как учителем. Ибо самому по себе, а не по совету преуспевших действовать – самомнение наводит, или лучше, порождает. Если Сын ничего от Себя не творит, но как научил Его Отец, тако творит – (Ин. 5, 19, 20), и Дух глаголати имать не от Себя (Ин. 16, 13): то кто помыслить может, что достиг такой высоты добродетели, на коей не имеет нужды в чьем-либо тайноводстве? Безумие паче нежели добродетель имеющим кажется таковой в самопрельщении. Почему слушаться надлежит тех, кои опытно изведали болезни и труды деятельной добродетели, и под их руководством проходить ее, т. е. пост алкательный, воздержание несладостное, бдение терпеливое, коленопреклонение утомительное, стояние неподвижное, молитву непрестанную, смирение непритворное, сокрушение и воздыхание постоянное, молчание мудрое и во всем терпение. *Труды добродетелей твоих снеси,* говорит Писание (Пс. 127, 2); и еще: *нудящихся есть Царствие Небесное* (Мф. 11, 12). Кто всеусильно тщится каждодневно совершать сказанные делания, тот с Богом соберет и плоды от них в свое их время.

Никифор Уединенник

Краткое о нем сведение (из греч. Добротолюбия)

Никифор преподобнейший отец наш, поприще своих аскетических подвигов совершивший на Святой Горе Афонской, скончался немного прежде 1340 года. Он был наставником и руководителем в изучении высшего любомудрия аскетического для Григория Солунского (Паламы), как тот сам об этом негде свидетельствует. В беспопечительном безмолвии себе единому внимая и в себе неизреченно соединившись с премирным Богом, блаженное в сердце своем восприял он просвещение благодати. Сам богато вкусив сего божественного дара, и нас отечески руководит к тому настоящим своим свитком, в коем, собрав из писаний и житий святых отцов места о трезвении, внимании и молитве, а в конце приложив и от своего опыта совет, всех приглашает путем умносердечной молитвы восходить к преискреннейшему общению с Господом.

Никифора Уединенника
Слово о трезвении и хранении сердца многополезное

Вы, которые желаете улучить благолепное божественное просвещение Спасителя нашего Иисуса Христа, – которые ищете восприять сердечно в чувстве пренебесный огнь, – которые тщитеся ощутить опытом и чувством примирение с Богом, – которые для того, чтобы обрести сокровище, сокрытое на поле сердец ваших, и стяжать его, оставили все мирское, – которые желаете, чтоб душевные свещи ваши еще отныне светло засветились, и для того отреклись от всего настоящего, – которые хощете сознательно и опытно Царствие Небесное сущим внутрь вас познать и приять, – придите, и я повем вам науку вечного небесного жития или лучше метод, без труда и пота вводящий действующего по нему в пристань бесстрастия и избавляющий его от страха прелести или падения от козней бесовских. Такой страх уместен только тогда, когда мы вращаемся вне той жизни, какой я намерен вас научить, далече негде от нее по преслушанию. Ибо тогда и с нами бывает то же, что с Адамом, который, подружившись со змием, презрел Заповедь Божию и, доверившись ему, вкусил от запрещенного плода и прелестию от него насытился до пресыщения: чем жалости достойно низверг себя и всех потомков своих в глубину смерти, тьмы и тления.

Возвратимся же, братия, к себе самим, с отвращением возненавидев совет змия и всякое долу пресмыкание: ибо нам иначе невозможно с Богом примириться и сродниться, если прежде не возвратимся к себе самим насколько сие в нашей силе или не войдем в себя самих, отторгая себя, – что удивления достойно, – от мирского кружения и суетной многозаботливости и привыкая неотступно внимать сущему внутрь нас Царствию Небесному.

Потому-то монашеское житие и названо искусством искусств и наукою наук, что преподобное сие житие виновно для нас не каких-либо подобно здешним вещам тленных благ, чтоб к ним от лучшего направив ум, похоронять его в них, но обещает нам дивные некие и неизреченные блага, каких *око не видало, о коих ухо не слыхало, кои и на сердце человеку не всходили* (1 Кор. 2, 9). Отсего и *брань у нас не к плоти и крови, но к началом и властем и к миродержателям тмы века сего* (Еф. 6, 12).

Если убо настоящий век тьма есть, убежим от него, убежим же настроением ума и сердца. Ничего общего у нас с врагом Божиим да не будет: ибо *хотящий другом ему быть враг Божий бывает* (Иак. 14, 4). Врагу же Божию кто помочь может? Почему восподражаем отцам нашим, и подобно им взыщем сущее внутрь сердец наших сокровище и, обретши, крепко держать будем его, делая и храня: на что и с самого начала мы учинены. Если же явится другой какой Никодим и станет спорить, говоря: как может кто, в сердце свое вошедши, там делать и пребывать? Как тот говорил Спасителю: *како может кто в утробу матере своея второе внити и родитися стар сый* (Ин. 3, 4), то да слышит и сей, что *Дух идеже хощет дышет* (8). – И если мы в событиях деятельной жизни такое обнаруживаем сомнение по неверию, то как войти нам в таинства жизни созерцательной? Ибо восход к созерцанию есть деятельная жизнь.

Но, как без письменных доказательств до такой степени неверующему убедиться нельзя; то давайте вставим в сие слово наше на пользу многим черты из житий святых и письменно изложенные ими суждения в подтверждение сказанной истины, чтоб всякий, убеждаясь тем, отлагал всякое сомнение.

Начнем с первого отца нашего Антония Великого и потом по ряду проходя последующих, соберем, сколько сможем, деяния их и слова и предложим в уверение неверующих.

Из жития преподобного отца нашего Антония

Шли некогда к авве Антонию два брата, и когда вышла у них вся вода, один умер и другой близок был к тому же. Не имея сил идти, лежал и он на земле и ожидал смерти. В сие время Антоний, сидя на горе, позвал монахов, коим случилось быть у него, и сказал им: возьмите кувшин воды и бегите по дороге к Египту. Там из двоих, шедших сюда один уже умер и другой умрет, если не поспешите. Это увиделось мне, когда я молился. Прибыв на то место, монахи в самом деле нашли одного мертвым и похоронили его, а другого, оживив водою, привели к старцу. Расстояние было на день пути. – Если кто спросит, почему св. Антоний не послал прежде, чем умер тот; вопрос будет несправедлив. Присуждение смерти брату было не Антониево дело, а Божие, Который и о первом такой суд положил, и о втором открыл. Святому Антонию принадлежит только то дивное дело, что он, сидя на горе, имел сердце трезвящееся и сподобился того, что Господь открыл ему бывшее вдали от него. – Видишь, что св. Антоний, ради трезвения сердца, сделался Богозрителем и прозорливым. Ибо в сердце Бог является уму, сначала, по словам Иоанна Лествичника, как огнь, очищающий любителя своего, а потом как свет, просвещающий ум и боговидным его соделовающий.

Из жития Феодосия киновиарха

Святой Феодосий так был уязвлен сладкою стрелою любви и так крепко связан узами ее, что высшую сию и божественную заповедь: *возлюбиши Господа Бога твоего от всего сердца твоего, и от всея души твоея, и всею крепостию твоею и всем помышлением твоим* (Лк. 10, 27), исполнял самыми делами. А это не могло быть иначе, как при устремлении всех естественных сил души ни к чему иному, как только к единому вожделению Создателя. Таково и у него было умное делание, в силу которого он и, когда утешал, был страшен, и, когда делал выговоры, был для всех любезен и сладостен. Кто так, как он, и со многими беседуя, наиполезнейшим являлся? И вместе был доволен к тому, чтобы собирать чувства и устроять их к вовращению внутрь? Кто, как он, среди смятений такою наслаждался внутри тишиною, как иные, живя в пустыне? И кто одинаковым бывал и среди толпы, и в уединении? – Вот и великий сей Феодосий, поелику собирал чувства и вводил их внутрь, соделался уязвленным любовию к Создателю.

Из жития Арсения Великого

Дивный Арсений строго держался правила – ни писать ни к кому и ни от кого не получать писем и вообще почти совсем не говорить, не потому, чтоб не мог: как можно так думать о том, кто мог так же легко говорить красноречиво, как другим говорить просто? – Но по привычке больше молчать и во избежание тщеславия – показать себя. По сей же причине он и в собраниях церковных всячески старался так стать, чтоб других не видеть и самому не быть видну никому, и в толпу братий никогда не вмешивался, а укрывался от сего куда-нибудь. Так заботился он внимать себе и внутрь собранным держать ум свой, чтоб отсюда удобнее возноситься к Богу. Сей пример в наследие нам оставил божественный муж сей и земной ангел.

Из жития Павла Латрского

Сей божественный Павел все почти время проводил в горах и пустынях, соседями и сотрапезниками имея диких зверей, и разве когда сходил в Лавру для посещения братий, – коих он обычно учил не малодушествовать и не отставать от притрудных и приболезненных дел добродетели, но со всем вниманием и рассуждением евангельского держаться жительства и вседушно противоборствовать духам злобы. При этом он поведал им и метод, как могут они сделаться сильными – отучиться от прежних страстных расположений и отвращаться от новых насеяний страстей. Вот смотри, как сей отец божественный учит методу неведающих его питомцев своих, чтоб им могли они отвращать приражения страстей. Метод же этот не иной, как хранение ума: ибо его это дело (отражение прилогов), а не другого чего.

Из жития святого Саввы

Когда святой Савва замечал, что отрекшийся от мира точно изучил правила монашеского поведения, стал силен блюсти ум свой и бороться с помыслами сопротивных и совсем изгнал из мысли памятование о мирских вещах и делах: тогда, если он имел тело немощное и болезненное, давал ему келлию в Лавре, а если был здоров и силен телом, разрешал ему самому строить особую келлию. Видишь, как святой Савва паче всего требовал от учеников своих хранения ума и в особой келлии жить им позволял не иначе, как после навыка в сем делании. – Что делать нам, праздно сидящим в келлиях и даже не знающим, что это за хранение ума?

Из жития аввы Агафона

Брат спросил авву Агафона: скажи мне, авва, что больше – телесный труд или хранение сердца? Авва ответил ему: человек подобен дереву: телесный труд – листья, а хранение сердца – плод. Поелику же, по Писанию, *всякое древо, еже не творит плода добра, посекаемо бывает и во огнь вметаемо* (Мф. 3, 10), то очевидно, что мы должны все попечение иметь о плоде, т. е. о хранении ума. Впрочем, для нас потребно и лиственное прикрытие и благоукрашение, т. е. телесный труд. – Дивно, как сей святой порешил всех, не имеющих хранения ума и хвалящихся одною практикою добродетелей, сказав: всяко древо, не творящее плода, т. е. хранения ума, и листвие только имеющее, т. е. внешнюю исправную деятельность, посекается и во огнь вметается. Страшно твое, отче, определение!

Из послания аввы Марка к Николаю

«Если хочешь, чадо, стяжать внутрь себя собственный светильник мысленного света духовного ведения, чтоб возмог ты непреткновенно шествовать в глубокой ночи века сего и чтоб *от Господа исправлялись стопы твоя* (Пс. 36, 23), так как ты *зело восхотел* пути евангельского (Пс. 111, 1; 118, 30), т. е. того, чтобы с теплейшею верою и молитвою сделаться точным исполнителем заповедей Христовых; то показываю тебе дивный к тому метод или способ духовный, не нуждающийся в телесном труде, или подвиге, но требующий труда духовного – внимания ума и мысли, с содействием страха Божия и любви. Сим способом ты всегда удобно можешь обращать в бегство вражеские полчища» (в рус. пер. стр. 193–194). – «Итак, если хочешь одержать победу над страстьми, то, молитвою и содействием Божиим внутрь себя быв, сойди в глубь сердца и там проследи следующих трех сильных исполи-

нов, – разумею – забвение, разленение и неведение, сию опору мысленных иноплеменников, чрез коих прочие злые страсти, возвращаясь, действуют, живут и крепнут в душах сластолюбивых. Но ты, многим вниманием и настоянием ума с содействием свыше нашедши этих многим неведомых злых исполинов, легко уже потом, опять вниманием же и молитвою, возможешь избавиться от них. Тогда ревностию об истинном ведении, о памятовании слова Божия и о согласовании с тем благого произволения и жизни, при стоянии вниманием в сердце силою действенной благодати тщательно хранимом, самый след забвения, неведения и разленения истребится и исчезнет» (там же, стр. 295).

Святого Иоанна Лествичника

«Безмолвник тот, кто существо бестелесное – душу свою усиливается удерживать в пределах телесного дома. Подвиг редкий и дивный!» (27, 6). «Безмолвник тот, кто говорит: *аз сплю, а сердце мое бдит* (Песн. 5, 2). Затворяй дверь келлии для тела, дверь уст для бесед, а внутреннюю дверь души – для лукавых духов» (27, 17–18). «Сидя на высоте, наблюдай, если только знаешь это, и тогда увидишь, как и когда, откуда, сколь многие и какие тати хотят войти и украсть грозды винограда. Когда страж сей утрудится, то встает и молится; а потом опять садится и принимается за первое дело с новым мужеством» (27, 22, 23). «Иное дело хранение помыслов, а иное – блюдение ума; и *елико отстоят востоцы от запад* (Пс. 69, 2), столько последнее делание выше первого, хотя и несравненно труднее его» (26, 78). – «Как тати, видя, что в каком-либо месте лежат царские орудия, не как попало нападают: так и сочетавший молитву с сердцем не как попало окрадается мысленными татями».

Видишь ли глаголы, обнаруживающие дивное делание сего великого отца? Но мы, как во тьме ходящие, без внимания пропускаем сии душеспасительные вещания духа и, как произвольно глухие, не слышим их.

Аввы Исаии

«Когда кто отдалит себя от шуего, тогда познает верно и все грехи свои, какие наделал пред Богом: ибо не видит он грехов своих, если не отделится от них отделением горьким (с болезнованием сердца). Достигшие же в сию меру, – эти обрели плач и молитву, и то, чтоб стыдиться пред Богом, воспоминая о своем содружестве со страстьми» (Сл. 17, 21). «Станем же, братие, подвизаться по силе нашей, и Бог посодействует нам по множеству милости Своей. Если не сохранили мы сердец наших, как отцы наши, употребим усилие наше сохранить хоть тела, как требует Бог, безгрешными; и веруем, что Он во время глада, если такой постигнет нас, сотворит и с нами милость, как и со всеми святыми Его» (Сл. 21, 20).

Утешает здесь великий сей отец крайне немощных, говоря: если не сохранили мы сердец наших, как отцы наши, хоть тела наши соблюдем безгрешными, как требует Бог, – и Он сотворит с нами милость. – Велико благоутробие сего отца и снисхождение!

Макария Великого

«Главнейшее дело подвижника в том состоит, чтоб, вошедши в сердце свое, сотворить там брань с сатаною и возненавидеть его, и противоборствуя помыслам его, воевать с ним. Если же кто по видимости сохранит тело свое от растления и блуда, внутрь же любодействует пред Богом, блудничая в помыслах, то иметь тело девственным никакой нет пользы. Ибо написано: *всяк, иже воззрит на жену, ко еже вожделети ея, уже любодействова с нею*

в сердце своем (Мф. 5, 28). Есть блуд, телом совершаемый, и есть блуд души, с сатаною общащейся».

По-видимому великий отец сей противоречит прежде приведенным словам аввы Исаии. Но на деле этого нет. Ибо и тот внушает нам хранить тела наши, как Бог требует; Бог же требует не телесной только чистоты, но и духовной, как предлагается сие в Евангельских заповедях.

Диадоха

«Всегда пребывающий в сердце своем далек от всех красных жизни сей вещей и, ходя духом, похотей плотских изведывать не может. Поелику таким образом таковой шествие свое совершает в ограждении себя добродетелями, сии самые добродетели имея как бы привратными стражами своего града чистоты, то все козни бесов против него остаются безуспешными» (Гл. 57).

Хорошо сказал святой, что безуспешными остаются козни врагов, когда т. е. мы во глубине негде сердец наших пребываем, и это тем более, чем более там мы закосневаем.

Исаака Сирианина

«Постарайся войти во внутреннюю сокровищницу свою, и узришь сокровищницу небесную. Ибо и то и это одно суть; и одним входом видишь ты их обеих. Лествица в Царствие оное внутрь тебя сокрыта, т. е. в душе твоей. Омой себя от греха и найдешь там степени восхождения, по коим можешь взойти в него».

Карпафского Иоанна

«Много подвига и труда требуется в молитвах, чтоб достигнуть невозмутимого состояния мысли, – другое некое сердечное небо, в коем обитает Христос, как говорит Апостол: *или не знаете себе, яко Иисус Христос в вас есть, разве точию чим неискусни есте* (2 Кор. 13, 5)».

Симеона Нового Богослова

«Диавол с демонами после того, как чрез преслушание сделал человека изгнанником из рая, отлученным и от Бога, получил доступ мысленно колебать разумную силу всякого человека и днем и ночью, иного много, иного немного, а иного множайше. И не иначе можно оградиться от сего, как памятию о Боге непрестанною, – если т. е. в ком память Божия, напечатлевшись в сердце силою креста, утвердит ум в непоколебимости. К сему ведут все труды мысленного подвига, коим подвизаться на поприще веры каждый христианин облекся долгом, и если не так у него идет дело, то всуе он проподвизается. Сего ради подвига предприемлются и все разнообразные духовные упражнения во всяком ищущем Бога путем произвольных лишений, чтоб преклонить благоутробие Всеблагого Бога, – даровать ему опять первое достоинство, и чтоб Христос напечатлелся в уме его, как говорит Апостол: *чадца моя, ими же паки болезную, дондеже вообразится Христос в вас* (Гал. 4, 19)».

Поняли ль вы, братие, что есть некий духовный способ, скоро возводящий к бесстрастию и богозрению действующего по нему? Убедились ли, что вся деятельная жизнь считается Богом не более, как листвием на дереве без плода и что всякая душа, не имеющая

хранения ума, напрасно в ней потрудится? Позаботимся же о сем, чтоб, скончавшись бесплодными, не раскаяваться бесполезно всю вечность.

Самого Никифора

Вопрос (к Никифору). – Из приведенных свидетельств узнаем, какое было делание у благоугодивших Богу отцов, и что есть некое делание, скоро освобождающее душу от страстей и любовию с Богом связующее, которое потребно всякому воинствующему о Христе, как мы теперь не только не сомневаемся, но и крайне убеждены в том. – Но просим научить нас, что есть внимание ума, и как сподобиться обрести его. Ибо такое дело совершенно нам незнакомо.

Ответ (Никифора). Во имя Господа нашего Иисуса Христа, рекшего: *без Мене не можете творити ничесоже* (Ин. 15, 5), Его Самого призвав в помощника и содейственника себе, по силе моей попытаюсь показать, что есть внимание и как, по благоизволению Божию, можно преуспеть в нем.

Внимание некоторые из святых называли блюдением ума, иные – хранением сердца, иные – трезвением, иные – мысленным безмолвием, а иные – еще иначе как. Но все сии наименования одно и то же означают; как о хлебе говорят – укруг, ломоть, кусок, так и о сем разумей. Что же есть внимание и какие его отличительные черты – сейчас узнаешь.

Внимание есть признак искреннего покаяния. Внимание есть души воззвание к себе самой, мира возненавидение и к Богу восход. Внимание есть отложение греха и добродетели восприятие. Внимание есть несомненное убеждение во отпущении грехов. Внимание есть начало созерцания, или лучше, его условие: ибо чрез него Бог, приникши, является уму. Внимание есть безмятежие ума, или лучше, стояние его (или установление от блуждений), по милости Божией ему даруемое. Внимание есть пресечение помыслов, памяти же Божией палата и сокровищница терпения всего находящего. Внимание потому есть веры, надежды и любви виновница: ибо кто не верует, тот не может переносить находящиеся совне прискорбности; а кто не переносит охотно сих прискорбностей, тот не может рещи: *заступник мой еси Ты и прибежище мое* (Пс. 90, 2); кто не положит Вышнего прибежищем своим, тот не будет глубоко искренен в любви к Нему.

Это величайшее из великих делание делается достоянием многих или всех наипаче чрез научение. Редкие ненаученно получают его от Бога, по своему нуждническому труду и по теплоте веры; но что редко бывает, то не закон. Посему нужно искать наставника незаблудного, чтоб, по его начертанию, научиться распознавать десные и шуие недостатки и излишества по делу внимания, встречающиеся по наваждению лукавого. Он из того, что сам пострадал, искушен быв, будет объяснять нам, что потребуется, и верно показывать сей мысленный путь, который потому нам удобно будет совершать. Если нет на виду такого наставника, надо поискать его, не жалея трудов. Если же и при таком искании не найдется он, то в духе сокрушенном и со слезами призвав Бога и помолившись Ему прилежно со смирением, сделай, что скажу тебе[17].

Ведомо тебе, что дыхание наше, коим дышим, есть втягивание в себя и выпускание из себя воздуха. Орган, служащий к сему, суть легкие, которые облегают сердце и, проводя чрез себя воздух, обдают им и сердце. Таким образом дыхание есть естественный путь к сердцу. Итак, собрав ум свой к себе, введи его в путь дыхания, коим воздух доходит до сердца, и вместе с сим вдыхаемым воздухом понудь его сойти в сердце и там остаться. Приучи же его, брате, не скоро оттуда выходить: ибо вначале он очень скучает в этом внутреннем заключе-

[17] Это сказываемое приводится сокращенно и перифразом, потому что наставление применяется к производству дыхания, которое ныне излагается иначе.

нии и тесноте, когда же привыкнет, то не любит наоборот кружиться вовне, потому что ему там не невесело и не нерадостно. Как муж некий, бывший в отлучке от дома, когда возвратится, сам себя не помнит от радости, что опять увиделся с детьми и женою, обнимает их и не наговорится с ними: так и ум, когда соединится с сердцем, исполняется неизреченной сладости и веселия. Тогда видится ему, как воистину Царствие Небесное внутрь нас есть, которое теперь узревая в себе и чистою молитвою ища, да пребудет и укрепится в нем, он все внешнее считает не стоящим внимания и нисколько не привлекательным.

Когда таким образом войдешь ты в сердечное место, как я тебе показал, воздай благодарение Богу и, прославляя Его благость, держися сего делания всегда, и оно научит тебя тому, чего другим путем не узнаешь никогда. Подобает же тебе при сем знать, что когда ум твой утвердится в сердце, то ему там не следует оставаться молчащим и праздным, но непрестанно творить молитву: *Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя!* и никогда не умолкать. Ибо это, содержа ум немечтательным, делает его неуловимым и неприкосновенным для прилогов вражеских и каждодневно все более вводит в любовь и вожделение Бога.

Если же, брате, и много трудясь, не возможешь ты войти в область сердца, как я тебе сказал, сделай так, как я еще тебе скажу, и с Божией помощию найдешь искомое. Ведомо тебе, что словесство (говорение) всякого человека находится в персях его. Ибо внутри персей, когда молчат уста наши, говорим мы и совещаемся с собою, и молитвы творим, и псалмопение совершаем, и другое некое. Итак этому словесству, изгнав из него всякий помысл (ибо сможешь, если захочешь), дай сию молитовку: *Господи, Исусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя!* – и понудь его вместо всякого другого помышления это одно всегда вопиять там внутри. Если будешь такое делание держать неопустительно со всем вниманием, то откроется тебе чрез сие по времени и сердечный вход, о коем я написал уже тебе, без всякого сомнения, как это сами мы опытом познали.

Придет же к тебе, при многовожделенном и сладостном внимании, и весь лик добродетелей: любовь, радость, мир и прочие, ради коих потом всякое твое прошение исполняемо будет о Христе Иисусе, Господе нашем, с Коим Отцу и Святому Духу слава, держава, честь и поклонение, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Святой Григорий Палама, архиепископ Солунский

Краткое сведение о св. Григории, архиепископе Солунском

Святой Григорий родился в Цареграде от родителей благородных и знатных. Очень рано лишился он отца и был воспитан материю, равно как братья его и сестра. По окончании образования изъявил он желание принять иноческое житие. С этим желанием совпало и желание матери его, братьев и сестры, и они всею семьею вступили в монашество. Св. Григорий мать и сестру пристроил в одну из женских обителей, а сам с братьями отправился на Афон, где братьев устроил жить в некоем монастыре, а сам отдал себя в послушание некоему дивному и святому старцу Никодиму, который добре научил его всем иноческим подвигам и деланиям не словом, а делом, не для знания, а для жизни; так что вскоре стал он юным старцем и сподобился явления Божией Матери, приявшей его в Свое заступление и предстательство.

По преставлении старца своего св. Григорий вступил в Лавру Афонскую и в ней прожил несколько лет в страхе Божием, в послушании ко всем и любви всех. Потом, оставя Лавру, вселился в пустыню, где проходил крайне жестокое житие, горя любовию к Богу, Коему душою и телом предал себя на служение. Сего ради все наветы бесовские победил, божественных откровений сподоблялся и дарование получил исцелять больных душою и телом и творить знамения и чудеса. Прожив в пустыни лета довольна, приял он по повелению Божию сан священства и, как Ангел Господень, совершал тайны Божии, приводя всех предстоящих в умиление и плач.

Все чтили его как мужа святого, как Богоносца, пророка и бесов прогонителя. Но беды, напасти и искушения не миновали и его: и от бесов, и от людей, и особенно от еретиков. Он же все то в продолжение 23-х лет сладце претерпевал, все обращая во славу Божию. Своим зломудрием Варлаам Калабрийский в то время особенно возмущал Церковь Божию, но встретил сильного противоборца в св. Григории, который победоносно отражал его нападения на истину и поразил его самого, как врага Божия, когда по сему случаю царем Андроником был собран Собор, куда приглашен был и св. Григорий, который, раскрыв еретические мудрования Варлаама и обличив их лживость в лицо ему, был первою причиною его осуждения и изгнания. С ним вместе одинаковой участи подвергся и второй по нем в еретичестве – некто Акиндин.

Главари таким образом были поражены, но оставались в немалом количестве ученики их, которые не переставали смущать Церковь и соблазнять православных. Надлежало противодействовать. Находя более всех пригодным для сего святого Григория, на том же Соборе положили рукоположить его в архиепископа Солунского (Фессалоникского) и возложить на него сие дело, которое он усердно и успешно исполнял при трех царях и трех Патриархах, обличая и вразумляя заблуждших и беседами, и писаниями, и на многих частных Соборах.

Этого труда не оставлял он до конца жизни в продолжение 30 лет своего архипастырства. Но он был не исключительный. Ревнуя сам о преуспеянии в духовной жизни с детства, он неутомимо заботился и о руководстве других в сем первом христианском деле, возбуждая, утверждая, пути и распутия указывая и словом и писаниями, которых было немало. Аскетические его писания помещены в греческом Добротолюбии, откуда мы переносим их в переводе и в наш сборник Аскетических писаний.

Святого отца нашего Григория Паламы, архиепископа Солунского, Ко всечестной во инокинях Ксении, о страстях и добродетелях и о плодах умного делания

1) По причине множества нападающих на меня я положил было совсем воздержаться от писания о чем-либо, если бы ты, досточтимая мать, непрестанно не просила меня о том и письмами и напоминаниями чрез других, пока не убедила опять взяться за сие дело в утешение и назидание ищущих спасения. Для тебя самой не требуются никакие увещания, потому что, благодатию Христовою, ты со старческих возрастом стяжала и седину мудрости и священные заповеди Евангельские изучила долголетнею по ним деятельностию, деля жизнь свою между трудами послушания и безмолвием, коими, убелив дщицу души своей, ты сделала ее способною принять божественные начертания и сохранить их. Но дело сие таково, что душа, совершенно плененная любовию к духовному учению, никогда не получает насыщения им. Почему премудрость и говорит о себе: *ядущия мя еще взалчут* (Сир. 24, 23). И Господь, вселяющий такое божественное желание в душу, говорит *о Марии, избравшей сию благую часть,* что она *не отъимется от нея* (Лк. 10, 42).

2) Тебе, впрочем, может быть, такие писания нужны и для дщерей великого Царя, живущих под твоим пестунством, и для невест, коих ревнуешь ты обручить с бессмертным Женихом, Коему подражая, и ты, как Он ради нас приял наш воистину зрак, приемлешь теперь сама лицо новоначальных, требующих учения. Почему и я, не как довольный к научению других, и притом к такому научению, но послушания ради и заповеди давать просящему, с готовностию исполню долг любви о Христе, из того, что имею ныне.

3) Знай, досточтимая мать, или лучше да познают чрез тебя избравшие жить по Богу отроковицы, что и у души есть смерть, хотя она бессмертна по естеству. Так и возлюбленный Богослов говорит: *есть грех к смерти… и есть грех не к смерти* (Ин. 5, 16. 17), разумея здесь конечно смерть души, и великий Павел говорит: *сего мира печаль смерть содевает* (2 Кор. 7, 10), конечно, смерть души. И опять: *востани спяй и воскресни от мертвых и освятит тя Христос* (Еф. 5, 14). Из каких мертвых призывает он воскреснуть? Всеконечно из умерщвленных плотскими пожеланиями, кои воюют на душу (1 Пет. 2, 11). Почему и Господь мертвыми назвал живых по духу мира сего суетного, когда одному из учеников Своих, просившему пойти погребсти отца своего, не дал на то позволения, но повелел за Собою следовать, оставя мертвым погребать своих мертвецов. Мертвыми назвал Господь тех еще живущих, конечно как умерших душою.

4) Ибо как отделение души от тела есть смерть тела, так отделение Бога от души есть смерть души. И это есть главным образом смерть, смерть души. На нее указывал Бог и когда, давая заповедь в раю, сказал Адаму: *в какой день вкусишь от запрещеннаго древа, смертию умрешь* (Быт. 2, 17). Ибо тогда умерла душа его, чрез преступление отделившись от Бога; по телу же он продолжал жить с того часа и далее до девятисот тридцати лет. Но смерть, прибывшая чрез преступление, не душу только сделала непотребною и человека подклятвенным, а и тело, соделав многоболезненным и многострастным, предала наконец смерти: ибо тогда же вслед за умертвием внутреннего человека чрез преступление перстный Адам услышал: *проклята земля в делех твоих… терния и волчцы возрастит тебе… в поте лица твоего снеси хлеб твой, дондеже возвратишися в землю, от нея же взят еси: яко земля еси, и в землю отыдеши* (Быт. 3, 17–19). Если в будущем оном пакибытии с воскресением праведных воскреснут телеса и беззаконных и грешников, то лишь для того, чтоб быть преданными второй смерти, – муке оной вечной, червю неумирающему, скрежету зубов, тьме кромеш-

ной, мрачной геенне огненной неугасимой, по слову пророка, который говорит: *сожгутся беззаконницы и грешницы вкупе, и не будет угашаяй* (Ис. 1, 31). Ибо это есть вторая смерть, как научил нас св. Иоанн чрез Откровение. Послушай и великого Павла, который говорит: *аще по плоти живете, имате умрети: аще ли духом деяния плотская умерщвляете, живи будете* (Рим. 8, 13). О жизни и смерти говорит он тех, кои будут в будущем веке, жизнию называя наслаждение вечного Царства, а смертию – вечнующую оную муку. Таким образом преступление Заповеди Божией является причиною всякой смерти и для души, и для тела, и той, которая бывает в сем веке, и той, которую составит нескончаемая оная мука.

5) И вот настоящая смерть, когда душа разъединяется с божественною благодатию и сочетавается с грехом. Имеющие ум должны избегать такой смерти и страшиться. Для добре мудрствующих она страшнее самой муки геенской. Ее и мы всеусильно избегать будем. Все бросим, все оставим, от всего отречемся и во взаимных отношениях, и в делах, и в желаниях, что отвлекает и отделяет нас от Бога и такую причиняет смерть. Кто будет бояться сей смерти и беречься от нее, тот не убоится приближения смерти телесной, имея обитающею в себе истинную жизнь, которая наипаче смертию приобретает неотъемлемость. Ибо как смерть души есть настоящая смерть, так и жизнь души есть настоящая жизнь. Жизнь же души есть единение с Богом, как жизнь тела – единение его с душою. Ибо как чрез преступление заповеди, отделившись от Бога, душа умертвилась, так чрез послушание заповеди, соединившись опять с Богом, она оживотворяется. Сего ради говорит в Евангелии Господь: *глаголы, яже Аз глаголах, дух суть и живот суть* (Ин. 6, 63). Испытав сие опытно, св. Петр сказал Ему: *глаголы живота вечнаго имаши* (там же, 69). Но они бывают глаголами живота для тех, кои слушаются их, для тех же, кои преслушают, заповедь жизни бывает в смерть. Так и апостолы, будучи *благоуханием Христовым,* для одних были *вонею смертною в смерть,* а для других *вонею животною в живот* (2 Кор. 2, 15, 16).

6) Жизнь сия опять есть жизнь не души только, но и тела: ибо она обессмертвляет и его чрез воскресение, не только от смертности избавляя, но и от никогда не престающей смерти, будущей оной адской муки. Она и ему дает вечную во Христе жизнь, беструдную, безболезненную и беспечальную, воистину бессмертную. Но как за смертию души, т. е. за преступлением и грехом, смерть тела после последовала, а с нею и в землю отытие и превращение в персть, за телесною же смертию опять смерть души вторая, осуждение ее во ад: так и за воскресением души, которое есть возвращение ее к Богу чрез исполнение Божественных заповедей, воскресение тела после последует, когда оно опять соединится с душою; за воскресением же сим последует истинное бессмертие и совечнствование с Богом достойных того, соделавшихся духовными из плотских и ставшими, подобно Ангелам Божиим, жить на небе способными. *Восхищени будем,* говорит Апостол, *на облацех в сретение Господне на воздусе, и тако всегда с Господем будем* (1 Фес. 4, 17). Как Сын Божий, человеколюбия ради соделавшийся человеком, умер плотию чрез отделение души Его от тела, без отделения однако же от Него Божества, почему и, воскресив тело Свое, Он взял его на небо во славе: так и пожившие здесь по Богу, при отделении от тела не отделяющиеся от Бога, в воскресение возьмут и тело к Богу, входя вместе с Ним в радости неизреченной туда, куда *предтечею о нас вниде Иисус* (Евр. 6, 20), чтоб вместе с Ним наслаждаться и имеющею во Христе открыться славою. Ибо они не одного воскресения, но и вознесения Господня и всей божественной жизни Его будут сопричастниками, но не и пожившие здесь плотски и во время исхода оказавшиеся никакого общения не имеющими с Богом. Ибо хотя и все воскреснут, но *каждый,* как говорит Апостол, *в своем чину: духом деяния плотская* умертвивший здесь там будет жить со Христом божественною и воистину вечною жизнию; похотями же плотскими и страстями дух умертвивший здесь там, увы! имеет быть осужден вместе с художником и виновником всякого зла и предан нестерпимому и непрестающему мучению: что есть вторая, не имеющая преемства, смерть.

7) Где же начало имела истинная смерть, породительница и виновница временной и вечной смерти и для души и для тела? Не в области ли жизни? – Почему, увы! человек тотчас и изгнан был из рая Божия за пределы его, как смертоносную и божественному раю не соответствующую стяжавший жизнь. Таким же образом и истинная жизнь, виновница истинной и вечной жизни и для души и для тела, должна получить начало в сей области смерти. И не ревнующий стяжать ее по душе здесь да не обольщает себя пустыми надеждами получить ее там, или как-нибудь сподобиться человеколюбия Божия во время оно. Ибо тогда будет время праведного воздаяния, а не милования и щадения, *время гнева и откровения праведнаго суда Божия* (Рим. 2, 5), время показания *руки крепкой и высокой,* ввергающей на муку в ад непокоривых (Пс. 135, 12). Горе имеющему *впасть вруце Бога живаго!* (Евр. 10, 31). Горе имеющему там испытать гнев Господень, а не здесь от *страха Божия* познавшему *державу гнева Его* (Пс. 89, 11), и делами не исходатайствовавшему себе человеколюбия Божия! – Это дело настоящего времени. Для того и жизнь сию устроил нам Бог, чтоб дать место покаянию. Если б этого не было, то человек согрешивший тотчас лишался бы и жизни сей. Ибо какая была бы от нее польза, или какая в ней нужда? – Почему отчаянию совершенно никакого нет места в человеках; хотя лукавый многообразно покушается ввергать в него не только нерадиво живущих, но и добре подвизающихся. Поелику таким образом время жизни есть время покаяния, то то самое, что согрешивший еще жив, служит для него, если он пожелает обратиться к Богу, ручательством, что будет Им милостиво принят. Ибо в настоящей жизни самовластие всегда в силе; самовластию же, как предмет, подлежит путь выше указанной жизни и смерти, из коих он может избрать или отвергнуть, какой хочет, как дело достижимое. Где же тут найти место отчаянию, когда всегда и все имеют возможность, если захотят, стяжать Жизнь Вечную?

8) Не видишь ли, коль велико человеколюбие Божие?! В начале не пользуется Он праведным судом против нашей непокоривости, но долготерпя, дает время для обращения. В сие время долготерпения дает Он нам власть сынами Ему соделаться (Ин. 1, 12), если хотим. Что я говорю – сынами Ему сделаться? соединиться с Ним и быть един дух с Ним (1 Кор. 6, 17). В это же время долготерпения, если мы и противным Ему пойдем путем и возлюбим смерть паче истинной жизни, Он не отъемлет данной нам власти или свободы возвратиться к Нему, и не только не отъемлет такой власти, но Сам воззывает нас обратно и обходит ища, как бы обратить к делам жизни, по притче о делателях винограда, с утра до самого вечера жизни (Мф. 20, 1-16). Но кто зовет и нанимает? – Отец Господа нашего Иисуса Христа и Бог всякой утехи. Кто виноград, к деланию в коем призывает Он? – Сын Божий, сказавший: *Аз есмь лоза* (Ин. 15, 1). Ибо *ко Христу и прийти никто не может,* как Сам Он сказал в Евангелии, *если Отец не привлечет его* (Ин. 6, 44). А рождия (ветви) кто? Мы; ибо послушай, что тотчас затем говорит Он: *вы рождие, а Отец Мой делатель есть* (Ин. 15, 1, 5). Отец *чрез Сына примиряет нас Себе, не вменяя нам согрешений* (2 Кор. 5, 19), и призывает не как прилежащих делам непотребным, а как ничего не делающих и праздно стоящих, хотя и праздность есть грех, так как и за праздное слово мы воздадим слово (Мф. 12, 36).

9) Бог, как я сказал, презирая прежде соделанные каждым грехи, паки и паки призывает нас. Что же делать зовет Он? Работать в винограднике. А это значит трудиться над рождиями, т. е. над собою. Потом, – о сколь непостижимо велико человеколюбие Божие! – и награду нам обещает и дает, – за то, что потрудились над самими собою и для себя самих. Придите, говорит, получите Жизнь Вечную, от Меня богатно подаемую. И за труд шествия сего к жизни и самое желание получить ее от Меня, за все, как должник, уплачу наградою. Кто не исповест благодати и не воздаст благодарения Избавителю от смерти и Подателю жизни? – А Он еще и награду обещает приложить, и награду неизреченную. Аз, говорит, *приидох, да живот имут, и лишше имут* (Ин. 10, 10). Что это лишше? Не пребывать только и жить силою Его, но и быть Ему братьями и сонаследниками. Сие лишшее есть награда,

даемая тем, кои притекают к животворной лозе виноградной и бывают рождием на ней, кои над самими собою трудятся и себя самих возделывают. Что делая? Отсекая от себя все, что есть не только ненужного и бесполезного, но и препятствующего приносить плоды, достойные житницы Божией. Что же это такое? – богатство, утехи, слава суетная, все текучее и преходящее, всякая страсть душевная и телесная, срамная и зловредная, всякое слышание и видение и всякое слово, вред душе причинить могущее. Ибо кто всего этого не отсечет и сердца с наивеличайшим тщанием не очистит от таких приростков, тот никогда не принесет плода для Жизни Вечной.

10) Можно и в супружестве живущим достигнуть такой чистоты, но весьма с большою трудностию. Почему все, от юности благоволение Божие улучившие, острейшим оком ума взирая на оную жизнь и благ тамошних сделавшись любителями, преподобно бегают брака, так как и *в воскресение,* как Господь, *не женятся, ни посягают, но яко Ангели Божии суть* (Мф. 22, 30). Кто таким образом желает быть Ангелом Божиим, тот справедливо еще здесь, подобно сынам воскресения оного, держит себя выше телесного смешения. К тому же повод ко греху первоначально исходил от жены. Почему желающим – никогда никакого не давать супостату случая к соблазну – следует отказываться от брака. Если это тело само по себе трудно удержимо и трудно склонимо к добродетели, – и мы, как естественного сраленного с нами противоборца носим его вокруг себя, то сможем ли когда покорить его, и насколько увеличим затруднения в деле добродетели, связаны бывая многими и разными телами (жена, дети, прислуга)? И как свободу будет иметь, о которой ревновать приняла заповедь та, которая естественными связана узами с мужем, детьми и всеми единокровными? Как беспопечительно может приседеть Господу та, которая взяла на себя заботу о стольких лицах? Как пребыть ей без смущений и тревог, когда она окружена такими толпами?

11) По сей причине истинная дева, желая уподобиться Св. Деве и Сыну от Девы, Жениху в девстве преподобно поживших душ, не только плотского супружества убегает, но и всякого сожительства мирского, отказавшись от всех сродников: так что с дерзновением может говорить Христу с Петром: *се мы оставихом вся и вслед Тебе идохом* (Мф. 19, 27). И что новолепного делает она, если подобно тому, как земная невеста оставляет отца и матерь ради тленного жениха и к нему прилепляется, по Писанию, она то же самое делает для премирного чертога брачного и Жениха, оставив их? И было ли бы уместно иметь родство на земле тем, коих *жительство на небесех?* (Флп. 3, 20). Как, будучи чадом не плоти, а духа, будет она иметь плотского отца или матерь и сродников кровных? Как, отчуждившись от собственного тела и отчуждаясь, по возможности, как отложившая плотскую жизнь, будет она иметь соотношение какое-либо с телами чужими? Если теперь, как говорят, уподобление есть содружество и лобызает все подобное, то и дева уподобится тем, с коими сдружится и впадет в болезнь миролюбия. *Любовь же к миру есть вражда на Бога* (Иак. 4, 4), как говорит и Павел, невестоводитель духовного чертога брачного (Рим. 8, 7). Таким образом она подвергается опасности не только разорвать брачный союз свой с премирным Женихом, но и стать во враждебное к Нему положение.

12) Не дивись и не кручинься, если вступившим в житейский брак, по Писанию, не служит в укоризну, если они пекутся о мирском, а не о Господнем (1 Кор. 7, 32–34); тем же, кои дали Богу обет девства, даже касаться чего-либо мирского запрещено и жить утешно совсем не позволяется. Впрочем и к брачным св. Павел так говорит: *время прекращенно есть прочее, да и имущии жены, яко неимущии будут…. и требующии мира сего, яко не требующе* (1 Кор. 7, 29, 31). Что, как я полагаю, гораздо труднее подвига девства. Опыт также показывает, что пост удобнее воздержания в пище и питии. Может быть, и вообще верно и праведно сказал бы кто, что кто не емлется за дело спасения, к тому не едино же у нас слово; кто же печется о своем спасении, тот да ведает, что жизнь в девстве гораздо исполнимее и малотруднее жизни брачной.

13) Но оставим это. Ты же держи мне в уме, дева, невеста Христова, рождие Лозы жизни, что сказано выше. – Так говорит Господь: *Аз есмь лоза, вы же рождие, а Отец Мой делатель есть. Всякую розгу о Мне, творящую плод, отребит ю, да множайший плод принесет* (Ин. 15, 1, 2, 5). Такое о тебе попечение почитай указанием на плод девства твоего и на любовь к тебе Жениха твоего; и радуйся сему много, и попекись воздать Ему за сие полнейшею преданностию. Скажу и другое нечто: золото, что-либо медное в смешение с собою приявшее, называется фальшивым; а медь, обложенная золотом или позолоченная, является более светлою и блестящею, чем сама есть: так, дево, тем, кои не суть девственницы, желать тебя и твоего, хвала есть; а для тебя желать их и ихнего, есть бесчестие, потому что чрез это вожделение твое возвращает тебя в мир – то тем, что ты вступаешь в сношение с теми, кои в мире, и живешь с ними после того, как умерла миру, – то тем, что желаешь услаждаться тем же, чем они и сродники их и что составляет довольство житейское, каковы – богатство, знатность, слава, утехи. Таким образом, наконец, случится, что ты отпадешь от воли Жениха своего. Ибо все такое явно окаявает Он в Евангелии, говоря: «Горе вам, богатые! Горе вам, смеющиеся! Горе вам, насыщенные! Горе, когда добре рекут вам вси человецы!» Как же Он окаявает их? Не яко ли умерших душою? Невесте же Жизни какое сродство с мертвыми? Кое соприкосновение с теми, кои шествуют противоположным путем? Путь, коим они несутся, пространен и широк; и если не удержат себя, примешав к себе нечто от твоего, то совсем впадут в пагубу; а ты узкими вратами и тесным путем входишь в живот (Мф. 7, 13). Узкими же вратами и тесным путем никто не может проходить, надымаясь славою, разливаясь в удовольствиях и обременяя себя богатством и имуществами. Но слыша, что тот путь жизни широк, не думай, чтоб он был беспечален, ибо он полон многими и тяжкими прискорбностями; широким же и пространным называют его потому, что много идущих по нему, и каждый из них обложен большею массою преходящих вещей. Твой же, дево, путь очень тесен, так что и двух, вместе идущих, не вмещает.

14) Почему многие из таких, которые прежде заняты были миром, после того как потеряли мужей и остались одни, по ревности к премирному образу жизни твоей, отрекшись от мира, взялись твоим путем шествовать, чтоб и венцов таких же сподобиться? Таковых св. Павел заповедует почитать, как прилежащих молениям и молитвам, с упованием на Бога (1 Тим. 5, 3). Если что и на этом пути встречается прискорбное, то и оно доставляет своего рода утешение, к получению Царствия Небесного способствует и виновно бывает спасения; того же пути и приятное и скорбное одинаково смертоносно. Ибо, говорится, *сего мира печаль смерть соделовает. а печаль, яже по Боге, покаяние нераскаянно во спасение соделовает* (2 Кор. 7, 10). Почему Господь ублажает то, что противоположно благам мира, говоря: *блажени нищие духом, яко тех есть Царствие Небесное* (Мф. 5, 3). Для чего это, сказавши: *блажени нищие,* прибавил Он еще: *духом?* Чтоб показать, что ублажения достойно собственно смирение души, и что хотя и телесная нищета блаженна и ведет в Царствие Небесное; но если ее сопровождает смирение душевное, если она с ним тесно соединена и от него получает начало. Таким образом ублажив нищих духом, Господь дивно показал, где корень и причина видимой нищеты святых, т. е. в духе их. Дух, прияв в недро свое благодать Евангельской проповеди, воздает от себя источник нищеты, *напаяющий лице земли* (Быт. 2, 6), т. е. внешнего нашего человека и соделовающий его раем добродетелей. Такая нищета достойна ублажения от Бога. Ибо иной может быть нестяжателен и нищ, и притом произвольно, но славы ради человеческой. Таковой не нищ духом, а лицемерит. Лицемерие же рождается от самомнения, которое противно нищете духом. Кто имеет дух сокрушенный и смиренный, тому невозможно не радоваться видимой нищете и смирению, ибо он считает себя недостойным славы, довольства, утешений и всего такого. Почитающий себя недостойным всего этого и есть ублажаемый Богом нищий. И такой воистину есть нищий, не вполовину заслуживающий сие имя. И все такие суть из числа слышавших и последовавших за Господом Иисусом,

Сыном Божиим, и Ему восподражавших, ибо Он сказал: *научитеся от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим* (Мф. 11, 29). Почему их есть Царствие Божие: ибо они суть сонаследники Христовы.

15) Душа тречастна и созерцается в трех силах: мыслительной, раздражительной и желательной. Всеми ими она больна; и Христос – Врач ее – начинает врачевание Свое с последней, т. е. с желательной силы. Пищею гневу (делу раздражительной силы) служит пожелание (дело желательной силы); они же обе при дурном направлении питают гордость ума (дело мыслительной силы). Почему никогда не увидишь здравою раздражительную силу души прежде уврачевания этих обеих.

16) Если исследуешь, найдешь, что первое злое порождение пожелания есть любостяжательность. Пожелания, содействующие людям в хранении и устроении жизни, непорочны; почему с юных ногтей являются срощенными с нами. Сребролюбие же немного после прирастает ко всем, уже существующим. Из чего видно, что оно не из естества, а от произволения имеет свое начало. И святой Павел справедливо назвал его *корнем всех зол* (1 Тим. 6, 10). Некоторые из зол обыкновенно им порождаемых суть следующие: скуповатость, торгашничество, хищничество, воровство и вообще всякий вид лихоимания, которое тот же Апостол назвал вторым идолослужением (Кол. 3, 5). Тем же, кои не порождает оно, почти всем доставляет пищу и поддержку. Все же сие, от вещелюбия рождающееся, страсти суть души, не имеющей ревнования о доброделании. Вообще страсти, от произволения зависящие, удобнее врачуются, чем страсти, имеющие начало в естестве; но страсти, сребролюбием порождаемые, трудно победимыми делает неверие в Божественное Промышление. Неверующий в Промышление сие на богатство опирается надеждою своею. Такой хотя слышит слова Господа, что *удобие есть вельбуду вскозе иглины уши проити, неже богату в Царствие Божие внити* (Мф. 19, 24), но ни во что вменяя Царствие, и притом Царствие Небесное и вечное, вожделевает земного и текучего богатства, которое, и когда не имеется в руках вожделевающих его, самым тем, что вожделевается, величайший приносит вред. Ибо, *хотящие богатиться впадают* в искушения и *сети* диавольские, как говорит Павел (1 Тим. 6, 9). Оно, и когда присуще, – имеется в руках, дома, – показывает свою ничтожность тем, что, несмотря на свое присутствие, все еще жаждется неразумными, коих не умудряет даже опыт. Ибо эта несчастная страсть не от бедноты, а скорее беднота (чувство бедноты) от нее; сама же она от безумия, по которому весьма праведно от общего Владыки всяческих Христа получает имя и оный, *разоряющий житницы свои и большия созидающий* (Лк. 12, 18). Ибо как не безумен тот, кто ради вещей, никакой существенной пользы принести не могущих [яко *не от избытка кому живот его есть* (Лк. 12, 15)], – таких вещей ради предает наиполезнейшее.

17) Монаху, имеющему сию страсть, послушливым быть невозможно. Если же он упорно будет удовлетворять ей, то великая предлежит ему опасность неизлечимо пострадать за то и телом. Гиезий и Иуда, из Ветхого и Нового Заветов, – убедительные тому примеры. У того проказа процвела в указание на неизлечимость души, а этот на селе крови, сорвавшись с петли и *ниц быв, проседеся посреде, и излияся вся утроба его* (Деян. 1, 18).

18) Отречение от всего предшествует послушанию; и без первого последнему нет места. Оно есть элементарное начало монашеской жизни; и тому, кто прежде не отрекся от всякого стяжания, как подъять другой какой-либо подвиг такой жизни? Скажет кто: что за беда, если он не способен к послушанию? Но он безмолвствовать станет, один сам по себе живя и прилежа молитве. – Да слышит таковой, что сказал Господь: *идеже сокровище ваше, ту будет и сердце ваше* (Мф. 6, 21). Как же мысленно простреться к *Седящему одесную Престола величествия на высоких* (Евр. 1, 3) тот, кто сокровища сокровиществует на земле? И как наследует Царствие тот, кому даже ум чисто взять его не позволяет страсть любоимания? Потому и сказано: *блажени нищии духом, яко тех есть Царствие Небесное* (Мф. 5, 3).

Видишь, сколько страстей отсек Господь этим одним блаженством? Но любоимание есть только первое порождение злого похотения. У него есть и второе, которого еще более надо избегать, и третье не менее злое.

19) Какое же второе? – Славолюбие. Ибо, преуспевая возрастом, прежде плотской любви, когда однако ж мы бываем еще юношами, сретает нас страсть славолюбия, как некое злое предначатие ее. Я здесь разумею тот вид славолюбия, который состоит в охорашивании тела и в щеголянии нарядами, и который отцы называют мирским тщеславием. Другой же вид тщеславия имеет место в отличающихся добродетелию и влечет с собою сомнение и лицемерие, коими враг покушается окрасть и рассеять духовное наше богатство.

20) Все сии страсти совершенное находят врачевание в чувстве и возлюблении вышней почести, с почитанием при сем себя недостойным ее, и в перенесении человеческого уничижения, с почитанием себя достойным того, и кроме того еще в предпочтении славы Божией славе человеческой, по слову пророка: *не нам, Господи, не нам; но имени Твоему даждь славу* (Пс. 113, 9), – когда же сознается сделанным что-либо похвальное, в приписывании Богу соделания того, и Ему за то благодарном воссылании славы, а не себе ее усвоении. Таковой радоваться будет, что получил в дар добродетель, и не станет превозноситься ею, как ничего своего не имеющий, а паче смиряться, мысленные очи свои обращенными к Богу имея день и ночь, как *очи рабыни,* говоря псаломски, *в руку госпожи своея* (Пс. 122, 2), из опасения, как бы, разъединяясь в добре с дающим и блюдущим его, не низринуться в пропасть зла. Ибо сие обычно страждут рабы сомнения и тщеславия.

21) Содействует к уврачеванию таковых особенно удаление от сообщества с другими, жизнь наедине и сидение в келлии, с сознанием немощности своего произволения и почитанием себя не сильным жить в смешении с другими. Это же что другое есть, как не нищета духом, которую ублажил Господь?

22) Если кто также возьмет в ум посрамления, обыкновенно сопровождающие сию страсть, то станет избегать тщеславия, сколько есть сил. Ибо ищущий славы от людей, от самых ради нее дел обыкновенно встречает бесславие. Заботящийся о красоте, много думающий о себе по знатности предков, по блеску одежд и по другим таким вещам, обличает в себе детскую незрелость ума, ибо все такое – прах; праха же что ничтожнее? – Та же, которая не для покрытия и согревания тела употребляет одежду, а для показности и щеголяния изяществом и цветностию их, не только бесплодие души обнаруживает пред смотрящими на нее, но покрывается и бесстыдством блудническим. Да слышит таковая и таковой Того, Кто сказал: *се, иже мягкая носящии, в домех царских суть* (Мф. 11, 8). *Наше же житие на небесех есть* (Флп. 3, 20), говорит св. Павел. Не допустим же себя, ради мягкости одежд, с неба низринутыми быть в кровы князя века сего.

23) То же страждут и те, кои славы ради человеческой добрые дела делают. Ибо таковые, получив жребий – иметь житие на небесех, *славу свою,* увы! – *вселяют в персть* (Пс. 7, 6), навлекая на себя сию Давидскую клятву. И молитва их не восходит к небесам, и всякое рачение их ниспадает долу, не будучи обложено крылами божественной любви, которая земные дела наши делает горе восходимыми: так что они труды подъемлют, а награды не стяжавают. Но что я говорю об бесплодии трудов их. Они приносят плод, – но какой? посрамление, непостояние помыслов, пленение и смятение помышлений. *Яко Бог разсыпа кости человекоугодников,* говорит псалом: *постыдешася, яко Бог уничижи их* (Пс. 52, 6).

24) Страсть эта есть самая тонкая из всех страстей. Почему подвизающемуся должно не собеседования остерегаться, или не сосложения бегать, но самый прилог почитая уже сложением, беречь себя от него. Ибо и так действуя, едва успеет он упредить скорость падения. Но хотя и так внимая себе, будет он действовать, прилог причиняет сокрушение. Если же нет, то этим уготовляется место для гордости. Кто же сию приимет, того трудно образумить, или лучше, тот становится неисправимым. Ибо это диавольское падение. Но и прежде

сего, страсть человекоугодия такой стяжавшим ее причиняет вред, что они даже и в отношении к вере терпят крушение, по слову Господа, рекшего: *како вы можете веровати, славу друг от друга приемлюще, и славы, яже от единаго Бога, не ищете?* (Ин. 5, 44). – Что тебе в славе человеческой, о человек, или лучше в пустом имени славы, которое не только не имеет того, что именует, но и лишает того? И не это только, но при других зловредностях еще зависть порождает, – зависть равносильную убийству, – причину первого смертоубийства, а потом и богоубийства?

25) Полезна ли она в чем-либо естеству? Поддерживает ли его и хранит, или прияв его повредившимся как-либо, врачует ли? Никто, конечно, это не может сказать про нее. Напротив, кто захочет тщательно исследовать все о ней, тот найдет, что она большею частию бывает лукавою советницею в делах срамных. – Языческих учений проповедники внушают, что без нее ничего доброго не было бы в жизни. Но не так научены мы, носящие славное имя Того, Кто человеколюбно помазал Собою естество наше. Его имеем мы зрителем дел наших. На Него взирая, Им и для Него делаем мы все наилучшее, и все во славу Его направляем, совсем не имея в виду угождения людям, следуя святому Павлу, верховному таиннику Законоположника нашего, и нашему законодателю, который говорит: *аще бо бых еще человеком угождал, Христов раб не бых убо был* (Гал. 1, 10).

26) Третье похотение болящей похотением души есть чревоугодие, от которого всякая плотская нечистота. Почему же мы называем его третьим и последним, когда оно внедрено в естество наше от самого рождения, равно как и естественные движения, относящиеся к деторождению. Почему же и мы на последнем месте полагаем плотское похотение? Потому что это есть нашего естества принадлежность. Что же естественно, то невинно, как благим Богом сотворенное, чтоб мы пользовались тем на добро. Естественные сего ради движения не указывают на болезнь души. Больною обличается душа в тех, кои злоупотребляют ими. Когда мы *плоти угодия творим в похоти* (Рим. 13, 14), тогда это сластолюбие – грешная страсть, начало плотских страстей и болезнь души, ибо они хотя совне входят, но усвояются душою и делаются собственными ее. Почему Господь говорит, что из сердца исходят помышления злые, которые и сквернят его (Мф. 15, 19, 20). И прежде Евангелия закон говорит: *внемли себе, да не будет слово тайно в сердце твоем беззакония* (Втор. 15, 9). Помышления злые из души, но в душу набираются они снизу чрез чувства и держатся в воображении чувственных вещей, которое приводится в движение опять чувствами же, особенно глазами, которые издали могут привлекать служащее к осквернению; чему явное свидетельство представляет праматерь наша, Ева. Ибо она прежде увидела, что *добро есть еже видети и красно ежеразумети* (Быт. 3, 6), и тогда уже сосложилась с помышлением сердца, коснулась и вкусила от запрещенного древа. Потому мы добре сказали, что победе срамных страстей предшествует прельщение красотою вещей и лиц чрез очи. Отсюда отеческая заповедь не засматриваться на красоту чужих тел, и своею не услаждаться.

27) Поелику таким образом плотские страсти зачинаются и приходят в движение от помышлений страстных, то от них надо начать и врачевание их. Ибо как при пожаре, если желающий погасить его станет как-нибудь пресекать пламя сверху, нисколько не успеет в деле погашения; если же отторгнет вещество горючее, пожар тотчас умалится и стихнет: так и в отношении к блудным страстям, если не иссушить источника помыслов внутри молитвою и смирением, а только постом и умерщвлением тела вооружиться против них, то безуспешно будешь трудиться; если же источник освятишь смирением и молитвою, как мы сказали, то сообщишь освящение и внешнему телу. Это же, мне кажется, и апостольское внушает слово, заповедающее *препоясать чресла наша истиною* (Еф. 6, 4), как и некоему из отцов полюбомудрствовалось, что когда умозрительная сила укротит похотную, тогда стихают и страсти подчресленные и подчревные.

28) Потребно и тела умерщвление, и соразмерное воздержание в пище и питии, чтоб оно не сделалось необузданным и не стало насиловать помысла. Плотские страсти ничем другим не врачуются, как умерщвлением тела, споспешествуемым молитвою и смирением сердечным: что и есть нищета духом, которую ублажил Господь. Если убо желает кто обогатиться *освящением, без коего никто не узрит Господа* (Евр. 12, 14), да пребывает в своей келлии, умерщвляя тело и молитве прилежа в смирении, ибо для того, кто добре пребывает в уединении, келлия служит пристанищем целомудрия. Внешнее же все, особенно бывающее на торжищах и праздничных гуляниях, исполнено блудного примешения, которое чрез слух и зрение проникает в душу приближающегося к ним монаха и погружает его в срамные помышления и движения. Можешь и огнем попаляющим назвать этот мир грешный, который веществом горючим делает для себя вращающихся в нем и всякий в них вид добродетели превращает в пепел. Огнь не сожигающий нашелся некогда в пустыне (купина). Ты же вместо пустыни сиди в келлии и укройся в ней мало елико-елико, пока мимоидет зной страстности: ибо, когда она минет, пребывание на открытом воздухе не вредит. Тогда ты и духом нищею воистину будешь, господство над страстьми стяжешь и блестяще ублажена будешь от Того, Кто сказал: *блажени нищие духом, яко тех есть Царствие Небесное.*

29) И не праведно ли ублажены будут те, кои отнюдь не уповают на богатство, а на Него Единого, кои никому не желают угождать, кроме Него Единого, и живут в смирении пред лицом Его? Вознищенствуем же и мы духом, смиряясь, плоть умерщвляя и не стяжательствуя, да и наше будет Царствие Божие, и благих сподобимся надежд.

30) Предпосылая Евангелию как бы некое его сокращение (в изречениях о блаженствах), одним сим первым изречением (о нищете духом) сколько добродетелей обнял и сколько худых расположений отсек и лишил блаженства? – Но есть в нем еще и другое нечто. Что же такое? Указание на разные смирительные искушения, кои радостно переносить необходимо желающему плод принести Возделывателю душ наших. Как растениям необходимо перезябнуть зимою, чтоб плод принести, так искусительные прискорбности необходимы для плодоносия духовного. Кто не перетерпит доблестно тяжелого бремени встреченных искушений, тот не принесет плода, достойного небесных житниц и сокровищниц. – Всякий ревнитель совершенства достигает его чрез подъятие произвольных и непроизвольных трудов и лишений, из коих одни совне находят, другие у себя дома устрояются. Но одни свои произвольные не так благотворны, как находящие совне не по нашей воле. И любовь к Богу наиболее испытывается прискорбностию искушений непроизвольных. Произвольные лишения приготовляют душу к перенесению непроизвольных, ибо привыкши при первых ни во что ставить приятности житейские и славу, она легко уже переносит и последние. Нищий же духом по самому духу сей нищеты не только не смущается находящими скорбями, но считает себя повинным еще большим, как нуждающийся в сильнейших врачевствах покаяния. Почему живет, деннонощно ожидая всякой скорби, и принимает всякое искушение как подобающую ему принадлежность, и радуется, когда подпадает им, как вступивший в очистилище души своей, делая то предметом сокрушеннейшей и действеннейшей молитвы, как источник и охрану благонастроения душевного; вследствие чего не только не злопамятствует на ввергших его в искушение, но и благодарность им изъявляет, и молится о них, как о благодетелях. За это и сам он не только прощение получает содеянных грехов, по обетованию Спасителя, но сподобляется и благословения Божеского и Царствия Небесного, ублажен будучи от Господа ради долготерпения своего до конца в духе смирения.

31) После стяжавших неотъемлемое богатство нищетою в духе, Единый блаженный объявляет причастниками блаженства Своего плачущих, говоря: *блажени плачущии, яко тии утешатся* (Мф. 5, 5). Почему же Христос Господь так тесно сочетал с нищетою плач? Потому что он никогда не разлучен с нею. Но *печаль* при мирской нищете *смерть* души *соделовает,* говорит Апостол; а *печаль* при нищете *по Богу покаяние нераскаянно во спасение*

души соделовает (2 Кор. 7, 10). Притом за непроизвольною нищетою следует непроизвольный плач, и за произвольною произвольный. Поелику ублажаемый здесь плач соединяется с нищетою по Богу, то подразумевается, что он ради нее бывает и от нее, как от причины, во всем зависит, и только в связи с нею духовен и произволен. – Но посмотрим, как блаженная нищета порождает блаженный плач.

32) Четыре вида духовной нищеты показали мы немного выше, – в мудровании, в содержании тела, в житейском состоянии, в искушениях, совне находящих. Но никто из вас, слыша, как они раздельно излагаются, не предполагай, что они и в действительности разделены бывают: ибо они обыкновенно все вместе проявляются; почему все заключены и в блаженстве одном, которое дивно вместе показывает и то, где их как бы корень и источник, именно в нашем духе. Ибо он, приемля в недро свое благодать Евангелия, как сказано, дает из себя источник нищеты, напояющий все лицо земли нашей, т. е. нашего внешнего человека, и соделовает его раем добродетелей.

33) От каждого из сих четырех видов нищеты рождается свой особый плач, с соответствующим тому и утешением. От нищеты в содержании тела со смирением, – которую составляет алчба, жажда, бдение и всякое вообще лишение и умерщвление плоти, и сверх того строгое хранение чувств, – рождается не только плач (жалость, скорбение), но и слезы. Ибо как нечувствие, огрубение и ожесточение сердца рождаются обыкновенно от упитания и всем довольствования тела, так от воздержания и скудной диеты – сокрушение сердца и умиление, коими уничтожается всякая горечь при телесных лишениях и доставляется тихая сладость жизни с ними. – Без сокрушения сердца невозможно, говорят, избавиться от чувств греховных; сердце же приводит в сокрушение троякое воздержание – в сне, в пище и в телесном покое. Душа, освободившись чрез телесное сокрушение от таких чувств и от горечи их, восприемлет вместо них духовную отраду. И это есть то утешение, ради коего Господь, духовную нам устроивший лествицу, говорит: «жажда и бдение сокрушают сердце; при сокрушенном же сердце исторгаются слезы. Испытавший сие, *возсмеется о сем,* блаженным т. е. смехом (Лк. 6, 21), утешившись, как обетовал Господь (Леств. сл. 6, 13). Так от боголюбезной телесной нищеты рождается плач, блаженно утешающий стяжавших его. А от самоуничижившегося мудрования и божественного в глубине души смирения – как?»

34) Со смирением души всегда сопребывает самоуничижение; а оно вначале в сильнейшее напряжение приводится страхом мук вечных, пред очи представляя страшнейшее оное в одном мучилище сопребывание со врагами, и к сему прибавляя еще страх и от помышления о том, что муки те неизреченны, что нет слов для выражения их; а нескончаемость их какого еще наддает ужаса! – Жар, холод, тьма, огнь, узы, страшилища, червей неусыпающих грызение – воедино собираются в оном наказании. Но и этим всем еще не представляется весь тогдашний ужас, как он есть, судя по сказанному о противоположном состоянии: *и на сердце человеку не взыдоша* (1 Кор. 2, 9). И как бесполезен, как безотраден будет тот конца не имеющий плач! Здесь в тех, кои в Бога согрешают, приходит в движение от сознания своих прегрешений плач, смягчаемый надеждою помилования. Там же в обличенных и осужденных, при отъятии всякой благой надежды и при отчаянии во спасении, невольное обличение и грызение совести плачем будет безмерно увеличивать надлежащую муку. И сейчас плач, и всегда плач, и сие сознание непрестаемости его новый рождает плач! Также и тьма на тьму будет, и жжение на жжение без малейшей прохлады. И все объемлет бесконечная бездна отчаяния.

35) Ныне же здесь плач драгоценен. Ибо внемлет ему Бог, даже до нас нисшедший присещением Своим и плачущим давший обетование утешения, так как Сам есть и именуется Утешителем. Видел ты теперь плач, который от смирившейся души исходит и с собою утешение приносит? Впрочем, самоуничижение и одно само по себе, как некое мысленное точило для умовой части души, тяжело гнетет и сокрушает, и спасительное выжимает вино,

веселящее сердце человека, внутреннего нашего человека. Вино же сие есть сокрушенное умиление, которое плачем сокрушает страсти и душу исполняет блаженной радости, избавив от сей лютой тяготы. Почему *блажени плачущии, яко те утешатся.*

36) От нестяжательности, или что то же, от имущественной бедности, когда она соединяется с нищетою духом: ибо только в таком случае она Богоугодна, – от такой нищеты как приходит плач и сущее в нем утешение, – послушай и внемли разумно. Когда человек, оставя все, отрекается от сребра и злата и от всякого имущества, бросив то или расточив по заповеди, тогда, отторгши душу от заботы о сем, дает он ей возможность обратиться к попечению о себе самой, освободившись от дел житейских, совне развлекающих ее. Когда же ум отторгнется от всего чувственного и, возникнув от потопления заботою о сем, начнет всматриваться во внутреннего человека; тогда, увидев лицо его до отвратительности загрязненным от блуждания долу, во-первых спешит обмыть его плачем, потом, по снятии с него этого безобразного покрова, так как душа не развлекается более недостойными ее вещами, несмущенно входит во внутренние ее сокровищницы и там втайне молится Отцу, Который прежде всего дает ему мир помыслов, как готовое вместилище для благодатных дарований, и вместе с ним совершенное смирение, родительницу и хранительницу всякой добродетели, – не то смирение, которое состоит в нетрудных для всякого желающего смиренных словах и позах, но то, которое свидетельствуется благим Божественным Духом и которое созидает дух, *обновляемый в утробах наших* (Пс. 50, 12). В сих же (мире и смирении), как в крепко огражденном рае мысленном, возрастают всякого рода древа истинной добродетели, посреде которых воздвизается царский священный чертог любви, а в предверии, как предначатие будущего века, цветет неотъемлемая неизреченная радость. Ибо нестяжательность есть мать беспопечения; беспопечение – внимания и молитвы; эти – плача и слез; а эти – изглаждают все предвзятое (прежние грехи); по изглаждении же сего удобно прочее совершается путь добродетели, потому что тогда устраняются всякие к тому препоны и совесть соделовается безукоризненою. От всего сего источается радость и блаженный смех душевный (Лк. 6, 21). Тогда горькие слезы претворяются в сладость, *словеса* Божии *сладки* бывают *гортани и паче меда устом* (Пс. 118, 103), в молитве прошение изменяется в благодарение, поучение в свидениях Божественных бывает в радование сердца с упованием непостыдным, – испытывается то, что вещает псалом: *вкусите и видите, яко благ Господь* (Пс. 33, 9), – веселие праведных, радость обиженных, отрада уничиженных и утешение плачущих Его ради.

37) Но простремся и далее слово наше, веруя тому, что изрекали святые отцы наши, и других к тому же убеждая, как говорит Апостол по писанному: *веровах, темже возглаголах, – и мы веруем тем-же и глаголем* (Пс. 115, 1; 2 Кор. 4, 13). Когда изгнана будет всякая гнездящаяся в нас страсть, и ум, как уже сказано выше, возвратясь к себе и к другим силам душевным, возделанием добродетелей благоукрасит душу, все простираясь к совершеннейшему, еще и еще деятельные полагая восхождения, паче и паче с Божией помощью себя омывая: тогда он не только худое отревает, но вообще все привходящее гонит вон, хотя бы оно принадлежало и к доброй части, и востекши выше всего мысленного и всяких немечтательных о нем помышлений, и все то по любви и ради любви к Богу отложив; *яко глух и нем* (Пс. 37, 14), предстоит Богу. Тогда ничто внешнее не толчет в двери ума, потому что благодать держит внутреннее в наилучшем настроении и неизреченным, – что предивно, – светом осиявает его, совершенствуя сим внутреннего человека. Когда же таким образом *день озарит и денница возсияет в сердцах наших* (2 Пет. 1, 19), тогда, по пророческому слову, *изыдет* истинный *человек* на истинное *делание свое* (Пс. 103, 23), и, пользуясь светом тем, емлется пути, коим возводится на горы вечные и премирных вещей во свете оном зрителем делается.

38) Почему божественный Нил говорит: «состояние ума настоящее есть мысленная высота, цвету небесному подобная, в которую во время молитвы присещает и свет Святой Троицы». И опять: «если кто хочет видеть ум в настоящем его состоянии, пусть упразднит

себя от всех помышлений, тогда увидит его подобным сапфиру, или небесному цвету. Но этого сделать нельзя без бесстрастия: ибо для сего потребна помощь Божия и божественного Его света излияние». И Диадох святой говорит также: «два блага подает нам святая благодать чрез крещение, из коих одно безмерно превышает другое: первое то, что она обновляет нас в воде и осиявает то, что есть в нас по образу Божию, отъемляя всякую нечистоту греховную в нас; другое же то, что она начинает действовать вместе с нами. Итак, когда ум начнет полным чувством вкушать благостыню Святого Духа, тогда ведать должны мы, что благодать начинает как бы живописать в нас на том, что по образу, то, что по подобию: так что чувство то показывает, что мы образуемся в подобие; совершенство же подобия познаем из просвещения». – И опять: «духовной любви никто не может стяжать, если вполне удостоверительно не просветится от Святого Духа: ибо если ум чрез божественное просвещение не приимет в совершенстве того, что по подобию, то хотя все другие добродетели может он иметь, совершенной же любви все еще остается непричастным». Равным образом и св. Исаак говорит: «ум облагодатствованный во время молитвы видит свою чистоту подобною небесному цвету, который старцами Израиля назван был местом Божиим, когда узрен был ими на горе».

И опять: «есть чистота ума, в коей во время молитвы воссиявает свет Святой Троицы. Но удостоиваемый света оного ум и соединенному с ним телу сообщает многие знаки божественной красоты, стоя посреде божественной благодати и дебелой плоти и сообщая ей силу на то, что ей самой не под силу. Отсюда боговидное и неподражаемое добродетельное настроение, на зло совсем не подвижное, или неудобоподвижное».

39) Вот до какой высоты возводит блаженный плач смиренных сердцем и нищих духом. Но скажем о нем и еще нечто. – Сопутствует он и всем видам непроизвольной, или мирской, нищеты. Ибо как не печалиться тому, кто и деньгами скуден, и голодует невольно, и трудами обременен, и почетом заделен? – Тут плач безутешен, пока продолжается бедность, особенно, если терпящий сие не имеет истинного ведения. Ибо таковой не сласти и горести чувственные подчиняет разуму, а сам подчиняется им, и злоупотребляя изворотливостью ума, увеличивает их паче надлежащего не только без пользы, но и с большим для души вредом. Явному подвергает он себя обличению тем, что не крепко верует Евангелию Божию, предшествовавшим ему пророкам и последовавшим ему ученикам Его, посланным благовествовать, чрез нищету достающееся, не оскудевающее богатство, чрез бесславия – неизреченную славу, чрез лишения – бесскорбное утешение, чрез претерпение находящих искушений – избавление от вечного томления и скорбения, отложенного тем, кои возлюбили здешнюю распущенную жизнь и не восхотели узкими вратами и тесным путем пройти в живот. Добре сказал апостол Павел, что *сего мира печаль смерть соделовает* (2 Кор. 7, 10). Ибо если истинная жизнь души есть божественный свет, от плача по Богу приходящий, как выше сказано словами отцов, то смерть души будет лукавый мрак, от печали мира сего находящий на душу, тот мрак, о котором Василий Великий говорит: «грех, в оскудении добра существование свое имеющий, неправдами мрак мысленный образует». И божественный Марк говорит: «злыми помыслами объемлемый как увидит сокрытый под ними существенный грех, который есть мрак и туман души, от злых помышлений, слов и дел находящий на нее? Не узревший же сего общего греха когда возмолится о нем и очистится? А неочистившийся как найдет место чистого естества? Его же не нашедший, как узрит внутреннейшее обиталище Христово?»

40) Итак надлежит постоянною молитвою взыскать сие обиталище, и не только стяжать, но и сохранить. Ибо есть такие, которые после того как получили сие, потеряли. Голое о сем знание или случайный опыт имеют, может быть, и нескорые на учение, и юные; постоянное же с терпением делание такое не все имеют и благоговейные из старцев, и многоопытные. С сим согласуется и Макарий, небесный по ведению, и весь сонм преподобных.

41) Но как мрак сей получает существование свое от всех прегрешений; так, если исследуешь и печаль мира сего, найдешь, что она порождается и держится всеми страстями. Она носит образ и есть как бы начало, преддверие или залог имеющего прийти будущего нескончаемого плача для тех, кои не восхотели избрать себе ублаженный Господом плач, который не только здесь приносит утешение, служа вместе с тем залогом и вечного радования, но и добродетель крепко твердою делает, делая душу непреклонною на худшее. Ибо обнищавший, смирившийся и уничижившийся по Богу, если преуспевая на лучшее, не стяжет при том плача, бывает удобопревратен и охоч возвращаться мыслию к тому, что оставил, и вожделевать того, от чего отстал, делая себя таким образом преступником. Если же пребывая постоянным в расположении к блаженной нищете и внемля ей, водворит он в себе плач, то бывает непреклонен к оставленному позади себя и не отбегает зле к тому, от чего прежде, добре делая, убежал. *Печаль бо яже по Бозе,* как говорит Апостол, *покаяние нераскаянно во спасение соделовает* (2 Кор. 7, 10). Почему некто и из отцов говорил: «плач делает и хранит». – И не этот только плод от плача, что от него человек делается почти неподвижным на худое, и неудобовозвратным к прежним грехам, но и тот, что грехи сии становятся как бы не бывшими. Ибо так как человек из-за них вначале плачет, то Бог почитает их как бы невольными в нем; что же невольно, то не вменяется в вину. Как плачущий о бедности свидетельствует тем, что она у него непроизвольна, почему вместе с *хотящими богатитися,* или уже богатящимися, *впадет* в *сети* диавола, и, если, изменяясь, не поспешит убежать из сетей сих, предпошлет себя чрез то в муку вечную (2 Тим. 6, 9): так в Бога согрешающий, если, раскаявшись, в плаче о грехах проводит дни свои, то праведно грехи его вменяются ему в непроизвольные, и он, вместе с не согрешавшими подобно ему, будет без соблазна для них тещи путем, вводящим в Живот Вечный.

42) Таков плод начала плача, которое бывает болезненно, так как с ним соединяется страх Божий. Но простираясь в предняя, он дивно сочетавается с любовию Божиею и приносит сладчайший и священный плод утешения по благостыни Утешителя, который (плод) вкушает окачествовавшиеся плачем (у кого плач стал чертою характера) и который для неиспытавших его есть нечто неслыханное, яко неизреченное. Ибо если сладости меда никто не может внятно изъяснить словом не вкушавшим его, то кто изъяснит сладость радости и благодати, кои от Бога, не испытавшим ее? Конечно, никто.

43) Начало плача есть как бы некое искание обручения Божия, которое кажется недостижимым. Почему при сем произносятся некоторые как бы предобручальные слова теми, кои, по сильному желанию сего, плачут, раздираясь сердцем пред Женихом и призывая Его рыданиями. Конец же плача – брачное в чистоте совершенное сочетание. Почему Павел, назвав *великим таинством* сочетание супругов во едино тело, говорит: *Аз же глаголю во Христа, и во Церковь* (Еф. 5, 31, 32). Ибо как те бывают едино тело, как Божии един дух бывают с Богом, как негде тот же Апостол сказал: *прилепляяйся Господеви един дух есть с Господом* (1 Кор. 6, 17). – Где те, кои говорят, что благодать, обитающая во святых, есть нечто тварное? Да ведают они, что хулу изрекают на Самого Духа, Коего причастными бывают святые.

44) Мы же предложим еще и другой, более выразительный пример в уяснение того, о чем у нас речь. Начало плача подобно возвращению блудного сына: ибо и он делателя своего исполняет стыдением и те же заставляет говорить слова: *Отче, согреших на небо и пред Тобою, и несмь достоин нарещися сын Твой* (Лк. 15, 21). Конец же его подобен сретению и объятию Небесного Отца, коих, по богатству неизреченного благоутробия, сподобясь, сын исполняется радостию и дерзновением, лобзание приемлет и дает, входит в дом вместе с Отцом и с Ним трапезует, небесное при сем вкушая радование.

45) Придите же и мы, в блаженной нищете духом, *припадем и восплачемся пред Господом* Богом нашим (Пс. 94, 6), чтоб и прежние грехи омыть, и неподвижными на зло самих

себя соделать, и причастия Духа Утешителя сподобиться, и Им пребыть утешаемыми, Ему славу воссылая с безначальным Отцом и Единородным Сыном, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Святого отца нашего Григория Паламы, архиепископа Солунского, Десятословие по христианскому законоположению

1) *Господь Бог твой, Господь Един есть* (Втор. 6, 4), во Отце, и Сыне, и Духе Святом познаваемый: во Отце нерожденном, в Сыне рожденном безначально, безвременно и бесстрастно, яко Слове, Который, помазав Собою принятое Им от нас, наименовался Христом, и в Духе Святом, так же из Отца не рожденно, но исходно происходящем. Сей единый есть Бог и сей есть Бог Истинный, в Троице ипостасей – Господь един, естеством, волею, славою, силою, действом и всеми свойствами Божества не разделяемый.

2) *Его единаго возлюбиши, и Ему единому послужиши, всем помышлением твоим, всем сердцем твоим и всею крепостию твоею; и да будут словеса Его и заповеди Его в сердце твоем,* чтоб творить их, поучаться в них и говорить о них, *сидя в дому и идя путем, лежа и востая* (Втор. 6, 5–7). Всегда помни Господа Бога твоего и бойся Его Единого, и никогда не забывай Его и заповедей Его; и тако Он даст тебе силу творить волю Его. Ибо Он ничего другого не требует от тебя, *точию еже боятися Его, и любити Его, и ходити во всех путех Его* (Втор. 10, 12).

3) Он хвала твоя, и Он Бог твой. Не дивись без меры бесстрастию и невидимости премирных Ангелов, ни крайнему лукавству ниспадших оттуда сил, их хитрости и злокозненности на прельщение нас, и не дерзай думать, что в них есть что-либо равночестное Богу. Не засматривайся на величие неба и многообразность его движения, ни на блеск солнца, ни на светлость луны, ни на других звезд сияние, на пригодность воздуха к дыханию и на многополезность моря и земли и бойся что-либо из сего сделать для себя богом. Ибо все сие работно Ему, как творение Его, словом Его из небытия к бытию воззванное. *Яко Той рече, и быша: Той повеле, и создашася* (Пс. 32, 9).

4) Сего убо Единого славь, к Нему прилепися любовию и Ему кайся день и ночь в вольных и невольных грехах своих. Ибо Он *щедр и милостив, долготерпелив и многомилостив* (Пс. 85, 15), – вечный Благодетель, обещающий и дающий Царствие Небесное непрестающее, жизнь беспечальную и бессмертную и свет невечерний в наслаждение чтущим Его и любящим, поклоняющимся Ему и заповеди Его хранящим. Но Он же есть и Бог ревнитель, Судия Праведный и страшный Отмститель, воздающий нечествующим в Него, не покоряющимся Ему и заповеди Его оставляющим муку вечную, огнь неугасимый, страдание непрестающее, скорбь безутешную, тьму кромешную, скрежет зубов, червь неусыпающий, – что уготовал первому отступнику лукавому и с ним всем, прельщенным от него и последовавшим ему и оставившим Творца своего делами, словами и помышлениями.

5) *Не сотвори себе всякаго подобия, елика на небеси горе, и елика на земли низу, и елика в водах,* чтоб служить тому и поклоняться яко Богу (Исх. 20, 4). Ибо все есть творение Единого Бога, Который в последние веки, из девственной утробы плоть прияв, на земли явися и с человеки поживе, и за спасение людей пострадав, умерши и воскресши, на небеса с телом вознесся и сел одесную величествия на высоких, с каковым телом опять придет судити живых и мертвых. Сего, ради нас вочеловечившегося, икону сотвори по любви к Нему и чрез нее воспоминай о Нем, чрез нее поклоняйся Ему, чрез нее возводи ум свой к поклоняемому телу Спасителя, седящему во славе одесную Отца на небесах. – Равным образом и святых иконы и твори, и поклоняйся им, не как богам, что воспрещено, – но во свидетельство твоего с ними общения любви к ним и чествования их, ум свой возводя к ним чрез иконы их; как и Моисей сотворил иконы Херувимов и поставил во Святом Святых, да и само Святое Святых было образом пренебесных вещей, а Святое носило образ всего мира,

и Моисей назвал его Святым, не твари славя, но чрез них мир сотворшего Бога. – И ты не почитай богами икон Господа Иисуса Христа и святых, но чрез них поклоняйся по образу Своему вначале нас создавшему, а после сей самый нашенский образ Свой благоволившему восприять по неизреченному человеколюбию Своему и в нем описуемым соделаться.

6) И не образу только Христа Господа поклоняйся, но и образу Креста Его, потому что он есть знамение победы Христовой над диаволом и над всем полчищем сопротивных сил, почему они трепещут и бегут, когда видят его изображаемым. Образ сей, и прежде появления первообраза, был высоко прославлен в пророках и явил великие и дивные чудеса, и во Второе пришествие распеншегося на нем Господа Иисуса Христа, имеющего прийти судить живых и мертвых, предыдет пред Ним, яко страшное и великое знамение Его силы и славы. Славь же Его ныне, чтоб тогда с дерзновением воззреть на Него и спрославиться с Ним. И иконам святых поклоняйся, яко сраспеншихся Христу, крест изображая на лице своем и на память приводя действенно проявившееся в них причастие страстям Христовым. Равным образом чти и гробницы святых и какие-либо останки от костей их: ибо не отступила от них благодать Божия, как и от поклоняемого тела Христова не отступало Божество во время животворящей Его смерти. Делая же сие и славя прославивших Бога, как явившихся чрез дела совершенными в любви Божией, ты вместе с ними прославлен будешь от Бога и с Давидом воспоешь: *мне же зело честни быша друзи твои, Боже* (Пс. 138, 17).

7) *Не возмеши имене Господа Бога твоего всуе* (Исх. 20, 7), – ложно божась или клянясь ради чего-либо земного, или ради страха человеческого, или ради стыда, или ради собственной корысти. Клятвопреступление есть отречение от Бога. Потому не спеши божиться, но всячески избегай божбы, боясь как бы ради нее не впасть в клятвопреступление, от Бога отчуждающее и к беззаконным причисляющее. Но будь истинен во всех словах своих, и доставишь им чрез то твердость клятвы. Если же когда случится тебе без нужды связать себя клятвою, то, *когда это* будет в чем-либо сообразном с божественным законом, делай то, поколику оно законно; а вину свою, что так неосмотрительно поступил, очисть милостынею, молитвою, плачем и тела озлоблением, умилостивляя тем Христа, рекшего: не клянись, или не божись. – *Когда же то* будет в чем-либо беззаконном, то смотри из-за божбы своей (неразумной) отнюдь не делай дела беззаконного, чтоб не быть сопричастну к пророкоубийце Ироду. Но оставь эту беззаконную клятву неисполненною, положи потом себе законом не божиться и не клясться без разбора, спеша умилостивить Бога, приболезненнейше пользуясь вышеуказанными врачевствами.

8) Один день недели, – который называется Господним, потому что посвящается Господу, воскресшему в оный из мертвых и тем общее всех воскресение предуказавшему и в нем предуверившему, – этот день *святи* (Исх. 20, 10–11), и никакого житейского дела в оный не делай, кроме необходимых, и всем, кои под тобою и с тобою, давай покой, чтоб вместе славить стяжавшего нас Своею смертию и воскресением Своим совоскресившему наше естество. Воспоминай будущий век и поучайся во всех заповедях и оправданиях Господних; и самого себя испытуй, не преступил ли или не оставил ли чего, и исправь себя во всем. Посещай в день сей храм Божий и будь на всех службах церковных; причащайся Святого Тела и Крови Христовой и начало полагай исправнейшей жизни; обновляй себя и уготовляй к принятию будущих вечных благ, ради которых земным не пользуйся на зло даже и в прочие дни; в день же Господень, чтоб Богу приседеть, совсем все то оставляй, кроме необходимейшего, без чего жить нельзя. Имея таким образом Бога местом прибежища, ты не преступишь заповеди, огня страстей не возжжешь и бремени греха на себя не возьмешь; и тако освятишь день субботний, субботствуя неделанием зла. – Дню Господню уподобляй и великие узаконенные праздники, то же в них делая и от того же воздерживаясь.

9) *Чти отца твоего и матерь твою* (Исх. 20, 12), ибо чрез них Бог ввел тебя в жизнь, и после Бога они суть виновники твоего существования. Почему и ты после Бога их почитай

и люби, если любовь к ним содействует любви к Богу, если же не содействует, то отстранись от них. Коль же скоро они препятствием будут тебе, особенно в деле веры истинной и спасительной, яко неправославные, то не только отстранись, но и отвратись от них, и не только их, но и всех других такого рода людей. Ибо Христос Господь сказал: *аще кто не возненавидит отца своего, и матерь, и жену, и чад, и братию, и сестр, еще же и душу свою, и не приимет креста своего и в след Мене грядет, несть Мене достоин* (Лк. 14, 26, 27; Мф. 10, 37, 38). Так должно относиться к тем по плоти отцам, друзьям, братьям, кои препятствуют спасению; тех же, кои единоверны и не препятствуют спасению, и почитай и люби.

10) Если же по плоти отцов так, то сколь более должен ты почитать и любить отцов, родивших тебя по духу? которые из бытия претворили тебя в благобытие, сообщили тебе свет ведения, научили тебя явно истинствовать, возродили банею пакибытия, вложили в тебя надежду воскресения и бессмертия, непрестающего Царствия и наследия, и соделали из недостойного достойным вечных благ, из земного небесным, из временного вечным сыном и учеником не человека, а Богочеловека Иисуса Христа, давшего тебе дух сыноположения, как Сам Он сказал: *и Отца не зовите себе на земли: един бо есть Отец ваш, Иже на небесех. Ниже нарицайтеся наставницы: един бо есть наставник ваш, Христос* (Мф. 23, 9, 10). Всякую убо честь и любовь должен ты воздавать отцам своим духовным, поколику честь к ним возносится ко Христу Господу и к Духу Святому, *в коем приял ты сыноположение* (Рим. 8, 15), и к Отцу Небесному, из *Негоже всяко отчество на небесех и на земли именуется* (Еф. 3, 15). Постарайся во всю жизнь иметь духовного отца и открывать ему всякий грех и всякий помысл и получать от него отпущение и врачевство: ибо им дано вязать и разрешать души, и все, что они свяжут на земли, будет связано на небеси, и все, что они разрешат на земли, будет разрешено и на небеси (Мф. 18, 18). Сию благодать и власть получили они от Христа; почему повинуйся им и не противоречь им, чтоб не причинить погибели душе своей. Ибо если противоречащий плотским родителям в том, что не воспрещено Законом Божиим, по закону предается смерти, то противоречащий духовным отцам не изгонит ли из себя Духа Божия и не погубит ли души своей? Почему советуйся с духовными отцами своими и слушайся их до конца, да спасется душа твоя и наследует вечные и нетленные блага.

11) *Не прелюбы сотвори* (Исх. 20, 14), чтоб вместо того, чтоб быть членом Христовым, не стать членом блудничим (1 Кор. 6, 15) и, по отсечении от тела божественного, не быть ввержену в геенну. Если дщерь жреца, осквернившаяся блудом, по закону огнем сжигается, как посрамившая отца (Лев. 21, 9), сколь паче телу Христову такое осквернение причинивший повинен будет мучению вечнующему?

12) Но если вмещаешь, и девство храни, да возможешь весь быть Божиим и к Нему прилепиться совершенною любвию, Ему приседя всю жизнь, неразвлеченно всегда печась об одном Господнем, будущую предвкушая жизнь и как Ангел Божий жительствуя на земле: ибо девство их принадлежность, и им уподобляется тот, кто прилепляется к девству; но еще более, чем им, уподобляется он Отцу, прежде всех век девственно рождшему Сына, и девственному Сыну, из девственного Отца рожденно происшедшему вначале, в последние же лета от Девы Марии плотию нетленно рождшемуся, и Духу, из Единого Отца, не рожденно, но исходно происходящему неизреченно. Сему единому Богу уподобляется и нетленным браком сочетавается предызбравший истинное девство, и девствуя душою и телом, всякое чувство, слово и помышление украшающий красотами девства.

13) Если же не почитаешь ты девствовать и не дал обета о сем Богу, то подобает тебе пояти о Господе одну законную жену и с нею одною жить и как собственный тебе сосуд иметь во святыне, от чужих всеми силами воздерживаясь. Тебе можно от них совершенно воздержаться, если будешь блюстись от неуместных с ними сообращений, не станешь услаждаться блудническими словами и слышаниями, и самое зрение свое, телесное и душевное, отвращать будешь от них, сколько возможно, и навыкнешь не засматриваться с любопыт-

ством на красоту лиц. Ибо всяк, *иже воззрит на жену, ко еже вожделети ея, ужелюбодействова с нею в сердце своем* (Мф. 5, 28), и по сей причине нечист есть пред Христом, смотрящим в сердце. От сего же ниспадает бедный сей и до срамных дел плотских не только до блудов, прелюбодеяний и других естественных смешений, но и до всяких неестественных непотребств. Ты же, отсекая от себя горькие корни, не смертоносные будешь приносить плоды, но сотворишь плод чистоты и сущей в ней *святыни, ея же кроме никтоже узрит Господа* (Рим. 6, 22; Евр. 12, 14).

14) *Не убий* (Исх. 20, 13), чтоб не лишиться сыновства Тому, Кто и мертвых животворит, и не стать делами своими сыном исконного человекоубийцы. Поелику же убийство происходит от ударов, удары от поношения и брани, эти от гнева, а гнев от причиняемого нам другими ущерба и вреда, или от удара, или от поношения: то *от вземляющаго ти ризу, и срачицу не возбрани,* сказал Христос (Лк. 6, 29), ударившему не отплачивай ударом и поносящему – поношением. Ибо таким образом и себя самого, и озлобляющего тебя избавишь ты от греха убийства. Ты получишь прощение, в чем погрешил пред Богом; ибо говорится: *отпущайте, и отпустят вам* (Лк. 6, 37), а злословивший о тебе и зло тебе сделавший приимет наказание – муку вечную; ибо *кто речет брату своему: уроде, повинен есть геенне огненней* (Мф. 5, 22), сказал Христос. Итак, если сможешь с корнем исторгнуть зло и в душу вселить блаженную кротость, воздай славу Христу, наставнику и содетелю добродетелей, без Коего, как научены, не можем мы сделать ничего хорошего. Если же не можешь пребыть безгневным, укори себя, когда погневаешься, и покайся пред Богом и пред тем, кто услышал от тебя или пострадал что злое. Ибо кто в начатках греха раскаивается, тот не дойдет до конца его: и кто о малых грехах не болезнует, тот чрез них впадет и в великие (Сир. 19, 1).

15) *Не укради* (Исх. 20, 15), *да не сокровенных Ведатель* (Дан. 13, 42) тебе, яко презрителю Его, воздаст многократным наказанием. – Лучше убо из того, что есть у тебя, тайно подай нуждающимся, да от видящего в тайне Бога приимешь стократно больше того и в будущем веке Жизнь Вечную.

16) *Не послушествуй на друга своего свидетельства ложна* (Исх. 20, 16), да не уподобишься в начале оклеветавшему Бога пред Евою, и да не будешь подобно ему проклят. Лучше же прикрой падение ближнего, если от этого не будет вреда для других, чтоб не Хаму уподобиться, а Симу и Иафету, и благословения сподобиться.

17) *Не пожелай* чего из принадлежащего ближнему твоему, ни стяжаний его, ни денег, ни славы, *ни всего, елика суть ближняго твоего* (Исх. 20, 17). *Ибо похоть в душе зачавшись раждадает грех, грех же содеянный раждает смерть* (Иак. 1, 15). Ты же, не желая чуждого, воздержись и от хищения по лихоимству. Лучше же и от своего давай просящему, и оказывай милость по силе своей нуждающемуся в милости, и не отвращайся от хотящего занять у тебя. Если найдешь что потерянное другим, сбереги то для владельца, хотя бы он был из враждебно к тебе расположенных. Ибо таким образом ты и его примиришь с собою, и победишь благим злое, как повелевает тебе Христос.

18) Соблюдая все сие всеми силами и по таким правилам жительствуя, ты вложишь в душу свою сокровище благочестия, и угодишь Богу, и ублажен будешь от Бога и тех, кои суть по Богу, и наследником соделаешься вечных благ, коих сподобиться буди всем нам благодатию и человеколюбием Господа и Бога, и Спаса нашего Иисуса Христа, Коему подобает всякая слава, честь и поклонение, со безначальным Его Отцом, и всесвятым, благим и животворящим Его Духом, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Его же
О священно-безмолвствующих

Вопрос ему

Некоторые говорят, что мы худо делаем, стараясь ум свой заключить внутрь тела; ибо, говорят, гораздо нужнее и полезнее всячески простирать его вовне тела. При этом сильно осуждают они некоторых из наших, пиша против них за то, что они внушают новоначальным смотреть в себя и чрез дыхание внутрь вводить свой ум, говоря, что ум не разделен с душою. Если же он не разделен, а соединен с нею, то как опять вводить его внутрь? – Обвиняют они их еще за то, будто они учат божественную благодать вселять внутрь чрез ноздри. – Но я, зная, что это сущая клевета (ибо не слышал, чтоб кто-либо из наших говорил так), заключил из сего, что и другие их нападки суть тоже злостная клевета; ибо им обычно выдумывать против людей то, чего нет, а что есть, то злостно извращать. – Однако же и тебя прошу, отче мой, научить меня, как и почему с особенным тщанием стараемся мы вводить ум внутрь и не считаем худым заключать его в теле.

Ответ его тем, кои в безмолвии внимают себе, небесполезно стараться держать ум свой внутрь тела

1) Брате! Не слышишь, как говорит Апостол, что *телеса наши храм живущаго в нас Святаго Духа суть* (1 Кор. 6, 19), – и опять, что мы *храм Божий есмы* (1 Кор. 3, 16), как и Бог говорит: *вселюся в них и похожду, и буду им Бог* (2 Кор. 6, 16)? – Что же сподобилось быть жилищем Бога, в то вселитт ум свой кто из имеющих ум сочтет чем-либо неподобным? Как и Бог в начале вселил ум в тело? Ужели и Он худо сделал? – Такие слова, брате, прилично обратить к еретикам, кои говорят, что тело зло и есть творение злого начала. Мы же быть уму в телесных мудрованиях почитаем злом, а в теле ему быть не почитаем злом: так как тело не зло. Почему каждый из прилепляющихся к Богу жизнию вопиет к Нему с Давидом: *возжада Тебе душа моя, коль множицею Тебе плоть моя* (Пс. 62, 2), и: *сердце мое и плоть моя возрадовастася о Бозе живе* (Пс. 83, 3), и с Исаиею: *чрево мое, аки гусли возгласит, и внутренняя моя аки стену обновил еси* (Ис. 16, 11), – и: *страха ради Твоего во чреве прияхом… Дух спасения Твоего…и не падемся* (Ис. 26, 18). Если Апостол и называет тело смертию, когда говорит: *кто мя избавит от тела смерти сея* (Рим. 7, 24), то разумеет при сем чувственное и плотское мудрование. Применяя сие последнее к духовному, он справедливо назвал его телом, и не просто телом, но смертию тела. Почему несколько выше показывая, что не плоть обвиняет, а прившедшее вследствие падения стремление греховное, он говорит: я *продан под грех* (Рим. 7, 14). Кто же продан, тот не по естеству раб. И опять: – *вем,* говорит, *яко не живет во мне, сиречь, во плоти моей доброе* (там же – ст. 18). Видишь, что не плоть, а что живет в ней, называет он злом. Итак, зло то, что не ум, а этот *закон, сущий во удех наших и противувоюющий закону ума живет в теле* (там же – ст. 23). Почему мы, противовоюя сему закону греха, изгоняем его из тела и поселяем там ум, как епископа (над всем надзирающего и всем заправляющего), и чрез него полагаем законы каждой силе души и каждому из членов тела подобающее ему. Чувствам предписываем, что и в какой мере должно им воспринимать; – каковое дело закона духовного именуется воздержанием; желательную часть души настроиваем наилучшим расположением, коему имя любовь; мысленную часть улучшаем,

отгоняя все, что препятствует уму возноситься к Богу, – и сию частичку закона духовного называем трезвением.

2) Кто воздержанием очистит тело свое, а любовию соделает гнев и похотение поводом к добродетелям, молитвою же очищенный ум предстоять Богу научит, тот стяжет и узрит в себе обетованную чистым сердцем благодать; и тогда он может с Павлом говорить: *Бог рекий из тмы свету возсияти, иже возсия в сердцах наших, к просвещению разума славы Божия о лице Иисусе Христове. Имамы же сокровище сие в скудельных сосудех,* т. е. в телах (2 Кор. 4, 6, 7). Итак, если и мы будем держать ум свой внутрь тела, ужели будем делать нечто недостойное величия ума? И кто скажет это, кроме разве того, кто совсем не духовен, и ум имеет обнаженный от божественной благодати, хотя впрочем человеческий?

3) Душа наша одарена многими силами и пользуется, как орудием, телом, ею оживляемым. – Каким же органом, как орудием, пользуется в своей деятельности та сила ее, которую мы называем умом? – Никто никогда не думал, чтоб ум обитал в ногтях или ресницах, в ноздрях или ланитах. Но все согласны, что он внутрь нас есть, – расходятся только в том, каким внутренним органом, как орудием, пользуется он. Ибо одни водворяют его в мозгу, как в некоем акрополе (кремле); другие дают ему седалище в сердцевине сердца. С этим и мы согласны, поясняя только, что разумная сила наша в сердце не как в сосуде каком заключена, как нетелесная, и не вне его есть, как соединенная с ним, но есть в сердце, как в органе своем, как мы наверное это знаем, не от человеков сему научены быв, но от Самого Создателя человека, который говорит в Евангелии: *не входящее в уста сквернит человека, но исходящее изо уст, то сквернит человека. От сердца бо исходят помышления* (Мф. 15, 11, 19). То же говорит и Макарий Великий: «сердце правит всем органом, и, когда благодать займет все отделения сердца, господствует над всеми помыслами и членами, ибо там ум и все помыслы душевные». Итак, сердце есть сокровенная храмина ума и первый плотский орган мысленной силы.

4) Почему стараясь в тщательном трезвении надзирать над нашею мысленною силою, ею право править и ее исправлять, каким другим способом можем мы успеть в сем, как не собрав отвне рассеянный чувствами ум, и введши его внутрь, в это самое сердце, которое есть хранилище помыслов? Чего ради и блаженный Макарий немного ниже после приведенных выше слов говорит: «там убо должно смотреть, написала ли благодать законы духа». Там, где? – В главном органе, где престол благодати и где ум и все помыслы душевные, т. е. в сердце.

5) Видишь, как необходимо для тех, кои положили внимать себе в безмолвии, возвращать и заключать ум в теле, наипаче же в том, которое есть внутреннейшее в теле тело, которое мы называем сердцем. Ибо если, по Псалмопевцу, *вся слава дщере царевы внутрь* (Пс. 44, 14), то зачем нам искать ее где-либо вне? Если, по Апостолу, *посла Бог Духа Сына Своего в сердца наша, вопиюща: Авва Отче* (Гал. 4, 6), то как нам не в сердцах молиться с Духом сим? Если, по слову Господа, пророков и апостолов, *Царствие Божие внутрь нас есть* (Лк. 17, 21), то не будет ли и вне Царствия Небесного тот, кто так усердно старается изгнать ум извнутрь себя вовне?

6) Видишь, что, греху ли кто противостоять хочет, или добродетель пристяжать и венца за подвиг добродетельный сподобиться, или обрести залог сего венца – чувство духовное, необходимо внутрь тела и внутрь себя возвратить ум? Поставлять же ум не вне телесного мудрования, а вне самого тела, чтоб там он улучал умные созерцания, есть верх еллинского заблуждения, корень и источник их зломыслия, изобретение демонов, матерь невежества, дщерь бессмыслия. Почему говорящие по наущению бесов, выступают из себя, не понимая и того самого, что говорят. Мы же не только внутрь тела и сердца, но и внутрь себя самого вводим ум.

7) Не достойны ли потому осуждения те, которые говорят: ум не отделен от души, а соединен с нею, – как же опять вводить его внутрь? Не знают они, как кажется, что иное есть естество ума, а иное его деятельность. Или и знают, но, став произвольно на сторону обольстителей, на созвучии слов строят обманчивые софизмы. Ибо не приемля простоты духовного учения, они, как диалектически изострившиеся в противоречиях, по св. Василию Великому, извращают силу истины противоположениями лжеименного разума с софистическою убедительностию. Таковыми неизбежно и должны быть те, кои, не будучи духовны, дают себе однако ж свободу рассуждать и учить о духовном. Не безызвестно, конечно, им, что не как глаз, который прочие видимые вещи видит, а себя не видит, так и ум. Но он и прочие вещи, какие нужно, устремляется осматривать, – что, как говорит великий Дионисий, бывает по прямому движению ума, – а потом в себя возвращается, действуя обратным к себе движением, и себя самого зрит. Тот же отец называет это круговым движением.

8) Но то действие ума лучше и свойственнее ему, в котором он, выше себя иной раз бывая, с Богом соединяется. Ибо ум, говорит Василий Великий, не рассеивающийся по внешним вещам (видишь, что выходит? а выходящий имеет нужду в возвращении; почему говорит), возвращается к себе, от себя же восходит к Богу незаблудным путем. Ибо сему движению ума, как говорит оный незаблудный зритель духовных вещей, св. Дионисий, невозможно впасть в какое-либо заблуждение. Отец прелести, обмана и заблуждения, желающий всегда отводить человека от сего пути и вводить в тот, который совмещает и его прелести, никогда доныне, сколько нам известно, не находил споспешника себе, который постарался бы благими словами привлекать к нему. Ныне же, как кажется, нашел он себе союзников, которые, как ты сам сказал, слагают уже и слова, склоняющие к тому, и покушаются убедить всех, что во время молитвы гораздо лучше держать ум вне тела, даже тем, кои безмолвную избрали жизнь, не стыдясь ниже того, что Иоанн, устроивший нам лествицу, возводящую на небо, определительно и решительно высказал, что «безмолвник тот, кто существо бестелесное – душу свою – усиливается удерживать в пределах телесного дома» (Сл. 27, 6). Согласно с ним учили нас и все духовные отцы наши. Ибо если не заключим мы ума внутрь тела, то как сосредоточим в себе самом?

9) Видишь, брате, что не духовно только, но и вообще человечески рассуждая, необходимейшим делом надо признать, чтоб те, кои возжелали сами себе принадлежать и воистину по внутреннему человеку быть монахами, вводили ум внутрь тела и держали его там. Да и самых новоначальных не неуместно научать, чтоб внимали себе и навыкали вводить ум свой внутрь чрез дыхание. Ибо того, кто не стал еще созерцательным, никто из добремудрствующих не будет отклонять от некоторых приемов к введению ума в себя самого. Так как у тех, кои недавно вступили в подвиг сей, ум, и будучи собираем внутрь, часто отскакивает вовне, и им должно также часто тотчас опять возвращать его внутрь, а он у не навыкших еще сему делу ускользает, как крайне подвижный и трудно удерживаемый вниманием в созерцании единого, то некоторые советуют им воздерживаться от частого дыхания, и несколько сдерживать его, чтоб вместе с дыханием и ум удерживать в себе, пока, с Божиею помощию, чрез навыкновение в сем, приучив ум не отходить на окружающее и не смешиваться с тем, сделать его сильным к сосредоточению на едином. Это впрочем (сдержание дыхания), как всякий видеть может, следует и само собою за вниманием ума (или сопровождает его); потому что при усиленном размышлении о чем-либо, дух сей (дыхание) неспешно входит и выходит, особенно у безмолвствующих и телом и духом. Ибо сии, субботствуя духовно и почивая от всех дел своих, сколько это уместно, приостанавливают разнообразные движения душевных сил, особенно в видах познания, всякие восприятия чувственные и всякое вообще движение тела, в нашей власти состоящее.

10) Все же такое свойственно тем, кои преуспели в безмолвии; ибо когда душа совершенно войдет в саму себя, тогда это по необходимости приходит само собою, без труда и

особенной заботы. Новоначальным же ничто из сего не дается без утомительного труда. Хотя терпение следует само собою за любовию: ибо *любы вся покрывает* (1 Кор. 13, 7); но мы научаемся с самопринуждением добре совершать дело терпения, чтоб чрез него достигнуть любви. – Так с ними бывает, и об этом что много говорить? Все, испытавшие дело сие, смеются над теми, кои, не испытав, противные сему пишут уставы. Ибо таким вещам учит не слово, а труд деловой, и от труда опыт, который приносит полезные плоды, отвращаясь от бесплодных слов людей спорливых и любящих показность.

11) Поелику, как некто из великих учителей говорит о сем, по преступлении (по падении) внутренний человек обыкновенно согласуется с внешним (с внешними положениями и движениями), то почему не принять, что тому, кто старается ум свой обратить в себя самого, очень много содействует в сем очей своих, вместо блуждания туда и сюда, вовращение внутрь и установление в груди своей? Как, при обращении очей вовне, чрез видение вещей ум рассеивается по сим вещам: так, при вовращении очей внутрь, это движение их естественно туда же внутрь сердца повлечет и ум того, кто усиливается дать ему обратное движение, собрав отвне внутрь.

12) *Внемли себе,* говорит Моисей, *да не будет слово тайно в сердце твоем беззакония* (Втор. 3, 15, 9). Внемли себе, т. е. всему себе; не так, чтоб одному чему из своего внимать, а другому нет, но всему внимай. Чем внимать? Конечно умом, ибо ничем другим невозможно внимать самому себе всему. Его потому поставь хранителем души и тела, и чрез это легко избавишься от злых страстей телесных и душевных. Так себе самому предстой, себе самому настой, себя самого надзирай, или лучше, блюди, осматривай и обсуждай. Ибо таким образом ты плоть необузданную подчинишь духу, и в сердце твоем никогда не будет тайного слова беззакония.

13) *Аще дух владеющаго,* – т. е. злых духов и страстей, – *взыдет на тя,* говорит Екклесиаст, *места твоего не остави* (Еккл. 10, 4), – т. е. ни одной части души твоей, ни одного члена тела твоего не оставляй ненадзираемыми. Ибо таким образом ты и снизу искушающих духов пребудешь победителем, и свыше испытующему сердца и утробы, предварительно сам испытав их, неиспытно предстоять будешь с дерзновением. *Аще бо быхом себе разсуждали, не быхом осуждени были,* говорит св. Павел (1 Кор. 11, 31), и блаженное оное св. Давида испытав чувство (вездеприсутствия Божия: *камо пойду…),* и сам ты скажешь к Богу: *яко тма не помрачится от Тебе,* и *ночь, яко день просветится: яко Ты стяжал еси утробы моя* (Пс. 138, 12, 13), – не только, говорит, души моей вожделетельную силу всю соделаю Твоею, но если в теле найдется какая искра такого вожделения, и она к Тебе возлетит, к Тебе привержется, к Тебе прилепится. Ибо как в преданных чувственным сластям вожделение души все предается плоти, чрез что они всецело бывают плоть, и *Дух Божий не имать пребывати в них* (Быт. 6, 3): так и в устремивших ум свой к Богу и душу привергших к вожделению божественного, и плоть, перенастроившись, возвышается вместе с ним и вкушает божественного общения, чрез что и она бывает стяжанием и домом Божиим, перестает уже иметь в себе живущею *вражду на Бога и похотствовать на духа* (Рим. 8, 7; Гал. 5, 17).

14) Какое более удобное место для духа, снизу на нас нападающего, – плоть или ум? Не плоть ли, в коей, как и Апостол говорит, *не живет ничто доброе* (Рим. 7, 18), пока не восприимется человеком *закон духа жизни?* (Рим. 8, 2). Ее потому наиболее не должно оставлять без внимания. Иначе как она будет нашею? Как удержим ее за собою? Как отразим подступы к ней лукавого, – особенно когда узнаем, как духовно противодействовать духам злобы, если и внешними приемами не научим себя внимать себе? И это говорю я не о новоначальных только, когда и из совершенных были такие, которые пользовались такими приемами во время молитвы и были услышаны Богом, не только после Христа, но и прежде пришествия Его к нам. Ибо и самый совершенный в Боговидении Илия, *преклонися на землю и*

положи лице свое между коленома своима (3 Цар. 18, 42), и, тако ум свой собрав в себя и к Богу привергнув, прекратил многолетнее оное бездождие.

15) Эти же, от которых, как говоришь, слышал ты противное сему, мне кажется, брате, болят фарисейскою болезнию, почему не хотят *внутреннее стекляницы* (Мф. 23, 26), т. е. сердце свое, надзирать и очищать, и не согласуясь с отеческими преданиями, покушаются сами по себе председательствовать над всеми, как новые учители, смиренного положения внешнего, какое имел во время молитвы мытарь оправданный, не допуская и других убеждая не принимать его, когда молятся. Ибо, как говорит Господь в Евангелии: *мытарь же издалеча стоя не хотяше ни очию возвести на небо* (Лк. 18, 13); то ему подражать ревнуют во внешнем виде те, которые внимают себе во время молитвы. Называющие же их амфалопсихами (такими, у коих душа в пупке), называют так, очевидно, в насмешку над тем, в чем ложно их обвиняют. Ибо кто же из них самих говорит, что душа в пупке? Этим они показывают, что суть явные злостные клеветники, поносители достойных похвалы мужей, а не исправители заблудших, и пишут не истины ради, а из тщеславия, и не для того, чтоб приводить к трезвению, а чтоб отводить от него. Ибо самое сие дело и тех, кои ему прилежат, всяким образом они стараются унизить за внешний прием, какой те при сем употребляют. Таковые и того, кто сказал: *закон Твой посреде чрева моего* (Пс. 39, 9), и того, кто рек к Богу: *чрево мое аки гусли, возгласит, и внутренняя моя аки стену обновил еси* (Ис. 16, 11), готовы назвать *килиопсихами* (коих душа в чреве), и вообще порицать всех тех, которые телесными положениями и движениями изображают мысленное, божественное и духовное. Но им они никакого не причиняют вреда, а напротив будут для них виновниками ублажения и приумножения венцов на небесах; сами же останутся вне священных завес и даже на тень истины взглянуть не удостоятся. И бояться надо очень, что они вечному подвергнутся наказанию за то, что не только отступили от святых, но и нападали на них словом.

16) Жизнь Симеона, Нового Богослова, конечно ты знаешь: диво был он для всех и прославился сверхъестественными чудесами; писания же его кто назовет писаниями жизни, не погрешит против истины. Знаешь также и Никифора, оного преподобного, который много лет проживши в тишине и безмолвии, потом в пустыннейших св. горы местах поселившись, принял на себя труд, – извлечь из словес свв. отцов и нам предать их правило священного трезвения. Тут для произволяющих ясно излагается дело трезвения, против чего, как говоришь, некоторые восстают.

17) И зачем приводить мне древних отцов? Мужи, незадолго пред нами жившие, свидетельствованные и проявленные силою Духа Святого, все сие устно предали нам: Богослов сей, яко воистину богослов, верный зритель истины Божиих таинств; Феолипт оный, досточтимый предстоятель Церкви Филадельфийской, и из нее, как от светильника, весь мир освещавший; Афанасий, который немало лет украшал Патриаршеский престол, и которого раку мощей почтил Бог; Нил, что из Италии, ревнитель великого Нила; Селиот и Илия, ни в чем ему не уступающие; Гавриил и Афанасий, пророческого дара сподобившиеся. Все они и многие другие, прежде них, с ними и после них жившие, хвалят сие предание и желающих убеждают принимать его, несмотря на то что новые учители безмолвия, и следа безмолвия не видавшие, и не от опыта, а от своего смышления учащие, или лучше, болтающие о нем, покушаются отвергать и уничижать без всякой для слушающих пользы. А мы с некоторыми из тех святых лично беседовали и учителями их имели. Как же посмеем мы этих, опытом и благодатию наученных, ни во что поставить, уступить тем, от надмения в сплетении хитрых словес учить дерзающим?

18) И ты отвратись от них, разумно говоря себе с Давидом: *благослови, душе моя, Господа, и вся внутренняя моя имя Святое Его* (Пс. 102, 1); и отдавая себя в послушные ученики отцам, слушай, как они настоятельно внушают всегда вводить ум внутрь и там его держать.

Его же
О молитве и чистоте сердца, три главы

1) Поелику Бог есть сама благость, само милосердие и бездна благоволения, то кто вступит в единение с Ним, всяко сподобляется милосердия Его. Соединяются же с Ним стяжанием богоподобных добродетелей, сколь сие возможно, и богообщительною молитвою и молением. Но общение чрез добродетели богоподобные делает тщаливого о сем ревнителя способным к приятию божественного единения, ожнако ж не производит его; молитва же сильная, священнодействуя, совершает простертие человека к Богу и соединение с Ним, по существу своему будучи союзом разумных тварей с Создателем их, когда действо молитвы чрез теплое умиление и сокрушение превзыдет страсти и страстные помыслы. Ибо уму, пока он страстен, невозможно соединиться с Богом. Почему, пока он таков бывает, молясь, не улучает он милости Божией. Но поколику отревает он страстные помыслы, потолику бывает причастен плача и сокрушения. Соответственно же сокрушению и умилению сподобляется он и милостивого утешения, и долгое пребывая время в сих чувствах со смирением, переустроивает наконец вожделетельную силу души.

2) Когда единичный ум бывает тройственным, пребывая единичным, тогда он соединяется с Богоначальною Тройческою единицею, затворяет всякий вход прелести, погрешению и заблуждению и становится выше плоти, мира и миродержителя. Избегши таким образом сетей их, всецело пребывает он в себе и в Боге, вкушая источающееся извнутрь духовное радование. Бывает же единичный ум тройственным, пребывая единым в возвращении к себе самому и в восхождении чрез себя к Богу. Возвращение ума к себе есть хранение себя, а восхождение его к Богу производится молитвою.

Когда кто пребудет в сей собранности ума и в таком его простертии к Богу, тогда, сильным самопринуждением утесняя быстротечность своих мыслей, мысленно приближается он к Богу, встречает неизреченное, вкушает будущего века и духовным чувством познает, сколь благ Господь, как и Псалмопевец говорит: *вкусите и видите, яко благ Господь* (Пс. 33, 9). Поставить ум в состояние тройственности, чтоб он, один и тот же сущи, и хранил, и храним был, и молитву деял, может быть, не очень трудно, но долгое время пребывать в сем состоянии, порождающем неизреченное нечто, крайне трудно. Труд над всякою другою добродетелию мал и очень сносен сравнительно с этим. Почему многие, отказываясь от тесноты молитвенной добродетели, не улучают просторности дарований; а претерпевающие это сподобляются величайших божественных заступлений, которые дают им силу удобно все поднимать и переносить, и с удовольствием простираться в предняя, делая для них трудное легким, и ангельскую, так сказать, естеству нашему сообщая силу совершать, что выше естества, по слову пророка: *терпящии Господа изменять крепость, окрылатеют, яко орли, потекут и не утрудятся, пойдут и не взалчут* (Ис. 40, 31).

3) Умом называется и деятельность ума, состоящая в мыслях и разумениях; ум есть и производящая сие сила, называемая в Писании еще и сердцем. По сей силе ума, главнейшей между нашими силами, сущая в нас душа есть мысляща. В упражняющихся в молитве действо ума состоит в помышлениях (в богомыслии), и очищается удобно; порождающая то душа не очистится, если вместе не очищаются и все другие силы ее. Ибо душа есть нечто единое, имеющее много сил, почему она вся оскверняется, в какую бы из сущих в ней сил не вкралось зло, потому что они все состоят в общении с сею единою, по единству души. Поелику каждая из сил разные проявляет действия, то возможно, что, по особенному вниманию и тщанию, какое-либо из сих действий временно окажется чистым, но из сего нельзя заключить, чтоб и вся сила была чиста, потому что, состоя в общении с другими, она, может быть, более нечиста, чем чиста. Таким образом, по особенному вниманию и тщанию во время

молитвы, чистым явивший действие ума и просветившийся мерно или светом разумения, или умным озарением (созерцанием), если посему почтет себя очистившимся, прельщает себя, впадши в ложь, и самомнением широко растворяет в себе дверь тому, кто всегда покушается прельщать нас. Если же он, зная нечистоту своего сердца, не вознесется мерною и как бы случайною оною чистотою, то, при помощи ее, яснейше узревает и других сил душевных нечистоту, преуспевает в смирении, прибавляет плача и сокрушения и приискивает целесообразные врачевства для каждой силы душевной, очищая деланиями деятельную свою часть, познаванием мысленную, молитвою созерцательную, и чрез них достигая истинной, совершенной и прочно установившейся чистоты сердца и ума, которая не стяжевается никем никогда, иначе, как совершенством в действовании, постоянным сокрушением, созерцанием и молитвою в созерцании.

Каллист патриарх и сподвижник его Игнатий, Ксанфопулы

Краткое сведение о них

Каллист, святейший патриарх Константинопольский, Ксанфопул, процветал при Андронике втором из Палеологов (1360 г.). Научившись подвижничеству у св. Григория Синаита – которого потом и житие описал пространно, – проводил подвижническую жизнь на святой Афонской горе, в ските Магула, лежащем против монастыря Филофея. Жил он с сотаинником своим Марком целых двадцать восемь лет. Но и с Игнатием, тоже Ксанфопулом, был столь дружественен, что, казалось, одна душа была в них обоих. Сделавшись потом патриархом и отправясь в Сербию с клиром для умиротворения тамошней Церкви, проходил он чрез Св. гору, где Максим Капсока-ливит предсказал скорую ему кончину, говоря: старец сей не увидит более своей паствы, ибо позади его слышится уже надгробная песнь: *блажени непорочнии в пути.* Прибыв в Сербию, он действительно переменил жизнь тленную на нетленную.

О сих двух великих подвижниках Симеон Солунский, рассуждая о молитве Иисусовой, говорит такими словами: «В наши дни о сей молитве превосходно написали Духом движимые богоносные отцы Каллист, патриарх нового Рима, и содушный ему сподвижник, преподобный Игнатий, в книге, богомудро ими составленной, излагая полное и совершенное о ней познание. – Они были отраслями царствующего града, и все оставив, сначала девственно и монашески пожили в послушании (в обители), а потом вдвоем неразлучно проводили воистину небесную подвижническую жизнь, едино во Христе пребывая, как Сам Христос молился о нас к Отцу (Ин. 17, 11), и мир, какого св. Павел благожелал ученикам своим (Флп. 4, 7), соблюдши в совершенстве, мирно преставились в иную жизнь, где вышний вкушают мир, чистейше созерцая Иисуса, Коего вседушно возлюбили и взыскали, и едино с Ним пребывая, и светом Его сладчайшим ненасытно наслаждаясь: чего залог они еще здесь стяжали, очистившись через созерцание и делание и небесного сподобившись просвещения, коего отблеск виден был и на лицах их, как на лице Стефана» (295 г.).

Иноков Каллиста и Игнатия Ксанфопулов Наставления безмолвствующим, в сотне глав

1) О нужде научать друг друга добру

Нам, которые, яко чада Света и наследники Божии, сонаследники же Христовы, по обетованию же божественному должны быть научаемы Самим Богом (Ин. 6, 45), носить неизреченно в сердце яснее пламени написанным Новый Завет и управляться благим и правым Духом, надлежало бы жить ангелоподражательно и никакой не иметь нужды, чтоб кто-либо научал нас: *познай Господа* (Иер. 31, 34). Но как ныне с одной стороны наше с детства отклонение от доброго и уклонение к худому, с другой обольщение и непримиримая вражда против нас лютого велиара, научают нас, отвратившись от спасительных и боготворных заповедей, носиться по душепагубным стремнинам и, что всего плачевнее, возбуждают нас против самих себя и мудрствовать и действовать, до того, что, по слову Божию, *несть разумеваяй или взыскаяй Бога,* и мы все, уклонившись от правого пути, стали неключимы (Пс. 13, 2, 3), плотяны и безблагодатны: то крайнюю имеем нужду во взаимном друг друга направлении к добру и содействии в том.

2) Указывается, что настоящее наставление пишется по просьбе некоего брата и в исполнение заповеди отеческой; испрашивается помощь Божия себе к написанию, а читающим к уразумению и исполнению того

Так как ты, движимый, по Слову Господню, желанием испытывать божественные животворные Писания и посвященным соделаться в таинства их непогрешительно, часто просил и у нас неключимых слова и писанного правила на пользу себе, а, может быть, и другим, как сам говоришь: то мы, если не прежде, то теперь должным сочли исполнить, с Божиею помощию, похвальное желание твое, забыв из любви к тебе и пользы ради твоей о нашей совоспитаннице – лености, и тебе подражая в твоем рвении к добру и твоем неутомимом трудолюбии, чадо наше духовное и возлюбленнейшее, паче же всего устрашившись Божия осуждения, которым угрожается всякому, скрывающему талант свой, а при этом и заповедь отеческую желая исполнить, которую заповедали нам отцы наши и учители духовные, чтоб мы и другим боголюбивым вверяли то, чему от них научились. Бог же, Отец любви, и всех вообще благ всещедрый раздаятель, дававший слово и скотам несмысленным, да дарует нам, нескорым и немотствующим, благопотребное слово во отверзение уст наших, на пользу слышащих, тебе же и прилучающимся, по слову своему, да приложит ухо мудро и разумно слушать сие и, как Ему любезно, неуклонно жительствовать по сему: ибо без Него, как написано, не можем мы делать ничего душеполезного и спасительного (Ин. 15, 5), и: *аще не Господь созиждет дом, всуе трудишася зиждующии* (Пс. 126, 1).

3) Программа предлежащего наставления

Поелику всяким делом заправляет цель, цель же у нас та, чтоб по силе нашей высказать все, что может способствовать к твоему преуспеянию, а у тебя та, чтоб по тому, что будет сказано, в точности направить жизнь свою: то прежде всего другого надобно уяснить, на

что в полноте домостроительства Христова взирая, можем мы верно и основание зданию жизни положить, и здание ее совершить, и в свое время, или как поможет Бог, подобающий возложить на него кров, – все архитектонством Духа (перифраз: ибо темна речь).

4) Основное начало наставления

Основное начало нашего с Божиею помощию наставления кратко совмещается в следующем положении: надобно всячески и всеусильно стараться жить по законоположению всех боготворных заповедей Спасителя; – чтоб чрез соблюдение их взойти опять к тому совершенному духовно – благодатному возображению и воссозданию, какое вначале туне даровано нам было во святой купели, или, – если угодно тебе так определить сей дар, – чтоб отложив ветхого Адама с деяниями и похотями его, облещися в нового и духовного, Который есть Господь Иисус Христос, как говорит божественнейший Павел: *чадца моя, имиже паки болезную, дондеже вообразится Христос в вас* (Гал. 4, 19); и: *елицы во Христа крестистеся, во Христа облекостеся* (Гал. 3, 27).

5) Слава благодати Св. Крещения, и – что омрачает ее, и что восстановляет

Какая же это благодать, и как мы сподобляемся ее, – что омрачает ее и что возочищает, сие объяснит тебе паче всякого злата душою и словом блестящий св. Златоуст, говоря: *«славу Господню взирающе, в той же образ преобразуемся* (2 Кор. 3, 18). Это было яснее для верующих времен апостольских, когда действовали дарования чудес; впрочем, кто имеет очи веры, тому и ныне не трудно уразуметь сие. Вместе с тем, как мы крещаемся, душа наша, очищенная Духом, делается светлее солнца; и мы не только бываем способны смотреть на славу Божию, но еще и сами получаем от нее некоторое сияние. Как чистое серебро, лежащее против солнечных лучей, и само испускает лучи не только от собственного естества, но и от блеска солнечного: так и душа, очищенная Духом Божиим и сделавшаяся блистательнее серебра, и в себя принимает луч от славы Божией, и от себя отражает луч той же славы. Посему и говорит Апостол: *взирающе славу Господню, в той же образ преобразуемся от славы в славу,* т. е. *от славы* Духа в *славу* нашу, в нас вселяющуюся, и притом в такую славу, какой подобает быть *от Господня Духа».*

Спустя немного продолжает он: «Хочешь ли, я покажу тебе это яснее и чувствительнее на апостолах? Помысли о Павле, коего и одежда имела чудное действие; вспомни о Петре, коего и тень обнаруживала чудодейственную силу. Если б они не носили в себе образа Царя Небесного и не были неприступны блистания их, то одежды их и тени не обнаруживали бы такой силы: ибо одежда царя страшна и для разбойников. Хочешь ли видеть, как и сквозь тела проникает внутренний свет их? – *Воззревше на Стефана,* говорит книга Деяний, *видеша лице его, яко лице Ангела* (6,15). Но это еще ничего в сравнении с внутри его сиявшею славою. Ибо что Моисей тогда имел на лице своем, то они носили в душе своей. – И еще гораздо большее того: ибо бывшее у Моисея было более чувственно, а это духовно. И как тела, имеющие способность принимать и отражать свет, освещаясь телами самосветящимися, и сами отражающийся в них свет разливают на другие ближайшие к ним тела: так бывает и с верными. И поэтому-то испытывающие сие отрешаются от земного и помышляют об одном небесном. – Но увы! прилично нам при сем горько восстенать; что такого сподобляясь благородства, мы не понимаем даже, что говорится о нем, потому что скоро теряем его и уклоняемся к чувственному. Сия неизреченная и страшная слава бывает в нас один или два дня,

а потом мы погашаем ее, наводя бурю житейских дел и густотою облаков их отражая лучи ее» (беседа 7-я на 2 Посл. к Коринф.).

В другом негде месте говорит он: «Тела угодивших Богу в такую облекутся славу, какой даже и видеть нельзя этими (настоящими) глазами. Некоторые сего знамения и неясные следы благоволил Бог дать и в Ветхом и в Новом Завете. Там лицо Моисеево такою осиялось славою, что было неприступно для очей Израильтян; а в Новом еще гораздо более просияло лицо Христово».

Выслушал ты теперь глаголы Духа? Уразумел силу таинства? Познал, каковы болезни совершенного нашего от святой купели духовного возрождения? Каковы плоды его, полнота и победные почести? И насколько в нашей власти состоит умножить или умалить сию преестественную благодать, т. е. проявить или затмить? Затмевают ее – буря житейских забот и от них рождающийся мрак страстей, кои, наподобие вихря или дикого потока нападая на нас и душу потопляя, не дают ей ни отдохнуть, ни воззреть на то, что истинно добро и блаженно, для чего она и создана, но всю ее, избитую и измученную волнами и дымом сластей чувственных, омрачают и погружают в непотребства. Проявляет же ее противное сему, – то, что отрождается от боготворных заповедей, и для тех, кои не по плоти ходят, но по духу: ибо, говорится, *Духом ходите и похоти плотския не совершайте* (Гал. 5, 16), душеполезно и спасительно возводя их, как по лествице, на самый верх совершенства, на самую последнюю из степеней его – в любовь, которая есть Бог.

6) Во Святом Крещении мы туне приемлем Божественную благодать; когда же закрываем ее страстьми, то опять возочищаем исполнением заповедей

В божественных ложеснах, т. е. в священной купели, всецело совершенную божественную благодать приемлем мы туне. Если после того как-нибудь, по злоупотреблению вещами временными и по многозаботливости о делах житейских, закроем ее мглою страстей, то можно и после сего чрез покаяние и исполнение заповедей богодейственных опять воспринять и снова стяжать преестественную ее светлость и увидеть наияснейше проявление ее. Проявление ее открывается по мере ревности каждого быть верным вере, но паче всего помощию и благоволением Господа Иисуса Христа, как говорит св. Марк: «Христос, яко Бог совершенный, совершенную даровал крестившимся благодать Святого Духа, которая никакого от нас не получает прибавления, а только открывается и проявляется в нас соответственно исполнению заповедей, и приложение веры подает нам, *дондеже достигнем вси в соединение веры, в меру возраста исполнения Христова* (Еф. 4, 13). Почему если что приносим мы после того, как возродимся в Нем, то и это Им и из Него было уже сокрыто в нас».

7) Живущему по Богу надо все заповеди проходить, но большую часть деятельности уделять первейшим из них, яко породительницам прочих

Итак, поелику, как мы сказали, начало и корень всего свойственного нам действования есть, чтобы жить по спасительным заповедям, предел же и плод (чаемый от сего) есть, чтобы опять востещи к дарованной нам вначале чрез крещение совершенной благодати Святого Духа, которая хотя все еще в нас есть (ибо *нераскаянны дарования Божия,* как говорит Апостол (Рим. 11, 29)), но загроможденa страстьми, и открывается только чрез исполнение богодейственных заповедей: то надлежит нам всячески стараться чрез всеусильное исполнение всех таких заповедей возочистить сущую в нас благодать Духа, привести ее в явление и наи-

яснейше увидеть. *Светильник ногама моима,* говорит блаженный Давид к Богу, *закон Твой и свет стезям моим* (Пс. 118, 5); и: *заповедь Господня светла, просвещающая очи* (Пс. 18, 9); и: *ко всем заповедем Твоим направляхся* (Пс. 118, 128). Возлежавший на перси Господа говорит: *соблюдаяй заповеди Его, в Нем пребывает, и Той в нем* (1 Ин. 3, 24); и: *заповеди Его тяжки не суть* (1 Ин. 5, 3). И Сам Господь учит: *имеяй заповеди Моя, и соблюдаяй их, той есть любяй Мя: а любяй Мя, возлюблен будет Отцем Моим: и Аз возлюблю его, и явлюся ему Сам* (Ин. 14, 21); и: аще кто любит Мя, слово Мое соблюдет: и Отец Мой возлюбит его, и к нему придем, и обитель у него сотворим (там же ст. 23); и: *не любяй Мя, словес Моих не соблюдает* (ст. 24).

Наипаче заботиться должно о первейших из сих заповедей и источных, кои суть как бы матери прочих, и им наибольшую посвящать часть действования. Ибо сим образом, с Божиею помощью, мы непреткновенно достигнем и цели предположенного в начале доброго действования, и конца стремления нашего, т. е. проявления в нас благодати Святого Духа.

8) Начало всякого Богу угодного действования есть с верою призывание имени Господа нашего Иисуса Христа и с ним воссиявающие из него мир и любовь

Начало всякого Боголюбезного действования есть с верою призывание спасительного имени Господа нашего Иисуса Христа, – так как Он Сам заявил: *без Мене не можете творити ничесоже* (Ин. 15, 5), и с сим призыванием мир и любовь: мир, ибо *молитися подобает,* как говорит Апостол, *без гнева и размышления* (1 Тим. 2, 8); любовь, ибо *Бог любы есть, и пребываяй в любви в Бозе пребывает, и Бог в нем* (1 Ин. 4, 16). Сии же – мир и любовь – не только благоприятною делают молитву, но и сами опять из сей молитвы рождаются и воссиявают, как неразлучные божественные лучи, и возрастают, и в совершенство приходят.

9) Каждым из сих трех и всеми тремя вместе подается нам обилие всех благ

Каждым из сих трех и всеми тремя вместе подается нам и множится в нас обилие всех благ. – Ибо с верою призыванием имени Господа нашего Иисуса Христа твердо надеемся мы получить милость и жизнь истинную, в Нем сокровенную, кои, при частом возглашении внутрь сердца имени Господа нашего Иисуса Христа, источаются из него, как из некоего божественного источника приснотекущего. – Превосходящим всякий ум и никакого предела не имеющим миром сподобляемся примирения с Богом и друг с другом. – Любовию, коей хвала несравненна, – так как она есть конец и глава закона и пророков, так как и Бог именуется любовию, – всецело сочетаваемся с Богом, при упразднении греха нашего правдою Божиею и при дивно чрез любовь действующем в нас благодатном сыноположении. *Зане любовь покрывает множество грехов* (1 Петр. 4, 8); *любы вся покрывает, всему веру емлет, вся уповает, вся терпит, любы николиже отпадает* (1 Кор. 13, 7).

10) и Господь наш Иисус Христос, в дни спасительной страсти, их оставил ученикам Своим как окончательные заповеди и наследие Божественное, также и по воскресении

Почему и Сам Всеблагий и Сладчайший Господь наш Иисус Христос, и когда приблизился к вольному за нас страданию Своему, и когда явился апостолам по воскресении, и еще когда имел взыти ко Отцу Своему по естеству нашему по благодати, яко истинный и чадо-

любивый Отец, оставил их всем своим, как последние некие заповеди и сладостные утешения, как дорогие и верные, так сказать, залоги, лучше же как Богом подаемое наследие. – Когда настало спасительное Его страдание, Он явил сие в следующих сказанных ученикам словах: *аще чесо просите во имя Мое, Аз сотворю* (Ин. 14, 14); и: *аминь, аминь глаголю вам, яко елико аще чесо просите от Отца во имя Мое, даст вам. Доселе не просисте ничесоже во имя Мое: просите и приимите, да радость ваша исполнена будет* (Ин. 16, 23, 24). – Опять по воскресении говорил Он им: *знамения верующим сия последуют: именем Моим бесы ижденут, языки возглаголют новы* и проч. (Мк. 16, 17). Согласно с сим возвещает и наперсник, Иоанн Евангелист: *многаже и ина знамения сотвори Иисус пред ученики Своими, яже не суть писана в книзе сей. Сия же писана быша, да веруете, яко Иисус есть Христос Сын Божий, и да верующе живот имате во имя Его* (Ин. 20, 30, 31). И св. Павел апостол: *о имени Иисусовом всяко колено поклонится* и проч. (Флп. 2, 10). И в Апостольских Деяниях написано: *тогда Петр исполнився Духа Свята, рече: разумно буди всем вам, и всем людем Израилевым, яко во имя Иисуса Назорея, Егоже вы распясте, Егоже Бог воскреси от мертвых, о Сем сей стоит пред вами здрав.* И немного спустя: *и несть ни о едином же ином спасения: несть бо иного имене под небесем даннаго в человецех, о немже подобает спастися нам* (Деян. 4, 8-12). И опять Спаситель: *дадеся Ми всяка власть на небеси и на земли* (Мф. 28, 18). Это же явно и из того, что Богочеловек Господь сказал апостолам прежде Креста: *мир оставляю вам, мир Мой даю вам* (Ин. 14, 27); и: *сия глаголю, да во Мне мир имате* (Ин. 16, 33); и: *сия есть заповедь Моя, да любите друг друга* (Ин. 15, 12); и: *о сем разумеют вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (Ин. 13, 25); и: *якоже возлюбил Мя Отец, и Аз возлюбих вас: будите в любви Моей. Аще заповеди Моя соблюдете, пребудете в любви Моей: якоже Аз заповеди Отца Моего соблюдох, и пребываю в Его любви* (Ин. 15, 9, 10). И опять по воскресении в разные времена часто видится Он дающим мир, являяся Своим и говоря: *мир вам* (Ин. 20, 21). – Петру же апостолу, которому вверил и первенство над учениками, до трех раз говорил Он: *если любишь Меня, Петре, паче других, паси овцы Моя* (Ин. 21, 17), показывая тем, что вверение попечения о пастве есть некое воздаяние за горячайшую любовь к Самому Господу Иисусу Христу. – Не далеко будет от нашей цели или предмета нашего и то, если кто скажет, что от только что показанных трех добродетелей рождаются нам другие три дивные плода, именно: очищение души, просвещение и зрелость духовная.

11) В сих трех совмещены все добродетели

Если кто захочет со всем вниманием до точности исследовать, то найдет, что на этой треплетной и нерасторжимой верви висит из всех добродетелей Богом сотканная порфира. Ибо жизнь по Богу есть некая драгоценная златоиспещренная сеть, в коей одна добродетель тесно сочетавается с другою и все сгармонировываются воедино: так как все они одно дело устрояют, – именно то, что обожают человека, искренно в них живущего, обогащая его некако, как бы соединительными кольцами, – этим сладчайшего имени Господа нашего Иисуса Христа с верою, если же хочешь, и с надеждою и смирением спасительным призыванием, а также обогащая миром и любовию, кои суть воистинну богонасажденное трехстебельное дерево, – жизнеподательное, которого благовременно касающийся и, как подобает, причащающийся, не смерть, как первозданный, а жизнь непрестающую и вечную собирает.

12) Дар и присещение Святого Духа подается верным от Бога Отца о Христе Иисусе и о святом имени Его

Еще же и Святого Духа дар и присещение подается верным от Бога Отца, о Христе Иисусе и о святом имени Его, как Сам пребожественный и душелюбивый Господь Иисус Христос говорит апостолам: *уне есть вам, да Аз иду: аще бо не иду Аз, Утешитель не приидет к вам: аще ли же иду, послю Его к вам* (Ин. 6, 7); и: *егда же приидет Утешитель, Егоже Аз послю вам от Отца, Дух истины, иже от Отца исходит* и проч… (Ин. 15, 26); и опять: *Утешитель же Дух Святый, Егоже пошлет Отец во имя Мое* (Ин. 14, 26).

13) Святыми отцами и с живущим в них Духом Святым преподобно определено молиться нам Господу нашему Иисусу Христу и у Него просить милости

Посему очень премудро славные руководители наши и наставники и с живущим в них Духом Святым, и всех нас, паче же тех, кои возжелали вступить на поприще боготворного безмолвия, Богу себя посвятить и, отторгшись от мира, разумно безмолвствовать, научают преимущественно пред всяким другим деланием и попечением Господу молиться и у Него просить милости с несомненным упованием, непрестанным имея делом и занятием призывание всесвятого и сладчайшего имени Его, всегда нося Его в уме, в сердце и в устах, и всячески понуждая себя в Нем и с Ним и дышать, и жить, и спать, и бодрствовать, и ходить, и есть, и пить, – и все вообще, что ни делаем, так делать. Ибо – как, при отсутствии Его, стекается к нам все зловредное, не оставляя места ничему душеполезному: так, при Его присутствии, все противное отгоняется, ни в чем добром не бывает недостатка и все является возможным для исполнения, как и Сам Господь наш возвещает: *иже будет во Мне и Аз в нем, той сотворит плод мног: яко без Мене не можете творити ничесоже* (Ин. 15, 5). Сие убо страшное для всякой твари и досточтимое имя паче всякого имени с верою призвав, и мы недостойные смело подымем, с помощью Его, ветрила настоящего слова и начнем простираться в предняя.

14) Тому, кто возжелал непадательно шествовать о Господе путем безмолвия, паче всего надлежит со всецелым от всего отречением избрать и совершенное повиновение

О имени великого Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, рекшего: *Аз есмь свет, и живот, и истина, путь и дверь ко Отцу* (Ин. 8, 12, 14, 6); и: *Мною аще кто внидет, спасется, и внидет, и изыдет, и пажить обрящет,* конечно, спасительную (Ин. 10, 9, 10, – внемли тому, что мы говорим и искренно тебе советуем. – Прежде всего, избери себе со всецелым, по божественному слову, отречением и совершенное повиновение непритворное. Для сего со всем усердием взыщи и постарайся найти себе руководителя и учителя непрелестного (непрелестность его да будет в представлении им в подтверждение того, что говорит, свидетельства из Божественного Писания), духоносного, сообразную с словами своими и жизнь ведущего, высокого в умозрении, смиренного в мудровании о себе, во всем добронравного и вообще такого, каким, по богопреданным словесам, надлежит быть Христову учителю.

Нашедши же такого и к нему, как к родному отцу сын отцелюбивый, прилепившись телом и духом, пребывай с того времени весь в его повелениях и с ним во всем согласуйся,

смотря на него, как на Самого Христа, а не как на человека, и всякое от себя отгоняя неверие и сомнение, равно как и всякое свое мудрование и самоохотное хотение; шаг за шагом последуй за учителем своим, как зеркало какое, как свою совесть, имея это нерассуждающее полное ему послушание. Если же иной раз что-либо противное сему подсеет в ум твой враждебный всему доброму диавол, как от блуда и как от огня, отскочи от того, так премудро говоря к себе против влагающего такие мысли прельстителя: не руководимый руководящего, а руководящий руководимого руководит; не я его, начальствующего, а он мой взял на себя суд (мою вину); не я его, а он моим состоит судьею, по св. Лествичнику, и подобное (Сл. 4).

Для того, кто восприял намерение расторгнуть рукописание своих прегрешений и сподобиться быть вписану в божественную книгу спасаемых, нет вернейшего к тому способа, как такой образ жизни, т. е. послушание. Ибо если, по блаженному Павлу, Сын Божий и Бог наш, Господь Иисус, ради нас став подобным нам и премудро устрояя отческое о нас благоволение, видится протекающим сей путь (послушания), и чрез него сподобляется отчего, за благоугождение Ему по человечеству, прославления; ибо *смирил Себя,* говорится, *послушлив быв даже до смерти, смерти же крестныя; темже и Бог Его превознесе, и дарова Ему имя, еже паче всякаго имене* и проч… (Флп. 2, 8, 9): то кто же осмелиться дерзко, чтоб не сказать, несмысленно надеяться, что сподобится славы Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа и отеческих воздаяний, не избрав шествовать тою же, с Вождем и Учителем нашим Иисусом Христом, стезею. Ибо ученику, если у него есть забота быть, как учитель, надлежит неуклонно со всем рвением душевным, как на пример и первообраз наилучший, смотреть на жизнь и дела руководителя своего и понуждать себя во всем всегда подражать ему. Так и о Самом Господе нашем Иисусе Христе написано, что Он *бе повинуяся* отцу и матери Своей (Лк. 2, 51); и Сам о Себе Спаситель говорит: *не приидох, да послужат Мне, но послужити* (Мф. 20, 28). – После сего, возможно ли о том, кто живет иначе, – т. е. без руководителя, самоугодливо и самовольно, – думать, что он живет божественною жизнию, согласно со Словом Божиим? Никак отнюдь. И Лествичник говорит: «как идущий без проводника легко сбивается с пути и заблуждается: так самочинно проходящий монашескую жизнь легко погибает, хотя бы он знал всю мудрость мирскую». Почему многие очень, чтоб не сказать – все, – из тех, кои шествуют не путем послушания и без совета, хотя по труду своему и поту мечтают, как во сне, будто сеют много, но поистине нажинают весьма немного; некоторые же вместо пшеницы, увы! пожинают плевелы, как устрояющие жизнь свою самочинно по самоугодливому мудрованию, – чего хуже ничего нет. О сем свидетельствует св. Лествичник, так пиша: «Вы, которые решились вступить на поприще сего мысленного исповедничества; вы, которые хотите взять на выю свою иго Христово; вы, которые отселе желаете сложить бремя свое на выю другого, которые стремитесь добровольно продать себя в рабство, чтобы в замену оного получить истинную свободу; вы, которые преплываете великую сию пучину, будучи поддерживаемы руками других: знайте, что вы покусились идти путем кратким, хотя и жестким, на котором одна только есть стезя, вводящая в заблуждение, – называемая самочинием. – Кто совершенно отвергся самочиния, тот всего, что почитает добрым, духовным и богоугодным, уже достиг, прежде нежели вступил в подвиг, потому что послушание есть неверование себе самому во всем добром, даже до конца жизни своей» (Сл. 4, п. 5).

Посему и ты, разумно познав сие и благой неотемлемой части небошественного безмолвия возжелав подвижнически обучиться, последуй добре установленным законам, как тебе показано, и во-первых, объятельно обыми послушание, а потом и безмолвие. Ибо как деяние есть ступень к созерцанию, так послушание к безмолвию. Не *покушайся же прелагать пределы, которые положили отцы,* как написано (Притч. 22, 28); помни и то, что *горе единому* (Еккл. 4, 10). Положив таким образом доброе начало основанию, с продолжением времени возложишь ты и славный покров на духосозидательное свое здание. Ибо как у кого начало неискусно, у того, как сказал некто, и все нетерпимо: так напротив, у кого начало

искусно, у того и все благолепно и благочинно, хотя случается иной раз и противное сему: что, впрочем, от нашего произволения бывает.

15) Какие признаки истинного послушания, кои имея, истинный послушник мог бы послушничествовать без падений

Но поелику о сем образе жизни *многое нам и не удобь сказаемое слово;* почему и проходящие ее проходят различно: то надобно указать тебе некоторые отличительные черты ее, как признаки, которых держась, как правила и отвеса, мог бы ты жительствовать с непогрешительною исправностию. – И се говорим тебе, что истинному послушнику всенеобходимо, как нам кажется, должно соблюдать следующие *пять добродетелей:* во-первых, *веру,* чистую и нелестную веру настоятелю (руководителю) своему в такой мере, чтоб смотрел на него, как на Самого Христа, и как Христу повиновался ему, как говорит Господь Иисус: *слушаяй вас, Мене слушает, и отметаяйся вас, Мене отметается; отметаяйся же Мене, отметается Пославшаго Мя* (Лк. 10, 16); и как учит Апостол: *всяко еже не от веры, грех есть* (Рим. 14, 23). Во-вторых, *истину,* т. е. чтоб истинствовал в деле и слове и в точном исповедании помыслов; ибо написано: *начало словес твоих истина* (Пс. 118, 160), и: *истины взыскует Господь* (Пс. 30, 24). И Христос говорит: *Аз есмь истина* (Ин. 14, 6); почему и самоистиною наименован был. В-третьих, – *не творить воли своей:* ибо для послушника, как говорится, творить волю свою есть большая потеря и большой вред; ему надо всегда отсекать волю свою, и притом самоохотно, т. е. не по принуждению от отца своего. В-четвертых, отнюдь *не прекословить и не спорить;* потому что прекословие и спор не свойственны благочестивым. И священнейший Павел пишет: *аще ли кто мнится спорлив быти, мы таковаго обычая не имамы ниже Церкви Божия* (1 Кор. 11, 16). Если же так просто и вообще всем христианам возбраняется сие, то тем паче монахам, которые дают обет полного во всем повиновения. Прекословие и спорливость происходят от самомнения, сожительницы неверия и высокоумия; как напротив, непрекословие и неспорливость происходят от верного и смиренномудрого настроения. – В-пятых, должно ему соблюдать следующую добродетель – точно и *искренно все исповедовать настоятелю своему* (руководителю); как мы и на пострижении, как бы страшному предстоя Престолу Христову, пред Богом и святыми Ангелами Его, дали обет иметь началом и концом (наших рачений и деланий) вместе с другими нашими к Господу обетами и заветами – и исповедание тайных сердца (помышлений и желаний). Сказано и божественным Давидом: *исповем на мя беззаконие мое Господеви: и ты оставил еси нечестие сердца моего* (Пс. 31, 5); и Лествичником: «язвы, когда о них объявишь, не в худшее придут состояние, а уврачеваны будут» (Сл. 4, 10).

Кто сие пятеричное число указанных пред сим добродетелей станет мудро и разумно соблюдать, тот да ведает несомненно, что отселе еще он делается, как в залоге, причастником блаженства праведных. – Таковы принадлежности приснопамятного послушания, как бы корень его и основание. Теперь послушай, каковы ветви его, каков плод и кров.

«От послушания, говорит опять Лествичник, рождается смирение; от смирения – дар рассуждения; от рассуждения – прозорливость, а от сей – предзрение» (Сл. 4, 105), что есть дело Единого Бога и дар изряднейший и преестественнейший, даруемый от Него блаженно обожаемым. К сказанному, да будет тебе ведомо и то, – что по мере верности и искренности твоего послушания будет источаться в тебе и смирение; и опять по мере смирения – рассуждение; то же далее и о последующих добродетелях сказать должно. Почему, сколько сил есть, подвизайся тещи непреткновенно путем послушания; и непогрешительно прострешься на предняя. Если же на стадии послушания как-нибудь хромать будешь, то знай, что не совершишь хорошо и прочего протяжения предлежащего тебе бега, т. е. жизни во Христе, и не будешь увенчан венцом, какой дается победителям. Почему послушание и указанные нами

выше его принадлежности, да будут тебе некиим путеводителем, как бы компасом, каким пользуются мореплаватели для определения должного пути, дабы взирая на них неуклонно, мог ты безбедно преплыть великое море добродетелей и тако достигнуть неволнуемого пристанища бесстрастия. Если и буря какая и волнение найдет на тебя; то и это будет у тебя по мере твоего послушания. Истинному послушнику и сам диавол вреда причинить не может, по словам свв. отцов. – Но чтобы вкратце показать тебе, какова честная высота преславного послушания, воспомянем и еще одно изречение свв. отцов.

Говорит опять сей светлейший светильник жительства по Христе, сей новый Веселеил небесной лествицы: «Отцы псалмопение называют оружием; молитву – стеною; непорочныя слезы – банею; а блаженное послушание назвали исповедничеством, без которого никто из страстных не узрит Господа» (Сл. 4, 8). Достаточно и этого, как нам кажется, к действеннейшему показанию и похвалению треблаженного послушания чрез сей неподражаемый образец. Но мы и на опыте можем увидеть, сколь великое дело есть послушание, если обратим взор на прежде бывшее и рассмотрим, что было причиною нашего повреждения и смертности, когда мы не таковыми вначале были созданы, и какая опять причина нашего обновления и бессмертия. – Находим, что причиною первого, т. е. нашего повреждения, было Адамово самоверие, самочиние и непослушание, от коих оставление и преступление Божественной заповеди, а второго, т. е. обновления и нетления, производительное начало есть второго Адама, Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа единосоветие с Богом Отцом и послушание Ему, от коих соблюдение заповеди Его. *Аз от Себе не глаголах,* говорит Спаситель, *но пославый Мя Отец, Той Мне заповедь даде, что реку, и что возглаголю: и вем, яко заповедь Его живот вечный есть. Яже убо Аз глаголю, якожерече Мне Отец, тако глаголю* (Ин. 12, 49, 50).

Итак, как в праотце и в сущих по образу его корень и мать всех зол есть надмение: так в новом Богочеловеке, Иисусе Христе, и в решающихся жить по образу Его начало, источник и основание всех благ есть смирение. Таковой строй и чин, как видим, соблюдают и пренебесный, высший нас, священный мир всех боговидных Ангелов, и наша земная Церковь. И мы научаемся из сего веровать, что те, которые уклоняются от сего основного закона и избирают жительствовать по дерзкому самочинию, отторгаются от Бога, от пресветлого наследия небесного и от вселенской Церкви; за что отовсюду изгоняются и во тьму кромешнюю и в адский огнь отсылаются. Это же, полагаем, постраждут и сущие на стороне падшей денницы лукавые злотворцы, и являвшиеся по временам болтуны из зломудрствующих еретиков, как представляют богописанные словеса; ибо они за самоволие и гордыню бедственно отвержены от божественной славы и священного собора благоугождающих Богу.

Но некиим из премудрых сказано, что противное противному врачевство. Почему, так как причина всего для нас прискорбного в непокоривости и гордости, а всего радостного в благопокорности и сокрушении: то возжелавшему жить без погрешений надобно побыть на послушании у отца, опытного и непрелестного, долговременными подвигами стяжавшего ведение вещей божественных и в жизни украшенного всеми добродетелями, всякое его повеление и всякий совет почитая гласом и советом Самого Бога. Ибо *спасение,* говорит Премудрый, *во мнозе совете* (Притч. 11, 14); – и: муж бессоветный сам себе враг. Если же некиим из досточтимых отцов случалось и без такого подвига послушания улучить боготворное безмолвие и по Богу совершенство; то это бывает по особенному Божию откровению, и притом очень редко. А что редко, как негде написано, то не закон Церкви, как и одна ласточка не делает весны, но ты, веруя, что истинное послушание есть как бы некое предуготовительное обучение к добрейшему безмолвию, оставь то, что по особенному домостроительству бывало редко, и сообразуйся с тем, что обще для всех постановлено всечестными отцами. Так сподобишься и воздаяния, определенного для законно живущих.

Итак что же? Если на случайную дорогу, не изведанную делом, едва ли кто решится вступить без верного проводника; если в море никто не пустится без искусного кормчего; если за какую-либо науку или искусство никто не возьмется без знающего дело учителя, – то кто дерзнет приступить к изучению делом искусства искусств и науки наук, вступить на таинственную стезю, ведущую к Богу, и пуститься в беспредельное мысленное море, т. е. в иноческую жизнь, подобную жизни Ангелов, с самоуверенностию достигнуть конца без руководителя, без кормчего и учителя, опытного и истинного? Поистине таковой, кто бы это ни был, прельщает себя и прежде вступления на путь уже заблудился, как незаконно подвизающийся: как напротив, и шага не сделав, достиг конца тот, кто подчиняет себя отеческим уставам. Ибо откуда иначе имеем мы узнать, как ополчиться против плоти или как вооружиться против страстей и бесов? Как без них научимся отличать доброе от недоброго, когда к добродетелям прицепляются худые страсти и всегда стоят некако при дверях их? Как без них умудримся обуздывать чувства телесные и, как струны на гуслях, согласно настроивать силы душевные? Особенно же как без них можно будет нам различать гласы, откровения, внушения, видения божественные, и козни, прелести и призраки бесовские? Одним словом, как сподобимся достигнуть в единение с Богом и научиться богодейственным священнодействиям и таинствам без посвящения в них тайноводителем истинным и просвещенным? Никак не возможно это, никак, когда видим, что и сосуд избранный, блаженнейший Павел, сии уста Христовы, сей свет мира, сие солнце всемирное, сей учитель вселенский спешит к соапостолам, чтоб вместе с ними рассмотреть свое благовестие. Чего же это ради? *Да не како,* говорит, *вотще теку, или текох* (Гал. 2, 2). Когда видим, что и сама самопремудрость, Господь наш, Иисус Христос говорит о Себе: *снидох с небесе не да творю волю Мою, но волю пославшаго Мя Отца* (Ин. 6, 38), и о святом и животворящем Духе возвещает, что Он *не от Себе глаголати имать, но елика аще услышит глаголати имать* (Ин. 16, 13).

Смотря на благодетельный чин сей, содержащий все и небесное и земное, трепетом, изумлением и ужасом объемлемся при мысли о нашей немощи и лености и об опасном положении тех, кои по легкомыслию и самомнению решаются жить самочинно или, что то же, без всякого чина, на разорение и пагубу себе. Воистину страшен подвиг сей, бесчисленны на нем грабители, беспрерывны засады пиратов, бесчисленны кораблекрушения. Почему из многих весьма немногие спасаются. – Но сии как хотят, так пусть и шествуют; ибо *коегождо дело,* как написано, *яково же есть, огнь искусит* (1 Кор. 3, 13). Или не просто как хотят, но как подобает, и да хотят и да живут. *Да даст Господь разум о всем* (2 Тим. 2, 7). Ты же и всякий, желающий жить по Богу, по сим изречениям Писания, как бы по бахроме, уразумев всю златую и духовную ткань блаженного послушания, потщися, как указано пред сим, найти себе учителя незаблудного и совершенного. *Совершенных же есть,* по Христоносному Павлу, *твердая пища, имущих чувствия обучена долгим учением в рассуждение добра же и зла* (Евр. 5, 14). Ища сим образом, т. е. притрудно и с верою, ты непогрешительно достигнешь предположенной цели. Ибо *всяк просяй приемлет, и ищай обретает, и толкущему отверзется,* говорит Божественное Писание (Мф. 7, 8). И он (обретенный учитель) по порядку и чину научит тебя всему подобающему и боголюбезному. Еще же он поруководит тебя и к более богоугодному и более духовному, – такому, что не всем под силу и не для всех доступно, если увидит, что ты охотно держишься мерности во всем, простоты и скудости в брашнах и питиях, в покрывалах и одеждах и довольствуешься тем, что требуется временем, что прилично и нужно, не ища ничего излишнего, изнеживающего и одни чувства услаждающего, как поступают неразумно живущие и сами на себя и свое спасение меч обнажающие. Ибо великий Апостол говорит: *имуще пищу и одеяние, сими довольни будем* (1 Тим. 6, 8).

Но ты и у нас желаешь поучиться, и от нас иметь письменное изложение всего, касающего начала, средины и конца жизни по Христе. Похвален вопрос, но нелегок скорый на него ответ. Впрочем, простреть Христос десницу Свою на помощь нам к разрешению тво-

его вопроса, и мы сделаем это, на пречестном послушании совершенном, как на твердом и непоколебимом основании, созидая многопетый дом всего духовного домостроительства, т. е. боготворное безмолвие. – Итак, утверждаясь на отеческих, по движению Духа провещанных, изречениях, говорим так:

16) Искренно и по Богу возжелавшему безмолвствовать должно при Православной вере стараться быть исполнену и благих дел, – и проч.

а) Говорит Спаситель: *не всяк глаголяй ми: Господи, Господи, внидет в Царствие Небесное, но творяй волю Отца Моего, Иже есть на небесех* (Мф. 7, 21). Почему и ты, возлюбленне, если не на словах только голых желаешь боготворного безмолвия, – (которое тем, кои искренно приступают к нему, дает и здесь ясные принимать проявления Божия Царствия Небесного, в будущем же веке еще полнее и совершеннее), – но истиною и делом любишь его, потщися при православной вере быть исполненным и благих дел. А при этом будь мирен со всеми, сколько это от тебя зависит (Рим. 12, 18), ничем не развлекайся, не будь многопопечителен, т. е. не давай овладевать собою суетным заботам, будь молчалив и тих, за все благодарен и сознателен в своей немощи. Над всем же сим, око блюди недремлющее и бодренно внимательное ко всем, каждодневно случающимся с тобою разным и многовидным искушениям, терпением и благодушием борясь со всяким треволнением и со всякою скорбию, как-либо на тебя находящею.

Что касается первого и второго, т. е. что при православной вере должно и добрыми делами украшаться, то явным тебе о сем учителем будет преславный брат Божий, который так говорит: *вера без дел мертва есть,* как и дела без веры; и: *покажи ми веру твою от дел твоих* (Иак. 2, 26, 18); и еще прежде него Наставник всех и Учитель, Господь наш Иисус Христос, рекший ученикам Своим: *шедше научите вся языки, крестяще их во имя Отца, Сына и Святаго Духа, учаще их блюсти вся, елика заповедах* (Мф. 28, 19, 20). – И Богослов (Григорий) говорит, что «Бог от всякого человека, имеющего крещение, требует следующих трех добродетелей: веры правой от души, целомудрия от тела и истины от языка».

б) Вера двояка

Заметь, что вера по богопреданным словесам двояка: одна, общая всем православным христианам, в которой сначала крещение прияли мы и с которою наконец буди и отойти отселе, а другая есть достояние редких людей, таких, кои, чрез исполнение всех боготворных заповедей востекши до состояния быть по образу и подобию Божию и таким образом обогатившись Божественным светом благодати, всю свою надежду утвердили в Господе, и до такой степени, что, по слову Господа (Мк. 11, 23), во время молитвы отнюдь не размышляют в сердце о прошениях своих к Богу, но с верою просят и готово получают благопотребное. Но такое твердоверие из дел чистых стяжали блаженные сии, как решительно отвергшие от себя всякое знание, раздумывание и колебание, и всякую заботу, и все, всецело погрузившиеся в божественное упоение веры, надежды и любви к Богу и, по божественному Давиду, изменившиеся лучшим и блаженным *изменением десницы Вышняго* (Пс. 76, 11).

О первой вере пространно говорить нам теперь не по времени, а о второй, которая, как некий плод божественный, отрождается и цветет от первой, очень благовременно. – Вера сия есть как бы некий корень и глава именитого боготворного безмолвия. «Если безмолвник, говорит Лествичник, не будет веровать, то как станет безмолвствовать?» (Сл. 27, 68). – И божественный Давид говорит: *веровах, темже возглаголах* (Пс. 115, 1); а великий апостол Павел возвещает: *есть же вера уповаемых извещение, вещей обличение невидимых* (Евр. 11, 1), и: *праведный от веры жив будет* (Евр. 10, 38). И Спаситель, когда просили Его ученики приложить им веру, так сказал: *аще бысте имели веру, яко зерно горушно, глаголали бысте убо ягодичине сей: восторгнися и всадися в море, и послушала бы вас* (Лк. 17, 7);

и в другой раз: *аще имате веру, и не усумнитеся, не токмо смоковничное сотворите, но аще и горе сей речете: двигнися и верзися в море, будет. И вся, елика аще воспросите в молитве верующе, приимете* (Мф. 21, 21, 22). Пишет также и преподобный Исаак: «вера тончае знания, как знание – вещей чувственных. Все святые, сподобившиеся обрести житие сие, – потрясающее благоговеинство пред Богом, – силою веры пребывают в услаждении житием оным преестественным. Веру же разумеем не ту, которою верует кто в различие поклоняемых ипостасей Божественных, о едином всепревышающем естестве Божества, и о предивном домостроительстве в воплощении чрез принятие нашего естества, – хотя и эта вера крайне возвышенна, – но веру, воссиявающую в душе от света благодати свидетельством ума, утверждающую сердце быть непоколебимым в верности надежды, далекой от всякого самомнения, – которая показывает себя не в приклонении слуха ушей, не в созерцании духовными очами сокрытых в душе таин, оного богатства благодатного, утаенного от очей сынов плоти и открываемого Духом тем, кои питаются на трапезе Христовой в приседении законам Его, как он сказал: если заповеди Мои соблюдете, пошлю вам Утешителя, Духа истины, *Егоже мир не может прияти, и Той вы научит всякой истине* (Ин. 14, 17, 26). Он указует человеку сию святую силу, обитающую в нем во всякое время, всегда покрывающую его и отражающую от него все вредное. Сию-то силу ум духовный ощущает очами веры. Она есть Сам Утешитель, силою веры, как огнем воспламеняющий душевные силы, – и душа устремляется горе, небрежет о всякой опасности в надежде на Бога, на крылах веры возвышается выше всякой видимой твари и всегда пребывает как бы упоенною, в изумлении пред Божественною о нас попечительностию и в чистом созерцании Божественного естества. Ибо пока не придет то, что есть совершение таинств, и мы не сподобимся явно откровения оных, дотоле вера между Богом и святыми священнодействует неизреченные таинства (т. е. приемлет, содержит и созерцает сии таинства), которых, благодатию Христовою, да сподобимся и мы, здесь как в залоге, а там, в Царствии Небесном, в самой действительной истине» (Сл. 28, стр. 190–192).

в) Надлежит тебе быть мирну

О третьем, о том, т. е., что тебе следует быть со всеми мирну, сильное тебе дают внушение *изречение* блаженного Давида и громче трубы гласящее *слово* Христоносного Павла: то вещает: *мир мног любящим закон Твой, и несть им соблазна* (Пс. 118, 165), – и: *с ненавидящими мира бехмирен* (Пс. 119, 6), – и: *взыщи мира и пожени и* (Пс. 33, 15); а это гласит: *мир имейте и святыню со всеми, ихже кроме никтоже узрит Господа* (Евр. 12, 14), – и: *аще возможно, еже от вас, со всеми мир имейте* (Рим. 12, 8).

г) Надлежит тебе не развлекаться

О четвертом, т. е. что тебе надлежит не развлекаться, вразумляет тебя преподобный Исаак, говоря: «если похотение есть порождение чувств, то да умолкнут наконец те, которые уверяют, что хранят мир ума и при суетных развлечениях многим. С такими мятущимися не имей общения».

д) Не должно тебе быть многопопечительну и многозаботливу

О пятом, т. е. что тебе не должно быть многопопечительным и многозаботливым как о благословных, так и о неблагословных вещах, да послужит тебе уроком то, что говорит Господь в Евангелии: *сего ради глаголю вам: не пецытеся душею вашею, что ясте, не телом вашим, во что облечетеся. Не душа ли больше есть пищи, и тело одежди; Воззрите на птицы небесныя, яко не сеют, ни жнут, ни собирают в житницы: не вы ли паче лучши их есте; Кто же от вас пекийся может приложити возрасту своему лакоть един; и о одежди что печетеся; – Не пецытеся убо, глаголюще: что ямы, или что пием, или чем одеждемся; Всех бо сих языцы ищут: весть бо Отец ваш Небесный, яко требуете сих всех. Ищите же прежде Царствия Божия и правды его, и сия вся приложатся вам. Не пецытеся убо на утрей, утрений бо собою печется: довлеет дневи злоба его* (Мф. 6, 25–28, 31–34).

И св. Исаак говорит: «без освобождения от забот не ищи света в душе твоей, ни тишины и безмолвия при распущенности чувств твоих» (Сл. 69, стр. 508). И Лествичник: «малый волос смущает око, и малое попечение губит безмолвие, ибо безмолвие есть отложение всех помышлений, не относящихся к делу спасения, и отвержение всех попечений, даже и благословных. Воистину достигший безмолвия не будет заботиться и о теле своем, ибо не ложен обещавшийся попещись о нем» (Сл. 27, 51. 52).

е) Надлежит тебе быть молчаливу

И о шестом, т. е. что тебе должно молчаливу быть, порядок слова понуждает нас сказать тебе: – говорит убо тебе и об этом св. Исаак: «Паче всего возлюби молчание; потому что оно приближает тебя к плоду. И язык немощен изобразить его. Сперва будем принуждать себя к молчанию, и тогда от молчания родится для нас нечто, приводящее к самому молчанию. Да подаст тебе Бог ощутить сие нечто, рождаемое молчанием. Но если начнешь сим житием жительствовать, то не умею и сказать, сколько света воссияет тебе отсюда. – Когда на одну сторону положишь все дела жития сего (иноческого, безмолвнического), а на другую молчание, то найдешь, что оно перетягивает на весах» (Сл. 41, стр. 250). «Молчание есть тайна будущего века, а слова суть орудие этого мира» (Сл. 42, стр. 263). «Кто возбраняет устам своим пересуждать (много говорить), тот хранит сердце свое от страстей. А кто хранит сердце свое от страстей, тот ежечасно зрит Господа» (Сл. 8 с нач.). И св. Арсению божественный глас во второй раз так законоположил: «Арсение! бегай, молчи, пребывай в безмолвии, ибо в этом корни безгрешности» (Дост. сказ. об авве Арсении 2).

ж) Надлежит тебе быть безмолвну (уединение любить)

Равным образом и о седьмом, т. е. что тебе надлежит безмолвную проводить жизнь, достоверные тебе указатели суть Василий Великий и опять святой Исаак: из коих тот говорит: «безмолвие есть начало очищения души», а этот: «предел безмолвия есть молчание от всего» (всестороннее). Сими словами тот вкратце означил начало его (безмолвия), а этот – конец. И в Ветхозаветном Писании так сказано: *упразднитеся и уразумейте, яко Аз есмь Бог* (Пс. 45, 11). И св. Лествичник говорит: «Первое дело безмолвия есть беспопечение о всех вещах, и благословных, и неблагословных; ибо отворяющий дверь первым всеконечно впадет и во вторые. Второе дело молитва неленостная; а третье – неокрадываемое делание сердца. Как невозможно по естественному порядку не выучившему букв читать книги: так еще более невозможно не стяжавшим первого дела безмолвия разумно проходить последние два» (Сл. 27, 46). И опять Исаак святой пишет: «вожделенным делом безмолвия должно быть ожидание смерти непрестанное. Кто без сего помышления вступает в безмолвие, тот не может понести того, что всеми мерами должны мы терпеть и нести» (Сл. 41, стр. 255).

з) Надлежит тебе за все благодарить Бога

Подобно сему и о восьмом, т. е. что ты за все должен благодарить Бога, достаточным для тебя учителем да будет божественный апостол Павел, который заповедует: *о всем благодарите* (1 Фес. 5, 18). К нему присовокупи и преподобного Исаака, который пишет: «благодарность приемлющего побуждает дающего давать дары, большие прежних. Кто неблагодарен за меньшее, тот и в большем лжив и несправедлив» (Сл. 2 с нач.). Еще: «проводник даров Божиих к человеку есть сердце, непрестанно движимое к благодарению, а проводник искушения к душе есть помышление ропотливое, всегда движимое в сердце». Также: «уста, всегда благодарящие, приемлют благословение от Бога, и в сердце, пребывающее в благодарении, нисходит внезапно благодать».

и) Надлежит тебе сознавать свою немощь

Сколь же великое благо собирается в том, кто достиг познания своей немощи, – что девятое есть по числу, – сие уразумеешь, вникнув в шестой псалом божественного Давида, в коем говорится: *помилуй мя, Господи, яко немощен есмь* (ст. 3), – и в другом месте: *аз есмь червь, а не человек, поношение человеков и уничижение людей* (Пс. 21,

7). И св. Исаак говорит: «блажен человек, который познает немощь свою, потому что ведение сие делается для него основанием, корнем и началом всякой благостыни. Ибо как скоро познает кто и воистину восчувствует немощь свою, тотчас утесняет душу в ее суетной горделивости, омрачающей разум, и сокровиществует себе охранение» (Сл. 61 с нач.); и: «человек, достигший познания меры своей, достиг совершенства смирения».

й) Надлежит доблестно переносить искушения

Последняя глава сего слова, которая исполняет предположенное нами десятеричное число, представляет, что должно доблестно переносить имеющие случиться с тобою разные и многовидные искушения и противостоять им с терпением и мужеством. Итак послушай, что и о сем написано в Священном Писании. – Вот что говорит Христоносец Павел: *братие! несть наша брань к крови и плоти, но к началом и ко властем, и к миродержителем тмы века сего, к духовом злобы поднебесным* (Евр. 6, 12); еще: *без наказания есте, емуже причастницы быша вси, убо прелюбодейчищи есте, а не сынове* (Евр. 12,

8); также: *егоже любит Господь, наказует, бьет же всякаго сына, егоже приемлет* (6). И брата Божия Иакова мысль первой главы послания такая: «муж неискушенный неискусен». – Св. Илия екдик говорит: «всякому христианину, право верующему в Бога, надлежит не предаваться беспечности, но всегда ожидать искушения и готову быть принять его; чтоб когда придет оно, не почитать сего странным и не смущаться тем, но благодарно претерпевать тяготу скорби, припоминая, что поет с пророком: *искуси мя, Господи, и испытай мя* (Пс. 25, 5); и еще: и *наказание Твое исправит мя в конец* (Пс. 17, 36). Смотри, – не сказал: *наказание Твое* низвратит мя, но: *исправит мя в конец»* (Цветособр. 1).

Не ищи причин искушений, откуда они находят, но только молись благодарно перенести оные, как говорит св. Марк: «когда найдет искушение, не ищи, отчего и для чего оно нашло, но (о том заботься), чтобы благодарно и беззлопамятно перенести его» (св. Марка об оправдании делами гл. 198); еще: «если нет человека, который бы благоугодил Богу без искушений, то должно благодарить Бога за всякий скорбный случай» (там же, гл. 200); также: «всякая скорбь обличает настроение нашей воли, направо склоняется оно, или налево. Потому случившаяся скорбь называется и искушением, что подвергшегося оной подвергает испытанию сокровенных его расположений» (там же, гл. 204). – И св. Исаак со многим другим говорит и сие: «искушение полезно всякому человеку. Ибо если полезно было искушение Павлу, то *всякие уста да заградятся, и повинен будет весь мир Богови* (Рим. 3, 19). Подвижные искушаются, чтоб нечто присовокупили к богатству своему, – а слабые, чтоб сохранили себя от вредного, – спящие, чтоб подготовить их к пробуждению, – вдали сущие, чтобы приблизились к Богу, – свои Богу (домашние Божии, в дому сущие), чтоб с дерзновением пребывали в Нем. Сын, который не был упражняем (в подъятии трудного), не на пользу себе получает богатство из дома отца своего. Почему Бог сперва искушает и томит, а потом обнаруживает дар благодати. Слава Господу, горькими врачевствами в сладость здравия нас вводящему! Нет человека, который бы не скорбел во время обучения; и никого также нет, кому не казалось бы горьким время, когда испивает он яд искушений. Без них невозможно приобрести крепкого сложения (душевного). Но и претерпеть их не наших сил есть дело. Откуда скудель, которая из брения, имела бы силу противостоять размыванию воды, если б божественный огнь не делал ее крепкою? Если подконимся под иго воли Божией и в смирении с непрестанным желанием будем молиться, то чрез терпение и мы все получим о Христе Иисусе Господе нашем» (Сл. 37, стр. 231–232). И в книге Премудрости Сираха сказано: *чадо, аще приступаеши работати Господеви, уготови душу свою во искушение… и потерпи и не скор буди во время наведения* (Сир. 2, 1, 2).

Должно на Бога надеяться и от Него чаять полезного

Котву надежды (Евр. 6, 19) в могущем спасать Боге утверди и от Него ожидай избытия искушений в благопотребное время. Ибо, как говорит Апостол, *верен Бог, Иже не оставит нас искуситися паче, еже можем, но сотворит со искушением и избытие* (1 Кор. 10, 13). Слушай, что и еще говорит Писание: – *Скорбь терпение соделовает, терпение же искусство, искусство же упование, упование же не посрамит* (Рим. 5, 3–5). *Претерпевый до конца, той спасется* (Мф. 24, 13). – *В терпении вашем стяжите души ваша* (Лк. 21, 19). – *Всяку радость имейте, братие моя, егда во искушения впадаете различна, ведяще, яко искушения вашея веры соделовает терпение: терпение же дело совершенно да имать, яко да будете совершенни и всецели, ни в чемже лишени. Иблажен муж, иже претерпит искушение: зане искусен быв приимет венец жизни, егоже обеща Бог любящим Его* (Иак. 1, 2–4, 12). – *Недостойни страсти нынешняго времени к хотящей славе явитися в нас* (Рим. 8, 18). – *Терпя потерпех Господа, и внят ми, и услыша молитву мою: И изведе мя от рова страстей, и от брения тины, и постави на камени нози мои, и исправи стопы моя: и вложи во уста моя песнь нову, пение Богу нашему* (Пс. 39, 1–4). Пишет и блаженный Симеон Метафраст: «душа, ята будучи узами любви к Богу, ни во что вменяет страдания, но услаждается прискорбностями и цветет в злострадании. И когда ничего не страдает за Возлюбленного, тогда еще более мнится страдати и бежит от утешения, как от муки».

17) О страхе Божием, что он двояк: один новоначальных, другой совершенных

Не поленимся теперь помянуть и о двояком страхе Божием, так как святые отцы в порядке добродетелей страх Божий ставят после веры.

О первом страхе Божием, – новоначальных

Знай же, возлюбленнейший мой, что страх Божий двояк: один новоначальных, а другой – совершенных. – О первом страхе так написано: *начало премудрости страх Господень* (Пс. 110, 10; Притч. 1, 7); *приидите, чада, послушайте мене, страху Господню научу вас* (Пс. 33, 12); *страхом Господним уклоняется всяк от зла* (Притч. 15, 27), и идеже страх, ту заповедей соблюдение. – И преподобный Исаак говорит: «Страх Божий есть начало добродетели. Он почитается порождением веры и сеется в сердце, когда ум отстранится от суетности мирской, чтобы собрать влающиеся мысли свои от рассеяния непрестанным углублением в будущее возустроение всяческих» (Сл. 1 сначала); также: «начало истинной жизни в человеке – страх Божий; а он не терпит пребывать в душе вместе с рассеянием мыслей» (там же стр. 4); еще: «умудрись же в основание шествия своего положить страх Божий, и в немногие дни станешь у врат Царствия, не кружась по пути» (там же, стр. 7).

О втором – совершенном страхе Божием

О втором, или совершенном, страхе Божием так сказано: *Блажен муж, бояйся Господа, в заповедех Его восхощет зело* (Пс. 111, 1); *блажени вси боящиися Господа, ходящии в путехЕго* (Пс. 127, 1); *бойтеся Господа, вси святии Его, яко несть лишения боящимся Его* (Пс. 33, 10); *се тако благословится человек, бояйся Господа* (Пс. 127, 5); *страх Господень чист, пребываяй в век века* (Пс. 18, 10). Пишет и св. Петр Дамаскин: «Признак первого страха есть ненавидеть грех и гневаться на него, как гневается на зверя угрызенный им; а страха совершенного признак есть – любить добродетель и бояться превращения; ибо никого нет, кто бы был не превратен: почему в этой жизни при всяком деле должны мы всегда бояться падения» (Кн. 2, слово 3, стр. 14 в русск. перев.). – Посему и ты, разумно слыша сие, потщися

вместе со всеми указанными выше добродетелями непрестанно держать в себе, как следует, и первый страх. Ибо он есть как бы сокровище хранилища всякого доброго деяния, самое крепкое. Пребывая таким, ты всегда будешь иметь стопы свои направляемыми к деланию всех заповедей Господа нашего Иисуса Христа. Простираясь же далее сим путем, приобретешь ты и совершенный страх, чистый, по любви к добродетелям и милости благого Бога нашего.

18) За заповеди и веру Господа нашего Иисуса Христа должны мы и самой жизни не щадить, когда потребует того время

К сказанному надлежит тебе ведать и то, что за заповеди животодательные и веру Господа нашего Иисуса Христа должны мы, когда потребует время, охотно погубить и самую душу свою, т. е. не пощадить и самой жизни своей, как сие Сам Господь Иисус Христос говорит: *иже погубит душу свою Мене ради и Евангелия, той спасет ю* (Мк. 8, 35), несомненно и без раздумывания веруя, что и воскресение, и жизнь, и все, что ни есть спасительного, Сам есть Богочеловек Иисус Спаситель, как Сам Он сказал: *Аз есмь воскресение и живот: веруяй в Мя, аще и умрет, оживет: и всяк живый и веруяй в Мя, не умрет во веки* (Ин. 11, 25, 26). И еще: *тако возлюби Бог мир, яко и Сына Своего Единороднаго дал есть, да всяк веруяй в Онь, не погибнет, но имать живот вечный* (Ин. 3, 16), также: *Аз приидох, да живот имут, илишше имут* (Ин. 10, 10). – В таком пребывая устроении, и *задняя забывая, в предняя же простираяся,* как сказано (Флп. 3, 13), *теки,* со Христом Иисусом Господом нашим, путем своим, *не озираясь вспять* (Лк. 9, 62).

Теперь, как нам кажется, прилично изложить блаженного Никифора естественный некий метод (способ, прием) вхождения внутрь сердца вниманием чрез дыхание, который способствует к сосредоточению помышлений ума. Сей муж, приведши свидетельства многих святых отцов о внутренней жизни, говорит наконец и от себя следующее:

19) Естественный метод вхождения внутрь сердца вниманием чрез дыхание с творением при сем молитвы: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя. Метод сей немало способствует к сосредоточению помышлений ума

«Известно тебе, брате, как мы дышим: втягиваем в себя воздух и выпускаем его. На сем жизнь телесная держится и от сего зависит теплота тела. – Итак, седши в безмолвной келлии своей, собери ум свой, введи его в путь дыхания, коим воздух входит внутрь, и принудь его вместе с вдыхаемым воздухом сойти в сердце, и держи его там; держи, но не оставляй его молчащим и праздным, а дай ему следующую молитву: *Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя.* И пусть он имеет сие непрестанным своим делом и никогда не оставляет его. Ибо оно, содержа его немечтательным, делает недосязаемым для прилогов вражеских и возводит в божественное желание и любовь. – Но, брате, восприими труд приучить ум свой нескоро выходить оттуда; ибо он вначале очень скучает от этого внутри заключения его и стеснения, но когда навыкнет, то уже не любит носиться по внешним предметам. Ибо Царствие Божие внутрь нас есть; и тому, кто там узрит его и, взыскав чистою молитвою, ощутит, все внешнее кажется уже непривлекательным и теряет всякую цену. Ему там, внутри, уже не невесело и не нерадостно; но как муж какой-нибудь, бывший в отлучке из дома, когда возвратится, и делать не знает что от радости, что опять увидел жену и детей: так и ум, когда из рассеяния соединится опять с душою, исполнен бывает неизреченной сладости и радования» (приводится сие место сокращенно). Вот что изрек сей блаженный отец, в намерении

имея научить ум под влиянием сего естественного метода (приема, или способа) от обычного своего кружения, пленения и парения возвратиться ко вниманию себе, чрез внимание такое снова сочетаться с самим собою и сим образом объединиться с молитвою, и вместе с сей молитвою низойти в сердце и пребыть там навсегда. Другой же некто из богомудрых, как бы в объяснение сказанного, как навыкший опытом сему священному деланию, вот какое делает замечание:

20) Еще – о естественном методе призывания Господа Иисуса Христа вместе с дыханием

Желающему научиться сему деланию надлежит ведать, что, когда приучим мы ум свой вместе с входом воздуха входить внутрь, тогда опытно познаем, что ум, приступая к схождению внутрь, лишь только начнет сие, как отвергает всякий помысл, и делается единичным и голым, и никакою другою памятию не занятым, как призыванием Господа нашего Иисуса Христа; напротив же, оттуда исходя и на внешнее обращаясь, тотчас развлекается многообразными памятями.

21) И св. Златоуст учит молитве внутрь сердца с словами: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя

И великий Златоуст говорит: «умоляю вас, братие, никогда не нарушайте и не презирайте правила молитвы сей». – Немного спустя: «монах должен, – ест ли, пьет ли, сидит ли, служит ли, шествует ли путем, или другое что делает, – непрестанно взывать: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя!* да имя Господа Иисуса, сходя в глубь сердца, смирит держащего тамошние пажити змия, душу же спасет и оживотворит. Непрестанно убо пребудь с именем Господа Иисуса, да поглотит сердце Господа, и Господь сердце, и будут два сии во едино». И опять: «Не отлучайте сердца своего от Бога, но пребывайте с Ним и сердце свое храните всегда с памятованием Господа нашего Иисуса Христа, пока имя Господа вкоренится внутрь сердца, и оно ни о чем другом помышлять не станет, – да возвеличится Христос в вас».

22) Свидетельства о том же свв. Лествичника и Исихия

Говорит также и Лествичник: «память Иисусова да сраствoрится с дыханием твоим; и тогда познаешь ты пользу безмолвия» (Сл. 27, 61). – Тоже и св. Исихий: «если истинно желаешь покрыть стыдом помыслы, благодушно безмолвствовать и без труда трезвенствовать сердцем; да прильпнет к дыханию твоему молитва Иисусова, – и в немного дней увидишь это на деле» (гл. 182).

23) Желающему мысленно трезвенствовать, – всякому, паче же новоначальному, – надо, для удобнейшего упражнения в молитве, жить в келии безмолвной и несветлой, потому что чрез это ум и мысли естественно некако собираются воедино

К показанному выше – как главному, великими святыми отцами давно узаконенному, как видно из приведенных нами свидетельств, относительно того, как надлежит нам, сходя вместе с дыханием внутрь сердца, о Господе нашем Иисусе Христе, Сыне Божием, и о свя-

том и спасительном имени Его молиться, размышлять и трезвенствовать, и у Него искать себе милости, – прилагается и сие: и всегда, паче же в установленное время молитвы, всякому тщащемуся трезвенствовать мысленно в сердце, паче же новоначальному, надо укрываться в келлии безмолвной и несветлой, как опытные в сем блаженном делании божественные отцы и учители тайноводствуют и заповедуют; так как зрение и видение очами зримого и видимого обыкновенно развлекает и рассеивает мысли, при заключении же в безмолвной и примрачной, как сказано, храмине мысли перестают разбегаться и множиться, и ум таким образом, хотя и не хотя, мало-помалу утишается и в себе собирается, как говорит св. Василий: «ум, не развлекаемый внешним и чрез чувства не разбегаясь по вещам мира, к себе возвращается».

24) Главным образом непарительность подается уму Господом нашим Иисусом Христом при призывании в сердце с верою святого имени Его; а этот естественный метод (прием) схождения в сердце путем дыхания, и это уединение в месте безмолвном и несветлом и все другое подобное только способствуют к сему некако

Паче же сего, или лучше паче всего вообще, таковой подвиг успешно совершается умом, содействием божественной благодати, при сердечном, чистом и непарительном призывании Господа нашего Иисуса Христа, а не одним этим естественным приемом схождения в сердце путем дыхания или этим уединением в безмолвном и несветлом месте. Да не будет!

Ибо сие не другого ради чего святыми отцами придумано, как только ради того, что это содействует к собранию мыслей, к возвращению ума от обычного ему парения к себе самому и сосредоточению его внимания, как сказано пред сим.

А от этих (собрания мыслей и сосредоточения внимания) порождается то, что ум начинает молиться непрестанно, чисто и непарительно, как говорит святой Нил: «внимание, ищущее молитвы, молитву обретет; ибо за вниманием паче, нежели другое что, следует молитва, о коей нам надлежит иметь наибольшее тщание» (гл. 179). – Вот как должно смотреть на дело сие. – Ты же, чадо, *хотя живота, любя дни видети блага* и в теле жить подобно бестелесному, живи по следующему правилу и уставу.

25) Как безмолвствующему надлежит проводить время от вечера до пробуждения от сна

По захождении солнца, призвав в помощь Всеблагого и Всесильного Господа Иисуса Христа, сядь на стульце в келлии безмолвной и несветлой, и собрав ум от обычного ему вовне кружения и скитания, путем дыхания тихо сведи его внутрь сердца и держи молитву сию: *Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя!* вместе с дыханием соединенно некако совводя туда и глаголы молитвенные, как говорит св. Исихий: «с дыханием твоим соедини трезвение, и имя Иисусово, и помышление о смерти незабвенное, и смирение; ибо то и другое великую доставляет пользу» (гл. 189). С молитвою сею, кроме сказанного, имей и память о суде и воздаянии за добрые и худые дела, и вседушно почитая себя грешнейшим всех людей и самых демонов сквернейшим, думай посему, что всеконечно имеешь ты вечно мучим быть во аде. Если при каком-либо из сих помышлений придет тебе сокрушение, плач и слезы, на том помышлении и пребуди, пока слезы не пройдут сами собою. Если же ты не сподобился еще дара слез, то восприими подвиг и с смиренным мудрованием молись, да стяжешь их; ибо ими очищаемся мы от страстей и скверн и имиже причастными делаемся добрых и спасительных расположений, как говорит св. Лествичник: «как огонь потребляет

тростие, так чистые слезы – всякую скверну мысленную и видимую» (Сл. 7, гл. 31), – и другой некий отец: «желающий отребить худости свои плачем да отребляет их, и желающий стяжать добродетели плачем да стяжевает их; и если не имеешь ты сокрушения, то знай, что имеешь тщеславие, ибо оно не дает душе прийти во сокрушение». – Если слезы не придут, то, просидев, внимая сказанным помышлениям и с молитвою, час один, встань потом и пропой со вниманием малое повечерие. Затем опять сядь и держи прежнюю молитву, сколько сил есть, чисто и непарительно, без всякого о чем-либо попечения, без всякого помысла и мечтания, с полною трезвенностию, с полчаса. Наконец, положив на себе знамение честного и животворящего креста, а также и на одре твоем, сядь на нем и войди в помышление о будущих наслаждениях и мучениях, о непостоянстве и прелестности всего временного, о внезапном наступлении смерти, сего общего долга, и о страшном посмертном и предсмертном словоистязании, помяни вкратце и о всех прегрешениях своих и прощения их тепло испроси, и до точности пересмотрев все, как провел ты мимошедший день, возляжь на одр свой, держа и молитву, по слову некоего говорившего: с молитвой Иисусовою и засыпай, и спи. Сосни часов пять или шесть; вообще же соразмеряй спание с долготою ночи.

26) Как, восстав от сна, проводить время до утра

Пробудившись от сна, первее всего воздай славу Богу, и призвав Его себе заступление, начни главнейшее свое дело, т. е. молиться в сердце непарительно и чисто, и помолись так с час. Тогда ум сам по себе большею частию бывает тих и немятежен; мы же заповедь имеем, – первейшее и наилучшее Богу приносить в жертву, т. е. свое первомыслие в чистой сердечной молитве неуклонно простирать к Господу нашему Иисусу Христу, – как говорит св. Нил: «тот молитву свою делает услышанною, кто всегда свое первомыслие, как зрелый плод, приносит Богу» (гл. 126). Потом пропой полунощницу.

Если же ты, не будучи тверд в совершенном безмолвии, не можешь начать так, как мы сказали, – по этой, или по другой какой причине, как часто случается с теми, кои только начинают еще такое делание, а иной раз, хотя редко, и с теми, кои довольно успели в нем, но еще не достигли совершенства, ибо только совершенные *вся могут о укрепляющем их Христе* (Флп. 4, 13), – так если не можешь, то восстав от сна и восставив, сколько можешь, бодренное трезвение, пой прежде полунощницу со вниманием и разумением поемого.

После сего сядь и молись в сердце чисто и непарительно, как показано, час один, лучше же, сколько даст тебе Податель благ. Лествичник говорит: «в продолжение ночи большую часть времени посвящай молитве, а меньшую отдавай Псалмопению; днем же устрояй делания свои сообразно с силами своими» (Сл. 27, 77).

Если и после такого себя нуждения подвижнического все еще будешь одолеваем сонным расслаблением и разленением, встань и напрягись, все держась молитвы и стараясь, как знаешь, привести себя в бодрственное состояние (св. Исаак: «выди наружу и походи»). Потом сядь и молись, как написано, всегда со всем тщанием стараясь чистою молитвою с Чистым беседовать Богом.

Затем встань, пропой разумно шестопсалмие, пятидесятый псалом и канон, какой хочешь. После сего сядь опять и с бодренным трезвением искренно помолись полчаса. И опять встав, пой хвалитны, обычное славословие и первый час. И затем сотвори отпуст.

Читаемое тобою произноси устами своими лишь настолько высоким голосом, чтоб то слышно было ушам твоим: так как и плод устен приносить Богу заповедано нам, всею душою и всею мыслию благодаря человеколюбивого и попечительного о нас, премудрого Бога, по безмерной милости Своей сподобившего нас благополучно прейти пучину минувшей ночи и увидеть светлое поприще настоящего дня, и тепло при сем также моляся и о том, да дарует Он нам безбедно протечь мрачную и свирепую бурю бесов и страстей.

27) Как подобает жительствовать с утра до обеда[18]

С утра до обеда, весь всецело возложившись на Единого Бога и Ему с сердцем сокрушенным помолившись, да будет помощником тебе, немощному, ленивому и беспечному, старайся, сколько сил есть, все время провести в молитве сердечной, чистой и непарительной, и в чтении. Когда читаешь положенное тебе из Псалтири, Апостола и Святого Евангелия, читай то стоя, так же поступай и при возношении молитв к Господу нашему Иисусу Христу и Пречистой Богородице; прочие же чтения Святых Писаний совершай сидя. Потом в свое время со вниманием пропой обычные часы, очень премудро свв. отцами установленные, всеусильно и вседушно отревая праздность, учительницу всякому худу, и избегая вместе со страстями и поводов к ним, как бы малыми и безвредными они ни казались.

28) О том, сколь потребно избегать праздности, и о том, что церковное предание должно соблюдать и безмолвствующему

Св. Исаак говорит: «остерегайтесь, возлюбленные, праздности, потому что в ней сокрыта верная смерть, и без нее невозможно впасть в руки домогающихся пленить инока. В день оный не за псалмы осудит нас Бог и не за опущение молитв, но за то, что опущением сим дается вход бесам. А эти, когда найдут себе проход, войдут и затворят двери очей наших; тогда тиранически наполнят нас такими нечистотами, кои подвергают божественному приговору с наистрожайшим отмщением. И делаемся мы, таким образом, за опущение малого, что однако ж ради Христа почтено достойным великого попечения, как написано: «кто не покоряет воли своей Богу, тот попадет под иго сопернику Его». Посему да будет почитаемо тобою, как бы стеною против ищущих пленять нас, сие, кажущееся тебе малым, совершение чего в келлии, по духу откровения, мудро установлено заведующими церковным чином для охранения нашей жизни, и опущение чего малым почитается немудрыми, не берущими во внимание происходящего от того вреда. Но у этих и начало пути, и средина – необузданная свобода, которая есть матерь страстей. Почему лучше подвижнически понуждать себя не опускать сего малого, нежели опущением его давать место греху. Ибо конец этой бедовой свободы – жестокое рабство» (Сл. 71, стр. 519).

Немного спустя тут же говорит он опять: «О, как сладки позывы страстные! Страстные дела, бывает, что иной может иногда отсечь и удалением от предметов их мирность некую в себе водворить и порадоваться покою от них, но позывов страстных остановить не может. Почему и нехотя искушение испытываем мы; и о страстях (что восстали) скорбим, но любим продление позывов или сластей страстных. Грехов не желаем, а приводящие нас к ним позывы с услаждением приемлем; от чего эти вторые делаются в нас причиною первых в действительности. Кто любит страсти страстные, тот поневоле и подручен им, и не желая того, раб есть страстей. Ненавидящий грехи свои перестанет грешить, и исповедающий их получит отпущение их. Невозможно же человеку оставить навык греховный прежде стяжания вражды к нему, и получить прощение прежде исповедания прегрешений; из коих одно служит причиною истинного смирения, а другое – сокрушения, от стыда порождающегося в сердце» (там же, стр. 520–521). И еще: «нет греха непрощаемого, кроме того, в коем не каются» (Сл. 2, стр. 12). Впрочем об этом довольно.

[18] Уроки сии идут до 36 гл. включительно.

Ты же по пропетии сказанных часов сядь поешь, – держа и молитву во время вкушения пищи, чтоб, так действуя, прийти, благодатиею Божиею, в навыкновение непрестанно молиться, по заповеди. —

Но слово о пище, тело, по неизреченной премудрости Создавшего, поддерживающей, пусть подождет немного, а прежде да простреться слово о пище, душу укрепляющей и оживляющей, которою служит, по слову свв. отцов, священная и боготворная молитва: что вполне справедливо, потому что душа драгоценнее тела.

29) Еще о молитве, и что молиться надлежит всегда

Как сие тело наше по исходе из него души мертво бывает и смердяще: так и душа, не движущая себя на молитву, мертва есть, окаянна и злосмрадна. А что быть лишену молитвы надлежит почитать горчайшим всякой смерти, сему добре научает нас великий пророк Даниил, который избрал лучше умереть, нежели пробыть без молитвы хотя одно мгновение времени (гл. 9). Добре сему учит нас также и св. Златоуст: «Всякий молящийся с Богом беседует. Сколько же велико, будучи человеком, с Богом беседовать, из всех нас никто не неведает, но словом выразить сию честь едва ли кто возможет; ибо сия честь превышает и ангельское достоинство». – Еще: «Молитва есть общее дело Ангелов и человеков; и в деле молитвы нет ничего среднего (средостение составляющего) между одним и другим естеством: она отделяет тебя от бессловесных, она же сочетавает тебя с Ангелами. И тот, кто всю жизнь тщится упражняться в молитвах и служении Богу, скоро подобным Ангелам делается по жизни, чести, благородию, мудрости и разумению». Еще: «когда диавол видит душу огражденною добродетелями, то не смеет близко подходить к ней, боясь могущества и силы, какие подают ей молитвы, более питающие душу, чем брашна – тело». Еще: «Молитвы суть нервы души. Как тело нервами держится в строе, живет, движется и стойким является; когда же кто их пресечет, тогда вся гармония тела расстроивается: так и души святыми молитвами благоустрояются, стойкость приемлют и легко текут путем благочестия. Если же ты лишаешь себя молитвы, то то же делаешь, что – вынув рыбу из воды: ибо как этой жизнь вода, так тебе молитва. Ею можно сквозь воздух, как сквозь воду, пронестись, на небеса взойти и стать близ Бога». Еще: «молитва и моление делают людей храмами Божиими; и как злато, камни драгоценные и мармары украшают домы царские, так молитвы – храмы Христовы – души верующих. Какая может быть большая молитве похвала, как то, что она соделовает нас храмами Божиими, и что, Кого не вмещают небеса, Тот в молитвах входит в душу живую?» Еще: «И из того можно увидеть силу святых молитв, что Павел, который, как какой крылатый, обтек всю вселенную, живал в узилищах, подвергался бичеваниям, узы носил, жил в крови и бедах, бесов изгонял, мертвых воскрешал, болезни пресекал, ни на что из всего сего не надеялся в устроении спасения людей, но молитвами ограждал душу, и после знамений и воскресения мертвых спешно тек на молитвы, как на главный подвиг, венчающий дело, – так как и воскресения мертвых и всего другого молитва есть подательница. Ибо какую силу в древесах имеют воды, такую же и молитвы в жизни святых». Еще: «молитва – спасения вина, бессмертия источник, Церкви стена несокрушимая, крепость неодолимая, страшная для бесов и спасительная для нас в деле благочестия». – Еще: «Как за какою царицею, в город входящею, следует всякое богатство, так за молитвою, в душу входящею, входит и всякая добродетель». – Еще: «Что основание для дома, то молитва в душе; и должно, водрузив ее в душе, как основание и корень, на ней рачительно наздавать и целомудрие». – И еще: «Свет ума и души есть рачительная молитва, свет неугасимый и непрестанный; почему злой враг наш безмерные нечистоты помыслов влагает в ум наш и, многое такое собрав, о чем и думать мы никогда не думали, обдает тем душу во время молитвы». – И еще: «великое оружие – молитва, великое ограждение». – И Богослов говорит: «о Боге более памятовать должно, чем

дышать». – И еще: «чаще помышляй о Боге, чем дышишь». – И св. Исаак: «Без непрестанной молитвы к Богу приближиться не можешь». – Еще: «После труда молитвы возложение на ум иного попечения производит рассеяние мыслей». – Еще: «всякая молитва, в которой не утомится тело и не сокрушится сердце, подобно недоношенному плоду чрева: ибо такая молитва без души есть». – И св. Лествичник: «Молитва, по качеству своему, есть общение (сосущность, слитие в одно бытие) и единение человека и Бога; по действию же, она есть стояние мира, Бога примирение, слез матерь и опять дщерь, умилостивление о грехах, мост чрез искушения, средостение от скорбей, пресечение браней, дело Ангелов, пища всех бесплотных, будущее радование, конца и предела не имеющее делание, источник добродетелей, ходатаица и виновница дарований, невидимое преуспеяние, пища души, просвещение ума, отчаянию секира, доказательство надежды, разрешение уз печали, богатство монахов, сокровище безмолвников, уменьшение (постепенное до ноля) гнева, зеркало преуспеяния, проявление мер (на какой кто стоит мере), показание состояния (или устроения духовного), возвестительница будущего, знамение прославления. Для истинно молящегося молитва есть истязалище, судилище и Престол Господень, прежде Престола будущего» (Сл. 28, 1); и еще: «молитва не что иное есть, как отчуждение от мира видимого и невидимого». – И св. Нил: «Если желаешь стяжать молитву, отрекись от всего, да все наследуешь». – Еще: «молитва есть восхождение ума к Богу». Еще: «молитва есть беседа ума с Богом». – Еще: «как хлеб есть пища для тела и добродетель – для души, так для ума молитва есть духовная пища».

И об этом (т. е. о молитве, как пище душевной), так (рассуждайте).

Теперь благовременно нам и о телесной пище, о ее мере, количестве и качестве, кратко сказать, что подобает, по силе нашей.

30) О телесной диете, т. е. как должно питаться безмолвствующему

Написано: *сыне человечь, весом снеси хлеб твой, и воду мерою пити будеши* (Иез. 4, 9, 10), сколько потребно, чтоб, довольствуясь тем, подвизающийся по Богу мог жив быть. Ибо, как говорит некто из отцов, если не дашь крови, Духа не приимешь. И великий Павел говорит: *умерщвляю тело мое и порабощаю, да не како, иным проповедуя, сам неключим буду* (1 Кор. 9, 27). Тоже и божественный Давид: *колена моя изнемогоста от поста, и плоть моя изменися елея ради* (Пс. 108, 24). И Богослов: «ничем так не благоугождается Бог, как злостраданием, или телесными ради Него лишениями; и ничем так не привлекается человеколюбие Его, как слезами». И св. Исаак: «как мать печется о чаде, так и Христос печется о теле злостраждующего (терпящего ради Него телесные лишения), и всегда есть близ тела его» (Сл. 58, стр. 443). Еще: «в чреве насыщенном нет видения таин Божиих» (там же). – Еще: «как те, кои сеют слезами, приемлют рукояти радования: так радостию исполняются злостраждующие (подъемлющие произвольные телесные лишения) ради Бога». – Еще: «блажен заградивший вход к себе всякому сладострастию, разлучающему его от Создателя Его» (Сл. 75, стр. 533–535).

Еще: «Долгое время искушаемый в десных и шуих, неоднократно изведав себя сими двумя способами, прияв на себя бесчисленные удары противника и сподобившись втайне великих возможностей, в продолжение многих лет снискал я опытность и, по благодати Божией, опытно дознал следующее.

Основание всего доброго, возвращение души из вражия плена, путь, ведущий к свету и жизни, – все это заключено в следующих способах: собрать себя воедино и всегда поститься, т. е. премудро и благоразумно поставить для себя правилом воздержание чрева, неисходное пребывание на одном месте, непрестанное занятие богомыслием.

Отсюда покорность чувств; отсюда трезвенность ума; отсюда укрощение свирепых страстей, возбуждающихся в теле; отсюда тихость помыслов; отсюда светлые движения

мысли; отсюда рачительность к делам добродетели; отсюда высокие и тонкие умопредставления; отсюда не знающие меры слезы, источающиеся во всякое время, и память смертная; отсюда чистое целомудрие, совершенно далекое от всякого мечтания, искушающего мысль; отсюда проницательность и дальновидность; отсюда глубокие и таинственные понятия, какие ум постигает при пособии божественных словес, и внутренние движения, происходящие в душе, разделение и различение духовного как в святых силах и истинных видениях, так и в суетных мечтаниях.

Отсюда тот страх на путях и стезях, который в море мысли отсекает леность и нерадение, тот пламень ревности, который попирает всякую опасность и превозмогает всякий страх, та горячность, которая пренебрегает всяким вожделением, и изглаждает оное в уме, и вместе с прочим приводит в забвение всякое памятование о преходящем; короче сказать, отсюда свобода истинного человека, душевная радость и воскресение со Христом в Царствии.

Если же кто вознерадит о сих двух способах, то пусть знает, что не только повредит он себе во всем, что пред сим сказано, но поколеблет и самое основание всех добродетелей пренебрежением сих двух добродетелей. И как они, если кто удержит их в себе и пребудет в них, суть начало и глава божественного делания в душе, дверь и путь ко Христу; так если кто отступит и удалится от них, то придет к сим двум противоположным тому порокам, разумею, телесное скитание и бесчестное чревоугодие. Это суть начала противного сказанному выше, – и они дают место в душе страстям» (Сл. 75, стр. 533–535).

В другом месте он же пишет: «Которые нерадивы и слабы в начале подвига, те не только от сих и подобных борений[19], но и от шума древесных листьев приходят в боязнь и смятение, и малою нуждою, голодом в случае недостатка и небольшою немощию преодолеваются, отрекаются от подвига и возвращаются вспять. Истинные же и благоискусные подвижники не пресыщаются злаками и овощами, даже питаясь сухими былиями, не соглашаются что-либо вкусить прежде назначенного часа, но в телесном изнеможении лежат на голой земле; очи их едва смотрят от чрезмерного истощания тела, – и если от нужды близки бывают они к тому, чтобы разлучиться с телом, не уступают над собою победы и не оставляют крепкого произволения, потому что желают и вожделевают лучше сделать себе принуждение из любви к Богу, и предпочитают трудиться ради добродетели, нежели иметь временную жизнь и в ней всякое упокоение. И когда приходят на них искушения, веселятся паче и еще усовершаются ими. Даже среди тяжких предстоящих им трудов не колеблются они в любви Христовой, но пока не утратят жизни, пламенно желают с мужеством выдерживать нападения и не отступают, потому что чрез это усовершаются» (Сл. 60, стр. 475).

С сими и подобными сим уроками согласуясь и так же покоряясь тому, кто сказал: *царским путем шествуй, не уклоняясь ни на десно, ни на шуе* (Притч. 4, 27), – и мы излагаем тебе средний устав о пище, состоящий в таких правилах:

31) Как подвизающемуся должно питаться в понедельник, среду и пяток

В три дня недели, второй, четвертый и шестой, всегда твори девятицу, т. е. вкушай пищу однажды в день (в 9 часов), съедая хлеба унций шесть (три осьмухи фунта), сухих снедей недосыта и воды три или четыре чаши, последуя 69 правилу свв. апостолов, которым законополагается: «если какой епископ, или пресвитер, или диакон, или чтец, или певец[20] Святую Четыредесятницу пред Пасхою, или в среду, или в пятницу не постится, да будет

[19] Выше изображены вражеские искушения.

[20] Аскеты причисляются к духовенству.

извержен, кроме препятствия от немощи телесной; если же это будет мирянин, да будет отлучен». – В понедельник же пост установлен после святыми отцами.

32) Как должно питаться во вторник и четверток

В два дня, т. е. во вторник и четверток, дважды в день принимай пищу, съедая хлеба тоже шесть унций, какое-либо варево воздержно и сколько-нибудь из сухих снедей и выпивая вина, если употребляешь, растворенного водою, чаши три или четыре; вечером же съедай хлеба унции три, что-нибудь из сухих снедей или овощей каких, вина с водою выпивай одну чашу или много две, когда жажда сильная одолевает.

Жажда впрочем много содействует в слезах, сожительницею имея и бдение, о коих так говорит св. Лествичник: «Жажда и бдение сокрушают сердце; от сердца же сокрушенного источаются слезы» (Сл. 6, 13). И св. Исаак: «Ради Бога потерпи жажду, да напоит Он тебя любовию Своею».

Если же ты и в эти два дня предпочтешь однажды принимать пищу, очень добре сотворишь; так как пост и воздержание есть первая добродетель, – мать, корень, источник и основание всего доброго. – И из внешних мудрецов некто говорит: «избери наилучшую жизнь, навык же потом сделает ее приятною». И Василий Великий: «где произволение с твердою решимостию, там нет препятствий». – И другой некто из богоносных мужей: «Начало плодоносия – цвет; а начало деятельной жизни воздержание» (пр. Нила ч. 1, стр. 201).

Это, равно как и последующее за сим, иным покажется, может быть, неудобным или даже и невозможным. Но кто возьмет во внимание процветающее от сего приплодие и пред очами ума держать станет обыкновенно порождающееся из сего славное состояние; тот признает сие нетрудным, и помощию Господа нашего Иисуса Христа при своем посильном о том рачении, и словами и делами воспроповедует, сколь сие удобоисполнимо, в подтверждение сего как бы печать какую приложив ими (делами и словами). И св. Исаак говорит: «скудный хлеб на трапезе чистого очищает душу вкушающего от всякой страсти… От трапезы постящихся, пребывающих в бдении и трудящихся о Господе возьми себе врачевство жизни и возбуди от омертвения душу свою. Ибо среди них возлежит Возлюбленный, освящая снеди их и горечь скудной трапезы их претворяя в неизреченную Свою сладость; духовные же небесные служители Его осеняют их и святые яства их» (Сл. 8, стр. 62). Еще: «Воня постника весьма сладостна, и встреча с ним веселит сердца рассудительных… Любезно Богу поведение воздержного» (там же, стр. 63).

33) Как надлежит питаться в субботу. Также о бдениях и о том, как подобает принимать пищу во время оных

Во всякую субботу, кроме Великой, подобает тебе два раза принимать пищу, как выше положено для вторника и четвертка. Это и по определению священных правил, и потому, что во все всего лета дни Господни должен ты совершать бдения, кроме сырного и еще кроме того случая, когда на неделе случится какой-нибудь великий Господский праздник или праздник какого-либо из великих святых. Тогда совершай бдение в эти дни, а в день Господень оставляй его. – Но так или так будет, в субботу все два раза принимай пищу. Впрочем, так как тебе полезно всегда понуждать себя на делание бдения нощного, то гораздо лучше тебе, несмотря на совершение бдения на неделе по случаю означенных выше дней, совершать оное и на Воскресение. Пользу от этого великую сам скоро увидишь; *разверзется,* скажем словом пророка Исаии, *рано свет твой, и исцеления твоя скоро возсияют* (Ис. 58, 8).

Св. Исаак говорит: «каждому подвигу против греха и похотения труд бдения и пощения есть начало, особенно для того, кто подвизается против сущего внутрь нас греха. И из этого узревается признак ненависти ко греху и похоти в подвизающихся в сей невидимой брани. И все почти страстные прилоги начинают умаляться от пощения. После же него особенно содействует подвижничеству нощное бдение. Во всю жизнь свою любящий беседовать с сею двоицею другом бывает целомудрия. Как упокоение чрева и многоспание до расслабления, возжигающее похоть блудную, суть начало всех зол: так суть путь Божий святой и основание всякой добродетели пост, бдение и бодренность в священнослужении Богу». – Еще: «В душе, облиставшейся памятию Божиею и неусыпным бдением ночь и день, – вот где устрояет Господь, к утверждению ее и обезопашению, облако, сению своею покрывающее ее во дни и светом огня освещающее ночью» (Пс. 77, 14). Еще: «избери себе сладостное делание, бдение всегдашнее по ночам, коим все отцы совлеклись ветхого человека и сподобились обновления ума. В часы сии душа чувствует жизнь оную бессмертную, и в чувстве ее совлекается тьмы страстей, и приемлет Духа Святого». – Еще: «почти делание бдения, да обретешь утешение в душе своей». Еще: «не думай, человече, что во всем подвижничестве монашеском есть какое-либо делание, большее нощного бдения». – Еще: «на монаха, пребывающего в бдении с рассуждением ума, не смотри, как на плоть носящего: ибо дело сие, яко воистину, есть дело ангельского чина». – Еще: «душа, в сем ангельском делании бдения трудящаяся, будет иметь херувимские очи и ими созерцать и видеть непрестанно небесные видения».

Бдения сии проводи в молитве, псалмопении и чтении, чисто, непарительно и с сокрушенным умилением, один или с любезным и единомысленным содружием. После всякого твоего бдения делай труда ради, от бдения бывшего, небольшое утешение в пище и питии на вечере, именно: съедай хлеба унции три с приложением и сухих каких снедей, сколько потребно тебе будет, пей и вина с водою чаши три. Но смотри, имея бдение в день девятичный, никак не нарушай ради сего бдения девятицы. Ибо сие подобает творити и оного не оставляти. Утешение, о коем здесь говорится, полагается по совершении бдения.

34) Как подобает питаться по воскресеньям, – и о других вещах, также о труде и смирении

Также и во все воскресные дни два раза в день принимай пищу, как и в субботы. Это установление цело да блюдется, как положено, кроме немощи. То же делай и во все дни, в кои так делать разрешили святые отцы, или долгим обычаем так установилось по каким-либо причинам. И в эти дни не однажды принимаем мы пищу и сухоядения не держим, но от всего полезного и незазорного вкушаем, также и из овощей, что случится, с воздержанием однако ж и в определенном количестве; ибо воздержание во всем и всегда прекрасное дело. При телесных же немощах, можно, как сказали мы, вкушать не стыдясь от всего потребного и разрешенного нам для поддержания тела. Ибо свв. отцы научили нас быть страстоубийцами, а не телоубийцами. Разрешенное же разумеем не вообще христианам, а нам, по нашему иноческому чину. Всего сего причащайся с благодарением, во славу Божию и во избежание кичения, только не допускай излишества. «Скудость вещей, говорит св. Исаак, невольно научает человека воздержанию, хотя бы он того и не хотел; напротив, когда их у нас вдоволь и доступ к ним открыт, тогда трудно нам себя воздержать». Телесного упокоения не люби. Ибо «душа, Бога возлюбившая, по слову опять преподобного Исаака, в Боге Едином и упокоение имеет». – Избери же себе паче труд и скудость в содержании, – и смиренство. Ибо «труд и смирение, пишет некто из святых, стяжевают Христа».

35) Какую диету держать и как жительствовать должно в посты, и особенно в Пост Великий

О диете и вообще об образе жизни во святые посты излишне, думаю, толковать в особенности и подробно. Ибо как определено тебе поступать в те дни, в кои держишь девятицу, так надлежит тебе поступать и в святые посты, кроме суббот и воскресений. Но, если можешь, держи себя в них еще строже и еще трезвеннее, наипаче же во святую великую Четыредесятницу, которая есть как бы десятина Богу от целого года, и победителям Христовым доставляет награды за подвиги пресветлым днем Божественного Воскресения.

36) О рассуждении в частности, и о том, что умеренному деланию цены нет; и о послушании

Впрочем, все сие и все подобное сему надлежит тебе проходить со тщательным рассуждением для сохранения мирного сердца устроения при удовлетворении потребностей двоякого твоего естества. *С премудростию,* говорит Премудрый, *зиждется дом и с разумом исправляется: с чувствием исполняются сокровища от всякаго богатства честнаго и добраго* (Притч. 24, 3. 4). Пишет и божественный Фалассий: «рассудительная скудость и теснота царский есть путь; безрассудное же самоизнурение и бессловесная поблажливость вредны, как без толку с той и другой стороны бывающие». И преподобный Исаак: «за ослабою членов следует исступление и смятение помыслов; за неумеренным деланием – уныние, и за унынием исступление. Но одно исступление разнится от другого исступления: за первым исступлением следует блудная брань; а за вторым – оставление безмолвного своего обиталища и перехождение с места на место. Умеренному же и терпеливо, хотя с трудом, держимому деланию цены нет. Умаление подвижнического самоутруждения множит сласть греховную, а безмерность в нем порождает исступление» (Сл. 71, стр. 524). И св. Максим Исповедник: «Не все пекись о плоти, но определив ей подвиг по силе ее, весь ум свой обрати на внутреннее. *Ибо телесное обучение вмале есть полезно, а благочестие на все полезно есть* (1 Тим. 4, 8)» [О любви сотня 4-я – 63]. Когда же весовая чаша плоти сколько-нибудь перетягивает, – мучит и тяготит чашу душевную, влекущи ее к пожеланиям и движениям бесчинным и душетлительным, как написано: *плоть похотствует на духа, дух же на плоть* (Гал. 5, 15); тогда ты сам, обуздав ее браздою воздержания, умертвляй ее, пока и нехотя станет она послушною правящему и покорится лучшему, припомнив слово великого Павла: *елико внешний наш человек тлеет, толико внутренний обновляется по вся дни* (2 Кор. 4, 16), – и св. Исаака: «дай себе умереть в подвигах, а не жить в нерадении: ибо не только те, кои за веру во Христа прияли смерть, суть мученики, но и те, кои умирают за соблюдение заповедей» – Еще: «Лучше нам умереть в подвигах, чем жить в падениях». – Еще: «Главное, – все делай с советом и вопрошением отца твоего духовного о Христе Иисусе: ибо таким образом благодатию Христовою несносное и стремнистое бывает легко, – и тебе покажется, будто ты несешься по ровному, несколько покатому полю». Но пора нам возвратиться к тому, с чего отступили (См. гл. 27).

37) Как подвизающемуся надлежит проводить время от вкушения пищи до заката солнца; и о том, что веровать должно, что по труду и мере делания нашего прибавляется нам и подаяние Божественных даров

Подкрепившись пищею, как подобает подвизающемуся, по слову божественного Павла, повелевающего: *подвизаяйся от всех воздержится* (1 Кор. 9, 25), сядь и читай довольно отеческие писания, наипаче те, кои учат трезвению; потом сосни час один, если дни велики; встав затем, порукодельствуй немного, держа и молитву; после сего помолись, как прежде показано… опять читай, размышляй и поучайся, всячески стараясь смиренномудрствовать и иметь себя ниже всех людей.

Ибо *возносяй себе,* говорит Господь, *смирится; смиряяй же себе, вознесется* (Лк. 18, 14); еще: *мняйся стояти, да блюдется, да не падет* (1 Кор. 10, 12); еще: *Господь гордым противится, смиренным же дает благодать* (Иак. 4, 6; Притч. 4, 34). Еще: *начало гордыни отступление от Господа* (Сир. 10, 14); еще: *гордии законопреступоваху до зела* (Пс. 118, 51); и еще: *не высокая мудрствующе, но смиренными ведущеся* (Рим. 12, 16). И божественный Златоуст говорит: «тот наилучше знает себя, кто думает о себе, что он ничто; и ничто так Богу не любезно, как причисление себя к последнейшим». И св. Исаак: «смиренномудрым открываются тайны». – Еще: «где произрастает смирение, там источается слава Божия». Еще: «благодати предшествует смирение, а наказанию предшествует самомнение». – И св. Варсонофий: «если истинно желаешь спастися, то покажи послушание самым делом: воздвигни ноги твои от земли, ум же свой возведи на небеса и там будь помышлением своим ночь и день, но при этом, сколько сил есть, почитай себя презренным, всячески напрягаясь видеть себя низшим всякого человека. Это есть истинный путь; кроме него другого нет для хотящего спастися *о укрепляющем его Христе* (Флп. 4, 13). Да течет хотяй; да течет хотяй; да течет хотяй, – да постигнет (1 Кор. 9, 24). Свидетельствую сие пред Богом живым, хотящим Жизнь Вечную даровать всякому желающему» (отв. 477). И св. Лествичник: «не постился я, не совершал бдений, не спал на голой земле, но *смирихся, паче* всего ища ни во что себя вменения, *и* вскоре *спасе мя Господь* (Пс. 114, 5)». – Опять св. Варсонофий говорит: «беспопечение о всем приближает тебя ко граду; непочитание себя чем-либо между людьми вселяет во град, а умертвие для всякого человека делает наследником града и сокровищ его». Еще: «если хочешь спастися, держи ни во что себя вменение и теки вперед». «Ни во что же себя вменение есть, – по преподобному Иоанну, ученику сего святого, – не равнять себя ни с кем и о добром деле не говорить: и я то же сделал».

После сего опять молись чисто и непарительно, пока спадет вечер. Тут пой обычную вечерню и отпуст сотвори, от чистого сердца веруя, что по мере труда и болезнования добродетели ради, и вообще по мере делания нашего подвижнического, Богом присуждается нам подаяние даров, венцов и утешений, как говорит божественный Псалмопевец: *по множеству болезней моих в сердце моем, утешения Твоя возвеселиша душу мою* (Пс. 93, 19). И Сам Спаситель: *приидите ко Мне, вси труждающиися и обремененнии, и Аз упокою вы* (Мф. 11, 28); и Павел великий: *понеже с Ним* (Христом) *страждем, да и с Ним прославимся. Непщую бо, яко недостойни страсти нынешняго времене к хотящей славе явитися в нас* (Рим. 8, 17, 18); и Максим, премудрый в разумении божественных вещей: «причиною (такого или другого) раздаяния божественных благ бывает мера веры каждого. Ибо поколику веруем. потолику и силу ревности о действовании по вере имеем. Почему действующий по вере соответственную своей деятельности показывает и меру веры, приемля, поколику веровал, и меру благодати. А не действующий по вере соответственную своему безделию показывает

и меру безверия, приемля, поколику не веровал, и лишение благодати. Таким образом худо делает завистливый, завидуя преуспевающим, когда явно в его власти, а не другого кого, состоит приложение веры и деятельности по вере, чтоб приять и по мере веры приходящую благодать».

Наконец, от души испрашивай прочее время пребыть в мире и покаянии, сподобиться христианской кончины живота, безболезненной, непостыдной и мирной, и доброго ответа на Страшном Судище Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа.

38) Чистая молитва есть больше всякого делания

К показанному выше знай и то, братее, что всякой метод или прием, всякое правило и, если хочешь, эти разные делания, потому устанавливаются и узаконяются, что мы не можем еще чисто и непарительно молиться. Поелику, когда сие, благоволением и благодатию Господа нашего Иисуса Христа, совершится в нас, тогда мы, оставя многое и разнообразное, непосредственно паче разума соединяемся с Единым Единичным и Единящим, как сказано славным Богословом: «когда Бог с богами (т. е. богоподобными людьми) соединяется и ими познается, тогда Святым Духом всуществленное в сердце совершается осияние». – Оно рождается от помянутой чистой и непарительной молитвы сердечной. Редко же кто и едва один из тысячей сподобляется благодатию Христовою достигнуть такого устроения. А еще выше него востечь и духовной сподобиться молитвы, и удостоиться откровения таинств будущего века есть достояние весьма немногих, в родах и родах появляющихся благоволением благодати, как пишет и св. Исаак: «как из многих тысяч едва находится один, исполнивший заповеди и все законное и достигший душевной чистоты: так из тысячей разве один найдется, с великим хранением сподобившийся достигнуть чистой молитвы, расторгнуть сей предел и улучить оное таинство, потому что многие чистой молитвы никак не сподобились, а немногие. Достигший же того таинства, которое после нее и за пределами нее есть, едва в роде и роде найдется кто благодатию Христовою» (Сл. 16, стр. 91)…

Почему и ты, если хочешь сподобиться таковых новых таинств делом и вещию, т. е. самым опытом о Христе Иисусе, во всякое время и всякий час, и во всяком делании твоем пытайся настроиваться так, чтобы молиться в сердце чисто и непарительно, да тако, как из младенца ссущего преуспеешь в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова, и с верным и мудрым строителем (управляющим, Лк. 12, 42) улучишь ублажение и гласное одобрение, как в суде (разумно) устрояющий словеса свои, т. е. сообразно со словом и жизнь ведущий, почему и не поколеблешься вовек. Филимон пишет о сем так: «брате, ночью или днем сподобит тебя Бог чисто и непарительно помолиться умом, не смотри на свое правило, но сколько есть у тебя силы, напрягайся пребыть в сем прилеплении к Богу, и Он просветит сердце твое о делании духовном». – И еще некто из богомудрых сказал: «если желаешь в теле, подобно бестелесным, служить Богу, стяжи непрестанную сокровенную в сердце молитву, и прежде смерти душа твоя будет, как Ангел». – Согласное с сим пишет и св. Исаак; – когда будучи вопрошен некиим, «что главное во всех трудах дела сего, т. е. безмолвия, чтоб достигший сего уразумел, что достиг совершенства в сем образе жизни, – ответил: то, когда кто сподобится непрестанной молитвы. Ибо когда он достигнет сего, то это будет означать, что он восшел на самый верх всех добродетелей и соделался уже жилищем Святого Духа; так как тому, кто не приял несомненно сей благодати Утешителя, невозможно с отрадою держать пребывание сей молитвы в сердце. Почему и говорится, что, когда Дух Святый вселится в ком из людей, тогда не престает он от молитвы: ибо тогда Сам Дух молится в нем непрестанно (Рим. 8, 26). Тогда, и когда спит он, и когда бодрствует, молитва не пресекается в душе его; но ест ли, пьет ли, спит ли, делает ли что, даже и в глубоком сне, без труда издаются сердцем его благоухания и воздыхания молитвенные. Тогда молитва не отступает

от него; но всякий час, хотя и умолкает таковая вне, внутри его не перестает она священнодействовать тайно. Почему молчание чистых некто из христоносцев называет молитвою; так как помыслы их суть божественные движения; движения же чистого сердца и ума суть кроткие гласы, коими они сокровенно воспевают Сокровенного» (Сл. 21, стр. 151–152). – И многие другие из богоносных мужей, будучи опытно самою благодатию тайно научаемы, изрекли много такого, удивления достойного, что мы по длительности слова опускаем.

39) О количестве коленопреклонений в продолжение дня и ночи

Что касается количества коленопреклонений, то знаем, что триста числом определено их нам божественными отцами, кои и должны мы совершать в каждое нощеденствие пяти дней недели. Ибо во всякую субботу и всякое воскресенье, а так же и в другие обычаем определенные дни и недели, по некоторым таинственным и сокровенным причинам воздерживаться от них получили мы заповедь. Некоторые впрочем более сего числа кладут поклонов, а иные менее: каждый по силе и произволению своему. И ты совершай их по силе своей, Впрочем блажен воистину, кто всегда во всем, что по Богу есть, понуждая себя, понуждает себя часто и в этом. Ибо *нудится Царствие Божие, и нуждницы восхищают его* (Мф. 11, 12).

40) О том, что раздаяние даров Божиих бывает не только по мере подвига и делания нашего, как сказано, но и по навыку и способности, по вере и естественному нашему предрасположению

И то ведать подобает, что раздаяние нам даров Божиих бывает не только по мере подвига и делания нашего, как сказали мы прежде, но и по навыкновению сему образу жизни, и по способности, и по вере нашей, и по естественному нашему расположению. Св. Максим говорит: «Ум есть орган премудрости; разум – орган ведения;

естественное по обоим им убеждение – орган, по обоим им составляющейся веры; естественное же человеколюбие – орган дарования исцелений. Ибо всякое дарование Божие благодатное способный к тому и естественный имеет в нас приемный орган, как силу, или навык, или предрасположение. Именно: кто ум свой сделал чистым от всяких чувственных мечтаний, тот приемлет премудрость; кто же разум поставил господином врожденных нам страстей, – разумею, гнева и похоти, тот приемлет ведение; кто по уму и разуму непоколебимое имеет убеждение в вещах божественных, тот приемлет все могущую веру; кто в естественном преуспел человеколюбии, тот, по совершенном уничтожении самолюбия, приемлет дарование исцелений». – И все это так есть.

Смотри же, чтоб никто не знал дела твоего, кроме настоятеля и руководителя твоего, моляся усердно и о нас недостойных, говорящих, но не делающих добра, да сподобимся первее творить угодное Богу, а потом и другим говорить и советовать. Ибо, по слову Господню, *кто сотворит и научит, сей велий наречется* (Мф. 5, 19). Тебе же Вседержитель и Господь всещедрый да дарует силу и да благопоспешит и выслушать сие разумно, и творить со всем усердием: ибо, по божественному Павлу, *не слышатели закона праведни пред Богом, но творцы* (Рим. 2, 13). И да наставит Он тебя на всякое дело благое и спасительное, и в предлежащем тебе умном и священном делании да поруководит Духом по молитвам святых. – Аминь.

Но как впереди малое нечто сказано нами о деятельной рассудительности, то теперь благовременно, по силе нашей, вкратце сказать и о всеобъемлющей и совершеннейшей рассудительности: так как она больше всех добродетелей, по свидетельству великих отцов наших.

41) О всеобъемлющей и совершеннейшей рассудительности; и о том, кто живет противоестественно и плотски, кто – по естеству и душевно, и кто выше естества и духовно

Кто плотски и противоестественно живет и действует, тот совсем потерял свою рассудительность; а кто, отклоняясь от зла, положил начало творить благое, как написано: *уклонися от зла и сотвори благо* (Пс. 33, 15), тот, как только еще вводимый в область добра и ухо приклоняющий к учению, приникает мало некако к некоему чувству рассудительности, свойственной новоначальному. Кто же по естеству и душевно, т. е. смысленно и разумно живет и действует, – почему называется и средним, тот по своей мере и видит и обсуждает и то, что его касается, и то, что касается подобных ему. Кто наконец выше естества и духовно живет, тот, как прошедший за предел страстного, новоначального и среднего и благодатию Христовою достигший совершенства, т. е. всущественного просвещения и совершеннейшей рассудительности, видит себя самого и обсуждает наияснейше, а также и всех видит и обсуждает определительно верно, сам не будучи ни от кого видим и обсуждаем верно, хотя у всех на виду находится, как говорит Апостол: *духовный востязует убо вся, а сам той ни от единаго востязуется* (1 Кор. 2, 15).

42) Еще о рассудительности, в уподоблениях

Из сих первый подобен шествующему в глубокой ночи и непроницаемой тьме; почему, как блуждающий в непроглядной тьме и мраком покрытый, не только себя не видит и не обсуждает, но и того не разумеет, куда направляется и где полагает стопы свои, как говорит Спаситель: *ходяй во тме не весть, камо идет* (Ин. 12, 35). – Второй подобен шествующему в светлую ночь, звездами освещаемую; почему, мерцаниями звезд будучи мало некако осияваем, понемногу ступает, часто спотыкаясь ногами о камни нерассудительности и подвергаясь падениям. Сей немножко и себя, как в тени, видит и обсуждает, как написано: *востани спяй и воскресни от мертвых, и осветит тя Христос* (Еф. 5, 14). – Третий подобен шествующему в ночи полнолунной и тихой; почему, лучами лунными направляем будучи, идет менее заблудно и в предняя простирается, – себя видит, как в зерцале, и обсуждает, равно как и сшествующих ему, как сказано: *емуже,* т. е. пророческому слову, *внимающе, яко светилу, сияющу в темнем месте, добре творите, дондеже день озарит, и денница возсияет в сердцах ваших* (2 Пет. 1, 19). – Четвертый подобен шествующему в полдень чистейший, светлыми лучами солнца освещаемый; почему таковой и сам себя совершенно видит, как при солнечном свете, и обсуждает полно и верно, и других многих, лучше же сказать, всех восстязует, по вышеприведенному слову св. Павла, – да и все, встречающееся с ним, что бы то ни было и как бы ни было, – сам шествуя незаблудно и последующих ему ведя непреткновенно к настоящему Свету, Животу и Истине. О таковых написано: *вы есте свет мира* (Мф. 5, 14); и божественный Павел говорит: *Бог, рекий из тмы свету возсияти, Иже возсия в сердцах наших к просвещению разума славы Божия о лице Иисус Христове* (2 Кор. 4, 6); и блаженный Давид: *знаменася на нас свете лица Твоего, Господи* (Пс. 4, 7); еще: *во свете Твоем узрим свет* (Пс. 35, 10); и опять Сам Господь: *Аз есмь свет миру: ходяй по Мне, не имать ходити во тме, но имать Свет животный* (Ин. 8, 12)

43) О преложении и изменении, бывающем с каждым человеком, и о высокой славе смирения

Желаем мы, чтоб ты ведал и то, что и совершенства достигшие чрез очищение себя и просвещение, сколько это возможно [ибо в нынешнем несовершенном веке нет совершенного совершенства, но паче недовершенное совершенство], – и такие не всегда сохраняют неизменность, и по причине естественной немощи, и по причине прокрадывающегося иной раз возношения, но и изменения и окрадения претерпевают иногда во испытание и опять заступлений наибольших сподобляются. Ибо непреложность и неизменность есть достояние будущего века; в настоящем же веке бывает то время чистоты, мира и утешения божественного, то примешения нечистого волнения и печали, и это соответственно жизни и преуспеянию каждого и имиже весть Господь судьбами, для того, да познавая из сего немощь свою [ибо блажен, говорит некто, сознающий немощь свою], подобно св. Павлу, *ненадеющеся будем на ся, но на Бога, возставляющаго мертвыя* (2 Кор. 1, 9). И св. Исаак говорит: «один раз за другим иные многократно преступают закон и покаянием врачуют души свои, и благодать приемлет их; потому что во всяком разумном существе без числа бывают перемены, и с каждым человеком ежечасно происходят изменения. И рассудительный имеет много случаев уразуметь это. Но испытания, каждый день бывающие с ним, особенно могут умудрить его в этом, если он трезвенно бодрствует над собою, между прочим и для того, чтоб наблюсти себя умом и познать, какое изменение в кротости и тихонравии принимает душа каждый день и как из мирного устроения своего внезапно переходит она в смятение, и как бывает при сем в великой и несказанной опасности. – И сие-то блаженный Макарий явно по великому попечению и ревности о братиях написал на память и в научение их, – не предаваться во время изменения сопротивлений (или браней) в отчаяние, потому что и со стоящими в чине чистоты случаются всегда падения, как случается с воздухом охлаждение, и без того, чтоб они были в нерадении и разленении, а напротив, когда шествуют по чину своему, случаются с ними падения, противные цели их стремления» (Исаак сл. 46, стр. 283–284).

И еще немного ниже говорит он: «изменения, говорит св. Макарий, в каждом бывают, как в воздухе». Выразумей это – *в каждом,* – потому что естественно одно. Чтоб ты не подумал, что он сказал это о низших и немощнейших, полагая, что совершенные свободны от изменения и всегда стоят неуклонно в одном чине, без страстных помыслов, как и Евхиты говорят, прибавил он это – *в каждом.* Как же это, блаженне Макарие? Ты говоришь, что как вне бывает холод и вскоре потом зной, там град и спустя немного ведро: так бывает и в нашем подвижничестве: то брань, то заступление благодати; в иное время душа бывает в обуревании, и восстают на нее жестокие волны; и снова происходит изменение, потому что приходит благодать и наполняет сердце человека радостию и миром от Бога, целомудренными и мирными помыслами. Он указывает здесь на сии помыслы целомудрия, намекая, что прежде них были скотские и нечистые, и как бы совет дает, говоря: «если за сими целомудренными и скромными помыслами последует нападение худых, не будем печалиться и отчаиваться. – И всегда во время упокоения благодатного не будем величаться в самовосхвалении; но во время радости станем ожидать скорби» (там же, стр. 285).

Далее говорит он еще: «Знай, что все святые пребывали в сем деле. Пока мы в сем мире, вместе с прискорбным бывает нам втайне и утешение избыточествующее. Ибо каждый день и каждый час требуется от нас опыт любви нашей к Богу, в борьбе и подвиге против искушений. И вот что есть – не печалиться и не унывать нам в подвиге; и так исправляется путь наш. Желающий же от этого отступить или уклониться бывает добычею волков. Вот дивно что в сем отце святом, – как он кратким словом подтвердил мысль сию, доказал, что она исполнена разума, и из ума читающего совершенно исторг всякое сомнение! Он говорит:

уклоняющийся от сего и частию волков ставший не хочет шествовать должным путем, но положил в уме своем стяжать искомое, шествуя путем собственным, по которому не ступали ноги отцов» (там же стр. 286–287).

Еще ниже: «смирение и без дел многим прегрешениям стяжевает прощение; а дела без него напротив неполезны. – Что соль для всякой пищи, то смирение для всякой добродетели, и крепость многих грехов может оно сокрушить. О нем потому нужно в душе печалиться (заботиться) непрестанно, с уничижением своего разумения; и если приобретем его, оно сделает нас сынами Божиими и без дел добрых представит нас Богу, а без него все дела наши, всякие добродетели и всякое делание напрасны. – Его одного достаточно, чтоб без сторонней помощи представить нас пред лицом Бога и говорить за нас ходатайственно» (там же, стр. 289). И еще: «сказал некто из святых: когда придет к тебе помысл гордыни, говоря: вспомни добродетели свои, ты скажи ему: смотри, старик, на блуд свой» (там же, стр. 290).

44) О покаянии, чистоте и совершенстве

Св. Исаак говорит: «совершенство всего течения нашего состоит в следующих трех: в покаянии, чистоте и совершенстве. – Что же есть покаяние? – Оставить прежнее и печалиться о нем. Что есть чистота вкратце? – Сердце милосердующее о всяком созданном естестве. И что есть совершенство? – Глубина смирения, которая есть оставление всего видимого и невидимого: видимого – всех чувственных вещей, невидимого – существ мысленных» (Сл. 48, стр. 298).

Иначе: «покаяние есть сугубое умертвие от всего, произвольное. Сердце милосердующее есть горение сердца о всякой твари, и о людях, и о птицах, и о животных, и о демонах, и о всяком создании» (там же).

И опять: «пока мы в мире сем находимся и остаемся во плоти, дотоле, если до самого свода небесного подымемся, без дел и труда и в беспопечении быть не можем. – В этом все совершенство, прости мне. Выше же этого есть тайное в сердце поучение без помышлений или умная молитва» (Сл. 47, в конце).

Св. Максим говорит: «любомудрие по добродетели обыкновенно производит бесстрастие произволения, а не бесстрастие естества, в силу коего, т. е. бесстрастия произволения, приходит в душу мысленная благодать божественной сладости». И опять: «испытавший печаль и сладость плотскую может быть назван опытным, как опытом познавший приятности и неприятности вещей плотских, совершенным, – силою разума победивший сладости плотские и прискорбности, всецелым, – деятельные и мысленные навыкновения неизменными соблюдший крепким к Богу устремлением. Сего ради рассудительность и признана высшею всех добродетелей, что те, у кого она, по благоволению Божию, породится, будучи просвещаемы божественным светом, могут наиточнейше различать божеские и человеческие вещи и видения таинственные и сокровенные».

Но время уже по ряду изложить тебе, сколько доступно нам, что касается начала священного и боготворного безмолвия. Бог же да наставит нас в том, что имеет быть сказано.

45) О пяти деланиях первоначального, или вводного, безмолвия приступающих к нему, именно: молитве, псалмопении, чтении, богомыслии и рукоделии

В пяти деланиях, коими благоугождается Бог, должен проводить свое нощеденствие, или часы дня и ночи, только что приступивший к безмолвию, новоначальный, именно: *в молитве,* т. е. в памятовании Господа Иисуса Христа непрестанном, тихо вводимом, как ска-

зано прежде, путем дыхания в сердце и опять так же изводимом, при смежении уст, без всякой какой-либо иной мысли и воображения, которая (молитва), при всестороннем воздержании, т. е. при обуздании чрева, сна и других чувств, с искренним смирением исправляется в келлии. (Кроме сей молитвы должен он проводить время) *в псалмопении, в чтении* священного Апостола и святых Евангелий, писаний святых и богоносных отцов, особенно глав о молитве и трезвении, и прочих божественных словес Духа, *в воспоминании* с болезнованием сердечным *грехов своих, в размышлении* о суде Божием, или о смерти, или о вечном мучении, или о вкушении вечных благ, и о подобном, – и *в рукоделии* небольшом для прогнания уныния. (Но после сих деланий, особенно рукоделья) надлежит опять возвращаться к молитве, хотя делание ее притрудно и требует самопринуждения, пока ум навыкнет легко пресекать свое парение всецелым приседением (или вниманием полным) Господу Иисусу Христу, непрестанною о Нем памятию, частым приникновением во внутреннюю клеть, или сокровенную область сердца, и водруженным там вкоренением внимания. Пишет о сем и св. Исаак: «потщися войти в клеть, внутрь тебя сущую, и узришь клеть небесную: ибо одна есть и сия оная; и одним входом узришь ты обе». – И св. Максим: «сердце правит всеми органами, и когда благодать займет все пажити сердца, тогда оно царствует над всеми помыслами и членами. Ибо там ум и все помыслы душевные; там потому должно смотреть: написала ли благодать Всесвятого Духа законы свои». Там: где? В господственном органе, на престоле благодати, где ум и все помыслы душевные, т. е. в сердце.

46) С чего начинать надо восхотевшим разумно безмолвствовать, какое сему начало, возращение, преуспеяние и совершенство

Вот делание первоначальных монахов, первое и как бы вводное для взявшихся безмолвствовать разумно: *начинают* они страхом Божиим, постоянным исполнением всех заповедей боготворных и беспопечением о всех благословных и неблагословных вещах, прежде же всего верою, совершенным удалением от всего, противного сему начинанию, и искренним расположением к истинно сущему, как сказано прежде. *Возрастают* упованием непостыдным, простираясь вперед в меру возраста исполнения Христова пребыванием в сердечной молитве, чистой и непарительной, со всецелым к Богу прилеплением. И таким образом *вступают в совершенство* с неизменною и непрестанною духовною молитвою и из совершенной любви источающимся к Единому Богу исступлением, восхищением и единением превожделенным: что и есть деянием к созерцанию непогрешительное преуспеяние и воспростертие, которое испытав богоотец Давид и изменившись блаженным оным изменением, велегласно возопил: *аз рех во изступлении моем: всяк человек ложь* (Пс. 115, 2). Другой же некто из просиявших в сем чине исповедал: *око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша, яже уготова Бог любящим Его* (1 Кор. 2, 9); и потом приложил: *нам же Бог открыл есть Духом Своим: Дух же вся испытует и глубины Божия* (там же ст. 10).

47) О чине безмолвия новоначальных

Итак, новоначальный, по сказанному пред сим, должен нечасто выходить из келлии своей и избегать бесед и свиданий со всеми, разве только по крайней нужде допуская себе это, и то со вниманием, сдержанностию и редко, как говорит и божественный Исаак: «при всяком деле память сия (об охранении себя) да пребывает с тобою, потому что помощь, которая от охранения себя, больше помощи, которая от дел». – Эти беседы и свидания не только в новоначальных, но и в преуспевающих уже производят рассеяние и расхищение мыслей, как говорит опять тот же Исаак, что «упокоение плоти юным только вред приносит, а рас-

пущенность и юным и старым», и что «безмолвие внешние чувства умерщвляет, а движения внутренние оживляет; внешнее же сообращение противное сему производит, т. е. внешние чувства оживляет, а внутренние движения умерщвляет». Лествичник же пишет: «безмолвник тот, кто существо бестелесное – душу свою – усиливается удерживать в пределах телесного дома, что крайне дивно». Еще: «безмолвник тот, кто говорит: *аз сплю, а сердце мое бдит»* (Песн. 5, 2). И еще: «затворяй дверь келлии для тела, дверь уст для бесед и внутреннюю дверь души – для лукавых духов» (Сл. 27, 6, 17, 18).

48) О внимательной и трезвенной сердечной молитве и делании ее

Молитва, со вниманием и трезвением совершаемая внутрь сердца, без всякой другой мысли и воображения какого-либо, словами: *Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий* невещественно и безгласно воспростирает ум к Самому призываемому Господу Иисусу Христу, словами же: *помилуй мя* опять возвращает его и движет к себе самому, так как не может еще не молиться о себе. Но когда он достигнет опытом совершенной любви, тогда всецело воспростирается он к единому Господу Иисусу Христу, о втором (т. е. о помиловании) прияв действенное извещение. (Почему, как говорит другой некто, взывает только: *Господи, Иисусе Христе!* в сильном любительном расположении сердца).

49) Как святые отцы предали нам говорить молитву

Почему не все свв. отцы предают нам всегда всю произносить молитву, но кто всю, кто половину, может быть, по силе и состоянию молящегося. Так божественный Златоуст предает всю ее возглашать, говоря так: умоляю вас, братие, никогда не оставлять правила молитвы или пренебречь о нем. Ибо я слышал некогда отцов, которые говорили: «какой это монах, если он небрежет о правиле или попирает его? Но он должен, ест ли или пьет, сидит дома или путешествует, или другое что делает, непрестанно взывать: *Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя!* – дабы это поминание имени Господа нашего Иисуса Христа раздражало на брань против врага. Поминанием сим душа, нудящая себя на то, может разыскать в себе все, и худое и доброе: прежде имеет она увидеть внутри, в сердце своем, худое, а потом и доброе. Поминание сие имеет привести в движение змия, и поминание сие имеет смирить его. Поминание сие может обличить живущий в нас грех, и поминание сие может потребить его. Поминание сие может подвигнуть всю силу вражию в сердце, и поминание сие может победить и искоренить ее мало-помалу: имя Господа Иисуса Христа, исходя в глубину сердца, змия, держащего пажити ее, смирит, душу же спасет и оживотворит. Непрестанно убо пребудь с именем Господа Иисуса, да поглотит сердце Господа, и Господь сердце, и будут два в едино. Впрочем, дело сие не есть дело одного дня или двух, но многих лет и долгого времени: ибо великий требуется подвиг и многолетний, да извергнется враг и вселится Христос».

И опять: «Нужно запереться в себе, и править умом, и обуздывать его, и всякий помысл и всякое действо лукавого казнить призыванием Господа нашего Иисуса Христа». Еще: «где стоит тело, там да будет и ум, чтоб посреде между Богом и сердцем ничего другого не находилось, как средостение, или перегородка, затеняющая сердце и отделяющая ум от Бога. Если же иной раз что-нибудь похитит ум, не надо замедлять в помыслах, дабы сосложение с помыслами не вменилось в дело греховное в день суда пред лицом Господа, когда судить имеет Бог тайное человеков. Упраздняйтеся убо всегда и пребывайте с Господом Богом нашим, пока Он ущедрит вас. И ничего другого не ищите у Господа славы, кроме одной сей милости: ища же милости, ищите ее с сердцем смиренным и умиленным, и с утра до вечера вопийте, а если

можно, то и всю ночь: *Господи, Иисусе Христе, помилуй мя,* и понуждайте ум свой на это дело до самой смерти. Ибо великого понуждения требует дело сие, потому что *узки врата и тесен путь, вводящий в живот,* и одни нудящие себя входят в него: ибо таких *нудящих себя есть Царствие Небесное* (Мф. 7, 14; 11, 12). – Умоляю убо вас, не отдаляйте сердец ваших от Бога, но внимайте им и храните их всегдашним памятованием Господа нашего Иисуса Христа, пока не укоренится имя Господа внутрь сердца вашего, и оно ни о чем уже другом не станет помышлять, как только о том, да возвеличится Христос в вас».

Прежде же сего св. Златоуста св. Павел в одном из посланий своих сказал: *аще исповеси усты твоими Господа Иисуса, и веруеши в сердце твоем, яко Бог Того воздвиже из мертвых, спасешися: сердцем бо веруется в правду, усты же исповедается во спасение* (Рим. 10, 9, 10). И опять: *никтоже может рещи Господа Иисуса, точию Духом Святым* (1 Кор. 12, 3). Сие – *Духом Святым* прилагает он в таком смысле: когда сердце восприимет действо Духа Святого, коим и молится: что есть достояние преуспевших и тех, кои обогатились действенно возобитавшим в них Христом. – Согласно с этим говорит и св. Диадох: «Ум наш, когда памятию Божиею затворим ему все исходы, имеет нужду, чтоб ему дано было какое-нибудь, обязательное для него дело для утоления его приснодвижности. Ему должно дать только священное имя Господа Иисуса, которым и пусть всецело удовлетворяет он свою ревность к достижению предположенной цели. Но ведать надлежит, что, как говорит Апостол, *никтоже может рещи Господа Иисуса, точию Духом Святым.* С нашей стороны требуется, чтоб сказанное речение *(Господи, Иисусе Христе,* и проч.) умом, в себе утесняющимся, непрестанно было изрекаемо в сокровенностях его так, чтобы при этом он не уклонялся ни в какие сторонние мечтания. Которые сие святое и преславное Имя непрестанно содержат мысленно во глубине сердца своего, те могут видеть и свет ума своего (ясность мысли, или определенное сознание всех внутренних движений). И еще: сие дивное Имя, будущи напряженною заботливостию содержимо мыслию, очень ощутительно попаляет всякую скверну, появляющуюся в душе. *Ибо Бог наш огнь поядаяй есть* всякое зло, как говорит Апостол (Евр. 12, 29). Отсюда наконец Господь приводит душу в великое возлюбление славы Своея; ибо преславное то и многовожделенное Имя, укосневая чрез памятование о Нем ума в теплом сердце, порождает в нас навык любить благостыню Его беспрепятственно, потому что нечему уже тогда полагать тому препону. И сие-то есть бисер оный многоценный, который стяжевают, продав все свое имение с неизреченною радостию об обретении Его» (гл. 59). Святой же Исихий мысль свою о сем излагает так: «Душа, воспаривши по смерти на воздух ко вратам небесным, и там не постыдится врагов, имея за себя с собою Христа; но и тогда, как ныне, дерзновенно *возглаголет к ним во вратех* (Пс. 126, 5). Только до самого исхода своего да не скучает она день и ночь взывать к Господу Иисусу Христу, Сыну Божию; и Он сотворит отмщение ее вскоре, по неложному божественному обетованию Своему, которое изрек Он в притче о неправедном Судье: *ей глаголю вам, яко сотворит отмщение вскоре* (Лк. 18, 8), – и в настоящей жизни, и по исходе ее из тела» (гл. 149). Лествичник говорит: «Бей супостатов Иисусовым именем; ибо против них нет более сильного оружия ни на небе, ни на земле» (Сл. 21, 7). В другом месте прилагает он: «Иисусова память да соединится с дыханием твоим; и тогда познаешь пользу безмолвия» (Сл. 27, 61).

50) О том, что не только у свв. отцов, но и у свв. апостолов обретаются тайноводственно изреченные Духом словеса священной молитвы сей

Но не только у сказанных свв. отцов и подобных им найдешь ты словеса священной молитвы, но и еще прежде них, у самых первых и верховных апостолов Петра, Павла и

Иоанна. – Один из них, как сказали мы прежде, говорит: *никтоже может рещи Господа Иисуса, точию Духом Святым* (1 Кор. 12, 3); другой: *благодать и истина Иисус Христом бысть* (Ин. 1, 17), – и еще: *всяк дух, иже исповедует Иисуса Христа во плоти пришедша, от Бога есть* (1 Ин. 4, 2); предпочтенный же другим ученикам Христовым, на вопрос Спасителя ко всем апостолам: – *кого Мя глаголют человецы быти,* – ответил от лица всех, блаженнейшее вводя исповедание: *Ты еси Христос, Сын Бога Живаго* (Мф. 16, 13, 16). – Почему и после них бывшие наши славные наставники, и из них особенно те, кои шествовали путем бесподъяремной, пустынной и безмолвной жизни, такие изречения, раздробленно и по частям тремя такими столпами святой Церкви предвозглашенные, и как божественные глаголы, по откровению Духом Святым предузаконенные, собрав воедино и одни с другими, с помощью живущего в них Духа Святого, прекрасно согласив и сгармонировав, составили священную нашу молитву, нарекши ее столпом молитвы, и последующим за ними предавши – держать ее и хранить в том же виде.

Посмотри теперь, какой в сем дивный чин и какая дивная последовательность, носящая явную печать небесной премудрости! – Один возглашает имя: *Господа Иисуса,* другой: *Иисуса Христа,* третий: *Христа, Сына Божия,* как бы один за другим следуя и один другого со вниманием держась, в согласии и сочетании сих богодейственных глаголов. Видишь, как каждый из них берет в конце изречения другого стоящее речение и его полагает началом своего? – Блаженный Павел сказал: никто не может исповедать *Господа Иисуса.* Последнее речение: *Иисуса* берет св. Иоанн и ставит первым в своем изречении: иже исповесть *Иисуса Христа.* Последнее его речение: *Христа* в исповедании св. Петра помянуто первым: *Ты Христос Сын Бога.* Так составилось, как триплетная и нерасторжимая вервь, боготворная молитва наша, премудро и разумно сплетенная и сотканная. Так до нас дошла, так блюдется нами и в том же виде от нас перейдет к тем, кои будут после нас. Что касается до речения: *помилуй мя,* прилагаемого к спасительным словам молитвы, т. е. *Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий,* – то его приложили свв. отцы, наипаче для младенчествующих еще в деле добродетели, новоначальных и несовершенных, ибо преуспевшие и совершенные о Христе каждым из сих воззваний одним: *Господи Иисусе; Иисусе Христе; Христе Сыне Божий!* или даже только возглашением: *Иисусе,* довольны бывают, объемля то и лобызая, как полное делание молитвы, и чрез это одно исполняемы бывая неизреченной, всякий ум, всякое видение и всякое слышание превосходящей сладости и радования. – В убеждение и удостоверение в сем полнейшее сладчайший и душелюбивый Господь наш, Иисус Христос, Сын Божий, Коего словеса суть дела и глаголы – Дух и живот, явно возвестил: *без Мене не можете творити ничесоже* (Ин. 17, 5); еще: *аще что просите от Отца во имя Мое, Аз сотворю* (Ин. 14, 13, 14).

51) О том, что и новоначальным можно молиться иногда всеми словами молитвы, иногда частию их, – внутри однако ж сердца и всегда, и о том, что не надо часто переменять речения молитвенные

Можно и новоначальным молиться иногда всеми словами молитвы, а иногда частию их, внутрь впрочем сердца и непрестанно. Ибо, по св. Диадоху, «всегда пребывающий в сердце своем далек от всех красных жизни сей вещей, – и ходя духом, похотей плотских изведывать не может. Поелику же таковой шествие свое совершает в ограждении добродетелями, сии самые добродетели имея как бы привратными стражами своего града чистоты; то все козни бесов против него остаются безуспешными» (гл. 57). – Пишет и св. Исаак: «кто ежечасно назирает за душою своею, у того сердце возвеселяется откровениями. Кто зрение ума своего сосредоточивает внутри себя самого, тот зрит в себе зарю Духа. Кто возгнушался всяким парением ума, тот зрит Владыку своего внутри сердца своего» (Сл. 8, стр. 54).

Но при сем не следует часто переменять речения молитвы, чтобы таким частым переменением и перенесением (внимания одного на другое) ум, привыкши к нестоянию на одном и уклонению от него, навсегда не остался неводруженным в себе и потому бесплодным, подобно древам, часто пересаждаемым с места на место.

52) О том, что плод внутрь сердечной молитвы требует долгого времени подвига и нуждения себя, и что вообще все доброе немалым трудом и временем достигается

То, чтоб молиться всегда внутрь сердца, равно как и то, что за пределами сего последует, достигается не просто и как случилось, не с недолгим и малым трудом, – хотя и это с некоторыми, по неизреченному смотрению Божию бывает, но требует долгого и времени, и труда, и подвига телесного и душевного, и нуждения себя напряженного и продолжительного. Ибо, по превосходству дара и благодати, коих чаем мы сделаться причастными, надлежит нам по силе своей приложить и соразмеренные с тем подвиги, и часы или предел того означить, – который, по священным наставникам нашим, есть – извержение из пажитей сердца врага и действенное вселение в него Христа. Так св. Исаак говорит: «кто желает видеть Господа внутри себя, да напряжется всеусильно очистить сердце свое непрестанным памятованием о Боге, и тако во светлости ума своего всякой час будет он зреть Господа» (Сл. 8, стр. 55). И св. Варсонофий: «если внутреннее делание с Богом не поможет человеку, то напрасно он трудится во внешнем. Ибо внутреннее делание с болезнованием сердца приносит чистоту; чистота – истинное безмолвие сердца; безмолвие сие – смирение; смирение же уготовляет человека в обиталище Богу; силою же возобитания такого изгоняются бесы со страстьми; и бывает тако человек храмом Божиим, полным святости, полным света, чистоты и благодати. Блажен тот, кто, во внутреннейших тайниках сердца созерцая Господа, с плачем изливает пред Его благостию моление свое» (Отв. 210). И преподобный Иоанн Карпафский: «долгий подвиг в молитвах и немалое время потребны для того, чтоб в нестужаемом устроении ума обрести иное некое сердечное небо, где обитает Христос, как говорит Апостол: *или не знаете себе, яко Иисус Христос в вас есть; разве точию чим неискусне есте* (2 Кор. 13, 5)». – И великий Златоуст: «непрестанно пребывай с именем Господа Иисуса, да поглотит сердце Господа, и Господь сердце, и будет два едино. Но дело сие не есть дело одного дня или двух, но долгого подвига и немалого времени. Ибо много подвигов и времени потребно, да извержется враг и вселится Христос».

53) О молитве сердечной нечистой; и о том, как достигает кто молитвы чистой и непарительной

От постоянства в употреблении сказанного метода или приема к стяжанию чистой и непарительной молитвы с препобеждением всех к тому препон в помыслах и внешних соприкосновенностях подвизающийся приходит наконец в навыкновение без нуждения себя молиться истинно, чисто и непарительно, или в такое устроение, в коем ум всегда пребывает в сердце, не с нуждением и против воли вводим бывая туда чрез дыхание и тотчас опять выскакивая, но там неисходно с любовию пребывая и непрестанно моляся. Св. Исихий говорит: «кто не имеет чистой от помыслов молитвы, тот не имеет оружия на брань, молитвы, говорю, той, которая непрестанно действовалась бы во внутреннейших сокровенностях сердца, дабы призыванием Господа Иисуса Христа незримо был бичуем и опаляем враг, скрытно ратующий» (Гл. 21). И еще: «блажен воистину, кто так прилепился мыслию к молитве Иисусовой, вопия к Нему непрестанно в сердце, как воздух прилежит телам нашим

или пламя к свече». И тут же еще: «солнце, проходя над землею, производит день, а святое и поклоняемое имя Господа Иисуса, непрестанно сияя в уме, порождает бесчисленное множество солнцевидных помышлений» (Гл. 196).

54) О непарительной и чистой сердечной молитве и рождающейся от нее теплоте

Та есть и именуется сердечною молитвою – чистою и непарительною, из которой рождается в сердце некая теплота, как поется в псалмах: *согреяся сердце мое и в поучении моем возгорится огнь* (Пс. 38, 44), – огнь, который Господь Иисус Христос пришел воврещи на землю сердец наших, прежде износившую терние страстей, ныне приносящую духовные плоды благодатию, как говорит Господь наш Иисус Христос: *огня приидох воврещи на землю, и что хощу, аще уже возгореся* (Лк. 12, 49), – который (огнь) некогда и Клеопу с бывшим с ним спутником согревши и разжегши, заставил в исступлении вопиять друг ко другу: *не сердце ли наше горя бе в нас, егда глаголаше нама на пути, и егда сказоваше нама Писания?* (Лк. 24, 32). Говорит и св. Иоанн Дамаскин в одном тропаре своих к Богородице Пречистой песнопений: «влечет меня к песнопению сердечный огнь любви Девическия». – И св. Исаак пишет: «от напряженного делания рождается безмерная горячность, распаляется в сердце горячими помышлениями, вновь появляющимися в уме. А сие делание и хранение утончают ум своею горячностию, и сообщают ему видение. – От сей горячности, производимой благодатию созерцания, раждается слезный ток. – От непрестанных слез душа приемлет умирение помыслов и возвышается до чистоты ума, а при чистоте ума человек приходит в видение таин Божиих. – После сего ум достигает до зрения откровений и знамений, как видел пророк Иезекииль» (Сл. 59, стр. 459–460). И еще: «слезы, ударение себя по главе во время молитвы, повержение на землю побуждают сладостную теплоту слез внутрь сердца, и сердце с похвальною восторженностию воспаряет к Богу, взывая: *возжада душа моя* к Тебе *Богу крепкому и живому: когда прииду и явлюся лицу Твоему, Господи* (Пс. 41, 3)». (Сл. 69, стр. 508). И Иоанн Лествичник: «огнь (духовный), пришедши в сердце, воскрешает молитву; по воскресении же и вознесении ее на небо бывает сошествие огня небесного в горницу души» (Сл. 28, 45). И еще: «кто есть верный и разумный монах, который теплоту свою сохранил неугасимою, и до самого исхода своего не переставал прилагать огнь к огню, теплоту к теплоте, вожделение к вожделению, тщание к тщанию». – И св. Илия екдик: «когда душа, упразднившись от всего внешнего, соединится с молитвою, тогда молитва, как пламя некое, окружив ее, как огнь железо, делает ее всю огненною. И тогда душа – все та же душа, только бывает неприкосновенною для всего внешнего, подобно раскаленному железу» (Гл. 103). Еще: «Блажен, кто еще в жизни сей таким видетися сподобился; и сам свой бренный по естеству образ видит огненным по благодати».

55) Теплота различное имеет порождение; но та, которая происходит от чистой сердечной молитвы, есть самая настояще истинная

Ведай, что теплота таковая различное и многообразное имеет в нас порождение и пребывание. Это явно из изложенных изречений святых отцов, но не смеем сказать, что – и из самого дела (опыта). – Из них наиподлиннейшая теплота есть та, которая приходит от чистой сердечной молитвы, с нею всегда порождается, возрастает и в существенном просвещении субботствует, т. е. существенно просвещенным, по свидетельству отцов, делает человека, так себя имеющего.

56) Какое непосредственное действие теплоты сердечной

Сия теплота непосредственно отгоняет все, что препятствует совершенным образом совершаться первейшей чистой молитве. Ибо огнь есть Бог наш, и огнь поядающий злокозненность бесов и страстей наших. Св. Диадох говорит: «когда сердце с жгучею некоею болью принимает бесовские стреляния, так что боримому думается, будто он носит самые стрелы, – это знак, что душа стала ретиво ненавидеть страсти. И это есть начало очищения ее. Ибо если она не потерпит великих болей от безстыдства греха, то не возможет потом богатно порадоваться и о благотворности правды. После сего желающий очистить свое сердце да разгорячает его непрестанно памятию о Господе Иисусе, имея это одно (т. е. чтоб памятовать Господа) предметом богомыслия и непрестанным духовным деланием. Ибо желающим сбросить с себя гнилость свою не так следует вести себя, чтоб иногда молиться, а иногда нет, но всегда должно упражняться в молитве с блюдением ума, хотя бы жил далеко негде от молитвенных домов. Ибо как взявшийся очистить золото, если хоть на короткое время оставит горнило без огня, делает, что очищаемая руда опять ожестевает; так и тот, кто иногда памятует о Боге, а иногда нет, что, кажется, приобретает молитвою, то теряет пресечением ее. Но мужу, любителю добродетели, свойственно всегдашнею памятию о Боге потреблять земляность сердца, чтоб таким образом при постепенном испарении худа под действием огня благого памятования душа с полною славою совершенно востекла к естественной своей светозарности» (гл. 97). Вот каким образом ум, беспрепятственно пребывая в сердце, молится чисто и без блуждения, по слову святого, который говорит: «тогда бывает чистая и неблуждательная молитва, когда ум блюдет сердце, во время молитвы». Пишет и св. Исихий: «тот подлинно истинный монах, кто держит трезвение, и тот есть истинный трезвенник, кто в сердце монах (у кого в сердце только и есть, что он да Бог)».

57) О вожделении Господа и расположении к Нему, кои рождаются от теплого внимания и молитвы

От таковой молитвы, теплой и со вниманием, т. е. от чистой молитвы, рождаются в сердце вожделение, божественное раположение и любовь ко всему памятуемому Господу Иисусу Христу, как написано: *отроковицы возлюбиша тя, привлекоша тя* (Песн. 1, 2). И еще: *уязвлена есмь любовию аз* (там же, 2, 5) И св. Максим говорит: «все добродетели содействуют уму в божественном расположении, более же всех чистая молитва: ибо чрез нее к Богу воспаряя, бывает он вне всего».

58) О слезах сердечных; и еще о божественном вожделении и расположении

Из такого сердца источается почасту и слеза, очищающая и утучняющая, а не истощающая и иссушающая обогатившегося сим. Ибо сие последнее бывает от страха божественного, а то первое – от божественного расположения, при сильном и неудержимом вожделении и возлюблении приснопамятуемого Господа Иисуса Христа. В восторг приведенная сим, душа вопиет: «усладил Ты мене вожделением, Христе, и изменил божественным Твоим расположением». И еще: «весь еси, Спасе, сладость, весь еси желание и вожделение, весь еси ненасытен, весь красота недомыслимая». – И с Павлом, проповедником Христовым, взывает: *любы Божия обдержит нас* (2 Кор. 5, 114). – *Кто ны разлучит от любве Божия? скорбь ли, или теснота, или гонение, или глад, или нагота, или беда, или меч? – Известихся,*

яко ни смерть, ни живот, ни Ангели, ни начала, ниже силы, ни настоящая, ни грядущая, ни высота, ни глубина, ни ина тварь кая возможет нас разлучити от любве Божия, яже о Христе Иисусе Господе нашем (Рим. 8, 35, 38, 39).

59) Увещание – не искать ничего, что выше меры; и – еще – руководство относительно непрестанного сердцем памятования Господа нашего Иисуса Христа

Да сподобится желающий сего и того, что после сего бывает, – о чем теперь неблаговременно говорить, – пусть строго держится следующего правила: «не ищи прежде времени того, что будет в свое ему время: ибо и доброе не добро, если не добре делается». – И по св. Марку: «не полезно прежде делания первейших дел знать о вторых: ибо знание без делания надымает, а любовь созидает, потому что все терпит» (1 Кор. 5, 1). – Всемерно надо стараться и всегда подвизаться о том, чтоб, как сказано, памятование Господа Иисуса Христа непрестанно носить во глубине сердца, – во глубине, а не вне и не сверху, – как говорит и об этом тот же св. Марк: «если полною духовною надеждою не откроется внутреннейшее сокровенное вместилище сердца нашего, то нельзя верно узнать живущего там и увидеть, приняты ли наши словесные жертвы или нет».

60) О теплой ревности, о божественном в нас явлении и о существенном просвещении благодати

Ибо таким образом ревнитель о совершенстве в духе удобно отклонится не от дел только лукавых, но и от помыслов страстных и от мечтаний неподобных, как написано: *духом ходите и похоти плотския не совершайте* (Гал. 5, 16). И не только это, но и от всякого вообще помысла и от всякого мечтания отступит он, как попаляющий и потребляющий горячею своею о добродетели ревностию всякое лукавое действо, прежде чувственно и мысленно в нем действовавшее с началовождями всего злого злорадными бесами, как говорит св. Исаак: «страшен бесам и вожделенен Богу и Ангелам Его, кто с пламенною ревностию искореняет возращаемое в нем от врага терние». (Сл. 8, стр. 56). – И в такое преуспеяние придет он, что от сего приимет извещение о любви к нему Божией, и действенного сподобится проявления и вселения существенного и божественного просвещения благодати, и в великом радовании востечет к прежнему, благодатию Св. Крещения священнодейственно сообщенному нам благородию и сыноположению духовному. И о сем далее говорит св. Исаак: «это Иерусалим и Царство Божие, внутри нас сокровенное, по слову Господню (Лк. 17, 21). Эта область облако есть Божией славы, в которую только чистые сердцем внидут узреть лицо своего Владыки» (там же). Только сам он да не ищет явления Бога в себе, чтоб не принять того, кто воистину тьма есть и лживо представляется светом.

61) О действах Божеском и вражеском

Почему, если ум его увидит свет, когда он не ищет его, то пусть не принимает его и не упраздняет, как говорит св. Марк: «есть действо благодати, неведомое младенчествующему о Христе, и есть другое действо злой силы, истине уподобляемое. Хорошо не всматриваться в таковое явление, из опасения прелести, и не проклинать его, из опасения оскорбить истину; но во всяком случае прибегать к Богу, Который Один ведает полезное в том и другом. Впрочем пусть спрашивает имеющего благодать и силу по Богу научить и рассудить».

62) Об учителе просвещенном и незаблудном

И если найдет могущего научить не потому только, что узнал то из Божественного Писания, но потому, что и сам блаженно испытал божественное просвещение, – благодарение Богу. Если же нет, то лучше ему не принимать того, но в смирении прибегать к Богу, от искреннего сердца недостойным себя почитая и называя такого удостоения и видения, как сему тайно научились мы благодатию Христовою от языков (уст) нелживых, Духом Святым движимых и вещающих, равно как из богодухновенных Писаний, – а отчасти и из опыта.

63) О просвещении истинном и ложном, т. е. о свете Божеском и лукавом – вражеском

В некоторых из своих писаний славные отцы наши указывают признаки непрелестного и прелестного просвещения, как сделал и треблаженный Павел Латрский, когда вопросившему его о сем ученику своему сказал: «свет силы вражеской огневиден, дымоват и подобен чувственному огню; и когда душа, обуздавшая страсти и очистившаяся от них, увидит его, с неприятностию относится к нему и гнушается им: свет же Духа благого благ, радостотворен и чист, и приближаясь, освящает светом, радостию и тихостию исполняет душу и делает ее кроткою и человеколюбивою». То же говорят и другие.

64) О мечтании непотребном и благопотребном и как должно относиться к ним

Как немного прежде помянули мы о мечтании, и о мечтании непотребном, то очень полезно будет, как нам кажется, и еще, сколько сможем, поговорить и о нем, и о всяком вообще мечтании. Ибо очень много противится оно проклятое чистой сердечной молитве и единичному неблуждающему деланию ума. Почему божественные отцы часто очень говорят о нем и против него. Многообразное, как баснословный Дедал, и многоглавое, как Гидра, это мечтание есть как бы мост какой для бесов, как сказали отцы, чрез который проходят и переходят эти убийственные нечестивцы, общаются некако и смешиваются с душою и соделовают ее ульем трутней, – обиталищем бесплодных и страстных помышлений. – Таковое мечтание надобно отметать вконец, – если иной раз не хочешь, – ради покаяния и сокрушения, плача и смирения, особенно же ради посрамления нелепого мечтания, – привлечь и противовосставить мечтание благолепное, и смешав то с этим и чрез сие устроив брань против того, поразить его, как бесчестное и бесстудное, и восторжествовать над ним. Действуя так, ты не вред какой себе причинишь, а напротив большую получишь пользу от того, что с непогрешимым рассуждением устрояя дела свои, нелепое мечтание будешь упразднять благолепным, и насмерть поражать врагов их же оружием, как некогда божественный Давид Голиафа (1 Цар. 17, 49).

65) Не только непотребное, но и благопотребное мечтание неуместным признано святыми отцами в чистой молитве и в умном делании простом и единичном

Такое впрочем борение свойственно младенцам еще, или новоначальным. Преуспевшие же при долголетнем подвиге всякое вообще отметают мечтание и непотребное, и благопотребное, так что и следа его не остается. Как воск тает от лица огня, так оно рассеивается

у них и исчезает под действием чистой молитвы ради простого и безобразного привержения ума к Богу, предания себя Ему и преискреннего с Ним соединения. – Св. Исихий говорит: «всякий помысл воспроизводит в уме образ какого-либо чувственного предмета: ибо ассирианин (враг), будучи сам умною силою, не иначе может прельщать, как пользуясь чем-либо привычным для нас, чувственным» (гл. 180). – И опять: «Поелику всякий помысл входит в сердце чрез воображение чего-либо чувственного (чувственное же мешает умственному); то божественный свет Божества тогда уже начинает осиявать ум, когда он упразднится от всего и сделается совершенно безвидным (никакого вида и образа не представляющим). Ибо светлость оная проявляется в чистом уже уме под условием оскудения его от всяких помышлений» (гл. 89). Тоже и Василий Великий: «как не в рукотворенных храмах живет Господь, так и не в воображениях каких и мысленных построениях (фантазии), – кои представляются (вниманию) и, как стеною, окружают испортившуюся душу, так что она силы не имеет чисто взирать на истину, но все еще держится зерцала и гаданий». —

И божественный Евагрий: «Бог там пребывающим признается, где познанным имеется; почему чистый ум и называется престолом Божиим. Помышление о Боге не обретется в помышлениях, печатлеющих ум образами, но в помышлениях не печатлеющих. Сего ради молящемуся надлежит всячески отдалять от себя помышления, печатлеющие в уме образы». – И св. Максим в пояснениях на великого Дионисия говорит: «иное есть мечтание и иное помышление, или мысль. Они производятся разными силами и свойствами движения разнятся: ибо мысль есть действие или произведение ума, а мечтание – плод страсти, напечатление образа, представляющего нечто чувственное, или как бы нечто чувственное. Почему никакое мечтание не должно иметь места в отношении к Богу; ибо Он паче ума все превосходит». – И Василий Великий: «ум, нерассеивающийся по внешним предметам и чувствами не носимый по миру, возвращается к себе самому, от себя же восходит к помышлению о Боге, и оною красотою облиставаем будучи, забвение приемлет о самой природе». – Сие ведая и ты, каждый час, с Божиею помощью, понуждай себя безмечтанно, без воображений и образов, молиться чисто всем умом, всею душою и всем сердцем. – О сем говорит и св. Максим:

66) Об уме, душе и сердце – чистых и совершенных

Об уме чистом: «Чистый ум тот есть, который, избыв от неведения, осиявается божественным светом».

О душе чистой: «Душа чиста та, которая, освободясь от страстей, божественною любовию непрестанно обвеселяема бывает».

О сердце чистом: «Сердце чисто то, которое, всегда представляя Богу память безвидною и безобразною, готово бывает едиными от Него впечатлениями печатлетися, в каких Он обычно благоволит явным Себя ей делать».

Об уме совершенном: «Ум совершенен тот, который, верою познав Сущего выше всякого ведения и все создания Его обозрев, от Бога приял ведение всеобъемлющее (в общих чертах) о Промысле и Суде Его, в них проявляемом, – разумеется, сколько вместимо для человека».

О душе совершенной: «Душа совершенна та, которой вожделетельная сила всецело устремлена к Богу».

О сердце совершенном: «Совершенным называется сердце, – не имеющее никакого естественного движения к чему-либо и каким-либо образом, на котором (сердце) как на дщице, добре выглаженной, ради его простоты, Бог приступая напишет Свои законы».

Приложим к сему и следующее:

О чистом уме: – по святому Диадоху, – «очистить ум есть дело Единого Духа Святого»; еще по Лествичнику, – «ум удержать от парения, тоже есть дело Единого Святого Духа»; – еще св. Нил говорит: «кто восхотел бы увидеть состояние ума своего, тот пусть упразднит себя от всех помышлений, и тогда увидит его подобным сапфиру, или небесному цвету». И еще он же: «состояние ума есть мысленная высота, цвету небесному подобная, на котором во время молитвы и свет Святой Троицы появляется». – И св. Исаак: «когда ум совлечется ветхого человека и облечется в нового благодатного человека, тогда узрит чистоту свою, подобную небесному цвету, который старейшины сынов Израилевых наименовали местом Божиим (Исх. 24, 10), когда Бог явился им на горе» (Сл. 16, стр. 99).

Делая так, как сказано пред сим, т. е. чисто, немечтанно и безобразно моляся, ты будешь шествовать по следам святых. Если же не так; то будешь мечтатель вместо безмолвника, и вместо гроздия оберешь терние, что да не будет с тобою!

67) Как пророки видели образные видения

Если кто предполагает, что пророческие видения, образы и откровения были делом фантазии и происходили естественным порядком, да ведает таковой, что носится далеко от правой цели и истины. Ибо пророки и в нынешнее время бывающие у нас священнотаинники не по естественному какому-либо порядку и чину видели и воображали, что видели и воображали, но божественно некако и паче естества было то в уме их печатлеемо и представляемо неизреченною силою и благодатию Святого Духа, как говорит Василий Великий: «неизреченною некоею силою пророки принимали воображения в уме, имея его неразвлеченным и чистым, и Слово Божие слышали как бы возглашающимся в них». И еще: «Пророки видели видения действием Духа, Который печатлел образы во владычественном их уме». И Григорий Богослов: «Сей (т. е. Дух Святый) действовал первее в Ангельских и Небесных силах, потом в отцах и пророках, из коих одни Бога видели, или познавали, другие будущее предузнавали, когда владычественный их ум от Духа принимал такие образы, по коим они соприсутствовали будущему, как настоящему».

71) О чистой молитве[21]

Св. Нил говорит: «Подвизайся ум свой во время молитвы соделовать глухим и немым; и будешь тогда иметь возможность молиться, как должно» (о молитве, гл. 11). И еще: «блажен ум, который во время молитвы хранит совершенное безобразие, или безмечтание» (там же, гл. 117). И св. Филофей: «редко очень можно найти безмолвствующих умом. Это есть принадлежность только тех, которые все средства употребляют к тому, чтобы привлечь к себе божественную благодать и исполниться истекающим от нее духовным утешением». И Василий Великий: «молитва добрая та есть, которая действенно внедряет в душу помышление о Боге. Вселение Божие есть иметь в себе водруженным Бога памятованием, когда сие памятование не пресекается земными попечениями и ум не возмущается нечаянными движениями страстей. Боголюбивый, от всего отбегая, к Богу отходит».

[21] Главы 68–70 опускаются по крайней темноте их.

72) Иное есть бесстрастие ума, а другое молитва истинная, – что и выше

Ведать подобает, что хотя, по св. Максиму, – «не может ум одною деятельностию благою сделаться бесстрастным, если в то же время не будет воспринимать многих и разных созерцаний»; но, по божественному Нилу, можно, и бесстрастным будучи, не молиться истинно, но быть развлекаему разными помышлениями и далеко отстоять от Бога; ибо сей св. отец говорит о сем так: «не всякий улучивший бесстрастие, уже и молится истинно; ибо таковой может еще занят быть простыми помышлениями (о вещах, без страстных при том движений) и развлекаться историями их (м. б. картинами их и разными их сочетаниями), – и далеко отстоять от Бога» (гл. 56). И еще: «но и когда ум не коснит в простых помышлениях о вещах, не значит еще, что он достиг уже и места молитвы: ибо он может быть занят (философским) умозрением о сих вещах и углубляться в причинные их отношения. Хотя все сие суть отвлеченности, но как они суть умозрения о вещах, то печатлеют в уме образы их, – и далеко отводят его от Бога (ум философствует, но не молится: состояние ученых)» – (гл. 57). Говорит и Лествичник: «которых ум научился истинно молиться, то воистину лицом к лицу беседуют к Господу, как те, кои говорят на ухо царю (т. е. ближайшие доверенные)».

Из таковых изречений можешь ты уразуметь точно обоих видов жизни и деятельности различие и несравнимое сравнение, – т. е. той, которая ведется под влиянием свыше, и той, которая своими силами устрояется. Дело одной из них – поучения и многие и разнообразные умозрения; делание же другой – истинная молитва. К сему помни и следующее, что иное дело бесстрастие ума, и другое – истинная молитва; и еще, – что имеющий истинную молитву, как указывают отцы, по всякой необходимости и ум бесстрастный имеет, но об имеющем ум бесстрастный нельзя еще сказать, что он имеет и молитву истинную.

73) Еще о мечтаниях и воображениях ума, – и о признаках прелести и истины

Какие признаки прелести

Безмолвствуя и желая один быть с Единым Богом, никогда не принимай, если увидишь что-либо чувственное или мысленное, внутрь тебя или вне, – лик Христа, или Ангела, или образ святого, или световое воображение, мечтаемое умом; но не верь сему с негодованием, хотя бы то и доброе что было, прежде чем вопросишь кого из опытных: что есть дело самое полезное и Богу любезное, и благоприятное. Храни же ум свой всегда бесцветным, безобразным, безвидным, бесформенным, бескачественным, бесколичественным, внимающим одним словам молитвы, в них поучающимся и об них размышляющим в сердечном внутрь движении, последуя Лествичнику, который говорит: «Начало молитвы состоит в том, чтоб отгонять приходящие помыслы при самом их появлении; средина ее в том, чтобы ум заключался в словах, которые говорим или помышляем;

а совершенство молитвы есть восхищение ко Господу» (Сл. 28, 19). Св. Нил так о сем говорит: «высшая совершенных молитва есть восхищение некое ума и полное его исступление от всего чувственного, при *ходатайстве Духа воздыханиями низглаголанными* (Рим. 8, 26) пред Богом, видящем расположение сердца, открытое как написанная книга и молчаливыми знаками изъявляющее свое хотение. – Так *до третьяго неба восхищен* был Павел, *не ведая, в теле ли он был, или кроме тела* (2 Кор. 12, 2). Так *Петр возшедши на горницу помолитися, видел видение плащаницы* (Деян. 10, 9). Вторая же после сей первой (высшей) молитвы есть та, в которой слова молитвы произносят с припоследованием им ума сокрушенного и

сознающего, Кому приносит он моление. Молитва же, пресекаемая заботами телесными и смешивающаяся с ними, далеко от устроения, подобающего молящемуся» (Рус. доброт. т. 2, стр. 245, гл. 168–170). – В сем убо пребывая, другого ничего не принимай до времени умирения страстей, с вопрошением, как сказано, опытных.

Таковы признаки прелести. Теперь посмотри:

Какие признаки истины

Признаки же истины и благого животворящего Духа суть *любы, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание* (Гал. 5, 22), как говорит божественный Апостол, называя сии добродетели плодами Божественного Духа. Он же опять говорит: *яко чада света ходите: плод бо духовный есть во всякой благостыни, и правде, и истине* (Еф. 5, 9), коим все противное составляет принадлежность прелести. – Говорит о сем и некто из богомудрых, вопрошен будучи от другого, так: «относительно незаблудной стези ко спасению, о коей спросил ты, возлюбленне, ведай, что много путей, ведущих в живот, и много ведущих ко смерти. Один путь, ведущий в живот, есть исполнение заповедей Христовых. В заповедях сих найдешь ты всякой вид добродетели, особенно же три сии: смирение, любовь и милосердие, без коих никто не узрит Господа. – Сии три суть непобедимые оружия против диавола, кои даровала нам Святая Троица, – смирение, говорю, любовь и милосердие, на кои даже воззреть не может все демонов полчище. Ибо в них и следа нет смирения; и для них, за то, что они омрачились превозношением, уготован огнь вечный. Где у них любовь или хоть тень милосердия, когда они к роду человеческому непримиримую держат вражду и денноночно не перестают ратовать против него? Облечемся убо в сии оружия, ибо носящий их вокруг себя неуловим для врагов. – Сию треплетную вервь, которую сшила и соплела нам Святая Троица, видим, что она и три есть, и едино: три – именами, если же хочешь, то и лицами, а едино – силою и действом, и к Богу приближением, устремлением и себя присвоением. О них сказал Господь: *иго Мое благо, и бремя Мое легко есть* (Мф. 11, 30). И возлюбленный ученик Его: *заповеди Его тяжки не суть* (1 Ин. 5, 3). – Сего ради душа, с Богом сраствoрившаяся чистотою жития, хранением заповедей и сими тремя оружиями, кои суть Сам Бог, в Самого Бога облекается и бывает некоторым образом богом, чрез смирение, милосердие и любовь, и миновав вещественную двоицу и восшедши выше главы закона, т. е. любви, сочетавается с Пресущественною и Живоначальною Троицею, непосредственно беседуя с Нею, светом свет приемля и радуясь радостию непрестающею и вечною». – Но довольно и об этом. – Указав таким образом отчасти признаки и плоды прелести и истины, скажем теперь малое нечто изречениями, как и подобает, отеческими и об утешении, от обоих их бывающем – т. е. об утешении божественном и истинно благодатном, и об утешении поддельном, вражеском. – Божественный Диадох говорит о сем так:

74) Об утешении Божественном и поддельном

«Когда ум начнет ощущать благодатное утешение Святого Духа, тогда и сатана свое влагает в душу утешение в кажущемся сладким чувстве, во время ночных успокоений, в момент тончайшего некоего сна (или засыпания). Если в это время ум окажется держащим в теплейшей памяти святое имя Господа Иисуса и как верным оружием против прелести воспользуется сим пресвятым и преславным именем; то лукавый обольститель оный тотчас удаляется, но зато возгорается наконец бранию против души своим лицом а не помыслами. Так ум, точно распознавая обманчивые прелести лукавого, более и более преуспевает в различении духовных вещей» (гл. 31).

И опять: «Благое утешение бывает или в бодрственном состоянии тела, или при погружении его в сон, когда кто в теплом памятовании о Боге как бы прилеплен бывает к Нему любовию; а утешение поддельное, прельстительное, как я сказал, бывает всегда в то время,

как подвижник приходит в тонкое некое дремание, или забытье, при памятовании о Боге посредственном. То, происходя от Бога, явно влечет души подвижников благочестия к любви Божией в сильном излиянии душевных чувств; а это обыкновенно обвевает душу некиим ветром обманчивой прелести и во время сна телесного покушается похитить чувство вкушением чего-то приятного, несмотря на то что ум в известной мере здравствует в отношении к памятованию о Боге. Итак, если, как я сказал, ум окажется в такое время трезвенно памятующим о Господе Иисусе, то тотчас рассеивает это, обманчиво кажущееся приятным, дыхание врага и с радостию выступает на борьбу с ним, имея готовое против него оружие, по благодати, в прехвальной опытности своей духовной» (гл. 32).

И еще: «Если душа неколеблющимся и немечтательным движением воспламенится к любви Божией, влеча некако в глубину сей любви неизреченной и самое тело, – в бодрствовании ли то, или, как я сказал, при погружении в сон воздействуемого святою благодатию подвижника, между тем как душа совершенно ни о чем другом не помышляет, кроме того одного, к чему возбуждена; то ведать надлежит, что это есть действо Святого Духа. Будучи вся преисполнена приятными чувствами от неизреченной оной божественной сладости, она и не может в ту пору помышлять ни о чем другом, а только чувствует себя обрадованною неистощимою некоею радостию. Если же при таком возбуждении ум восприимет колебание некое сомнительное или нечистое какое помышление, и если при сем Святым Господним именем будет пользоваться для отвращения зла, а не паче по одной любви к Богу; то ведать надлежит, что утешение то от прельстителя и есть только призрак радости. Радость такая совне навевается и является не как качество и постоянное расположение души; видимо, что тут враг хочет опрелюбодействовать душу. Видя, что ум начинает проявлять верную опытность своего чувства, он и своими утешениями, кажущимися благими, подступает утешать душу в ожидании, что она, будучи развлкаема этою блажною мокротною сластию, не распознает своего смешения с обольстителем. По сим признакам можем мы распознавать *духа истины и духа лестча* (1 Ин. 4, 6). Никому впрочем невозможно ни божественной благости чувством вкусить, ни горечи бесовской ощутительно испытать, если кто не удостоверится в себе, что благодать во глубине ума его сотворила себе обитель, а злые духи гнездятся негде окрест членов сердца. Бесы же отнюдь не хотят, чтобы люди как-нибудь удостоверялись в том, дабы ум, верно зная это, не вооружался против них непрестанною памятию о Боге» (33).

Имеешь теперь и об этом достаточно сведений, – и довольствуйся тем, по совету Премудрого: *мед обрет яждь умеренно, да не како пресыщен изблюеши* (Притч. 25, 16).

75) О сладости божественной, из сердца источающейся

Ближе же к существу дела можно сказать: кто объяснит сладость меда не вкушавшим его? Несравненно же более (невозможно не вкусившим объяснить) сладость божественную и радование преестественное и животочное, из сердечной чистой и истинной молитвы источающееся и текущее приснотечно, о коих говорит Богочеловек Иисус: *иже пиет от воды, юже Аз дам ему, не вжаждет во веки: но вода, юже Аз дам ему, будет в нем источник воды, текущия в живот вечный* (Ин. 4, 14). И опять: *аще кто жаждет, да приидет ко Мне и пиет: веруяй в Мя, якоже рече Писание, реки от чрева его истекут воды живы. Сие же рече о Дусе, егоже хотяху приимати верующии во имя Его* (Ин. 7, 37–39), – говорит наперсник. – И великий Павел подтверждает: *посла Бог Духа Сына Своего в сердца ваша, вопиюща: Авва Отче* (Гал. 4, 6).

76) О том, что духовная сия сладость много знамений имеет, и не имеет наименования

Сия духовная сладость, преестественная и животочная, есть вместе существенное сияние и свет, и красота недоуменная, крайнейшее из желаний желание, Боговедение и обожение таинственное, невыразимым пребывающее и после какого-нибудь выражения его, недоведомым и после некоего уразумения его. Так говорит и св. Дионисий: «в сей, сущий над светом, мрак молимся мы приити, и чрез неувидание увидеть и уведать Сущего выше видения и ведания, (увидеть т. е., и уведать) самую сию неувидаемость и неуведаемость Его: ибо сие-то и есть увидеть и уведать Пресущественного и пресущественно воспеть Его, чрез отрицание в Нем всего тварного». – И еще: «Божественный мрак есть свет неприступный, в коем Бог живущим исповедуется, яко невидимый по причине безмерной явности и неприступный по причине пресущественного светолития. В сем мраке бывает всякий, сподобляемый уведать и увидеть Бога, чрез то самое, что не видит и не ведает истинно, когда бывает в Том, Кто выше видения и ведания, сие самое познавая, что Он есть за пределами всего, чувствами и умом познаваемого (или всего чувственного и мысленного)». – И Василий Великий: «неизреченны всецело и неописанны молниеносные блистания божественной красоты; ни слово не может выразить сего, ни слух вместить. Наименуем ли блеск денницы, или светлость луны, или сияние солнца, – все это недостойно к уподоблению славы и в сравнении с истинным светом далее отстоит от Него, нежели глубокая ночь или ужаснейшая тьма от полуденной ясности. Если красота сия, не зримая телесными очами, а постижимая только душою и мыслию, озаряла кого-либо из святых и оставляла в них невыносимое уязвление желанием; то, возмущенные здешнею жизнию, говорили они: *увы мне, яко пришельствие мое продолжися!* (Пс. 119, 5). *Когда приду и явлюся лицу Божию?* (Пс. 41, 3); еще: *разрешитися и со Христом быти, много паче лучше* (Флп. 1, 23); и опять: *возжада душа моя к Богу крепкому и живому* (Пс. 41, 3); также: *ныне отпущаеши раба Твоего, Владыко* (Лк. 2, 29). Тяготясь сею жизнию, как узилищем, сколько были неудержимы в стремлениях к Богу те, у которых коснулось души божественное желание. По причине ненасытимого желания созерцать божественную красоту, они молились о том, чтобы зрение красоты Божией простиралось на всю Вечную жизнь» (Т. 5, стр. 100, 101).

И Богослов: «где страх, там заповедей соблюдение; а где заповедей соблюдение, там плоти очищение и избавление от осеняющего душу облака, не дающего ей видеть божественного луча; где же очищение такое, там воссияние света; где это световоссияние, там полное удовлетворение желания, высшего всех желаний». – И св. Григорий Нисский: «Когда тщанием о доброй жизни отмоешь нечистоту, налипшую на твое сердце, тогда снова воссияет в тебе боговидная красота, как обыкновенно бывает с железом. Ибо когда оно на точильном камне обнажится от ржавчины, тогда, быв пред сим черным, начинает издавать сияние некое и блеск, отражая солнечные лучи. Так и внутренний наш человек, которого Господь называет сердцем, после того как очистит ржавчинную нечистоту, образовавшуюся на его зраке от лукавой мокротности, опять восприемлет свое первообразное подобие и делается благим». – И св. Нил: «блажен постигший неразлучную с молитвою непостижимость (Божию)». И св. Лествичник: «бездна плача порождает утешение; чистота же сердца приемлет просвещение. Просвещение сие есть неизреченное действо Духа, дающее видеть не видя, и ведать не ведая» (Сл. 7, 55).

Сего ради и треблаженны, подобно древней Марии, избравшие благую сию часть, – сие жительство духовное – и за то сподобляемые богоподобного некоего жребия, столь благого, что им в великом и в исступление приводящем радовании можно с божественным Павлом явно восторгаться и вопиять: *егда благодать и человеколюбие явися Спаса нашего Бога, не*

от дел праведных, ихже сотворихом мы, но по Своей Его милости, спасе нас банею пакибытия и обновления Духа Святаго, Егоже излия на нас обильно, Иисусом Христом Спасителем нашим, да оправдившеся благодатию Его, наследницы будем по упованию жизни вечныя (Тит. 3, 4–7). И еще: *извествуяй же нас с вами, и помазавый нас, Бог: Иже и запечатле нас, и даде обручение Духа в сердца наша* (2 Кор. 1, 21, 22). Также: *имамы же сие сокровище в скудельных сосудех, да премножество силы будет Божия, а не от нас* (2 Кор. 4, 7). Так возвещают Богопросвещенные мужи. – Буди же и нам их богоуветливыми к Господу молитвами пожить хоть отчасти подобно им, по милости и благодати Божией.

77) Желающие надлежащим образом безмолвствовать по всей необходимости должны кроткое иметь сердце

Тебе же, чадо, теперь благовременно прежде всего другого, или и вместе со всем другим, знать, что как желающий добре научиться стрелять не без определенной меты натягивает лук, так и хотящий научиться безмолвствовать пусть такою метою имеет – всегда быть кротку сердцем. Так св. Исидор говорит: «Недовольно для добродетели подвизаться, но надлежит в подвизании соблюдать и должную мерность (или соразмерять и согласовать одни подвиги или делания с другими). Ибо если, например, проходя подвиг кротости, мы пресекаем его какими-либо возмутительными движениями, то это будет значить ни что другое, как – что мы спасение улучить желаем, делать же, что к сему благопотребно, не хотим». – Но еще прежде сего святого божественнейший Давид изрек: *наставит кроткия на суд, научит кроткия путем своим* (Пс. 24, 9). И Сирах: *кротким открываются тайны* (Сир. 3, 19). И сладчайший Иисус: *научитеся от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим* (Мф. 11, 29). Еще: *на кого воззрю, токмо на кроткаго и молчаливаго и трепещущаго словес Моих* (Ис. 66, 2). Также: *блажени кротции, яко тии наследят землю* (Мф. 5, 5), – или сердце, приносящее благодатию Божиею плод – сам тридцать, сам шестьдесят, сам сот, соответственно чину новоначальных, средних и совершенных, – никогда ничем не смущая и не смущаясь, если где не о благочестии идет дело.

78) Как преуспеть в кротости; и о трех силах души – раздражительной, желательной и разумной

В безгневии и кротости легко преуспеешь, если будешь все отклонять от себя и душу подвигать к любви, больше молчать, умеренно насыщаться пищею и всегда молиться, как сказали отцы: «раздражительную часть души обуздай любовию, желательную воздержанием увядь, разумную молитвою окрыли: и свет ума никогда не помрачится в тебе». Еще: «гневу узда – благовременное молчание; пожеланиям неразумным – умеренная еда; неудержимости помыслов – единомысленная молитва». И еще: «есть три добродетели, кои завсегда свет доставляют уму: ни в ком не видеть злонамеренности; претерпевать все находящее без смущения и благотворить злотворящим. Эти три добродетели рождают другие три, большие их: невидение злонамеренности рождает любовь; несмущенное перенесение находящего порождает кротость; благотворение злотворящим стяжевает мир». – И опять: «Три есть главнейших нравственных состояний у монахов: первое – ни в чем не погрешать делом; второе – не давать замедлять в душе страстным помыслам; третье – бесстрастно смотреть в уме на лица жен и обидевших».

79) Надобно скорее каяться в случае падений каких-либо и тем мудро укреплять себя против будущих искушений

Если случится тебе когда-либо возмутиться или иной раз допустить какое-либо поползновение и погрешить против чего подобающего; то тотчас надобно поправить это дело, и другой ли кто тебя опечалил, или ты другого кого, поскорее умиротвориться; а для сего от души каяться, плакать и слезы лить, себя самого осуждая во всем; и таким образом укрепив себя на будущее время, внимать себе потом разумно. – Так учит Господь Иисус, говоря: *аще принесеши дар твой ко олтарю, и ту помянеши, яко брат твой имать нечто на тя: остави ту дар твой пред олтарем, и шед прежде смирися с братом твоим, и тогда пришед принеси дар твой* (Мф. 5, 23, 24). – И Апостол: *всякая горесть, и гнев, и ярость, и клич, и хула, да возмется от вас, со всякою злобою. Бывайте же друг ко другу блази, милосерди, прощающе друг другу, якоже и Бог во Христе простил есть вам* (Еф. 4, 31, 32). – Еще: *гневайтеся и не согрешайте: солнце да не зайдет во гневе вашем* (Еф. 4, 26). И еще: – *не отмщайте за себя, но дадите место гневу,* также: *не побежден бывай от зла, но побеждай благим злое* (Рим. 12, 19, 21). – Так говорится о примирении друг с другом.

80) О поскользновении и покаянии

О поскользновении св. Исаак говорит: «не тогда будем печалиться, когда поскользнемся в чем-либо, но когда закосневаем в том же; потому что поскользновение бывает часто и с совершенными, а закосневать в том же есть совершенное умертвие. Печаль же, какую чувствуем о своих поскользновениях, вместо чистого делания вменяется нам по благодати. Кто, в надежде на покаяние, поскользнется вторично, тот лукаво поступает с Богом. Неведомо нападает на такого смерть и не оставляет ему времени, чтоб, как надеялся он, покаяться и исполнить дела добродетели» (Сл. 90, стр. 611). – Еще: «ежечасно надлежит нам знать, что в сии двадцать четыре часа дня и ночи мы имеем нужду в покаянии. Значение же слова – *покаяние,* как дознали мы из действительного свойства вещей, таково: оно есть с исполненною сокрушения молитвою приближающееся к Богу неослабное прошение об оставлении прошедшего и болезнование о хранении будущего» (Сл. 47, стр. 292). – И еще: «Благодать на благодать людям по крещении дано покаяние; ибо покаяние есть второе рождение от Бога. И то дарование, которого залог прияли мы от веры, приемлем покаянием. Покаяние есть дверь милости, отверстая усильно ищущим ее; сею дверию входим к божественной милости, и кроме сего входа не обретем милости; *вси бо,* по слову Божественного Писания, *согрешиша, оправдаеми туне благодатию Его* (Рим. 3, 23, 24). Покаяние есть вторая благодать и рождается в сердце от веры и страха; страх же есть отеческий жезл, управляющий нами, пока достигнем в духовный рай; а когда достигнем, тогда оставит он нас и возвратится. – Рай есть любовь Божия, в которой наслаждение всеми блаженствами» (Сл. 83, стр. 568). – Опять: «Как невозможно переплыть большое море без корабля и ладии; так никто не может без страха достигнуть любви. Смрадное море между нами и мысленным раем можем перейти только на ладье покаяния, на которой есть гребцы страха. Если же сии гребцы страха не правят кораблем покаяния, на котором по морю мира сего переходим к Богу, то утопаем в сем смрадном море» (Сл. 83, стр. 570).

81) О покаянии, страхе, любви, плаче, слезах и самоукорении

(Продолжаются слова св. Исаака). «Покаяние есть корабль, а страх – его кормчий, любовь же – божественная пристань. Страх посаждает нас на корабль покаяния, перевозит чрез смрадное море житейское и вводит в божественную пристань, которая есть любовь. К сей пристани приходят все, труждающиеся и обремененные покаянием. И когда достигнем любви, тогда достигли мы Бога, и путь наш кончен, и пришли мы к острову тамошнего мира, где Отец, Сын и Дух Святый» (Сл. 83, стр. 571).

О печали же по Боге так говорит Спаситель: *блажени плачущии, яко тии утешатся* (Мф. 5, 4). Еще о слезах пишет тот же преподобный Исаак: «слезы во время молитвы – признак Божией милости, которой сподобилась душа в своем покаянии, – признак того, что молитва принята и слезами начала входить в поле чистоты. Ибо если не будут отъяты в людях помыслы о преходящем, и не отринут они от себя мирской надежды, и не возбудится в них пренебрежение к миру, и не начнут они уготовлять доброго напутствия к исходу своему, не начнут в душе восставлять помыслы о том, что будет там: то глаза не могут проливать слез; потому что слезы суть следствие чистого и непарительного богомыслия, многих частых и неуклонно пребывающих помыслов, памятования о чем-то тонком, совершающемся в уме, и памятованием сим приводящем сердце в печаль, от чего слезы умножаются и наиболее увеличиваются» (Сл. 30, стр. 202). И св. Лествичник: «как огонь пожигает тростие, так чистые слезы – всякую видимую и мысленную скверну» (Сл. 7, 31). Еще: «Постараемся приобрести чистые и нелестные слезы, которые рождаются от размышления об отшествии нашем в вечность: ибо в таковых нет ни окрадения, ни возношения; но паче очищение, преуспеяние в любви к Богу, смытие греха и бесстрастие» (там же, 33). И еще: «не верь своим источникам слез прежде совершенного очищения от страстей, ибо то вино еще не надежно, которое только что вышло из точила» (35). И еще: «Слезы, которые происходят от страха, сохраняют сами себя сим же страхом; но те, которые рождаются от любви, в некоторых людях легко бывают окрадаемы, разве только великий оный и приснопамятный огнь возжжет сердце во время действия. И поистине удивительно, как меньше[22] бывает в свое время тверже большего» (гл. 66).

О самоукорении говорит Антоний Великий: «великий подвиг для человека – раскаяние во грехах своих пред Богом и ожидание искушений до последнего издыхания» (Дост. сказ. пункт 4). – И другой отец святой, будучи вопрошен: что особенно нашел ты, отче, на пути сем? сказал в ответ: «то, чтоб себя самого во всем укорять»; что и вопросивший похвалил, сказав: «другого пути нет кроме сего». – И авва Пимен сказал со стенанием[23]: «все добродетели вошли в мир сей. Возьми одну добродетель, – и без нее с трудом устоит человек. Спросили его: какая это добродетель? – И он сказал: та, чтоб человек всегда укорял себя самого». – Он же сказал еще: «Кто укоряет себя, тот, что б ни случилось с ним, потеря ли какая, или бесчестие, или скорбь, никогда не смутится, потому что наперед считает себя всего того достойным»[24].

---

[22] Т. е. слезы от страха – слез от любви.

[23] В Достоп. сказ. есть подобное сему сказание: «Авва Пимен говорил со вздохом: все добродетели вошли в дом сей, кроме одной, без которой едва ли устоит человек. – Какая же это добродетель? – спросили его. – Самоосуждение, – отвечал старец» (134 изр.).

[24] В Дост. сказ. похоже на это 95 изречение: «Если человек во всем будет винить самого себя, то везде устоит».

82) О внимании, и о том, что с мудрою осторожностию должно твердо держаться на своем пути

Равным образом о *внимании* и осмотрительной твердости пишет божественный Павел: *блюдите, како опасно ходите: не якоже не мудри, но якоже премудри, искупующе время, яко дние лукави суть* (Еф. 5, 15, 16). – И св. Исаак: «о как, дивна ты, премудрость, как издалека все предусматриваешь? Блажен, кто обрел тебя: ибо таковой освободился от юношеской небрежности. Кто за малую цену, или плату, покупает себе врачевство великих страстей, тот добре творит. То и любомудрие, чтоб в малых и малейших делах всегда быть бодренно внимательну. Такой сокровиществует себе великий покой; и не спит, чтоб не случилось с ним что противное, но заблаговременно пресекает причины к тому, и в малейших вещах переносит малую печаль, предотвращая тем великую». – И далее: почему Премудрый и говорит: «трезвенствуй и бодрствуй над жизнию своею; ибо сон ума – родня истинной смерти и есть образ ее». А богоносный Василий говорит: «кто в малом своем небрежен, не верь, чтоб тот был рачителен и в большом» (Сл. 75, стр. 543–544).

83) О том, что безмолвствующему надо быть рачительну о всем сказанном, паче же всего, быть тиху и кротку, и всячески стараться чисто призывать Господа Иисуса Христа внутрь сердца

По сей же причине и о всем сказанном имей усердное попечение, наипаче же о том, чтоб быть тиху и кротку и с чистою совестию в глубине сердца призывать Господа Иисуса Христа, как мы сказали. Ибо таким образом, простираясь путем в предняя, будешь иметь божественную благодать упокоеваемой душою твоею. Св. Лествичник говорит: «никто из тех, кои подвержены раздражительности и возношению, лицемерию и памятозлобию, да не дерзнет когда-либо увидеть и след безмолвия, чтобы ему не впасть в исступление ума. Если же кто чист от сих страстей, тот наконец познает сам, что полезно. Думаю, впрочем, что и он сам не познает того» (Сл. 27, 36). – И не только благодать будешь ты иметь упокоеваемою душою твоею, но и душу свою успокоевшеюся от всего, что прежде смущало и тяготило ее, – от бесов и от страстей. Ибо хотя они опять будут докучать, но без последствий; потому что душа уже не переходит на их сторону и не вожделевает сласти, которая от них.

84) О добром и восторженном боголюблении, и о Божественной красоте

Все вожделение такового, вся его сердечная и восторженная любовь и всецелое расположение устремлено к преестественной красоте Божеской, блаженнейшей, которая названа отцами верховнейшим из желаемых предметов.

Так Василий Великий говорит: «когда благочестивая любовь (т. е. любовь к Богу) обымет душу, тогда всякий вид брани (или сманивание к другому чему) для нее посмеяния достоин, и все муки за вожделенного Господа более услаждают его, чем уязвляют». И еще: «Что предивнее Божественной красоты? Какое помышление радостнейше паче мысли о Божеском благолепии? Какое вожделение души так сильно и неутолимо, как то, которое от Бога внедряется в очищенную от всякого зла душу, которая тогда искренно из глубины своей взывает: *уязвлена есмь любовию аз* (Песн. 2, 5).

85) О брани, обучительном попущении, и об оставлении по отвращению

Подвергается впрочем брани и таковой по обучительному попущению, а не по причине оставления по отвращению. – Для чего же? – Для того, чтоб не превознесся ум его по причине обретенного им блага; но будучи борим и чрез то обучаем, всегда держал смирение, коим одним всегда может он не только побеждать в гордости нападающих на него, но и больших даров сподобляться, преуспевая, сколько то доступно человеческому естеству, и при всем том, что неизбежными узами и тяготою плоти связан и держим есть, простираться в предняя к совершенству о Христе и бесстрастию. О сем так говорит св. Диадох: «Сам Господь говорит, что *сатана спал с неба* (Лк. 10, 18), чтоб не видел безобразный сей обиталищ святых Ангелов: как же он, не удостоиваемый общения с добрыми служителями Божиими, может иметь общим с Богом обиталищем ум человеческий? Если и скажут, что это бывает по попущению; то этим не представят ничего доказательного. Ибо попущение обучительное никак не лишает душу божественного света, бывает же при сем только то, что благодать, как я уже говорил, скрывает от ума свое присутствие, чтоб горечию бесовскою подвигнуть душу со всем страхом и с великим смирением взыскать помощи от Бога, испытывая в себе злое действие ума. Так мать дитя свое, бесчинствующее по причине нехотения подчиниться уставам млекопитания, на короткое время спускает из объятий своих, чтоб оно, убоявшись окружающих его безобразных чужих людей или зверей каких-либо, в страхе великом и в слезах в материне опять потянулось возвратиться объятия. По отвращению же Божию бывающее попущение душу, не хотящую иметь Бога в себе, предает бесам как бы связанною. Но мы – неподметные чада, но, как веруем, истинные есмы детища Божией благодати, редкими попущениями и частыми утешениями ею млекопитаемые, да, под действием таковой ее к нам благостыни, доспеем *приити в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова* (Еф. 4, 13)» (гл. 86). – И вслед за сим продолжает: «Попущение обучительное сначала поражает душу великою скорбию, чувством унижения и некоторою мерою безнадежия, чтоб подавить в ней тщеславие и желание изумлять собою и привести ее в подобающее смирение. Но тотчас потом наводит оно в сердце умиленный страх Божий и слезную исповедь, и великое желание добрейшего молчания. А оставление, по отвращению Божию бывающее, оставляет душу самой себе, и она исполняется отчаянием и неверием, надмением и гневом. Надлежит убо нам, зная то и другое – попущение и оставление, во время их приступать к Богу, сообразно с свойствами каждого из них: там благодарение и обеты должны мы приносить Богу, яко милостиво наказующему необузданность нашего нрава лишением утешения, чтоб отечески научить нас здраво различать доброе от худого; а здесь непрестанное исповедание грехов, непрерывные слезы и большое уединение, да хотя таким приложением трудов возможем умолить и преклонить Бога призреть, как прежде, на сердца наши. Ведать впрочем надлежит, что когда при обучительном попущении бывает у души с сатаною борьба в схватке лицом к лицу, тогда благодать, хотя скрывает себя, но неведомым помоганием содействует душе, чтоб показать врагам ее, что победа над ними есть дело одной души» (гл. 87). И св. Исаак: «Умудриться человеку в духовных бранях, познать своего Промыслителя, ощутить Бога своего и сокровенно утвердиться в вере в Него невозможно иначе, как только по силе воздержанного им испытания. Благодать, как только усмотрит, что в помысле человека начало появляться несколько сомнения и стал он высоко о себе думать, тотчас попускает, чтоб усилились и укрепились против него искушения, пока не познает свою немощь, не побежит и не емлется во смирении за Бога. Сим приходит человек в меру мужа, совершенного верою и упованием на Сына Божия, и возвышается до любви. Ибо чудная любовь Божия к человеку познается, когда бывает он в обстоятельствах, разрушающих надежду его. Здесь Бог силу Свою показует во спасении его. Ибо никогда человек не познает силы Божией в покое и свободе, и нигде Бог не являл ощутительно действенности Своей, как только в стране безмолвия и в пустыне, в местах лишенных сходбищ и молвы, бывыающих в обитании с людьми» (Сл. 49, стр. 318–319).

86) О бесстрастии, – и о том, что есть человеческое бесстрастие

К сказанному надлежит приложить здесь отчасти слово о бесстрастии и совершенстве; потом еще немного, – и кончить настоящее наше писание. – О бесстрастии св. Василий Великий говорит: «Кто соделался любителем Бога и возжелал, хотя малейше, причаститься Его бесстрастия, духовной святости, тихости, невозмутимости и кротости и вкусить порождаемого сим веселия и радования, тот старается далеко отводить помыслы свои от всякой вещественной страсти, могущей возмутить душу, и чистым и незатененным оком обозревать божественные вещи, ненасытно наслаждаясь тамошним светом. Установив же душу в таком навыке и в таком устроении, своим Богу становится, по возможному уподоблению Ему, и бывает Ему любезен и вожделеннейш, как мужественно подъявший такой великий и трудный подвиг и возмогший из среды своего с веществом растворения чистою и некако отторженною от всякого примешения телесных страстей мыслию, беседовать с Богом». – Это – о бесстрастии.

А о том, что есть человеческое бесстрастие, св. Исаак пишет так: «Бесстарстие не в том состоит, чтоб не ощущать страстей, но в том, чтоб не принимать их. Вследствие многих и различных добродетелей, явных и сокровенных, приобретенных святыми, страсти изнемогли в них, и нелегко могут восстать на душу: и мысль не имеет нужды непрестанно быть в рассуждении их внимательною; потому что во всякое время исполнена в помышлениях своих изучением и исследованием превосходнейших созерцаний, сознательно движимых в уме. И когда страсти начнут приходить в движение и возмущаться, мысль внезапно вземлется от близости к ним сознанием чего-либо горнего, приникшего в ум, и страсти остаются без воздействия на него, как сказал блаженный Марк: «ум, по благодати Божией, исполняя добродетельные деяния и приблизившись к ведению, мало ощущает того, что исходит из худшей и неразумной части души. Ибо ведение его восхищает его на высоту и отчуждает от всего, что в мире. У святых, по их непорочности, по тонкости, легкости и остроте ума их, а также по их подвигам очищается ум их и делается светозарным, так как плоть их иссохла от упражнения делами безмолвия и долгого в нем пребывания. Сего ради легко и скоро прилагается каждому созерцание, которое, пребывая в них, руководит их к углублению в созерцаемое с изумлением. В таком состоянии богатно множатся в них созерцания и мысль их никогда не бывает скудна предметами высшего разумения. Таким образом никогда не остаются они без того, что составляет в них плод Духа. Долговременным же в сем роде навыком изглаждаются в сердце их воспоминания, которыми возбуждаются в душе страсти, и ослабляется сила диавольской власти. Ибо когда душа не сдружится со страстьми помышлением о них: тогда, поелику непрестанно занята она иною заботою, сила страстей не может в когтях своих удержать духовных чувств ее» (Сл. 48, стр. 305–306).

И блаженный Диадох: «Бесстрастие есть не то, чтоб не быть бориму от бесов, ибо в таком случае надлежало бы нам, по Апостолу, *изыти из мира* (1 Кор. 5, 10); но то, чтоб, когда они борют нас, пребывать непреоборимыми: подобно тому, как в латы облеченные воители и стрелянию противников подвергаются, и слышат звук от летящих стрел, и видят даже самые стрелы, на них испускаемые, не уязвляемы однако ж бывают ими по причине твердости воинской одежды своей. Но эти, железом будучи ограждены, не подвергаются уязвлению во время брани, мы же, посредством делания добрых дел облекшись во всеоружие святого света и в шлем спасения, будем рассеивать темные демонские фаланги; ибо не одно то приносит чистоту, чтоб не делать более зла, но паче то, чтоб всеусильною ревностию о добре вконец потребить в себе злое» (гл. 98).

Святой Максим указывает четыре вида бесстрастия, говоря так: «Первым бесстрастием называю я то, когда телесное ко греху движение не производится в дело. Вторым бес-

страстием называю я совершенное отвержение страстных помыслов душевных, в силу коего увядает движение страстей, не имея воспламеняющих его к действенности страстных помыслов. Третьим бесстрастием называю я совершенную неподвижность страстного похотения, которое обыкновенно и во втором имеет место, состоящем в чистоте помыслов. Четвертым бесстрастием называю я совершенное отложение страстных в мысли мечтаний, по коему и третье получает свое бытие, не имея чувственных мечтаний, кои представляли бы страстные виды». – Еще: «Бесстрастие есть мирное устроение души, по коему она бывает неудободвижима на зло».

87) О бесстрастии и совершенстве

Вот и слова св. Ефрема, который о бесстрастии и совершенстве говорит так: «бесстрастные, ненасытно простираясь к верховному вожделенному благу, делают неокончимым или несовершенным совершенство, потому что вечные блага конца не имеют: кончимо или совершенно оно судя по мере силы человеческой, а некончимо и несовершенно как всегда превосходящее само себя каждодневными приложениями, и возвышающееся непрестанно восхождениями к Богу». – Подобное сему говорит о совершенстве и св. Нил: «два совершенства надо принимать: одно временное, а другое вечное, о коем пишет Апостол: *егда же приидет совершенное, тогда еже отчасти упразднится* (1 Кор. 13, 10). Слова: *егда приидет совершенное,* показывают, что здесь не можем мы вместить божественного совершенства». Еще: «два совершенства ведает божественный Павел, – и одного и того же человека признает и совершенным и несовершенным, – в отношении к настоящей жизни называя его совершенным, а в отношении к истинному свойственному ему совершенству – несовершенным. Почему говорит: *не зане уже достигох или уже совершихся: гоню же аще и постигну:* а немного ниже говорит: *елицы убо совершенни, сие да мудрствуим* (Флп. 3, 12, 15).

88) О страстности, сладострастии, пристрастии и бесстрастии

Св. Илия Екдик говорит: «материя злая или греховная тела есть страстность, души – сладострастие, ума – пристрастие. Обличаются же или обнаруживаются они – первое осязанием, другие (сладострастие и пристрастие) другими чувствами. Противоположное же всем им (т. е. бесстрастие) противоположным расположением». Еще: «сладострастный близ есть страстного, пристрастный – сладострастного, далеко же от обоих их – бесстрастный» (гл. 71, 72).

89) Кто страстен, сладострастен, пристрастен и бесстрастен; и о врачевании каждого из них

О сем тот же преподобный говорит: «страстен тот, у кого влечение ко греху сильнее помысла, хотя он не грешит еще внешно; сладострастен тот, у кого действо греховное (желание сделать грех) слабее помысла, хотя он страстно услаждается им внутри; пристрастен тот, кто свободно, или лучше, раболепно привязан к тому и другому. Бесстрастным был бы тот, кому неизвестны такие разные движения и состояния (кто не испытывает их)». – Равно и способы врачевания их он же ясно указывает, говоря: «страстность изгоняется из души постом и молитвою, сладострастие – бдением и молчанием, пристрастие – безмолвием (уединением) и вниманием; бесстрастие же установляется памятованием о Боге» (гл. 72, 73).

90) О вере, надежде и любви

Поелику всех благ, или нравственных доброт, начало, средина и конец, если хочешь, и хороводитель и главарь – вера, надежда и любовь, потому что *Бог любы есть* и именуется (1 Ин. 4, 8): то неправедно не восполнить ими, что еще недостает в настоящем сочинении; тем паче, что по св. Исааку: «завершение плодов Святого Духа тогда бывает, когда кто сподобляется совершенной любви» (Сл. 21, стр. 154). Давай же и о ней немного помянем словами отцов святых. Так св. Лествичник пишет: *«ныне же,* скажем после всего сказанного, *пребывают три сия,* все теснейшим союзом связующие и держащие в нем, *вера, надежда и любы, больше же всех любы:* ибо ею именуется Бог (1 Кор. 13, 13; 1 Ин. 4, 8). По моему разумению, первая из них есть луч, вторая – свет, а третья – круг; все же они одно суть сияние и один блеск. Первая все может творить и устроять; вторую милость Божия окружает и делает непостыдною; третья никогда не падает, не перестает тещи и уязвленному ею не дает почить от блаженного упоения» – (Сл. 30, 1–3). И еще: «Слово о любви знаемо Ангелам; но и тем по действу осияния. *Бог любы есть,* и кто хочет изречь, каков предел ее, тот, слеп будучи, покушается исчесть песок в бездне морской. Любовь, по качеству своему, есть уподобление Богу, сколько оно доступно для смертных; по действу – опьянение души; по свойству – источник веры, бездна долготерпения, море смирения. Любовь истинно есть отложение всякого противного помышления: ибо *любы не мыслит зла* (1 Кор. 13, 5). Любовь, бесстрастие и сыноположение одними именами различаются. Как свет, огнь и пламя в одном действии сходятся: так разумей ты мне и об этих» (там же, гл. 5–9).

И св. Диадох: «Духовным созерцанием, братие, да предводительствуют вера, надежда и любовь, и наипаче любовь; ибо те (вера и надежда) научают только презирать видимые блага, а любовь самую душу добродетелями сочетавает с Богом, умным чувством постигая Невидимого» (гл. 7). И еще: «Иная есть любовь души естественная, а другая Духом Святым изливается в нее. Та, когда хотим, от нашего хотения соразмерно движется, почему и от злых духов удобно расхищается, когда нуждно не держим в ней своего произволения. А эта так пламенит душу любовию к Богу, что все части души прилепляются к неизреченной сладости Божественного возлюбления в безмерной некоей простоте расположения; ибо тогда ум, как бы чреват бывая от духовного благодатного действа, источает обильный поток любви и радования» (гл. 34).

И св. Исаак: «Любовь, возбуждаемая чем-либо совне, есть как малый светильник, питаемый елеем, которым и поддерживается свет его, или как наводняемый дождем поток, которого движение прекращается с оскудением составляющей его дождевой воды. Но любовь, которая имеет виновником Бога, есть то же, что бьющий из земли источник; потоки ее никогда не прерываются: ибо Он Сам есть источник сей любви и неоскудевающая пища ее» (Сл. 30, стр. 199). Еще будучи вопрошен: «в чем завершение многих плодов Духа», – сказал он в ответ: «в том, когда сподобится кто совершенной любви». – Когда за сим последовал вопрос: «по чему узнать, что достиг ее кто-нибудь?» – ответил: «Когда памятование о Боге возбудилось в уме его, тогда сердце его немедленно возбуждается любовию к Богу, и очи его обильно изводят слезы. Ибо любви обычно воспоминанием о любимых возбуждать слезы, и кто таков, у того никогда не оскудевают слезы; потому что никогда не прекращается в нем то, что влечет его к памятованию о Боге. Почему и во сне он беседует с Богом; ибо любви свойственно производить это, и она есть совершенство людей в настоящей жизни» (Сл. 21, стр. 154, 155). И еще: «Любовь к Богу естественно горяча, и когда нападет на кого без меры, делает душу ту исступленною. Почему сердце ощутившего ее не может вместить ее и стерпеть, но по мере качества (своего) и нашедшей на него любви видится в нем изменение необычное. И вот каковы знамения ее чувственные: лицо человека делается огненным и

радостным, и тело его согревается. Отступают от него стыд и страх, и бывает он как бы исступленным; сила, собирающая ум, бежит из него, и бывает он как бы изумлен. Страшную смерть почитает радостию, и созерцание ума его никогда не испытывает пресечения какого-либо в помышлении о небесном. И отсутствуя, как присутствующий беседует он, не зримый никем. Ведение и зрение его естественно преходит, и чувственно не ощущает он движения своего, коим движется между вещами. Ибо хотя он и делает что, но совершенно того не чувствует, так как ум его высится в созерцании, и мысль его всегда как бы беседует с кем другим. Сим духовным упоением упоевались некогда апостолы и мученики; и одни весь мир обошли, трудясь и терпя поношение, а другие, будучи рассекаемы на уды, пролили кровь свою, как воду, и претерпевая ужаснейшие страдания, не впадали в малодушие, но доблестно все переносили, и будучи премудры, почитаемы были неразумными. Иные же скитались в пустынях, в горах, в вертепах, в пропастях земных, в нестроениях благоустроенными пребывая. Такого нестроения да сподобит нас достигнуть Бог» (Сл. 73, стр. 528–529).

91) О Святом Причащении, и о том, скольких благ бывает для нас виновно частое с чистою совестию сие причащение

Ничто столько не содействует и не способствует нам к очищению души, к просвещению ума и к освящению тела, и обеих их божественнейшему изменению, еще же и к отражению страстей и бесов, свойственнейше же сказать, к преестественному с Богом единению и божественному сочетанию и срастворению, как частое, с чистым сердцем и расположением, сколько то возможно человеку, Причащение Святых, Пречистых, Бессмертных и Животворящих Таин, – самого, говорим, честного Тела и Крови Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. Почему необходимо и об этом особенно поговорить, и затем положить конец нашему писанию.

Об этом, – о том т. е., что причащение Святых Христовых Таин крайне необходимо, – не только явно говорят отцы, но и сама Жизнь и сама Истина яснейшими словами возвещает, ибо говорит: *Аз есмь хлеб животный. Сей есть хлеб сходяй с небесе, да аще кто от него яст, не умрет. Аз есмь хлеб животный, иже сшедый с небесе: аще кто снесть от хлеба сего, жив будет во веки. И хлеб, его же Аз дам за живот мира* (Ин. 6, 48, 50, 51). Еще: *аще не снесте плоти Сына Селовеческаго, не пиете крове Его, живота не имате в себе. Ядый Мою плоть, и пияй Мою кровь, имать живот вечный. Плоть бо Моя есть истинно брашно, и кровь Моя истинно есть пиво. Ядый Мою плоть и пияй Мою кровь, во Мне пребывает и Аз в нем. Якоже посла Мя живый Отец, и Аз живу Отца ради: и ядый Мя, и той жив будет Мене ради. Сей есть хлеб сшедый с небесе. Ядый хлеб сей, жив будет во веки* (Ин. 6, 53–58). И св. Павел говорит: Братие, *аз приях от Господа, еже и предах вам, яко Господь Иисус в нощь, в нюже предан бываше, прием хлеб, и благодарив, преломи, и рече: приимите, ядите: сие есть тело Мое, еже за вы ломимое: сие творите в Мое воспоминание. Такожде и чашу по вечери, глаголя: сия чаша, новый завет есть в Моей крови: сие творите, елижды аще пиете, в Мое воспоминание. Елижды бо аще ясте хлеб сей, и чашу сию пиете, смерть Господню возвещаете, дондеже приидет. Темже иже аще яст хлеб сей или пиет чашу Господню недостойне, повинен будет телу и крови Господни. Да искушает же человек себе, и тако от хлеба да яст, и от чаши да пиет: ядый бо и пияй недостойне, суд себе яст и пиет, не разсуждая тела Господня. Сего ради в вас мнози немощни и недужливы, и усыпают довольни. Аще бо быхом себе разсуждали, не быхом осуждени были: судими же, от Господа наказуемся, да не с миром осудимся* (1 Кор. 11, 23–32).

92) Необходимо знать чудо Святых Таин, что они суть, для чего даны и какая от них польза

Пишет св. Златоуст: «нужно знать чудо сих Таин – в чем оно состоит, для чего дано, и какая от него польза. *Едино тело,* сказано, мы бываем и *уди от плоти Его и от костей Его* (Еф. 4, 4). Да внимают сим словам посвященные! – Итак, чтоб не любовию только, но и самым делом быть нам членами плоти Христовой, будем соединяться с сею плотию. А это бывает чрез пищу, которую Христос даровал, чтоб выразить Свою великую любовь к нам. Для этого Он смесил Самого Себя с нами и растворил тело Свое с нами, чтоб мы составили нечто единое, как тело, соединенное с главою. И это есть знак самой сильной любви. На это указывал и Иов, когда говорил о своих домочадцах, которые так сильно любили его, что желали срастись с его плотию: *кто убо дал бы нам от плотей его насытиться?* (Иов. 31, 31). Так говорили они, желая выразить свою великую любовь к нему. С этою же целию так поступил и Христос: чтоб ввести нас в большее содружество с Собою и показать любовь Свою к нам, Он дал желающим не только видеть Его, но и осязать, и вкушать, и касаться зубами плоти Его, и соединяться с Ним, и насыщать им всякое желание» (Беседа на Ин. 46, стр. 551–552, ч. 1-я). Еще: «приобщающиеся этой крови стоят вместе с Ангелами, Архангелами и прочими горними силами, облеченные в царскую одежду Христову и имея оружие духовное. Но этим я не сказал еще ничего великого: они бывают облечены в Самого Царя. Но сколько велико и чудно это таинство, столько же верно и то, что если приступишь к нему с чистотою, приступишь во спасение, если же с совестию лукавою, – в наказание и мучение. *Ядый бо,* сказано, *и пияй* Господа *недостойне, суд себе яст и пиет* (1 Кор. 11, 29). Если и оскверняющие царскую порфиру наказываются одинаково с раздирающими ее: то что удивительного, если приемлющие Тело Христово с нечистою душою подвергнутся тому же наказанию, какому и те, которые истерзали Его гвоздями. Смотри, на какое страшное наказание указывает Павел в словах: *отверглся кто закона Моисеева, без милосердия при двоих и триех свидетелехумирает. Колико мните горшия сподобится муки, иже Сына Божия поправый и кровь заветную скверну возмнив, еюже освятися* (Евр. 10, 28, 29)» (Там же, стр. 555–556). И еще: «Причащаясь Тела Господа и пия Кровь Его, будем твердо помнить, что мы приобщаемся того Тела, которое восседит горе и которому поклоняются Ангелы, которое находится близ нетленной силы, – сие именно Тело мы вкушаем. О, сколько открыто нам путей ко спасению! Он соделал нас Своим Телом, дал нам Свое Тело, и все это не отвлекает нас от зла?! О, омрачение! О, бесчувствие!» (Беседа на Посл. к Еф. 3-я, стр. 47). – И опять: «Дивный некий старец поведал мне, что он сподобился увидеть и услышать нечто такое, – что если имеющие преселиться отсюда причастятся Святых Таин с чистою совестию, то когда умрут, Ангелы, ради сего причащения доринося, возносят их отсюда».

И божественный Иоанн Дамаскин (о вере прав. кн. 4, гл 13): «Поелику мы двояки и двусоставны, то надлежит и рождению у нас быть двоякому, и ястию сложну. Рождение дается нам водою и Духом, ястие же нам есть хлеб животный, Господь наш Иисус Христос, сшедший с небес». – Еще – гораздо ниже: «И как в крещении, поелику обычно людям мыться водою и мазаться елеем, сочетал Он с елеем и водою благодать Духа и соделал то банею пакибытия: так и, поелику обычно нам ясти хлеб и пить воду и вино, сочетал Он с ними Свое Божество и соделал их Своим Телом и Своею Кровию, дабы чрез то, что обычно и что по естеству бывает, бывать нам в состоянии, которое выше естества. Тело воистину соединено с Божеством, – то Тело, которое от Святой Девы, не потому что само Тело, вознесшееся на небеса, сходит, но потому что самые хлеб и вино претворяются в Тело и Кровь Господа Бога. Если желаешь знать, как это бывает, то довольно тебе услышать: Духом Святым, как от Святой Девы Духом Святым Сам Себе и в Самом Себе Господь плоть составил. Больше

этого мы ничего не знаем, но только то, что Слово Божие истинно есть, действенно и всемогуще, способ же: как – неисследим». – И еще немного спустя: «С верою достойно причащающимся бывает Св. Причастие во оставление грехов и в Жизнь Вечную, и в охранение души и тела, а кои без веры недостойно причащаются, – в осуждение и мучение, как и смерть Господня. – И не есть хлеб и вино только образ Тела и Крови Христовой. Да не будет! – Но самое Тело Христово обоженное и самая Кровь. Ибо Он говорит: *плоть Моя истинно есть брашно, и кровь Моя истинно есть пиво».* Еще пониже: «Тело и Кровь Христовы служат к укреплению нашей души и тела, но не истощаются и тлению не подвергаются, а бывают нам в охрану и очищение от всякой скверны. – Им будучи очищаемы, соединяемся мы с Телом Христовым и Духом Его, – и бываем тело Христово. Хлеб сей есть начаток будущего хлеба, который есть насущный. Ибо *насущный* или на будущий хлеб указывает, т. е. на хлеб будущего века, или на тот, который мы теперь принимаем к сохранению нашего существа. Ибо плоть Господня есть Дух животворящий, потому что от животворящего Духа зачалась; рожденное же от Духа Дух есть. Говорю же это я, не отрицая естество тела, но желая показать его животворящность и божественность». – И еще в самом конце сей главы: «Сии (Тело и Кровь в Таинстве) называются вместообразными будущих не како не сущие истинно Тело и Кровь Христовы, но потому что ныне чрез них мы причащаемся Христова Божества, тогда же мысленно чрез одно созерцание Его».

И божественный Макарий: «как вино по всем членам пиющего расходится, и бывает вино в нем и он в вине: так и пиющий Кровь Христову Духом Божества напояется, Который по всей душе расходится, и душа бывает вся в Нем, и освятившись таким образом делается достойною Христа Господа. Ибо Апостол говорит: *вси единем Духом напоихомся* (1 Кор. 12, 13). Также и истинно причащающиеся хлеба в Евхаристии сподобляются причастниками быть Духа Святого, и так достойные души вовеки могут живы быть. И как для тела жизнь не из него самого есть, но извне его есть, т. е. от земли, так и душе благоволил Бог не из собственного ее естества, но из Своего Божества, из Духа Своего и света иметь брашно, питие, одеяние, кои суть истинный живот души. Ибо Божественное естество имеет и Хлеб жизни, рекший: *Аз есмь хлеб животный* (Ин. 6, 44), и воду живую, и вино веселящее, и елей радования».

И св. Исидор: «Приобщением называется причастие Божественных Таин, потому что оно подает нам соединение со Христом и соделовает нас общниками Царствия Его». – И св. Нил: «Невозможно иначе спастися верному и оставление прегрешений получить и Царствия Небесного сподобиться, если со страхом, верою и любовию не причащается он пречистых Таин Тела и Крови Христовых». – Подобное сему пишет и св. Василий Великий в письме к благородной Кесарии: «Хорошо и преполезно каждый день приобщаться и принимать Святое Тело и Кровь Христову; потому что Сам Христос ясно говорит: *ядый Мою плоть и пияй Мою кровь, имать живот вечный* (Ин. 6, 54). Ибо кто сомневается, что непрестанно быть причастником жизни не иное что значит, как жить множайше. Мы причащаемся четыре раза каждую седмицу: в день Господень, в среду, в пяток и субботу, также и в иные дни, если бывает память какого святого» (т. 6, письмо 89).

Думаю, что в эти дни и литургисал святой сей, ибо всякий день не мог, будучи обременен столькими попечениями. И св. Аполлос сказал, что «монахи должны, если могут, приобщаться каждодневно Святых Таин, потому что кто удаляется от Святых Таин, тот удаляется от Бога, а кто постоянно приобщается, тот всегда принимает в себя Спасителя; ибо Сам Спаситель говорит: *ядый Мою плоть и пияй Мою кровь во Мне пребывает и Аз в нем* (Ин. 6, 56). Итак, сие весьма полезно монахам, потому что чрез сие они постоянно творят воспоминание спасительной страсти Христовой. К тому же при сем каждодневно должно им быть готовыми и так приготовлять себя, чтоб быть всегда достойными приять Святых Таин

и отпущения грехов сподобиться». (Лавс. стр. 169). В братстве преподобного Аполлоса всегда соблюдался такой порядок жизни (там же, стр. 167).

Св. Лествичник говорит: если тело, другому телу прикасаясь, изменяется действием его, то как не измениться тому, кто непорочными руками прикасается Телу Божию?» (Сл. 28, 52). – Написано также и в Геронтике: «Иоанн Вострский, муж святой и власть имеющий над духами нечистыми, спросил бесов, живших в некоторых отроковицах бесноватых и злодействовавших в них, говоря: каких вещей боитесь вы в христианах? Те ответили: вы воистину имеете три великие вещи: первая та, что носите вы на шее вашей; вторая та, чем омываетесь вы в церкви; третья та, что вкушаете вы в собрании. Когда спросил он их еще: из сих трех, чего больше боитесь вы? они сказали: если б вы добре хранили то, чего причащаетесь, то никто из нас не возмог бы оскорбить христианина. – Эти вещи, коих боятся наши неистовые враги паче всего, суть: крест, крещение и причащение».

93) Конец всех пространно изложенных вещей; и частное увещание просившему о том

Се, чадо любезнейшее, исполнено твое прошение, с Божиею помощию. Если, может быть, мы не сумели сделать это в точном соответствии твоему желанию и ожиданию; то всяко сделали по силе своей. Но Богу любезно делаемое по силе. Ты же смотри, не до сего только простирай твою любовь к научению и труд по нему, но яви себя и делами любителем научения и ревнителем. Ибо знаменитый брат Божий говорит: *«братие мои возлюбленнейшие! бывайте творцы слова, а не точию слышателие, прельщающе себе самех. Зане аще кто есть слышатель слова, а не творец, таковый уподобися мужу, смотряющу лице бытия своего в зеркале: усмотри бо себе и отъиде и абие забы, каков бе: приникий же в закон совершен свободы, и пребыв, сей не слышатель забытлив быв, но творец дела, сей блажен в делании своем будет»* (Иак. 1, 22–25).

94) Как должно слушать и принимать духовные словеса отцов

Паче же всего надлежит тебе уразуметь, как следует, верно и с подобающим благоговением принимать и выслушивать божественные и духовные законоположения отцов. Ибо св. Макарий говорит: «духовные предметы недосязаемы для не испытавших их. К душе же святой и верной на помощь к постижению их приходит причастие Святого Духа; и тогда небесные сокровища Духа приемлющему их опытом одному бывают явственны, не посвященному же в сие даже и помыслить о том совершенно невозможно. Итак благоговейно слушай о них, пока и ты, веры ради, сподобишься получить то же. Тогда самым опытом душевных очес узнаешь, каких благ и таинств души христиане могут быть причастны еще здесь».

Находясь в таком состоянии, ты очень скоро соберешь богатый приплод и пользу и от того, что написано, и от того, что услышать случится; и соединяя с научением и делание узнанного, преуспеешь до того, что будешь в состоянии и других увещевать и руководить самым опытом к вещам божественнейшим, для многих недоступным. Что и буди тебе, всемощною дланию Господа Иисуса Христа держимому и направляемому! Аминь.

Поелику пресыщение словом неприятно для слуха, как пресыщение пищею для тела, и вообще умеренность во всем есть наилучшее дело; то надлежит и нам, избегая излишества и лобызая мерность как наилучшее, потолковав еще немного о нашем предмете и сделав краткое некое оглавление настоящего сочинения, на этом бросить якорь слова нашего.

95) Возглавление всего (главнейший пункт), – как должно молиться, – и об истинном просвещении и Божественной силе

Отцы говорят, что желающий разумно трезвенствовать пусть, сошедши путем дыхания внутрь сердца, непрестанно понуждает себя молиться чисто и непарительно, одним внимая словам молитвы и в них углубляясь, именно: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя!» дотоле, пока ум просветится в сердце, как говорит св. Диадох: «которые сие святое и преславное имя непрестанно содержат мысленно во глубине сердца своего, те могут, наконец, увидеть и свет ума своего» (гл. 59). Когда же сие совершится по Божию мановению, тогда с момента сего все остальное течение нашего по Богу жительства, яко во свете ходящие, паче же яко сынами света сущие, незаблудно и непреткновенно пройдем мы, как говорит Сам света податель Иисус: *дондеже свет имате, веруйте во свет, да сынове света будете* (Ин. 12, 36); еще: *Аз есмь свет миру: ходяй по Мне, не имать ходити во тме, но имать свет животный* (Ин. 8, 12). И святой Давид так взывает к Господу: *во свете Твоем узрим свет* (Пс. 35, 10). И божественный Павел: *Бог, рекий из тмы свету возсияти, Иже возсия в сердцах наших* (2 Кор. 4, 6). Ибо Им, как неугасимым и всесветлым светильником, истинно верные путеводятся и простирают взор свой за пределы чувственного, – и им, яко чистым сердцем, отверзается небесная дверь ко всякому равноангельному и высокому образу жизни и устроению. И таким образом, как из солнечного диска, воссиявает им свет, делающий их способными духовно воссуждать, рассуждать, прозревать, предузревать и подобное. И вообще чрез Него воссиявает им всякое показание и откровение безвестных таин; и силою преестественною и божественною исполняются они в Духе Святом, этою же преестественною силою и персть их облегчается, или лучше, плоть их утончается и, как метеор, будто горе воспаряет. Сею, в Духе Святом просветительною силою, некоторые из святых отцов, еще в теле суще, будто невещественные и бестелесные, немокрыми переходили ногами реки непроходимые и моря кораблеходные, долгие и многодневные пути в одно мгновение проходили и много других совершали дивных дел на небе, на земле, в солнце, в море, в пустынях, в городах, во всяком месте и стране, в зверях, в гадах и вообще во всякой твари и во всех стихиях, – и прославились. Когда стояли они на молитве, святые и честные тела их поднимались от земли, как бы окрыленные; по кончине – оставались нетленными и творили знамения и чудеса; по воскресении же *восхищены будут в сретение Господне на воздусе, и тако всегда с Господом будут,* как удостоверяет таинник Божий Павел (1 Фес. 4, 17). И святой Макарий: «всякая душа, верою и тщанием о всех добродетелях еще здесь сподобившаяся облещися во Христа в силе и удостоверительно, сподобляется всегда получать существенное ведение небесных таин, соединена будучи с небесным светом нетленного образа своего. В день же воскресения тело, в силу того же славного небесного образа, спрославится душе и Духом восхищено будет в сретение Господа на воздухе, соделавшись сообразным телу славы Его».

96) Другое возглавление

Сих новых и невыразимых словом вещей и разумений началом и породительницею бывает упомянутое пред сим безмолвие, при совершенном беспопечении и в соединении со вниманием и молитвою, имея основанием твердым и ограждением неодолимым исполнение Божественных заповедей. От сих же, беспопечения, говорю, безмолвия, внимания и молитвы, – сердечное движение и теплота, страсти и бесов палящая и сердце, как в горниле, очищающая, а от этой —

Господа Иисуса Христа вожделение и неистощимое любление, от сего – сладкое, как из источника, течение сердечных слез, коими душа и тело в покаянии, любви, благодарении и исповедании, как иссопом очищаются и утучняются, от них – тишина и мир помыслов, коему нет предела, яко всяк ум превосходящему, а от него – снегосиятельно светлое осияние. Конец же всего – доступное человеку бесстрастие, души прежде тела воскресение, образа и подобия Божия возображение и возвращение в сие состояние путем деяния и созерцания, веры, надежды и любви, также совершенное горе к Богу простертие, непосредственное с Ним соединение, исступление и почитие в Нем и стояние, в настоящем веке, яко в зерцале, гадании и залоге, а в будущем – видение Бога лицом к лицу, совершенное Его причастие и присносущное Им наслаждение.

97) О том, что сей есть воистину незаблудный, истинный, и отце-преданный образ жизни по Богу, т. е. безмолвие после послушания, которое достойно названо святыми жизнию во Христе сокровенною

Сей путь, сие духовное по Богу жительство и священное делание истинных христиан есть истинная, незаблудная и неподдельная, во Христе сокровенная жизнь. Его проложил и к нему тайноводствовал Сам Богочеловек, сладчайший Иисус; по нему прошли божественные апостолы; по нему проследовали бывшие после них, и им, как и должно, последовавшие славные руководители наши и учители, которые с самого начала, с Первого на землю пришествия Христова даже доныне, как светила, сияя в мире зарями живоносных словес и дел предивных, одни другим передавали и тем, кои в наше время суть, передали сие доброе семя, сей священный квас, сей начаток святой, сей залог некрадомый, сию благодать и силу свыше, сей бисер многоценный, сие божественное отеческое наследие, сие на селе сокрытое сокровище, сие обручение Духа, сие царское знамение, сию живую и текущую воду, сей огнь божественный, сию честную соль, сей дар, сие запечатление, сей свет – и подобное сему. Что и отселе будет, как наследство, передаваемо и таким образом переходит из рода в род, до самого Второго пришествия Христова. Ибо неложен обетовавший: *се Аз с вами есмь до скончания века. Аминь* (Мф. 28, 20).

98) О том, что хотя и другие есть спасительные пути, но этот предпочтительно царский есть, ведущий к усыновлению

Хотя и иные пути и жительства, если же хочешь, и делания были и суть в обычае, яко добрые, ко спасению ведущие и покой дающие тем, кои их проходят; но этот есть предпочтительно царский, все другие делания, как душа тело, превосходящий, яко вполне обновляющий до усыновления Богу и дивно в Духе обожающий человека, который проходит его достодолжно, как говорит Василий Великий: «Дух Святый, пришедши в душу, дал жизнь, дал бессмертие, воздвиг лежащего. Подвигнутое же от Духа Святого движением присносущным, стало животным, святым; и человек по Духу, всельшемуся в него, приял достоинство пророка, апостола, Ангела, Бога, сущи прежде того землею и пеплом».

99) По причине высоты делания жительство сие многоименно

Сего ради святые отцы жительство сие величают многими славными наименованиями: они наименовали его путем разумным, деянием похвальным и созерцанием верным, пространнейшею молитвою, трезвением ума, умным деланием, делом будущего века, ангельским жительством, небесным житием, божественным поведением, страною живых, таин-

ственным воззреванием, духовною трапезою полнейшею, раем, Богом соделанным, небом, Небесным Царством, Божиим Царством, мраком превысшим света, жизнию во Христе сокровенною, боговидением, обожением преестественнейшим и другими близкими к сим.

Сим божественным отцам последуя, и мы, в лукавых и нечистых помыслах, словах и делах живущие, решились старательно исполнить твое, возлюбленный, прошение и не поленились сделать, как ты просил, даже и больше меры нашей, твоей ради любви и отеческой заповеди, как сказали мы в предисловии к сему труду. Жизни же сей равноангельной предводитель есть Сын Божий, Бог Слово, по новому неизреченному воплощенному домостроительству Своему, по благоволению безначального Отца и содейству Святого Духа.

100) Нравоучение, – что с Божиею помощию и благодатию и нам, сколько можно стараться, должно и подвизаться; да сподобимся отныне еще в виде залога таких сверхъестественных и величайших даров, и ради малого разленения, увы! да не упустим их: что да не буди нам!

Когда такие и толикие предлежат нам блага, возлюбленные, не в надежде только и по обетованиям в будущем, но ныне воистину и делом, возревнуем улучить их, пока имеем время. Потечем, восподвизаемся, да сподобимся их и мы за малое и привременное рачение о них и краткий труд, паче же по дару и благодати Божией. *Недостойны бо страсти нынешняго времене, к хотящей славе явитися в нас* (Рим. 8, 18), по словам Павла, божественного проповедника. Послушаем его; и если отныне потщимся, обретем их, по уверению его, в виде начатка и обручения (Рим. 8, 23; 2 Кор. 1, 22). Потщимся же: ибо если приглашаемые из низкой доли к сродству и общению с царским домом все для получения того пускают в ход – и слова, и дела, и умышления, хватаются даже за самое недостижимое с презрением нередко самой жизни; и это ради славы и чести привременной и скоропреходящей, служащей иной раз не на добро, а на пагубу; то сколько паче надлежит употребить и деятельности и рвения нам, призываемым к общению, браку и сочетанию с Богом, всех царей Царем и Содетелем, всегда пребывающим и свойственникам Своим славу и честь подающим пресветлую и непрестающую, и не это одно, но еще с получением области чадами Божиими быть, как говорит Евангелие: *елицы прияша Его, даде им область чадом Божиим быти верующим во имя Его* (Ин. 1, 12). Область дает Он, а не властительски влечет и не против желания нашего принуждает. Ибо властительское принуждение всегда вооружает принуждаемого против принуждающего, чтоб воздать злом за зло. Сим образом Он воздает честь древнему нашему самовластию, дабы, когда дело благое всецело делается по Его благоволению и благодати, совершение его приписывалось нашей ревности и рачению. Он, хотя Бог есть и Владыка, все Свое сделал: всех одинаково создал, за всех также и умер, чтоб всех равно и спасти. За нами же оставлено приступить к Нему, уверовать, соделаться своими Ему, истинно возлюбившему нас, человеколюбивому Владыке и Попечителю, до возжелания даже и смерть за нас подъять самоохотно, и смерть поносную, чтоб избавить нас от тиранства диавола, началозлобного врага нашего, примирить с Богом и Отцом и наследниками Божиими и сонаследниками Своими соделать. Что предивно и преблаженно. – Не дадим же себе, ради малого какого-либо и краткого самоугодливого разленения и вознерадения и поддельного какого удовольствия отстранить себя от таких и толиких благ, честей и наслаждений; но ревностно будем делать все подобающее и всякие нести труды, не щадя, если потребуется, и самой жизни ради угождения Господу, как и Он не пощадил Своей ради нас, и притом Бог сый, – да сподобимся таким образом и нынешних и будущих даров и венцов. – Буди же всем нам улучити их благоволением и благодатию Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, столько

Себя за нас смирившего и таковым смирением преестественную и Боготворную благодать Свою еще от зде самым делом богатно нам подающего. Ему подобает всякая слава, честь и поклонение, со безначальным и пречистым Его Отцом, и с соприсносущим и всесвятым, и благим, и животворящим Его Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Блаженного Каллиста Патриарха главы о молитве[25]

1) Если хочешь держать настоящее делание молитвы, подражай гусляру, который, преклонив немного главу и ухо обратив к струнам, искусно ударяет по струнам и, извлекая гармонические звуки, услаждается их мелодиею.

2) Ясен ли тебе пример сей? – Гусли – сердце; струны – чувства; бряцало – память Божия; гусляр – ум. Ум памятию о Боге и божественных вещах извлекает из богобоязненного сердца чувства святые, от которых сладость некая неизреченная исполняет душу, и ум, чистым бывая, освещается божественными озарениями.

3) Гусляр ничего не видит и не слышит, кроме своей мелодии, коею услаждается. И ум во время молитвы действенной трезвенно углубляется в сердце и ничему уже внимать не может, кроме Бога. Все внутреннее его изрекает к Богу Давидским гласом: *прилепе душа моя по Тебе* (Пс. 62, 9).

4) Если чувств телесных не заградим, то не источится в нас ключем бьющая вода оная, которую даровал Господь самаряныне. Сия, ища чувственной воды, обрела иную воду живую, текущую внутрь нее самой. Ибо как земля естественно имеет в себе воду, которую, как только откроется исход, тотчас и изливает, так и земля сердца естественно имеет в себе эту воду духовную, из него ключом бить начинающую, как только возможно станет, подобно праотческому свету, который чрез преслушание потерян Адамом.

5) Как вода чувственная непрестанно течет из источника: так и живая вода, ключом бьющая из души по открытии ее, не перестает источаться. Она, и в душе богоносного мужа Игнатия вселившись, располагала его говорить: «нет во мне огня вещественолюбивого (питающегося веществом), но во мне вода действует и говорит».

6) Сия блаженная, паче же и треблаженная вода, умное, говорю, трезвение души, подобна воде, бьющей и источающейся из глубины земли. И эта вода, что из источника истекает, источник делает полным, а вода, что бьет из сердца, и как бы сказать, приснодвижно движима бывает Духом, всего внутреннего человека исполняет божественною духовною росою, внешнего же делает огненным.

7) Ум, очистившийся от всего внешнего и чувства всецело подчинивший себе деятельною добродетелию, неподвижным пребывает внутрь сердца, как в центре водружая взор свой. Там, приемля мысленные озарения, как блистания молнийные, собирает он божественные разумения.

8) Слыша сие, никто из непосвященных или еще *млека требующих* (Евр. 5, 12) да не касается того, как такого, чего касаться не в свое время запрещено. Покушение тех, которые прежде времени взыскивают того, что бывает в свое время, и тщатся насильно протесниться в пристань бесстрастия без должного к тому приготовления, святые отцы назвали умоисступлением. Ибо не знающему букв невозможно читать книг.

9) Движения, вследствие подвига, производимые в душе Божественным Духом, делают сердце тихостным и непрестанно побуждают его вопиять: *Авва Отче!* Но это не сопровождается какими-либо воображениями или бывает безобразно; нас же преобразует зарею божественного света и дает нам образ, какой подобает соответственно горению Духа Божественного; и не только это, но и изменяет и переменяет божественною властию, как Сам Он один то ведает.

10) Ум, очистившийся посредством трезвения, если непрестанною памятию Иисусовою не упразднится от всего внешнего, легко омрачается. Равно, с деятельностию соединивший созерцание, или хранение ума, молвы о себе не отрицается и говора о себе ясного или

[25] Предлагаются несколько сокращенно инде перифразом.

неясного не отвращается. Ибо только душа, *уязвленная* божественною ко Христу *любовию,* влечется вслед Его Единого, как брата (Песн. 2, 5).

11) Удерживать плотские страсти и взыграния или с разумом упраздняться от них, по слову пророка: *упразднитеся и разумейте* (Пс. 45, 11), можно и живущим в мире; изгладить же, или потребить их – для них невозможно. Но жизнь пустынная умеет явно искоренять их.

12) Из живых или текучих вод иная имеет быстрое движение, а иная тихое и медленное. Первая по причине скорости своего движения не может оставаться мутною и, если когда немного возмутится, скоро опять прочищается, имея такое движение. Но когда движение воды, изменившись, станет наималейшим, тогда она не только возмущается, но такою почти и остается по неподвижности своей; и надобно бывает прочищать ее, дав ей движение.

13) К новоначальным, нравоучимым и деятельным бес подходит звуками ясными или неясными. А для созерцательных производит некие фантазии, иногда окрашивая воздух наподобие света, а иногда производя огневые какия-либо образования, чтоб такими покушениями прельстить как-нибудь подвижника Христова.

14) Если хочешь научиться, как должно молиться, взирай на конец внимания, или и молитвы. Конец же сей есть умиление, сокрушение сердца, любовь к ближнему; чему противоположное само собою явно, именно – помысл похоти, шептание клеветы, ненависть к ближнему и сему подобное. Все сие несовместно с деланием молитвы[26].

[26] Очевидно, что это – часть только глав, или отрывок.

Господина Каллиста Тиликуды[27] о безмолвнической жизни

1) Нельзя покаяться без безмолвия; нельзя сколько-нибудь коснуться чистоты без анахоретства; невозможно, при видании людей и беседах с ними, сподобиться умного зрения Бога и молитвенной беседы с Ним. Почему те, коих объемлет заботливое желание покаяться в своих прегрешениях, очиститься от страстей, достигнуть и вкусить созерцания Бога и беседы с Ним, – что есть предел и цель живущих по Богу и залог вечного Божия наследия, – всеми способами взыскивают безмолвия, наиполезнейшим делом для себя почитая удаление от людей и анахоретство, с должным, конечно, к тому расположением и настроением.

2) Начало деланий их в безмолвии бывает плач, самоосуждение и самоуничижение; ради них, – чтоб они происходили сколько можно чище, – бдения, стояния, воздержание и телесный труд, коих предел – потоки слез, источаемых очами смиренное мудрствующих в сокрушении сердца. Так внимают они очищению своему, и так деятельно преуспевают в нем. Пределом сих трудов служит умиротворение помыслов, как началом излияние слез.

3) После сего ум, обычным образом, начинает рассматривать природу вещей, постигать художество Божие, понимать Божественную мысль и узревать во всем следы Божеской силы, премудрости, благости и всего, что обыкновенно в Боге созерцается; и в таинства Писания входит он, и преестественных благ вкушает, и премирными красотами наслаждается, и Божией любви делается приятелищем; и таким образом пленяется любовию, радуется и благодушествует, как достигали предела добродетелей, любви к Создателю всяческих, никакой прелести не испытывая и не подозревая, а только претерпевая одни соблазнительные нападки и непотребные греховные движения, по многим причинам, как изменчивый.

4) Таким путем следует восходить к возустроению себя, далеко стоя от нечаяния и окрыляясь надеждою на человеколюбие Божие в достижении благ божественных, пребывая в слезах, в молитве и в других сказанных добрых деланиях, услаждаясь, сколько доступно, раем любви к Богу и ничего больше не видя, кроме слез, мира помыслов и любви Божией. Так держится незаблудный путь, так образуется залог спасения души, смиренномудрствующей, трезвящейся и молящейся, во Христе Иисусе, Господе нашем.

5) Когда сидишь в келлии, ум твой да имеет дерзновение к Богу во смирении своем. Смирение пусть держит по причине бедности твоей и твоего ничтожества, а дерзновение – по причине всепревосходящей любви Божией и Божия снисхождения, какое имеет Он к людям. Так душа возводится к благоговейному почитанию Бога, когда, и сознав себя грешною, дерзает приступать к Нему по Его человеколюбию. Почему священный Павел заповедует, говоря: *Да приступаем убо с дерзновеним к престолу благодати* (Евр. 4, 16). И воистину дерзновение к Богу есть некое око или крыло молитвы, или дивное некое молитвенное устроение: не так, чтоб дерзал кто о себе, яко добрый и достойный, но чтоб воспарял к надежде божественной, воодушевляясь помышлением о неизреченном человеколюбии, любви и незлобии к нам Божием. Итак, молись с дерзновенным настроением, в смиренном мудровании, питаясь благими надеждами на Бога, как сказано, во Христе Иисусе, Господе нашем.

6) Надлежит тебе строго держаться того, что смиряет плоть и ум освобождает от всего вяжущего и гнетущего. Вот что я разумею: умеренное ястие, легкое питие, краткий сон,

---

[27] В греч. Добротолюбии никаких сведений о нем не дано. – Мысли и даже фразы сей статьи сходны с Каллистом и Игнатием. – Знать дается, что в греч. Доброт. – сия и следующая статьи стоят там, где бы следовало стоять двум статьям славян. Доброт. под заглавием: Святейшего Каллиста Патриарха Константинопольского образ внимания молитвы;– и его же – о молитве вкратце. Сих статей нет в греч. Доброт. – Вероятно, они взяты из каких-либо рукописей.

стояние на молитве по силе, преклонение колен с смиренным видом, бедная одежда, малоговорение и то по нужде, и другое, что сколько-нибудь может укрощать плоть. Вместе с сим надобно завести и то, чем ум возбуждается к деятельности и сердце располагается прилепляться к Богу. Таковы: чтение Священного Писания и святых его толковников, умеренное, разумное псалмопение, размышление о том, что прочитывается из писаний, и о дивных вещах, видимых в творении, и устная молитва, пока святая благодать Духа действенно подвигнет ее из сердца. Тогда другой праздник и время иного ликования, не языком возбуждаемого, а из сердца Духом действенно исторгаемого.

7) Это ты теперь совершай так: сделай, сколько можешь, коленопреклонений, потом сядь и молись; утомившись молиться, переходи к чтению, как сказано, и опять возвращайся к молитве; намолившись досыта, встань на псалмопение непродолжительное, от него опять переходи к молитве, – и утомившись над нею, побудь немного в размышлении, прежде сказанном, и опять берись за молитву. Наконец и рукодельем займись немного для разогнания уныния, как слышал ты от отцов, святче. Во всем твоем по Богу делании каждодневном, с утра до утра, преимущество всегда да отдается молитве; прочие делания привходят только по причине утомления в молитве. Когда же милость Божия приосенит душу, и благодать Духа источит из сердца, как из источника, молитву, тогда ум одной молитве прилежит и созерцанию, отторгши себя от всего другого, и одною молитвою и созерцанием услаждается в раю любви Божией.

8) Над всеми добрыми делами державствует молитва: слезу покаяния она рождает, к умирению помыслов весьма много содействует, будучи понуждаема Единого Бога почитать высочайшим миром; любви к Богу она есть родительница; мысленную силу души она одна очищает, Бога представляя родителем и ангельской чистоты; вожделетельную силу души чистою для Бога сберегает: ибо, прилепляясь к Богу и беседуя с Ним, безмерно и преестественно благим и добрым, она и вожделение все прилепляет к Богу; раздражительную часть души в такой мере укрощает, в какой припадает, молится и просит Бога, смиряя и душу чрез такое припадание, потому что никто, в то время как молится и просит, не может держать в душе несмиренное, или гневливое мудрование. Посему, сводя все воедино, могу сказать, что все силы души и все действия ее нравственные и умственные преподобная молитва очищает и исправляет, особенно когда вземлет с собою и созерцание Бога, и последующую за ним божественную любовь, при мирном строе жизни и поведении, по сказанному прежде. Из какого же места сердца источается слеза, там да мыслится и зрится помысл твой, склоняясь внутрь тебя путем дыхания во время молитвы, и там да пребывает, сколько можно. Ибо это крайне благотворно, – производит частые и обильные слезы, пресекает пленение ума, водворяет мир мысленный, дает ход молитве и содействует обретению молитвы сердечной, благодати животворящего Духа, во Христе Иисусе, Господе нашем.

9) Есть пять деланий безмолвия: *молитва,* или непрестанная память Иисусова, вводимая путем дыхания; без всякого стороннего помышления, которая (молитва) усовершается чрез всестороннее воздержание, – т. е. и чрева, и сна, и других чувств, внутри келлии со смирением; *псалмопение* мерное; *чтение* такое же из божественных Евангелий и святых отцов, из глав о молитве, особенно Нового Богослова, Исихия и Никифора; *размышление* о суде Божием, о памяти смертной и о подобных предметах, и небольшое рукоделье. Прошедши все, опять следует возвращаться к молитве, нудя себя без жалости к таким деланиям, пока ум привыкнет отлагать парение свое памятию о Господе и непрестанным приникновением к болезнованию сердца. Таково делание новоначальных монахов, желающих безмолвствовать, или безмолвников в новоначалии их безмолвствования. Таковой должен нечасто выходить из келлии и избегать свиданий и бесед со всеми, разве только по крайней нужде допуская, но и в таком случае со всяким вниманием и себя хранением, и притом сколько можно реже,

потому что это не только новоначалъным, но и преуспевающим уже причиняет рассеяние мыслей.

10) Молитва: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя!* умом в сердце творимая со вниманием, без всякого стороннего помышления, не вдруг такою является, но требует навыка. Сначала делается сие с нуждением, причем и сторонние помышления пресекают ее. Но труд, терпение и усердие производят, наконец, то, что она творится уже непринужденно сама собою. Привтечение сторонних мыслей долже не прекращается; но, наконец, и это проходит. Тогда молитва сия невозмущенно из сердца возносится умом к Господу, с верою, упованием и благоговеинством. И это есть сердечная молитва. Ее сопровождает теплота некая, которая зачинается с самого начала углубления ума в сердце для сей молитвы и содействует ему в отревании сторонних мыслей и чувств, и сама вместе с сим очищением ума от всего стороннего возрастает, усиливается и установляется. Когда сердце исполнится сею духовною теплотою, которая отлична от всех других теплот, тогда ум сидит неисходно в сердце и непрестанно к Господу взывает с теплотою, чисто и беспримесно. В сей молитвенной теплоте порождается в сердце любовь к приснопоминаемому Господу Иисусу, а из нее слезы сладостные источаются от вожделениия поминаемого Иисуса. Это – непрестанная молитва, которая едино есть с любовию к Господу.

11) Чтоб сподобиться сего и всего другого, что из сего последует (о чем говорить теперь не время), надо всячески стараться страх Божий иметь пред очами своими, с памятию Иисусовою внутрь сердца, а не как-нибудь вне, дабы оно сим образом удобно отревало не только нечистые и страстные, но и всякие вообще сторонние помышления. Плодом сего будет удостоверение в любви Божией к действующему так.

12) Блаженное состояние! – Но да поостережется сподобившийся сего взыскать явления Бога, чтобы вместо Света Истинного не принять того, кто есть сущая тьма, притворяющаяся светом. Если же иногда ум увидит свет без всякого искания его, пусть не принимает его и не отвергает; но пусть пойдет и спросит у имеющего силу различения таких вещей, и от него узнает истину, и по истине поступит. Это – если найдет настоящего опытного учителя, который знает дело не из Божественного только Писания, но сам испытывал просвещение свыше благодатию Божиею. Если же не найдет такого, то лучше не принимать, но во смирении предать дело Богу, почитая себя недостойным такого видения. Это узнали мы от отцов.

13) При всем другом и паче всего другого надлежит ведать следующее: как желающий выучиться стрелять не без цели или знака натягивает лук, так и возжелавший научиться безмолвию пусть имеет свой знак, – именно, чтоб быть всегда кротку сердцем и никогда ничем не возмущаться до гнева или неудовольствия. В этом легко успеть, если от всех уклоняться и больше молчать. Если же когда случится возмутиться, надо поскорее покаяться, себя укоряя, и положить строже внимать себе потом, чтобы тихо и с чистою совестию, положив начало, опять призывать Господа Иисуса и божественную Его благодать в успокоение души своей. Что и получит. И не только это, но душа его получит успокоение и от всех прежде стужавших ей страстей и бесов и неизреченною возвеселится радостию. Если впрочем они и стужат ей когда, но воздействовать на нее не возмогут; ибо она уже не лежит к ним и никакого не имеет желания их услаждений, так как все ее желание устремлено к Господу, дающему ей благодать. Брани же такой она подвергается по попущению, а не по оставлению. – Для чего? – Для того, чтоб не превознесся ум ее тем, что обрел истинное благо, от которого другие еще далеки, – но имел в сих бранях всегдашнее побуждение к смирению, им не только побеждая гордых супостатов, но и больших даров сподобляясь. – Коих да сподобимся и мы все от Христа, ради нас столько Себя смирившего, и всем смиренным богатую благодать подающего.

О внимании и молитве
Собрано из святых отцов[28]

1) Все рачение подвижника должно быть обращено на то, чтоб высшая часть души не была унижена восстанием низших сластолюбивых похотений. Ибо как бы душа свободным оком могла воззреть на сродный ей мысленный свет, прилепившись к низшим сластям плоти? Почему прежде всего надлежит подвижнически держать воздержание, – сие безопасное хранилище целомудрия, и владычественному уму не позволять вращаться в нечистых помыслах. Необходимо также иметь попечение о внутреннем человеке, чтобы ум пребывал непарительным и был прилеплен к славе Божией, как последней цели, если хотим избежать суда Господа, рекшего: *горе вам, яко подобитеся гробом повапленым, иже внеуду убо являются красны, внутрьуду же полни суть костей мертвых и всякия нечистоты. Тако и вы, внеуду являетеся человеком праведни, внутрьуду же есте полни лицемерия и беззакония* (Мф. 23, 27–28). Сего ради подвиг потребен великий, и притом законный, в сердце, в слове и в делах, да не вотще будет принята нами Божия благодать.

2) Как воск принимает образ формы, в которую вливается, или печати, какою печатается; так и мы своего внутреннего человека да образуем учением Господа нашего Иисуса Христа, делом исполняя сказанное Павлом: *совлекшеся ветхаго человека с деяньми его, – да облечемся в новаго, обновляемого в разум по образу создавшаго его* (Кол. 3, 9). Ветхим же человеком называет он все в частности грехи и осквернения. Будем, говорит, так образовывать своего внутреннего человека в обновлении жизни (Рим. 6, 4) до самой смерти, чтоб сделаться достойными истинно сказать: *живу не ктому аз, но живет во мне Христос* (Гал. 2, 20). Многое потому потребно рачение и неусыпное попечение, как бы, действуя противно сей заповеди, не лишиться нам такого и толикого плода и не подпасть страшным угрозам за то. Когда же диавол покусится наветовать, и начнет с чрезмерною силою, как какие стрелы разжженные, пускать помыслы свои в безмолвствующую и мирствующую душу и внезапно воспламенит ее, делая надолго остающимся и трудно изгладимым воспоминание о том, что им однажды ввергнуто: тогда должно с сильнейшим трезвением и напряжением противостать таким нападениям, пока не изгладятся совсем, подобно атлету какому, с тщательным вниманием и быстрыми движениями тела отражающему нападки противника. Первенство однако ж в сем деле надо отдавать молитве и призыванию спобрания себе свыше в пресечении брани и отвращении стрел. Сему св. Павел научает нас, говоря: *над всеми же сими восприимите щит веры…. всякою молитвою молящеся* (Еф. 6, 16–18).

3) Когда душа, ослабив собранность и напряжение мысли, начнет вносить в себя какие-либо воспоминания о каких-либо предметах, тогда помысл, необученный и неискусившийся, устремляясь к воспоминаемым предметам и ими одними занимаясь, одну прелесть заменяет другою долгим рядом и, наконец, низвергается в срамные и непотребные помышления. Такую небрежность и распущенность души должно поспешнее исправлять, возводя ум к тщательнейшему и напряженнейшему вниманию и понуждая его тотчас заняться добрыми предметами. Ибо настоящий философ, или истинно мудрый человек, имея тело как бы кабинетом души и безопасным местом убежища, на рынке ли бывает или на праздничном торжестве, на горе или на поле, или среди толпы людской, сидит себе в своем естественном монастыре, собирая ум внутрь и любомудрствуя о подобающем ему. Возможно и в келлии сидящему помыслами блуждать вне, и по рынку ходящему быть трезвенну, как в пустыне, в

[28] Кто потрудился, не сказано. И здесь излагаемые мысли сходны с Каллистом и Игнатием.

себя вовращаясь и Богу Единому внимая, не принимая впечатлений, толпою падающих на душу чрез чувства от чувственных вещей.

4) Приступающему к Телу и Крови Христовым в воспоминание Его, за нас умершего и воскресшего, надлежит не только чисту быть от всякой скверны плоти и духа, да не в суд себе яст и пиет, но и действенно показывать, что им исполнена воля за нас умершего и воскресшего в том, что он не только чист от греха, но и умер греху, и миру, и себе, а живет только Единому Богу.

5) Из порочных помыслов иные никогда не входят в душу нашу, если мы крепким ограждением оградим себя. Иные рождаются внутри, когда разленимся, и растут, но как только сознаются, скоро глохнут и исчезают. Иные рождаются, растут, входят в худые дела, и все здравие души нашей расстроивают, когда мы бываем в большом разленении и вознерадении. Блаженно никогда не принимать худых помыслов. Второе после него то, чтоб, когда войдут помыслы, изгонять их скорее и не попускать им долее замедлять в нас, чтоб они не осквернили пажити души нашей и не сделали ее непотребною. Но если и до этого прострем свое нерадение, есть (по человеколюбию Божию, – да не отчаивается нерадивый) и в таком случае утешение, и много врачевств благостынею оною неизреченною уготовано против таких ран.

6) Прошу же тебя, пока ты в теле, не давай воли своему сердцу. Ибо как земледелец не может верить никакому плоду, появляющемуся на его поле; ибо не знает, что с ним случится, прежде чем запрет его в житнице своей: так и человек не может давать волю своему сердцу, пока есть дыхание в ноздрях его, потому что не знает, какая страсть встретит его от этого и управится ли он с нею. Тем паче не должен допускать сего монах до последнего своего издыхания, но надлежит ему всегда взывать к Богу о милости и бороться, если желает получить Царствие Небесное.

7) Лукавый, зная наверное, что непарительно молящийся Богу очень многое может сделать, спешит всякими способами, и благословными и неблагословными, развлечь его ум. Но мы, зная это, вооружимся всячески против врага нашего и, когда стоим на молитве и колена преклоняем, никакому отнюдь помыслу не дадим войти в сердце наше, ни белому, ни черному, ни десному, ни шуему, ни писанному, ни неписанному, кроме умаливания Бога и с неба сходящего в ум просвещения и облистания.

8) Великий подвиг и много времени требуется пребыть в молитвах, чтоб обрести невозмутимое устроение ума – сие второе некое внутрь сердечное небо, где обитает Христос, как говорит Апостол: *или не знаете себе, яко Иисус Христос в вас есть* (2 Кор. 13, 5). Если кто желает увидеть в сем состоянии ум свой, да блюдет себя от всех помышлений, и тогда ум его узрит себя сапфиру небесному подобным. Ум не узрит места Божия в себе, если не станет выше всех помышлений о вещах, но он не станет выше их, если не совлечется страстей, связующих его с чувственными вещами чрез помышления. Страсти изгонит он добродетелями, голые же (бесстрастные) о вещах помыслы – духовным созерцанием; а это воспримет, когда появится на свет.

Блаженнейший Симеон, архиепископ Солунский

Блаженнейшего Симеона, архиепископа Солунского, О священной молитве[29]

1) О молитве, братие, многое нам и великой важности слово, и, по истине сказать, она есть от Бога преподанное нам дело, глава всякого другого. Есть же молитва то, чтоб с Богом быть, всегда сосущим Богу быть, иметь, как говорит Давид, душу, прилепленную к Нему и нерасторжимую с Ним и ум неотторжимым от Него. *Прильпе душа моя по Тебе,* говорит он (Пс. 62, 9); еще: *возжада Тебе душа моя* (Пс. 62, 2); еще: *имже образом желает елень на источники водныя: сице желает душа моя к Тебе, Боже* (Пс. 41, 2); еще: *возлюблю Тя, Господи, крепосте моя: Господь утверждение мое и прибежище мое* (Пс. 17, 2); еще: *душа моя в руку Твоею выну* (Пс. 118, 109), вместо: с Тобою выну. Сего ради и *благословлю Господа,* говорит, *на всякое время, выну хвала Его во устех моих* (Пс.33, 2). И с Ангелами себя сущим представляет пророк, когда молится, соединяясь с ними в сем добром деле изъявления любви своей к Богу и вожделению Его. *Хвалите,* говорит, *Господа с небес; хвалите Его в вышних. Хвалите Его, вси Ангели Его: хвалите Его, вся силы Его* (Пс. 148, 102). Не в том смысле говорит он так, чтоб Ангелы не хвалили, и он приглашает их к тому, но как бы хваля их, что они имеют это собственным и непресекаемым своим делом по любви к Богу, и себя к ним присоединяя, потому что молитва к Богу и богохваление должны быть делом всякой разумной твари немолчным и непрестающим. К сему же добрый и ангельский песнопевец Давид и всю вселенную пламенит, предуказывая, полагаю, явление на земле Спасителя, познание через Него Пресвятой Троицы всеми народами и непрестанное ими Ее славословие, говоря: *хвалите Господа, вси языцы: похвалите Его вси людие* (Пс. 116, 1).

А что Ангелами немолчная возглашается хвала Богу, сему учит и Исаия, видевший славу Божию и Ангелов, непрестанно певших Трисвятую песнь; и Изекииль равным образом. Такая песнь есть дело первейших чинов, Серафимов и Херувимов, из коих первые называются огненными за сильную их любовь и пламенные песни, как означает сие и имя их – Серафим; а вторые называются излиянием, по причине широты или расширения ими ведения и Богохваления, как показывает и слово Херувим. Они называются еще многоочитыми по причине обилия, тонкости и проницательности их созерцания и славословия, и их непрерывности. Почему и между нами огненными называются мужи преподобные, горевшие любовию и ревностию и сердечною молитвою, по реченному: *согреяся сердце мое во мне, и в поучении моем возгорится огнь* (Пс. 38, 4); еще: *не сердце ли наше горя бе в нас* (Лк. 24, 32) еще: *духом горяще, Господеви работающе, в молитве пребывающе* (Рим. 12, 11, 12). Многие у нас были и такие, кои имели преизливающееся обилие Боговедения, и как вода многая изливались в божественном вожделении, как говорится: *излияся благодать во устнах твоих* (Пс. 44, 3); еще: *разширил еси сердце мое* (Пс. 118, 32). И такие есть между нами, коих можно назвать очитыми, яко зрящих Бога, как написано: *очи мои выну ко Господу* (Пс. 24, 15); еще: *предзрех Господа предо мною выну, яко одесную мене есть* (Пс. 15, 8), – кои и как чистые сердцем зрят Господа (Мф. 5, 8). И третьему чину Ангелов – Престолам – между нами некоторые подражают. Это те, в которых Бог упокоевается; ибо упокоение есть седалище и престол. Как на сих упокоеваются сидящие, так Бог упокоевается в них, чтущих Его помышлениями, песнями, словами и делами, так как *покой Его честь* (Ис. 11, 10). Почему

[29] Patrologiae Graecae, t. 155, стр. 535–548. Главы 293–297.

и Бог, благоугождаясь ими, говорит о них: *вселюся в них и похожду* (2 Кор. 6, 16); еще: кто таков, к тому говорит: *Аз и Отец приидем и обитель у него сотворим* (Ин. 14, 23); еще, утверждая, что сие так бывало, Апостол говорит: *или не знаете, яко Иисус Христос в вас есть, разве точию чим неискусни есте* (2 Кор. 13, 5). – Сие-то самое – иметь Христа, носить Его в сердце и уме, непрестанно о Нем помнить и помышлять, и гореть к Нему любовию, как Серафимы, зреть Его всегда, как Херувимы, и в сердце Его упокоевающимся – есть дело молитвы. Почему для рабов Христовых преимущественным пред всеми другими делом есть и должна быть молитва; все другие служения стоят на второй степени.

Прочие Ангелы, как посылаемые во спасение наше и возвещающие нам веления Божии, хотя деятельно служат, пособствуя хотящим наследовать спасение; но и они все непрестанным делом имеют молитву. Почему, когда являются нам, устрояя потребное ко спасению нашему, не без Богохваления и молитвы являются, а и нас научают и исповеданию Бога и Богохвалению. Так, Исаия слышал их поющих славу Богу, и Иезекииль, и Даниил; пастыри в час рождения Господа видели множество вой небесных, хвалящих Бога и глаголющих: *слава в вышних Богу* (Лк. 2, 14); Иоанн в Апокалипсисе тоже слышал многих их поющими; а тот Ангел, который открывал Апокалипсические таинства, когда Иоанн поклонился ему, сказал: *виждь, ни; клеврет ти есмь, и братий твоих имущих свидетельство Иисусово: Богу поклонися* (Откр. 19, 10). Видишь, какую они все Богу честь воздают и при служении Ему главнейшим делом имеют всегда воспевать славу Ему. Почему и нам св. Павел, Серафимский благовестник, до третьего восходивший неба, говорит: *непрестанно молитеся* (1 Фес. 5, 14). Сам же он этому научен от Владыки всяческих, Который учит: *бдите убо на всяко время молящеся* (Лк. 21, 36); еще: *бдите, яко не весте дне ни часа, в онь же Сын Человеческий приидет* (Мф. 25, 13) и еще: *бдите и молитеся, да не внидете в напасть* (Мф. 26, 41); также: *да будут чресла ваши препоясана и светильницы горящии: и вы подобии человеком, чающим Господина своего, когда возвратится от брака, да пришедшу ему и толкнувшу, абие отверзут ему* (Лк. 12, 35, 36). Сими словами Он научает нас внутренней молитве, вниманию ума и молитве непрестанной. Потом наводит: *блажен раб той, егоже пришед Господь его обрящет творяща тако* (Лк. 12, 43); и прибавляет слово о дарах за такое бдение и молитвы, – что *над всем имением своим поставит его* (ст. 44), сделает его и других подобных богами, царями небесными, светлейшими солнца. Видишь, какие дары от Бога уготовляются тем, кои бдят и молятся! Их да сподобимся и мы, всегда бодрствуя и непрестанно молясь, как научены.

2) Есть много молитв, но превосходнее всех та, которую дал нам Сам Спаситель (Отче наш…), как пишется в Евангелии, яко объемлющая вкратце всю Евангельскую истину, – а после нее спасительное призывание Господа нашего Иисуса Христа, Сына Божия (Иисусова молитва), в научении нас которому потрудились многие преподобные отцы наши, и между ними златословесный отец наш, в трех словах изложивший учение о сей божественной молитве; затем богоносный Лествичник, Диадох святой, епископ Фотики, Симеон Новый Богослов, аскет Никифор и другие многие. Они говорили о ней достойно жившего в них Духа Божия, так как и молитва сия в Духе Святом изрекается, как говорит св. Павел: *никтоже может рещи Господа Иисуса, точию Духом Святым* (2 Кор. 12, 3). И тот, кто изрекает ее, от Бога есть, как говорит св. Иоанн: *всяк дух, иже исповедует Иисуса Христа во плоти пришедша, от Бога есть* (1 Ин. 4, 2). Наилучше же в наши дни сие написали о ней Духом водимые, богоглаголивые, богоносные, христоносные и божественные воистинну святые отцы наши: Каллист, бывший патриарх царствующего града, нового Рима, и сотрудник и сподвижник его преподобный Игнатий, в ста главах изложив полное о ней учение, духовное, высокое и богомудрое.

3) Сия божественная молитва, состоящая в призывании Спасителя, есть следующая: Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя. Она есть и молитва, и обет, и испове-

дание веры, – Духа Святого и божественных даров подательница, сердца очищение, бесов изгнание, Иисуса Христа вселение, духовных разумений и божественных помыслов источник, грехов отпущение, душ и телес врачевательница, божественного просвещения подательница, милости Божией кладязь, откровения Таин Божиих ходатаица, единая спасительница, яко имя Спасителя нашего Бога в себе носящая, – имя Иисуса Христа Сына Божия, на нас названное. *И несть иного имене под небесем, о немже подобает спастися нам* (Деян. 4, 12), как говорит Апостол. Призывание сие есть и молитва, потому что сим испрашиваем мы милости Божией, – и обет, потому в нем мы себя самих предаем Христу чрез призывание Его, и исповедание, потому что, исповедав так Господа Иисуса, Петр ублажен Им (Мф. 16, 17), – и сердца очищение, потому что Бог зрит и призывает и очищает того, кто таким образом зрит Бога, – бесов изгнание, потому что именем Иисуса Христа бесы были изгоняемы и изгоняются, – и вселение Христа, потому что Христос в нас есть памятованием о Нем и памятованием сим вселяется в нас и исполняет веселия, как говорит св. Давид: *помянух Бога и возвеселихся* (Пс. 76, 4), и духовных разумений и помыслов источник, потому что во Христе *все сокровища премудрости и разума сокровенна* (Кол. 2, 3), и Он подает их тем, в коих вселяется, – и божественного просвещения подательница, потому что *Христос есть истинный свет* (1 Ин. 5, 20), и призывающим Его сообщает просвещение и благодать, – как пророк взывал: *буди светлость Господа Бога нашего на нас* (Пс. 89, 17) и как Господь обетовал: *ходяй по Мне имать свет животный* (Ин. 8, 12), – и милости Божией кладезь, потому что милостив Господь и ущедряет всех призывающих Его (Пс. 85, 5) и *творит скорое отмщение вопиющих к Нему* (Лк. 18, 7, 8), – и откровения смиренным таин Божиих ходатаица, как рыбарю Петру истина о Христе явлена была от Отца Небесного (Мф. 16, 17), и как св. Павел *восхищен был в рай до третьяго неба и слышал неизреченные глаголы* (2 Кор. 12, 4), – и единая спасительница, потому что *несть ни о едином же ином спасения* (Деян. 4, 11), кроме Господа, к Коему взываем, ибо *Сей единый есть Спас мира Христос* (Ин. 4, 42). Почему в последний день, хотя и не хотя, *всяк язык исповесть, яко Господь Иисус Христос в славу Бога Отца* (Флп. 2, 11). Такое исповедание есть знак веры нашей и свидетельство, что мы – от Бога. Ибо *всяк дух, иже исповедует Иисуса Христа, во плоти пришедша, от Бога есть, а не исповедующий сего от Бога несть, а есть антихристов* (1 Ин. 4, 3). Почему всем верующим надлежит имя сие непрестанно исповедовать и для проповедания веры, и для засвидетельствования любви нашей к Господу нашему Иисусу Христу, от которой ничто никогда отнюдь не должно нас разлучать, и ради благодати от имени сего, отпущения грехов, уврачевания души, освящения, просвещения и прежде всего ради спасения. Божественный Евангелист говорит: *сия писана быша, да веруете, яко Иисус есть Христос, Сын Божий.* Се вера! – и *да верующе живот имате во имя Его.* Се спасение и жизнь! (Ин. 20, 31).

4) Сие призывание всякий благочестивый всегда да возглашает, как молитву, и умом своим и языком, и стоя, и ходя, и сидя, и склоняясь на ложе; и говоря что-либо, и делая, – и всегда да понуждает себя к тому, и обретет великий покой и радость, как опытно знают это имеющие о сем заботливое попечение. – Но как это для людей житейских и даже для монахов, когда они находятся в неизбежных хлопотах о житейском, невыполнимо, то хоть определенное время пусть каждый на это отрядит, – только да имеют правилом всегда творить молитву сию все, и освященного чина лица, и монашествующие, и миряне: монашествующие, как к тому уже и призванные и неотложный долг имеющие, хотя в хлопотах бывают по исполнению послушаний, всегда да нудят себя творить сию молитву и призывать Господа непрестанно, хотя с расхищением мыслей и пленениями ума, и по причине сего расхищения да не позволяют себе нерадеть о ней, но всячески да стараются опять возвращаться к ней и радоваться сему возвращению; лица священного сана да радеют о сем деле, как о проповеди, как о священнодействии, как о проявлении любви своей ко Христу Господу; миряне да блюдут сию молитву, как печать и знамение веры своей, как охрану, освящение и отгнание иску-

шений, – Сего ради все: и лица священного сана, и миряне, и монахи, восстав от сна, прежде всего должны воспоминать о Христе и о Нем помыслить, принося Ему сие первомыслие, как жертву, яко Им спасенные, Его имя носящие, в Него облекшиеся во святом крещении, Им запечатленные во святом миропомазании, Его Тела и Крови причащающиеся и через то членами Его делающиеся, и храмом, и живущим Его в себе имеющие. За все сие всякий христианин долг имеет вседушно любить Его, и по любви сей стараться всегда помнить Его; и кроме того иметь определенное время творить молитву Его по силе своей.

«Истолкование молитвы – Господи помилуй!»

Господи Иисусе Христе, помилуй мя! и сокращеннейше: *Господи помилуй!* от апостольских времен даровано христианам, и определено, чтоб они непрестанно возглашали сие, как и возглашают. Впрочем, делая так, весьма немногие ныне знают, что значит: *Господи помилуй!* Потому взывают бесплодно; вопиют: *Господи помилуй!* а милости Господней не получают, потому что не ведают сами, чего ищут.

Сего ради надлежит нам знать: какая это милость Господа Иисуса? – Какая?! – Всякая: все, что нам потребно в настоящем нашем падшем состоянии, в Его деснице есть. Ибо Он, с тех пор как воплотился и соделался человеком, как пострадал такие страсти и излиянием всесвятой крови Своей искупил человека из рук диавола, – с этих пор стал Господом и Властителем человеческого естества особенным некиим образом. Все наше и стало таким образом в Его руках.

Господь и прежде воплощения искони был Господом всех тварей видимых и невидимых, как Создатель их и Творец. По бытию так это и есть и будет, но не по свободной деятельности разумных тварей. Бесы, а за ними и люди не восхотели сами от себя иметь Его Господом и Властителем своим, и отторглись от Него, сущего Владыки всяческих. Ибо Всеблагий Бог, создавши людей и Ангелов самовластными и одарив их разумом, не хощет нарушать сего их самовластия и господствовать над ними насильно, против их воли. Почему, которые из них хотят быть под властию и управлением Божиим, над теми Он господствует и тех защищает, а которые не хотят, тех оставляет творить волю свою как самовластных. Посему и Адама, когда он, прельщенный Богоотступником диаволом, сделался и сам отступником от Бога и не восхотел слушаться заповеди Его, оставил Он произволению его, не желая властительски господствовать над ним. Но завистливый диавол, прельстивший его вначале, не перестал и далее прельщать его, пока не сделал его по неразумию его подобным скотам несмысленным, и он стал жить подобно неразумным животным.

Тогда сжалился над ним многомилостивый Бог, и преклонив небеса, сошел на землю и сделался человеком человека ради, и пречистою кровию Своею искупив его, устроил для него спасительный путь жизни: во святом Евангелии указал, как благоугождать Богу, Божественным крещением возродил и воссоздал его, в Пречистых Тайнах питание небесное учредил ему и кратко сказать, с высочайшею премудростию нашел способ, как Ему быть нераздельно с человеком и человеку с Ним, чтоб диавол не имел более места в человеке. Но и после сего Он все же никого не приневоливает, но оставляет всем на произвол спасаться, как им предлагается, или гибнуть. Так это и идет: одни спасаются, а другие небрегут о спасении; из коих иные совсем не веруют в Евангелие, а иные и веруют, но не живут по-евангельски.

Которые теперь христиане, после стольких даров благодатных, после стольких благодеяний Божиих, опять прельстились диаволом и по действию мира и плоти отдалились от Бога и подпали под иго рабства греху и диаволу, творя волю его, но не совсем еще сделались бесчувственными, чтоб не чувствовать зла, какое пострадали, а понимают ошибку свою и сознают рабство, какому подпали, сил же на то, чтоб избавиться от него, в себе не видят; те прибегают к Богу и вопиют: *Господи помилуй,* чтоб сжалился над ними многомилостивый Господь и помиловал их, чтоб принял их, как блудного сына, и опять даровал им божественную благодать Свою, и ею избавил их от рабства греху, удалил от них бесов, и возвратил им свободу, да сим образом возмогут они прочее жить богоугодно и соблюдать заповеди Божии.

Итак, те христиане, которые с такою целию вопиют: *Господи помилуй!* всеконечно сподобятся милости Божией и получат благодать, чтоб освободиться от рабства греху и спастись. Те же, которые совсем не имеют сказанных помышлений и не сознают бедственности своего положения и своего порабощения воле плоти и мирским обычаям, и даже времени

не имеют подумать о своем рабстве, но без всякой такой цели, просто по одной привычке вопиют: *Господи помилуй!* Эти как могут получить милость Божию? и особенно такую дивную и безмерную милость? Для таких лучше не получать ее, нежели, получив, опять потерять, потому что тут уж будет двойное прегрешение.

Поясняю теперь тебе то же примерами. Представь себе человека бедного и нищего, желающего получить милостыню от кого-либо из богатых. Что говорит он, пришедши к богатому? – Ничего, как помилуй мя! Сжалься над моею бедностию и благоустрой мою жизнь. – Или долг кто имеет на себе и не имеет чем уплатить его; желая же избавиться от тяготы сей, приходит к решению – упросить того, кому должен, простить ему долг. Приходит к нему, и что говорит? – То же только: помилуй мя! сжалься над моею бедностию и прости мне долг, каким я должен тебе. Равным образом, когда кто провинится в чем-либо пред другим и желает получить от него прощение; что делает? Приходит к тому, против кого погрешил, и говорит: помилуй мя! Прости мне, в чем я погрешил пред тобою.

Все такие знают, о чем просят и для чего просят, и получают по прошению соответственно обстоятельствам, и полученное обращают во благо себе. – Поставь теперь с другой стороны грешника, который и беден духовно, и должен пред Богом, и оскорблял Его многократно. Если он вопиет будто к Богу: помилуй мя! А между тем не понимает, что такое говорит и для чего говорит, даже и того не знает, в чем та милость, которую желает получить от Бога, и к чему она ему благопотребна, а просто по привычке взывает: Господи помилуй! – как Бог подаст ему милость, когда тот не может даже узнать, что получил, потому внимания на то не обратит и злоупотребит тем, или сгубит то, и тем паче еще прежнего сделается грешником?

Милость Божия не другое что есть, как благодать Святого Духа, которую должны испрашивать у Бога мы грешные, непрестанно вопия к Нему: Помилуй мя! Яви милость Свою, Господи мой, ко мне грешному, в жалком состоянии, в каком я нахожусь, и приими меня опять во благодать Твою: дай мне духа силы, чтоб он укрепил меня в противостоянии искушениям диавола и худым навыкам моим греховным; дай мне дух совета, чтоб я уцеломудрился, пришел в чувство и исправился; дай мне дух страха, чтоб я боялся Тебя оскорблять и исполнял заповеди Твои; дай мне дух любви, чтоб я любил Тебя и не удалялся более от близ Тебя; дай мне дух мира, да соблюду мирною душу мою, соберу все помышления мои и пребуду безмолвен и немучим мыслями; дай мне дух чистоты, да хранит он меня чистым от всякого осквернения; дай мне дух кротости, да буду тихонравен в обращении с братиями моими христианами и воздержан от гнева; дай мне дух смирения, да не помышляю о себе высокое и да не буду горд.

Кто знает и чувствует, сколь потребно все сказанное, и, прося того у многомилостивого Бога, взывает: Господи помилуй! тот наверное получит то, о чем просит, и сподобится милости Божией и благодати Его. Но кто не знает ничего из того, что мы сказали, и только по привычке взывает: Господи помилуй! тому нет возможности получить когда-либо милость от Бога. Ибо и прежде он уже получил много милостей от Бога, но не познал того и не возблагодарил Бога, даровавшего ему их. Получил он милость Божию, когда создан был и стал человеком; получил милость, когда воссоздан был в крещении и стал православным христианином; получил милость, когда избавился от стольких бед, душевных и телесных, испытанных им в жизни; получал милость Божию всякий раз, как сподоблялся причащаться Пречистых Таин; получал милость Божию всякий раз, как согрешал пред Богом и огорчал Его грехами своими, а не был погублен и не наказан, как подобало; получал милость Божию, когда многообразно благодетельствован был от Бога, но или не сознавал того, или забывал. Такому христианину как еще получить милость от Бога, когда он не знает и не чувствует, что получил столько милостей от Него? – И теперь если и взывает: Господи помилуй, то не знает, что говорит, и произносит слова сии без всякой мысли и цели, по одному лишь обычаю.

Симеона Нового Богослова О вере, и к тем, которые говорят, что живущему в мире невозможно достигнуть совершенства в добродетелях. в начале слова – многополезная повесть[30]

Доброе дело проповедать пред всеми милость Божию и возвещать братиям своим великое Его благоутробие и неизреченную благодать, какую имеет Он к нам. – Знаю я человека, который ни долгих и великих постов не держал, ни бдений не совершал, ни на голой земле не спал, ни других подобных особенно тяжелых подвигов на себя не налагал, но приведши на память грехи свои, познал свое окаянство и, осудив себя, смирился, – и многоблагоутробный Господь за это одно спас его, как говорит божественный Давид: *смирихся и спасе мя* (114,5). Короче сказать: поверил он словесам Бога, и за эту веру Господь приял его. Стяжать смирение много есть препятствий, преграждающих путь к нему; но уверовать словесам Бога нет никакого препятствия, которое ставило бы преграду к тому. Как только захотим от всей души нашей, тотчас и уверуем. Ибо вера есть дар Всеблагого Бога, который (дар) дал Он нам иметь естественно (вложил в естество), употребление его подчинив самовластию произволения нашего. Почему и скифы и варвары естественно имеют веру и верят словам один другого. Но чтобы показать вам на опыте действие вседушной веры, послушайте, я расскажу вам в подтверждение сказанного некую повесть.

Жил в Константинополе некто по имени Георгий, юноша возрастом, лет двадцати. Это – в наши дни, на нашей памяти. Он был красив лицом, и в его походке, в манере держать себя и в приемах обращения было нечто показливое: так что по сей причине делали о нем разные недобрые предположения те, которые смотрят на одну внешность, и не зная, что скрыто внутри каждого, судят о других ошибочно. Он познакомился с некиим монахом, жившим в одном из константинопольских монастырей, человеком святым, и, открывая ему сокровенности сердца своего, сказал и то, что сильно жаждет спасения души своей. Честный старец, поучив его, как следовало, и дав ему небольшое правило к исполнению, дал еще и книжицу св. Марка-подвижника, где он пишет о духовном законе. Юноша принял эту книжицу с такой любовию и с таким благоговением, как бы она была послана ему от Самого Бога, и сильную возымел к ней веру, надеясь получить от нее великую пользу и великий плод. Почему читал ее с великим усердием и вниманием и, прочитав всю, великую получил пользу от всех глав ее. Но из всех глав три наипаче запечатлелись в сердце его; первая: «Ища врачевания, пекись о совести (внимай ей); и что она говорит тебе, делай то, и получишь пользу» (глав. 69). Вторая: «Ищущий (чающий получить) действенности Святого Духа прежде делания заповедей, подобен купленному за деньги рабу, который в то же время, как его только что купили, ищет, чтоб вместе с уплатою за него денег подписали ему и свободу» (гл. 64 о хотящ. оправ. от дел). Третья: «Молящийся телесно и не имеющий еще духовного разума подобен слепцу, который взывал: *Сыне Давидов, помилуй мя* (Мк. 10, 48). Другой же некто прежде слепой, когда прозрел и увидел Господа, уже не называл Его сыном Давидовым, но исповедал Его Сыном Божиим (Ин. 9, 35, 38)» (гл. 13, 14 о дух. зак.). Эти три главы очень ему понравились, и он поверовал, что через внимание к своей совести, как внушает первая глава, он получит уврачевание (немощей душевных); чрез исполнение заповедей достигнет действенности Святого

[30] Из собрания слов его слово 56. – Помещаются здесь сие и следующее слово, потому что тут они стоят в греч. Добротолюбии.

Духа, как учит вторая глава, и благодатию Святого Духа прозрит умно и узрит неизреченную красоту Господа, как обещает третья глава. – И уязвился он любовию к красоте сей, и хотя еще не видел ее, сильно возжелал ее и усердно взыскал, в надежде узреть ее наконец.

При всем том однако ж он ничего особенного не делал (как уверял меня с клятвою), кроме того, что каждый вечер неопустительно исправлял то небольшое правило, которое дал ему старец; и не иначе, как исправив уже его, ложился в постель и засыпал. Но со временем совесть начала ему говорить: положи и еще несколько поклонов, прочитай сколько-нибудь других псалмов, проговори, сколько можешь, большее число раз и: Господи Иисусе Христе, помилуй мя! Он охотно слушался своей совести, и что она внушала ему, делал без размышления все так, как бы то повелевал ему Сам Бог, и ни разу не ложился он спать так, чтобы совесть обличала его, говоря: для чего не сделал ты того и того? Так всегда он слушался совести своей, никогда не оставлял без исполнения того, что сделать она внушала ему. А она каждый день все больше и больше прилагала к обычному его правилу, и в немногие дни вечернее его молитвословие возросло в великое последование. Днем он находился в палатах одного патрикия, и на нем лежало попечение о всем потребном для людей, живших там. Вечером же каждый день он уходил оттуда, и никто не знал, что делал он у себя. Он же и слезы проливал из очей своих обильные, и коленопреклонений делал многое множество, падая лицом на землю; когда стоял на молитве, ноги держал вместе тесно одну к другой, и стоял неподвижно; и к Пресвятой Богородице читал молитвы с болезнию сердечною, воздыханиями и слезами; ко Христу же Господу обращаясь, падал к пречистым ногам Его, как бы Он телесно присущ был ему, и умолял Его умилосердиться над ним, как некогда над слепым, и даровать прозрение душевным очам его. Поелику каждый вечер увеличивалась молитва его, то он наконец простаивал, молясь, до самой полночи; и однако ж во все время молитвы ни разленения себе не дозволял, ни до нерадения себя не допускал, ни членов тела своего не распускал, ни очей не обращал по сторонам или вверх, чтоб взглянуть на что, но так стоял неподвижно, как столп какой или как бестелесный.

Однажды, как он стоял таким образом на молитве и говорил умом паче, нежели устами: «Боже, милостив буди мне грешному», – внезапно низошло на него свыше божественное осияние пресветлое и исполнило все то место. Тогда забыл уже юноша сей, что находится в комнате и под кровлею, потому что во все стороны виделся ему один свет, не знал даже, попирает ли он землю ногами своими; ни о чем мирском не имел уже он попечения и не приходило тогда на мысль ему ничто из того, что обыкновенно бывает на уме у тех, кои носят плоть человеческую; но был весь сраствoрен с невещественным оным светом, и ему казалось, что и сам он стал светом; забыл он тогда весь мир и исполнился слез и радости неизреченной. Потом ум его востек на небеса, и он увидел там другой свет, более светлый, чем тот, который был окрест его. И показалось ему, к изумлению его, что вскрай света того стоит помянутый выше святой оный и равноангельный старец, который дал ему небольшую ту заповедь о молитве и книжицу св. Марка-подвижника. – Услышав это от юноши, я подумал, что ему много содействовала молитва старца, и что Бог устроил такое видение, чтоб показать юноше, на какой высоте добродетели стоял старец оный. Когда прошло видение то и юноша пришел в себя, то нашел себя (как говорил после) всего исполненным радости и изумления и плакал от всего сердца, которое со слезами было исполняемо и сладостию великою. Наконец лег он в постель; но тотчас запел петух и показал, что была уже полночь. Немного спустя заблаговестили в церкви и к утрени; и юноша встал, чтоб прочитать по обычаю своему последование утрени. Так он совсем не спал в ту ночь; сон и на ум ему не приходил.

Случилось это как, ведает Господь, Который и соделал сие ими же весть судьбами. Юноша же тот ничего особенного не делал, кроме того, что с крепкою верою и несомненною надеждою всегда верно исполнял слышанное им от старца правило и вычитанное в книжице

наставление. И никто не говори, что он делал это для испытания. Это и на ум ему не приходило. Кто испытывает, тот не имеет твердой веры; но юноша тот, отложив всякий страстный и самоугодливый помысл, так много заботился о верном исполнении того, что внушала ему совесть, что никакого уже сочувствия не имел к вещам мира сего, даже пищи и пития не вкушал в сладость или вдоволь.

Слышали, братия мои, что может сделать вера в Бога, свидетельствуемая добрыми делами? Поняли, что ни юность нисколько не вредит, ни старость не пользует, когда нет разума и страха Божия? Познали, что ни мир и житейские дела не мешают исполнять Заповеди Божии, когда имеется ревность и внимание? Ни безмолвие и удаление от мира не пользует, когда властвуют леность и нерадение? Все мы, слыша о Давиде и удивляясь ему, говорим: один был Давид и другого такого не было, но вот смотрите, в юноше этом проявилось нечто больше, чем в Давиде. Давид приял свидетельство от Бога, помазан в царя и пророка, получил Духа Святого и многия имел о Боге удостоверения. Почему, когда согрешил и потерял благодать Святого Духа и дар пророческий, и отчужден был от обычного собеседования с Богом, что дивного, если, вспомнив о благодати, от коей испал, опять взыскал он от Бога потерянные блага? Но этот юноша ничего такого не имел, а был связан мирскими делами, заботился только о временном, а о чем-либо высшем земли и подумать не имел времени, – и однако ж – дивны судьбы Господни! – лишь только услышал малое нечто от оного святого старца и вычитал три те главы у аввы Марка, тотчас несомненно поверил слышанному и написанному и с непоколебимою надеждою ввел то в дело, и с небольшим тем деланием, которое совершал вследствие того, сподобился возвысить ум свой до небес, подвиг на милость Матерь Господа; Ее молитвами умилостивил Бога и привлек на себя благодать Святого Духа, которая с такою силою осенила его, что он сподобился увидеть свет, который видеть многие желают, но немногие сподобляются. Этот юноша ни постов долгих не держал, ни на земле не спал, ни власяницы не носил, ни из мира не выходил телесно, а только духовно – душевным настроением, – и с небольшим бдением, которое совершал, явился высшим дивного оного Лота, бывшего в Содоме, или, лучше сказать, явился Ангелом в теле человеческом, человеком по видимости и ангелом по умному строю. За что и сподобился увидеть сладчайший оный свет мысленного Солнца Правды, Господа нашего Иисуса Христа, каковой свет удостоверил его, что он имел восприять и будущий свет. И праведно: ибо любовь и сердечное его к Богу прилепление сделали его исступленным, отторгли дух его от мира сего, и от собственного естества, и от всех вещей, и сделали его всего светом от Святого Духа, при всем том, что он и жил среди города, и правил целым домом, и пекся о рабах и свободных, и делал все, что потребно для настоящей жизни.

Довольно этого в похвалу юноше и для того, чтобы подвигнуть и вас прийти в такую же любовь, подражая ему; или желаете, чтоб я сказал вам и другое что большее, чего, может быть, и слух ваш приять не сможет? Впрочем, что может быть больше и совершеннее страха Божия? Конечно, ничего нет. Св. Григорий Богослов сказал: «начало премудрости – страх Господень. Ибо где страх, там заповедей соблюдение; где заповедей соблюдение, там очищение плоти, – этого облака, облегающего душу и не дающего ей чисто видеть божественный свет; где очищение, там осияние, а осияние есть исполнение желания божественного». Говоря так, он показал, что освещение Духом есть нескончаемый конец всякой добродетели, и кто достигнет такого освещения Духом, тот покончил со всем чувственным и начал пребывать сознанием в одном духовном. Это, братия мои, суть дивности Божии. И Бог для того изводит в явь сокровенных рабов Своих, чтоб подражали им добротолюбивые и благие, а злонравные остались безответными. Ибо и те, которые вращаются в многолюдстве и проводят жизнь в треволнениях мира, если ведут себя как должно, обретают спасение и сподобляются от Бога великих благ ради веры, которую показывают к Нему, чтоб в день суда ничего не имели сказать в оправдание свое те, которые не обретают спасения по причине лености

своей и нерадения. Так истинен Тот, Кто обетовал даровать спасение ради веры в Него! Итак, братия мои возлюбленные, попечальтесь о себе самих и о мне, любящем вас и многократно проливающем слезы о вас. Ибо благоутробный и милостивый Бог повелел и нам быть благоутробными и милостивыми и печалиться как о себе самих, так и друг о друге. Веруйте от всей души в Господа, ненавидьте мир сей, как подобает, и не пекитесь о временных и неверных благах его, но приступите к Богу и прилепитесь к Нему. Ибо пройдет еще немного времени, и настанет конец мира сего и настоящей жизни; и горе тем, которые испадут от Царствия Божия. Меня душат слезы, и я плачу и скорблю от всего сердца, когда помышляю, что, – имея такого великодаровитого и человеколюбивого Владыку, Который за одну искренно являемую к Нему веру дарует нам столь великие и дивные блага, и ум, и слух, и чаяния превосходящие, – мы не подумавши, подобно бессловесным животным, предпочитаем всему тому землю и земное, которое, по благоутробию Божию, даровано нам на потребу тела нашего, чтоб, между тем как оно было бы тем питаемо умеренно, душа беспрепятственно совершала течение свое к премирному, будучи и сама питаема умною пищею, исходящею от благодати Св. Духа по мере очищения ее и обновления. Ибо для того мы, люди, созданы от Бога разумными, чтоб прославляли Его, благодарили и любили за невеликие блага, дарованные Им для настоящей жизни, и таким образом сподоблялись получить в будущей жизни блага великие и вечные. Но горе нам, что, не имея совершенно никакого попечения о будущем, мы пребываем неблагодарными Богу и за настоящее, уподобляясь демонам или, лучше сказать, являясь хуже них. За это справедливо большему, чем они, должны мы подлежать мучению. Ибо мы больше облагодетельствованы, чем они: соделались христианами, получили столько духовных даров, веруем в Бога, Который соделался ради нас человеком и претерпел такие страдания и крестную смерть, чтоб избавить нас от заблуждения прелести и греха. Но что скажу на все это? Увы нам! На словах только веруем мы в Бога, а делами отвергаемся Его. Не во всяком ли месте именуется Христос, – в городах, селах, киновиях и горах? Не всюду ли находятся христиане? Но разыщи, если это кажется тебе благословным, и расследуй до точности, исполняют ли они заповеди Христовы, и поистине среди стольких тысяч и мириад с нуждою найдешь одного, который и делом и словом есть христианин. Не сказал ли Христос и Бог наш: *веруяй в Мя, дела, яже Аз творю, и той сотворит, и больша сих сотворит?* (Ин. 14, 12). Но кто из нас дерзнет сказать: я творю дела Христа и верую право во Христа? Но видите ли посему, братия мои, как в день суда мы имеем оказаться неверными и быть преданы горшим мукам, чем те, кои совсем не знали Христа, т. е. неверные? Одно из двух необходимо: или нам быть наказанными больше неверных, или Христу оказаться неверным слову Своему, – что невозможно.

Написал я это не для того, чтоб помешать кому удалиться от мира, и не потому, чтоб предпочитал безмолвию жизнь среди мира, но чтоб удостоверить всех, которые будут читать настоящее сказание, что желающий творить добро получает от Бога силу творить оное во всяком месте: и среди мира, и в безмолвии. Напротив, предмет сего сказания таков, что еще более должен подвигать к отшельничеству. Ибо если тот, кто вращался среди мира и не думал никогда ни об отречении от мира, ни о нестяжательности, ни о послушании, такую милость получил от Бога за то одно, что от всей души поверил и признал Бога; то какие блага получить подобает надеяться тем, которые, оставляя весь мир и всех людей, предают и самую жизнь свою на смерть за Заповедь Божию, как Он повелел? Впрочем, кто начнет творить добрые дела с верою несомненною и с усердием великим и чувствовать пользу, от сего бывающую, тот сам собою познает, что забота мирская, пребывание и вращение среди мира служат великим препятствием для тех, которые желают жить по Богу. Бывшее с юношею тем, как мы сказали, есть нечто дивное и необычайное; и мы не слыхали, чтоб подобный добрый случай был с другим кем. Но если и был с немногими какими или будет после, да ведают они, что если не удалятся от мира, то скоро очень потеряют полученное благо.

О том юноше после я узнал от него же самого еще и следующее. Я встретил его, когда уж он стал монахом и провел в монашеской жизни года три или четыре. Было ему тогда тридцать два года. Я знал его очень хорошо: мы от юности были друзьями и воспитывались вместе. Так он и рассказал мне следующее: «после оного дивного видения и изменения, бывшего во мне, немного прошло дней, как со мною случились многие искушения мирские, по причине которых, во время совершения мною тех сокровенных по Богу деланий, я увидел в себе, что мало-помалу лишаюсь блага оного, и сильное возымел желание удалиться от мира и в уединении искать Христа, мне явльшегося. Ибо верую, брате, что для того Он и благоволил явиться мне, чтоб взять к Себе и меня недостойного, отделив от всего мира. Но как я не мог этого исполнить тогда же, то мало-помалу забыл все, что пересказывал тебе прежде, и впал в совершенное омрачение и нечувствие, так что не помнил уже ничего из того, что сказывал тебе, ни малого ни большого, до самомалейшего движения мысли или чувства. Затем впал я в большие зла, чем прежде, и пришел в такое состояние, как бы никогда не слыхал слов Христовых и не понимал их; но и на святого оного, который так милостив был ко мне, и дал мне малую заповедь и книжицу Марка, смотрел я как на одного из случайных людей, нисколько не помышляя о том, что видел относительно его. – Это я сказываю тебе подробно, говорил он далее, для того, чтоб ты знал, в какую глубину пагубы ниспал я, окаянный, по нерадению своему и подивился неизреченной благости Божией, явленной на мне потом. Не умею тебе сказать, как без моего ведома остались в бедном сердце моем любовь и вера к оному святому старцу, но думаю, что ради них после столького времени человеколюбивый Бог по молитвам его умилосердился надо мною и опять чрез него же исхитил меня из прелести и исторг из глубины зол. Я, недостойный, не совсем отдалялся от этого старца, но когда бывал в городе, часто заходил к нему в келью и исповедовал ему бывающее со мной, хотя не исполнял заповедей его, бессовестный. Теперь же, как видишь, милосердный Бог презрел многое множество грехов моих и устроил мне сделаться монахом от того самого старца и сподобил всегда пребывать с ним вместе мне, поистине недостойному. После чего с великим трудом и с обильными слезами, при решительном отчуждении и отделении от мира, совершенном послушании и отсечении своей воли, многих других делах и приемах строгого самоумерщвления и неудержимом стремлении ко всему доброму, удостоился я опять увидеть, хотя некоторым образом примрачно, малый луч сладчайшегооного и божественного света. Но такого видения, как то, которое видел тогда, даже доселе не сподобился еще я увидеть опять».

Это и многое другое говорил он мне со слезами. Я же, бедный, слушая такие святые слова его, подумал, что он весь был исполнен божественной благодати и был премудр, при всем том, что не был научен внешней мудрости. Получая ведение от делания и опыта, стяжал он тончайшее познание духовных вещей. Почему я просил его сказать мне, что это за вера, которая может производить такие дивные явления, и преподать мне то письменно, с приемом учительским. Он тотчас начал говорить мне о том, и что говорил, то и писать не поленился. Что именно, то, чтоб не удлиннить без меры теперешнего моего слова, я напишу в других словах, в обрадование и услаждение тех, которые любят читать такого рода писания с верою.

Итак, прошу вас, братия мои, потечем с усердием и себе путем заповедей Христовых, – и лица наши не постыдятся. Но как тому, кто толчет с терпением, Господь отверзает двери Царствия Своего по обетованию Своему, и тому, кто ищет, дает Духа Всесвятого, и невозможно тому, кто ищет от всей души, не найти Его и не обогатиться дарами Его: так и вы несомненно получите дивные блага от Него, какие уготовал Он любящим Его, – здесь отчасти, как укажет мудрость духовная, а в будущем веке всецело, со всеми от века святыми, во Христе Иисусе, Господе нашем, коему слава во веки веков. Аминь.

О трех образах внимания и молитвы. 2) о первом образе. 3) о втором. 4) о третьем[31]

1) Есть три образа внимания и молитвы, коими душа возвышается и преуспевает, или низвергается и гибнет. Кто эти три образа употребляет в свое время и как следует, тот преуспевает; а кто употребляет их неразумно и не вовремя, тот низвергается.

Внимание так должно быть связуемо и неразлучно с молитвою, как связано и неразлучно тело с душою. Внимание должно идти вперед и сторожить врагов, как некий страж; оно первое пусть вступает в борьбу с грехом и противостоит злым помыслам, входящим в душу, а позади внимания пусть следует молитва, которая истребляет и побивает тотчас все те злые помыслы, с которыми пред сим вело брань внимание: ибо одно оно не может их побивать.

На этой брани внимания и молитвы (с помыслами) висит жизнь и смерть души. Если вниманием храним молитву чистою, то преуспеваем, а если не внимаем, чтоб хранить ее чистою, но оставляем неохраняемою, и она оскверняется злыми помыслами, то бываем непотребными и безуспешными.

Итак, поелику есть три образа внимания и молитвы, то надлежит нам показать отличительные свойства каждого образа, чтоб любящий спасение избрал лучшее.

2) О первом образе внимания и молитвы

Отличительные свойства первого образа таковы: когда кто, стоя на молитве и воздевая на небо руки свои и очи свои и ум свой, держит в душе божественные помышления, воображает блага небесные, чины Ангелов и обители святых, и кратко, все, слышанное в Божественных Писаниях, собирает в ум свой, и рассуждает о том тогда во время молитвы, зря на небо, и подвигает тем душу свою к вожделению и любви Божией, а иной раз извлекает даже слезы и плачет (то это будет первый образ внимания и молитвы).

Но при этом образе (молитвы, если кто на нем одном останавливается, бывает, что) мало-помалу – (молящийся так) начинает кичиться в сердце своем, сам того не понимая; ему кажется, что делаемое им есть от благодати Божией в утешение ему, и он молит Бога сподобить его всегда пребывать в таком делании. А это (т. е. так думать о сем образе молитвы) есть знак прелести: ибо добро уже не добро, когда не бывает добрым образом и как следует.

Такой человек, если убезмолвится крайним безмолвием (т. е. сделается исихастом, у нас – затворником), то ему едва ли можно не исступить из ума (будет он находиться в крайней опасности пострадать сие). Но если и случится, что не исступит он из ума, все же невозможно ему будет стяжать добродетели или бесстрастие. На этом пути стоя, прельщаются и те, которые видят свет телесными очами своими, обоняют благовония обонянием своим, слышат гласы ушами своими и подобное. Некоторые из таких взбесновались и в безумии ходят с места на место. Другие прельстились, приняв диавола, преобразившегося и явившегося им в виде Ангела света, а они того не распознали и остались неисправимыми до конца, не хотят слышать совета ни от какого брата. Иные из таких сами себя лишили жизни, быв подвигнуты на то диаволом; иные бросились в пропасть; иные удавились. И кто может пересказать разные прелести, какими прельщает их диавол, когда они неисчислимы?

Из сказанного нами всякий разумный человек может понять, какой вред происходит от сего первого образа внимания и молитвы (если почитать его последним пределом совершенства в молитве). Если же и случится кому из употребляющих сей образ не пострадать

[31] Слово 68, оттуда же.

никакого из таких зол, о коих мы слышали, по причине сожительства с братиями (потому что им подвергаются особенно те, которые живут уединенно), то все же он всю жизнь свою проведет, не преуспевши (в духовной жизни).

3) О втором образе внимания и молитвы

Второй образ есть такой, – когда кто сводит ум свой внутрь себя, отвлекая его от всего чувственного, хранит чувства свои, собирает все помыслы свои, чтоб не скитались по суетным вещам мира сего, – и то исследует помыслы свои, то вникает в слова читаемой молитвы, то возвращает назад помыслы свои, если они, быв пленены диаволом, унеслись к чему суетному и худому, то с большим трудом и самопонуждением напрягается прийти в себя самого, если был возобладан и побежден какою-либо страстию. Отличительная черта сего дела та, что оно происходит в голове: мысли с мыслями борются.

Имея такой подвиг и такую брань с самим собою, не может он мирствовать в себе никогда и не находит времени заняться деланием добродетелей, чтоб получить и венец правды. Такой человек подобен ведущему брань с врагами своими ночью в темноте, который слышит голоса врагов своих и принимает удары от них, но не может ясно видеть, кто они такие, откуда пришли, как и для чего бьют его. Потому что сам он пребывает в голове, а помышления злые исходят из сердца. Он и не видит их, так как не внимает сердцу. Тьма, которая в уме его, и буря, какую имеет он в помыслах своих, причиняют ему сей ущерб (т. е. не дают ему видеть это), и нет ему возможности ускользать от врагов своих демонов, чтоб они не поражали его. Тщетно подъемлет он труд, несчастный, и даже совсем теряет мзду свою, если при этом, и сам не замечая того, возобладан бывает тщеславием, воображая, что надлежаще внимает себе. В гордости своей презирает он других и осуждает их, а себя самого хвалит, мечтая при сем, что достоин быть пастырем словесных овец и руководить других, – и походит он на слепца, который берется водить других слепцов.

Таков второй образ (внимания и молитвы)! И всякий, желающий себе спасения, должен знать ущерб, причиняемый им душе, и добре внимать себе. Впрочем он лучше первого, как лучше ночь лунная ночи темной, в которую не светит луна.

4) О третьем образе внимания и молитвы

Третий образ воистину дивен есть и неудобоизъясним, и для тех, которые не знают его опытно, не только не удобопонятен, но кажется даже невероятным; и они не верят, чтоб подобная вещь была на деле. И в самом деле, в наши времена сей образ внимания и молитвы встречается не у множайших, а у весьма немногих; и, как мне думается, благо сие убегло от нас вместе с послушанием. – Послушание, если кто возымеет его к духовному отцу своему в совершенстве, делает его беспопечительным относительно всего, так как он всю печаль свою однажды на всегда возверг на духовного отца своего; почему, будучи далек от всякого пристрастия мирского, он является способным к тому, чтобы быть весьма ревностным и неленостным делателем сего третьего образа молитвы, если впрочем нападет и на духовного отца истиннего, который сам не состоит в прелести. Ибо кто посвятил себя Богу и всю печаль свою возвергнет на Него и на духовнаго отца своего, так что по истинному послушанию перестанет уже жить своею собственною жизнию и творить волю свою, но умрет для всякого пристрастия мирского и для тела своего, такой какою привременною вещью может быть побежден и порабощен? Или какое попечение и какую заботу может иметь? Вследствие сего, этим третьим, бывающим вместе с послушанием, образом внимания и молитвы все козни и хитрости, какие бы ни употребляли демоны, чтоб увлечь ум его к помыслам многим и разнообразным, бывают уничтожаемы и рассеиваемы; ибо тогда ум такого человека, будучи

свободен от всего, имеет благовремение без всякой помехи исследовать наносимые демонами помыслы и с великим удобством отгонять их, и чистым сердцем приносить молитвы свои Богу. Таково начало истинной жизни (духовной)! И которые не полагают такого начала, всуе трудятся, сами не зная того.

Начало сего третьего образа не то, чтоб воззревать на небо, воздевать руки свои горе, иметь ум свой в том, что на небе: это, как мы сказали, есть принадлежность первого образа и недалеко от прелести, – и не то, чтоб хранить умом своим чувства и на это обращать все свое внимание, а на внутренние брани душевные, причиняемые врагами, не смотреть (они смотрят и борются, но все в голове, и не остерегаются их:) это – принадлежность второго образа, и кто употребляет это, попадает в рабство демонам и не может сотворить отмщения сим поработителям своим, но враги и непрестанно борют его явно и тайно, и делают его тщеславным и гордым.

Но ты, возлюбленный, если хочешь спастись, начни дело таким образом: после (установления в сердце) совершенного послушания, какое, как мы сказали, должно тебе иметь к духовному отцу своему, и все прочие дела свои делай с чистою совестию, как бы ты был пред лицом Бога: ибо без послушания невозможно быть совести чистой. Совесть же свою хранить чистою должен ты в трояком отношении: в отношении к Богу, в отношении к духовному отцу своему и в отношении к прочим людям, также к вещам и предметам мира (житейским).

В отношении к Богу долг имеешь хранить совесть свою чистою, не позволяя себе делать ничего такого, о чем знаешь, что оно не упокоевает Бога и неприятно Ему.

В отношении к духовному отцу своему, делай одно то, что он заповедует тебе, и ни больше ни меньше того не позволяй себе делать, но шествуй по намерению его и по воле его.

В отношении к другим людям соблюдешь совесть свою чистою, не позволяя себе делать им ничего такого, что сам ненавидишь и чего не желаешь, чтоб они делали тебе самому.

В отношении к вещам долг имеешь хранить совесть свою чистою, употребляя их всегда, как должно, – именно пищу, питие и одежду.

И вкратце, все делай так, как бы ты был пред лицом Бога, и ни в каком деле не допускай себя до того, чтоб обличала и уязвляла тебя совесть, что ты не сделал его хорошо.

Действуя таким образом, ты уровняешь себе истинную и незаблудную стезю к третьему образу внимания и молитвы, который есть следующий: ум (быть в сердце – отличительная черта сего третьего образа молитвы) да хранит сердце в то время, когда молится, и внутрь его да вращается неотходно, и оттуда, из глубины сердца, да воссылает молитвы к Богу. (В этом все; трудись так, пока вкусишь Господа). Когда же, наконец, ум там, внутрь сердца, вкусит и чувством ощутит, яко благ Господь, и усладится тем (наш труд; вкушение же сие есть действо благодати в смиренном сердце); тогда не захочет уж он отдаляться от места сердечного (тогда скажет и он те слова, какие сказал ап. Петр: *добро нам зде быти)*…..и всегда уже будет взирать туда внутрь сердца и там неисходно вращаться, отгоняя все помыслы, всеваемые диаволом (се третий образ внимания и молитвы, как ему следует быть!) Для тех, которые никакого не имеют сведения о сем деле и не знают его, оно большею частию кажется трудноватым и утеснительным; но те, которые вкусили сладости, какую оно имеет, и усладились ею в глубине сердца своего, – эти взывают с божественным Павлом и говорят: *кто ныразлучит отлюбвеХристовы?* и проч. (Рим. 8, 35).

Почему свв. отцы наши, слыша Господа говорящего, что *из сердца исходят помышления злая, убийства, прелюбодеяния, любодеяния, татьбы, лжесвидетельства, хулы,* и что *сия (вся) суть сквернящая человека* (Мф. 15, 19, 20), – слыша также, что в другом месте Евангелия заповедуется нам очищать внутреннее стклянницы, да будет и внешнее чисто (Мф. 23, 26), – оставили всякое другое духовное дело и стали всецело подвизаться в этом одном делании, т. е. в хранении сердца, будучи уверены, что вместе с этим деланием удобно стяжут

и всякую другую добродетель, а без него не могут установиться ни в одной добродетели. Это делание некоторые из отцов назвали сердечным безмолвием; другие назвали его вниманием; иные – трезвением и противоречием (помыслам), иные еще рассмотрением помыслов и хранением ума. Они все в нем преимущественно упражнялись, и им сподобились получить божественные дарования. Его разумеет и Екклесиаст, когда говорит: *веселися, юноше, в юности твоей, и ходи в путех сердца твоего непорочен* (Еккл. 11, 9) и чист, удаляя сердце свое от помышлений злых. О сем же самом говорит он и в другом месте, – что «если найдет на тебя прилог диавольский, то не позволяй ему войти в место твое», разумея под местом сердце (10, 4). И Господь нам говорит во святом Евангелии: *не возноситеся* (не носитесь, как метеоры (Лк. 12, 29)), т. е. не носитесь умом своим туда и сюда. И в другом месте Он же говорит: *блажени нищиидухом* (Мф. 5, 3), т. е. блаженны те, которые не стяжали в сердце своем никакого пристрастия к миру, но бедны всяким помыслом мирским. И все свв. отцы много писали об этом. Кто хочет, пусть читает писания их и увидит; пусть прочитает, что написал Марк Подвижник, что сказал св. Иоанн Лествичник, преподобный Исихий, Филофей Синайский, авва Исайя, Варсонофий Великий – и другие многие.

Одним словом, кто не внимает себе и не хранит ума своего, тот не может сделаться чист сердцем, чтоб сподобиться узреть Бога. Кто не внимает себе, тот не может быть нищ духом, не может сокрушаться и плакать, ни быть тихим и кротким, ни алкать и жаждать правды, ни быть милостивым или миротворцем, не перенесть гонение за правду. И обще говоря, нет возможности стяжать добродетели иным каким-либо способом, кроме сего внимания. Почему паче всего другого о нем надлежит тебе приложить старание, чтоб собственным опытом изведать, что я говорю тебе. – Если желаешь научиться и тому, как следует это делать, я скажу тебе об этом.

Три вещи надлежит тебе соблюдать прежде всего другого: *безпопечение* о всем, даже благословном, а не только неблагословном и суетном, или иначе, умертвиться всему, – *совесть чистую* во всем, так чтоб она не обличала тебя решительно ни в чем, – и совершенное *безпристрастие,* чтоб помысл твой не клонился ни к какой мирской вещи. Стой вниманием внутри себя самого (не в голове, а в сердце)[32]. Там имей ум свой, стараясь всячески обрести место, где сердце, чтоб, обретши его, там уже всецело пребывал ум твой. Ум, подвизаясь в сем, улучит место сердца. Это случится, когда благодать даст сладость и теплоту молитвенную. С сего же момента и потом, с какой бы стороны ни возник и ни показался какой-либо помысл, прежде чем войдет он внутрь и помыслится, или вообразится, ум тотчас прогоняет его оттуда и уничтожает именем Иисусовым, т. е. Господи Иисусе Христе, помилуй мя! С сего также времени ум человека начинает иметь злобу и ненависть к демонам, поднимает на них непрестанную войну и поражает. Прочее же, что обыкновенно последует за сим деланием, с Божиею помощью сам из опыта узнаешь посредством внимания ума и держа в сердце Иисуса, т. е. молитву Его – Господи Иисусе Христе, помилуй мя! И некто из отцов говорит: «сиди в келии своей, и она научит тебя всему».

Вопрос: но почему же первый и второй образы внимания и молитвы не могут доставить сего?

Ответ: потому что мы не так употребляем их, как следует. Св. Иоанн Лествичник, уподобляя сии образы как бы лествице некоей о четырех ступенях, говорит: «иные укро-

[32] При сем св. Симеон указывает некие внешние приемы, кои иных соблазняют и отбивают от дела, а у других покривляют самое делание. Так как сии приемы, по недостатку руководителей, могут сопровождаться недобрыми последствиями, а между тем суть ни что иное, как внешнее приспособление к внутреннему деланию, ничего существенного не дающее, то мы их пропускаем. Существо дела есть приобрести навык стоять умом в сердце, – в этом чувственном сердце, но нечувственно. Надо ум из головы свести в сердце и там его усадить, или, как некто из старцев сказал, сочетать ум с сердцем. – Как этого достигнуть? Ищи и обрящешь. Удобнее всего достигнуть хождением пред Богом и молитвенным трудом, особенно хождением в церковь. Но помнить надо, что наш только труд, а само дело, т. е. сочетание ума с сердцем, есть дар благодати, подаемый, когда и как хочет Господь. Лучший пример – Максим Капсокаливит.

щают страсти, и смиряются; иные поют, т. е. молятся устами; иные упражняются в умной молитве; иные восходят в созерцание. Которые берутся восходить по сим ступеням, не начинают с верхних, чтоб нисходить к нижним, а от нижних идут к верхним, – ступают на первую, потом на вторую, далее на третью и, наконец, на четвертую. И вот таким образом может, кто желает, подняться от земли и взойти на небо: во-первых, нужно подвизаться умом и укротить страсти, во-вторых, упражняться в псалмопении, т. е. молиться устами, потому когда умалятся страсти, тогда молитва уже естественно доставляет удовольствие и сладость даже языку и вменяется в благоугодную пред Богом, в-третьих, молиться умно, – и в-четвертых, восходить в созерцание. Первое свойственно новоначальным, второе – преуспевающим, третье подходящим к последним степеням преуспеяния, а четвертое – совершенным.

Итак, начало не другое какое есть, как умаление и укрощение страстей; а они не другим каким способом умаляются в душе, как хранением сердца и вниманием: ибо, как говорит Господь наш, от сердца исходят помышления злые, которые скверняют человека; там и потребны внимание и хранение. Когда же страсти, посредством сопротивления им сердца, усмирятся совсем, тогда ум приходит к возжеланию Бога и ищет содружиться с Ним, для чего умножает молитву и в ней преимущественно проводит время. От сего возжелания Бога и молитвы ум делается сильным и прогоняет все помыслы, которые вращаются вокруг, чтоб войти в сердце, поражая их молитвою. И тогда бывает брань, – с великим шумом восстают злые демоны и посредством страстей производят мятеж и бурю в сердце; но именем Иисуса Христа все сие потребляется и разливается, как воск в огне. Однако ж и быв изгнаны и вышед из сердца, они не успокаиваются, но опять покушаются возмутить ум совне через чувства; впрочем, ум и тут очень скоро восстановляет в себе и начинает чувствовать тишину, обычно в нем бывающую, потому что они не имеют силы возмущать самую глубину ума, а возмущают только поверхность его. Но совсем избавиться от брани и не быть боримым злыми демонами ум все же не может. Это – достояние совершенных, – тех, которые всецело отрешаются от всего и непрестанно пребывают во внимании сердечном.

Итак, кто проходит все сие по чину, каждое в свое время, тот может, после того как очистится сердце его от страстей, всецело весь и вдаваться в псалмопение, и противоборствовать помыслам, и на небо воззревать чувственными очами или созерцать его очами души умственными, и молиться чисто воистину, как подобает.

Впрочем воззревать на небо чувственными очами надо сколько можно реже, страха ради злых, в воздухе находящихся, демонов, которые потому и называются духами воздушными, многоразличные прелести производящими на воздухе, – и нам надлежит быть внимательными. Бог одного от нас требует, – того, чтоб сердце наше было очищаемо посредством внимания. А затем будет, по слову Апостола: «если корень свят, то явно святы и ветви и плод» (Рим. 11, 16). Если же кто не в таком порядке, как мы сказали, станет возводить очи свои и ум свой на небо и воображать что-либо мысленное, то он увидит мечтания, что-нибудь ложное, а не истинное, по той причине, что сердце его не чисто. Так первый и второй образ внимания и молитвы, как мы не раз говорили, не приводят человека в преуспеяние. Почему, как желая построить дом, мы не кровлю прежде возлагаем, а после полагаем основание, потому что так нельзя, но прежде кладем основание, потом строим дом, и тогда уже возлагаем кровлю: так надлежит нам поступать и в отношении к духовному: прежде положим основание, т. е. станем хранить сердце и изгоним из него страсти, потом построим духовный дом, т. е. прогоним мятеж, воздвигаемый в нас злыми духами посредством внешних чувств, и навыкнем пресекать сию брань как можно скорее, и тогда же возложим и кровлю, т. е. совершенное отрешение от всего, чтоб всецело предаться Богу, – и тем закончим духовный дом свой во Христе Боге, Коему слава вовеки. Аминь.

Из жития преподобного отца нашего Максима Капсокаливита.

Об умной благодатной молитве

Божественный Григорий Синаит, встретив святого Максима и беседуя с ним, между прочим спросил его: прошу тебя, отче мой честнейший, скажи мне: держишь ты умную молитву? Тот, поникши немного главою, ответил ему: не хочу скрывать от тебя, честный отче, чуда Пресвятой Богородицы, которое было со мною. От юности моей имел я великую веру к Госпоже моей Богородице и умолял Ее со слезами, да подаст мне сию благодать умной молитвы. В один день, пришедши в храм, как имел обычай, просил я Ее о сем с безмерною теплотою сердца, и когда потом с любовию целовал святую икону Ее, вдруг ощутил в груди моей и в сердце моем некую особенную теплоту и пламя, исшедшее от святой иконы, которое не жгло меня, а орошало и услаждало, и вносило в душу мою великое умиление. С этого момента, отче мой, сердце мое начало извнутрь себя говорить молитву, и ум мой услаждается памятованием Господа моего Иисуса Христа и Пресвятой Владычицы моей Богородицы и всегда пребывает в сем памятовании о Них; и с того времени молитва не пресекалась в сердце моем, – прости мне.

Говорит ему св. Григорий: скажи мне, святый отче, бывало ли с тобою в то время, как ты говорил молитву: Господи Иисусе Христе и проч., божественное какое изменение, или исступление, или другой какой плод Духа Святого? – Божественный Максим ответил ему: да; и сего ради, отче, я уходил в пустынные места и всегда любил полное безмолвие, да наслаждусь в большей мере плодоммолитвы, т. е. преизобильною любовию к Богу и восхищением ума к Господу.

Святой Григорий спросил его: прошу тебя, отче, скажи мне: имеешь ты то, о чем сказал. Божественный Максим, потупив очи, говорит ему: не пытай о моих прельщениях.

Тогда святой Григорий сказал ему: о, когда бы и мне дал Бог иметь такое же прельщение, какое у тебя, отче святый! – Впрочем, прошу тебя, скажи мне: в тот час, как ум твой восхищаем бывает к Богу, что видит он умными очами своими? И может ли тогда ум вместе с сердцем возводить молитву? Святой Максим ответил ему: нет, не может. Ибо когда благодать Святого Духа придет в человека посредством молитвы, тогда молитва прекращается[33], так как ум тогда весь овладевается благодатию Святого Духа и не может более действовать собственными своими силами, но пребывает бездействен и повинуется только Духу Святому, и куда хощет Дух Святый, туда и ведет его, или в невещественный воздух света Божественного, или в другое какое созерцание несказанное, или, как часто бывает, в божественную беседу, и кратко сказать, как хощет Утешитель, Дух Святый, так и утешает рабов Своих; какая потребна каждому из них, ту и подает им благодать Свою. Сие, что говорю я, может всякий явно видеть в пророках и апостолах, которые сподоблялись видеть всякого рода видения, хотя люди насмехались над ними, почитали их прельщенными и упившимися. Так пророк Исаия видел Господа, на Престоле высоком превознесенного и окруженного Серафимами. Первомученик Стефан видел отверстые небеса и Господа Иисуса одесную Отца, и проч. – Таким же образом и ныне рабы Христовы сподобляются видеть разные видения, которым некие не верят и никак не признают их истинными, но считают прелестями, и тех, которые видят их, называют состоящими в прелести. Дивлюсь я таким много и неудомеваю,

[33] Так и у св. Исаака.

что это за люди, и как ослепились они, что, будто слепые, не видят и не веруют тому, что обетовал неложный Бог устами пророка Иоиля, именно, что это самое даст Он верующим, говоря: *излию от Духа Моего на всяку плоть и прорекут* (Иоил. 2, 28), – каковую благодать Господь ниспослал на учеников Своих, и ныне подает ее, и будет подавать до скончания века, по обетованию Своему, всем верным рабам Своим. Итак, когда сия благодать Духа Святого сойдет на кого-либо, то не что-либо обычное показывает ему из вещей чувственного мира сего, но показывает то, чего тот никогда не видел и не воображал. Тогда ум такого человека научается от Святого Духа высшим и сокровенным тайнам, которых, по божественному Павлу, ни око человеческое не может видеть, ни ум уразуметь сам собою никогда (1 Кор. 2, 9). И чтоб тебе понять, как ум наш видит их, вникни в то, что я скажу тебе. Воск, когда далеко от огня находится, бывает тверд, и можно взять его и держать; но как только ввергнешь его в огонь, тотчас растаивает, и там в огне возгорается и горит, и бывает весь светом, и таким образом кончается весь среди огня. Так и ум человеческий, когда один сам о себе бывает, не сретясь с Богом, тогда уразумевает, как обычно, окружающее его по силе своей, – когда же приблизится к огню Божества и к Духу Святому, тогда весь всецело овладевается оным огнем Божеским, и бывает весь свет, и там в пламени Духа Святого возгорается и разливается в божеских помышлениях, и никак не возможно ему тогда среди огня Божества помышлять о своем и о том, о чем хочет.

После сего святой Григорий напомянул ему: бывает, Капсока-ливите мой, и другое нечто, подобное сему, что однако ж есть действо прелести. – На это великий оный Максим ответил ему: бывает; но у каждой из сих свои особые признаки, – иные признаки прелести, и иные – благодати. Когда злой дух прелести приближается к человеку, то возмущает ум его и делает диким, сердце ожесточает и омрачает, наводит боязнь и страх и гордость, очи извращает, мозг тревожит, все тело в трепетание приводит, призрачно пред очами показывает свет не светлый и чистый, а красноватый, ум делает исступленным и бесноватым, и уста заставляет говорить слова непотребные и хуль-ные; тот, кто видит сего духа прелести, большею частию серчает и исполнен бывает гнева, смирения совсем не знает, ни истинного плача и слез, но всегда хвастается своими хорошествами и тщеславится ими, всегда без сдержанности и страха Божия поддается движениям страстей, наконец выходит из ума и приходит в совершенную пагубу. От таковой прелести да избавит нас Господь молитвами твоими, отче честный. – Признаки же благодати суть следующие: когда входит в человека благодать Святого Духа, то собирает ум его и делает его внимательным и смиренным, приводит ему на память смерть и грехи его, будущий суд и вечное мучение, душу его исполняет сокрушенным умилением и подвигает к плачу и слезам, очи его делает кроткими и полными слез, и чем более сближается с человеком, тем более умиротворяет душу его и утешает святыми страданиями Господа нашего Иисуса Христа и беспредельным Его человеколюбием, и ум исполняет возвышенными созерцаниями: а) недомыслимой силы Божией, как Он единым словом все из не сущего привел в бытие, б) безмерной силы, коею все содержит, всем управляет и о всем помышляет, в) непостижимой Святой Троицы и неисследимой бездны Божеского существа и прочее. Тогда ум человека восторгается Божеским оным светом и просвещается светом Божеского ведения, сердце делается тихим и кротким и обильно источает плод Духа Святого – *радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, любовь, смирение* и прочее (Гал. 5, 22), и душа его восприемлет неизреченное веселие.

Слыша сие, св. Григорий Синаит пришел в исступление, изумляясь тому, что говорил преподобный Максим, и более не называл уже его человеком, но земным Ангелом.

Из жития святого Григория Паламы, архиепископа солунского, чудотворца

О том, что всем вообще христианам надлежит непрестанно молиться

Пусть никто не думает, братия мои христиане, будто одни лица священного сана и монахи долг имеют непрестанно и всегда молиться, а не и миряне. Нет, нет; все мы христиане имеем долг всегда пребывать в молитве. Ибо смотрите, что святейший патриарх Константинопольский Филофей пишет в житии св. Григория Солунского. – Имел святитель сей друга возлюбленного, Иова по имени, человека простейшего, но многодобродетельного, с коим беседуя однажды, владыка сказал о молитве, что всякому вообще христианину надлежит подвизаться в молитве всегда, и молиться непрестанно, как заповедует апостол Павел обще всем христианам: *непрестанно молитеся* (1 Фес. 5, 17), – и как говорит о себе пророк Давид, при всем том, что был царь и имел попечение о всем царстве своем: *предзрех Господа предо мною выну* (Пс. 15, 8), т. е. всегда мысленно зрю Господа предо мною в молитве моей. И Григорий Богослов учит всех христиан и говорит им, что чаще надлежит поминать в молитве имя Божие, чем вдыхать воздух. Говоря это и многое другое другу своему Иову, святитель прибавил еще, что повинуясь заповеданиям святых, нам надлежит не только самим молиться всегда, но и других всех учить тому же, всех обще: и монахов и мирян, и мудрых и простых, и мужей, и жен, и детей, и побуждать их молиться непрестанно.

Слышавшему сие старцу Иову показалось это новым делом, и он начал спорить, говоря святителю, что молиться всегда есть дело только аскетов и монахов, кои живут вне мира и сует его, а не мирян, кои имеют столько забот и дел. Святитель привел новые свидетельства в подтверждение сей истины и новые неопровержимые ее доказательства, но старец Иов не убедился и ими. Тогда святой Григорий, избегая многословия и любопрепирательства, замолчал, после чего каждый пошел в келлию свою.

Когда потом Иов молился наедине в келлии своей, является ему Ангел, посланный от Бога, *Иже хощет всем спастися и в разум истины прийти* (1 Тим. 2, 4), и укорив его, зачем спорил со святым Григорием и противился явному делу, от коего зависит спасение христиан, возвестил ему от лица Божия, чтоб вперед внимал себе и остерегался говорить кому-либо противное сему душеспасительному делу и противиться воле Божией, даже и в уме своем чтоб не держал противного сему помысла и не позволял себе мудрствовать разно с тем, что сказал святой Григорий. Тогда простейший старец Иов тотчас поспешил к святому Григорию, и припадши к ногам, просил прощения в противоречии ему и любопрительности, и открыл ему все, что сказал ему Ангел Господень.

Видите теперь, братия мои, как имеют долг все обще христиане, от мала до велика, молиться всегда умною молитвою: *Господи Иисусе Христе, помилуй мя!* так, чтоб ум их и их сердце навык имели всегда изрекать священные слова сии. Убедитесь же, сколько благоугождается сим Бог и сколько великое от сего происходит благо, как Он, по безмерному Своему человеколюбию, Ангела небесного послал объявить нам, чтоб никто более никакого не имел в сем сомнения.

Но что говорят миряне? – Мы обременены делами и заботами житейскими: как возможно нам молиться непрестанно?

Отвечаю им, – что Бог не заповедал нам ничего невозможного, а все только такое, что мы можем делать. Почему и это можно исполнить всякому, ревностно ищущему спасения

души своей. Ибо если б это было невозможно, то было бы невозможно для всех вообще мирян, и тогда не нашлось бы столько и столько лиц, кои среди мира исправляли сие дело непрестанной молитвы, как следует, из коих да будет представителем многих других такого рода лиц отец святого Григория Солунского, дивный оный Константин, который при всем том, что вращался в среде придворной жизни, назывался отцом и учителем царя Андроника и занимался каждодневно государственными делами кроме своих домашних дел, как имевший большое имущество и множество рабов, – жену и детей, – при всем том столь был неотлучен от Бога и столь привязан к умной непрестанной молитве, что многократно забывал, что говорил с ним царь и придворные вельможи о царственных делах, и нередко раза по два и более спрашивал об одном и том же; чем другие вельможи, не зная причины того, смущались и его укоряли, что так скоро забывает дело и повторительными вопросами обременяет царя. Но царь, зная причину того, защищал его и говорил: «у Константина есть свои думы, которые не дают ему иной раз со всем вниманием относиться к делам нашим».

Премногое множество было и других подобных, которые, живя в мире, всецело были преданы умной молитве, как уверяют исторические о них записи. – Итак, братия мои христиане, умоляю вас и я вместе со святым Златоустом, спасения ради душ ваших не нерадите о деле таковой молитвы. Подражайте тем, о коих я сказывал, и сколько возможно последуйте им. Сначала это может показаться вам очень трудным, но будьте уверены, как бы от лица Вседержителя Бога, что самое сие имя Господа нашего Иисуса Христа, непрестанно вами призываемое, поможет вам преодолеть все затруднения, а с продолжением времени вы навыкнете сему деланию и вкусите, сколь сладко имя Господне. Тогда опытно познаете, что дело сие не только не невозможно и не трудно, но и возможно и легко. Почему святой Павел, знавший лучше нас великое благо, какое доставит сия молитва, заповедал нам непрестанно молиться. Не стал бы он обязывать нас к сему, если б это было крайне трудно и невозможно, зная наперед, что в таком случае мы, не имея возможности исполнить то, неизбежно оказывались бы ослушниками его и преступниками заповеди его, и через то делались достойными осуждения и наказания. А это не могло быть в намерении Апостола.

К тому же поимейте во внимание и способ молитвы, как возможно непрестанно молиться, – именно – молиться умом. А это мы всегда можем делать, если захотим. Ибо и когда сидим за рукоделием, и когда ходим, и когда пищу принимаем, и когда пьем, всегда умом можем молиться и творить умную молитву, благоугодную Богу, молитву истинную. Телом будем работать, а душою молиться. Внешний наш человек пусть исполняет свои телесные дела, а внутренний весь пусть будет посвящаем на служение Богу и никогда не отстает от этого духовного дела умной молитвы, как заповедует нам и Богочеловек Иисус, говоря в святом Евангелии: *ты же, егда молишися, вниди в клеть твою, и затворив двери твоя, помолися Отцу твоему, Иже втайне* (Мф. 6, 6). Клеть души есть тело; двери наши суть пять чувств телесных. Душа входит в клеть свою, когда ум не блуждает туда и сюда по делам и вещам мирским, но находится внутрь сердца нашего. Чувства наши затворяются и остаются такими, когда мы не даем им прилепляться к внешним чувственным вещам, и ум наш таким образом остается свободным от всякого пристрастия мирского и сокровенною умною молитвою соединяется с Богом Отцом своим.

И Отец твой, видяй втайне, воздаст тебе яве, прилагает Господь. Видит ведающий все сокровенное Бог умную молитву и воздает явными дарами великими. Ибо и эта молитва есть истинная и совершенная молитва, которая исполняет душу божественною благодатию и духовными дарами, подобно миру, которое чем крепче затыкаешь сосуд, тем благоуханнейшим делает сосуд сей. Так и молитва, чем крепче заключаешь ее внутрь сердца, тем более она обилует божественною благодатию.

Блаженны те, которые навыкают сему небесному деланию, потому что им они побеждают всякое искушение злых бесов, как Давид победил гордого Голиафа. Им погашают

бесчинные пожелания плоти, как три отрока угасили пламень пещи. Сим деланием умной молитвы укрощаются страсти, как Даниил укротил диких зверей. Им низводят росу Духа Святого в сердце свое, как Илия низвел дождь на гору Кармил. Сия умная молитва восходит до самого Престола Божия и хранится в златых фиалах, и, как кадило, благоухает пред Господом, как видел Иоанн Богослов в откровении: *двадесять четыре старцы падоша пред Агнцем, имуще кийждо гусли, и фиалы златы полны фимиама, яже суть молитвы святых* (Откр. 5, 8). Сия умная молитва есть свет, просвещающий душу человека и сердце его воспламеняющий огнем любви к Богу. Она есть цепь, держащая в единении Бога с человеком и человека с Богом. О, ни с чем не сравнимая благодать умной молитвы! – Она поставляет человека в положение всегдашнего собеседователя с Богом. О, дело, воистину дивное и предивное! Телесно обращаешься с людьми, а умно беседуешь с Богом.

Ангелы не имеют чувственного гласа, но умом приносят Богу непрестанное славословие. В этом состоит все дело их и этому посвящается вся жизнь их. Так и ты, брате, когда входишь в клеть свою и затворяешь дверь, т. е. когда ум твой не влается туда и сюда, но входит внутрь сердца твоего, и чувства твои заключены и отграждены от вещей мира сего, и таким образом всегда молишься, тогда ты бываешь подобен святым Ангелам, и Отец твой, видящий тайную молитву твою, которую приносишь ты Ему в сокровенности сердца своего, воздаст тебе яве великими духовными дарами.

Да и что еще большее лишшее желаешь ты от сего, когда, как я сказал, ты мысленно всегда находишься пред лицом Бога и беседуешь с Ним непрестанно, – беседуешь с Богом, без Коего никогда никакой человек не может быть блаженным ни здесь, ни в другой жизни.

Наконец, брате мой, кто бы ты ни был, когда возьмешь в руки сию книгу, и прочитавши, возжелаешь испытать делом ту пользу для души, какую доставляет умная молитва, тепле прошу тебя, не забудь, когда станешь творить молитву сию, с одним воззванием: Господи помилуй! вознеси к Богу прошение и о грешной душе того, кто потрудился над составлением сей книги, и того, кто тратился на отпечатание и издание; ибо они имеют большую нужду в молитве твоей, да обрящут милость Божию душе своей, как и ты своей. Буди! Буди!

Приложение

Перевод с английского Лидии Сикорской и Барбары (Варвары) Джонсон по изданию «St.Nicodemos the Hagiorite» by Constantine Cavarnos.
Institute for Byzantine and modern Greek Studies.
115 Gilbert Road, Belmont, Massachusetts 02178, USA.
Первое издание – 1974 г.

Профессор Константин Каварнос, автор серии книг «Современные православные святые» (издание института Византийских и Современных Греческих Учений, Бельмонт, США), закончил Гарвардский Университет, преподавал философию в ряде американских университетов, провел много лет в Греции, занимаясь изучением византийского искусства, философии, а также православной мысли и образа жизни. Его перу принадлежит много книг по философии и религии.

Святой Никодим Святогорец

Святой Никодим Святогорец родился в 1749 году на острове Наксос, одном из островов Эгейского моря. Свое начальное образование он получил там же. Его учителем был архимандрит Хрисанф Этолийский, брат святого Космы Этолийского. Отец Хрисанф одно время преподавал в Патриаршей школе в Константинополе, а потом стал директором школы в Наксосе. Архимандрит Хрисанф разделял мысли и убеждения святого Космы. Можно сказать, что, таким образом, уже в раннем детстве Никодим испытывал могучее влияние великого Этолийского святого.

В то время св. Косма совершал свои миссионерские путешествия. Под влиянием св. Космы святой Никодим всю свою жизнь заботился о нравственном и духовном пробуждении греческого народа. Он использовал в своих трудах, для их большей доступности, народный язык, но в то же время развивал высокий стиль, который характеризуется ясностью и простотой.

По окончании начальной школы Никодим отправился в Смирну, чтобы продолжить обучение в известной школе Евангелики. В Смирне, так же как и в Наксосе, светское образование соединялось с духовным.

Программа обучения в Смирне включала иностранные языки, и по окончании обучения Никодим очень хорошо знал латинский, итальянский и французский. Это лингвистическое образование имело большое значение и позволило ему ознакомиться с западноевропейской мыслью.

После четырех лет обучения в школе Никодим вернулся на остров Наксос. Он провел здесь несколько лет, работая секретарем местного архиерея, митрополита Анфима Вардиса (1743–1780). В это же время Никодим совершил путешествие на остров Гидра, где повстречался со святым Макарием Коринфским, про которого много слышал как про человека высокой духовной жизни. Никодим открыл св. Макарию свое желание принять монашеский постриг и получил его поддержку и благословение. Они оба сокрушались о жалком положении греческого народа, угнетаемого турками, и решили в будущем вместе трудиться для просвещения своих соотечественников. На Гидре Никодим познакомился еще с одним замечательным человеком, афонским монахом Сильвестром. Этот монах, уроженец Кесарии Малоазийской, был опытным исихастом, хорошо знавшим учение великих исихастов Византии. Слушая его, Никодим узнал много об афонском монашестве и о теории и практике внутреннего трезвения и умной молитвы. Сильвестр не только познакомил Никодима с высочайшими формами православной духовности, но также дал ему рекомендательные письма на Святой Афон.

Вернувшись на родной остров Наксос, Никодим начал духовную жизнь по наставлениям Сильвестра. Его поддерживали и укрепляли в этом трое других афонских монахов – Григорий, Нифон и Арсений, которые временно пребывали в Наксосе. Так же, как и Сильвестр, они были изгнаны с Афона за то, что были «колливадами», то есть приверженцами строгой православной традиции.

В возрасте 26 лет Никодим уехал на Афон. Следуя совету Сильвестра, он прибыл в монастырь Дионисиу. Здесь он был пострижен в монашество и назначен чтецом и секретарем братства.

Через два года, в 1777 году, на Афон приехал святой Макарий Коринфский. Он встретился с Никодимом и дал ему послушание исправить и отредактировать книги «Добротолюбие», «Евергетинос» и «О постоянном Причащении…». Никодим работал над этими книгами в келлии недалеко от Кареи, столицы Афона. Когда книги были готовы для печати, Макарий уехал с ними в Смирну, где надеялся собрать средства для издания этих книг. Это

ему удалось, и вскоре книги были опубликованы в Венеции. «Добротолюбие» появилось в 1782 году, две другие книги в 1783 году.

Как пишут первые биографы св. Никодима, святогорские монахи Евфимий и Онуфрий, оба знавшие его лично, Никодим написал к «Добротолюбию» прекрасное введение и краткие биографии авторов. Во введении Никодим подчеркивает важность «Добюротолюбия» и определяет его внутреннюю суть, то есть практику умной молитвы и внутреннего трезвения. В умной молитве человек обращает свой ум внутрь себя, вводит его в сердце. Постоянно молится Иисусу Христу и ищет Его милости, непрестанно произнося: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя». При этом внимание ума обращается на слова этой молитвы. И уму не позволяется отвлекаться ни на что другое, ни внешнее, ни внутреннее. С помощью внимания (προσοχη) или внутреннего трезвения (νεπσης) ум, насколько возможно, содержится чистым от всяких мыслей и образов. В результате этой молитвы ум и сердце очищаются, соединяются друг с другом и с Богом. Единение с Богом называется обожением. Это такое состояние, в котором человек становится причастником Божественной освящающей благодати. Такое единение необходимо для спасения, утверждает св. Никодим: «Спасение и обожение – это одно и то же по откровению тех, кто премудр в Божественном».

Такая молитва называется «умной молитвой», «молитвой сердца», «духовной молитвой», «чистой молитвой» или «Иисусовой молитвой». Ее могут успешно практиковать, как пишет св. Никодим, не только монахи, но и миряне. Но при этом необходимо обязательное «научное руководство». Именно «Добротолюбие» и дает такое руководство. Эта книга, как замечает св. Никодим, «сокровище внутреннего трезвения, хранитель ума, таинственная школа умной молитвы. Средство достижения обожения».

Никодим Святогорец не только говорил о великой ценности «Добротолюбия», но эта книга стала основой его теоретического и практического исихазма (духовного созерцания). В своих трудах он часто ссылается на «Добротолюбие».

«Добротолюбие» оказало глубокое влияние на духовную жизнь всей Греции и всего мира. Оно было переиздано в Афинах в 1893 году в расширенном виде, в двух томах, затем еще раз в 1957–1963 годах в пяти томах. Значительно было влияние «Добротолюбия» и наславянский мир[34]. Через 11 лет после первого издания «Добротолюбия» вышел славянский перевод этой книги в Москве. Перевод сделал русский монах преподобный Паисий Величковский (1722–1794), который в 1746 году уехал на Афон, жил там в течение 17 лет, а потом поселился в Молдавии. Благодаря ему и его ученикам произошло духовное возрождение России в конце XVIII – начале XIX веков. Паисий Величковский руководил более чем тысячей монахов, которых он научил умной молитве. Узнав о св. Паисии и его трудах, св. Никодим очень захотел с ним встретиться, чтобы побеседовать о внутреннем делании и почерпнуть все полезное из богатого опыта русского исихаста, который был на 27 лет старше самого св. Никодима. И св. Никодим решил отправиться на корабле в Молдавию. Однако вскоре после их отплытия с Афона поднялась настоящая буря, и кораблю пришлось причалить к острову Тасос. Усмотрев в этом Промысл Божий, Никодим оставил идею поехать в Молдавию и вернулся на Афон.

В 1857 году епископ Игнатий Брянчанинов (1807–1867) приготовил дополненное издание перевода св. Паисия и опубликовал его в Петербурге. Между 1876 и 1890 годами был издан русский перевод «Добротолюбия» в пяти томах. Этот перевод был сделан епископом Феофаном Затворником (1815–1894) с помощью Московской Духовной Академии и монахов Оптиной Пустыни.

---

[34] По мнению ряда современных исследователей, влияние «Добротолюбия» на духовную жизнь России было более значительным, чем в Греции. Славянское «Добротолюбие» выдержало четыре переиздания немногим более, чем за 60 лет. – *Прим. ред.*

«Добротолюбие» оказало сильное влияние на русский народ. О чем свидетельствует и книга «Откровенные рассказы странника духовному своему отцу», одно из лучших и самых популярных руководств православной духовности. «Рассказы» были написаны во второй половине XIX века неизвестным автором под вдохновением «Добротолюбия» и были изданы в Казани в 1884 году[35].

Надо заметить, что в славянском и русском переводах «Добротолюбия» отсутствуют некоторые тексты, но включены другие тексты, которых нет в греческом оригинале. В последнее время части «Добротолюбия» появились на румынском[36], французском, английском, немецком и итальянском языках. Английский перевод в двух томах под названием «Writings from the Philokalia on Prayer of the Heart» был издан в 1951 году. Второй том, «Early Fathers from the Philokalia», появился в 1954 году.

Другая книга, «Евергетинос», является монументальным трудом, составленным в XI веке архимандритом Павлом, игуменом монастыря Евергетинос в Константинополе. В книге собраны жития и учения нескольких сот отцов-пустынников. Биограф св. Никодима монах Евфимий говорит, что Никодим написал введение и сделал правку текста книги. Во введении св. Никодим проявляет глубокое знание нравственного учения восточных старцев. Он очень сожалеет о том, что европейцы чрезмерно заняты математикой, физикой, астрономией, философией природы, метафизикой и энциклопедическими знаниями, но совсем незначительно – этикой, которая гораздо важнее. Св. Никодим пишет: «Многие изучают небо и землю и все множество других предметов для того, чтобы открыть гармонию их отношений и порядок, но лишь совсем немногие исследуют, как им организовать гармонично самих себя путем достижения истинных добродетелей». И «что может быть достигнуто прежними знаниями, – спрашивает св. Никодим, – если человек волнуем разными страстями».

Обо всем об этом говорят святые отцы, учение которых содержит «Евергетинос». Нравственность была их настоятельной заботой. Уходя в уединенные места, где они могли наслаждаться тишиной, отцы ставили своей целью, с одной стороны, открытие и окончательное искоренение причин, порождающих страсти, а с другой стороны, стяжание ученого знания о добродетелях и их полного, совершенного достижения.

Об этой великой задаче св. Никодим пишет, что, подобно тому, как на протяжении веков ученые естествоиспытатели стремятся открыть свойства физических предметов посредством множества приспособлений, бесчисленного количества экспериментов, химических анализов и т. п., так и святые люди, через множество искушений и многовековой практический опыт, открывали сущность и причины страстей и испорченности ума, сердца и тела, но, в то же время, и противоположные им добродетели. Проникнув в глубины нравственной философии, они дали научное знание о добродетелях и пороках и искусно объяснили, как искоренять пороки и укреплять и совершенствовать добродетели.

Употребление термина «философия» к учению, содержащемуся в «Евергетиносе» и в «Добротолюбии», может показаться странным для тех, кто мало знаком с православной мыслью. Поэтому следует отметить, что слово «философия» часто употреблялось восточными отцами по отношению к христианской религии, особенно в связи с ее руководством по

---

[35] Согласно исследованиям конца 1980-х – начала 1990-х годов, книгу написал архимандрит Михаил (Козлов) в бытность насельником Русского Пантелеимонова монастыря на Афоне (1857–1874). Авторское название книги – «Искатель непрестанной молитвы»; издавалась всегда ананимно: первое и второе издания (Казань, 1881 и Казань, 1882) – под названием «Откровенный рассказ странника духовному своему отцу, написанный слышавшим по убеждению следующего изречения в слове Божием «Тайну цареву добро есть хранити, дела же Божия открывати славно» (Товит, XII, 7)», третье издание (Казань, 1884) – под названием «Откровенные рассказы странника духовному своему отцу», с исправлениями святителя Феофана Затворника, – легло в основу всех последующих изданий. См.: *И.Басин* Авторство «Откровенных рассказов странника»// Символ, № 27. Париж, 1992. С. 167–190. – *Прим. ред.*

[36] Румынская версия «Добротолюбия» является самой расширенной и во многом по составу отличается от греческого «Добротолюбия», так же как и русское свт. Феофана. См.: Dictiounaire de spiuntuelle. – *Прим. ред.*

внутреннему совершенствованию. Внутренняя, или духовная, философия резко отличалась от внешней, или мирской, философии. Первая происходит от Откровения Божиего, как плод жизни во Христе, а другая есть продукт человеческого рассудка, действующего в падшем состоянии, вне сферы Божественной благодати и просвещения. Подобно другим великим учителям Православия, св. Никодим утверждал великое превосходство «внутренней философии» над мирским знанием. Замечательными примерами этой «внутренней философии» и являлись «Евергетинос» и «Добротолюбие».

Обращаясь к своим соотечественникам, св. Никодим подчеркивал значение нравственного учения, содержащегося в «Евергетиносе». Он призывал всех, и монахов и мирян, изучать его, и из него научаться видеть в Боге конечную цель всех своих устремлений и желаний и стремиться украшать свою душу всякой добродетелью.

Третью книгу, которую св. Макарий давал св. Никодиму для редактирования – «О постоянном Причащении Божественных Таинств», св. Никодим также исправил и дополнил. Эта книга сыграла главную роль в греческом религиозном возрождении ХУШ века, в так называемом колливадском движении. Это движение, получившее свое начало на Святой Горе Афон, выступало за строгое сохранение священной традиции Церкви, подчеркивало важность частого Причащения Святых Таинств и оказало влияние на возрождение православного греческого «мистицизма» – исихазма. Св. Макарий Коринфский и св. Никодим возглавляли это колливадское движение. Они придали силы этому движению своим примером и своими публикациями.

Св. Никодим до конца своих дней продолжал свою литературную работу: редактировал, переводил, писал многочисленные книги, составлял акафисты, каноны и другие богослужебные тексты. Он стал самым значительным и плодотворным писателем-богословом ХУШ века.

Сразу же по окончании работы над тремя названными книгами св. Никодим приступил к редакции книги со странным названием «Альфабетальфабетос», написанной в ХШ веке св. Мелетием Исповедником. Книга написана в стихотворной форме и затрагивает догматические, экклезиологические и аскетические вопросы. Св. Никодим работал над этой книгой в течение 1778–1779 годов, сличая и корректируя четыре рукописи. Он написал к этой книге замечательное введение и комментарии, свидетельствовавшие о его глубоких богословских познаниях и стремлении защищать православную традицию.

В 1782 году св. Никодим последовал за своим старцем Арсением Пелопонесским на лишенный растительности маленький остров Скиропулос, к югу от Афона. Там он прожил год в великой нужде, занимаясь тяжелыми земледельческими работами. По настоятельной просьбе своего двоюродного брата Иерофея, рукоположенного во епископа Еврипского, он писал там в часы досуга, не пользуясь другими книгами, поскольку не взял их с собой, одну из самых замечательных своих работ – «Сборник советов». Эта книга – советы для живущих в безмолвии с умной молитвой. В ней св. Никодим впервые касается самых важных условий для плодотворности умной молитвы. Он пишет о хранении пяти чувств – зрения, слуха, обоняния, вкуса и осязания, о хранении воображения, умственной сферы и сердца посредством внутреннего внимания. Св. Никодим дает наставления в умной молитве и описывает ее плоды. Его руководство в данных вопросах является одним из самых авторитетных и полезных. Это заслуженно ставит св. Никодима, как великого современного греческого представителя православного исихазма, в один ряд с великими отцами – аскетами-мистиками Православной Церкви. Св. Никодим представляет своеучение в систематической, основательной и ясной манере, подтверждая свои изречения частыми ссылками на Ветхий и Новый Заветы и на отцов Церкви, в особенности мистиков-исихастов. Эти многочисленные цитаты из Писаний св. Никодим приводит дословно, что свидетельствует о его поразительной памяти, которая не изменяла ему на протяжении всей его жизни.

Появление в 1801 году «Сборника советов» имело большое значение для успешной деятельности св. Никодима, св. Макария и других участников колливадского движения, стремившихся возродить идеи и практику исихастов Х1У века, таких, как, например, величайший представитель исихазма того времени святитель Григорий Палама.

В 1784 году митрополит Коринфский Макарий вновь приехал на Афон. Он встретился со св. Никодимом и попросил его подготовить к изданию писания преподобного Симеона Нового Богослова (949-1022), великого мистика Византии. Труды св. Симеона были разбросаны по разным библиотекам на Афоне. Необходимо было произвести всеобъемлющую редакторскую работу. Св. Никодим дал согласие приступить к работе. Желая сделать 92 беседы святого Симеона доступными для всех читающих на современном греческом языке, а не только для немногих знающих древний греческий, св. Никодим поручил сделать перевод этих бесед на современный греческий монаху Дионисию Загореосу, жившему на Пипери, маленьком острове к югу от Афона. Собрание бесед святого Симеона вместе с 55-ю его гимнами было опубликовано в монументальном томе в 1790 году[37]. В качестве переводчика был указан Дионисий Загореос, имя св. Никодима в книге нигде не упоминалось.

В своей книге «Святой Никодим Святогорец» отец Феоклит из монастыря Дионисиу на Афоне выражает мнение, что перевод бесед святого Симеона Нового Богослова на самом деле был сделан св. Никодимом, и что Дионисий Загореос лишь каллиграфически переписал этот перевод. Святой Никодим из чувства смирения попросил, чтобы Дионисий поставил свое имя в качестве переводчика. Это мнение, приведенное о. Феоклитом, подтверждается тем фактом, что несмотря на свои добавления к «Добротолюбию», «Евергетинису» и «О постоянном Причащении…», св. Никодим не оставил своего имени в этих книгах. С другой стороны, имя Загореоса приводится в книге как имя переводчика, но не редактора. Первые же биографы св. Никодима, Евфимий и Онуфрий, не говорят о том, что святой Никодим переводил писания святого Симеона. Евфимий просто говорит, что Никодим исправил и украсил книгу святого Симеона Нового Богослова, а Онуфрий говорит, что Никодим исправил писание святого Симеона. Можно предположить, что св. Никодим отредактировал текст, который должен был быть переведен, и он же исправил и украсил перевод, сделанный Загореосом.

Единственное, что мы можем утверждать с долей уверенности, это то, что прекрасное введение к книге, которая вышла под названием «Сохранившиеся труды святого Симеона Нового Богослова», было написано самим св. Никодимом. Ни в начале, ни в конце введения нет имени Загореоса и, действительно, даже стиль введения говорит о том, что оно написано св. Никодимом. Св. Симеон назван там «земным ангелом, небесным человеком, великолепием отцов, достоинством священства, истинным правилом монашеской жизни, славой подвижников, сладчайшей радостью всего мира». Далее говорится, что св. Симеон очистил свою душу и принял в свое сердце свет Святого Духа, который сделал его мудрым, красноречивым, великим философом и возвышенным богословом, несмотря на то, что прежде он был неграмотным и необразованным. Он достиг этой чистоты посредством непрестанной молитвы и жизни во Христе.

Так же, как и во введении к «Добротолюбию» и «Евергетиносу», св. Никодим призывает не только монахов, но и мирян изучать и осваивать учение, содержащееся в публикуемых трудах. Он подчеркивает, что монахи узнают из них «радости философии трезвения, точный образ совершения умной молитвы, различные степени бесстрастия и совершенства», а миряне узнают, что «мир не помешает им спастись, если у них есть стремление, и они внимают духовной совести».

---

[37] Перевод Дионисия Загореоса, который, как считает архиепископ Василий (Кривошеин), является скорее парафразом подлинных текстов преп. Симеона Нового Богослова, послужил основой для перевода на русский язык сочинений преп. Симеона свят. Феофаном. (См.: *Архиеп. Василий (Кривошеин)* Преподобный Симеон Новый Богослов (949-1022). Н.Новгород, 1996. – *Прим. ред.*

Вскоре св. Никодим занялся составлением рукописи «Руководство к исповеди». Эта книга – первая в своем роде в Православной Церкви. В начале книги св. Никодим указывает качества, которые должен иметь духовник, чтобы быть истинным духовником. Эти качества: высокая добродетельность, примерная христианская жизнь, основательное знание и понимание Ветхого и Нового Заветов, догматов веры, апостольских, соборных и отеческих канонов. Духовник, пишет св. Никодим, должен быть не из молодых священников, поскольку он уже в какой-то мере преодолел страсти и у него больше опыта, чем у молодых. Далее Никодим дает наставления духовнику, каким образом лучше всего проводить исповедь. Затем он приводит 38 канонов и 17 епитимий св. Иоанна Постника и толкования к ним на современном греческом языке. Далее в книге следуют главы, в которых св. Никодим советует, как подготовиться к исповеди, как исповедаться и как беречься от греха после исповеди.

Для написания этой книги, которая адресована не только тем, кто принимает исповеди, но и тем, кто исповедуется, св. Никодим многое взял из Святого Писания и из писаний святых отцов Церкви. Впервые изданное в 1794 году «Руководство к исповеди» выдержало еще восемь изданий, в том числе в 1835 году на турецком языке для туркоязычных православных.

Продолжая свою литературную деятельность, св. Никодим обратил внимание на богослужебные тексты. Он составил книгу канонов Пресвятой Богородице под названием «Новый Феотокарион» (Богородичник). Эта книга включает в себя 62 возвышенных канона, составленных двадцатью двумя выдающимися гимнографами, в том числе св. Андреем Критским, св. Иоанном Дамаскином и св. Феодором Студитом. св. Никодим, собрав эти каноны из разных афонских рукописей, написал к ним введение и произвел необходимые исправления текстов. Его введение отличается величайшим благоговением перед Пресвятой Богородицей. Св. Никодим придавал великое значение богослужебным песнопениям как средству укрепления и оживления душ человеческих. Эта его замечательная книга предназначалась для использования в церковных службах.

«Новый Феотокарион» появился в печати спустя два года после публикации «Руководства к исповеди» и впоследствии дважды переиздавался. Подобную книгу выпустил ранее афонский монах Агапий Ландос, известный под именем Агапий Критский. Но его книга была значительно меньше и во многом уступала книге св. Никодима.

Все написанные св. Никодимом книги, о которых мы говорили выше, являют его строго православным, непреклонным приверженцемтрадиций Восточной Православной Церкви. Однако было бы ошибкой сделать вывод, что он был религиозно нетерпим и закрыт для всего, что шло от западного христианского мира. На самом деле он был широко мыслящим человеком, следующим совету апостола Павла: «Вся же искушающе, добрая держите» (1 Фес. 5, 21). Хотя св. Никодим и был критически настроен по отношению к западной Церкви, но он был открыт всему, что, по его рассуждению, было доброго в ней. Свою позицию он выразил следующим образом в одной из последних своих работ «Геортодромион»: «Мы должны ненавидеть и испытывать отвращение к заблуждениям веры и незаконным обычаям латинян и других инославных, но если у них есть что-то здравое и подтверждаемое канонами Святых Соборов, то мы не должны это ненавидеть». О том, что он серьезно относился не только к первой части этого заявления, но и ко второй, свидетельствует тот факт, что две из его работ были обработкой книг римо-католиков[38]. Известная книга св. Никодима «Невидимая брань» является переработкой для православных читателей книги итальянского священника Лоренцо Скуполи (1530–1610) «Combattimento Spirituale» (Духовная брань) и небольшого трактата неизвестного итальянского автора «Sentiero del Paradiso» (Райский путь).

[38] Идеи, легшие в основу о «Частом причащении» также принадлежали западному автору Мигелю де Молино. См.: K.Papoulides. The Ecumenical Signifi cance of the Monastic Revival of the 18th Century of the Orthodox Church// Balcan Studies, № 10. Thessalonica, 1969. P. 105–112. – *Прим. ред.*

Другая же книга св. Никодима «Духовные упражнения» была переработкой книги «Esercizi Spirituali» иезуита Джованни П. Пинамонти (1632–1703).

Хотя св. Никодим не упоминает имен авторов этих книг, он поясняет в подзаголовке к каждой из них, что он использовал другую книгу, усердно ее исправил и значительно улучшил. Переводя с итальянского на современный греческий, св. Никодим либо убрал из них, либо изменил все, что было неверно с православной точки зрения, сделал множество добавлений в самом тексте, внес ссылки на Святое Писание и греческих отцов и, таким образом, сделал эти книги православными по содержанию.

Книга «Невидимая брань» посвящена брани с демонскими нападками, со страстями, со злом в целом, и дает наставления, как с успехом вести эту брань посредством постоянных бдений, молитв, в особенности умной молитвы, и Причащения Святых Таинств. Эта книга пользовалась большой популярностью. После первой публикации в 1796 году она переиздавалась много раз. Русский перевод ее был сделан епископом Феофаном Затворником и опубликован в Москве в 1886 году. Английский перевод с русского текста был сделан Кадлубовским и Пальмером и опубликован в 1952 году в Лондоне. В своем длинном и ценном предисловии к этому изданию профессор Ходжес все же преуменьшает разницу между «Невидимой бранью» св. Никодима и римско-католическими оригиналами текстов. Но при сравнении этих текстов профессор Ходжес делает следующие важные замечания, которые подтверждают, тем не менее, что разница между текстами значительна и часто существенна. В своем предисловии профессор Ходжес указывает, что св. Никодим: 1) опускает две главы из оригиналов; 2) вставляет целую новую главу, посвященную исправлению воображения и памяти; 3) увеличивает краткую главу Скуполи об умной молитве, раскрывая исихастское учение; 4) вводит более высокие формы аскетизма по сравнению с данными Скуполи; 5) во многих случаях переделывает, увеличивает или уменьшает текст оригиналов и порой даже меняет смысл высказываний; 6) удаляет различные латинизмы в словах и учениях – например, он заменяет «образ» на «икону», удаляет упоминание о чистилище и культе Священного Сердца; 7) наконец, св. Никодим усиливает главы значительным количеством ссылок, в которых излагает учения, не содержавшиеся в оригинальных текстах.

Книга «Духовные упражнения» – также значительно исправленное и расширенное издание итальянского оригинала. Очевидно, что св. Никодима привлекла не только сама книга Пинамонти, но также его подход к распределению материала. Книга св. Никодима получилась монументальной. Она была посвящена великой цели человеческого спасения и совершенствования. Большая часть ее состоит из 34-х размышлений по разным предметам, относящимся к спасению и самосовершенствованию. Затем следуют краткие размышления на каждый день месяца и восемь упражнений самоконтроля. Заканчивают книгу восемь чтений.

В книге ярко проявились богатство мудрости св. Никодима и его стремление к совершенствованию. Благодаря значительной переработке оригинала ему удалось создать книгу, которая стала, по словам отца Феоклита, «шедевром восточной духовности, со всеми характерными чертами православной мистико-созерцательной традиции».

К следующей теме своей литературной деятельности св. Никодим обратился по просьбе Леонтия Гелиопольского и Афанасия Париоса, одного из руководителей колливадского движения и близкого друга св. Макария Коринфского. Они просили св. Никодима собрать и отредактировать все писания св. Григория Паламы. Преклоняясь пред св. Григорием, св. Никодим взялся за работу с воодушевлением и исполнил ее с присущей ему доскональностью и научностью. Он собрал все рукописи, содержащие труды Паламы, из библиотек Афона и всей Греции и приготовил издание в трех томах. Он послал свой труд для печатания в Вену, но к несчастью, книга исчезла. Это было великой скорбью для св.

Никодима. Сохранилось лишь его введение, которое было опубликовано в 1883 году в Константинопольском журнале «Церковная правда».

После завершения работы над писаниями св. Паламы св. Никодим обратился к еще одной трудной задаче: подготовке к печати «Великого Номоканона», в котором должны были быть собраны вместе святые каноны Православной Церкви и комментарии к ним. Эту работу он исполнил с помощью монаха Агапия Пелопонесского (1812). Человек высокообразованный, Агапий преподавал в школах Хиоса, Смирны и родной Демицаны. Свою работу они назвали «Педалион», что означает «Кормчая», поскольку правильное следование ей позволяет безопасно вести церковный корабль. В этой книге представлены все Каноны апостолов, Семи Вселенских Соборов, поместных соборов и также Каноны свв. отцов, подтвержденные Соборами. Каждый канон дается на древнегреческом, затем приводится его перевод на современный греческий и комментарии к нему. Комментарии объясняют то, что в каноне не ясно, и показывают, когда необходимо, согласие или следование одного канона другому, и таким образом ликвидируют кажущееся несогласие.

Подобная книга была очень нужна, поскольку в то время существовали разные номоканоны, но все они были в рукописях и написаны на языке, недоступном для большинства людей, за исключением немногих ученых. Также эти номоканоны были неполные, запутанные и искаженные, комментарии к канонам представлялись как законы, несмотря на то, что они имели несогласия и включали дополнения. «Педалион» не только содержал все каноны, но и устранял все неправильное и ненужное, давал перевод канонов и разъясняющие комментарии на новогреческом языке.

Публикация «Педалиона» была доверена монаху Феодориту. К сожалению, о. Феодорит внес в книгу много произвольных добавлений, особенно в отношении служения панихид, таким образом изменив первоначальное учение. Св. Никодим и Агапий были глубоко опечалены этим, так как Феодорит сделал книгу сомнительной в преподнесении подлинного учения Церкви. Чтобы исправить совершенное зло, Вселенский патриарх Неофит V в 1802 году приказал вымарать все добавления Феодорита. В последующих изданиях эти добавления уже не печатались.

«Педалион» вскоре был признан и в Греции, и в России одной из самых авторитетных Церковных книг. Она семь раз переиздавалась на греческом, один раз на русском и один раз на английском. Английский перевод был сделан Денвером Каммингом с пятого греческого издания и опубликован в 1957 году.

Следующей грандиозной задачей св. Никодима была подготовка книги толкований 14 Посланий апостола Павла. Он придавал большое значение Посланиям Апостола и видел насущную потребность в книге, которая толковала бы и ясно и просто на языке, доступном всем грекам. Св. Никодим взял книгу толкований Феофилакта, архиепископа Болгарского (X1 век), которая была написана на древнегреческом, и перевел ее на современный греческий язык. Он написал к ней введение и многочисленные комментарии, что, в конечном счете, заняло почти половину всего объема книги в 1350 страниц.

О важности Посланий Апостола св. Никодим пишет в своем введении: «Мои братья христиане, всегда вы должны читать благоговейные Послания апостола Павла для того, чтобы научиться из них догматам православной веры, традициям святых апостолов, обязанностям христианской жизни; научиться, как избежать пороков и как приобрести христианские добродетели. Я говорю вам, что если вы будете это делать и будете читать апостола Павла постоянно, то за короткий промежуток времени вы достигнете удивительных изменений в вашем характере и жизни, поскольку Послания блаженного Павла имеют сверхъестественную силу, которая изменяет человека. Они превращают волков в овец, неразумных в разумных, диких в ручных. Злых в добрых».

О толкованиях Фиофилакта св. Никодим говорит, что в них многое почерпнуто из толкований св. Иоанна Златоуста, текстам которого Феофилакт следовал очень близко. После Златоуста толкования Феофилакта своею ясностью и краткостью выражений превосходят все прочие толкования. Но написанные на древнегреческом языке, «они оставались скрытым сокровищем для неученых и простых христиан». Вот почему, говорит св. Никодим, он перевел эту книгу на современный греческий. И добавляет, что для наибольшей ясности текста он расширил краткие объяснения и добавил цитаты из Священного Писания и отцов, подтверждающие толкования.

Все три тома «14 Посланий апостола Павла в толковании Феофилакта» были опубликованы в 1819 году уже после кончины св. Никодима.

Св. Никодим предавал большое значение чтению не только Священного Писания и писаний святых отцов, но также чтению житий святых. Так он занялся подготовкой житий святых к публикации. Он подготовил три книги житий: «Новый Еклогион»», «Новый Мартирологион» и «Синаксарий». Он собрал рукописи 50 житий святых мужей и жен I-XVII веков, которые вели духовную подвижническую жизнь. Прежде эти жития не издавались. Многие из них, находившиеся в старых рукописях, написанные на древнегреческом, он перевел на новогреческий.

В своем введении к «Новому Еклогиону» св. Никодим подчеркивает великое значение, которое имеет чтение житий святых для всех: духовенства, монахов и мирян. Он говорит, что жития святых очень поучительны, поскольку дают прекрасный пример для подражания.

Эта его книга впервые была издана в 1803 году. Второе ее издание вышло в 1863 году, третье – в 1974 году.

«Новый Мартирологион», впервые опубликованный в 1799 году без указания автора, вероятно был подготовлен св. Никодимом совместно со св. Макарием. Св. Макарий подготовил первый, черновой вариант книги и передал ее св. Никодиму для дополнений, исправлений и перевода некоторых житий на новогреческий. В книге собраны 85 житий православных новомучеников периода 1492–1794 годов. Более поздние издания этой книги (1856, 1961) содержат еще и другие жития святых последующего времени, по 1838 год включительно.

«Синаксарий» содержит жития святых, память которых празднуется Православной Церковью на протяжении всего года. Св. Никодим перевел на новогреческий язык «Синаксарий», написанный в XVI веке дьяконом Маврикием из «Великой Церкви», то есть из Константинопольской Патриархии. Максим Маргуниос (1549–1602), епископ Кифарский, перевел эту работу с древнегреческого на новогреческий, но его перевод был неудачным. По этой причине многие афонские монахи просили св. Никодима сделать новый перевод. Патриарх Григорий У, находившийся в то время в ссылке в Иверском монастыре на Афоне, также просил св. Никодима сделать новый перевод. За два года напряженной работы св. Никодим перевел оригинал на доступный новогреческий язык, отредактировал и дополнил его.

Таким образом, вклад св. Никодима в новое издание житий святых был огромен. Жития были выпущены в трех томах и выходили с 1817 по 1819 годы. Соединив в новом издании четыре рукописи труда Маврикия, св. Никодим сделал много исправлений, удалил все места, которые противоречили Священному Писанию или были ненужными, прояснил то, что было неясно, сделал необходимые уточнения, лучше распределил материал, добавил много житий, которых не было в прежних книгах подобного типа, написал поэтические строфы для каждого святого, составил введение и многочисленные комментарии.

Имея великую веру в важность чтения житий святых, св. Никодим призывал всех – епископов, священников, дьяконов, монахов, правителей и подчиненных – читать «Синаксарий». Эта книга, говорил св. Никодим, просвещает ум, согревает сердце, оживляет душу, укрепляет желание достигать христианских добродетелей.

«Синаксарий», написанный св. Никодимом, является самым популярным собранием житий святых. Эта книга переиздавалась четыре раза и послужила основой для поздних «Синаксариев» Константина Дукакиса (1845–1908) и Виктора Матфеу (1909–1973).

В период между работой над «Новым Мартирологионом» и «Синаксарием» св. Никодим был занят написанием других важных трудов: «Евхологионом», «Толкованием 7 Соборных Посланий», «Христианской нравственностью», «Антологией псалмов Давида», «Очень поучительной книгой», «Толкованием 150 псалмов» и «Садом благодати».

«Евхологион», или «Молитвослов», является исправленным и улучшенным изданием бывшего тогда в употреблении «Евхологиона». Исправляя эту важную богослужебную книгу, в которой содержались чинопоследования всех таинств Православной Церкви и ее главных обрядов, св. Никодим устранил ряд новшеств, внесенных, по определению святого, отдельными «темными и глупыми людьми», например, такие, как обычай «освящения» икон[39]. Книга вышла в свет в 1799 году.

В «Толковании 7 Соборных посланий» св. Никодим следует главным образом толкованию иерарха Митрофания, до некоторой степени – толкованию Феофилакта. И в еще меньшей – толкованию св. Экумения (X век). Он использует здесь также объяснения отцов Церкви из разных мест их трудов об определенных высказываниях из Посланий. Все это св. Никодим публикует на новогреческом языке, чтобы, как он отмечает во введении, «наши простые братья во Христе могли понимать». Помимо собрания, распределения и перевода материалов он также добавляет собственные комментарии и ссылки. Таким образом, св. Никодиму удалось создать книгу, содержащую полное и подробное толкование 7 Посланий. Так же как и «Евхологион», эта книга издавалась только один раз, в 1806 году.

Следующая книга «Христианская нравственность», является одной из самых оригинальных и поучительных книг св. Никодима. Она более других рассказывает о жизни и обычаях греческого народа того времени. Книга делится на 13 бесед, в которых святой рассуждает на темы нравственности не в общих словах, но обращаясь к каждодневной жизни его современников и соотечественников. С одной стороны, он подробно обсуждает и осуждает существующие порочные нравы и суеверия, плохие обычаи и привычки; с другой стороны, он показывает читателю чистые и прекрасные пути истинного христианина.

В своей книге св. Никодим руководствуется Ветхим и Новым Заветами, Канонами Вселенских Соборов, писаниями святых отцов, особенно св. Иоанна Златоуста и св. Василия Великого, и естественным законом (ορθος λογος).О Соборах и святых отцах он говорит: «Ни святые соборы, ни божественные отцы не говорили своими собственными словами или духом мира сего, но они говорили с благодатью и просвещением Святого Духа; и их слова – это Божественное учение, которое ведет человека ко спасению души и к Царству Небесному».

И св. Никодим подчеркивает здесь, что если обычай явно не осуждается в Святом Писании или не осуждается канонами Святых Соборов, или словами святых отцов, но противоречит естественному закону и вредит душе, то такой обычай должен быть отвергнут.

«Христианская нравственность» показывает глубокую заботу о нравственном совершенствовании человечества, и в этом она напоминает «Учения» св. Космы Этолийского. Св. Никодим был уверен, что о нравственном совершенствовании должны заботиться все люди, в том числе и монахи, живущие в пустыне, поскольку человек по природе – существо общественное (как утверждает Аристотель), и каждый человек должен стараться сотворить благое для своего ближнего. Это не только совместимо с монашеским призванием, но, напро-

[39] До XVII века в Церкви существовал чин поставления в иконописца, совершаемый от архиерея, и иконы не освящались (над ними, писали отцы VII Вселенского Собора, «не читается священной молитвы, потому что они по самому имени своему полны святости и благодати»). Чины освящения икон были составлены в конце XVII – начале XVIII века. – *Прим. ред.*

тив, является его существенной частью, когда таковое призвание правильно понимается. Те монахи, которые сильны душой и телом, говорит св. Никодим, должны периодически идти в мир с проповедью и наставлениями. Те, кто не может идти в мир либо по причине страстей, которые нападают на них, когда они находятся посреди общества, либо по причине физической слабости, должны заботиться о ближних, молясь о них, давая советы тем, кто приходит, и занимаясь, если они образованные, писанием поучительных книг. Последнее особенно показывает отношение св. Никодима к своей писательской работе. Он ярко выразил это в книге «Духовные упражнения»: «Публиковать духовные и поучительные книги значит не только поклоняться Богу и почитать Его, но также и совершать дело милосердия по отношению к своему ближнему; и это дело превышает все другие дела материальной благотворительности, так как оно приносит пользу бессмертной душе».

Другая категория людей, которая могла бы сыграть важную роль в нравственном совершенствовании человечества, по словам св. Никодима, это священство: патриархи, епископы, священники, духовники. Они должны каждый день учить народ добродетели, а если невозможно каждый день, то, по крайней мере, каждое воскресенье. Если образование клирика недостаточно и по этой или другой причине он не способен давать наставления, он должен заботиться хотя бы о том, чтобы в его местности были школы и учителя, наставляющие народ в добре и благочестии.

Еще одна книга, «Антология псалмов пророка царя Давида», была составлена св. Никодимом Святогорцем из трех существовавших на то время собраний. Во введении св. Никодим останавливается на великом значении молитвы. Он подчеркивает, что молитва – самая высокая, самая необходимая добродетель, потому что если другие добродетели только ведут человека к уподоблению Богу, уподоблению, которое украшает душу человека и делает его достойным соединения с Богом, то молитва именно соединяет человека с Богом; а псалмы и есть молитвы, которые используются для достижения этой великой цели.

Книга впервые была опубликована в 1799 году и переиздавалась в 1864 году.

«Очень поучительная книга» свв. отцов Варсонофия и Иоанна (VI века) представляет собой образец православной духовности, подобно писаниям, включенным в «Добротолюбие» и «Евергетинос». До того как в 1816 году, уже после смерти Никодима Святогорца, была опубликована ее новая редакция, выполненная святым, книга имела хождение среди монахов в виде некоторых редких рукописей. Св. Никодим начал готовить эту работу к публикации по просьбе афонских монахов, которые поручились оплатить издательские расходы. Св. Никодим отзывается об авторах книги как о людях высокой духовности и великих авторитетах в аскетике и духовном созерцании. Их книга, отмечает св. Никодим, не просто плод человеческой мудрости, она боговдохновенна и составлена святыми по их великой любви к близким. Книга содержит 836 ответов на вопросы, которые задавались свв. Варсонофию и Иоанну разными людьми: «епископами, священниками, монахами, мирянами, старыми и молодыми, больными и здоровыми». Некоторые из ответов были написаны Иоанном, но большинство были продиктованы Варсонофием авве Сериду. Как указывает св. Никодим, «Очень поучительная книга» высоко ценилась св. Феодором Студитом, ее упоминали св. Петр Дамаскин, св. Симеон Новый Богослов и другие отцы; составитель «Евергетиноса», архимандрит Павел, многое из нее включил в свою книгу. Св. Никодим Святогорец призывал всех, независимо от уровня духовного развития, читать эту книгу постоянно, «ибо она наиболее полезна для епископов и священников, правителей и судей, и особенно для монахов, как для отшельников, так и для живущих в монастырях, словом, – и для начинающих, для совершенствующихся и для совершенных».

Следующим трудом св. Никодима было редактирование и перевод на новогреческий книги «Толкование 150 псалмов пророка царя Давида» Евфимия Зигабена (1110 г.). Св. Никодим добавил введение и большое количество комментариев к этой работе, что заняло почти

половину объема двухтомной книги. В своих комментариях св. Никодим сравнивает толкования Зигабена с толкованиями святых отцов и объясняет неясные места. Во введении он обращает наше внимание на важность содержащихся в Псалтири учения о происхождении и природе вещей и нравственного учения. Именно по этой причине, говорит св. Никодим, Псалтирь считается необходимой и используется Православной Церковью для разных целей. Ее употребляют и в личных молитвах, и во всех церковных службах и обрядах.

Св. Никодим избрал толкование Зигабена как наиболее авторитетное и всеобъемлющее, в котором автор использовал работы всех прежних толкователей. Следует отметить, что никодимовская редакция толкования Псалтири через 100 лет была внимательно изучена св. Нектарием Эгинским, который использовал ее для создания своей редакции Псалтири в стихах.

По окончании работы над Псалтирью св. Никодим приступил к работе над книгой «Сад благодати», в которой он объясняет стихи девяти песней, звучащих на утрене. Святой чувствовал, что существует настоятельная потребность в объяснении этих стихов на простом и понятном для большинства народа языке, чтобы каждый, прочитавший их, мог понять глубокий заложенный в них смысл. Эти песни отобрали святые отцы (первые восемь песней из Ветхого Завета и девятая из Нового) и велели, чтобы православные пели их ежедневно. К своим объяснениям песней, которые заняли более 200 страниц книги, св. Никодим добавил различные поучительные тексты. В их числе один текст о «помысле», написанный самим Никодимом Святогорцем, другой текст св. Каллиста, патриарха Константинопольского, об умной молитве или молитве сердца, и текст Геннадия Схолариоса, патриарха Константинопольского, о духовном законе, содержащемся в Евангелии.

«Толкование 150 псалмов» и «Сад благодати» – не единственные книги св. Никодима, посвященные толкованию богослужебных текстов. Он написал еще две книги на эти темы: «Геортодромион» и «Новая лествица». Все эти четыре работы показывают, что св. Никодим придавал огромное значение богослужебным песнопениям как поучительным и просвещающим, если их действительно понимают.

К сожалению, подлинное значение песнопений редко оценивается по достоинству, и поэтому эти его книги не пользовались такой популярностью, как другие его публикации. «Толкование» появилось в печати только один раз, остальные работы издавались дважды. Все они увидели свет уже после кончины св. Никодима: «Толкование» в 1819–1821 годах, «Сад благодати» впервые вышел в свет в 1819 году, «Геортодромион» в 1836 году и «Новая лествица» в 1844 году.

В «Геортодромионе» святой дает толкование канонов праздничных служб Спасителю и Богородице. При написании этой книги он руководствовался целью сделать эти каноны понятными для тех, кто не понимал древнегреческий. Но святой сделал гораздо более того. Взяв каноны за основание, он затрагивает многие богословские, философские и исторические вопросы. Глубокое знание и понимание им православной веры находят красноречивое выражение в его рассуждениях.

«Новая лествица» была закончена св. Никодимом за год до кончины, в 1808 году. Само название напоминает о «Лествице» св. Иоанна Лествичника, влияние которого св. Никодим испытывал с самого начала своей монашеской жизни. В этой книге св. Никодим дает полное толкование 75 степенн из богослужебной книги, именуемой «Великий Октоих» или «Параклитики», 9-ти в каждом из первых семи гласов византийского пения и 12-ти из восьмого гласа, написанных св. Феодором Студитом. Книга напоминает «Сад благодати» и «Геортодромион». Основываясь на степеннах, или ступенях, св. Никодим излагает вопросы вероучения, богословия, морали и духовности на доступном греческом языке.

Сравнивая «Новую Лествицу» с «Лествицой» св. Иоанна, св. Никодим говорит, что эта новая книга «действительно лествица, ведущая человека на небо». Эта «Лествица, менее

устрашающая, чем Лествица Иоанна, известна всем, потому что здесь, в каждых трех строфах степенн, помещается строфа, обращенная ко Святому Духу с тем, чтобы Он Своею силой и благодатью помог тем, кто поднимается, не устрашиться, и удержал от головокружения на высотах восхождения».

Для того, чтобы рассеять клеветнические наветы и слухи, распространяемые некоторыми невежественными афонскими монахами, св. Никодим за два года до кончины написал «Исповедание веры, или Апологию». В этом трактате, который появился в печати в 1819 году, святой исповедует, что принимает все, что принимает и исповедует Православная Церковь, и отвращается от всего, от чего отвращается Православная Церковь.

Будучи одним из участников колливадского движения, св. Никодим вынужден был особо защищаться по вопросам служения панихид и Причастия. Колливады настаивали на том, что панихиды не должны служиться по воскресеньям, в день памяти Воскресения Спасителя и потому – день радости, а должны служиться в другой день, предпочтительно в субботу. Также колливады считали, что нужно часто причащаться Святых Таинств. Их противники стремились оправдать свои нововведения служения панихид по воскресеньям и резко критиковали колливадское учение. Св. Никодим в своем «Исповедании веры» отстаивал взгляды колливадов о служении панихид, основываясь на Святых Канонах, богослужебных книгах, особенно на «Триоди» и «Октоихе», на утверждениях святых отцов – к примеру, на высказываниях Иоанна Дамаскина, Дионисия Ареопагита и Григория Нисского, и на афонском «Типиконе». В отношении Святого Причастия, ссылаясь на те же авторитеты, он защищал учение колливадов о том, что всякий христианин, должным образом подготовленный, должен причащаться часто, а не только несколько раз в году, как это было принято в то время.

Во время своей долгой писательской биографии, с 1777 по 1809 год, св. Никодим, помимо 26 упомянутых нами книг, написал огромное количество небольших работ. За исключением нескольких кратких законом (ορθος λογος), писем и молитвы св. Трифону и св. Модесту, все другие его книги были богослужебными.

Наиболее замечательными из его слов являются «Похвальное слово Златоусту» и «Похвальное слово в неделю Афонских Отцов».

Самое большое и наиболее важное письмо св. Никодима адресовано Афанасию Париосу и представляет собой красноречивую и мощную защиту православного монашества.

Богослужебные работы святого включают в себя 40 всенощных служб, большую часть которых он написал сам, а остальные, написанные прежде другими авторами, он исправил и улучшил; столько же канонов, большая часть которых также написана им самим; и также огромное количество богослужебных песнопений: тропари, кондаки, икосы, седальны, величания, славословия. Богослужебные труды св. Никодима отличаются глубоким религиозным чувством, точностью мысли и настоящими поэтическими достоинствами. Хотя его творения и не обладают своеобразием и силой песнопений Романа Сладкопевца и Иоанна Дамаскина, но они написаны в стиле великих византийских гимнографов и исполнены теми же религиозными чувствами сокрушения, благоговения и духовного ликования. Все это ставит Никодима Святогорца в ряд наиболее выдающихся православных гимнографов поствизантийского времени.

Труды св. Никодима показывают не только глубину, историческую и экзегетическую точность, приверженность православной традиции, необычайную эрудицию, настоящий литературный дар, но и многогранность его личности. Они затрагивают многие темы богословия: аскетику, созерцательное богословие, этику, каноническое право, экзегетику, агиологию, литургику, гимнографию.

Великое значение Никодима Святогорца как религиозного автора было отмечено многими выдающимися писателями X1X-XX веков. Историк Константин Сафос писал в 1868

году: «Работы св. Никодима способствовали укреплению Православия и принесли большую пользу греческому народу». Другой историк, Мануил Гедеон, несколько лет назад написал: «Никодим трудился до самой своей смерти ради интеллектуального и нравственного просвещения своих соотечественников. Его труды навсегда останутся доказательством его благочестия, ревности и усердия». Русский современник св. Никодима епископ Порфирий (Успенский) также отмечает огромное влияние, которое оказывали труды Никодима. Порфирий подчеркивает, что св. Никодим «был учителем всего православного мира». И.Ф.Колитсарас, написавший в 1953 году первое подробное описание жизни и трудов св. Никодима, замечает: «Он был, по мнению тех, кто занимался его жизнеописанием и изучением его трудов, одним из величайших богословов поствизантийского периода и самым великим из всех, кто вел монашескую жизнь на Святом Афоне с древних времен до наших дней». Отец Феоклит из монастыря Дионисиу, издавший книгу с замечательным описанием жизни, личности и трудов св. Никодима, подчеркивает, что «что он был великим богословом в широком смысле этого слова и оставил писания, которые огромны, личны, но, в то же время, пригодны для всех и полны ответственности».

И, наконец, профессор Ходжес говорит, что «св. Никодим предстает сегодня как столп Православия».

Св. Никодим был не только великим богословом, но также и величайшим духовным наставником. Его биограф Евфимий свидетельствует, что св. Никодим был безошибочным наставником тех, кто впадал в заблуждения или подвергался скорбям. «Почти все, поврежденные грехом, оставляли епископов и духовников и бежали к Никодиму, облаченному в худые ризы, чтоб найти у него исцеление или утешение своим скорбям. И не только монахи из монастырей, скитов и келлий, но также многие христиане из разных мест устремлялись к святому». Среди них были и те, кто отрекся от христианской веры и принял ислам. Раскаявшись, они шли на Святой Афон, чтобы исповедать свой грех и подготовить себя к возвращению в Церковь. Для этой подготовки многие из них, по совету своих духовников, обращались к св. Никодиму, чтобы получить от него наставления в вере.

Новомученик Константин с острова Гидра был одним из таких людей. В течение пяти месяцев он жил в гостевом доме Иверского монастыря, и св. Никодим, пустынь которого была недалеко от этого монастыря, проводил его катехизацию. Позже, в 1800 году, Константин принял мученическую кончину на Родосе. Когда св. Никодим узнал об этом, он возрадовался и написал житие мученика и прекрасную службу в его честь.

Так св. Никодим, подобно его другу и наставнику Макарию Коринфскому, был «учителем мучеников» Он не только учил мучеников напрямую, но также учил их и через совместную со св. Макарием работу над книгой «Новый Мартирологион».

Кроме того, мы считаем необходимым отметить, что св. Никодим был исихастом. Он начал заниматься умной молитвой еще до того, как приехал на Святую Гору Афон. И продолжал занятия ею на протяжении всех 34 лет жизни на Афоне. Евфимий, знавший его все это время, свидетельствует, что св. Никодим занимался умной молитвой «всегда, каждый час дня и ночи».

О характере св. Никодима нам сообщает близко знавший его монах Онуфрий: «Он был прост в обращении, терпелив, мягок, милостив, нестяжателен и собран». Современник св. Никодима историк Завирас называет его «мудрым и благочестивым». А один из современных авторитетных биографов св. Никодима, Колизарос, говорит: «У всех, кто знал его лично или по его трудам, складывалось твердое убеждение, что он не только мудрый богослов, просвещающий наставник всех, от патриарха до самого простого верующего, но он также и святой, живущий во Христе и сияющий благодатью Христовой».

Св. Никодим не был чудотворцем, как св. Косма и св. Макарий Коринфский, но это не препятствовало признанию его святым задолго до того, как Константинопольская Патриар-

хия в 1955 году официально причислила его к лику святых. Как отмечает св. Николай Кавасила (XIV в.): «Чудеса не всегда являются доказательством добродетельной жизни. Ибо не все великие святые совершали чудеса, и не все те, кто совершал чудеса, были добродетельными людьми. Многие святые, поднявшиеся к Богу и показавшие великие дела и добродетели, не совершали чудес». Основаниями для признания Никодима Святогорца святым стали его великий вклад в богословие Церкви, его примерный христианский образ жизни, его добродетели, его святость.

Канонизация св. Никодима была совершена по просьбе монастыря Великой Лавры, которой принадлежит келлия Скуртеи, где св. Никодим провел последние дни своей жизни. Эта канонизация вызвала большую радость на всем Афоне и среди православных других стран.

После прославления святого возрос интерес к его жизни, личности и его трудам. О св. Никодиме было написано несколько книг на греческом и одна книга на французском языках. Иконы с его образом, написанные выдающимся греческим иконописцем Фотием Контоглу и другими иконописцами, можно теперь увидеть во многих церквах. В его честь были воздвигнуты несколько часовен: на его родном острове Наксосе, в пригородах Афин и других частях Греции; готовится возведение церкви в честь Никодима Святогорца недалеко от келлии Скуртеи.

Служба св. Никодиму была написана в 1955 году святогорским монахом Герасимом из Малого скита св. Анны, главным греческим гимнографом после св. Никодима. Эта служба отправляется в день памяти святого 14 июля. В тропаре святому поется:

«Украшенный даром мудрости, отче, явился еси орган Духа и учитель добродетели, о Никодиме, глаголавый о Бозе, всем бо дал еси учение спасения и чистоты жизни, открывая е лучезарными своими писаньми, ихже богатством сияеши, яко свет миру».

Житие св. Никодима

Автор – отец Герасим[40] из Малого скита св. Анны на Святой Горе Афон

Поистине добродетель – это нечто великое и небесное, имеющее источник и начало в Боге; прославляющая тех, кто любит ее и стремится к ней. Добродетелью св. пророки почитаются, апостолы, возгласившие о Боге, превозносятся, славно торжествующие мученики творят свои смелые деяния, богоподобные иерархи сияют и боговдохновенные отцы становятся общниками Божества. Добродетелью святые сотворили «удивительные и невероятные дела» в мире и стали великими светильниками, имеющими «глаголы жизни» и дающими свет «от Востока солнца до Запада» для просвещения «сидящих во тьме и сени смертной», для вечного спасения душ. Добродетель делает человека блаженным, ангелом на земле, исполненным Божественного света, живым воплощением всего доброго и благотворного, наследником Бога, сонаследником Христа.

Среди истинных любителей, истинных делателей добродетели и выразителей ее в слове и деле был и боговдохновенный Никодим, великий и мудрый учитель Церкви, чудо афонских монахов, сияющая утренняя звезда небесной мудрости и жизни во Христе. Недавно просиявший, он освещает даже самые дальние уголки земли своими писаниями, исполненными Божественной мудрости. Он – красноречивый и мудрейший язык, силой которого явлены и объяснены слова Вечной жизни и мысли отцов. Он – деятельный учитель аскетической жизни, изложивший духовную лествицу и открывший ее лучезарное сияние при восхождении по ней. Он «столп и утверждение» Православной Церкви и ее особая похвала, могучий разрушитель всякого еретического и пустого учения, человек, прославивший Бога и достойный Его чести. «Никакоже Мне, зане токмо прославляющия Мя прославлю», говорит Господь Вседержитель (1 Цар. 2, 30).

Этот самый мудрый, добродетельный светильник и учитель Церкви, уста святых учителей прошлого, божественный Никодим, родился на острове Наксос, одном из Кикладских островов, в году 1749 от Рождества нашего Спасителя. Его благочестивые и добродетельные родители, Антоний и Анастасия Калливурцис, назвали его в святом крещении Николаем. Они были первыми, кто с детства поил св. Никодима богоносными водами веры. Явным доказательством благочестия его родителей является тот факт, что его мать позже стала монахиней. Она взяла на себя благое иго Христово и в монашестве получила имя Агафии.

В детстве Николай был хорошим и воспитанным мальчиком, он избегал плохих компаний и всего того, что могло повредить внутреннему человеку. Забота о своем поведении, ревность ко всему доброму и любовь к церковному и светскому учениям были отличительными чертами юного Николая. Но кроме того, он отличался проницательным умом, точным восприятием и блестящей памятью. Эти качества удивляли не только его ровесников, но также и всех тех взрослых людей, кто видел столь исключительные способности и таланты в таком молодом человеке.

Св. Никодим получил начальное образование на родном острове Наксосе. Его учителем был приходской священник, который также учил его любви к Богу и Святой Церкви и всему доброму и полезному. С великой преданностью Николай служил этому священнику, помогая ему во время совершения Божественной литургии и в других богослужениях.

---

[40] Отец Герасим живет в Малом скиту св. Анны, небольшом поселении отшельников, который примыкает к Скиту св. Анны на Святой Горе Афон. Он самый выдающийся гимнограф Греческой Православной Церкви сегодня. Настоящий текст жития является переводом его книги на английский доктором К.Каварносом. При написании жития св. Никодима отец Герасим использовал главным образом биографию св. Никодима, написанную монахом Евфимием, духовным братом св. Никодима.

Подготовленный соответствующим образом, блаженный отрок поступил в школу на Наксосе. Здесь его обучал светской и церковной грамоте добродетельный и ученый просветитель нации архимандрит Хрисанф, брат дивного равноапостольного Космы Этолийского.

Известно, что на острове Наксос, благодаря заботе образованных епископов Феоны, Афанасия, Иоасафа и других, была основана школа. В 1770 году она была восстановлена. В 1781 году школа была перенесена в монастырь св. Георгия и действовала до 1821 года. Архимандрит Хрисанф Этолийский, которого мы упомянули выше, возглавлял эту школу и преподавал в ней до самой своей смерти в 1785 году. Имея такого учителя, молодой Николай получил блестящее образование; в нем возгорелось желание учиться дальше и приобрести более высокие познания.

Когда Николаю исполнилось 15 лет, отец отвез его на Смирну, в великолепную греческую школу, которая позже была названа школой Евангелики и стала знаменитой. Николай учился в школе на полном пансионе.

В этой школе у Николая был также великий учитель, Иерофей Вулисмос с Итаки, знаменитый в то время своей ученостью и почитаемый за свои нравственные заслуги. Николай обучался в школе в течение пяти лет. Продвигаясь в своих знаниях, он удивлял всех своими замечательными знаниями, исключительной памятью, блестящими суждениями, а также своей величайшей осторожностью в поведении и добрыми манерами. О нем можно было сказать словами святителя Григория Богослова, которые тот произнес о своем Кесарийском брате: «Какой областью познания он не обладал? Или вернее, в какой области наук он не превзошел тех, кто изучал исключительно эту область? Все предметы он изучал как один, и каждый из них – так всеобъемлюще, словно он не знал других».

Во время учебы в школе юный Николай стал учителем для своих соучеников, разъясняя для них предметы и обучая их тому, что они не смогли усвоить и понять во время уроков. За эту готовность помогать, так же как и за его доброту и другие дары, он был очень любим своими товарищами, так что, несмотря на протесты самого Николая, они всегда стремились исполнить за него разные работы по дому. Сам его учитель Иерофей, уважая блестящее богословское образование Николая и его нравственные добродетели, писал ему позже: «Приезжай, мой сын. Сейчас, когда я в старом возрасте, я оставил бы тебя учителем школы, поскольку у меня нет никого, подобного тебе в познаниях».

В школе Евангелики, кроме общеобразовательных предметов, Николай изучал богословие, древнегреческий язык и литературу, а также латинский, итальянский и французский языки. Его познания древнегреческого были удивительными, что ярко проявится впоследствии во всех его работах. Он стал совершенным знатоком этого языка, он мог писать и выражать себя в любой форме какой угодно исторической фазы древнегреческого. Он составлял эпиграммы на диалекте Гомера с такой же легкостью, как и переводил священные тексты на доступный современный греческий язык для того, чтобы сделать их понятными для простого народа.

В 1770 году из-за гонений на христиан и истребления их турками, которые обозлились на потерю своего флота в сражении с русскими в Чесменской бухте, Николай покинул Смирну и вернулся на родной остров, где митрополит Пароса и Наксоса Анфимий Вардис дал ему место своего секретаря и келейника, с намерением подготовить его «для более совершенных дел благодати» и познакомить его со священническим служением Господу. Николай оставался у митрополита Анфимия на протяжении пяти лет. Здесь, на Наксосе, юноша получил возможность познакомиться со святыми афонскими иеромонахами Григорием и Нифоном и монахом Арсением, воистину превзошедшими многих своим благочестием. Они рассказывали Николаю о монашеском, ангельском образе жизни подвижников Святой Горы Афон. Они научили его духовной молитве, усмотрев в нем готовность постигать тайны этого блаженного делания. В общении и в беседах с этими святыми людьми

сердце Николая исполнилось божественного рвения, и в нем возникло стремление к ангельской жизни афонских монахов.

Зная по рассказам о добродетели и мудрости митрополита Коринфского св. Макария Нотараса, Николай поехал к нему на остров Гидру, где жил в то время святой. Николай хотел встретиться с ним и получить от него наставления в аскетической жизни, которой он желал уже всей душой. С этой встречи и на протяжении всей жизни этих двух святых и боговдохновенных людей связывают тесные духовные узы и сильная любовь во Христе.

В это же время Николай познакомился с монахом Сильвестром Кесарийским, который был известен своими добродетелями и подвизался в пустыне, «питаемый медом безмолвия (исихии) и созерцания». Желание Николая к ангельской жизни монахов еще более укрепилось в общении с этим великим отшельником.

И когда сердце Николая зажглось нестерпимо сильным желанием блаженной духовной жизни и более совершенных даров Духа Святого, он взял от старца Сильвестра рекомендательные письма и в 1775 году поехал на Афон, отвергнув мир и самого себя по слову Христову, желая нести сладчайший и добрый крест Христов. В день, когда он покидал остров Наксос, произошел следующий случай: Николай пришел к берегу моря, нашел судно, которое готовилось к отплытию на Гору Афон, и возблагодарил Бога за исполнение его желания. Он умолил капитана взять его на борт. Капитан пообещал дать юноше знать о времени отправления судна, но по неизвестным причинам отплыл, не уведомив об этом Николая. Увидев, что корабль уходит без него, оставшийся на берегу Николай начал кричать и плакать. Затем, не теряя времени, он прыгнул в море, стремясь вплавь догнать уходящий корабль. Когда моряки увидели это, они вернулись и подняли юношу на борт. И так он благополучно добрался до Святой Горы Афон.

Сойдя на берег Афона, Николай возрадовался великой радостью. По наставлению старца Сильвестра, он отправился в монастырь Дионисиу и нашел там много святых людей, украшенных всякой добродетелью, благочестием и дарами духовных подвигов. Среди них был старец Макарий[41] с отцом Авраамием и другими, ведущими духовную подвижническую жизнь. Восхищенный их внутренним превосходством, Николай поселился в этом святом общежительном монастыре. Здесь, исполненный Божественной ревности к святой жизни во Христе и совершенно отвергнув всякую мирскую мысль и чувства, он был пострижен в малую схиму и наречен именем Никодим. Когда отцы монастыря прознали про его исключительные дары, глубокие познания и образованность, его благочестие, его стремление к исполнению правил общежительного монастыря и его образцовый характер, они назначили его чтецом обители. Никто не мог сравниться с Никодимом как в исполнении этого послушания, так и в духовном делании, в котором он совершенствовался день ото дня, стараясь достичь уровня превосходящих его монахов, подчиняя плоть духу и возводя ум к созерцанию высшего, уготовляя себя к самому совершенному стремлению – к Божественному безмолвию и высшей философии во Христе, в которых он преуспел и в слове и в деле.

В 1777 году на Афон приехал св. Макарий Коринфский, с которым Никодим встречался на острове Гидра. Посещая святые монастыри, св. Макарий прибыл в Карею, столицу Афона, и расположился у своего земляка Давида, в келлии св. Антония. Туда он призвал блаженного Никодима и обратился к нему с просьбой отредактировать монументальные духовные книги «Добротолюбие», «Евергетинос», «О постоянном Причащении…». Таким образом, св. Макарий предоставил Никодиму возможность употребить себя на высоком духовном поприще, где тот и просиял как истинный светильник Церкви и вселенский учитель благочестия.

[41] Не отождествлять со св. Макарием Коринфским.

Св. Никодим начал с «Добротолюбия», привел его в порядок и написал блестящее введение и библиографические очерки о каждом святом – авторе «Добротолюбия». Затем он исправил «Евергетинос» и к нему также написал замечательное введение. Наконец, он поправил и расширил книгу «О постоянном Причащении…». Когда св. Никодим подготовил книги, св. Макарий отправился с ними в Смирну, чтобы найти для них издателей.

После отъезда св. Макария св. Никодим еще некоторое время оставался в Карее. Он гостил в келлии св. Георгия, которая принадлежит Лавре и часто называется «Скуртеи». С монахами этой лавры св. Никодима связали узы неразлучной дружбы и любви во Христе. Здесь в течение года он переписывал «Альфабетальфабетос», книгу, написанную в XIII веке св. Мелетием Исповедником и содержащую духовное учение в стихах. По завершении работы над этой книгой св. Никодим вернулся в свой монастырь. Подвизаясь в монастыре Дионисиу, св. Никодим много слышал о добродетелях русского киновиарха, старца Паисия Величковского. Св. Паисий в то время подвизался в Богдании (в настоящее время – Румыния), где осуществлял духовное руководство более чем тысячей монахов и обучал их умной молитве. Св. Никодим, питая великую любовь к этому Божественному деланию, решил поехать к старцу Паисию. Корабль, на котором он отплыл со Святого Афона, попал в жестокий шторм в открытом море. Моряки вынуждены были изменить курс и с большим трудом пристали к острову Тасос. И тогда св. Никодим, считая, что на то нет благословения Божиего, отказался от своего плана поехать в Румынию.

Когда святой возвратился на Афон, он не вернулся в монастырь Дионисиу, но, охваченный любовью к тишине, и ради постоянного изучения Святого Писания и непрерывной молитвы отправился в келлию Скуртеи. Затем он поселился в тихой, уединенной комнате келлии св. Афанасия и посвятил себя духовному созерцанию и непрерывной молитве. Ум его стал еще ярче, а душа обрела духовную пищу. Он, казалось, совершенно достиг уподобления Богу и исполнился небесной светлости и благодати. В определенные часы он переписывал рукописи и этим зарабатывал себе на хлеб. Кроме того, здесь он написал подобны и другие песнопения для дополнения служб святым иерархам Афанасию и Кириллу, в честь которых была освящена часовня в келлии.

Вскоре в скит монастыря Пантократора (теперь именуемый Капсала) с острова Наксос приехал добродетельный старец Арсений Пелопонесский. Боголюбивый Никодим познакомился с этим старцем еще на Наксосе и из его уст услышал небесные, сладчайшие слова о жизни, исполненной духовного подвига. Эти слова вдохнули в него стремление к стяжанию духовных даров. Узнав о приезде старца Арсения, отец Никодим отправился в скит Пантократора и стал учеником старца.

Здесь, в святом скиту, блаженный Никодим обрел новое поприще для духовных подвигов и достиг величайших степеней безмолвия, к которому так стремился и которого так искал с таким же усердием, с каким жаждущий олень стремится к источникам водным. Но часто блаженный Никодим посещал и свою любимую келлию в Скуртеи.

В Капсале св. Никодим целиком посвятил себя великим духовным подвигам священного любомудрия во Христе. Изучая день и ночь Закон Божий – Божественно-вдохновенное Святое Писание – и труды отцов Церкви, премудрых в божественном, он был исполнен божественной радости и пришел к познанию тайн Божиих, пребывая выше видимого мира. Кто способен описать божественные подвиги и труды этого блаженного отца? Полностью отвергнув себя, отказавшись от всякой заботы о материальном, он совершенно умертвил свой плотский ум строгим постом, непрерывной умной молитвой и всей своей духовной подвижнической жизнью, исполненной трудов и лишений. Благодаря этой блаженной жизни, он стал сам светом и святостью. Отсюда, словно второй Моисей, он взошел на гору добродетелей, вступил в славный рассвет духовного созерцания и увидел, насколько возможно увидеть человеку, невидимого Бога, услышал неизреченные глаголы и получил их

действительное освящение благодатью, и нематериальное сияние, и вдохновение Великого Утешителя. Он достиг обожения и стал блаженным и богоподобным, ангелом в теле, вдохновенным исихастом, исполненным небесного знания, открывающим для нас жизнь в Духе Святом. Исполненный Святым Духом, он донес до нас и разъяснил нам «в слове благодати» Его плоды и благословения.

Обладая благодатью и мудростью, он получил божественный дар учительства и стал ярким светильником Православной Церкви, великим учителем христианства, сильнейшим противником любой ереси и инославного учения. Подобно водам, изливающимся в Вечную жизнь и радость, как говорит пророк Давид, слова благодати изливались из его благословенных уст, и реки его учения питали не только монахов Святого Афона, но и всех других христиан Святой Церкви. Его святой рукой написано множество Божественных книг и сладчайших духовных песнопений и служб в честь разных святых. Его великие труды – богословские, догматические, нравственные, экзегетические, – составляют целую библиотеку. В них явлены высота и глубина всякого человеческого и Божественного знания и море небесной мудрости. Боговдохновенный Никодим день и ночь всеми силами трудился над своими писаниями ради пользы ближних и духовного обогащения нашей Святой Церкви.

В 1782 году старец Арсений уехал из скита Пантократора на маленький островок Скиропола к югу от Афона. Св. Никодим последовал за ним. Жизнь на этом острове была полна лишений и трудностей. Из письма, которое он послал своему двоюродному брату Иерофею, епископу Еврипскому, мы узнаем о том, что это место было лишено растительности и было необитаемо; единственными соседями монахов были птицы, питающиеся рыбой. Здесь св. Никодим также вел жизнь ангельскую и небесную. Он жил словно бесплотное существо. Упорно трудясь, он едва мог обеспечивать себя и старца самым необходимым для жизни. И тем не менее, по его собственным словам, он предпочел именно «жизнь земледельца, который копает, сеет, жнет и каждый день делает множество другого, что требует тяжелая жизнь на скалистых, бесплодных островах». Кроме того, здесь ему недоставало книг. Но он радовался неизреченной и славной радостью, предаваясь непрерывно умной молитве, через которую его ум просвещался и получал Божественные откровения и проникал в надмирную мудрость.

Хотя он и был лишен всего, и жил, как ангел, и избегал каких-либо дел с внешним, то есть с миром, он не оставил без внимания просьбу своего двоюродного брата Иерофея и в свободное от работы время стал писать замечательную книгу, полную Божественной и человеческой мудрости, со многими высказываниями святых отцов и других философов. Книга была названа «Сборником советов», поскольку содержала советы для всех верующих, в особенности для епископов. Эта книга, в которой св. Никодим говорит о руководствечувствами и о борьбе за совершенствование внутреннего человека, показывает, какой безграничной и благодатной памятью обладал святой, писавший этот труд без нужных для работы книг, на уединенном острове, не имея даже самого необходимого для жизни.

Сам св. Никодим писал брату Иерофею: «Все, что через чтение, по аристотелевской доктрине, отпечаталось на чистой доске моего воображения и, по учению Прокла, отложилось в святилище моего ума, или лучше, как сказал Давид, «в сердце моем скрых словеса Твоя, яко да не согрешу Тебе», так я вспомнил все слова, что относились к теме этой убогой книги «Сборник советов», и написал в ней».

Чтобы облегчить хоть немного трудности пустынной жизни отшельников, Иерофей послал св. Никодиму пищу, одежду и одеяла; все это св. Никодим принял с благодарностью.

В 1783 году св. Никодим вернулся на Афон и был пострижен в великую схиму св. старцем Дамаскином Ставрудасом. Вскоре он поселился в приобретенной им каливе[42], которая

[42] Калива – уединенный дом на Афоне.

располагалась над соборной церковью скита Пантократора и именовалась калива Феоны. Здесь через год он взял себе учеником своего земляка Иоанна, который потом был пострижен в схиму и получил имя Иерофей. Этот монах служил св. Никодиму на протяжении шести лет. Пребывая в безмолвии, источая мед добродетели, св. Никодим, просвещенный светом Духа Святого, постоянно писал и поучал мудрыми словами и духовными советами всех приходящих к нему братий. Многие из них поселились недалеко от каливы, чтобы непрестанно видеть доброе лицо святого и слышать его небесное учение. Так подобно тому, как магнит притягивает железо, так и благодать, являвшаяся в св. Никодиме, притягивала всех.

В этой каливе, по просьбе своего возлюбленного брата во Христе митрополита Коринфского Макария, прибывшего в 1784 году второй раз на Афон, св. Никодим исправил и подготовил к публикации труды св. Симеона Нового Богослова. Кроме того, он написал «Руководство к исповеди» и составил «Богородичник». Затем он подготовил к публикации следующие книги: «Невидимая брань», «Новый Мартирологион» и «Духовные упражнения». Все эти книги исполнены божественной благодати и небесной мудрости. Они учат, как избегатьгреха и искренно каяться. Они также учат отражать дьявольские наветы и учат духовным упражнениям благочестивой жизни.

В это же время, по совету преподававшего в Фессалониках ученого просветителя Афанасия Париоса и по просьбе митрополита Гелиопольского Леонтия, Никодим Святогорец собрал по библиотекам Святого Афона и подготовил к изданию труды св. Григория Паламы. Окончив эту грандиозную работу, результатом которой стали три тома собраний св. Григория, и к которым св. Никодим по своему обыкновению написал много комментариев, он отправил этот великий труд в Вену для издания в типографии братьев Пулиосов. К несчастию, эти драгоценные рукописи были потеряны. Типография была разрушена и разграблена австрийцами из-за напечатанных там революционных прокламаций[43], обращенных к грекам. Среди захваченного и невозвращенного властями были рукописи св. Никодима. Когда Никодим узнал об их потере, он так безутешно рыдал, что больше ни минуты не мог оставаться в своей каливе. Он отправился в келлию своих возлюбленных братиев в Скуртеи и искал у них утешения. О как велика была скорбь блаженного об утрате этих замечательных рукописей: он думал о том, какого блага будут лишены благочестивые христиане из-за этой потери.

После этих событий на Святой Афон приехал иеромонах Агапий Демицанский из Пелопонесса[44]. Св. Никодим договорился с ним совместно подготовить сборник Святых канонов Церкви с толкованиями для наставления и просвещения клириков и всех верующих. И они начали работу. Драгоценная рукопись, которая стала результатом напряженного труда св. Никодима и иеромонаха Агапия, была названа «Педалион» («Кормчая»), поскольку ее предназначением было направлять и вести Церковный корабль. Помимо толкования каждого канона, она содержала огромное количество комментариев и сносок для точного понимания канонического закона и духа Святых канонов.

Сразу по окончании работы св. Никодим послал о. Агапия в Константинополь для получения одобрения этой книги «Великой Церковью Христовой» (Константинопольской Патриархией). Патриарх Неофит послал эту работу для прочтения св. Макарию Коринфскому и Афанасию Париосу. Получив от них положительный отзыв, он вместе с Синодом одобрил эту работу. Через св. Макария патриарх вернул рукопись св. Никодиму. Но сам св. Никодим, будучи крайне бедным, никогда бы не смог опубликовать «Педалион», так же как он не мог публиковать сам и другие свои работы. Тогда афонские монахи начали собирать

[43] Автором прокламаций является либо Ригас Фереос, поэт, борец за освобождение Греции от турецкого ига, либо Наполеон.

[44] Тот же, что Агапий Пелопонесский.

деньги для издания книги и отдали их вместе с рукописью архимандриту Феодориту Иоаннинскому, которого они просили позаботиться о публикации «Педалиона» в Венеции.

Но новая скорбь ожидала св. Никодима. Феодорит произвольно устранил некоторые из его толкований Святых канонов, другие он заменил или добавил свои собственные, поддерживающие ошибочные мнения и взгляды, противоречащие духу нашей Православной Церкви. И таким образом Феодорит испортил книгу св. Никодима в более чем 18 местах. Когда св. Никодим увидел эти искажения, которые наносили вред благочестивым христианам, он сильно огорчился. Он никак не мог успокоиться и со слезами говорил своим братиям в Скуртеи, что «лучше бы Феодорит много раз ударил его ножом в сердце, чем изменил его книгу». Он переживал глубокую скорбь, когда думал о том вреде и смущении, которые вызовут в благочестивых душах инославные учения, содержащиеся в такой канонической книге.

После этого св. Никодим оставался в келлии Скуртеи два месяца, затем поселился вместе со старцем Сильвестром Кесарийским в келлии св. Василия, принадлежащей монастырю Пантократора. Здесь он продолжал духовно подвизаться и занимался своей плодотворной писательской деятельностью. Он написал «Христианскую нравственность», одну из самых назидательных книг, которая исправляет нравы христиан и учит их удерживаться от всяких заблуждений, соблазнов и волхвований.

Через некоторое время он, из-за нетерпеливого характера одного из учеников старца Сильвестра, оставил келлию св. Василия и поступил в монастырь Пантократора. Но любовь к тишине и отшельнической жизни, которой он возвышался до духовного созерцания, не дала ему долго оставаться в монастыре. Он поселился в маленькой, тихой каливе напротив келлии св. Василия. Поддерживаемый своими возлюбленными братиями из Скуртеи, он жил в каливе очень аскетично, как странник на земле и как ангел во плоти.

Аскетическая и ангельская жизнь святого учителя и великого отца Никодима удивляла всех. «Его пища, – говорит его духовный брат Евфимий, – состояла иногда из вареного риса, иногда из меда, разведенного в воде, но обычно из оливок, размоченных бобов и хлеба. Если ему давали рыбу, он отдавал ее кому-нибудь из соседей, кто ее готовил и разделял с ним. Часто его соседи, зная, что он совсем не готовит, приносили ему вареную пищу». Видя ту суровую жизнь, которую он вел и которая была причиной его утомления, поскольку он подвизался духовно и писал многочисленные книги, скуртейские братия часто приглашали его на свою трапезу, чтобы святой мог дать отдых своему изможденному телу. Но даже за трапезой, когда ему задавали вопросы на духовные темы, «он начинал говорить и говорил, забывая о голоде, так что старец скита вынужден был просить его остановить речь и немножко покушать». До такой степени святой был охвачен и вдохновлен Духом Божиим, и его сердце радовалось в познании слова Божия.

В этой каливе он исправил и дополнил «Евхологион» («Молитвослов»), работал над рукописью «Руководства к исповеди» для второго издания, написал толкования на 14 Посланий апостола Павла и 7 Соборных Посланий, перевел и написал комментарии к «Толкованию псалмов» Евфимия Зигабена, и также написал толкования на девять песней канона в книге «Сад благодати». Эти монументальные работы содержат сокровища богословской мысли, нравственности и разные наставления в благочестии. Каждый, кто изучает их, пожинает плоды истинного просвещения и совершенствования жизни.

Но что нам сказать об искушениях, гонениях и клевете, которым подвергался этот великий светильник Церкви? Направляемый Духом Святым, занимаясь внутренним деланием и писанием святых книг, св. Никодим вызывал ненависть и подвергался нападкам как темных, необразованных людей, так и бесплотных врагов. Ничего не скажем о необразованных и темных братиях потому, что святой отец признавал их истинными братиями и великими благодетелями и искренне прощал. А что касается бесплотных врагов, то поскольку они не могли искушать его другим образом, они являлись у окон его келлии, когда он становился на

молитву или писал, и шептались, и шумели. Но, одеянный благодатью Духа Святого, он не обращал на них внимания и часто смеялся над их глупыми, отвратительными действиями. Однажды ночью, когда он был на острове Скиропула, он услыхал шепот у своей каливы, а затем громкий шум. Он подумал, что рядом с каливой обрушилась стена. Но наутро он увидел ее нетронутой.

На Афоне с ним также происходили похожие случаи. Иногда враги постоянно стучали в дверь его каливы. Когда он писал толкования на Псалом 34, 6: «Да будет путь их темен и скользок, и Ангел Господень да преследует их», они устроили такой шум и буйства, что он подумал, что большая армия прошла через его каливу, и что рядом рухнула стена. Но все это было действием злых духов в его воображении, чтобы напугать святого отца. Однако он стал уже настолько мужественным и сильным благодатью Господней, что воспринимал все эти явления и все злобные нападения врагов как детские забавы и «игрушечные стрелы».

Так трижды благословенный и великий Никодим противостоял многим лишениям и разным искушениям и преуспевал в трудной, но имеющей награду борьбе подвижника, в которой он закалялся, как золото в горниле, и его праведность сияла ярче, чем солнце.

В течение последних лет своей земной жизни он постоянно менял место жительства, вероятнее всего для того, чтобы найти лучшие условия, с одной стороны, для писания, а с другой – для изучения рукописей в разных монастырях; но возможно, и для того, чтобы постоянно не беспокоить одних и тех же людей своей очень скромной диетой, а может быть и потому, что его приглашали другие братства Святого Афона. Но и в течение этих лет он продолжал подвизаться так же, как и прежде, что было выше человеческих сил. Он писал и жил во Христе, от Которого получал силу, ибо как говорит апостол Павел, «не я живу, но живет во мне Христос» (Гал. 2, 20).

Слух о добродетелях и мудрости этого великого отца быстро распространялся повсюду, и с духовными нуждами со всех концов Греции к нему приходило бесчисленное множество людей, чтобы найти внутреннее утешение.

Его постоянная и очень плодотворная работа и его стремление направлять на путь спасения не только афонских монахов, но и христиан, приходивших к нему из мира, а также его напряженная духовная брань, молитвы, всенощные, – ослабили его тело и здоровье. Тогда он нашел прибежище в келлии иконописца Киприана. Несмотря на физическую слабость, св. Никодим продолжал свою драгоценную деятельность как добрый поборник правды, день и ночь устремляя свой ум к духовному.

В течение последних лет своей блаженной жизни он написал трехтомник Житий Святых, монументальную богословскую книгу «Геортодромион» с толкованием на праздничные каноны Спасителю и Богородице и книгу «Новая Лествица» с толкованиями на степенны Октоиха. Эти чудесные работы, так сказать, писания от Бога, имеют таинственное благоухание богатой мудрости Святого Духа, той мудрости, живым сокровищем которой и был сам св. Никодим. В конце жизни он написал книгу «Исповедание моей веры», в которой отвергает все нечестивые и необоснованные обвинения, выдвинутые против него некоторыми злобными и завистливыми афонскими монахами.

Кто может описать всю клевету, скорби и искушения, которые переносил св. Никодим в борьбе за истинные традиции нашей Церкви. Он вел эту борьбу мужественно, прилагая все усилия для сохранения и возрождения истинной духовной жизни афонских монахов и всего православного христианства. Именно за это он постоянно подвергался гонениям со стороны лжебратий, которые притворялись благочестивыми. «Устами неправедных, говорящих неправедное с гордостью и презрением», он подвергался жестокой клевете, как и великие отцы Церкви – св. Афанасий, св. Иоанн Златоуст и св. Фотий, которым св. Никодим ревностно подражал и равным которым он был по своим писаниям. Поэтому он написал упомянутое «Исповедание» для усовещания своих братий. Святая община Святой Горы

Афон стремилась защитить праведность великого святого и опубликовала энциклику, резко порицающую тех, кто сеет плевелы в чрезвычайно чувствительную церковную почву.

Вся жизнь св. Никодима прошла в высокой духовной борьбе и писании святых книг. Благодатью Святого Духа было исполнено его чистое сердце, и, принося радость всем, ее щедро источали его уста. Всю свою жизнь св. Никодим имел одну заботу: служить Божественной воле и приносить пользу своим ближним. В этом он уподобился святым прошлого. Он получил талант от Бога и, как благодарный и верный раб, умножил его в десятки тысяч раз. Он жил как ангел, и был святым; он был богословом, мудрым в божественных предметах; он являлся неисчерпаемым сокровищем утешителя, подобным Богу, сияющим благодатью Христа, и был ярким советником людей, от патриарха до простого верующего. Он был прост в обращении и терпелив; он был ласковый и добрый по характеру, нестяжательный, кроткий и смиреннейший. Его смирение было глубоким в слове и деле. Когда бы он ни говорил о себе, он говорил: «Я чудовище, я мертвая собака, я ничтожество, я немудрый и необразованный». Вместо туфлей он всегда носил сандалии. У него была только одна ряса и не было постоянного жилища. Домом боговдохновенного учителя был весь Святой Афон, поэтому его называли Никодимом Святогорцем.

В конце своей земной жизни, сильно ослабев, святой вернулся в келлию своих возлюбленных скуртейских братий, где был окружен заботой и любовью. Близился его исход из этого мира. Его здоровье из-за непомерных трудов было совершенно подорвано, его организм был полностью истощен.

Готовясь расстаться с этой жизнью, святой исповедался, испросил и получил елеосвящение, ежедневно причащался Святых Таинств. 30 июня/13 июля 1809 года ему стало плохо. Почти неслышным голосом, иногда ненадолго прерываясь, он горячо молился Христу. Тем, кто был рядом с ним, он сказал: «Отцы мои, я не могу молиться умом, поэтому я молюсь устами». Он постоянно благодарил братий за все их труды для него.

Ночью его состояние совсем ухудшилось. Он вновь попросил Святого Причастия. Причастившись, он сложил руки и вытянул ноги; он стал тихим и спокойным, но продолжал непрерывно молиться. Когда братия спросили его: «Учитель, ты покоишься?», он ответил: «Я причастился Христу, как же мне не быть в упокоении?»

1/14 июля 1809 года, в возрасте 60 лет, окруженный своими возлюбленными братиями, пребывающий душой в Боге и небесных благословениях, святой Никодим Святогорец предал свою блаженную душу в руки Бога Живого, Которого он возлюбил от юности своей и Которому отдал всего себя.

Святое тело боговдохновенного учителя было похоронено в келлии Скуртеи – там, где он умер. Его святая глава и сейчас хранится там, источая божественное благоухание святости и освящая тех, кто прикладывается к ней с верой.

Кончина св. Никодима исполнила глубокой скорби не только монахов Святого Афона, но и всех благочестивых христиан по всему миру. Все оплакивали уход всеобщего учителя и утешителя. Блаженный Никодим прославлен в лике святых как преподобный, богослов и учитель. И он уже наслаждается вечным блаженством в свете Божественной славы.

Святой Макарий Коринфский

Перевод с английского Лидии Сикорской и Барбары (Варвары) Джонсон по изданию «St.Macarios of Corinth». Первое издание – 1972 г.

Святой Макарий (Нотарос) Коринфский, подобно равноапостольному св. Косме Этолийскому, сыграл значительную роль в духовном возрождении Греции во второй половине ХУШ века. Св. Макарий начал свое служение в 1765 году, через пять лет после начала миссионерства св. Космы. Будучи рукоположен в архиепископа Коринфского, он много потрудился над улучшением церковной ситуации в своей епархии. Подобно св. Косме, св. Макарий видел особую значимость школ в отношении Церкви. До своего рукоположения он шесть лет преподавал бесплатно в коринфской школе, а став архиепископом, построил много школ по всей коринфской провинции. Он также придавал большое значение образованию клириков, посылая их на обучение в монастыри.

Как и св. Косма, он требовал соблюдения традиции Церкви. Так, например, в то время, когда св. Косма в своих миссионерских путешествиях по Греции и Албании убеждал богатых жертвовать деньги для покупки больших крестильных купелей, св. Макарий во всех городах и селах своей епархии установил такие большие купели для того, чтобы Таинство Св. Крещения совершалось по всем правилам, через троекратное погружение. Как и св. Косма, св. Макарий стремился возвратить греков к первоначальной христианской практике и устранить все ложные традиции и вредные нововведения из жизни Церкви.

Св. Макарий был одним из главных представителей колливадского движения, которое объединяло монахов-ревнителей, выступавших за строгое соблюдение Святого Предания. Это движение возниклов ХУШ веке на Святой Горе Афон. В 1754 году монахи Скита св. Анны на пожертвования православных христиан начали строительство «кириакона», т. е. общей церкви. По афонскому обычаю они совершали панихиды по усопшим родственникам этих жертвователей. Сначала монахи служили панихиды по субботам, как это делалось ранее по всему Афону. Но некоторые из монахов для того, чтобы ускорить строительство[45], хотели служить панихиды вместо суббот по воскресеньям. Однако не все согласились. Часть скитских монахов воспротивилась изменению, говоря, что оно является нарушением Святого Предания, восходящего к первохристианским временам, а воскресенье – это день Господнего Воскресения, то есть день радости, и этот день не подходит для совершения панихид, которые связаны со скорбью. Сторонников изменения такие аргументы не убеждали. Они доказывали, что существование панихид частью основывается на Воскресении Христовом, и совершение таких служб не противоречит радостному характеру воскресного дня. Высмеивая своих противников, они называли их «субботниками» и «колливадами»[46]. Этот спор, принимавший опасный характер, распространился на другие афонские скиты. Сторонники новшеств (своего рода «обновленцы») оскорбляли и преследовали традиционалистов.

Вселенские патриархи старались прекратить эту смуту, но безуспешно. В 1772 году патриарх Феодосий II в ответ на письмо афонских монахов заявил: «Тот, кто совершает панихиды по субботам, поступает хорошо, поскольку держится древней традиции Церкви, но и тот, кто совершает их по воскресеньям, не согрешает». Этот ответ должен был восстановить мир среди монахов. Однако спор не прекратился. Через год патриарх Самуил Хатзерис в письме от имени Синода указал: «Монахи, подвизающиеся в келлиях и скитах, подчиняющихся монастырям, должны следовать безоговорочно Типикону и обычаям этих монасты-

[45] По-видимому, они хотели работать на строительстве и по субботним дням.

[46] «Κολλιβα» – это вареная пшеница, которая предлагается по окончании панихид от имени усопшего, подобно русской «кутье».

рей в отношении служения панихид». Но борьба продолжалась. По вопросу служения панихид собиралось два Собора, один на Афоне в 1774 году, другой в Константинополе в 1776 году. Первый Собор анафематствовал тех, кто не принял решение Патриархии, в то время как второй объявил, что «панихиды могут совершаться и по субботам, и по воскресеньям».

Спор продолжался вплоть до греческой революции (1821 г.). Он достиг Константинополя и разделил фанариотскую[47] аристократию на два враждующих лагеря. В 1819 году Вселенский патриарх Григорий V постановил: «Для того, чтобы совершенно прекратить давнишний спор, панихиды должны служиться без различия по воскресеньям или субботам, а также по другим дням недели».

Когда нарастала новая волна недовольства против колливадского движения, св. Макарий был на Афоне. В ответ на вопрос сторонников новой («обновленческой») практики он ясно дал понять, что не одобряет их нововведение («обновление»): «Я лично никогда не служил и не буду служить панихиды по усопшим по воскресеньям». После этого недвусмысленного ответа св. Макарию начали угрожать. Он был очень огорчен этим и покинул Афон, уехав на остров Хиос.

Почти одновременно со спором о служении панихид возник и спор о том, как часто следует причащаться Святых Таинств. Одни считали, что Святое Причастие следует принимать на каждой литургии, если, конечно, человек не находится под епитимией. Другие считали, что причащаться нужно редко, несколько раз в год. В большинстве своем колливады были сторонниками частого причащения. Книга св. Макария «О постоянном Причащении Божественных Таинств», изданная в 1783 году, сыграла главную роль в решении этого вопроса. Эта книга является значительно увеличенной и измененной версией книги Неофита Капсокаливита «Руководство неизвестного автора, доказывающее, что христиане имеют своим долгом причащаться Божественных Таинств гораздо чаще», опубликованной тремя годами ранее. Несмотря на то, что книга «О постоянном Причащении…» была издана без указания автора, Афанасий Париос, составитель жития св. Макария, именно его называет автором книги. Окончательно отредактировал книгу св. Макария св. Никодим Святогорец.

Книга «О постоянном Причащении.» имеет особую направленность против практики редкого причащения (2–3 раза в год) и осуждает ее как злое новшество. В своей книге св. Макарий дает подробное толкование Иисусовой молитвы, объясняя необходимость для православных частого причащения Тела и Крови Христовых, и подчеркивает, что непринятие Таинств приносит большое зло человеку. Св. Макарий приводит также 13 доводов сторонников редкого причащения и свои ответы на эти доводы, основываясь на Святом Писании, на Святых канонах и трудах святых отцов. Его книга вызвала бурю негодования среди противников колливадского движения на Афоне. Они написали письмо, исполненное обвинений, и вместе с книгой св. Макария послали Вселенскому патриарху. В результате последовало поспешное осуждение книги. Однако позже, в 1789 году, при новом патриархе книга была признана каноничной и полезной для всех христиан.

Следует отметить, что спор о Святом Причащении возник до появления книги о причащении св. Макария. В 1775 году Вселенский патриарх Феодосий старался примирить враждующие стороны. Он написал монахам на Афон, что первые христиане причащались каждое воскресенье, а в последующее время христиане причащались каждые 40 дней, после исповеди. Патриарх советовал тем, кто чувствует себя подготовленным, следовать примеру первых. А тем, кто не готов, следовать примеру последних. Но это послание не прекратило спор. Так же, как и спор о панихидах, он продолжался до начала XIX века. В 1819 году патриарх Григорий V написал афонским монахам, что причащение должно происходить не в опреде-

[47] Фанар – богатый греческий район в Константинополе, где располагалась Константинопольская Патриархия.

ленные промежутки времени, но в любой момент. Когда человек чувствует себя готовым, после исповеди и необходимых приготовлений.

Эти два спора свидетельствовали о пробуждении во второй половине XVIII века религиозного сознания у многих греков. В своем «Исповедании веры» св. Никодим Святогорец указывает, что Церковь имеет два вида духовной дисциплины: строгость (акривия) и домостроительство (икономия), или снисходительность (синкатабасис), и что, когда патриарх Софроний издал указ о возможном совершении панихид и по субботам и по воскресеньям, он использовал икономию для того, чтобы прекратить смуту на Святом Афоне.

Другая важная сторона колливадского движения – это возрождение православной мистико-созерцательной традиции (исихазма). После триумфа исихазма на Соборах в Святой Софии в середине XIV века и канонизации великого апологета исихазма Григория Паламы постепенно исихазм был предан забвению. Возрожден он был колливадами. Великую роль в этом возрождении сыграло «Добротолюбие» («Φιλοκαλια») – монументальная антология аскетически-созерцательных трудов тридцати греческих святых отцов, составленная и изданная двумя великими святыми Макарием Коринфским и Никодимом Святогорцем.

В 1777 году св. Макарий передал собранные им рукописи св. Никодиму. Св. Никодим отредактировал рукописи, написал введение и краткие биографии авторов – святых отцов, и по завершении работы «Добротолюбие» было опубликовано в Венеции в 1782 году.

Эта книга оказала глубокое влияние на другого выдающегося представителя колливадского движения Афанасия Париоса, который был рукоположен в иеромонаха на Афоне св. Макарием Коринфским. Афанасий был великим просветителем, замечательным богословом и плодотворным писателем. Он преподавал в Афонской академии, потом в фессалоникийской школе и в гимназии на Хиосе. Так на протяжении четверти века он служил великому делу образования и просвещения своих современников. Подобно св. Макарию и св. Никодиму, Афанасий принадлежал аскетико-созерцательной традиции Православной Церкви. В жизнеописании св. Макария Афанасий называет «Добротолюбие» поучительнейшей книгой. Интерес Афанасия к св. Григорию Паламе явился следствием внимательного изучения «Добротолюбия» и бесед со св. Макарием. Афанасий составил службу в честь св. Григория и опубликовал ее вместе с житием этого святого, написанным патриархом Филофеем.

Стремление св. Макария возродить аскетико-созерцательную традицию Церкви сыграло важную роль в появлении другой великой духовной книги – «Сохранившиеся труды св. Симеона Нового Богослова». В 1784 году св. Макарий просил св. Никодима подготовить книгу к печати. В 1790 году эта книга была опубликована в Венеции.

Противники колливадского движения не прекращали гонений против колливадов. В результате этих гонений многие колливады покинули Афон и разъехались по всей Греции. Они основывали монастыри, которые становились центрами духовности и образцами истинной христианской жизни. Они будили религиозное сознание своими проповедями и личными примером. Афанасий Париос, например, воспитал целую плеяду учеников, которые приехали обучаться к нему со всей Греции и из других мест: Константинополя, Египта,

Палестины, Сирии и Армении. Многие из этих учеников сами стали учителями. Возвратившись в свои родные места, они несли свет Православия, который приняли от своего учителя. Другие колливады, нашедшие прибежище на островах Эгейского моря, также сыграли свою роль в жизни многих христиан, в том числе и св. Никодима. Так монахи-колливады Арсений, Григорий и Нифон, с которыми св. Никодим познакомился на своем родном острове Наксосе, способствовали его решению принять монашество.

Враждебность противников колливадского движения со временем заставила и св. Макария покинуть Святую Гору Афон. Он перебрался на остров Хиос, затем недолгое время он проживал на Патмосе вместе с группой колливадов. Последние 15 лет своей жизни он

провел на Хиосе в уединении, ведя строгую аскетическую жизнь, занимаясь умной молитвой и писанием духовных книг и наставляя многих людей в истинной вере. Так же как и св. Косма, св. Макарий всеми силами заботился о ближних, и его труды в публикации книг, в проповеди, наставлениях и помощи нуждающимся имели своей конечной целью спасение душ человеческих.

Следует сказать несколько слов о других книгах св. Макария. «Евергетинос», рукописное собрание учений нескольких сотен святых отцов, находился в монастыре Кутлумуш. Св. Макарий просил св. Никодима подготовить эту рукопись к публикации. Кроме того, св. Макарий вдохновил св. Никодима на создание книги «Новый Мартирологион» (Μαρτυρολογιον).Возможно, именно св. Макарий передал св. Никодиму большинство материалов о новых мучениках, которые он собирал в своих путешествиях. Эта книга «Новый Мартирологион» вдохновила на подвиг мученичества многих христиан, современников св. Макария. О них он написал книгу «Новый Лимонарион» («Новый луг духовный»). Св. Макарий также включил в «Новый Лимонарион» переведенные им на современный греческий язык жития древних мучеников. Святой закончил эту работу за несколько месяцев до своей смерти. Его близкий друг Никифор Хиосский подготовил эту книгу к печати и опубликовал ее в Венеции в 1819 году.

Св. Макарий, по утверждению Афанасия Париоса, написал много других книг. Однако нам известны только упомянутые выше. Остальные, опубликованные без указания автора, остались для нас неизвестны.

Св. Макарий сыграл важную роль в писательской судьбе многих греческих богословов. Св. Макарий был не только великим хранителем традиции Церкви, просветителем и духовным наставником людей, но и великим подвижником, стремившимся достигнуть очищения своей души и единения с Богом. «Через великий подвиг и аскетическое делание, – отмечает его жизнеописатель Афанасий Париос, – он уподобился Богу и был охвачен огнем Божественной любви».

Св. Макарий был человеком великого смирения. Он являл собой великолепный пример священнослужителя и, как говорил один из его современников: «Если стремишься увидеть первохристианского епископа Церкви, как св. Василий, соблюдающего простоту жизни и скромность облачения, то увидишь в св. Макарии точное его подобие».

Св. Макарий многими был признан святым еще при жизни. День его памяти – 17 апреля – радостно празднуется по всей Греции, особенно в Коринфе, на Афоне и на островах Хиос, Икария, Патмос.

Житие святого Макария Коринфского

Составил Афанасий Париос, его друг (в кратком изложении К.Каварноса) *1863 г., Хиос*

Коринф – древнейший и знаменитый город Пелопонесса. Хорошо известно, что апостол Павел написал два Послания к Коринфянам, исполненные Божественной мудрости, наставлял их и привел их от ложного идолопоклонничества к познанию Единого Истинного Бога.

Св. Макарий родился и вырос в этом городе. Он происходил из аристократической семьи, принадлежащей к блистательному древнему роду византийских сенаторов Нотаросов. Св. Герасим Кефалонийский, слава и похвала всех православных христиан, просиявший и продолжающий сиять своими бесчисленными чудесами, также принадлежал этому роду.

Родители св. Макария, благочестивейшие Георгий и Анастасия, оба занимали первое место в Коринфе благодаря своему происхождению и богатству. У них было много детей. В 1731 году родился св. Макарий, названный в святом крещении Михаил. Его крестным отцом был архиепископ Коринфский Парфений.

Когда мальчик достиг школьного возраста, его отдали на обучение церковной грамоте Евстафию на Кефалонию. С ранних лет Михаил проявлял стремление только к духовному. Его не занимало ничто мирское. Он жил очень благочестиво. Стремился посещать церковные службы и избегал компании юнцов и мирской суеты.

При помощи отца, который был влиятельным политиком, Михаил стал управляющим несколькими деревнями. Отец хотел, чтобы сын смог таким образом разбогатеть. Однако Михаил раздавал немалые суммы денег нуждающимся, и отец часто бранил его. В конце концов Михаил решил оставить все мирское и стать монахом. Он тайно убежал в Мега Спилион («Большая Пещера»), знаменитый монастырь на Пелопоннессе. Здесь он слезно просил монахов исполнить его желание. Но, поскольку он пришел без разрешения своего могущественного отца, они отказали. И, действительно, через несколько дней, узнав, что Михаил в монастыре, отец приказал вернуть его домой, даже против его воли.

Вернувшись в родительский дом, Михаил занялся чтением и изучением Божественного Писания и других духовных книг. Позже, поскольку школа Коринфа не имела учителя, он вызвался обучать детей. Так он проработал шесть лет без всякой платы.

В 1764 году, когда архиепископ Коринфа умер, все жители Коринфской области, духовенство и миряне, богатые и бедные, старые и молодые, единогласно избрали благочестивого Михаила кандидатом на епископство. (После того, как он был избран кандидатом, он был пострижен в монашество с именем Макарий). Так, снабженный просительными рекомендательными письмами, в сопровождении знатных людей, он отправился в Константинополь и предстал пред Священным Синодом. Патриархом в это время был Самуил I Хаизерис. В Константинополе Макарий был рукоположен в архиепископа Коринфского.

Когда он вернулся в вверенную ему Богом епархию, он увидел, как велика к нему любовь: все христиане этой области праздновали день его возвращения, ликуя, прославляя Бога за то, что Он услышал их молитвы и даровал им такого доброго пастыря. И действительно, они не ошиблись в своих ожиданиях. Ибо как в раннем детстве св. Макарий проявлял знаки величия своей души и ревности ко всему доброму, так и теперь, когда он стал епископом, он подтвердил все это делами. Подобно св. Григорию Богослову, он считал, что получилсан епископа не как бесконтрольную власть и средство наслаждения и стяжания богатства, но как отеческую заботу о безопасности и спасении своего духовного стада, за которое он будет отвечать высшему Пастырю, Господу и Богу всех.

С такими мыслями он, как верный и благоразумный правитель, начал насыщать духовной пищей Божественного слова алчущие души. Он проповедовал в святых церквах с великой любовью, добротой и смирением. До того времени в результате либо небрежения, либо необразованности его предшественников, вся его епархия была исполнена беспорядка и беззакония, и церковное общество пребывало в испорченном состоянии. Св. Макарий, подобно новому Зоровавелю[48], принялся с великой ревностью и усердием восстанавливать церковную жизнь, освобождая ее от всякой испорченности. Прежде всего он уволил на покой всех недостаточно образованных священников, а также тех, кто был не в состоянии достойно совершать священническое служение из-за преклонного возраста. Затем он запретил всем священникам принимать участие в политике, ибо в то время во многих местах существовал дурной обычай, когда одни и те же лица были священниками и «ходжамбасидесами»[49]. Тех, кто не подчинялся этому установлению, он запрещал в священнослужении. При рукоположении священников он строго соблюдал Апостольские и Соборные правила. Он никогда не рукополагал за деньги ни священников, ни других причетников. Он возводил в духовный сан только того, кто был достоин по дару Духа Святого. Более того, он не рукополагал никого, кто не достиг соответствующего возраста, несмотря на то что в его епархии была нужда в священниках. Проверяя тех, кто хотел стать священниками, он посылал всех, кто был недостаточно подготовлен, в монастыри, чтобы они могли там потратить на образование и подготовку деньги, которые прежде они бы отдали за рукоположение. Он не рукополагал также диаконов во священников, не обучив их прежде всего правильному совершению всех церковных служб, и раздавалвсем клирикам Катехизис для изучения. Во всех городах и деревнях своей области он поставил большие крестильные купели для того, чтобы Святое Крещение совершалось по всем правилам нашей Святой Православной Церкви. Святой иерарх совершил множество других поучительных и спасительных дел. Он строил школы по всей своей епархии и богоугодно, с отеческой заботой пас свое словесное стадо.

Но вот в 1768 году, во времена правления султана Мустафы, началась война между русскими и турками, и русский флот появился около Пелопонесса. Отец св. Макария, предвидя и опасаясь трагических последствий, взял его и всю семью и направился на остров Закинф. На пути они столкнулись с пиратами, которые отняли у них все, что они имели, к счастью не лишив никого из них жизни. Так после многих страданий они приехали на Закинф. Обитатели острова приняли их с добротой и сочувствием и обеспечили их одеждой и пищей. Они оказали особую честь св. Макарию, которого почитали как нового апостола Христова.

Позже Макарий поехал на остров Кефалонию для того, чтобы приложиться к мощам св. Герасима. Через три месяца он вернулся на Закинф и прожил там еще три года. Затем он отправился на остров Гидру, где оставался в монастыре Пресвятой Богородицы до тех пор, пока в 1774 году не был восстановлен мир между русскими и турками.

В это время Константинопольский Синод рукоположил нового архиепископа Коринфского[50]. Но чтобы смягчить скорбь св. Макария, Синод позволил ему беспрепятственно служить как епископу, где бы он ни находился.

Через год св. Макарий поехал на Хиос. Оттуда вскоре он отправился на Святой Афон, куда давно стремился попасть. Однако он не нашел на Афоне спокойной духовной гавани

---

[48] Зоровавель – *ветх.,* под его руководством иудеи восстанавливали Храм в Иерусалиме после вавилонского пленения.

[49] «Ходжамбасидес» – слово турецкого происхождения, которое обозначало глав общин или советов старейшин. Главной обязанностью их было представительство пред турецкими властями.

[50] Как указывают другие авторы, не только Макарий, но и другие пелопонесские епископы были заменены в то время по приказанию султана. Вслед за началом русско-турецкой войны, греки на Пелопоннессе, побуждаемые Россией, восстали против турок. Турки сразу же заподозрили пелопонесских епископов в подстрекательстве к восстанию. Эти подозрения в отношении Макария были необоснованны, поскольку он запрещал клирикам своей епархии участвовать в политике и сам всю жизнь был занят исключительно духовными делами. Лишая его епархии, Вселенский патриарх решил назначить ему годовое содержание в 100 грассий.

спасения. Напротив, его встретило бушующее море. Сразу же к нему обратились те, кто совершал панихиды по воскресеньям, и спросили его, одобряет ли он их практику. Он ответил отрицательно. Когда же в монастыре Кутлумуш умер бывший патриарх Александрийский Матфей, и св. Макарий был приглашен отслужить панихиду по нему на сороковой день, который приходился на воскресенье, он не только отказался служить, но написал приближенным усопшего патриарха следующее: «Почему вы предпочитаете служить панихиды в воскресенье и пропускаете другие дни недели, и таким образом нарушаете правила и постановления Церкви, запрещающие это делать? Я никогда не совершал и никогда не буду совершать панихиды по усопшим в воскресенье». После этого приближенные усопшего патриарха стали угрожать ему и послали его письмо ко Вселенскому патриарху.

Огорченный всем этим, св. Макарий покинул Афон и вернулся на Хиос. Отсюда он направился на Патмос, где познакомился и подружился со святыми отцами Нифоном Хиосским, Григорием Нисиросским и Афанасием Армянским. Все они также покинули Святой Афон несколькими годами ранее из-за скандалов, связанных с панихидами.

Через год отец св. Макария умер. По просьбе своих братьев св. Макарий приехал на Гидру, и вместе они направились в Коринф. Здесь они мирно разделили отцовское наследство под присмотром св. Макария. Он отдал братьям полностью свою долю, и после этого попросил их принести ему записи всех должников отца. Эти записи он бросил в огонь, освободив таким образом огромное количество народа от долгов. Целые семьи должников восхваляли своего благодетеля св. Макария и называли его святым.

После этого св. Макарий вернулся на Хиос. Здесь он получил рекомендательные письма и отправился с ними в Смирну, чтобы встретиться с Иоанном Маврогордатосом. Последний, наслышанный о св. Макарии, принял его с уважением и почтением, как человека Божиего. Он не только с радостью оказал гостеприимство св. Макарию в своем доме, но также дал ему деньги на публикацию святого «Добротолюбия», замечательной духовной книги. Под воздействием учения св. Макария, Иоанн превратил свой дом в святое жилище, где постоянно служились вечерни и утрени и строго соблюдались все посты.

Теперь св. Макарий очень хотел опубликовать другую книгу – «Евергетинос». Нашелся благодетель, пожертвовавший деньги на издание и этой поучительной книги. Им был Иоанн Каннас.

Позже св. Макарий вернулся на Хиос, желая провести остаток своей жизни в пустыни (исихастерионе), занимаясь духовным деланием. Он купил у города Хиос пустынь св. Петра в северной части острова и поселился там со своим хиосским учеником Иаковом. Этот монах служил св. Макарию до самой его святой кончины.

В то же время хиосский иеромонах Нифон, с которым св. Макарий познакомился раньше, вместе с несколькими монахами поехал на остров Икарию. Там они попытались построить для себя монастырь. Но у них не хватало денег. Св. Макарий помог им через пожертвования благотворителей Смирны и Хиоса. Благодаря этой помощи на острове был построен небольшой общежительный монастырь. Св. Макарий ездил туда и жил там некоторое время со святыми отцами, его друзьями. Затем он вернулся в свою пустынь на Хиосе. Благодатная природа этого места очень благотворно действовала на него, особенно ввиду его слабого здоровья, из-за которого он прежде постоянно страдал. Живя в пустыни, он чувствовал себя хорошо и, будучи вдали от шумных городов и мирской суеты, наслаждался тишиной.

Как писал один из древних отцов Церкви: «Святые люди Божии, опасаясь вреда от суеты и высокомерия, стремятся любым способом скрыть свои добродетели от глаз людских. Поэтому мы можем узнать только те их достижения, которые Бог показывает для пользы других, или которые становятся известными позже благодаря их ученикам». Это истина. Мы можем это сказать и о св. Макарии. Только Бог Всеведущий видел и знал его борьбу и

духовные подвиги в пустыни, ибо, стремясь угодить только Ему, св. Макарий скрывал их более тщательно, чем порочный человек скрывает свои преступления. Поэтому мы пишем здесь о св. Макарии только то, что многие точно узнали, и что знает каждый современный житель Хиоса: о его постоянных продолжительных постах, помимо канонических, которые он соблюдал с большой строгостью, как и догматы веры, нисколько не сомневаясь в том, что Святые каноны – установления не человеческие, но Святого Духа. Он был совершенно не похож на сегодняшних христиан, которые проявляют безразличие и презрение к Святым канонам, считая их учением простолюдинов, а не написанными по рассуждению и вдохновению Духа Святого, постоянно бесстыдно нарушая их, вкушая рыбу и мясо и говоря при этом, что Бог нигде не заповедал человеку поститься.

Св. Макарий, соблюдавший и канонические и дополнительные посты, которые он наложил на себя, считал вино и масло двумя главными врагами, утверждал, что они вредят здоровью, и вкушал их только в субботу и воскресенье. В другие дни он ел овощи и ζιμαρικα (мучные изделия, типа макарон), сваренные в воде. О постах, всенощных, поклонах и непрестанных молитвах св. Макария мы точно знаем по рассказам многих людей, особенно его ученика Иакова. И нет никаких сомнений, что св. Макарий такой подвижнической жизнью достиг подобия Божиего и возгорелся огнем Божественной любви. Доказательством этого являются чудесные дела Божественной благодати, которые и сегодня совершаются через обращение к нему. Таким образом, подвиги св. Макария, невидимые многим при его жизни, подтверждаются теперь событиями, которые очевидны и известны для всех. И как пишет святой отец Исаак Сирин: «Невозможно для тех, кто неустанно ведет такой образ жизни, остаться без великих даров Божиих, поскольку они приобрели внутреннее внимание, трезвение сердца и свободу от попечения о мирских делах. Душа, которая трудится и совершает восхождение в ее стремлении к Богу, приобретает херувимские очи, которыми созерцает вечно небесное». Итак, согласно словам божественного учителя св. Исаака, св. Макарий своими божественными дарами и своей чистой молитвой явил себя истинным равноангельным созерцателем небесного.

Святые отцы учат, что молитва – это беседа с Богом. Все, кто слышал св. Макария в церкви, читающего псалмы и Святое Евангелие, исповедуют, что его чтение было действительно беседой с Богом. Непрерывное, тихое, спокойное, оно несомненно достигало слуха Господа Саваофа. Если мы признаем это о его чтении и молитве в церкви, то насколько должна была быть выше его келейная молитва, более духовная, отрешенная от всего материального и человеческого. Несомненно, в это время его ум был всецело направлен к Богу, и слуха Божиего достигало не только то, что исходило из уст св. Макария, но и все его благоговейные и прекрасные мысли.

Все это хорошо и достойно похвалы. Но это следствие заботы о собственном спасении и еще не доказывает любви к ближнему, без которой, как говорит божественный апостол Павел, все бесполезно и напрасно. Господь дает нам в Евангелии понятие такой любви: «Возлюби ближнего своего, как самого себя» (Мф. 19, 19). И боговдохновенный Макарий исполнил свой долг к ближнему. Он постоянно повторял слова Апостола язычников: «Богу бо есмы споспешницы» (1 Кор. 3, 9), означающие, что мы должны помогать нашим братьям всеми силами в спасении их душ. Поэтому он стремился принести пользу всем христианам и уготовить им пути к Царствию Небесному своими отеческими советами, наставлениями и поучительными книгами. Так, Феодор Византийский, Димитрий Пелопонесский и многие другие были вдохновлены на мученичество, прочитав составленную св. Макарием книгу «Мартирологион» о духовных подвигах мучеников. И мы слышали, что мирянин из Эноса сказал, что он внимательно дважды прочитал «Добротолюбие» и намеревается изучить его и третий раз.

Как велико было желание св. Макария к спасению всех христиан, показывает следующее: прочитав небольшую книгу «Христианская апология» и будучи взволнован ею, он собрал 500 медных монет, чтобы вновь напечатать эту поучительную книгу.

Нужно добавить, что св. Макарий, пребывая в монашеском уединении в пустыни св. Петра, постоянно проповедовал прихожанам церкви св. Петра, а также всем тем, кто собирался из других мест в эту церковь на Божественную литургию. Во время постов он посещал другие церкви в округе, где проповедовал слово Божие спокойно и кротко, подобно апостолам, строгим последователем которых он был. Несомненно, его проповеди были плодотворны. Во-первых, его слушатели видели пред собой епископа Коринфа, облаченного в очень бедные ризы и обращающегося к ним со смирением. Во-вторых, вместо того, чтобы получать деньги за свои труды, он предлагал денежную помощь нуждающимся: одному для оплаты долгов, другому на свадьбу дочери и многим другим на иные нужды. Следующий случай являет плодотворность проповедей и учения святого: одна женщина из соседней деревни нашла три фунта шелка и искала того, кто их потерял, чтобы вернуть. Тем, кто удивлялся, она говорила: «Как могу я оставить этот шелк, когда блаженный ни за что не позволит нам это сделать?» Когда ее спрашивали, кто этот блаженный, она отвечала: «Архиепископ Коринфский. Он учил нас, что если мы найдем что-то, принадлежащее другому, мы обязаны вернуть это потерявшему, иначе мы согрешим. И более того, мы не должны просить вознаграждение за возвращение потери».

Однако эта великая любовь св. Макария к ближним, его сочувствие к их нуждам начали немало нарушать его покой, особенно когда к нему стали приходить по советам друзей нуждающиеся не только из близлежащих мест, но и из дальних районов. И поскольку некоторым из них требовалась значительная помощь, святой отец был вынужден обращаться к зажиточным людям за милостыней для нуждающихся. Поскольку он не хотел досаждать другим, но и не мог отпускать с пустыми руками тех, кто приходил к нему за помощью, он вынужден был на время уехать с острова Хиос на остров Патмос.

Скажем теперь еще несколько слов о его публикациях. Книга св. Макария «О постоянном Причащении Божественных Таинств» содержит в себе ни что иное, как высказывания из Евангелия и Деяний Апостольских, канонов Апостолов и Соборов, высказывания святых Отцов и объяснения их на современном греческом языке. Все они содержат единое учение о том, что частое Причащение Божественных Таинств свято и ведет ко спасению. Таким образом, эта книга является вполне законной и каноничной. Но на некоторое время несправедливость и злоба взяли верх. Так, один неумный афонский монах после прочтения этой книги послал ее Вселенскому патриарху в Константинополь, написав о ней сколько мог плохого. Прокопий Пелопонесский, прежде епископ Смирны, был возведен в то время на патриарший престол. Рассерженный обвинениями, он от имени Синода осудил книгу св. Макария как неканоничную и вредную и пригрозил наложением суровой епитимии на тех, кто дерзнет ее читать. Монахи Святого Афона всеми силами боролись за то, чтобы решение патриарха было пересмотрено, однако безуспешно. Позже, когда патриархом стал Неофит из Смирны (в 1789 г.), близкий друг св. Макария, он отменил решение своего предшественника в отношении книги и послал святому следующее письмо:

«Святейший митрополит, бывший Коринфский, возлюбленный во Святом Духе брат и сотаинник Макарий, благодать на твое епископство и мир от Бога! О твоей работе «О постоянном Причащении Святых Таинств», которую ты напечатал, мы сообщаем, что она была рассмотрена Синодом, внимательно исследована и одобрена. Она является экклезиологически законной и не содержит ничего, что препятствует христианину быть достойным через покаяние и истинное исповедание причаститься Пречистых и Страшных Таинств Христовых. Твоя названная книга одобрена Синодом как поучительная и ведущая ко спасению. И

все, кто желает приобрести и читать ее, свободны это сделать и должны быть направляемы своими духовниками по любым возникающим вопросам.

По причине распространяемых слухов о том, что был издан церковный указ, осуждающий эту твою работу, из-за чего благочестивые христиане избегают ее чтения, мы написали настоящее письмо и, по изволению Духа Святого, издали указ, отменяющий прежний, о том, что все христиане, которые прочитали, читают или будут читать эту твою книгу, именно «О постоянном Причащениии Святых Таинств», прощены и благословенны Всесильным Господом и освобождены от всех церковных епитимий и проклятий, и имеют благословение всех святых и боговдохновенных отцов Церкви. Теперь, зная это, оставь всякое предубеждение к своей работе, за которую ты удостоишься награды от бога. Да будут Его благодать всегда с твоей святостью».

Хотя св. Макарий издал много поучительных книг, эта книга «О постоянном Причащении…», написанная им с великим усердием, может справедливо быть названа источником Жизни Вечной.

Это все, что мы хотели сказать о публикациях нашего святого отца. Теперь поговорим о его других благочестивых делах. На поприще Христовом, то есть в мученичестве, Иисус Христос Сам является Судией и подает венцы. Борец – это тот, кто страдает и умирает ради славы Христовой, а его противник – дьявол с его орудиями, врагами и гонителями святой христианской веры. Истинно, что борцы не выходят на арену мученичества, не имея силы духа. Но как говорит Господь: «Дух убо бодр, плоть же немощна» (Мф. 26, 41). Григорий Богослов утверждает, что немалую смелость приносят слова поддержки душам тех, кто избрал мученические страдания. Каждый обязан оказывать эту поддержку. И св. Макарий именно это и делал. Исполняя евангельскую заповедь: «И грядущаго ко Мне не изжену вон» (Ин. 6, 37), он с готовностью принимал всех и не только подбадривал словами, но и оставлял у себя в пустыни на много дней тех, кто нуждался в дальнейшей подготовке, научая их и укрепляя постами и молитвами. Среди тех, в душах которых св. Макарий зажег огонь Божественной любви, особенно выделяется Полидор Киприот (принял мученичество от рук турок 3 сентября 1794 года в Новом Ефесе). Он на деле выказал добрые изменения, произошедшие в нем. Так, однажды вечером он стоял у дверей гостиницы и громко возглашал: «Господь благословит тебя за все доброе, что ты мне сделал».

Другой раз, когда о. Иаков звал Полидора на ужин, то увидел его в отдаленном месте плачущим и рыдающим. Он рассказал об этом св. Макарию, и святой сказал: «Пусть он плачет, ибо плач дорог для Бога и ведет ко спасению».

Такое же влияние св. Макарий оказал на душу Феодора Византийского. Феодор прежде страшился смерти, но благодаря св. Макарию он преодолел свое малодушие и смело устремился навстречу смерти ради Христа (он происходил из местечка Неохори (пригород Константинополя, в античные времена именовавшегося Византием), и был повешен турками 17 февраля 1795 года в Митилене).

Также св. Макарий повлиял на незрелую, необразованную душу Димитрия Пелопонесского. Когда Димитрия вели на казнь, он, обратившись к небу, воскликнул: «Благодарю Тебя, Господь Иисус Христос, что удостоил меня недостойного этой блаженной минуты мученичества» (он был обезглавлен в Триполисе Пелопонесском 13 апреля 1803 года).

Мы думаем, что вправе утверждать, что св. Макарий, этот наставник славных мучеников, по сути и сам принадлежит им. Св. Василий Великий называет мучеников святыми. Поэтому наш святой Макарий, много дней и ночей наставлявший и укреплявший тех, кто должен был выйти на арену мученичества, святой, который зажег в их сердцах огонь любви ко Христу и желание пострадать ради Него, еще более достоин считаться равным мученикам. И как праведный венец был возложен на головы мучеников, потому что они, по слову апостола Павла, окончили борьбу и сохранили веру, так и праведный венец был возложен на

главу св. Макария, который своими наставлениями и ревностью в слове и в деле был вместе с ними, их соратником и помощником.

Но пришло время, когда этот божественный отец должен был отдать общий для всех, неизбежный долг естества. Как только он закончил собрание житий святых подвижников и мучеников, древних и современных, которое озаглавил «Новый Лимонарион», он начал заботиться об издании этой книги. Однако внезапно его разбил апоплексический удар, и вся правая половина его тела была парализована. Его добрая и благодетельная рука перестала двигаться.

Так страдая и сплетая свой венец в терпении, он благодарил благоволящего Бога и непрестанно плакал, говоря, что Бог наказал за грехи и он все еще не покаялся. Мы пришли к нему однажды и увидели его плачущим и причитающим, что он, будучи наказан Богом, не может раскаяться. Мы сказали ему: «Досточтимый отец, это правда, что ты не каешься, ибо твоя совесть не может осудить тебя за нарушение Божественных заповедей, поскольку ты хранил их всю свою жизнь». Но все равно слезы рекой изливались из его глаз. И так было на протяжении всех восьми месяцев с 1 сентября до 17 апреля – дня, который стал последним днем его земной жизни.

В это время христиане всех возрастов и сословий приходили к нему, чтобы получить его святое благословение. Он исповедовался и причащался Святых Таинств ежедневно. Его близкий друг, святейший Нил Калогномос, пребывал рядом с ним, беседуя и утешая. Они вместе размышляли, философствовали о духовном и созерцательном, поскольку разум св. Макария оставался неповрежденным до последнего дыхания святого.

4/17 апреля 1795 года св. Макарий предал дух в руце Божии и вошел в лик святителей, мучеников, подвижников и святых.

Его тело было погребено с южной стороны церкви св. Петра. То, что он желал и предсказал, исполнилось. Когда за два года до кончины св. Макария его келейник Иаков заболел и был уже на пороге смерти, братия спросили св. Макария, где бы он хотел, чтобы они выкопали могилу для Иакова. Когда святой услышал это, он был глубоко тронут и сказал: «Я хочу, чтобы сначала была выкопана могила для меня, а потом для этого доброго старца».

Так и произошло. Только после того, как состоялось перенесение святых мощей Макария, его ученик Иаков умер и был похоронен в той же самой могиле.

Всемогущая и всесозидающая благодать Святого Духа, явленная в великих чудесах св. Макария, подтверждает, что он угодил Богу и достиг святости. Пусть никто не сомневается в реальности этих чудес, ибо рассказы о них записаны не в каких-то дальних и чужих странах, но в самом городе Хиосе при жизни тех, кто страдал смертельно и неисцелимо, но был исцелен, обратившись к святому с верой, и кто исповедал и возгласил об этих исцелениях во всеуслышание.